ТУРГЕНЕВСКИЙ СБОРНИК II

ТУРГЕНЕВСКИЙ СБОРНИК

МАТЕРИАЛЫ
К ПОЛНОМУ СОБРАНИЮ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
И. С. ТУРГЕНЕВА

II

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТУРГЕНЕВСКИЙ СБОРНИК

МАТЕРИАЛЫ
К ПОЛНОМУ СОБРАНИЮ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
И. С. ТУРГЕНЕВА

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД
1966

Члены редколлегии:

А. С. Бушмин, Н. В. Измайлов, Ю. Г. Оксман

Редакторы II сборника:

Н. В. ИЗМАЙЛОВ, Л. Н. НАЗАРОВА

7-2-2
353-66

Академику

МИХАИЛУ ПАВЛОВИЧУ

АЛЕКСЕЕВУ

к семидесятилетию

со дня его рождения

5 июня 1966 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй «Тургеневский сборник» преследует те же научно-публикаторские, исследовательские и справочные цели и построен по тому же общему плану, что и первый сборник (см.: Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева, I. Изд. «Наука», М.—Л., 1964, стр. 3—7. — Предисловие М. П. Алексеева).

В первом разделе сборника (Тексты) публикуются материалы автографов Тургенева, преимущественно из его Парижского архива, по техническим и другим соображениям не вошедшие в издание «Сочинений» (тома III, V, VI, VIII): автографы и отрывки автографов «Нахлебника», «Постоялого двора», «Переписки», «Гамлета и Дон-Кихота», «Накануне». Особенно интересной представляется публикация текста одного листа из белового автографа «Нахлебника», считавшегося с давнего времени утраченным, не известного в момент публикации I Тургеневского сборника (см. стр. 15 и 54) и обнаруженного уже после его выхода Л. И. Ровняковой в бумагах И. М. Гревса (ЛО Архива АН СССР). Все материалы черновых рукописей повестей, перечисленных выше, даются в виде вариантов, сопоставленных (в левой колонке публикаций) с печатными текстами соответствующих томов, причем мелкие поправки, не имеющие смыслового значения, не приводятся вовсе, чтобы не загромождать печатаемых текстов и не затруднять их понимание. Полностью воспроизводятся, кроме текста листа «Нахлебника», план-конспект и наброски к «Гамлету и Дон-Кихоту», а также список действующих лиц к «Накануне», вместе с таким же списком, находящимся с ним на одном листе, к «Первой любви», хотя последний и напечатан уже в IX томе «Сочинений» Тургенева (стр. 335).

Помимо этих художественных и критико-публицистических текстов, в первом разделе сборника печатаются полностью письменные ответы Тургенева на магистерском экзамене в Петербургском университете (1842 г.).

Второй раздел сборника содержит материалы для комментариев к произведениям Тургенева, помещенным в уже вышедших томах «Сочинений» — с IV по IX включительно, а также и к еще не вышедшим томам

(XI—XII), в том числе, например, материалы, важные для понимания последнего романа Тургенева — «Новь». Публикация этих и других подобных материалов в сборнике даст возможность в соответствующих томах ограничиться ссылками и, где необходимо, кратким изложением их. Раздел заканчивается материалами о первых шагах изучения Тургенева в советское время (1918 г.), характеризующими как состояние тургеневедения в этот переломный момент, так и методологические взгляды молодого тогда исследователя и педагога, позднее — крупнейшего ученого А. И. Белецкого.

Третий раздел сборника посвящается дополнительным данным к публикациям эпистолярного наследия Тургенева и к его комментированию (см., например, вставки, пополняющие тексты писем Тургенева к К. Н. Леонтьеву, публиковавшихся с купюрами, обнаруженные лишь недавно, когда нашлись автографы писем), а также новым биографическим материалам о Тургеневе, освещающим общественные и литературные отношения писателя в разные периоды его жизни; здесь публикуется ряд неизвестных или забытых воспоминаний о Тургеневе его современников, в том числе крестьян, бывших когда-то его крепостными. Заключающая этот раздел сводка документальных данных о существовавших, но утраченных письмах Тургенева за 1857—1862 гг. продолжает такую же сводку за предшествующий период (1835—1856 гг.), напечатанную в I Тургеневском сборнике.

Четвертый раздел, где печатаются некоторые письма к Тургеневу и письма о нем, в предлагаемом сборнике невелик. Но фонд писем к Тургеневу, хранящихся в советских и зарубежных архивах, еще далеко не исчерпан, и публикация наиболее интересных из них будет продолжаться.

Таков общий состав предлагаемого сборника. В составлении и подготовке его по всем разделам приняли участие все сотрудники Тургеневской группы Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР, — группы, ведущей основную работу по изданию Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева. Кроме них, в сборнике приняли участие многие другие литературоведы, работающие над Тургеневым в Москве, Ленинграде, Орле, Харькове, Ясной Поляне, а также и за рубежом — в Берлине (ГДР) и в Париже. Всем авторам — участникам сборника — редакция его приносит глубокую благодарность.

Редактирование сборника выполнили Н. В. Измайлов и Л. Н. Назарова при участии А. С. Бушмина. Всю работу по подготовке сборника к печати вела Г. В. Степанова.

ТЕКСТЫ

«НАХЛЕБНИК»
ВНОВЬ НАЙДЕННЫЙ ЛИСТ ПЕРВОЙ БЕЛОВОЙ РЕДАКЦИИ (1848)

В разделе «Источники текста» комментария к комедии «Нахлебник»[1] указано, что 14-й лист перебеленного автографа первой редакции комедии 1848 г. утрачен. То же указывается в описании этого автографа.[1]

Пропавший лист наборного экземпляра рукописи не был известен и М. А. Соколовой, публикатору первой беловой редакции комедии, хранящейся в рукописном отделе Пушкинского дома в Ленинграде и напечатанной в I Тургеневском сборнике,[2] где пропуск текста обозначен отточием в угловых скобках (стр. 54).

«Утраченный» лист автографа обнаружен нами в ЛО Архива Академии наук, в фонде историка-медиевиста Ивана Михайловича Гревса (1860—1941), который проявлял немалый интерес к творчеству Тургенева.[3]

Найденный лист рукописи содержит текст, соответствующий окончательному, от слов: «Елецкий (*с недоумением*). Mais, ma chère...» (*Сочинения*, т. II, стр. 164, строка 12), — кончая репликой Ольги: «Продолжайте» (там же, стр. 167, строка 25).

Как и остальная часть рукописи, текст 14-го листа тщательно выправлен Тургеневым. Эта правка сводится к вычеркиванию в основном многочисленных повторений одних и тех же слов в речах персонажей, имевшихся в первоначальной редакции пьесы 1848 г., которая предназначалась для журнала «Отечественные записки», но была запрещена цензурой. Вы-

---

[1] *Сочинения*, т. II, стр. 579, под сиглом: *АБ*, 1848; *Сб. ПД 1923*, стр. 17; «Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома», вып. 2, 1950, № 10; *ПД, Описание*, стр. 13, № 10.

[2] *Тургенев, Сб. 1964*, стр. 15—66.

[3] И. М. Гревс — автор двух книг о Тургеневе: «Тургенев и Италия» (Л., 1925) и «История одной любви» (М., 1927; изд. 2, М., 1928). Перу Гревса принадлежит также ряд статей, из которых одна — «Тургенев в письмах к Полонским» — опубликована в кн.: «А. Ф. Кони. Юбилейный сборник» («Атеней», Л., 1925, стр. 136—161), другие же остались в рукописях (см.: ЛО Архива АН СССР, ф. 726, ед. хр. 235—267).

черки нанесены очень тщательно и могут быть прочитаны порой только при помощи корректурных гранок сделанного с этой рукописи набора.[4]

Исправления, вставки, вычерки, имеющиеся на 14-м листе рукописи (в нашей публикации они отражены в вариантах, печатаемых под строкой), являются следами работы писателя над первой редакцией пьесы, проделанной в 1857 г., перед появлением ее в «Современнике». Получившаяся таким образом вторая, сокращенная редакция рукописи (ее второй слой) целиком совпадает с текстом «Современника». Два мелких разночтения, приводимые нами ниже, по-видимому, являются результатом опечаток и корректурной правки.

Рукопись [5]	*«Современник»*
стр. 9	*стр. 118*
Ольга (краснея и с замешательством)	[3] Ольга (краснея с замешательством)
стр. 11	*стр. 119*
сердешная	[16] сердечная

После появления пьесы «Нахлебник» в № 3 «Современника» за 1857 г. под заглавием «Чужой хлеб» работа Тургенева над текстом пьесы не прекратилась. Об этом свидетельствуют два значительных выпуска, не отмеченные в публикуемой рукописи (см. ниже, стр. 10, примеч. 12 и примеч. 15), но сделанные в редакции 1869 г. (см.: *Сочинения*, т. II, стр. 165, строка 25, и стр. 166, строка 21).

Вычерки этих мест могли быть сделаны Тургеневым в 1862 г., когда он перерабатывал пьесу для постановки ее на сцене. Эту правку вместе с изменением первоначального построения заключительного акта «Нахлебника» можно считать третьей редакцией пьесы, которая, не попав на сцену в 1862 г., впервые была напечатана в части VII сочинений И. С. Тургенева в издании братьев Салаевых 1869 г.

Ниже публикуется текст обнаруженного нами 14-го листа рукописи по той же системе, по которой напечатан остальной ее текст в I Тургеневском сборнике: в основном тексте (над чертой) дается первый слой автографа — редакция 1848 г.; предшествующие ему варианты — в сносках, через вертикальную черточку или со словом *вписано*; последующая правка — редакция 1857 г. — отмечается в сносках словом *вычеркнуто*.

Л. И. Ровнякова

Елецкий (*с недоумением*). Mais, ma chère...

Ольга. Прошу тебя, умоляю тебя, оставь нас...

Елецкий (*помолчав немного*). Изволь... только я надеюсь, что ты объяснишь мне эту загадку... (*Ольга кивает головой утвердительно*; *Елецкий медленно выходит.*)

[4] Литературный музеум. Пб., <1919>, стр. 235—238.

[5] Страницы и строки рукописи указаны по тексту настоящей публикации.

Ольга (*быстро идет к двери залы, запирает ее на ключ и возвращается к Кузовкину, который все еще не поднимается*). Встаньте... встаньте, говорю Вам.

Кузовкин (*тихо поднимается*). Ольга Петровна... (*он видимо не знает, что сказать*).

Ольга (*указывая ему на диван*). Сядьте здесь. (*Кузовкин садится. Ольга останавливается в некотором расстоянии и стоит к нему боком.*) Василий Петрович, Вы...[1] Вы понимаете мое положенье.

Кузовкин (*слабо*). Ольга Петровна, я вижу... Я точно в уме повредился... Извольте меня отпустить... а то — я еще бед наделаю... Я сам не знаю, что говорю, Ольга Петровна.[2]

Ольга (*дыша с трудом*). Нет, полноте, Василий Петрович. Теперь — дело сделано. Теперь Вы отказаться от Ваших слов не можете... Вы должны мне все сказать... всю правду... все теперь.[3]

Кузовкин. Да ведь я...

Ольга (*быстро*). Я говорю Вам, поймите же наконец и мое положение и Ваше... Или Вы оклеветали мою мать... в таком случае — извольте сейчас выйти и не показывайтесь мне на глаза... (*Она протягивает руку к двери... Кузовкин хочет подняться и опускается снова.*) А! вот Вы остаетесь — Вы видите, что Вы остаетесь...

Кузовкин (*тоскливо*). О господи боже мой!

Ольга. Я хочу знать,[4] все знать... Вы должны мне все сказать, всю правду...[5] слышите?

Кузовкин. Ну да[6] (*с отчаяньем*). Ну да... да... Вы все узнаете... коли уж такая стряслась надо мною беда... Только, Ольга Петровна, не извольте так глядеть на меня... а то я ... я, право, не могу... не могу.[7]

Ольга. (*стараясь улыбнуться*). Василий Петрович, я...

Кузовкин (*робко*). Меня... меня Василием Семенычем зовут, Ольга Петровна... (*Ольга краснеет и едва пожимает плечами. Она все стоит в некотором расстоянии от Кузовкина.*) Да-с... ну с чего же... с чего же[8] прикажете мне начать-с...

Ольга (*краснея и с замешательством*).[9] Василий Семеныч, как Вы хотите... чтобы... я...

Кузовкин (*готовый заплакать*). Да я не могу говорить, когда Вы так...

Ольга (*протягивая ему руку*). Успокойтесь... говорите... говорите.[10] Поймите же и то, что во мне происходит...[11] Принудьте себя.

[1] Вы *вычеркнуто.* [2] Ольга Петровна *вычеркнуто.* [3] всю правду... все... теперь | всю правду... теперь [4] знать *вычеркнуто.* [5] всю правду *вычеркнуто.* [6] ну да *вычеркнуто.* [7] не могу *вычеркнуто.* [8] с чего же *вычеркнуто.* [9] Ольга (*краснея и с замешательством*), | Ольга (*краснея, с замешательством*). [10] говорите *вычеркнуто.* [11] Поймите же и то что во мне происходит | Вы видите в каком я состоянии...

Кузовкин. Слушаю, матушка, Ольга Петровна. Ну-с, позвольте-с, с чего же я начну? Да-с, Вы не глядите, что я... того... с... Да-с, Ольга Петровна, богом Вам клянусь, я никак то есть этого не ожидал... Я так и думал умереть, никому, никому на свете не сказавши. (*Ольга делает знак нетерпенья.*) Виноват, виноват, простите великодушно.[12] О господи! Ну да-с. Так вот-с. Я вам, если позволите, сперва так немножко расскажу... Да-с. Сейчас, сейчас...[13] Лет мне эдак было двадцать с небольшим... А родился я, можно сказать, в бедности — а потом и последнего куска хлеба лишился — и совершенно, можно сказать, несправедливо... а впрочем, воспитанья, конечно, не получил никакого... Батюшка Ваш покойный (*Ольга вздрагивает*) — царство ему небесное! — надо мною сжалиться изволил, а то бы я совсем пропал, точно; живи, дескать, у меня в доме — пока де место тебе сыщу. Вот я у Вашего батюшки и поселился. Ну, конечно, места на службе сыскать не легко — вот я так и остался. А батюшка Ваш в ту пору еще в холостом состоянии проживал — а там, годика эдак через два, стал за Вашу матушку свататься — ну и женился. Ну вот и начал он жить с Вашей матушкой — да двух сыночков с нею прижил — да только они оба скоро померли. И скажу я Вам, Ольга Петровна, был Ваш покойный батюшка крутой человек, такой крутой, что и прости господи!... На руку тоже маленечко дерзок — и когда бывало осерчают, самих себя не помнят. Выпить тоже любил. (*Видя, что Ольга опускает голову, Кузовкин поспешно прибавляет.*)[14] А впрочем хороший был человек-с и мой благодетель... Ну-с, вот спачала жил он, батюшка-то Ваш, с покойницей матушкой Вашей в больших ладах... только не долго. Матушка Ваша — царство ей небесное! — была, можно сказать, ангел во плоти — и собой красавица... Да что-с! Судьба-с! Соседка у нас в ту пору завелась... Ваш батюшка возьми да к ней и привяжись... Ольга Петровна, простите меня великодушно, коли я...

Ольга. Продолжайте.

Кузовкин. Вы же сами изволили требовать... (*Проводит рукой по лицу*). О господи боже мой, помоги мне грешному! Вот Ваш батюшка и привязался к той соседке — чтоб ей пусто было и на том свете! — стал к ней кажинный божий день ездить, часто даже на ночь домой не приезжал. Начала Ваша матушка сокрушаться, сохнуть, плакать... Он сперва было и попридержался — да нет! Осилил лукавый![15] Худо пошли дела. Матушка Ваша,

---

[12] *Текст*: Да-с, Вы не глядите, что я... того-с ∞ простите великодушно *в редакции 1869 г. отсутствует.* [13] Сейчас, сейчас... *вписано.* [14] (*Видя, что Ольга опускает голову, Кузовкин поспешно прибавляет.*) — *вычеркнуто.* [15] *Текст* начала Ваша матушка ∞ Осилил лукавый *в редакции 1869 г. отсутствует.*

бывало, по целым дням сидит одинешенька, молчит, а то и всплакнет. Я, разумеется, тут же сижу, сердце во мне так и надрывается — а рта разинуть не смею. На что ей, думаю, мои глупые речи! Другие соседи, помещики, к Вашему батюшке тоже неохотно езжали — отбил он их от дому своим, можно сказать, высокомерьем — так вот Вашей матушке, бывало, не с кем и словечка было перемолвить... Сидит, бывало, сердешная, у окна — даже книжки не читает — сидит, да поглядывает на дорогу, в поле-с. А у батюшки-то у Вашего — между тем — бог весть от чего! кажется, никто ему не прекословил — ндрав еще более попортился. Грозный стал такой, что беда! И вот что опять удивительно. Вздумал он Вашу матушку ревновать — а к кому тут было ревновать. Господи боже мой! Сам, бывало, уедет — а ее запрет, ей богу! От всякой безделицы в гнев приходил. И чем Ваша матушка более перед ним смирялась, тем он пуще злился. Наконец, совсем перестал с ней разговаривать — вовсе ее бросил. Ах, Ольга Петровна! Ольга Петровна! натерпелась она в ту пору горя, Ваша-то матушка! Вы ее не можете помнить, Ольга Петровна — млады Вы были слишком, голубушка Вы моя — когда она скончалась... Такой души добрейшей, чай, теперь уж и нет на земле. Уж как же она и любила Вашего батюшку. Он на нее и не глядит, бывало, а она-то без него со мной — все о нем, да о нем разговаривает. Как бы помочь? Как бы угодить? Вдруг, в один день, собрался Ваш батюшка — куда? В Москву. Говорит: один еду, по делам — а какое один, на первой же подставе соседка его ждала. Вот и уехали они вместе — и целых шесть месяцев пропадали — шесть месяцев, Ольга Петровна! и письма ни одного домой не написал во все время! Вдруг приезжает — да такой сумрачный, сердитый... Соседка-то его бросила — как мы потом узнали. Заперся у себя в комнате да и не показывается. Даже люди все в удивленье пришли. Не вытерпела наконец покойница... перекрестилась — бояться она его стала, бедняжка! — да и[16] вошла к нему. Начала его уговаривать — а он как вдруг закричит[17] на нее — да взявши палку... (*Ольга останавливает его движением руки...*[18] *Кузовкин взглядывает на Ольгу.*[19]) Виноват, Ольга Петровна...

О л ь г а. Правду Вы говорите, Василий Семеныч?

К у з о в к и н. Убей меня бог на самом этом месте...

О л ь г а. Я Вам верю...[20] Продолжайте.

---

[16] и *вычеркнуто.* [17] А он как закричит | А он как вдруг закричит. [18] *Ольга останавливает его движением руки...* — *вычеркнуто.* [19] *Кузовкин смущается* | *Кузовкин взглядывает на Ольгу.* [20] Я Вам верю *вычеркнуто.*

«ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР». ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ

Черновой автограф, содержащий 78 листов авторской пагинации, хранится в рукописном отделе Национальной библиотеки в Париже (Slave, 87, лл. 1—78; фотокопия — *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 385; описание см.: *Mazon*, стр. 55). Рассказ этот написан в тетради, содержащей также тексты «Двух приятелей» и «Якова Пасынкова» (воспроизведение титульного листа этой тетради см.: *Сочинения*, т. VI, стр. 197).

На заглавном листе (л. 1, обложка) написано:

ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР

(рассказ)

Ив. Тургенева

Начат в субботу — 18-го октября
Кончен в пятницу 14-го ноября — 1852-го г.

Спасское

(воспроизведение заглавного листа см. *Сочинения*, т. V, стр. 295).

На л. 2, на поле, справа от начала текста, помещен список действующих лиц, позднее зачеркнутый:

Аким Семенов
Авдотья (Арефьевна)
Наум Иванов — Болх‹овский› мещ‹анин›
[Отец Василий]
Дьячок Ефрем Крот
Пом‹ещица› Лизавета Прохоровна
Кириловна

Перед началом текста (л. 1) повторено заглавие:

ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР

(рассказ)

После конца всего текста (л. 78) снова повторена дата окончания работы:

[15] 14 ноября 1852-го года

Пятница 11 часов вечера

в Спасском.

Беловой автограф неизвестен, но в рукописном отделе *ИРЛИ* хранится писарская авторизованная копия «Постоялого двора» (ф. 3, оп. 19, № 64, лл. 1—62), сделанная не ранее второй половины марта 1853 г. (см. о ней: *Сочинения*, т. V, стр. 604, 606). В текст этой авторизованной копии внесены исправления, устраняющие ошибки переписчика, а в нескольких случаях изменяющие текст более ранних редакций (см.: там же, Варианты авторизованной копии, стр. 490—503).

Известны также два списка «Постоялого двора», изготовленные в Москве в конце января—феврале 1853 г. и восходящие, очевидно, к черновому автографу или к беловому, нам не известному (один из списков хранится в *ЦГАЛИ* (ф. 509, оп. 1, № 29), другой — в *ГПБ* (ф. 795, № 21); см. о них: *Сочинения*, т. V, стр. 606). Наконец, типографские гранки журнального текста повести с карандашными пометами цензора В. Н. Бекетова находятся в *ИРЛИ* (Р. 1, оп. 29, № 46; см. там же, стр. 604).

Черновой автограф *Bibl. Nat.* содержит большое количество авторских исправлений, местами в три слоя. Правка выразилась не только в том, что Тургенев делал вставки то над строками первоначального текста, то на полях, но и в том, что нередко он вычеркивал отдельные слова и строки, а иногда перечеркивал крест-накрест целые куски написанного ранее текста.

В силу этого черновой автограф значительно отличается от окончательного текста «Постоялого двора», напечатанного в 6-м томе издания 1880 г. и взятого за основу в V томе *Сочинений*.

В черновом автографе более распространенными являются портретные зарисовки героев; в особенности это касается образов Наума и Акима. И в описании внешности, и в перечислении внутренних качеств Наума сильнее подчеркнута отрицательная сущность его — характеристика этого персонажа носит, таким образом, более «лобовой» характер.

Больше внимания уделено разъяснению взаимоотношений Акима с Лизаветой Прохоровной Кунце, причем в черновом автографе значительно ярче раскрыта эксплуататорская сущность ее как помещицы. Полнее охарактеризовано также отношение Лизаветы Прохоровны к Дуняше, обусловленное происками барской фаворитки Кирилловны.

В диалогах между героями (Лизавета Прохоровна—Наум, Лизавета Прохоровна—Кирилловна, Кирилловна—Аким) резче выражена антикрепостническая направленность произведения в целом. В этом отношении текст чернового автографа особенно сильно отличается от текста, впервые опубликованного в «Современнике» (1855, № 11), в котором по требованию цензуры была значительно ослаблена социальная острота.[1] В позднейших

[1] См. об этом: Л. Н. Назарова. «Постоялый двор» И. С. Тургенева. (К истории первой публикации повести). В сб.: Из истории русских лите-

прижизненных изданиях Тургенев постепенно восстанавливал первоначальный доцензурный текст, восходящий к черновому автографу, но не довел эту работу до конца.

Исключение в этом смысле составляет лишь текст французского авторизованного издания (*1858, Scènes, II*), так как в нем писатель не был стеснен цензурными требованиями. То обстоятельство, что Тургенев воспользовался при переводе не только печатными, но и рукописными источниками, подтверждается сличением французского текста с черновым автографом, а также со списками *ЦГАЛИ* и *ГПБ*, к нему восходящими.[2]

В черновом автографе в ряде случаев более выпукло подчеркнуто было то, что, по мнению цензуры, могло рассматриваться как проявление непочтительного отношения к религиозному культу и его служителям (в частности, указание на то, что Наум редко ездил в церковь «за недосугом», описание внешности дьячка Ефрема с его «черной косичкой», упоминание о склонности к вину не только этого дьячка, но и священника, отца Федора; наконец, развернутое рассуждение о наличии «божьей благодати» на жадном и бессовестном Науме). В печатный текст все это либо совсем не вошло, либо вошло в сильно смягченном виде.

Эпизоды, характеризующие взаимоотношения героев (в особенности Акима с его женой и Авдотьи с Наумом), в черновом автографе несколько более распространенны, содержат некоторые детали, очевидно, излишние по мнению Тургенева, и не вошли в окончательный текст по причинам художественного порядка. В процессе работы над «Постоялым двором» писатель, по-видимому, стремился к большей сжатости, к более экономному расходованию изобразительных средств, к известному лаконизму, — в связи с этим он сокращал имевшиеся длинноты.

В черновом автографе содержатся в некоторых местах авторские рассуждения, главным образом морального свойства, от включения которых в окончательный текст Тургенев впоследствии отказался. И лишь в одном случае (т. V, стр. 343_{28-30}) писатель, наоборот, ввел такого рода абзац: «Но надолго ли ∞ злой конец», — отсутствовавший в черновом автографе.

Наконец, отметим еще, что в двух местах Тургенев произвел изменения в тексте «Постоялого двора» на более поздних стадиях работы над этим произведением по советам П. В. Анненкова и С. Т. Аксакова, чем и объясняются различия между основным текстом (см. т. V, стр. 331_{33} и $293_{4,\,11}$) и черновым автографом.[3]

Л. Н. Назарова

ратурных отношений XVIII—XX веков, Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 158—165.

[2] См.: *Сочинения*, т. V, стр. 612—614.

[3] См.: *Сочинения*, т. V, стр. 606; Л. Н. Назарова. К истории творчества И. С. Тургенева 50—60-х годов. I. И. С. Тургенев в работе над повестью «Постоялый двор». *Тургенев, Сб. (Алексеев)*, стр. 137, 142.

Основной текст [1]	*Черновой автограф*
через которые она проходит, (293, 3—4)	которым она служит соединением
еще недавно стоял обширный (293, 4)	*а.* лежал *б. Начато:* лежал бол‹ьшой› *в.* лежал обширный *г.* еще недавно лежал обширный
троечным извозчикам, обозным мужикам, купеческим приказчикам, мещанам-торговцам (293, 5—6)	троечным извозчикам и мужичкам, отправляемым с хлебными ‹обозами?›
доморощенных лошадей, торжественно проплывала мимо, что не мешало, однако, ни кучеру, ни лакею на запятках (293, 11—13)	*а. Начато:* доморощенных кобыл, проплывала мимо постоялого, причем однако не обходилось без *б.* доморощенных кобыл торжественно проплывала мимо — что не мешало однако ни кучеру, ни лакею на запятках
в лежавшие под большаком выселки, (293, 18—19)	*а.* к [какому‹-нибудь?›] бедному мужику *б.* в какие-нибудь придорожные выселки *в.* в какую-нибудь незаметную от дороги деревеньку *г.* в какую-нибудь незаметную от большака деревеньку
к мужичку-хозяину, (293, 19)	в избу к мужичку-хозяину
постоялый двор, о котором мы начали речь, (293, 22)	постоялый этот двор
просторным двором со сплошными тесовыми навесами (293, 24—25).	просторным [тесовы‹м›] двором [обн‹есенным›] [кругом обнесенным] сплошным тесовым навесом
в подвале; (293, 26—27)	*а.* в коморке под замком *б. Начато:* в комо‹рке›
с огромнейшей русской печью, (293, 27)	с огромнейшей печью
с красно-лиловыми, снизу несколько оборванными бумажками (293, 30—294, 1)	с красно-лиловыми бумажками

[1] Текст приводится по изданию: *Сочинения*, т. V (с указанием в скобках страниц и строк).

и двумя горшками гераниума (294, 2)	и горшками гераниума
и тускнели многолетней пылью. (294, 3—4)	и не чистились
кузница была от него близко, (294, 5—6)	*а.* [кабак] [от] от него до ближайшего кабака считалось всего с полверсты *б.* кузница тоже была близко
толстой и румяной бабы (294, 7—8)	толстой бабы
и не скупилась на припасы; (294, 9)	и не скупилась на припасы, которые у ней не переводились в коморке
однако чрезвычайно забористый и приятно разъедающий нос, — (294, 11—12)	но чрезвычайно забористый и разъедающий нос
не переводились всякого рода постояльцы. (294, 13—14)	*а.* не переводились постояльцы *б.* не переводилось постояльцев
Хозяин этот был мещанин, (294, 21)	*а.* Хозяин этот был из мещан *б.* Хозяин этого двора был из мещан ◊
толст, сутуловат и плечист; (294, 22—23)	толст и плечист
голову имел большую, круглую, (294, 23)	голову имел большую
хотя ему на вид не было более сорока лет; (294, 24)	*а.* хотя ему не давали более 40 лет *б.* хотя ему более 40 лет не было ◊
лицо полное и свежее, (294, 25)	лицо пухлое и свежее
низкий, но белый и ровный лоб (294, 25)	низкий лоб
он очень странно глядел: исподлобья и в то же время нагло, что довольно редко встречается. (294, 26—28)	*а.* он глядел исподлобья и в то же время нагло, что довольно редко [мож‹по›] бывает *б.* он глядел исподлобья и вместе нагло, что довольно редко [можно вид‹еть›] встречается *в.* он очень странно глядел исподлобья и в то же время нагло ◊

ходил бегло и не взмахивал, а разводил на ходу сжатыми рукамп. (294, 30—31) [1]	ходил бегло и разводил на ходу рукамп. *Далее вписано и зачеркнуто:* Вообще он [походил на мясника] с виду [смахивал] походил на [мясника] здорового мясника
Говорил он отрывисто и с каким-то угрюмым звуком в голосе. (294, 35—36)	*а. Начато:* Говорил он отрывисто и с неприятны‹м› *б.* Лицо его выражало больше жадности, чем ума — но и в уме нельзя ему было отказать *в.* Лицо его выражало больше жадности, настойчивости и твердости, чем ума — но и в уме нельзя ему было отказать *г.* Его черты выражали жадность, настойчивость и твердость — но и в уме нельзя ему было отказать *д.* Черты его лица выражали много ума — и пожалуй хитрость
а им выдавал в великие праздники по гривеннику на водку; в другие дни они не смели пить. (296, 16—18)	*а.* а им позволял пить только по праздникам... *б.* а им позволял пить только по праздникам, которых впрочем сам не наблюдал; в церковь наезжал редко за недосугом, [но] едва ли можно было сыскать нищего, который бы попользовался его милостынкой *в.* а им позволял пить только по праздникам, которых впрочем сам не соблюдал *г.* а им выдавал в великие праздники по гривеннику на водку; в другие дни они не смели пить; [но] едва ли можно было сыскать нищего, который бы попользовался его милостынкой
Люди, подобные Науму, скоро богатеют... (296, 18)	*а. Начато:* [Понятно почему] Люди, подобные Науму Иванову, обыкнов‹енно› *б.* Люди, подобные Науму Иванову, скоро богатеют; да оно и понятно *в.* Люди, подобные Науму Иванову, скоро богатеют; да оно, взяв в соображение их качества

	и свойства, довольно понятно *г. Как б.* ◊
в две громадные телеги. (297, 2—3)	*а.* в громадные телеги — помещице платил оброк исправно [под] [д <...>] сам завел, как говорится большую деньгу *б.* в громадные телеги — помещице платил оброк исправно и много нажил денег *в.* в две громадные телеги — помещице он платил оброк исправно несмотря на то, что он ежегодно возвышался
С позволения своей барыни основался он на большой дороге, купил на ее имя полдесятины земли и построил на ней постоялый двор. (297, 8—10)	*а.* С позволения своей помещицы, которой впрочем [бы<ло>] еще выгоднее было иметь его у себя под рукой — продал он своих лошадей, купил полдесятины земли на большой дороге и построил двор *б.* С позволения своей помещицы, которой [намерение Акима] его намерение не могло не понравиться, купил он полдесятины земли на большой дороге и поселился на ней ◊
чувствительность. (298, 33)	*а.* чувствительность. Он решительно ни в чем не умел отказывать женщине, к которой привязывался, [и] последн[ей]юю копейк[и]у бывало,не жалел для нее... Разумеется, раскаянье приходило в свою очередь — и Аким, которого нельзя было [укорить изл<ишней>] назвать даже бережливым, становился чуть не скупым — но всё это продолжалось не долго — до нового знакомства — и единственно особенному его счастью и стеченью самых благоприятных обстоятельств должно было приписать то, что он не только не разорился, но даже разбогател... *б.* чувствительность... Да где найти человека без греха!

Акимова помещица, Лизавета Прохоровна Кунце — (299, 9)	*а.* Лизавета Прохоровна Кунце *б.* Лизавета Прохоровна Чебрецова
армейский пехотный офицер, (299, 15—16)	*а.* армейский офицер [в каком то полку с значи‹тельным›] в карабинерском полку *б.* армейский офицер весьма неуклюжей наружности ◊
и на второй же день до того разбуянился, что чуть не прибил самой хозяйки, (299, 16—18)	*а.* и до того разбуянился, что в первый день чуть не прибил своей сестры *б.* и до того в первый же день разбуянился, что чуть ее не прибил *в.* и до того разбуянился, что на второй же день чуть ее не прибил
Лизавета Прохоровна почти безвыездно (299, 20—21)	Несмотря однако на [свое] иностранную кровь, которая текла в ее жилах, Лизавета Прохоровна ни в чем не уступала любой русской барыне — и можно сказать сама превратилась в [так‹ую›] русскую барыню, насколько впрочем это возможно немке. — Она почти безвыездно ◊
жила в своем хорошеньком, трудами супруга, бывшего архитектора, благоприобретенном именье; (299, 21—23)	*а.* жила в своем [очень по‹койном?›] именье (покойный ее супруг был офицер путей сообщения) *б.* жила в своем хорошеньком благоприобретенном именье — (покойный ее супруг служил в инженерах — читатель махает рукой и понимает) *в.* жила в своем хорошеньком — трудами супруга, бывшего инженера, приобретенном именье
очень недурно управляла. (299, 23—24)	[очень] весьма недурно управляла — с своей точки зрения, разумеется; крестьянам ее не то чтобы плохо приходилось, а в обрез — и очень даже в обрез ◊

из всего извлекала пользу для себя; (299, 25—26)	и со всего, как говорится, пенки снимала
и в этом, да еще в необыкновенном уменье тратить вместо гроша копейку, сказалась ее немецкая природа; (299, 26—28)	*а.* и в этом сказалась ее немецкая природа *б.* и в этом да еще в необыкновенной бережливости и уменьи тратить [там копейку где] вместо гроша — копейку — сказалась ее немецкая природа
Дворни у ней водилось значительное количество; (299, 28—29)	Дворни у нее [б‹ыло›] водилось много
особенно держала она много девок, которые, впрочем, ели хлеб не даром: с утра до вечера спины их не разгибались над работой. (299, 29—31)	особенно [д‹евок›] [она] держала она много девок, которые впрочем хлеб свой ели не даром: с утра до вечера не разгибались над работой
любила, чтоб ей сплетничали и наушничали, и сама отлично сплетничала; (299, 33—34)	*а.* любила, когда ей сплетничали и наушничали — и сама сплетничала, поощряла наушников и наушниц *б.* любила, чтобы ей сплетничали и наушничали и сама отлично ‹*4—5 нрзб.*› сплетничала, любила задавать внезапно пиры своим подданным и подпускать их к своей руке, притом поощряла наушников и наушниц
любила взыскать человека своею милостью и вдруг поразить его опалой — (299, 34—35)	*а. Начато:* Возводила человека ‹*нрзб.*› *б. Начато:* Жаловала человека, возводила его на высокую степень между *в.* то вдруг возводила [какого-нибудь из своих людей] на высокую степень могущества, и вдруг потом [низвергала его] кого-нибудь из них *г.* любила вознести человека ‹*нрзб.*› и вдруг поразить его опалой
Акима она жаловала, оброк весьма значительный он платил ей исправно, — (299, 37—38)	*а.* Акима она жаловала — она с него оброк получала хороший *б.* Акима [Лизавета Прохоровна] она жаловала — она с него оброк получала хороший ◊

В числе горничных (300, 3)	*а. Как в тексте. б.* В числе второстепенных горничных
лет двадцати, сирота, (300, 4)	лет восемнадцати
Дуняша показывала большое пренебрежение ко всем своим поклонникам, с самоуверенной улыбочкой выслушивала их любезности, и если и отвечала им, то большей частью одними восклицаниями, вроде: да! как же! стану я! вот еще!... (300, 18—22)	Она показывала [яв‹ное›] большое пренебрежение ко всем своим многочисленным поклонникам и [почти не отвечала на их любезности — и бывало] с самоуверенной улыбочкой выслушивала их любезности и только бывало и слышали от нее что: Как же! Стану я! вот еще...
Эти восклицания у ней почти не сходили с языка. (300, 22—23)	*а. Начато:* Без этих восклицаний она *б. Как в тексте. в.* эти восклицания у ней почти не сходили с языка. Она произносила их очень [отрывисто] резко, причем всякий раз вздергивала голову и щурила глаза.
горничные, побывавшие в столицах. (300, 25—26)	*а.* горничные, побывавшие в столицах и как об них выражаются — ‹*4 нрзб.*› *б.* хорошенькие горничные, которые побывали в столицах
Шила она тоже недурно, но за всем тем Лизавета Прохоровна к ней не слишком благоволила по милости главной горничной Кирилловны, женщины уже немолодой, пронырливой и хитрой. (300, 28—32)	*а. Начато:* Шила она тоже недурно и у Лизаветы Прохоровны находилась *б.* Шила она тоже недурно — Лизавета Прохоровна к ней благоволила, хотя держала ее в некотором отдалении от своей особы — любимая барская горничная [была] [некая] по имени Кириловна, женщина [оче‹нь›] уже не молодая, пронырливая и хитрая — пользо‹валась› *в.* Шила она тоже недурно, но [однако] со всем тем Лизавета Прохоровна к ней не совсем благоволила по милости главной горничной Кириловны, женщины уже не молодой, пронырливой и хитрой, имевшей ◊

грамотный, а главное с деньгами; (301, 3)	*а. Как в тексте. б.* грамотный, а главное имел деньги *в.* грамотный — умел, как говорится, и разговорку [держать] вести и политичность соблюсти
притом и одевался он не по-мужицки, (301, 3—4)	одевался же он не то мещанином, не то купцом
носил длинный кафтан из черного сукна, выростковые сапоги и платочек на шее. (301, 4—5)	*а.* носил длинный [чер‹ный›] кафтан из черного сукна, [сапог‹и›] выростковые сапоги и платочек на шее *б.* носил длинный кафтан из черного сукна, выростковые сапоги и платочек на шее — а главное [деньги у него] он всегда был с деньгами
что этот бородач и мужик Аким, с которым и сидеть-то рядом она почитала обидой, за нее сватается! (301, 18—20)	*а. Начато:* что этот Аким, бородач и мужик, за нее сва‹тается› *б.* что этот бородач и мужик Аким за нее сватается *в.* что этот бородач и мужик Аким, с которым и сидеть-то рядом [она] Дуняша почитала обидой — за нее сватается *г. Как б.*
так ясно дала ей почувствовать собственное ее положение в доме, так ловко намекнула на приличный вид, богатство и слепую преданность Акима, наконец так значительно упомянула о желании самой барыни, (301, 23—27)	*а.* Так ловко намекнула на богатство, на преданность Акима, который уже разумеется ей ни в чем отказывать не посмеет, так ясно ‹*нрзб.*› дала ей почувствовать [ее] собственное ее положение в доме — между Лизаветой Прохоровной с одной стороны *б.* Так ясно дала ей почувствовать собственное ее положение в доме, так ловко намекнула на приличный вид ‹*нрзб.*› положение и богатство, на слепую привязанность Акима, [так искусно упомянула о самой Лизавете Прохоровне] наконец так [искусно] значительно упомянула о желании самой барыни [которую уже успела предупредить и подгото-

	вить] выдать ее замуж за этого человека
и этот брак состоялся. Аким не пожалел издержек — (301, 34)	[и этот] Этот брак состоялся [и с таким великолепием и пышностью] Аким не пожалел издержек на такую
считалось версты четыре. (302, 8)	считалось версты четыре. Аким и [сам] прежде не ожидал от [нее] Дуняши особенной тароватости. Но все-таки она иногда уже слишком явно показывала свое [пренебрежение] невнимание к нему, к его дому, к его образу жизни
— Ну, брат Акимушка, — сказал он ему, встретившись с ним на улице, — слышал я, ты сватаешься?.. (302, 21—22)	*а.* [Эх.] Ну, брат Акимушка, сказал он ему, когда услышал о его намерении ‹*нрзб.*› жениться на Дуняше *б.* Ну, брат Акимушка, сказал он ему однажды на улице, когда услышал о его намерении жениться на Дуняше
с другими бабами или с своей прежней женой, на которой его женили шестнадцати лет, — (302, 36—37)	с другими бабами
Так прошло несколько лет. (303, 3)	Между тем годы шли да шли
к своему житью. (303, 4)	к своему житью. — И в этом не было ничего удивительного
к ней привязывался и доверял ей; товарки ее, которые вышли замуж не за мужиков, терпели нужду кровную, либо бедствовали, либо попали в недобрые руки... (303, 5—8)	*а.* к ней привязывался — товарки ее, которые вышли замуж, либо бедствовали, либо попали на недобрых мужей *б.* к ней привязывался и доверял ей; товарки ее, которые вышли замуж не за мужиков, либо бедствовали, терпели нужду кровную [— бились как рыба об лед] — либо попали в недобрые руки ◊
А Аким богател да богател. Всё ему удавалось — счастье ему везло; (303, 8—9)	а Аким всё богател да богател. Всё ему удавалось [какое счастливое] постоянное счастье

	[благоприятствовало] [сопутствовало] благоприятствовало всем его [покупок‹ам›] предприятиям
Правда, она всё это делала коекак, не наблюдала, как бы следовало, за чистотой и порядком; (303, 14—16)	*а.* за чистотой особенно не наблюдала *б.* за чистотой и порядком не наблюдала как бы следовало
Узнать ее было можно — хотя живописец изобразил ее чересчур дебелой и румяной (303, 23—24).	*а. Начато:* Живописец для большего *б. Начато:* Живописец [ей сделал] [написал] [чрез‹вычайно›] особенно налег на ее щеки *в. Начато:* Сходство было хотя живописец и *г.* Узнать ее было [мо‹жно›] возможно *д.* хотя живописец изобразил ее уже чересчур [полной и] дебелой и румяной *е.* Узнать ее было возможно: — хотя живописец изобразил ее уже чересчур дебелой. [Она в последнее время довольно пополнела но] (Она в последнее время действительно пополнела, но все же не так)
как-то темно — à la Rembrandt, — (303, 26—27)	*а.* каким-то черным пятном — только и можно было бы узнать его в ракурсе, державшим книгу *б.* очень как-то темно — à la Rembrandt ◊
Одеваться Авдотья стала довольно небрежно; накинет большой платок на плечи — а платье под ним как-нибудь сидит: (303, 29—31)	*а. Начато:* Главным недостатком Дуняши или как мы ее [станем наз‹ывать›] станем впредь называть — Авдотьи Арефьевны *б.* Мы сейчас сказали, что Авдотья пополнела — мы должны прибавить, что она [стала] и одеваться стала довольно небрежно — накинет большой платок на плечи — а платье под ним как-нибудь сидит
лень ее обуяла, та вздыхающая, вялая, сонливая лень, к которой слишком склонен русский	лень ее обуяла, та сонливая лень, к которой слишком склонен русский человек, особенно

человек, особенно когда его существование обеспечено... (303, 31—33)	когда существование его обеспечено.
как на льду... (303, 39)	как на льду... [Так и с ними случилось] [К слу‹чаю›] [В случае] Случай, к которому должно отнести все беды, обрушившиеся впоследствии времени на голову Акима, не только не представлял ничего необыкновенного или грозного — но напротив не выходил из ряда самых ежедневных событий [в его жизни] ◊
Между двумя стариками (Акиму стукнуло пятьдесят шесть лет) (304, 12—13)	*а. Начато:* [Скоро] Между Акимом *б.* Между двумя стариками (Акиму уже стукнуло 50 лет) ◊
Лицо этого молодого парня (304, 28)	*а. Начато:* Молодой *б.* Он выражался очень свободно и с какой-то небрежной [уверенностью] самоуверенностью *в.* Лицо его *г.* Лицо этого молодого работника
он часто ухмылялся и поигрывал белыми пальцами по подбородку, уже покрытому редким и темным пухом. (304, 29—31)	часто улыбался и играл пальцами по бороде, чуть уже покрытой редким и темным пухом
Выражался он по-купечески, но очень свободно (304, 31—32)	Выражался он очень свободно
Вдруг он пододвинулся к ней немного поближе и, нимало не изменившись в лице, (304, 34—36)	*а. Начато:* Он вдруг *б.* Вдруг он пододвинулся к ней немного и нимало не изменивши ни выражения лица, ни [голоса] звука голоса
как же! стану я их слушать, — (305, 7)	как же их не слушать-с
он пел какую-то протяжную, но не заунывную песню, слов которой нельзя было разобрать. (305, 23—25)	он пел какую-то лих‹ую› протяжную, но не заунывную песнь, слова которой ей были незнакомы
словно оборвался, еще раз вскрикнул лихо и медленно за-	*а. Начато:* словно оборвался — [лихо] вскрикнул лихо и затих

мер. (305, 38—39)	*б.* словно оборвался — вскрикнул лихо и затих *в.* словно оборвался — еще раз вскрикнул лихо и протяжно замер
Авдотья перекрестилась, положила голову на подушку... (305, 39—40)	Авдотья [перекрести‹лась›] [закрыла глаза] перекрестилась, уткнула лицо в подушку
— Куда ты, жена? — спросил ее сквозь сон Аким. (306, 3)	*а.* Куда ты? — спросил ее Аким сквозь сон. *б.* Куда ты, жена? — спросил ее Аким странным голосом сквозь сон. *в. Как а.*
Авдотья подошла к лампадке, стала поправлять ее и нечаянно погасила; вернулась и легла. (306, 8—9)	*а.* Авдотья подошла к лампадке — [постояла перед] поправила ее и вернулась *б.* Авдотья медленно ‹?› подошла к лампадке — стала поправлять ее и нечаянно погасила. — [Она вернулась] Потом она вернулась и легла.
вернулся за хозяйскими рукавицами, которые тот будто позабыл на лавке, (306, 17—18)	вернулся за [кушаком] хозяйскими рукавицами, — которые тот будто забыл [и тоже] на лавке
Авдотья страстно полюбила Наума. (306, 20—21)	*а.* Авдотья с того самого дня полюбила Наума *б.* Авдотья с того самого дня страстно полюбила Наума
которая будто скоро потом начала худеть и скучать. (306, 30—31)	которая [б‹удто›] [тотчас] скоро потом начала бледнеть, худеть и скучать
(в сущности *она* управляла имением г-жи Кунце) и с некоторого времени получила позволение носить белый чепец, (307, 21—23)	и с некоторого времени получила позволение носить чепец
что придавало еще более резкости тонким чертам ее смуглого лица. — Купец? — спросила барыня. — Что ему нужно? — Не знаю-с что им надоть, — возразила Кирилловна вкрадчивым голосом, — а только, кажется,	*вписано.*

они желают у вас что-то купить-с. (307, 23—28)

придавало еще более резкости тонким чертам ее смуглого лица. (307, 23—24)

а. очень шло к [резким] [строгим и резким] [зл‹ым›] тонким чертам ее смуглого лица и оживляло ‹*3—4 нрзб.*› *б. Начато:* придавало особенную

Купец? (307, 25)

Какой купец?

Вошел Наум, поклонился (307, 33)

а. Начато: Вошел Наум — [почтит‹ельно›] *б.* Вошел Наум — поклонился в пояс

Это Акимов двор. (308, 2)

Это моего крестьянина двор ◊

— Как не ваш? На вашей землице сидит-с.
— Положим — земля моя... на мое имя куплена; да двор-то его. (308, 3—5)

отсутствует.

Как же я его продам? (308, 8)

Как же я его продам — ведь он не мой.

строением-с и угодьями-с, ну, да, конечно, и с землей, какая при том дворе находится, (308, 15—16)

строением-с и уже разумеется с землей, какая при том дворе есть-с

Зачем нам с ними говорить-с? (308, 22)

Начато: Зачем нам с Ак‹имом›

Лизавета Прохоровна зашевелилась на кресле. — (308, 31—32)

вписано.

и не продам. Не могу... то есть не хочу... (308, 37—38)

а. Начато: и продать *б.* и не продам ◊

проговорила она с едва заметной запинкой, — (309, 4—5)

вписано.

вошла Кирилловна, чуть поскрипывая (309, 14)

явилась Кириловна своей бесшумной походкой

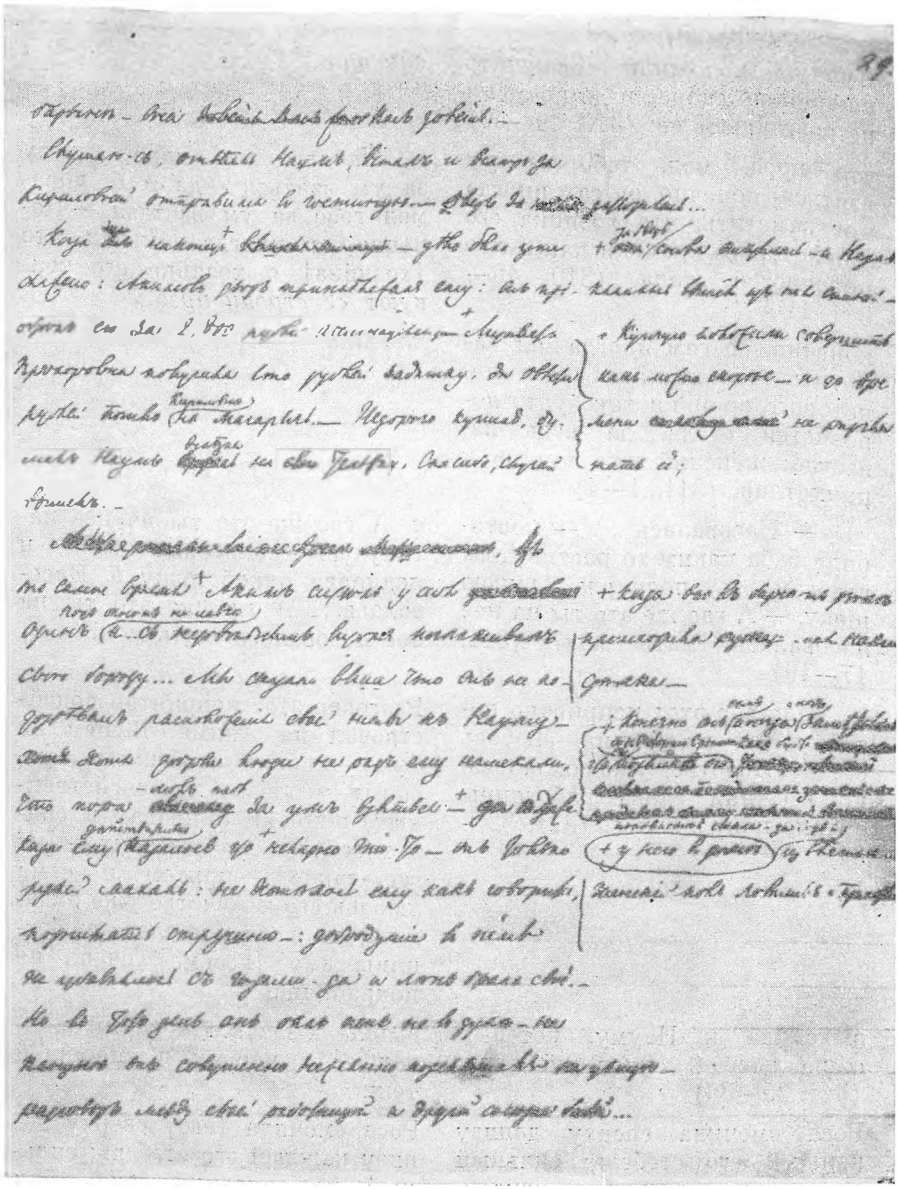
Да ведь как же... А что же Аким? Я его Акиму отдала. (309, 23—24)

Да ведь он не мой, этот двор.

Разве этот двор не ваш? Не ваши мы, что ли? И всё, что мы имсем, — разве не ваше же, не господское? (309, 26—28)

а. Разве не все мы Ваши? — И добро-то наше — все-таки господское, Ваше *б.* Разве не все мы Ваши? — И добро-то

	наше — какое у нас есть все-таки господское, Ваше ◊
помилуй? — Лизавета Прохоровна достала батистовый платок и нервически высморкалась. — Аким этот двор на свои деньги купил. (309, 29—32)	Аким на свои деньги этот двор [ку‹пил›] построил — и землю купил
А откуда он эти деньги взял? Не по вашей ли милости? Да он и так столько времени землею пользовался... Ведь всё по вашей же милости. (309, 33—36)	*а.* Да деньги то откуда же взялись? Ведь все по Вашей же милости — [он] А Вы думаете, сударыня, что у него так и не осталось больше денег? *б.* Да деньги-то откуда [у него?] он взял? Ведь всё по Вашей же милости. А Вы думаете, сударыня, что у него так и не осталось больше денег? ◊
Да он богаче вас, ей-богу-с. (309, 37)	Да он богаче вас, ей-богу-с. А ведь что он, что другие [мужики] крестьяне — на одной [земле] ведь полосе сидели. — Только всё равно-с. Вы [ведь] ему позволили извозом заниматься — он вот и разбогател пуще всех. Разве это справедливо? ◊
но всё же это я не могу... (309, 38)	но всё таки я не могу...
Как же это я этот двор продам? (309, 39)	Как же я его двор продам? ◊
продолжала Кирилловна. — (309, 40—310, 1)	продолжала Кирилловна с жаром. ◊
покупщик нашелся. (310, 1)	покупщик [хороший] нашелся и цену хорошую дает ◊
— Он, сударыня, больше даст, (310, 5)	— Он, сударыня, еще больше даст
А с Акимом вы потом сделаетесь; оброку скинете, что ли. (310, 6—7)	*а. Начато:* с Аким‹ом› *б.* А Акиму можно будет оброку сбавить ◊
— Конечно, надо будет оброк уменьшить. (310, 9)	Конечно, надо будет сбавить...



«Постоялый двор». Страница чернового автографа, 1852 г. Национальная библиотека (Париж).

Дверь за ними затворилась... (310, 25)

вписано.

Купчую положили совершить как можно скорее и до времени не разглашать ее; (310, 29—30)

вписано.

что пора, мол, тебе за ум взяться; конечно, он сам иногда мог заметить, что хозяйка его с некоторого времени как будто норовистей стала, (310, 40—311, 1—3)

а. Начато: что пора Акиму за ум взяться — да и *б.* порамол тебе за ум взяться. — Конечно, он иногда замечал, что [хозяйка] о хозяйке его толкуют ‹*2 строки нрзб.*›

конечно, он сам иногда мог заметить, что хозяйка его с некоторого времени как будто норовистей стала, да ведь известно: женский пол ломлив и прихотлив. (311, 1—4)

вписано.

— Насовалась. . . — повторила баба каким-то растянутым голосом и подперла рукою щеку. — А где же это ты на нее насовалась, мать моя? (311, 17—19)

а. А где же это ты на нее наткнулась, — спросила баба и подперла рукой щеку *б.* Насовалась... А где же это ты на нее насовалась, мать моя?

Разговор этот неприятно подействовал на Акима. Любовь его к Авдотье уже охладела, но все-таки слова работницы ему не понравились. (311, 32—34)

Разговор этот неприятно подействовал на Акима. В нем не было никаких особенных, русскому человеку не свойственных, понятий о правах и обязанностях супружеских — [но все‹-таки›] — притом и сама любовь его к Авдотье уже охладела, но все-таки слова работницы ему [весьма] очень не понравились.

выходила к Науму, который ожидал ее в сплошной тени, (311, 35—36)

вышла к Науму, который ожидал ее в черной и сплошной тени

Роса смочила сверху донизу каждый его стебель; сильный до одури запах бил кругом. (311, 37—39)

Роса смочила [его] сверху донизу каждый его стебель; сильный до одурения запах бил кругом *вписано.*

Наум Иванович... (312, 6)

Наум Семеныч

Наконец, она вошла еще раз и,

а. Начато: Наконец он не вы-

захватив в каморке душегрейку, перешагнула уже порог — он не вытерпел и заговорил, как будто про себя: (312, 18—20)

терпел и заговорил в то самое мгновенье, как она захватила какие-то плать‹я› *б.* Наконец — она вошла еще раз и, захватив в каморке душегрейку, переступила уже порог — заговорил как бы про себя

я мало разговаривал с тобой... И кто же? свой же брат, да еще...». И он встал, подумал, да и постучал (312, 37—39)

а. я мало разговаривал с тобой... И он встал, подумал, вздохнул, да постучал *б.* я мало разговаривал с тобой... И хоть бы офицер какой, прибавил он с досадой, или барин [како‹й›?] — коли уже такому греху надо было случиться — а то кто [же?] — свой брат — да еще... И он встал, подумал, подумал, да и постучал ◊

если б не случилось, наконец, происшествия, (313, 11—12)

а. если б не случилось происшествия *б.* если б не случилось происшествия уже ожиданного нашими читателями, происшествия *в. Как а.* ◊

нахмурился и потупился; (313, 18—19)

и увидав Наума, нахмурился и потупился

Авдотья его не увидала, но когда раздался в сенях его голос, ложка слабо дрогнула в ее руке. (313, 20—22)

а. Авдотья его не увидела, но ложка дрогнула в ее руке, когда раздался в сенях его голос *б. Как в тексте. в. Как а.* ◊

Он приказывал работнику лошадь поставить на двор. (313, 22—23)

Он приказывал работнику поставить лошадь на двор ◊ *вписано.*

промолвил он и снял шапку (313, 25)

промолвил он, оглянулся и снял шапку

— Я от барыни. (313, 29)

Я от вашей барыни ◊

Наум с удивлением глянул на Акима. (313, 40)

вписано.

— Да так вот что не про тебя. — У Акима глаза заблестели, и он ударил рукой по столу. (314, 2—3)

Да так. — Не про тебя. У Акима глаза [вдруг] заблестели и он ударил рукой по столу.

ты мне надоел, Наум Иваныч, вот что. (314, 6—7)

а надоел ты мне, Наум Иваныч — вот что. — [Вот что я тебе говорю]

— Что ты такое мне говоришь? — спросил значительно Наум. (314, 15—16)

а. Что ты мне говоришь? — Спросил его Наум *б.* Что ты такое мне говоришь? — спросил значительным голосом Наум.

Наум шагнул вперед. — Батюшки, не деритесь, голубчики мои, — залепетала Авдотья, которая до того мгновенья сидела неподвижно за столом. (314, 19—22)

Наум шагнул вперед. — Батюшки, не деритесь, голубчики мои — залепетала Авдотья, которая до того мгновенья сидела [как вкопанная у стола] *вписано.*

Слыханное ли дело, из чужого дома выгонять, — прибавил с медленной расстановкой Наум, — да еще хозяина. (314, 27—29)

Слыханное ли дело из чужого дома выгонять — да еще хозяина ◊

Разве не я хозяин? (314, 34)

Разве здесь — не я хозяин? — То-то есть — что не ты. — Так кто же? ◊

— Экой ты бестолковый, братец. Говорят тебе — я хозяин. (314, 35—36)

Экий ты бестолковый — братец. Говорят тебе — я. ◊

— Что ты такое врешь, словно белены объелся, — заговорил он наконец. — Какой ты тут, к черту, хозяин? (314, 38—40)

Да ты врешь. Этого быть не может, закричал он наконец

купчая и на землю твою и на двор; я их купил у помещицы, у Лизаветы Прохоровны купил; (315, 4—6)

а. купчая на твой двор — я его купил, у твоей помещицы *б.* купчая на твой двор — я его купил у твоей помещицы, у Лизаветы Прохоровны купил

вчера купчую в Б... с совершили — хозяин здесь, стало быть, я, а не ты. (315, 6—7)

а. Начато: и вчера ее в Б-е *б.* вчера эту купчую в Б-е совершили — и хозяин здесь стало быть я, а не ты

Я пойду сам, я сам скажу... Как... за что же продавать... Постой... постой... (315, 22—24)

а. Я пойду — я скажу, я сам скажу — как — за что же отнимать *б.* Я пойду сам, я сам скажу — как — за что же отнимать... Постой... постой... ◊

— К барыне! пусти! К барыне... — завопил Аким (315, 29)	*а.* К барыне! К барыне... завопил несчастный. *б.* К барыне! пусти! К барыне... завопил несчастный ◊
— за что же такая немилость? Кажется, усердствовал! (315, 35—36)	не дай пропасть, за что? кажется, усердно служил ◊
Аль что случилось? — (316, 8)	*Начато:* Ты нездор‹ов›
сказал он с низким поклоном, (316, 15—16)	*а.* продолжал он *б.* сказал он с поклоном
Решимость быстро исчезла в нем с самого того мгновенья, как только он вступил в прихожую. (316, 20—22)	Отвага отчаяния [словно] быстро [исчезла] исчезала в нем [с тех пор] с самого того мгновенья, как он переступил порог господского дома ◊
прибавила она с досадой и волнением, — (316, 29—30)	прибавила она [с доса‹дой›] снова принимаясь ходить по комнате
Лизавета Прохоровна подняла голову. (316, 36)	*вписано.*
а впрочем, что я его вознагражу... ну, там, ты уже знаешь. Пожалуйста, Кирилловна. (316, 39—40)	*Начато:* а впрочем чтобы он — ну там ты уже знаешь. Главное — чтобы я больше об этом
Кирилловна вошла в кабинет (317, 4)	*а.* Кириловна вошла *б.* Кириловна снова вошла
лукавой смышленностью (317, 5—6)	лукавой наблюдательностью
— Никак нет-с. Чего ему жаловаться? (317, 12)	*вписано.*
— А приходил он просить-с, пока до награжденья, не будет ли милости вашей оброк ему простить, на предбудущий год то-есть... (317, 15—17) — Разумеется, простить, простить, — с живостью подхватила Лизавета Прохоровна, — разумеется. С удовольствием. (317, 18—20)	*а.* А приходил просить-с, не будет ли Вашей милости — простить ему на будущий год оброк *б.* А приходил он просить-с, не будет ли милости Вашей оброк ему на будущий год простить-с ◊ Разумеется, простить, с живостью подхватила Лизавета Прохоровна, разумеется ◊

И вообще скажи ему, что я его вознагражу. (317, 20)	*вписано.*
Кирилловна донесением своим успокоила госпожу, но разговор между ею и Акимом происходил в действительности не совсем так, как она его передала; (317, 30—32)	*а. Начато:* В действительности разговор между Кириловной и Акимом происходил *б. Начато:* Разговор между Кириловной и Акимом происходил в действительности несколько пначе, чем *в.* Кириловна донесением своим успокоила свою госпожу — но разговор между ею и Акимом происходил в действительности не совсем так, как она его передала.
и не мог. (317, 40)	*а.* и не нашелся что сказать — мы сказали выше, что отвага отчаяния в нем псчезла *б.* и не знал что сказать. Отвага отчаяния, о которой мы упомянули выше — [заменилась] сменилась в нем другим чувством, [тоже] — другим видом отчаяния — какой-то холодной и тяжелой тишиной ◊
— Не могут, — повторил он и помолчал. (318, 8)	*вписано.*
На это господская воля. А переменить этого нельзя. (318, 12—13)	Ведь уж на то господская воля, Вы сами знаете; ведь мы все господские ◊
ведь это ни к чему не поведет. Неправда ли? (318, 14—15)	*вписано.*
Аким заложил руки за спину. (318, 16)	*а.* Аким продолжал глядеть на нее ‹*2 нрзб.*› *б.* Аким продолжал глядеть на нее и заложил руки за спину.
чтоб оброку вам поспустить, что ли... (318, 18—19)	чтобы с вас, например, оброку сбавили — что ли... Изба у вас пока на деревне есть... ◊
По крайней мере за сколько он пошел, двор-то? — Не знаю я этого, Аким Семепыч, пе могу вам сказать... (318, 24—27)	*вписано.*

Вы тот же купец, вас и с дворовым сравнить нельзя, (318, 31—32)	*а.* Вы из дворовых у пас первый *б.* Вы и из дворовых у нас почитай что первый
Не убивайтесь понапрасну. (318, 33)	*вписано.*
— А знать, я и впрямь купцом стал, — сказал самому себе Аким, остановившись в раздумье перед воротами. — Хорош купец! (318, 39—319, 1)	А знать я и впрямь дворовым стал, сказал самому себе Аким, остановившись в раздумье [перед] на дворе перед воротами ◊
И, совершенно забыв о Наумовой лошади, на которой приехал, поплелся он пешком по дороге к постоялому двору. (319, 3—5)	*а.* И он поплелся пешком по дороге к постоялому двору, совершенно позабыв о лошади [Н‹аума›], на которой приехал *б.* И он поплелся пешком по дороге к бывшему своему постоялому двору, совершенно позабыв о Наумовой лошади, на которой приехал
Он поднял глаза и увидал знакомца своего, приходского дьячка Ефрема, прозванного Кротом, маленького, сгорбленного человечка с вострым носиком и слепыми глазками. (319, 8—11)	*а.* Он поднял глаза — и увидал знакомца своего, дьячка Ефрема, по прозвищу Крота, маленького сгорбленного человека с вострым носиком и черной косичкой *б.* Он глянул в сторону и увидал знакомца своего, дьячка соседней церкви Ефрема, прозванного Кротом, маленького сгорбленного человека с вострым носиком, слепыми глазками и черной косичкой ◊
Ефрем посторонился, и Аким взлез к нему в телегу. (319, 18—19)	*а.* И Аким взлез к нему в телегу *б.* И Аким взлез к дьячку в телегу *в.* Дьячок посторонился и Аким взлез к нему в телегу ◊
ты не бийца, не буян, не напрасливый; домостроитель ты, но питух, (319, 31—32)	*вписано.*
и такой питух — давно бы тебя пора под начало за это, ей-богу; потому это дело скверное... (319, 32—34)	*а.* А питух — и такой питух — давно тебя пора под начало, давно-давно. Я бы тебя вот как за это, потому это дело сквер-

	ное *б.* [А ты] — и такой питух — давно бы тебя пора под начало за это — вот что. — Я бы тебя вот как за это, ей-богу; потому это дело скверное ◊
так ступай, мол, вон. — Важно, вот оно как хорошо... важно! — заметил Ефрем. (320, 18—20)	*вписано.*
— Важно, вот оно как хорошо... важно! — заметил Ефрем. (320, 19—20)	Хорошо, вот это хорошо, с важностью заметил Ефрем
— А ты, чай, оставаться собиралась? — горько промолвил Аким, (320, 21—22)	Да разве ты оставаться собиралась, промолвил Аким
И зачем ты мне сказал, куда ты деньги прячешь, окаянная я... (320, 32—33)	*вписано.*
и ты это... А! из подполицы достала... достала... (302, 39—40)	*а. Начато:* и ты это... *б.* и ты это... Так и деньги из подполицы достала... достала...
не бей, не дерись, (321, 2)	не бей, не бей
пролепетал Ефрем, у которого от такого неожиданного происшествия хмель начинал проходить. (321, 2—4)	*а.* [пробор<мотал>] пролепетал [он] Ефрем, у которого хмель начинал пропадать *б.* пролепетал Ефрем, у которого от такого неожиданного происшествия хмель начинал пропадать ◊
ко двору подвезти, — промолвил Аким, (321, 27—28)	*а.* домой подвезти — отвечал Аким *б.* до дому подвезти — через силу промолвил Аким
А ее-то как? — Аким ничего не отвечал. (321, 30—31)	*а.* А ее-то как? *б.* А ее-то как? — И Ефрем взял возжи
Ефрем жил в версте от Акимова двора, (321, 39)	*а. Начато:* Ефрем жил *б.* Ефрем жил в верстах в двух от Акимова двора
недавно выстроенной наследниками богатого купца, в силу духовного завещания. (322, 1—3)	недавно перестроенный болховским купцом — по духовному завещанию
Ефрем во всю дорогу (322, 3)	*а. Начато:* Он *б.* Ефрем [во всю дорогу] во всю дорогу *в.* Ефрем всё время *вписано.*

Аким сидел неподвижно, немного отворотясь от Ефрема. (322, 5—6)	*вписано.*
— произнес наконец Аким, — нельзя ли вина? (322, 25—26)	*а. Начато:* произнес Аки‹м› *б.* произнес наконец Аким. — Ефрем — нельзя ли вина?
Ефрем встрепенулся. (322, 27)	*вписано.*
его у меня нету, вина-то, (322, 28)	*а.* у меня его нету. *б.* у меня его нету, вина-то ◊
сбегаю к отцу Феодору. У него завсегда.. (322, 29—30)	к отцу [Михаилу] Федору сбегаю — у того всегда бывает ◊
— Он налил и ему и себе... и пустился болтать... (322, 40—323, 1)	*вписано.*
Поступок Авдотьи его озадачил. (323, 1)	Его не столько изумляла продажа [дом‹а›] Лизаветой Прохоровной Акимова дома — говоря по правде — [она] эта продажа вовсе его не изумляла — но поступок Авдотьи его озадачил ◊
Удивительное, право, дело, — говорил он, — каким это образом произошло? Стало быть, он приворожил ее к себе... ась? (323, 2—4)	*Начато:* А такое удивительное дело — каким это образом — стало быть, он приворожил ее как ‹?›
Вот что значит жену-то как нужно строго соблюдать! В ежовых руковицах держать ее следует. А все-таки вам домой заехать не худо; ведь там, чай, у вас добра много осталось. И много еще подобных речей произнес Ефрем; он, когда пил, не любил молчать. (323, 4—9)	*вписано.*
Нужно строго соблюдать! (323, 4—5)	*а.* надобно держать — во! *б.* нужно строго содержать
Через час вот что происходило в Ефремовом доме. (323, 10)	*а. Начато:* Но Аким *б.* Через час — вот что происходило в дьячковском доме ◊

Аким, который в течение всей попойки ни слова не отвечал на расспросы и замечания своего болтливого хозяина и только выпивал (323, 11—13)	Аким, который не отвечал на все расспросы своего болтливого хозяина и молча выпивал
спал на печи, весь красный, спал тяжелым и мучительным сном; ребятишки на него дивились, (323, 13—15)	*а.* спал, весь красный на печи — спал тяжелым и мучительным сном — ребятишки на него дивились *б.* спал на печи [тяжело] удушливо храпя и весь красный, спал [мер‹твым›] тяжелым и мучительным сном — ребятишки [пугливо] [молча] ‹*нрзб.*› на него дивились ◊
Кирилловна не совсем верно передала Лизавете Прохоровне разговор свой с Акимом... То же можно сказать и об Авдотье. Наум ее не выгнал, хотя она и сказала Акиму, что он ее выгнал; (323, 25—28)	*а.* А теперь вернемся к Авдотье. — Мы видели выше, что Кирпловна не совсем верно передала Лизавете Прохоровне разговор свой с Акимом ([вообще женщины редко] точность и добросовестность — вообще не женские качества) — то же можно сказать и об [Авдотье] [рассказе Авдотьи] Авдотье. — Наум ее и не выгнал — хотя она и сказала Акиму, что он ее выгнал *б.* А теперь вернемся к Авдотье. — Она сказала Акиму, что Наум ее выгнал ◊
он не имел права ее выгонять... (323, 28—29)	*а. Как в тексте. б. Начато:* но Наум ее не *в.* это была неправда; он не имел права ее выгонять
объяснения совсем другого рода. (323, 30—31)	*а. Начато:* совсем другие разго‹воры› *б.* совсем другие объяснения
что это такое? Вы наш двор купили? (323, 35—36)	что это такое? ◊
— А что-с? — возразил тот. — Купил-с. (323, 37)	А что-с? — возразил тот. Вы наш двор купили? — Купил-с. ◊
вот на что деньги нужны были? (323, 39)	вот на это деньги нужны были?

Эге, да, кажется, ваш муженек на моей лошади поехал, (324, 1—2)	Ай, да кажется он на моей лошади поехал
прибавил он, услышав стук колес. (324, 2—3)	прибавил он, услышав стук телеги *вписано*
двор был на господской земле, так и он господский, (324, 8—9)	двор был господский ◊
и я вам остаюсь благодарным и даже, при случае, вам их отдам, коли уж такой случай выдет-с; (324, 11—13)	а я вам всегда остаюсь благодарным, и даже в случае их вам отдам — коли такой придется
Да как я после этому мужу на глаза покажусь! (324, 18—19)	*вписано.*
Злодей ты, — прибавила она, с ненавистью глядя на молодое, свежее лицо Наума, (324, 19—20)	*а.* Злодей — прибавила она с ненавистью глядя па его румяное и свежее лицо. *б.* Злодей ты — прибавила она, с ненавистью глядя на его молодое и свежее лицо
ведь я душу свою для тебя загубила, (324, 20—21)	*вписано.*
ведь ты нас по миру пустил, (324, 22)	*а. Как в тексте б.* ведь ты нас по миру пустил, ограбил.
обманщик, (324, 24)	обманщик бессовестный
куда денемся? — с плачем лепетала Авдотья. (324, 31—32)	куда денемся — сквозь плач твердила Авдотья
— Куда же мы пойдем теперь, куда денемся? — с плачем лепетала Авдотья. — А этого я не могу сказать-с. (324, 31—33)	*вписано.*
заметил он, глянув в окно. (325, 3—4)	*вписано.*
Этак-то спокойнее будет. (325, 5)	Этак то [всё] спокойнее
Вы уж, сделайте милость, пожиточки свои соберите сегодня-с, а они у вас покараулят и помогут вам, пожалуй. Просим прощения-с. (325, 5—8)	*вписано.*

а они у вас покараулят (325, 7)	*Начато:* они вам помогут
Он поклонился, вышел и подозвал к себе работников... (325, 9—10)	*а. Начато:* И он вышел — подошел *б. Начато:* он поклонился, вышел и всту‹пил›
Авдотья упала на лавку, потом легла (325, 11)	*а. Начато:* Авдотья бросилась сперва что было *б. Начато:* Авдотья бросилась [было сперва] сперва было
она отправилась к господской усадьбе. (325, 17—18)	она отправилась в господский дом
Горько ей было войти в дом, (325, 18)	Горько ей было войти в дом Лизаветы Прохоровны
Все девушки бросились к ней навстречу с участием и сожалением. (325, 19—20)	*а. Начато:* бросились бегом‹?› *б.* [Девушки бросились] все девушки так и бросились к ней на встречу — с участием и сожаленьем *в.* Все служанки ‹?› бросились к ней на встречу с участием и сожаленьем *вписано и зачеркнуто*
При виде их Авдотья не могла удержать слез своих; (325, 20—21)	*а.* Увидевши Кириловну, она не могла удержаться от слез *б.* Услышав их, Авдотья снова не могла удержать своих слез
они так и брызнули из ее опухших и покрасневших глаз. (325, 21—22)	*вписано.*
Вся обессиленная, села она (325, 22—23)	и молча села
Кирилловна пришла, обошлась с ней весьма ласково, (325, 24—25)	*а.* Но [та] Кирилловна с ней обошлась весьма ласково — изъявила свое сожаленье. *б.* Но Кириловна с ней обошлась весьма ласково — изъявила свое сожаленье, старалась ее ободрить, представила ей впрочем те же самые доводы, как и Акиму,
но до барыни не допустила (325, 25—26)	но до барыни не допустила
Авдотья сама не очень настаивала на свиданье с Лизаветой Прохоровной; она пришла в гос-	*зачеркнуто.*

подский дом единственно потому, что решительно не знала, куда голову приклонить. (325, 26—30)

и только изредка вздрагивала и слабо всхлипывала, (325, 35—36)

а. и только изредка судорожно вздыхала *б.* и только изредка ‹*3 нрзб.*› *в.* и только изредка вздрагивала и всхлипывала

куда они намерены переселиться и что хотят сделать (325, 36—37)

что же они намерены сделать

Авдотья от этого вопроса опять заплакала, стала уверять, что ей, кроме смерти, ничего уже не нужно; (325, 38—40)

а. Начато: Авдотья был‹о› *б.* Авдотья от этого вопроса опять было заплакала *в. Как в тексте. г.* Авдотья от этого вопроса опять заплакала ◊

им дадут на подъем и в подмогу людей и лошадей: (326, 5—6)

а. им с‹?› господского двора дадут в подмогу ‹*нрзб.*› и лошадей *б.* ей дадут на подъем и в подмогу людей и лошадей

у нас всегда место для вас найдется, (326, 9)

а. вы у нас погостите *б.* вам у нас всегда место найдется

Главное — унывать не нужно. Господь дал, господь взял и опять даст; всё в его воле. (326, 12—13)

а. Главное — унывать не нужно *б.* Главное — унывать не нужно. Господь дал, господь отнял — всё в его воле — и опять даст *в.* Главное — унывать не нужно... Господь дал, господь отнял — и опять даст — всё в его воле ◊

Авдотья отвечала, что он, встретившись с ней, очень ее обидел и уехал к дьячку Ефрему. (326, 17—18)

Авдотья отвечала, что он уехал к дьячку Ефрему

Как быть? Нужно распорядиться. (326, 21—22)

а нужно распорядиться.

она, обращаясь к одной из горничных, — попроси-ка сюда Никанора Ильича: мы с ним потолкуем. (326, 22—24)

вписано.

Никанор Ильич, человек наружности весьма мизерной, нечто

Никанор Ильич, [управляющий] [прика‹зчик›] — нечто

вроде приказчика, тотчас явился, подобострастно выслушал всё, (326, 25—27)

вроде приказчика ‹*нрзб.*› почтительно выслушал приказ

к ним по собственной охоте присоединился четвертый, который сам объявил про себя, что он будет «потолковей их», (326, 30—32)

а. к ним присоединился четвертый, который сам объявил, что он будет «потолковей их» *б.* к ним по собственной воле присоединился четвертый, который сам объявил про себя, что он будет «потолковей их». ◊ *вписано.*

как пришли с утра, так уже никуда не уходили и караулили двор очень усердно, по обещанию Наума, до того усердно, что у одной новой телеги вдруг не оказалось шин... (326, 36—39)

а. ‹2 *нрзб.*› и караулили всё во дворе очень усердно — до того усердно, что на утро у одной телеги вдруг не оказалось шин *б.* с утра [рано] ‹2 *нрзб.*› и ‹*нрзб.*› караулили двор точно весьма ‹?› усердно, до того усердно, что на утро у одной новой телеги вдруг не оказалось шин *в.* расположились [в доме хозяевами] ‹*нрзб.*› и караулили двор очень усердно, до того усердно, что у одной телеги вдруг не оказалось шин *г.* Как пришли с утра, так уж никуда не уходили и караулили очень усердно [как обещался за них Наум] по обещанию Наума действительно очень усердно, до того усердно, что у одной телеги вдруг не оказалось шин *д.* как пришли с утра, так уж никуда не уходили и

Горько, горько было укладываться бедной Авдотье. (326, 40)

отсутствует.

Несмотря на помощь толкового человека, который, впрочем, только и умел что ходить с палочкой в руке, глядеть на других и сплевывать в сторону, она не успела выбраться в тот же день и осталась ночевать в постоялом дворе, (327, 1—5)

а. Мы не станем описывать, с какими чувствами [увидала Авдотья свой дом] укладывалась бедная Авдотья... скажем только, что она не успела перебраться [в тот] в тот день из двора и осталась в нем ночевать *б.* Авдотья не успела выбраться в тот же день и оста-

	лась ночевать в постоялом дворе
задремала только на заре лихорадочной дремотой, и слезы текли по ее щекам даже во сне. (327, 6—8)	*а. Начато:* заснула только на заре и плакала даже *б.* задремала только на заре тонкой <?> лихорадочной дремотой
она вынула щеколду. Ефрем сообщил (327, 14—15)	она его выпустила. Ефрем действительно сообщил
поглядел бы хоть ты на себя — лицо на лицо не похоже, (327, 19—20)	*Начато:* посмотрел бы хоть ты на себя — рожа
и, проведя рукой по голове, (327, 22—23)	и проведя рукой по косичке ◊
Ефрем быстро взглянул на Акима... Он почувствовал в это мгновенье некоторое внутреннее содрогание; подобного рода ощущение испытывает стоящий под опушкою охотник (327, 33—36)	*а.* Ефрем почувствовал в это мгновенье ощущенье, подобное тому, которое внезапно овладевает [охотником] стоящим над опушкой охотником *б.* Ефрем быстро взглянул на Акима... он почувствовал в это мгновенье <*2 нрзб.*> содрогание; подобного рода [ощущенье] [содро<гание>] ощущение испытывает стоящий под опушкою охотник *вписано.*
при внезапном тявкании гончей в лесу, из которого уже, казалось, весь зверь выбежал. (327, 36—38)	*а.* при первом тякании гончей в лесу, — в котором он уже не надеялся найти что-нибудь и *б.* при внезапном тякании гончей в лесу, из которого уже, казалось, весь зверь выбежал ◊ *вписано.*
потерпите. Он вышел и, благодаря искусно принятым мерам, успел незаметным образом пронести под полой большую бутылку... (328, 3—6)	*а.* вышел — и так ловко распорядился, что пронес таки бутылку под полой *б.* потерпите. Он вышел — и успел незаметным образом пронести под полой большую бутылку
Аким взял эту бутылку... (328, 7)	*а.* Аким опять принялся пить... но через полчаса спал по-вчерашнему как убитый на печи *б.* Аким взял бутылку

и объявив Акиму, что поедет посмотреть, что такое у него делается (328, 8—10)	[а объявив] и предложил Акиму [как] что поедет посмотреть что делается у него на дворе
его пожитки, и не грабят ли его, (328, 10—11)	*а. Начато:* его пожитки — на что *б.* его пожитки — и не грабят ли его наконец ◊
тотчас отправился к постоялому двору (328, 11)	действительно отправился туда
Аким скоро после его ухода уже спал опять как убитый на печи... Он даже тогда не проснулся, по крайней мере не подал вида, что проснулся, когда вернувшийся часа через четыре Ефрем (328, 15—18)	*а. Начато:* Аким ничего не отвечал [не] [Ефрему на его] [на то что] Ефрему ‹*нрзб.*› что начал его спрашивать, не поручит ли он сказать что-нибудь от себя *б.* Аким скоро после его ухода — уже спал опять как убитый на печи... Он даже тогда не проснулся, когда часа через четыре вернувшийся Ефрем
и будить, и лепетать над ним какие-то чрезвычайно сбивчивые слова о том, что уже всё поехало и переехало, и образа, мол, сняты, уже и поехали, и всё уже кончено — (328, 19—22)	*а. Начато:* и будить лепеча притом *б.* и будить — и лепетать над ним какие-то непонятные слова о том, что уже всё поехало, и образа мол [впереди] сняты и тоже поехали
и что его все ищут, но что он, Ефрем, распорядился и запретил... и т. д. (328, 22—23)	*вписано.*
а сама, в большом негодовании и на мужа своего и на гостя, по милости которого муж «запил», легла в комнате на полатях... (328, 24—26)	*а. Начато:* Но когда *б.* а сама в большом негодовании легла [на] в комнате *в.* а сама в большом негодовании легла в комнате на полатях *г.* а сама в большом негодовании и на мужа своего и на гостя, по милости которого он «запил», легла в комнате на полатях
ночь еще стояла такая темная, что само небо чуть-чуть серело прямо над головой, а по краям совершенно утопало во мраке — (328, 29—31)	*а.* ночь стояла темная такая, что хоть глаз выколи *б.* ночь еще стояла такая темная, что само небо чуть-чуть светлело прямо над головой — а по краям утопало во мраке.

как уже Аким выходил из ворот дьячковского дома. (328, 32)

а. как уже он [тихонь‹ко›] выходил из дьячковского дома *б.* как уже он выходил из ворот дьячковского дома ◊

в направлении прежнего своего жилища — (328, 34—35)

в направлении постоялого двора

Наум тоже не спал в то время, когда Аким покидал украдкой дом Ефрема. (328, 38—39)

а. Начато: и этот *б. Начато:* [В то самое время ‹*2 нрзб.*›] В то самое время, когда Аким покидал украдкой дом Ефрема [это‹т›] *в. Начато:* Наум, который тоже не спал в то время и *г.* Наум тоже не спал в то время, когда Аким покидал украдкой дом дьячка ◊

Он не спал; подостлав под себя тулупчик, лежал он одетый на лавке. (328, 39—40)

а. Он лежал одетый на лавке *б.* Он лежал одетый на лавке, под образом

он с удивительным хладнокровием (329, 1)

[он] напротив он с удивительным хладнокровием

присутствовал с утра при укладке и перевозке всего Акимова скарба и не раз заговаривал с Авдотьей, которая до того упала духом, что даже не упрекала его... (329, 2—5)

а. Начато: присутствовал целый день *б.* присутствовал с утра при укладке Акимова скарба — и даже сам заговаривал с Авдотьей, которая [не имела] до того упала духом, что не упрекала его.

Совесть его была покойна, но его занимали разные предположения и расчеты (329, 5—6)

его занимали разные предположения и расчеты

Он не знал, посчастлпвится ли ему на новом поприще: до тех пор он никогда еще не содержал постоялого двора, — да и вообще не имел своего угла; (329, 6—9)

а. Начато: не знал, как *б.* Он не знал, посчастливится ли ему на новом его поприще — [он] до тех пор он никогда еще не содержал постоялого двора — да и вообще [никогда] не имел своего угла

оставшись один после ужина, всё не мог заснуть. (329, 15—16)

а. и всё не мог успокоиться *б.* и оставшись один после ужина всё не мог успокоиться *в.* и оставшись один после ужина всё не мог успокоиться, не мог заснуть ◊

Так случилось, что в тот день ни один из проезжих не остался ночевать; это его очень обрадовало. (329, 16—18)	*вписано.*
вишь они свою увели, — (329, 19—20)	*вписано.*
осторжно трещал за печкой, (329, 23—24)	трещал в углу за печкой
да мышь где-то скреблась, (329, 24)	*вписано.*
да слышалось собственное дыханис. (329, 24—25)	*а. Как в тексте. б.* да слышалось его собственное протяжное дыхание ◊
Всё было тихо в пустой комнате, тускло освещенной желтыми лучами маленькой стеклянной лампадки, которую он успел повесить и зажечь перед образком в углу... (329, 25—28)	в пустой комнате, тускло освещенной желтыми лучами маленькой стеклянной лампадки, которую он успел [куп‹ить›] повесить и зажечь перед образом в углу ◊
потом слегка затрещал плетень... (329, 30)	*вписано.*
На дворе было очень темно... (330, 4—5)	*а. Начато:* [Так] Ночь была такая темная, что *б. Начато:* На дворе была такая темнота, что
только потому и можно было различить, что они еще гуще черпели среди черной мглы... (330, 5—7)	*а. Начато:* только и можно было потому различить, что они как будто бы еще *б.* только потому и можно было различить, что они еще более чернели среди черной мглы
— Не засветить ли фонарик? — проговорил вполголоса Федор. (330, 8—9)	Не зажечь ли фонарик, проговорил Федор
махнул рукой и притаил дыхание... (330, 10)	*а.* махнул рукой и стал вслушиваться... *б.* махнул рукой, поднял голову и стал вслушиваться...
он ничего не услыхал, кроме тех ночных звуков, которые почти всегда услышишь в обитаемом месте: (330, 11—12)	*а. Начато:* Он [ничего] не услыхал [кроме] ни‹чего› *б.* он ничего не услыхал, кроме обыкновенных ночных [шумов] звуков, которые [раз‹даются›]

	всегда услышишь в каждом обитаемом жилье
то был раскаленный уголь, и возле самого угля показалась на миг передняя часть чьего-то лица с вытянутыми губами... (330, 23—25)	*а. Начато:* раскаленного угля и возле него чьи-то на *б. Начато:* то был раскаленный уголь и возле самого угля показалась чья-то *в.* то был раскаленный уголь и возле самого угля показалась на миг передняя часть чьего-то лица с раздутыми губами
Торопливо поднявшись с земли, бросилось ему навстречу (330, 26—27)	*а.* ему на встречу бросилось *б.* поднявшись с земли, бросилось ему навстречу
я сижу на нем... (330, 37)	*вписано.*
Работники ухватили Акима, подняли его, (331, 13)	*а. Начато:* Работники [сх‹ватили›] стали его *б.* Работники ухватили Акима
Один из них начал было ругаться, (331, 14)	Один было начал ругать его
смотрите-ка, в горшке целую головешку притащил, (331, 19)	*а.* в горшке его принес *б.* в горшке уголь-то принес
надо будет узнать, где он горшок этот взял... (331, 20)	*вписано.*
— Обыщи-ка его, Федор! — прибавил он, — (331, 22)	Обыщите его! прибавил он, обращаясь к работникам
— нет ли у него там еще чего? (331, 22—23)	*вписано.*
голову на грудь. (331, 25)	*вписано.*
до утра в подвале, оттуда он не выскочит... (331, 30—31)	*а.* в погреб сейчас *б.* до утра в погреб — оттуда он не выскочит
а завтра, чуть свет, мы его к исправнику... (331, 32—33)	а завтра чуть свет мы его к становому ◊
Ефремова жена, (331, 37)	дьячкова жена ◊
припялась было за стряпню... хотя на дворе еще чуть брезжило... (331, 38—39)	*а. Начато:* припялась было за стряпню... Известно, что у нас *б.* принялась было за стряпню... [Как ‹?› водится] на Руси любят есть рано *в.* принялась было

	за стряпню... Известно — русский народ любит есть очень рано ◊
В тот день был праздник. (331, 39—40)	Притом же в тот день был праздник и дьячку [следова‹ло›] приходилось идти к заутрени ◊
кто-то уже прежде выгребал оттуда жар; (332, 1—2)	*а.* кто-то уже выгребал из нее жар *б.* кто-то уже раньше выгребал оттуда жар
из четырех своих горшков не досчиталась одного. (332, 3)	из трех горшков не досчиталась одного
Ефремова жена слыла (332, 4)	Дьячкова жена [был‹а›] слыла ◊
постояла и пошла в чулан к мужу. (332, 5—6)	[подумала] постояла — и пошла в чулан будить мужа
— я на постоялый двор теперича поеду сам; (332, 19)	я сам на постоялый двор теперича поеду, вот что-с
и вы уж будьте ласковы, матушка, дайте мне опохмелиться винца стаканчик. (332, 19—21)	*а.* а Вы уж будьте так добры, матушка, дайте мне опохмелиться — винца стаканчик ‹*Далее новый абзац*› Дьячиха *б.* А Вы уж будьте ласковы, матушка, дайте мне опохмелиться — винца стаканчик [а то ей богу ‹*3 нрзб.*›] да и [батюшке] отцу Федору скажите что [бы мол] бы меня не ждал ◊
— Ну, — решила она наконец, — дам я тебе вина, Ефрем Александрыч; только ты, смотри, не балуй. (332, 23—24)	*а.* Ну, дам вина, Ефрем Александрыч, и попу скажу; только ты ступай и не балуй [очень] и *б.* Ну, решила она, наконец, дам я тебе вина, Ефрем Александрыч, и попу скажу; только ты смотри не балуй ◊
В сенях ему попался Наум, (332, 36—37)	Ему навстречу вышел Наум
— Поздравляем с новосельем нового хозяина, — проговорил Ефрем, который знал его лично. (332, 38—39)	С новосельем — нового хозяина — проговорил Ефрем

— В первый же день, да чуть не сгорел. Ефрем дрогнул. (333, 2—3)	В первый [день] же день да чуть не сгорел.
— Уж не Аким ли?.. — медленно спросил Ефрем. (333, 7)	Уж не Аким ли... спросил [заика‹ясь›] Ефрем
Пришел ночью с головешкой в горшке — и уже на двор пробрался и огонь подложил... Все мои ребята свидетели. (333, 8—10)	*а.* Он у меня теперь в погребе сидит. — Пришел ночью с головешкой в горшке — все мои ребята свидетелп *б.* Пришел вчера ночью с головешкой в горшке — и уж на двор пробрался и [подложил огонь] огонь подложил... все мои ребята — свидетели. Он у меня теперь в подвале сидит ◊
Ефрем вдруг совершенно неожиданно заплакал. (333, 25)	*вписано.*
А вы для праздничка Христова его простите. (333, 27)	А вы для праздничка его простите ◊
И Наум пошел к крыльцу. (333, 29)	*а.* И Наум пошел к погребу *б.* И Наум пошел к подвалу
говорил Ефрем, следуя за ним. (333, 30—31)	[тв‹ердил›] лепетал Ефрем, идя за ним
Наум подошел к подвалу, широко отворил дверь. (333, 32)	Подошел к погребу... Отворил дверь.
как преступник... (333, 37)	*а.* его как преступника оберегались *б.* как преступник. Он действительно [стал] превратился в преступника
потемнели... Всё лицо его изменилось и приняло странное выражение: жестокое и запуганное. (334, 1—3)	*а. Начато:* и как будто приняло какое-то дикое *б.* и приняло выражение жестокое и вместе запуганное *в.* и приняло выражение странное: жестокое и запуганное
— Знал бы я, для чего ты вина спрашивал, — не дал бы я тебе; право, не дал бы; кажется, сам бы всё выпил! (334, 9—11)	*вписано.*
Аким закрыл глаза и умолк. (334, 27)	Аким молча задумался ‹*2 нрзб.*› и умолк *вписано.*

Аким посмотрел на него. (334, 34)	*вписано.*
Твоя воля. Много ты только на душу себе берешь. Что же, коли тебе таки уж не терпится — едем... (334, 35—37)	Это твоя воля. Много ты только на душу себе берешь. — Что ж, коли тебе так уж не терпится — едем... ◊
От Авдотьи проходу не будет...» (335, 1)	*а.* От Авдотьи проходу не будет... Да пожалуй суд привяжется... *б.* От Авдотьи проходу не будет... Да и суд чего доброго привяжется... ◊
Пока Наум рассуждал сам с собою — никто не произнес ни слова. (335, 1—2)	*а. Начато:* Все молчали во вр‹емя› *б.* Пока Наум рассуждал сам с собою — все молчали *в.* Пока Наум рассуждал сам с собою — никто не произнес слова ◊
Другие два работника стояли на крылечке и тоже молчали. (335, 5—6)	*вписано.*
когда я тебя отпущу и вот этим молодцам (он указал головой на работников) не велю болтать, что же, мы с тобой квиты будем — понимаешь меня, — квиты... ась? (335, 7—10)	Коли я тебя отпущу и вот [им] этим молодцам (он указал головой на работников) не велю болтать — что же мы — с тобой — посчитаемся что ась?
— Ты меня в долгу считать у себя не будешь? (335, 12)	*а. Начато:* И ничего за мной ты *б. Начато:* И ничего ты за мной *в.* Ты меня в долгу у себя считать не будешь? ◊
Наум вдруг, как говорится, ожидовел — знать, ему жаль стало, что выпустил Акима... (335, 28—29)	Наум вдруг задрожал, словно жаль ему стало, что выпустил Акима... *вписано.*
Пойду посмотреть, что жена делает. (336, 2)	*Начато:* пойду домой
— Эка! Довольно и так! — произнес озадаченный дьячок — (336, 7—8)	Эка! произпес озадаченный Ефрем
а я еще за него божился! (336, 8)	*а. Начато:* а я еще за него мог *б.* а я еще — вспомнил он — и нож забыл взять и горшок

После того как я за него божился. (336, 9—10)	*вписано.*
Он вспомнил, что забыл взять нож свой и горшок, и вернулся на постоялый двор... (336, 11—12)	*а.* Он вернулся на постоялый двор... Нож и горшок ему выдали. [Неудовольствие возбужденное в нем] Поступок Акима, отказавшегося угостить его, казался ему совершенно *б.* Он вспомнил, что позабыл взять [нож] нож свой и горшок и вернулся на постоялый двор [Поступок Акима, отказавшегося угостить его, казался ему странным]
Наум велел выдать ему его вещи, но даже не подумал угостить его. (336, 12—13)	*вписано.*
Совершенно раздосадованный и совершенно трезвый, явился он к себе домой. (336, 13—15)	Совершенно трезвый явился к себе домой
— Аким? — с особенным ударением спросила жена. Ефрем кивнул головой, — Аким. (336, 19—21)	*а.* Аким? спросила жена — Аким. *б.* Аким? значительно спросила жена. — Аким. *в. Начато:* Аким? с расстановк‹ой› *вписано.*
Я же за него божился, без меня бы ему в остроге пропадать, (336, 21—22)	Я же за него божился
и прогнала его с глаз долой. (336, 25—26)	и прогнала его к обедне ◊
Он словно не верил своей свободе. (336, 31)	*а.* Чего он не передумал в эту последнюю жестокую ночь! *б.* Он [как будто] еще не верил своей свободе ◊
глядел он на поля, на небо, на жаворонков, трепетавших в теплом воздухе. (336, 32—33)	*а.* глядел он на поля, на небо, на жаворонков [порывисто] в теплом воздухе *б. Как в тексте. в.* глядел он [на ‹*нрзб.*›] на трепетавших в теплом воздухе жаворонков
Накануне, у Ефрема, (336, 33)	*а.* Накануне *б.* Накануне, у дьячка

с самого обеда не спал, хоть и лежал неподвижно на печи; (336, 34—35)	*а.* с самого [обеда на] утра [недв <...?>] не спал, лежал и обдумывал *б.* с самого обеда не спал, хоть и лежал неподвижно *в.* с самого обеда не спал, хоть и лежал неподвижно [на печи] на полати
вином заглушить в себе нестерпимую боль обиды, тоску досады, бешеной и бессильной... (336, 35—37)	*а.* вином заглушить свою нестерпимую жгучую тоску [досады] дикого бешенства, досады *б.* вином заглушить в себе нестерпимую, жгучую боль обиды, тоску [и бешенство] досады, доходившей до бешенства, до [без<умия>], бешеной и бессильной ◊
но вино не могло одолеть его до конца; сердце в нем расходилось, (336, 37—38)	но вино не могло одолеть его
он начал придумывать, как бы отплатить своему злодею... (336, 38—39)	и он начал обдумывать свою месть...
Он думал об одном Науме, Лизавета Прохоровна не приходила ему в голову, от Авдотьи он мысленно отворачивался. (336, 39—337, 1)	*а. Начато:* Странно! *б.* Странное дело, он думал об одном Науме... Лизавета Прохоровна [не приходила] не занимала его мыслей
жажда мести разгорелась в нем (337, 2)	жажда мести в нем [до<шла>] разгорелась ◊
с огнем в руках побежал истреблять свой бывший дом... (337, 4—5)	побежал к бывшему своему двору
Чего он не передумал в эту жестокую ночь! (337, 6—7)	Чего он не передумал, не перечувствовал в эту жестокую ночь!
Трудно передать словами всё, что происходит в человеке в подобные мгновенья, все терзанья, которые он испытывает; (337, 7—9)	Трудно передать словами всё что делается в человеке в такие мгновенья, все терзанья, которые он испытывает
оно тем более трудно, что эти терзанья и в самом-то человеке	*а. Начато:* тем более трудно — но как бы то ни <было> *б.* тем

бессловесны и немы... (337, 9—11)

более трудно, что эти терзания и в самом-то человеке бессловесны и немы, в самой своей свирепости

К утру, перед приходом Наума с Ефремом, (337, 11—12)

а. скажем только, что перед приходом Наума с Ефремом *б.* скажем только, что к утру перед приходом Наума с Ефремом ◊

«Всё пропало!— подумал он, — всё на ветер пошло!» — и махнул рукой на всё... Если б он был рожден с душой недоброй, в это мгновенье он мог бы сделаться злодеем; но зло не было свойственным Акиму. Под ударом неожиданного и незаслуженного несчастья, в чаду отчаянья решился он на преступное дело; оно потрясло его до основания и, не удавшись, оставило в нем одну глубокую усталость... (337, 12—20)

вписано.

Если б он был рожден с душой недоброй, в это мгновенье он мог бы сделаться злодеем; но зло не было свойственным Акиму. (337, 14—16)

а. Начато: такое чув‹ство› *б. Начато:* Если б он был злой человек *в.* Если б он был рожден человеком недобрым, в это мгновенье он мог бы сделаться злодеем, но зло не шло к [его душе] нему пикак

оно потрясло его до основания и, не удавшись, оставило в нем одну глубокую усталость... (337, 18—20)

а. [но] [это утешение] оно ему стало наказаньем и не удавшись оставило взамен одну усталость *б.* оно потрясло его до основания и не удавшись оставило в нем одну усталость

оторвался он сердцем от всего житейского и начал горько, но усердно молиться. (337, 20—22)

Он оторвался мысленно ото всего житейского и начал молиться

У поворота, ведущего к господской усадьбе, он остановился было... и прошел мимо. (337, 32—33)

а. [Аки‹м›] Аким постоял в раздумье и свернул направо *б.* [Дойдя] он остановился в раздумье на перекрестке и свернул направо *в.* Он остановился на

	перекрестке и миновав его прошел мимо *г.* Он остановился было у повертка, ведущего к господской усадьбе, и прошел мимо. ◊
сперва зайти в свою бывшую избу к старику дяде. (337, 34)	*а.* зайти сперва к своему старику дяде *б.* зайти сперва в свою избу к старику дяде
Небольшая и довольно уже ветхая Акимова изба находилась почти на самом конце деревни; (337, 35—36)	*Начато:* Небольшая изба, которая некогда принадлежала
Первый человек, ему попавшийся навстречу, был именно тот дядя, которого он искал. (338, 1—3)	Первый человек, который ему попался навстречу, был именно тот дядя, к которому он шел
Старик с самого утра просидел на завалинке под окошком, понюхивая табачок и греясь на солнце; (338, 3—4)	Старик только что поднялся [было] было с завалинки под окошком, куда он [вышел] выбрался погреться на солнце
оттого он и в церковь не ходил; он только что собрался было навестить другого, тоже хворого старика-соседа, (338, 5—7)	*а.* и [хотел] он хотел зайти к другому старику соседу *б.* он хотел было зайти к другому тоже хворому старику соседу *в.* он хотел навестить другого тоже хворого старика соседа *г.* оттого он и в церковь не пошел — наконец он встал и хотел навестить другого тоже хворого старика соседа *вписано.*
минуя старика, вошел в ворота своей избы... (338, 11—12)	*а.* минуя старика вошел в ворота *б.* и пройдя слева, вошел в ворота
На дворе стояли его лошади, корова, телега; тут же ходили его куры... (338, 12—13)	*а.* На дворе увидал он своих лошадь, корову, две телеги и другие пожитки *б.* На дворе увидал он своих лошадь, корову, сво‹и› телеги [и свою] [пти‹цу›] домашнюю птицу
И старик надел шапку и отправился. (338, 34)	Знает где что плохо лежит... И старик надел шапку и вышел вон

он к ним на постоялый двор не хаживал (338, 37—38)	*а.* он к ним никогда не хаживал *б.* он к ним на постоялый двор никогда не хаживал
— Чего тебе, Петрович, (339, 1)	Чего тебе, Федосей Петрович
— Да где же он? — А на деревне, в избе сидит. (339, 6—7)	*вписано.*
Авдотья потупилась. (339, 12)	Авдотья помолчала
надела большой платок, (339, 13—14)	надела большой платок на голову ◊
на котором он его оставил. (339, (21—22)	*вписано.*
— Эх, Арефьевна, все мы грешные люди. (339, 35)	не ты одна виновата — все мы грешные люди
заговорила Авдотья звенящим голосом, (339, 37—38)	*а. Начато:* начала она *б.* заговорила Авдотья [др<ожащим>] страстным <?> голосом
Лизавета Прохоровна вольна была двор наш продать, (340, 2)	*а. Как в тексте. б.* Лизавета Прохоровна — господь ей судья! — вольна была двор наш продать.
Авдотья изумилась: (340, 6)	*вписано.*
его загорелись, (340, 9)	*вписано.*
в подвале, по рукам, по ногам связанный, (340, 10—11)	в подвале [просид<ел>] провел я ночь с связанными руками
Я у него двор хотел поджечь, да он меня поймал, Наум-то; ловок он больно! (340, 12—13)	*вписано.*
стало быть, мне с него денег не приходится получать. (340, 14—15)	[так] [так вот] стало быть мне уж с него денег [и] не приходится получать ◊
А когда, скажет он, я у тебя занимал деньги? (340, 16—17)	*а. Начато:* Что, он скажет, когда *б.* А когда, скажет он, я у него деньги занимал?
с твоей Кирилловной сообща; вы ведь одного поля ягодки. (340, 29—30)	*а. Начато:* с твоей [тихо<ней>?] Кириловной — а *б.* с твоей Кириловной сообща *в.* с твоей Кириловной сообща — вы ведь одного поля ягодки, обе дырявые <?>

Нет, Арефьевна, ведь это дело не то, что примерно сказать, жениться; (340, 37—38)

а. Начато: Нет, Арефьевна, уж коли *б.* Нет, Арефьевна, ведь это дело — не то, что, например, жениться

не хочу, чтобы на меня пальцами тыкали... понимаешь? (340, 39—40)

Начато: не хочу, чтобы все меня

— Какие же твои грехи, Семеныч? — робко произнесла Авдотья.
— Уж про них, жена, я сам знаю. (341, 3—5)

вписано.

— Какие же твои грехи, Семеныч? — робко произнесла Авдотья. (341, 3—4)

Какие же твои грехи, Семеныч

— Уж про них, жена, я сам знаю. (341, 5)

Уж про них я сам знаю, Арефьевна

Как я без мужа жить-то буду? (341, 7)

[Что] Как же я без мужа жить-то буду?

Очень тебе нужен такой муж, как я, (341, 9—10)

а. Начато: Очень я тебе *б.* Очень тебе нужен такой мужик — как же? *в.* Очень тебе нужен такой мужик как я ◊

Как же! Обходилась прежде, обойдешься и вперед. (341, 10—11)

а. Начато: Нет, мать моя, какова? *б.* Нет, мать моя, обходилась ты и прежде б‹ез меня›

А добро, какое еще у нас осталось, возьми себе, ну его!.. (341, 11—12)

а. Начато: Добро какое еще ост‹алось› *б.* А добро какое еще у нас осталось, возьми себе — господь с тобой!

Сам я виноват — и наказан. (Аким, вздохнул.) (341, 17—18)

а. Сам я виноват во многом, виноват и наказан ‹*нрзб.*› *б.* Сам я виноват и наказан

Лета мои старые, пора о душеньке своей подумать. Меня сам господь вразумил. Вишь я, старый дурак, с молодой женой хотел в свое удовольствие пожить... Нет, брат-старик, ты сперва помолись, да лбом оземь постучи, да потерпи, да попостись... (341, 19—23)

вписано.

Нет, брат-старик, ты сперва помолись, да лбом оземь постучи, (341, 22—23)	*а.* Нет, говорит бог, ты сперва помолись *б.* Нет, старик, ты сперва помолись ◊
— спросил ее Петрович, (341, 29)	произнес с завалинки старик
Вишь не побил, — произнес про себя (341, 31—32)	Вишь не побил, — повторил про себя *вписано.*
Аким исполнил свое намерение (341, 34)	*а.* Аким исполнил свое намерение *б.* Аким исполнил свое намерение. Лизавета Прохоровна велела выдать ему пачпорт и великодушно простила ему [годичный] [трехгодичный] оброк на 3 года вперед. ◊
сперва в Киев, (342, 5)	сперва во Мценск к Николаю Чудотворцу
хотя никогда не забывал принести барыне просвиру с вынутым заздравным... (342, 7—8)	*вписано.*
и у раки св. Сергия, (342, 11—12)	и у раки св. Сергия, и на крутой горе, ведущей к Афонскому собору
везде бывал он... (342, 13)	*вписано.*
вместе с другими странниками, (342, 17—18)	*вписано.*
В Москву он являлся почти каждую весну (342, 19—20)	заходил почти [каждое ле‹то›] каждую весну
говорят, он побывал в самом Иерусалиме... (342, 22—23)	говорят он, наконец, отправился в Иерусалим
много говорили о его набожности и смиренномудрии те люди, которым удавалось с ним беседовать. (342, 24—26)	много говорили о его набожности и мудрости те, которым удавалось с ним беседовать
какими средствами достал он себе постоялый двор, (342, 30)	*а. Начато:* каким об‹маном› *б.* какими средствами [он] достал он себе Акимов постоялый двор
Никто не любил Наума (342, 32)	*а.* Никто не любил его. *б.* Словом никто не любил Наума
С укоризной рассказывали про него, будто он однажды самому	*вписано.*

Акиму, попросившему у него под окном милостыню, отвечал, что бог, мол, подаст, и ничего не вынес ему; (342, 33—36)	
все соглашались, (342, 36)	все сознавались ◊
что счастливей его человека не было; (342, 36—37)	*а.* что во всем ему была удача и не только дьячок Ефрем — сам отец Федор решил, что [на] это всё к нему приходило свыше... нехороший человек — толковали они — а видимая божья благодать! *б.* что счастливей его человека не бывало — и не только дьячок Ефрем — сам отец Федор решил, что это всё к нему приходило свыше... нехороший человек, жадный [бессов‹естный›] завистливый — толковали они — а видимая на нем божья благодать! ◊
хлеб у него родился лучше, чем у соседа; пчелы роились больше; куры даже чаще неслись, скот никогда не болел, лошади не хромали... (342, 37—39)	*вписано.*
чем у соседа; (342, 36—37)	чем у соседей ◊
в качестве главной швеи); (343, 2)	в качестве швеи
говорят, нужда заставила ее прибегнуть к нему, (343, 3—4)	*а. Начато:* говорят, [она] он *б. Как в тексте. в.* говорят, нужда заставила ее наконец прибегнуть ◊
бедность хоть кого скрутит, (343, 5—6)	нужда хоть кого скрутит
внезапный переворот в ее жизни очень ее состарил (343, 6—7)	[вн‹езапный?›] [сильный] крутой переворот в ее жизни ее очень состарил
Наум, удачно хозяйничавши лет пятнадцать, (343, 11—12)	*а.* Наум, счастливо похозяйничавши на своем дворе *б.* Наум, удачно похозяйничавши лет пятнадцать ◊

если б не случилось следующего, по-видимому, незначительного обстоятельства: (343, 13—15)	*а.* если бы однажды утром он не услыхал *б.* если бы он не услыхал утром
два утра сряду собака его, сидя под окнами, протяжно и жалобно выла; (343, 16—17)	*а.* что собака его, сидя посреди двора завыла *б.* два утра [кряду] сряду собака его, сидя перед окнами, протяжно и жалобно завыла ◊
он во второй раз вышел на улицу, внимательно посмотрел на воющую собаку, (343, 17—19)	он вышел, внимательно посмотрел на нее
покачал головой, отправился в город (343, 19)	покачал головой, поехал в город
Через неделю он уехал куда-то далеко — (343, 20—21)	И что же? Через неделю он уехал куда-то очень далеко
новый хозяин переселился на его место, (343, 21—22)	*вписано.*
В тот же самый вечер (343, 22)	*Начато:* на другой же день после исчезновения
Читатель легко себе представит, какие поднялись толки в соседстве (343, 24—25)	*а. Начато:* Легко можно *б.* Читатель легко себе представит, какие поднялись толки во всем соседстве
О нем ходят слухи, будто он занялся хлебной торговлей и разбогател сильно. (343, 27—28)	*вписано.*
Но надолго ли? Не такие столбы валились, и злому делу рано или поздно приходит злой конец. (343, 28—30)	*отсутствует.*
даже не слишком постарела, (343, 36)	словно даже не постарела
не имея детей и не будучи (343, 36—37)	*Начато:* не имея детей и никого
В разговоре она часто упоминает об Акиме и уверяет, что с тех пор, как узнала все его качества, она русского мужика	*вписано.*

очень стала уважать. (343, 37—39)

опа часто упоминает (343, 37) — она упоминает

очень стала уважать. (343, 39) — больше стала уважать

замуж по любви за какого-то молодого, белокурого официанта, (343, 40—344, 2) — замуж за какого-то белокурого официанта

опустилась (344, 4) — спустилась ◊

одевается очень бедно, (344, 5) — *Начато:* и трудно

от столичных замашек (344, 5—6) — от столичных прежних замашек

модной горничной, от привычек зажиточной дворничихи (344, 6—7) — *вписано.*

После окончания текста: Ив. Тургенев

[15] 14 ноября 1852-го года
Пятница — 11 часов вечера
в Спасском

«ПЕРЕПИСКА». ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ

Черновой автограф рассказа «Переписка» (*ИРЛИ*, фонд 93, оп. 3, № 1261) содержится в двух тетрадях (в первой 14 листов, во второй 6). На первом листе рукою Тургенева написано: «Peregiska. Переписка. Издано Т. 1844». Весь лист испещрен беспорядочными, большей частью зачеркнутыми надписями и рисунками; зачеркнута первоначальная надпись: «Первый акт Д. Жуана»; изображены рука, три мужских профиля, лошадиная голова, крыша дома и пр. На л. 13 об. в левом верхнем углу рукою Тургенева вписана генеалогия, подробно раскрывающая родственные отношения двух лиц — Семена и его жены Марфы. По всей вероятности, эта развернутая генеалогия связана с каким-то неизвестным и неосуществленным замыслом Тургенева.

На первом листе второй тетради написано: «Переписка. Кончена 8-го декабря 1854. — (начата в 1844!!!)».

Почерк и цвет чернил позволяют утверждать, что Предисловие, письма I, II и III (до слов: «я не вижу никакого выхода из моего положения») написаны одновременно, — судя по указанию Тургенева, в 1844 г.; окончание III, IV, V и начало VI письма (до слов: «да винить все-таки нас нельзя») написаны в следующий, — но, очевидно, не очень отдаленный по времени — этап работы.[1] Окончание VI и VII письма писались в апреле 1852 г., так как на л. 7 имеется авторская помета «Ап‹рель› 1852», а на л. 8 на полях написано рукою Тургенева: «Муму. — Переписка» (рассказ «Муму» написан в конце апреля—начале мая 1852 г.).

Начиная от слов в VII письме: «А он? Ищите его!» — текст повести писался отдельными отрывками, в расположении которых не всегда соблюдена последовательность. Так, за текстом на л. 13 в окончательном варианте следует текст на л. 8 об., затем на л. 12 об., затем опять на л. 8 об.

Письма IX и X до слов: «не изменяйте себе, не изменяйте» — написаны на лл. 8 об., 9 и 9 об., а сделанные в них вставки находятся на лл. 13 об., 16, 13 об. и 10.

---

[1] Творческую историю «Переписки» и обоснование хронологических границ отдельных этапов работы Тургенева над повестью см.: *Сочинения*, т. VI, стр. 525—526; статья В. А. Громова о «Переписке» (*Тургенев, Сб. (1964)*, стр. 240—243).

Текст писем XI и XII написан уже в новой (меньшей из двух) тетради. Письмо XIII размещено на полях лл. 2 об. и 3, рядом с текстом Предисловия и началом I письма. Письмо XIV находится на л. 12, письмо XV — на лл. 11 об., 10 об. и 10.

Иногда последовательность повествования прерывается вставками, являющимися предварительными заготовками текста. Например, в письме VI после слов: «И вот опять на свете одним уродом больше, больше одним...» — следует текст: «неужели мы и в молодости не бываем искренни? В молодости — менее, чем когда-нибудь. Даже любовь не спасет нас — мы и любим-то по заказу». Текст этот в несколько измененном виде вошел в заключительную часть письма. Там сказано: «А я еще сейчас вас спрашивал: отчего мы не коснулись желанного берега? Оттого, что ложь ходила рука об руку с нами; оттого, что она отравляла лучшие наши чувства; оттого, что всё в нас было искусственно и натянуто, что мы вовсе не любили друг друга, а только силились любить, воображали, что любим...» (*Сочинения*, т. VI, стр. 170).

По первоначальному замыслу всех писем должно было быть 14. На л. 1 об. Тургенев записал их номера столбиком и начиная с VII письма рядом с номером кратко обозначил содержание каждого из них.

Приводим сделанный Тургеневым перечень писем, с определением их содержания, начиная с VII.

7. Она его отд‹елывает›.
8. Он согл‹ашается› и обр‹ащается› к ней.
9. Опять отд‹елывает› и гов‹орит› о себе.
10. [Присылка письма] От
[12] 11. Отв‹ет›.
[11] [См‹отри› от А‹лексея Петровича›]
‹12› Прис‹ылка› письма.
[14] 13. От‹Марьи› П‹авловны›.
[15] 14 Еще от М‹арьи› П‹авловны›.
[16] 15 От А‹лексея Петровича›.

Рядом с цифрой 10 было написано: «Присылка письма» (очевидно, речь шла о письме, полученном Алексеем Петровичем из Неаполя и отосланном им Марье Александровне); затем вместо зачеркнутого «Присылка письма» начато: «От», — а справа между цифрами 10 и 11 вписано и зачеркнуто: «11. См‹отри› от А‹лексея Петровича›»; и тут же строкой ниже без номера: «Прис‹ылка› письма».

Этому заглавию соответствует содержание 12-го письма (по окончательной пагинации), текст которого был записан Тургеневым в отдельной тетради. Необходимо отметить при этом, что обозначенное Тургеневым содержание последних трех писем (13-го, 14-го и 15-го) не менялось, хотя их порядковые номера и исправлялись.

Все это дает основание предположить, что письма XI и XII (окончательной пагинации), содержащиеся в отдельной тетради, были включены автором в повествование на последнем этапе работы, причем, количество писем, которое Тургенев решил вставить перед тремя последними, определилось не сразу, так как пятнадцатое письмо в автографе первоначально

было обозначено цифрой 16, а на л. 1 об. имеется зачеркнутая помета: «шестнадцать. 16 писем».

Черновой автограф «Переписки» содержит большое количество исправлений, общая характеристика которых дана в примечаниях к повести в академическом издании сочинений Тургенева (*Сочинения*, т. VI, стр. 527—529).

В настоящей публикации приводятся важнейшие варианты автографа.

Е. И. Кийко

Основной текст [1]	*Черновой автограф*
Я отправился к нему и нашел человека в жесточайшей чахотке. (159)	Я отправился к нему и нашел человека лет под тридцать, [худого, бледного] — в жесточайшей чахотке. ◊
Мы всячески старались убивать время: играли вдвоем в дурачки, трунили над доктором. (159)	Мы всячески старались убивать время; главной нашей забавой было (что вы думаете?) — трунить над доктором.
Мой земляк рассказывал этому весьма лысому немцу разные небылицы на свой счет, (159)	Этот очень почтенный и очень лысый муж решительно сбился с толку. Мой земляк рассказывал ему разные небылицы
И умирающий постарался его передразнить... (160)	И умирающий старался передразнить лицо удивленного эскулапа...
Всех их было пятнадцать. (160)	Все эти пожелтевшие бумажки были перевязаны бледноголубой, полинявшей ленточкой. Я с особенно грустным чувством развязал тщательно затянутый узелок. ◊
Лето прошло, наступила осень; (160)	Лето прошло, как говорится, божественным образом... наступила осень. ◊
Алексей, как человек рассудительный, скоро убедился в том, что он вовсе не влюблен, — и расстался с своей красавицей весьма благополучно; (160)	Алексей, довольно скоро убедился, что он вовсе не влюблен — и расстался с своей любезной весьма благополучно;

[1] Страницы цитируемого текста указаны по т. VI *Сочинений*.

Вас я также утешать не стану. (161)	Я вас утешать не стану. Утешают одни эгоисты — утешаются одни дураки.
А именно: позволите ли вы мне продолжать писать к вам? (162)	*отсутствует.*
Ваше письмо произвело на меня впечатление неприятное. (164)	Ваше письмо произвело на меня неприятное впечатление. Вы знаете многое, что я сама желала бы забыть.
теперь я в отличном расположении духа и глажу себя по головке. (164)	теперь я в отличном расположении духа и глажу себя по головке. Не пугайтесь моей веселости, ради бога — поймите ее... я рад тому, что нашлось наконец существо, перед которым я могу [высказать все мои тайны] высказаться.
я не вижу никакого выхода из моего положения. (165)	*Начато:* ...я не вижу никакого выхода из моего теперешнего положения. Я не знаю существа, исключая вас, с которым я бы составил
вас я не оглушал потоком болтливых речей; (165)	вас я не оглушал потоком болтливых, славянским дешевым жаром пылающих речей;
завяло тогда, как одинокий колос среди негодных трав... (165)	*Начато:* [заглохло] как одинокий колос не могло пробиться сквозь широко
мне даже совестно и гадко вспоминать о том, как некогда разыгрывалось и тешилось мое дрянное самолюбие. (166)	мне даже совестно и гадко вспоминать о том, как некогда разыгрывалось и тешилось мое дрянное самолюбие. Я, кажется, добился наконец смирения и перестал воображать себя [центром] средоточением вселенной. Каждый человек самому себе дорог и до конца жизни собой не налюбуется; но многие люди (и первый я, грешный) сверх того еще одарены страстью сообщать другим все свои впечатления. Они с таким умиленьем, так нежно, томно, снисходительно, так аппетитно

рассказывают вам о своих привычках, даже странностях, даже слабостях, как будто никто — разве уж какой-нибудь самый ограниченный и завистливый чудак — не может не принимать живейшее участие в их рассказах. «Я всегда по утрам пью зельтерскую воду; у меня, знаете, по утрам не совсем хороший вкус во рту бывает; и ведь, странное дело! Спрашивал я у докторов, отчего бы это?»

Не бойтесь: я не стану вам навязывать никаких великих истин, никаких глубоких взглядов: у меня нет их — этих истин и взглядов. (166)

[Успокойтесь] Не бойтесь, я не стану вам навязывать никаких великих истин и никаких новых взглядов на человечество вообще и на самого себя, у меня слава богу не имеется подобного товара. ◊

Село ...но, 14 апреля. (166)

С<ело> Ш<ашкино>, 24-го апреля 184...

Но молодость моя миновала — и, как тому прохожему на горе, мне всё ясно стало видно... (167)

Молодость моя прошла, и как тому прохожему на горе мне всё видно назади, да и впереди мерещится многое, о чем живому теплому телу, не разложенному еще на первобытные земли и соли — вспоминать очень жутко.

мне очень жаль самого себя. (167)

Начато: ...мне очень жаль самого себя. Этот человек, запутанный как муха в паутине

Возможно ли, чтоб я сам до такой степени испортил собственную жизнь, так безжалостно путал и мучил себя... Теперь я образумился, но уже поздно. (167)

Возможно ли, что я бы сам, сам до такой степени испортил собственную жизнь! Как безжалостно, боже мой! Я сам путал и мучил себя... Теперь я опомнился, но уже поздно! ◊

Обстоятельства нас определяют; (168)

Обстоятельства нас определяют и потом нас образуют,

каждый делает свою судьбу, и каждого она делает... (168)

Начато: ...каждый делает свою судьбу, и каждого она делает!..

	Каково бы ни было влияние моей судьбы на жизнь мою
Не получив извне никакого определенного направления, ничего действительно не уважая, ничему крепко не веря, мы вольны делать из себя что хотим... (168)	Не получив извне никакого определенного направления, поставленные с самого начала в ложное положение, преданные в жертву глубокому противоречию, ничего действительно не уважая, ничему крепко не веря, мы вольны делать из себя что хотим... ◊
И вот опять на свете одним уродом больше, больше одним из тех ничтожных существ, в которых привычки себялюбия искажают самое стремление к истине, смешное простодушие живет рядом с жалким лукавством... одним из тех существ, обессиленной, беспокойной мысли которых не знакомо вовек ни удовлетворение естественной деятельности, ни искреннее страдание, ни искреннее торжество убеждения... (168—169)	И вот опять на свете одним уродом больше, больше одним из тех ничтожных существ, в которых [ложь живет рядом с истиной] привычка, дошедшая до бессознательности, отравляет самое стремление к истине, молодость безобразно слита с старостью, [щепетильность] раздражительность живет рядом с жалким лукавством, обессиленной [истощенной] мысли не знаком покой естественной деятельности, как не знакомы ни искренняя радость, ни искреннее страдание, ни искреннее удовлетворение действительных убеждений.
А главное, мы не молоды, в самой молодости не молоды! (169)	И притом мы все-таки неискренни, хоть и откровенны, самолюбиво и дерзко откровенны... ◊
будто в нас никогда не играли, не кипели, не дрожали силы жизни? И мы бывали в Аркадии, и мы скитались по светлым ее полям!.. (169)	*отсутствует.*
Отчего нам было суждено только изредка завидеть желанный берег и никогда не стать на него твердой ногою, не коснуться его — Не плакать сладостно, как первый иудей	Отчего нам было суждено только изредка завидеть желанный берег обетованной земли и никогда не стать на него твердой ногой, не коснуться его, как тот первый иудей?

На рубеже страны обетованной? (169—170)

неотразимо потянуло в даль, в ту неизвестную даль, где призрак блаженства встает и манит среди тумана. (170)

неотразимо потянуло в даль, в ту неизвестную даль, где волнующий призрак блаженства восстает и манит [к себе] среди тумана. ◊

Разве мы не были влюблены друг в друга? Разве счастие не было «так близко, так возможно»? (170)

Разве мы не были влюблены, не воображали себя влюбленными друг в друга? Чего же мы искали?

женщина этого не может. Нет, не может она сбросить свое прошедшее, не может оторваться от своего корня — нет, тысячу раз нет! (173)

женщина этого не может... И заметьте, чем мужчина умнее, тем ему легче его преобразование, чем женщина искреннее, тем ей это труднее [не оторваться ей от прежнего]. Нет, не может она сбросить свое прошедшее, если она пустила однажды корни, не может она, не оторваться ей от них. ◊

И вот наступает жалкое и смешное зрелище... Постепенно теряя надежду и веру в себя — а как это тяжело, вы и представить не можете! — она гаснет и вянет одна, упорно придерживаясь своих воспоминаний и отворачиваясь от всего, что окружающая жизнь ей представляет... (173)

отсутствует.

Ведь это всё для него дело прошлое. (173)

Ведь ему надобно развиваться, идти вперед по новой дороге. То ведь дело прошлое. ◊

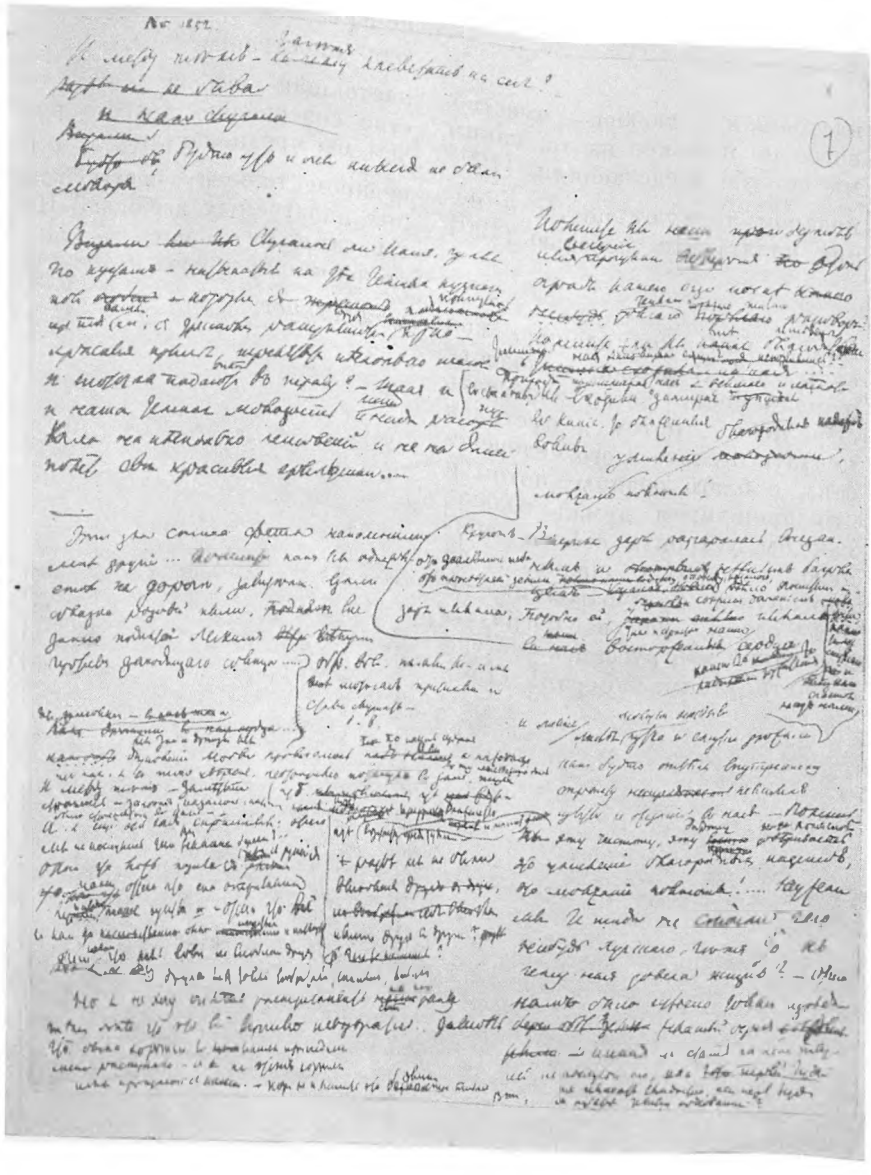
Как он умеет даже не догадываться о том, что происходит в сердце женщины, (173)

отсутствует.

меня во всем околотке иначе не называют как философкой; особенно дамы меня величают этим именем. (176)

меня во всем околотке иначе не называют как филозофкой; особенно дамы меня величают этим именем; и если какая-нибудь другая дама вздумает надеть какую-нибудь необыкно-

	венную одежду, все твердят, что это сказывается подражание филозофке.
вместо «здравствуйте», отрывисто говорю: «Жорж Занд!» (176)	*отсутствует.*
Для него моя бедная особа — неистощимый предмет насмешек. (176)	*отсутствует.*
Он божится, что я употребляю фразы вроде следующей: «Это легко, потому что трудно, хотя, с другой стороны, оно трудно, потому что легко...» Он уверяет, что я всё ищу какого-то слова, всё стремлюсь «туда», и с комическою яростью спрашивает: «Куда — туда? куда?» (176)	*отсутствует.*
Неправда! неправда! С ногами, осквернеными грязью дороги, недостойно войти в чистый храм. (179)	Самая возвышенная цель теряет всю свою цену.
Притом не забудьте: прошедшего изгладить нельзя; (179)	Притом не забудьте, кто однажды вкусил заветного плода д<ерева познания>
как ни принуждайте себя, сестрою вашей вы не сделаетесь. (179)	*Начато:* ...как ни принуждайте себя, сестрою вашей вы не сделаетесь. Так человек, изведавший сомнение, может
каким жидким пламенем переливалась и вспыхивала вода под веслами, каким благовонием веяло по всему морю — (184)	какими огнями переливалось и вспыхивало море около весел, какое благовоние спускалось над морем и вдоль лодки от далеких берегов.
А вот мой друг ничего подобного не испытал. Да и с какой стати? Он гораздо умнее меня распорядился. Он живет... а я... (185)	А вот мой друг ничего подобного не делал. Да и к чему? Теперь сравните... Вот что значит — жить, да, он живет — а я...
Кстати ж, мы теперь занесены кругом мертвыми сугробами снега. (187)	*отсутствует.*



«Переписка». Страница чернового автографа, 1844—1854 гг. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (Ленинград).

я отправился в театр смотреть балет. Я балетов никогда не любил... (188)	я отправился в театр смотреть балет. Главную роль в этом балете исполняла танцовщица и не из самых первых, заметьте — одна иностранка. ◊
настоящая любовь — чувство, вовсе не похожее на то, каким мы ее себе представляли. (190)	настоящая любовь — это чувство совершенно другого рода, чем мы предполагали.
недаром толкуют поэты о цепях, налагаемых любовью. (190)	недаром толкуют поэты о цепях налагаемых любовью! Поэты сами не знают, до какой степени они правы.
Экая, как подумаешь, моя судьба-то! В первой молодости я непременно хотел завоевать себе небо... потом я пустился мечтать о благе всего человечества, о благе родины; потом и это прошло: я думал только, как бы устроить себе домашнюю, семейную жизнь... да споткнулся о муравейник — и бух оземь, да в могилу... Уж какие мы, русские, мастера кончать таким манером! (190)	*отсутствует.*

«ГАМЛЕТ И ДОН-КИХОТ». ПЛАН-КОНСПЕКТ И НАБРОСКИ ТЕКСТА

Публикуемые рукописи занимают листы 12—16 черновой тетради Тургенева 1857—1863 гг., хранящейся в отделе рукописей Парижской Национальной библиотеки (Slave 88; описание: *Mazon*, стр. 58; фотокопия: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 192). Эти листы находятся между черновыми рукописями «Поездки в Полесье» и «Аси». Нам уже приходилось писать об истории создания, общественном и историко-литературном значении этой статьи-речи, которая была прочитана Тургеневым 10 (22) января 1860 г. в публичном чтении в пользу Общества для вспомоществования нуждающимся литераторам и ученым (Литературного фонда) и тогда же напечатана в «Современнике» (1860, т. LXXIX, № 1, отд. I, стр. 239—258).[1] В настоящей заметке выясняется последовательность создания черновых набросков и их отношение к окончательному тексту статьи-речи.

Сохранившиеся черновики состоят из титульного листа с датами начала и окончания работы (л. 12), изложения основных мыслей статьи под заглавиями «Содержание» и «Отдельные замечания» (лл. 12 об.—14; ниже в упоминаниях: план) и первоначального наброска текста статьи, охватывающего примерно четверть ее содержания (лл. 15—16; ниже в упоминаниях: набросок). Набросок имеет пагинацию рукой Тургенева (1—3).

Из двух дат на титульном листе имеет отношение к черновикам только первая: 27 февраля (11 марта) 1857 г. Именно тогда, находясь в Дижоне, куда он приехал 25 февраля (9 марта) с Л. Н. Толстым, на другой день по окончании «Поездки в Полесье» Тургенев записал свои мысли о Гамлете и Дон-Кихоте, которые сложились у него уже давно. По-видимому, тогда был написан текст на л. 12 об. до слов «ничему не верит» (последующий текст, судя по почерку, писался в другой раз). В тот же день Тургенев прочел свой конспект Толстому, который, отме-

[1] См.: Ю. Д. Левин. Статья И. С. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот». К вопросу о полемике Добролюбова и Тургенева. В сб.: Н. А. Добролюбов. Статьи и материалы. Горький, 1965, стр. 122—163; см. также комментарии к «Гамлету и Дон-Кихоту» и варианты прижизненных изданий (*Сочинения*, т. VIII, стр. 445, 552—567; *Тургенев, Соч.*, т. XII, стр. 532—536; *Тургенев, Собр. соч.*, т. XI, стр. 490—494).

чая это в дневнике, добавил: «...хороший материал, не бесполезно и умно очень».[2] Толстой кое в чем возражал Тургеневу. Отзвуком их споров является замечание 10 плана (не вошедшее в окончательный текст статьи). Возможно также, что в ходе этой беседы Тургенев понял необходимость показать конкретные социальные последствия нравственных особенностей Гамлета и Дон-Кихота — их взаимоотношения с массой и женщинами, — в результате чего был написан остальной текст на лл. 12 об. и 13. Тогда же писатель стал заносить в тетрадь и отдельные замечания. Сначала, на л. 12 об., он не оставлял полей. Лл. 13 и 14 уже разделены вертикально пополам, и на образовавшихся таким образом полях записывались замечания параллельно основному тексту «Содержания». Замечания писались в разное время, по мере их возникновения; их последовательность никак не соответствует расположению соответствующих мыслей в статье.

Через какой-то промежуток времени Тургенев записал добавления к тексту «Содержания», расположенные на лл. 13 об.—14; возможно, что эти добавления были сделаны не в один прием.

Вся работа над планом, вероятнее всего, относится к февралю—апрелю 1857 г. Тургенев был тогда уверен, что скоро закончит статью; 6 (18) марта он сообщал И. И. Панаеву, что она «почти совсем готова», а 26 марта (7 апреля) писал ему, что кончит «Гамлета и Дон-Кихота» «через три недели».[3] В действительности же он начал писать текст статьи, очевидно, не раньше лета 1858 г. 21 мая (2 июня) он писал В. П. Боткину из Парижа в Лондон и просил «нимало не медля» переслать ему черновую тетрадь, забытую на лондонской квартире.[4] «...там *план* статьи: „Гамлет и Дон-Кихот", который мне будет необходим», — добавлял он.[5] Как можно заключить на основании этих слов, *текста*, даже чернового, в это время еще не было. Вероятно, публикуемый набросок был написан во второй половине 1858 г. Остальные рукописи «Гамлета и Дон-Кихота» неизвестны.

Сопоставление плана, наброска и окончательного текста показывает, что основные положения статьи были сформулированы уже в самом начале работы над нею. Те ее места, которым не находится соответствий в исходных записях, при всей их значительности имеют, однако, как правило, второстепенный, подсобный характер. Таковы, например, общие рассуждения о возможности различных толкований великих поэтических произведений или об отношениях людей к идеалу, характеристики трагедии и романа как произведений, выражающих дух северного и южного человека, сопоставление Шекспира и Сервантеса, замечание о необходимости хорошего перевода «Дон-Кихота» и т. д.[6]

---

[2] *Толстой*, т. 47, стр. 117.

[3] *Письма*, т. III, стр. 106, 116.

[4] Тот факт, что тетрадь оказалась в Лондоне, позволяет предположить, что Тургенев привозил ее туда, чтобы показать план статьи Герцену, полемика с которым в 1856 г. по поводу «Дон-Кихотов революции» побудила Тургенева приняться за статью.

[5] *Письма*, т. III, стр. 220. (Курсив наш, — *Ю. Л.*).

[6] *Сочинения*, т. VIII, стр. 171—173, 185—187.

Основные моменты сопоставительных характеристик Гамлета и Дон-Кихота, сформулированные в плане, сохранились в окончательной редакции статьи. Тем не менее эти образы, особенно первый, претерпели в процессе работы писателя некоторую эволюцию. Отношение Тургенева к образу Гамлета, который связывался в его сознании с «лишними людьми», было сложным и противоречивым. Он понимал, что активность и общественная значимость этого социально-психологического типа неизбежно уменьшается, и в то же время ощущал свое духовное родство с ним («темные стороны гамлетовского типа» «именно потому нас более раздражают, что они нам ближе и понятнее»),[7] сознавал фатальный трагизм его положения. Эта двойственность отношения к Гамлету проявилась в процессе работы над статьей. Охарактеризовав его первоначально почти исключительно отрицательными чертами, писатель в дальнейшем смягчал свою характеристику. Из окончательной редакции исчезли такие утверждения плана, как «в сущности он ‹Гамлет› мелок и антипатичен»; «Шекспир хотел в Гамлете поразить насмерть рефлексию и эгоизм».

В 12-м замечании плана Тургенев писал, что в «мечтании» Гамлета «о самоубийстве высказывается любовь к жизни и трусость»; в дальнейшем «трусость» исчезла.[8] Категорическая формулировка черновика — «отсутствие воли» — получает в окончательном тексте конкретное воплощение: Тургенев пишет о «грозном поручении» тени отца Гамлета, «которое окончательно разбивает его уже надломанную волю».[9] Однако он отказывается от первоначального представления об абсолютной слабости Гамлета. Характерно, что к содержавшейся в наброске фразе — «Сомневаясь во всем, Гамлет, разумеется, не щадит и самого себя; ум его слишком развит, чтобы удовлетвориться тем, что он в себе находит» — Тургенев добавил в дальнейшем: «...он сознает свою слабость, но всякое самосознание есть сила».[10] Решительно было отвергнуто 17-е замечание плана: «Для Гамлета не существует (в сущности) различия между добром и злом». В окончательной редакции статьи Тургенев утверждал прямо противоположное: «Отрицание Гамлета сомневается в добре, но во зле оно не сомневается и вступает с ним в ожесточенный бой. В добре оно сомневается, т. е. оно заподозревает его истину и искренность и нападает на него не как на добро, а как на поддельное добро, под личиной которого опять-таки скрываются зло и ложь, его исконные враги ‹...›. Скептицизм Гамлета не есть также индифферентизм, ‹...› добро и зло, истина и ложь, красота и безобразие не сливаются перед ним в одно случайное, немое, тупое нечто».[11] С другой стороны, Тургенев пришел к заключению, что Гамлету свойственны «понятия о высоком достоинстве человека, ‹...› благородные стремления, которых никакой скептицизм ослабить не в силах», и что «честный скептик всегда уважает стоика».[12] Поэтому в окончатель-

[7] Там же, стр. 182.
[8] Там же, стр. 176.
[9] Там же.
[10] Там же.
[11] Там же, стр. 183.
[12] Там же, стр. 190—191.

ной редакции появились не только отсутствовавшие, но и невозможные первоначально призыв оценить в Гамлете «то, что в нем законно, а потому вечно», признание, что «его страдания больнее и язвительнее страданий Дон-Кихота» и они «примиряют» с ним, что «принцип анализа доведен в Гамлете до трагизма».[13] Тургенев признал значение *личности* Гамлета («ему дана сила своеобразного и меткого выражения, сила, свойственная всякой размышляющей и разрабатывающей себя личности»),[14] и к перенесенному прямо из плана в окончательный текст утверждению — «Гамлеты ничего не находят, ничего не изобретают и не оставляют следа за собою» — писатель сделал многозначительное добавление: «кроме следа собственной личности».[15]

Образ Дон-Кихота в процессе работы подвергся меньшим изменениям. Тургенев исключил из его характеристики тупость (о которой писал и в плане и в наброске), снял утверждение, что он «в сущности трогателен и велик» (противостоявшее словам о Гамлете: «в сущности он мелок и антипатичен»), и определение: «Дон-Кихот демократ» (тогда как об аристократизме Гамлета говорится в статье, хотя и в ином контексте, нежели в плане).[16]

Только в окончательной редакции доминирующая черта характера Дон-Кихота была определена как «энтузиазм» (в черновиках это слово ни разу не встречается): «несомненная вещественность ‹...› тает как воск от огня его энтузиазма»; «Дон-Кихот энтузиаст, служитель идеи»; ирония Гамлета — «противоположность энтузиазму Дон-Кихота».[17] Все эти фразы, отсутствующие в наброске, были введены в соответствующую ему часть статьи.

Вместе с тем касающиеся Дон-Кихота добавления последней редакции связывали этот образ с современностью. Такой смысл, например, имело рассуждение о том, что хотя подвиги странствующего рыцаря иллюзорны, «но, мм. гг. ‹...› кто решится утверждать, что он всегда и во всяком случае различит и различал цирюльничий оловянный таз от волшебного золотого шлема?..»; или воспоминание о людях, которых встречал «на своем веку» писатель, «умирающих за столь же мало существующую Дульцинею или за грубое и часто грязное нечто, в котором они видели осуществление своего идеала»; или, наконец, сравнение с Дон-Кихотом Фурье.[18]

Формулировка плана — «Гамлеты энциклопедисты, а Дон-Кихоты специалисты» — в дальнейшем приобрела иной вид: «Дон-Кихоты находят — Гамлеты разрабатывают».[19] Изменилось определение Фортинбраса; в плане он — «воплощение деловой и честной воли», в статье — «ничем не запятнанный представитель права наследства».[20]

---

[13] *Сочинения*, т. VIII, стр. 176, 182, 183, 189.
[14] Там же, стр. 187.
[15] Там же, стр. 180.
[16] Там же.
[17] Там же, стр. 174, 176.
[18] Там же, стр. 178, 181, 189.
[19] Там же, стр. 189.
[20] Там же, стр. 191.

В статье не получили развития 7-е, 10-е и 11-е из «Отдельных замечаний» плана.[21]

При подготовке публикации незаменимую помощь в прочтении наиболее трудных мест рукописи, особенно зачеркнутых слов, нам оказала Татьяна Ильинична Бронь, превосходный текстолог-тургеневед, безвременно скончавшаяся в августе 1965 г.

Ю. Д. Левин

Л. 12

ГАМЛЕТ И Д‹ОН-›КИХОТ

Начато $\frac{\text{11-го марта}}{\text{27-го февр‹аля›}}$ 1857 в Дижоне — в середу.
Кончено — $\frac{\text{28-го дек‹абря› 1859}}{\text{8-го янв‹аря›}^1\ 1860}$ в С. Петербурге, в понедельник.
Писано с большими перерывами.

Л. 12 об.

СОДЕРЖАНИЕ

Единовременное появление Г‹амлета› и Д‹он-›К‹ихота› (Ш‹експир› и С‹ервантес› умерли в одно число одного и того же года).

Разделение всех людей на Гам‹летов› и Д‹он-›К‹ихотов›. (Д‹он-›К‹ихоты› становятся редки, Гамлетов все больше и больше).

Д‹он-›К‹ихот› = преданность Идеалу, находящемуся *вне* его, но которому он мож‹ет› служить и быть полезным. — Вера. Бесстрашие. Терпение. Односторонность и потому некоторая тупость. Отсутствие сомнений... — Самозабвение. — Невежество. Железная воля.

Г‹амлет› = преданный самому себе, разрабатывающий себя эгоизм. — Безверие — ирония (против самого себя между прочим), самолюбие, трусость, слабость. Многосторонность — образованность (учился в Виттенберге). Развитый вкус (советы актерам, тут он превосходен и знает дело[2]), отсутствие воли. (№. Его не надуешь красотами рыцарских романов.)

Д‹он-› К‹ихот› демократ. Г‹амлет› аристократ (хотя Д‹он-› К‹ихот› уважает монархов и герцогов, а Г‹амлет› бранит королей и придворных). №. См. ниже там, где ×.

---

[21] Краткие извлечения из публикуемых текстов приведены в упоминавшихся наших работах, см.: Н. А. Добролюбов. Статьи и материалы, стр. 140, 143, 148; *Сочинения*, т. VIII, стр. 554, 560.

[1] *Тургенев ошибся в дате нового стиля; правильно*: 9 января [2] тут он ∞ дело *вписано*.

Д<он->К<ихот> смешон — (он стал смешным прозвищем даже между русскими мужиками) — а в сущности трогателен и велик. — Наружность Гамлета привлекательная (меланхолия, черный бархатный juste au corps,[а] «Гамлет-Баратынский», всякому лестно прослыть Гамлетом), а в сущности он мелок и антипатичен. — Он никого не любит и ничему не верит.

Отношение толпы, du gros des hommes[б] к Г<амлету> и к Д<он->К<ихоту>.

Полоний представитель массы перед Гамлетом.

Санчо Панса ——————— перед Д<он->К<ихотом>.

Полоний дельный, практический, здравый, ограниченный и болтливый старик. Славный администратор, примерный отец. — Для него Г<амлет> сумасшедший, и если бы он не был королевским сыном, он бы презирал его за его коренную бесполезность. — Известная сцена с «облаком» имеет для меня явный смысл: это взрослый, который[3] не хочет перечить больному мальчику, а не придворный, который угождает. Шекспир хотел в Г<амлете> поразить на смерть рефлексию и эгоизм. — Полоний ни на волос не верит Гамлету — и прав.

Л. 13.

Санчо Панса напротив смеется над Д<он->К<ихотом> и знает, что он «loco»[в] — но предан ему до самой смерти — и следует за ним повсюду. — Так масса людей всегда кончает тем, что идет, слепо веруя, за теми личностями, которые, не боясь смешного, не боясь ничего, идут вперед, и ведут и находят. — А Гамлеты ничего не находят, ничего не изобретают и не оставляют никакого следа за собою. — В химии даже[4] для того, чтобы явилось 3-е вещество, надобно соединение 2-х (и в органической природе тоже); а Гамлеты всё только с собой возятся.

Дульцинея. — Офелия.

Д<он->К<ихот> любит до конца несуществующий Идеал, готов умереть за него («Рыцарь, колите» и т. д.), любит идеально, чисто, высоко; так чисто, что даже не подозревает того, что[5] Дульцинея является перед ним грубой и грязной мужичкой; а Гамлет не любит, но притворяется, что любит Офелию, существо чистое и ясное, и чувства его[6] к ней либо циничны («позвольте мне полежать в вашем подоле») — либо фразисты (известная сцена между ним и Лаертом в могиле Офелии). — Всё это для него опять-таки ничто иное, как занятие с самим собою.

---

[3] который *вписано.* [4] даже *вписано.* [5] *Далее зачеркнуто:* если [6] его *вписано.*

[а] камзол (*франц.*). [б] большинства людей (*франц.*). [в] сумасшедший (*исп.*).

Л. 13 об.

×. Гамлет сын короля; отец его выходит из могилы, чтобы поручить ему отомстить за него; а он колеблется, хитрит, тешится тем, что ругает себя — и наконец убивает своего тестя случайно; а Д‹он->К‹ихот› бедный, почти нищий[7] человек, безо всяких средств, дряхлый[8] отправляется исправлять зло и защищать притесненных (совершенно ему чужих) на всем земном шаре.

Оба умирают трогательно и хорошо. — Гамлет передает царству[9] Фортинбрасу, воплощению деловой и честной воли. — Его последние слова примиряют с ним. — Но[10] смерть Д‹он->Кихота потрясает. — В это мгновение весь его великий смысл становится доступным. «Alonso el *Bueno*».[г] Это — прозвище удивительно. Главное основание всякого величия и гения — доброта и нравственность. (:)[11]

Гамлет много выиграет перед читателем дружбой к нему Горация. — Это лицо прелестно — и попадается беспрестанно в наше время. - Несколько ограниченный, но верящий в ум и благоговеющий перед ним, горячий, преданный, простой. Если б Гамлеты не находили таких людей — они были б совсем бесполезны — но главная их заслуга состоит в том, что они образуют и развивают таких людей.

Л. 14.

Гамлеты нужны (показать почему)[12] — но без Д‹он->Кихотов человечество никогда бы не подвинулось и вперед бы не шло. Гамлеты энциклопедисты, а Д‹он->К‹ихоты›[13] специалисты.

Гамлет — и ‹Гамлет›ы — суть выражение коренной силы Природы, по которой все живущее считает себя центром творения и на все остальное взирает как на существующее для *него*. (Так Гамл‹ет› всё постоянно относит к себе). Без этой центростремительной силы (эгоизма) Природа существовать бы не могла — точно так же, как и без центробежной — в которой все существует для другого (Д‹он->К‹ихот›). — Эти 2 силы — сила косности и движения[14] (консерватизм и прогресс), суть основные силы всего Существующего.

Л. 13.

№

ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ:

1.) Гамлет коварен при случае и жесток. — Убийство 2-х посланцев от короля. — Его речь об убитом Полонии.

2.) Стадо свиней топчет Д‹он->К‹ихота› в конце 2-й части, после его поражения, перед смертью. — Укоры Сервантеса, зачем

[7] *Далее зачеркнуто:* ст‹арик?› [8] *Далее зачеркнуто:* и бол‹ьной› [9] *Так в автографе.* [10] *Далее зачеркнуто:* на [11] *См. ниже «Отдельные замечания», замечание 9.* [12] (показать почему) *вписано.* [13] Д. К. *вписано.* [14] перемены

г «Алонзо Добрый» (*исп.*).

он это сделал, как бы повторяя [15] старые шутки и побои: но в этом есть глубокий смысл. — Попирание свиными ногами встречается всегда в жизни Д<он->К<ихот>ов, именно на конце. — Пощечина фарисея Христу.

3.) Побои Д<он->Кихота. — Без этих побой он бы не нравился детям — да и нам взрослым. — Он бы показался нам в своем истинном величии, но как-то холодно, и надменно, что́ бы противоречило его характеру.

4.) Какой-то английский лорд (хороший судья в этом деле) находил, что образец истинного джентльмена — Д<он->Кихот; впечатление простоты, происходящей от не занятия самим собою и преданности Идеалу. — А Гамлет со всей своей изящной обстановкой — мне кажется ayant des airs de parvenu.[д] — Тревожен, позирует, груб et ricanant.[е]

5.) Отсутствие чувственности в Д<он->Кихоте. Он младенец, стыдлив и робок перед женщинами — а Гамлет тайно развратен и эпикуреп.

Л. 13 об.

6.) Д<он->К<ихот> едва умеет писать, Гамлеты пишут дневники.[16]

7.) Отношение Полония к королю и королеве.

8.) Д<он->К<ихот> свободен сам и уважает свободу. Гам<лет> в сущности притеснитель и нетерпим.

(:) 9.) Только тот и находит, кто отправляется от своего сердца.

10.) Можно сказать, что есть примеры более сильного эгоизма, чем Гамлет (замечание Толстого). — Купец, алчущий богатства и т. д. — Но в купце нет этого постоянного обращения к самому себе, постоянной возни с самим собою, в чем заключается отлич<ительный> призн<ак> Гам<лето>в.

11.) Д<он->К<ихот> бессознательность. (Т. е. сознание своего дела — и взгляд на самого себя только [17] с точки зрения отношения к своему делу — но никогда не на самого себя, как на самого себя.) Гам<лет> постоянная сознательность, постоянное чувство своего Я и разбор и анализ этого Я.

12.) Гамлет мечтает о самоубийстве *до* появления призрака. — В этом постоянном мечтании о самоубийстве высказывается любовь к жизни и трусость.

13.) Сторона невинного обмана и фантазий в Д<он->Кихоте. Рассказ его о пещере Монтезиноса и хитро-добродушное замечание С<анчо> Пансы.

---

[15] *Переделано из:* повторил [16] *Переделано из:* Гамлет пишет дневник. [17] только *вписано.*

д держит себя как выскочка (*франц.*). е и насмехающийся (*франц.*).

14.) Заметьте, что этот сумасшедший странствующий рыцарь — самое нравственное существо в мире.

Л. 14.

15.) Гамлет от малейшей неудачи разочаровывается и жалуется; а Д‹он->К‹ихот›, исколоченный галерными преступниками, нимало не колеблется и не сомневается в своем деле.

16.) Неужели надо быть сумасшедшим, чтобы верить в Добро?

17.) Для Гамлета не существует (в сущности) различия между добром и злом. — Для Д‹он->К‹ихота› оно составляет всю основу его жизни.

О 2. духах.

Свадьбу Гамача

Л. 15.

Первое издание трагедии: Гамлет и первая часть Д‹он-› Кихота явились почти в один и тот же год, в самом начале XVII-го столетия. (1.)

В этой случайности есть что-то знаменательное.

Действительно: в Гамлете и Д‹он-› Кихоте[20] воплощены две коренные особенности[21] человеческой природы. Г‹амлет› и Д‹он-›К‹ихот› два противоположных конца[22] той оси, на которой она вертится.[23] Почти каждый из нас сбивается на Д‹он-› Кихота или на Гамлета. — Правда, в наше время Гамлетов стало гораздо более, чем Д‹он-›Кихотов; но и Д‹он-›Кихоты не перевелись.[24]

Объяснимся.

Что выражает собой Д‹он-›Кихот? — Взглянем на него не тем поверхностным взглядом, который останавливается на поверх-

---

ЗАМЕЧАНИЯ

(1.) Известно, что Шекспир и Сервантес были современники; они оба[18] умерли в одно число одного года: 26-го апреля 1616-го г. Сервантес наверное[19] и не подозревал существования Шекспира, но Ш‹експир› вероятно прочел 1-ую часть Д‹он-›Кихота, которая вскоре по своем появлении была переведена на все главные европейские языки.

---

[18] оба *вписано.* [19] вероятно [20] в этих двух созданиях двух величайших поэтов новейшего времени. [21] два коренных [типа] [выражения] [22] человеческой природы, два полюса [23] *Далее зачеркнуто:* Почти все люди [принадлежат] [подходят] принадлежат к одному из этих двух [типов] разрядов; [24] *Очевидно, к этому месту относится запись на полях:* Можно быть и Г‹амлетом› и Д‹он-›К‹ихотом›.

ности и мелочах — но постараемся проникнуть до самой сущности дела. Он выражает собою[25] Веру в нечто Вечное, Незыблемое, в Истину одним словом, в Истину, находящуюся вне отдельного человека, не легко дающуюся,[26] но доступную ему.[27] Д<он-> К<ихот> проникнут весь преданностью Идеалу, для которого он готов[28] подвергаться всем возможным лишениям, жертвовать жизнью; самую жизнь свою он ценит настолько, насколько она может служить[29] средством к воплощению Идеала, к водворению Истины на земле. — Жить для себя, заботиться о себе,

Л. 15 об.

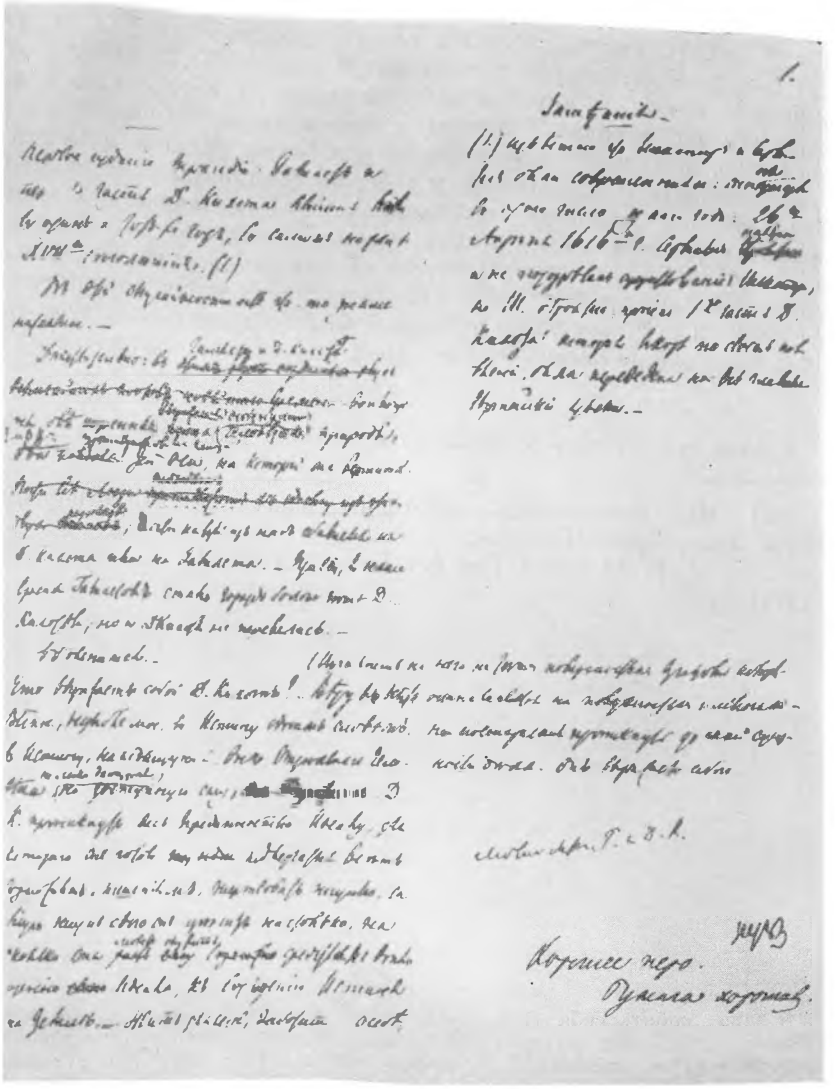
Д<он-> Кихот почел бы постыдным; он весь живет (если можно так выразиться) вне себя — для других, для своих братьев, для истребления зла, для противудействия враждебным человечеству[30] силам (волшебникам и великанам). — В нем нет и следа эгоизма; он весь самопожертвование и любовь: он верит, верит крепко и без оглядки. Оттого он бесстрашен, терпелив, довольствуется самой скудной пищей, самой бедной одеждой: ему не до того. Смиренный сердцем,[31] он духом велик и смел,[32] чуждый тщеславия, он не сомневается в себе, и воля его — непреклонная воля. — Постоянное стремление[33] к одной и той же цели придает некоторое однообразие его мыслям, односторонность его уму;[34] он знает мало — да ему и не нужно много знать;[35] он знает, зачем он живет;[36] а это главное знание.[37] Д<он-> К<ихот>[38] может показаться тупым и ограниченным, потому что не умеет[39] ни легко сочувствовать, ни легко наслаждаться, потому что не в состоянии переносить[40] внимание от одного предмета к другому; но крепость его нравственного состава (заметьте, что этот сумасшедший — Странствующий рыцарь — самое нравственное существо в мире) — придает особенную силу[41] и величавость всем его суждениям и речам.[42] — Мудрость Д<он-> Кихота уже давным давно замечена всеми; она сознавалась[43] самим его бессмертным творцом.

Что же представляет собою Гамлет?

Безверие прежде всего и эгоизм.[44] — Он весь живет

---

[25] Взглянем ∞ собою *вписано.* [26] не легко дающуюся *вписано.* [27] *Далее зачеркнуто:* Он выражает [28] *Далее зачеркнуто:* жер<твовать> идт<и> [29] дает ему возможно<сть> [30] человечеству *вписано.* [31] *Далее зачеркнуто:* чис<тый> [32] и смел *вписано. Далее зачеркнуто:* Он [33] занятие [34] *Далее зачеркнуто:* многое [35] *Далее зачеркнуто:* зато он знает свое дело [36] *Далее зачеркнуто:* а это главное [37] да ему ∞ знание *вписано.* [38] Он [39] он не умеет [40] не умеет легко сочувствовать, легко наслаждаться, переносить [себя] [свой] [41] крепость [42] величавость его суждениям и его речам [43] всеми; она сознавалась *вписано.* [44] и эгоизм *вписано.*



«Гамлет и Дон-Кихот». Страница чернового автографа, 1857 г. Национальная библиотека (Париж).

для самого себя; он эгоист; а верить в себя даже[45] эгоист не может:[46] верить можно только в то, что вне нас или над нами.[47] (2.) Но это Я, в которое он не верит,[48] дорого для Гамлета;[49] это исходная точка, к которой он возвращается беспрестанно, потому что не находит[50] ничего в целом мире, к чему бы мог прилепиться душою;[51] он скептик — и вечно возится и носится с самим собою;[52] все относит к себе, постоянно занят[53] не своей обязанностью, а своим положением.[54] — Сомневаясь во всем, Г‹амлет› разумеется не щадит и самого себя; ум его слишком развит, чтобы удовлетвориться тем, что он в себе находит: отсюда проистекает его ирония. — Он с наслаждением, преувеличенно бранит себя (3.);[56] постоянно наблюдая за собою, вечно глядя внутрь себя, он знает до тонкости[57] все свои недостатки, презирает их[58]

Статья эта кончена мною 28-го дек‹абря› 1859-го г.

(2.) Мы напоминаем читателям известное стихотворение Саади, приведенное Гегелем:

Wohl endet Tod des Lebens Noth etc.»

(3.)[55]

---

[45] даже любить себя [как любят тебя] в полном смысле этого слова любовью [46] *Далее зачеркнуто:* всякая любовь есть самоотречение [47] верить ∞ нами *вписано.* [48] *Начато было:* Так как для Гамлета [49] *Далее зачеркнуто:* опять таки одно его Я; [50] беспрестанно, не находя [51] *Далее зачеркнуто:* [он не неудовлетворен и] [чего ‹?› он] что он в себе находит, не удовлетворяет его также, по [52] *Далее вписано и зачеркнуто:* хотя бы для того, чтобы бранить себя; он [53] *Начато:* занят свои‹м› [54] постоянно занят своим положением. *Далее начато:* Ум его слишком разв‹ит›. Скептицизм [55] *Замечание не было написано Тургеневым.* [56] *Далее зачеркнуто:* он [57] до тонкости *вписано.* [58] *Далее зачеркнуто:* себя и в то же время с

» Пожалуй, смерть прекращает бедствия жизни и т. д. (*нем.*).

«НАКАНУНЕ» И «ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ» ПЕРЕЧНИ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ

В составе архива Тургенева, хранящегося ныне в парижской Национальной библиотеке, есть небольшая переплетенная тетрадь, содержащая разные записи и наброски, вносившиеся с двух ее концов в течение шести с половиной лет — с февраля 1857 г. по июль 1863 г.[1] Здесь, на л. 46 (пагинации *Bibl. Nat.*), записаны перечни действующих лиц двух произведений: повести «Первая любовь» и романа (или повести, по тогдашней терминологии Тургенева) «Накануне».[2] Обе записи сделаны несомненно одновременно, непосредственно одна за другой, — по определению А. Мазона, не вызывающему сомнений,[3] в январе 1858 г., т. е. почти за полтора года до начала работы над черновой рукописью романа и за два года до написания «Первой любви». Тексты обоих перечней связаны между собою и потому должны далее рассматриваться совместно, хотя список действующих лиц «Первой любви», полностью вошедший в академическое издание «Сочинений» Тургенева,[4] не является предметом нашего специального анализа.

Оба перечня публиковались не раз. Впервые их напечатал в 1925 г. академик Андре Мазон в журнале парижского Института славяноведения «Revue des études slaves», вторично — он же в каталоге парижских рукописей Тургенева 1930 г.[5] В Советском Союзе публикации А. Мазона, вместе с его исследованием, воспроизвел Б. В. Томашевский, включивший их в редактированное им русское издание работ французского тургеневеда о парижских рукописях писателя.[6] Позднее М. К. Клеман внес список действующих лиц «Накануне» в комментарий к подготовленному им изда-

[1] *Bibl. Nat.*, Slave 88; *Mazon*, стр. 56—63, 6.М.З.

[2] Фотокопия: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 208.

[3] См. ниже.

[4] *Сочинения*, т. IX, стр. 335.

[5] André Mazon. L'élaboration d'un roman de Turgenev: A la veille, Premier amour, Fumée. «Revue des études slaves», 1925, т. V, вып. 3—4, стр. 247 и 259; *Mazon*, стр. 18—22, 60 (тексты во французском переводе, факсимиле списка действующих лиц «Первой любви» на стр. 21).

[6] *Мазон*, стр. 22—25 («Первая любовь», с факсимиле на стр. 23), 67—68 («Накануне», в русском подлиннике).

нию романа.[7] Наконец, академическое издание «Сочинений» Тургенева поместило полностью, как сказано выше, расшифровку перечня действующих лиц «Первой любви»; что же касается тесно связанного с ним перечня действующих лиц «Накануне», то он вошел в издание лишь в виде уменьшенного факсимиле всего листа с обоими текстами (т. VIII, стр. 499) и краткого описания (там же, стр. 494, А, и 497).

Ниже дается полный текст автографа, содержащего оба списка «действующих лиц», в их последовательном порядке.

1)[8] Действующие лица повести:[9] *Первая Любовь*

— Я, мальчик 15 лет.[10]
Мой [отец]. — [11] 38 л.
Моя мать. — 40 л.[12]
Зенеида Николаевна. — 20 лет.
Ее мать 45 л.; [13] ее брат 14 лет.
Гусар Беловзоров. 26 лет.
Майданов, поэт романт. ш.[14] 22 года.
Лушин, Воин Осипыч, 34 года.
Граф Малецкий,[15] 30 лет.[16]
Нармацкий, 50 лет.[17]

---

2)[18] Действующие лица повести: Инсаров[19]

1853—4.

Отец.[20]	Николай Артемьевич Стахов р. 1809[21] (44.)[22]	жен‹аты› — 1831.
Мать.	Анна [Власьевна] Васильевна р. 1813 (40.)	

---

[7] И. С. Тургенев. Накануне. Отцы и дети. Подготовка текста и комментарии М. К. Клемана. Изд. «Academia», М.—Л., 1936, стр. 502—503.

[8] Список лиц повести «Первая любовь» дается в последнем слое автографа. Предшествующие ему варианты — под строкою.

[9] Действующие лица:

[10] 13 лет

[11] *а.* Мой отец — 48 л. *б.* Мой дядя. *Зачеркнутое* отец *при зачеркивании слова* дядя *не восстановлено.*

[12] 55 л.

[13] 45 л. *вписано.*

[14] *Т. е.* романтической школы.

[15] *Начато:* Граф О‹...›

[16] 20 лет.

[17] 56 лет. *Строка написана позднее остального текста. Сбоку приписано:* Н. Навроцкий. Navrotski

[18] Список лиц повести «Накануне» дается в первом (законченном) слое автографа. Предшествующие ему варианты — в тексте в прямых скобках или под строкою. Позднейшие переработки — под строкою, с редакторскими пояснениями.

[19] Инсаров *зачеркнуто без замены.*

[20] *Обозначения:* Отец. Мать, *и т. д. приписаны позднее остального текста, но до окончательной правки.*

[21] *а.* 1800 *б.* 1806.

[22] Николай ∞ (44.) *зачеркнуто и восстановлено. См. ниже.*

Мать.	Анна [Власьевна] р. 1813 (40.)
1 дочь	Елена Н<иколаевн>а р. 1832. — (21 г.)
2 дочь	Зоя Н<иколаевн>а р. 1835. (18 л.) [23]
Карат.[24]	Андрей Петрович [Кандауров] [К<...>] [По<...>] [25] Берсенев р. 1830. (23.) [26] От<ец> р<одился> 1795.[27]
Катранов	Дмитрий Никанорыч [Катранов] [Майданов] Инсаров р. 1828 [28] — (25.)
художник	Павел Яковлевич Шубин — р. 1827. — (26.)
практик	Егор Андреевич Курнатовский [29] — р. 1820. — (33.)
Увар Иваныч	Стахов,[30] дядя Н. А. — р. 1795. (58.) [31]
Рендиче	— 1812. — (41.)

Ниже последней строки, но одновременно с основным текстом списка, сделаны записи, предназначенные, очевидно, в замену и исправление предшествующих; назначение и место первой из этих записей <1>, однако, неясно.

<1> Кандауров, Х[ристофор] [арламиий] Иваныч — р. 1805. — 48 л. Лупихин, Харлампий
<2> Зоя Никитишна р.

Первая запись обведена овалом и отнесена чертой к концу списка действующих лиц «Первой любви». Названный в ней персонаж, в фамилии которого Тургенев колебался (Кандауров или Лупихин), мог быть включен, казалось бы, в число знакомых Зенеиды, до того как был введен Нармацкий (Нирмацкий окончательного текста), чья фамилия вписана, по-видимому, позднее, чем сделана запись фамилии Кандаурова—Лупихина. Но этому противоречат хронологические данные: 1805 плюс 48 составляет 1853 — т. е. точно время действия «Накануне», тогда как автобиографическая повесть «Первая любовь» отнесена в окончательном тексте к 1833 г., что вполне соответствует как биографии самого Тургенева, так и возрасту героя-рассказчика — 15 лет, — обозначенному в списке персонажей.[32] Таким образом, возможно, что Тургенев ошибся, вычисляя возраст (или год рождения) персонажа, называемого Кандауровым или Лупихиным, — или же последний относится не к «Первой любви», а к «Накануне», п

[23] Зоя ∞ (18 л.) *зачеркнуто. См. ниже.*
[24] Карат<еев>. *См. Т. Сочинения,* т. VIII, стр. 497.
[25] *а.* Кандауров. *б.* К<олосов> <?> *в.* По<корский> <?> *г.* Кандауров. *См. ниже.*
[26] 1828 (25.)
[27] От. р. 1795 *приписано позднее.*
[28] *Вписано* — 48 <?> *и зачеркнуто.*
[29] *а.* Курпатов *б.* Курбатов.
[30] Стахов *вписано.*
[31] 1800. (53.)
[32] В окончательном тексте герою шестнадцать лет, что нарушает автобиографичность, но, вероятно, устраняет сомнения — не слишком ли ранний его возраст для таких переживаний. Напомним, что первоначально возраст героя был намечен как «13 лет», но Тургенев сейчас же исправил эту цифру, не соответствующую действительности.

отнесен чертою к «Первой любви» ошибочно. В этом случае, однако, его место в числе персонажей романа неясно. Фамилия Кандауров была первоначально дана Берсеневу; Харлампий Иваныч Кандауров, родившийся в 1805 г., мог быть его отцом — тут же, однако, Тургенев прибавил ему 10 лет (см. сноску 27). Фамилия Лупихин, как известно, фигурирует в «Гамлете Щигровского уезда». Слегка модифицированная, она вошла в «Накануне»: Харлампий Лущихин, как отметил еще А. Мазон,[33] упомянут в XX главе романа устами Шубина.[34]

Что касается записанного после строки «Кандауров Христофор Иваныч...» и до записи «Лупихин, Харлампий» имени «Зоя Никитишна», то оно предназначено, разумеется, заменить в перечне первоначальную вторую дочь Стаховых — Зою Николаевну. Не записанные данные о ее возрасте, вероятно, должны были остаться теми же: «р. 1835. (18 л.)», — как это сохранено и в романе (гл. II).

Рассматривая оба списка в их целом, мы видим, что, как это почти всегда наблюдается у Тургенева, все основные, главные персонажи его будущего произведения, глубоко и тщательно продуманного и подготовленного, уже в самом первоначальном плане-перечне намечаются вполне определенно и существенно не меняются потом, не убавляются и не прибавляются до конца творческой работы. Самым крупным отличием списков персонажей будущего романа «Накануне» от его окончательной редакции является то, что первоначальное заглавие романа, намеченное по фамилии его героя, — «Инсаров» (как в незадолго до того напечатанном «Рудине), — в раннем списке зачеркнуто, а во втором, более позднем,[35] отсутствует вовсе, замененное условным обозначением «новая повесть». Название «Накануне» явилось уже на окончательном этапе работы, летом 1859 г., в черновой рукописи романа, когда самое понятие «кануна» получило для Тургенева новый смысл и более глубокое современное значение.

Н. В. Измайлов

---

[33] «Revue des études slaves», 1925, т. V, вып. 3—4, стр. 259—260. — Фамилию «Лупихин» в списке действующих лиц публикатор неточно прочел как «Лущихин».

[34] Можно высказать и другое предположение — что фамилия Кандаурова или Лупихина могла быть предположена взамен зачеркнутых данных об отце Елены; однако это мало вероятно, так как «Харлампий Иваныч Лупихин» звучит характерно-комически и не соответствует ни характеру «Стахова», ни его положению — отца героини, которая в таком случае носила бы отчество «Харлампиевна», ненужное по своей нарочитости.

[35] «Revue des études slaves», 1925, т. V, вып. 3—4, стр. 248; *Сочинения*, т. VIII, стр. 407.

ПИСЬМЕННЫЕ ОТВЕТЫ ТУРГЕНЕВА НА МАГИСТЕРСКОМ ЭКЗАМЕНЕ

В начале 1842 г. «кандидат С.-Петербургского университета Иван Тургенев просил начальство Московского университета подвергнуть его испытанию на степень магистра философии, но как в сем последнем не открыто еще кафедры философии, то просьба г. Тургенева не могла быть удовлетворена, и он с вышеозначенным намерением отправляется в С.-Петербург».[1]

В апреле и мае 1842 г. Тургенев сдавал в Петербургском университете магистерские экзамены по философии, латинской словесности, греческой словесности и древностям.

Для письменных ответов Тургеневу были даны следующие темы:

1. «Показать внутренние причины беспрестанно возникающего пантеизма и привести его многообразные формы, данные в истории философии, к немногим видам».

2а. «Что в философии римляне сделали сами и что они переняли у греков?»

2б. «Что римляне в литературе заимствовали у греков?»

3. «Что достоверного может почерпнуть история из произведений поэтов?» [2]

Письменные ответы Тургенева печатаются нами по первой публикации: Н. М. Лисовский. Новые материалы для биографии И. С. Тургенева. «Библиограф», 1892, №№ 3—5, 10—12 (отд. оттиск: СПб., 1892).[3] В собрание сочинений впервые включено: *Тургенев, Соч.*, т. XII, стр. 424—438. Подлинник неизвестен.

Профессора, экзаменовавшие Тургенева, не проставляли своих оценок на его письменных работах, ограничиваясь пометками «Legi» (читал) или «Vidi» (смотрел) и своей подписью.

---

[1] Дело по Совету имп. СПб. университета о присвоении разным лицам ученых степеней доктора и магистра (9 апреля 1842 г.) (*ГИАЛО*, ф. 14, оп. 51, № 4590), ср. прошение Тургенева ректору Петербургского университета (*Письма*, т. I, стр. 427).

[2] Темы 2—3 были даны на латинском языке.

[3] Публикация Н. М. Лисовского основана на сообщении А. П. Воронова, состоявшего архивариусом Петербургского университета.

Экзамен на магистра философии Тургенев выдержал удовлетворительно, но не представил сочинения для публичного диспута, т. е. диссертации.[4]

Письменным ответам магистранта предшествовал устный экзамен.

На устном испытании 8 (20) апреля 1842 г. по философии Тургеневу были предложены профессором А. А. Фишером[5] следующие вопросы:

1) что есть философия, ее содержание;

2) истина субъективная;

3) изложение сущности философии Платоновой;

4) о методе философствования в разные времена.

На все эти вопросы Тургенев отвечал, как видно из протокола экзаменационной комиссии, «очень хорошо». О содержании этих его устных ответов сведений не имеется.

Экзамен по римской словесности у профессора Ф. К. Фрейтага[6] состоялся 1 мая. Текст был взят из 1-й элегии 2-й книги Тибулла, стихи 37—51. Гекзаметры были проскандированы экзаменующимся правильно, но в стихе 45-м он спутал слова alveus и alvus. Ошибка эта, однако, не влияет на смысл, так как в своем производном значении эти слова совпадают: alveus, m — дупло, русло, лодка, улей; alvus, f (иногда m) — брюхо, чрево, улей. К тому же метрически слово alveo, стоящее в конце стиха, читается там как двусложное. Из божеств Тургенев вместо Пана назвал Приапа. Об этих ошибках он сам упоминает в своем письменном ответе (см. ниже, стр. 103, 104). Они все же снизили оценку: Тургенев получил лишь «хорошо».[7]

Экзамен по греческой словесности у профессора Ф. Б. Грефе[8] был 4 мая. Из Фукидида были предложены для перевода главы 13—20 и 68—71 первой книги его «Истории Пелопоннесской войны». Эти в общей сложности 12 глав составляют, в зависимости от издания, примерно страниц 8—10, что поражает своим объемом, особенно если учесть языковые трудности текста. В журнале заседания экзаменационной комиссии значится, что перевод и изъяснения этих мест сделаны были Тургеневым очень хорошо. В своем письменном ответе Тургенев указывал, что греческий язык привлекает его больше, чем латинский.

---

[4] Дело по Совету СПб. университета, см. примеч. 1.

[5] Профессор философии и педагогики в Петербургском университете Адам Андреевич Фишер (1799—1861) получил образование в иезуитском лицее и в Венском университете. Приехав в Россию, сблизился с министром народного просвещения С. С. Уваровым, преподавал в Духовной академии, перевел на немецкий язык катехизис митрополита Филарета. Долгое время Фишер стоял во главе Ларинской гимназии (1835—1861), а в 40-е и 50-е годы исполнял обязанности цензора.

[6] См.: *Письма*, т. I, стр. 693.

[7] Н. М. Лисовский. Новые материалы для биографии И. С. Тургенева, стр. 6.

[8] О Грефе см.: *Тургенев, Сб. 1964*, стр. 200; см. также: *Письма*, т. I, стр. 662 (в Указателе имен его фамилия ошибочно передана как Греффе; впрочем, такое написание встречается и у самого Тургенева: см. там же, стр. 165). О Грефе, а также о Фишере и Фрейтаге имеются весьма нелестные отзывы у Чернышевского (см.: *Чернышевский*, т. I, стр. 105, 136, 185).

По окончании устных экзаменов Тургеневу были предложены вопросы для письменных ответов; 5 мая Тургенев представил профессору Фишеру свое сочинение на заданную им тему о пантеизме (см. выше, стр. 87). За год до того вернувшийся из Берлина, где он слушал лекции по философии у Карла Вердера, бывшего непосредственным учеником Гегеля, Тургенев был еще весь погружен в германский философский мир с его терминологией и фразеологией и по привычке прибегает иной раз в своем ответе к немецким словам и выражениям, что было кстати и для Фишера, который не вполне свободно владел русским языком.[9]

Обстановка экзамена и личность экзаменатора в значительной мере предрешали содержание ответа — подход к теме и выводы. Как справедливо указывает Тургенев в начале своего письменного ответа, поставленная тема слишком обширна для экзаменационной работы. Отсюда поспешность, беглость изложения, обращающегося подчас в конспект, в котором магистрант показал свое знакомство с историей и древней и новой философии.

Перед своими экзаменаторами-филологами — Фрейтагом и Грефе — Тургенев не скрывал, что он держит экзамен по философии только потому, что чувствует себя недостаточно подготовленным по филологии, но что подлинная его цель — изучение античной литературы (см. ниже, стр. 103—105, 107). Из письменных ответов на остальные предложенные Тургеневу вопросы видно, что ему близки темы, касающиеся литературы. Тут единственным, но очень большим затруднением было то, что, согласно академической традиции, ответы надо было давать на латинском языке.

Латынь, некогда мощное средство международного научного общения, постепенно превратилась, вследствие роста и развития национальных языков, в академический жаргон, прибежище рутины и шаблона, сковывающий свободное выражение мыслей. Новая германская философия XVIII—XIX вв. уже порвала латинские путы, но в учебных заведениях продолжали еще по традиции применять это устаревшее орудие. Учащемуся приходилось овладеть как можно большим количеством языковых штампов, стереотипных застывших выражений и по возможности в «цицероновских» периодах вести изложение. Тургенев сознавал, что он недостаточно владеет латинским языком: «В доказательство того, как недостаточно было образование, получаемое в то время в наших высших заведениях, — вспоминал он впоследствии, — приведу следующий факт: я слушал в Берлине латинские древности у Цумпта, историю греческой литературы у Бёка — а на дому принужден был зубрить латинскую грамматику и греческую, которые знал плохо. И я был не из худших кандидатов».[10] Это признание Тургенева не следует забывать при оценке правильности языка

---

[9] В. В. Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870, стр. 88—89.

[10] «Литературные и житейские воспоминания», «Вместо вступления» (1869).

его латинских сочинений. Грефе подчеркнул карандашом лишь pedestrae (стр. 105) и praeisse (там же), как ошибки, слишком уж бросающиеся в глаза.[11]

Сознавая, что за недостатком практики ему непривычно выражать свои мысли по-латыни, Тургенев, с разрешения экзаменатора, отвечал на 2-й заданный Грефе вопрос по-немецки. Немецкий ответ опять-таки не лишен грамматических ошибок и явных русизмов, но его слог, может быть слишком непринужденный в официальной обстановке экзамена, свидетельствует о владении Тургеневым разговорным языком: такой ответ производит стилистически впечатление как бы записи устной речи.

Для письменного ответа по латинской словесности профессор Фрейтаг предложил Тургеневу сперва следующий вопрос: «Что римляне сделали сами в философии и что они переняли у греков?»; затем, в дополнение к нему, как дальнейшее развитие той же темы: «Что римляне в литературе заимствовали у греков?».

Выбор и постановку этих вопросов, в самой формулировке кроющих сомнение относительно оригинальности римлян или намекающих на возможность защиты и отстаивания их культурного значения, следует объяснять не личными научными интересами Фрейтага, а общим направлением, господствовавшим в филологии к началу 40-х годов. Вследствие многовекового преобладания на Западе латинской словесности, — более, чем греческая, доступной по языку, все еще применявшемуся в ученой среде, что не могло не влиять на читательское восприятие римской литературы, тем более представителями романских народностей, — Рим долгое время заслонял собою Грецию, и греков часто почитали лишь по рекомендации римлян. Но в середине XVIII в. вслед за англичанами «открыли Элладу» немцы — Гердер, Винкельман, Гете и др. Вернулись к той оценке культурной роли римлян, которая была в свое время сделана их же виднейшими поэтами — Вергилием и Горацием, — признававшими полнейшее превосходство греков. Обычным стало утверждение, что римляне — народ, лишенный фантазии, не склонный к поэзии и отвлеченному мышлению, бездарный в области наук. Оригинальность их признавалась лишь в области сатиры и судебного красноречия. Эти взгляды перешли и в XIX в., в эпоху романтизма, оставались господствующими и в 40-е годы. Они полностью отражены в письменных ответах Тургенева на предложенные экзаменаторами темы. Магистрант обнаружил знание вопроса, как он ставился в филологической науке того времени, и приличную начитанность в римских авторах, цитируя по памяти Горация, Вергилия, Цицерона.

Показательно, что в конце своего латинского сочинения Тургенев связывает с современностью этот, казалось бы, сугубо антикварный вопрос о взаимоотношении греков и римлян; он упоминает о драматической немецкой поэзии того времени и утверждает, что она носит следы

---

[11] См.: А. М<а л е и н>. Латинские кляузурные работы И. С. Тургенева. «Гимназия», 1893, № 8—9, стр. 325, примечание.

чужеземного происхождения. Такое замечание не относилось непосредственно к теме и не могло интересовать профессора. Здесь в деловом экзаменационном ответе промелькнула личная нотка, свидетельствующая о широте интересов молодого Тургенева и о живучести его берлинских воспоминаний; ходовая немецкая драматургия на рубеже 40-х годов испытывала воздействие со стороны французского театра в смысле умения вести интригу и склонности к внешним эффектам.[12]

Тему об оригинальности римлян в области философии Тургенев трактовал несколько шире, чем это требовалось заданием, что, вероятно, и дало профессору повод назначить магистранту вторую тему, уже собственно о римской литературе.

В третьем своем латинском сочинении на тему, предложенную проф. Грефе, — «Что достоверного может почерпнуть история из произведений поэтов?», — Тургенев развивает общепринятый тогда тезис, что поэзия (стихотворная) исторически всегда предшествует прозе, и отмечает важность эпоса как исторического источника. И хотя в формулировке темы, как она была дана, нет обязательства развернуть ее непременно на античном материале — тема в такой же мере может касаться даже и XIX в., — но университетская традиция и сама личность Грефе естественно вели к трактовке темы именно на античном материале. Бегло упомянув лирических и драматических поэтов, назвав Аристофана, который действительно может дать обильный материал для изучения его эпохи, Тургенев свел весь вопрос к Гомеру, а во второй, уже немецкой, части своего сочинения увлекся поэтическими эпитетами Гомера и не относящимся к теме вопросом о взаимоотношении богов и людей. Единым порывом написанные, воодушевленные строки выдают в экзаменующемся поэта. Сознавая, что это не совсем то, что принято на экзаменах, Тургенев в конце извиняется перед профессором и оправдывается своей любовью к красоте древности.

Поскольку вторая половина этой работы, написанная по-немецки, нисколько не относится к заданной теме, проф. А. И. Малеин высказал мнение, что здесь дело идет о какой-то иной, самостоятельной теме, касающейся специально гомеровских эпитетов.[13]

Экзамен на магистра философии Тургенев выдержал, но в дальнейшем не любил об этом упоминать; так, в своей автобиографии 1875 г. он обошел этот факт молчанием.

М. И. Семевский сохранил нам, однако, следующее высказывание Тургенева: «Я <...> желал держать экзамен на магистра философии в Москве, но там по этому предмету некому было экзаменовать, так как уже не было кафедры философии. Экзаменатором в Петербурге был известный старик Фишер. Тогда у меня бродили планы сделаться педагогом, профессором, ученым. Но вскоре я познакомился с Виссарионом Григорьевичем Белин-

---

[12] См.: P. Merker и W. Stammler. Reallexicon der deutschen Literaturgeschichte. Berlin, 1925/26, стр. 250; Georg Witkowski. Das deutsche Drama des neunzehnten Jahrhunderts. Berlin, 1919, стр. 33.

[13] А. М<алеин>. Латинские кляузурные работы И. С. Тургенева, стр. 328, примечание.

ским, с Иваном Ивановичем Панаевым, начал писать стихи, а затем и прозу, и вся философия, а также мечты и планы о педагогике оставлены были в стороне: я всецело отдался русской литературе».[14]

1

‹ПИСЬМЕННЫЙ ОТВЕТ КАНДИДАТА ТУРГЕНЕВА›

‹5 мая 1842 г.›

Показать внутренние причины беспрестанно возникающего пантеизма и привести его многообразные формы, данные в истории философии, к немногим видам

Вопрос чрезвычайно важный и вполне достойный быть предметом ученой диссертации! Но — по недостатку времени и места, постараюсь изложить в немногих чертах происхождение и значение понятия пантеизма — его необходимые проявления в истории развития человеческой мысли — и сколь возможно — указать на его влияние, его последствия — его тесную связь с сокровеннейшей сущностью нашего разума — наконец, начертать, хотя бы с приблизительной вероятностью — дальнейший ход его судеб.

Пантеизм! великое слово: «Нет ничего кроме бога». Но тут же таится и слабая сторона этого учения — скажу более — таится возможность всех дурных и превратных толкований... Вторым — почти невольным последствием первого положения — является второе: «всё — бог»; но если — всё бог — то и перо, которым я пишу — эта бумага, стол и т. д. — тоже бог — наш рассудок возмущается и не верит: человек — из справедливого благоговения к понятию божества — отрешает его от вседневной, земной жизни — и ставит его «*там*» — т. е. в мире не здешнем, не нашем — а между тем — не будучи в состоянии отказаться от требований, вопросов и притязаний действительности, предается ей всем существом своим, всею силою страстей, и — слава богу — если он редко посещаем напрасными вопросами *о причине и значении жизни*, — вопросами, которые бы его терзали — бесплодно — без надежды на разрешения... Великое слово: «всё бог» — превращается в другое, грустное, хотя почти никогда не выговоренное положение: «Во всём, везде — я, человек, со своими требованиями, желанием удовлетворения и самолюбивыми страстями».

Причина такого превратного вывода следующая: неопределенность понятия: бог. — Истинно религиозному человеку, *христиа-*

---

[14] Иван Сергеевич Тургенев на вечерней беседе в С.-Петербурге 4-го марта 1880 г. «Русская Старина», 1883, № 10, стр. 206. (Продиктовано Семевским стенографу по памяти на другой день после встречи с писателем).

нину — нечего бояться возможности подобных убеждений. — Наш бог, бог христианина — бог живой, под которым нельзя — как выражаются, «*понимать*» то или другое... Вся жизнь человека непосредственно от него зависит: мы недаром называемся его детьми; наши отношения самые близкие и самые священные: мать, просящая его о выздоровлении сына, убеждена (и доказывает это бессознательное убеждение молитвой) — в том, что вся наша жизнь, во всех ее частностях, вечно проходит под его взором... Но если бог доступен и с любовью открывается нашему сердцу — то он также доступен, также открывается нашему разуму, *в том смысле*, что мы получаем *весь наш свет* от него, действием его свободной воли и любви — *не в смысле* многих людей (особенно многих германцев), которых учение мы постараемся изложить впоследствии, как конечное проявление пантеизма, пантеизма Спинозы, проникнутого идеализмом Фихте и Шеллинга.

Здесь не место показать источник — и необходимость философии, — оправдать ее справедливые требования — ее тесную связь (без всякого злоупотребления слов) с религией... Я желал только, определив самым коротким образом сущность пантеизма и показав возможность дурных его последствий — упомянуть о религии, как о божественном откровении истины, в котором каждый человек может найти полное удовлетворение: если бы нашлись люди, которым бы показалось — после этого — всякое философское изыскание — по крайней мере излишним, — то им стоит напомнить, что религия христианская есть религия духа в том смысле, что она не только не исключает движение бескорыстного и *верующего* изыскания, но и доставляет мысли человека в самой себе полное и сознательное удовлетворение. — Теперь приступим к собственному разрешению предложенного вопроса.

Что пантеизм вообще возможен, что возможно было человеку сказать всему окружающему миру, несмотря на беспрерывное его влияние (на то, что немцы называют: «Handgreiflichkeit» [1]) — сказать наконец самому себе: «один бог — есть; всё другое — ничто» — не есть ли это разительнейшее доказательство, что присутствие вечного, истинного в человеке могущественнее всех других, казалось бы, непреоборимых влияний? Наша мысль, потому что мысль — направлена на всё общее, на вечное; в природе всё — частное, отдельное, преходящее: но преходящее, определенное вечным, составляющее как бы его живое тело... Мысль прямо, непосредственно сообщается с Истиной, с Всеобщим, завладевает им как своим достоянием, принимает Истину — как глаз принимает луч солнца... В этой непосредственной связи заключается и доказательство божественного происхождения человека и возможность откровения и так называемая всеобщность истины.

---

[1] осязаемость, очевидность (*нем.*).

Движение (der Rhythmus) человеческой мысли гораздо проще, чем думают. — Что человек — потому что человек — признаёт истину своим достоянием — этого доказывать не нужно. (Скептицизм, кантианизм, вообще всякое критическое отрицательное отношение человеческой мысли к самой себе — не может служить опровержением моего положения: или человек *убежден* в границах своего рассудка и недостаточности мысли для достижения истины *объективной* — и это убеждение есть его истина, та святыня, без которой человек существовать не может — или он должен убить в себе это сознание, которое пока живет, живет в элементе *субъективной* истины — и быть консеквентным, как индейский факир, почитающий за грех мыслить, и приговаривая слово: «он» — взирающий на конец своего носа.[2] Это же самое состояние у более гибких и живых греков выразилось в известном ἀπέχειν[3] Академии).

Но источником истины признает он либо себя — либо вечное, неизменное *вне* себя — либо, наконец, старается примирить и то и другое. — Разумеется — и воззрения человека и способы познавания и примирения — беспрестанно изменялись, правильнее — обогащались — в течение времени... Но подобные периодические перехождения повторяются везде всё обширнее и глубже — колыхания человеческой мысли, которых мы можем назвать *пантеистическими* (между прочим: виды пантеизма, проникнутые христианской религией: гностицизм, мистицизм) — *эгоистическими* (стоицизм, эпикуреизм, скептицизм древний и новый) и *спекулативными*. — В каждой из этих сфер остальные повторяются в бесконечном разнообразии, еще сверх того условленные бесконечно различными личностями мыслителей.

Наше дело теперь — заняться исключительно пантеизмом... Пантеизм — есть признание истины вне себя и своих ощущений — но истины *не личной*, т. е. не бога. — Всякий переход к личности, всякое желание оживотворить неподвижную стихию *субстанции* — приводило — не к живому богу, потому что *он выводим быть не может* — познавать мы можем его только через откровение, но приводило к обоготворению самого себя, живой, *познающей* мысли —

---

[2] Санскритское слово «он» — так его транскрибировали во времена Тургенева — теперь принято передавать как «ом». Оно означает божественную субстанцию вообще; иногда ему придается значение триединого божества — Вишна, Шива, Брама. Путем беспрестанного повторения этого слова и сосредоточивания на нем всех духовных сил факиры приближались к состоянию нирваны. — (Все примечания к текстам, кроме отмеченных как принадлежащие Тургеневу и Н. М. Лисовскому, а также все переводы выполнены А. Н. Егуновым. — *Ред.*).

[3] воздерживаться (*греч.*). Здесь как существительное: воздержание. И средняя Академия и новая действительно родственны скептицизму. Главный представитель скептицизма Секст Эмпирик (II в. н. э.) учил, что всякому основанию противостоит одинаково сильное противоположное основание. Поэтому возникает воздержание (ἐποχή) от суждения.

к известному изречению софистов: «человек (т. е. человеческое познание) есть мера всему».[4] Создающее есть высшее: человек, создававший — силой мысли своей всю природу и то, что он называл богом, естественно приходил к сознанию своего творчества — а также естественно не признавал ничего над собою... На этой точке не мог он удержаться ни мгновенья и предавался либо стоицизму — либо эпикуреизму — либо, наконец, скептицизму. Оттого понятие бога личного, живого — осталось чуждым древнему (греческому миру) или приняло (у иудеев) тесный характер бога отдельного народа — бога праотцов, *Иеговы*. — Потому и пантеизм в собственном смысле этого слова мы не встречаем у древних: пантеизм возможен только в обществе, которое всем своим существованием (подобно нашему) обязано религии — здесь он служит переходом, на котором опасно остановиться, но который всякий должен быть в состоянии перейти, потому что условия его возникновения — вместе и условия возможности его уничтожения из самого себя.

Однако мы почитаем себя вправе распространить название *пантеизм* и на те проявления древней мысли (к‹ак› напр. Фалеса и т. д.), которые имели источником *то же* воззрение человека и могут быть почитаемы за зародыши пантеизма, развившегося в новейшее время.

Этот вопрос такой многообъемлющий, что поневоле надобно себя ограничить и удовольствоваться простым постановлением положений, не подкрепляя их всеми возможными доводами.

Вследствие этого я причисляю проявления пантеизма к трем разрядам — а именно:

а.) *Пантеизм Востока* (индейский), о котором я говорить не стану и по недостатку места и по его маловажности в истории философии, как *учения*; гораздо бы важнее развить его возможность, условленную климатом, народонаселением и религией: но этот вопрос принадлежит философии истории. Замечу только то, что он резко отделяется от мифологии индейской, преисполненной громадных образов — именно своей пустотой и бесцветностью... Если я к изречению: «всё бог» не прибавляю ни собственной мысли, если вообще не допускаю никакого умственного движения — то эти слова становятся звуками, так же бессмысленными, как чирикание птицы. «Das reine Licht, — справедливо сказал Гегель (т. е. свет, не допускающий краску — если б можно было вообразить такой свет), — ist die reine Nacht».[5]

[4] Так Тургенев передает известный тезис Протагора. В передаче Платона (Феэтет, p. 152, p. 195) Протагор утверждал, что «человек есть мера всех вещей, тех, которые существуют, что они существуют, а тех, которые не существуют, что они не существуют», — т. е., иначе говоря, Протагор утверждал, что истина есть явление сознания и тем самым она относительна.

[5] Чистый свет есть чистая ночь (*нем.*). Несмотря на немецкий язык, это, однако, не цитата, а передача своими словами следующего утвержде-

b.) *Пантеизм греков.* — Он начинается с ионической школы, с Фалеса — вообще с проявления мышления, с тех пор, как человек захотел себе *отдать отчет* — великое слово! Разумеется — эти начинания были слабы и грубы: человек не мог разом свергнуть иго чувственного воззрения... но в том, что Фалес положил всему в основу — *стихию* (воду) — можем мы приветствовать первый проблеск философии. — Вообще мы имеем большей частью не совсем точные понятия о философии у греков — мы дышим совсем другим воздухом в сфере философии: потому нам их мышленье, их образ доказательств (иногда даже у Платона) может казаться детским: неопределенность их понятий, напр. о боге, где мы встречаем чисто пантеистические, мифологические, даже химические понятия, — понятия о боге, как о высшей причине, и т. д. — друг подле друга — может нам показаться утомительной — точно так же, как их неумение выражаться на чисто спекулативном языке — неловкое употребление представлений, взятых из чувственного мира (стихии; система Пифагора и т. д.) — но нам было бы грешно не признавать их великие заслуги. — Пантеизм в строгом смысле считаю я заключенным у древних Анаксагором — по крайней мере его первый период... Первоначальная стихия Фалеса (замечательно, что никто не почел *земли* первоначальной стихией) — дошла, постепенно идеализируясь, до — νοῦς [6] — Анаксагора. — Уже и до него старались оживотворить немое лоно субстанции: после него произошел переворот (софисты, Сократ), о котором мы упомянули выше — и наступило примирение (спекулативная эпоха) — Платон, особенно Аристотель. — Греческая жизнь была сама в себе заключена — достигла до высшего своего выражения — и после Аристотеля мы видим либо остановившиеся, мертвые системы (стоицизм...), либо, наконец, неоплатоническую школу, представляющую 2-ую эпоху греческого пантеизма — школу, в которой так живо видишь стремление к тому, что уже было высказано в христианстве — видишь границу человеческой мысли и признаешь необходимость откровения. — Глубокое слово произнес Тертуллиан: «Теперь и дети знают то, что было закрыто величайшим древним мудрецам».[7] Пантеизмом мы называем учение и. пла-

---

ния Гегеля: «свет как таковой невидим; в чистом свете ничего не видно — так же ничего не видно, как в чистой тьме: он темнота, ночь» (Гегель. Философия природы. Сочинения, т. II, М.—Л., 1934, § 275, стр. 119). В трактовке индийской философии Тургенев следует Гегелю: «Индийское воззрение оказывается совершенно общим пантеизмом, а именно пантеизмом воображения, а не мысли» (Гегель. Философия истории. Сочинения, т. VIII, М.—Л., 1935, стр. 133).

[6] Ум (*греч.*).

[7] Приводимые Тургеневым слова Тертуллиана не являются точной цитатой, а скорее сжатой формулировкой отрицательного мнения Тертуллиана о значении греческой философии (см.: К. Попов. Тертуллиан, его теория христианского знания и основные начала его богословия. Киев, 1880, стр. 58 и сл.).

тоников,[8] потому что и у них всё погружено в лоно божества и, сверх того, видно старание вывода знания и жизни — желание: не удовольствоваться одним словом *бог* — определить его... У них, напр.: была разница между богом выговоренным и невыговоренным.[9]

Что касается до пантеизма, возникшего в новейшее время — то мы должны различить:

а.) Пантеизм Спинозы... и b.) Пантеизм последних времен.

Здесь уже мы совершенно на другом поприще. Являются вопросы, о которых греки не помышляли, разделения и отвлечения, которые им были чужды. — Первое слово — бог: но какое отношение моей мысли к богу? бога к природе? — Природа ко мне самому? Между богом, природой и мной связь неразрывная и нигде не прерывающаяся: но *какая* она? Пантеизмом можем назвать учение Спинозы по преимуществу; вот в коротких чертах ход всякого пантеистического воззрения: всё бог, т. е. бог во всем; но каким образом существует это всё, в котором он находится? Если оно различается от бога, — то бог находится вне природы (Deus extramundanus).[10] В таком случае бог становится личным и пантеизм уничтожается. *След.:* бог неразличен от материи? Да? В таком случае два разрешения: либо бог есть в самом деле — а материи нет — ее бытие есть бытие небытия; т. е. нам, людям, только кажется, что она существует; существует одно положительное: бог — Omnis determinatio est negatio,[11] говорит Спиноза — а отрицание не существует; — либо бога нет — а есть одна материя — материализм. — У Спинозы всё, природа, человек тает понемногу в лучах единой субстанции — он старается удержать ход их уничтожения, различает в «Omne Esse» [12] (бог) атрибуты, через которые он нам сообщается: но сообщаться несуществующему нельзя — и он принужден окончить полным уничтожением всего мира... «Один бог есть» — он не может дать отчета ни в возможности существования людей, ни в возможности знания... Мы видим, что тот же процесс повторился и здесь, но в более метафизически строгих формах и с большей силой рефлекции и отвлечения. — Этот пантеизм был особенно развит в последнее время.

Пантеизм в том виде, в каком он находится у Спинозы — не мог ни удовлетворить людей, ни удержаться. Он имел последствием устремление человека на самого себя... Как мы уже прежде заметили: процесс собственного уничтожения происходил

[8] Т. е. неоплатоников, представителей новоплатонизма.

[9] Тургенев говорит здесь о неизреченности высшего первоначала по учению неоплатоников: оно таково, что человеческий язык бессилен назвать его сколько-нибудь соответствующим именем. Тургенев передает это словом «невыговоренный» (см.: М. Владиславлев. Философия Плотина, основателя ново-платоновской школы. СПб., 1868, стр. 76).

[10] Бог внемирный (*лат.*).

[11] Всякое определение есть отрицание (*лат.*).

[12] Всё бытие (*лат.*).

в голове человека: *человек* был законодатель... и потому он опять отклонился от пантеизма. — *Пантеизм есть сознание человеческой мысли в собственной слабости и стремление сблизиться с богом; но так как это сознание есть собственное сознание человека — то весьма естественно, что он обращается в обоготворение самого себя, своего знания.* Одним словом: пантеистическая субстанция не есть prius [13] человеческой мысли, хотя адепты этой школы и уверяют в противном и даже преклоняют колено перед «*Великим Всем*» (das Grosse Pan),[14] но это умаление, как говорится, паче гордости: мысль есть луч и свет — и жизнь — и что не живет собственной жизнью, не может быть ее prius'ом... Бог, личный, христианский бог, есть истинный *prius* мысли, и как prius, не есть ее произведение; а потому и понят быть не может, хотя и доступен: его знание есть откровение, данное им нам — *открытая* тайна. Без откровения нет спасения. — Всё различие новейшего пантеизма от спиноцианского состоит в том, что субстанция признана живою — но жизнь ее есть собственное движение мысли — т. е. чего не решились высказать прежде — мысль точно обоготворена. Die Substanz soll Subject werden; [15] вот лозунг этих господ: но они не [16] хотят этим сказать, что бог как личность находится вне человека; нет: человек есть личность бога; он в нас живет! — Чтобы признать, что он в нас живет и совершенно от нас независим, *лицо*, persönlich [17] — до этого они не дошли — или если и говорят, что дошли — то во зло употребляют слова. — Я не имею места развить достаточно остальную часть вопроса: упомяну только, как система Канта открыла путь идеализму Фихте указанием бесконечных противоречий непонятого эмпиризма; что Фихте, решившись *всё* развить из *Я* — дошел до своего положения: «что хотя не *Я* есть *Я*, само себя ограничивающее — но совершенно непонятно, каким образом *Я*, определенное как бесконечная деятельность, само себя ограничило»: die Grenze ist unbegreiflich..., т. е. woher kömmt das *Ausser* mir? [18] Шеллинг опять возвратился к пантеизму... Первое слово: *das Absolute*,[19] совершенное безразличие (Indifferenz); но каким образом проистекают из него субъект и объект? — Его в особенности должно почесть отцом новейшего пантеизма: и хотя иные из гегелевой школы перенесли идею «*понятия*» (Begriff), т. е. что бог есть

---

[13] первоначало (*лат.*).

[14] Греческое местоимение среднего рода πᾶν (всё) здесь субстантивировано (το πᾶν) и поэтому снабжено артиклем das.

[15] Субстанция должна стать субъектом (*нем.*). *В публикации, по-видимому, описки Тургенева*: Die Substant *и* subiect.

[16] В подлиннике описка: но не они.

[17] лично (*нем.*).

[18] Ограничение непостижимо — откуда происходит то, что вне меня? (*нем.*).

[19] абсолютное (*нем.*).

самопонимание, которое свободно выразилось в природе и человеке — но и у них последнее слово — *Я*, моя собственная мысль, которая, оттого что она думает бога, т. е. что бог захотел ей быть доступным, воображает, что он ее произведение — или, сама не сознаваясь в этом, обманывает себя громкими словами и дешевыми восторгами. Эти люди, пожалуй, вам скажут, что они признают необходимость откровения — но тот бог, от которого они ждут откровений — есть их же *Я*, — «sich selbst objektiv geworden» — как говорит в своей последней книге Фейербах.[20] — С другой стороны, я убежден, что это — последняя борьба философии с религией — что уже многие на истинном пути — оттого что чистосердечны и сами себя не желают обманывать.

Новейший пантеизм есть — наукообразная и полная система человеческого знания, в которой всё человеческое покорено человеку с исключительно — *человеческой* точки зрения; и потому и бог, и даже так называемое спекулативное развитие бога имеет в ней свое место. Новейший пантеизм есть воцарение человека — но так как человек самого себя понять может только от бога и в боге — то и это учение должно покориться откровению и только тогда достигнет свое назначение и поймет само себя.

И чтоб сказать последнее слово: причины новейшего пантеизма должно искать в состоянии религии. — Ей предстоит тяжкая борьба: но она победит, потому что вечно — истинна. Чем глубже ее теперешний разрыв с мыслию, тем теснее будет ее примиренье — и уже многие начинают верить — что человеку необходимо с любовью зависеть от бога, и только в этом отношении возможно находить истину и свободу мышления и счастье.

2a

In Philosophia quid Romani ipsi effecerint, quid a Graecis assumserint?

Philosophia, quae apud nos: *antiqua* vocatur (et sub voce: Philosophia intelligimus scientiam mentis humanae, indagationem legum nobis et naturae a Deo insitarum) — est omnino, ut ita dicam, fructus Graeci ingenii. Dum permulta systemata in scientia nostra tentata sunt a Graecis, dum Aristoteles, vir maxime admirandus, doctrinam Platonicam nec non alteras (Pythagoream, Heracliticam e. s. p.) ad unam quasi normam redigit, Logicen invenit, Philo-

---

[20] ставшие объектом самого себя (*нем.*) (см.: Людвиг Фейербах. Сущность христианства. Сочинения, т. II, М.—Л., 1926, стр. 218—219). Необычным для экзаменационной обстановки того времени было упоминание Тургеневым незадолго перед тем (в 1841 г.) вышедшей философской новинки, заведомо неприемлемой для такого экзаменатора, как Фишер. Тургенев, правда, не приводит заглавия книги Фейербаха.

sophiae naturae prima fundamenta jacet, posterisque splendidum specimen indolis Graecae tradit — Romani, inprimis bellis contra vicinos occupati, postea — iis devictis — populos jam remotiores aggressi, omnia studia humaniora vel honestiora plane negligebant. — Tempore Catonis Prisci primum Romam venerunt philosophi Graeci Academici Carneades et alii, quorum nomina mihi ex memoria excidunt (florebat enim tum Athenis schola philosophorum, quae Academia vocabatur.) Mira fertur fuisse Carneades eloquentia; et juvenes Romanos adhuc rudes et socordes suadela et argutiis sophistices ita adlectavit ut eum, quasi perniciem urbi — Catone praecipue monente — e terris Romani imperii expellere juberet senatus. Sed nihilominus eo tempore initium Romae factum est studio philosophiae. Attamen parum in his studiis proficiebant Romani; et putamus Ciceronem maximo cum jure sibi gloriam philosophiae apud Romanos instituendae tribuisse. (1.) Philosophia vero distingui potest in philosophiam puram et applicatam, ut mathesis; ad Philosophiam puram seu primam adscribimus Logicen, ontologiam; ad applicatam — contra referendae sunt: Ethice, Philosophia juris cett. Ad perfectionem primae partis Romani aut minimum aut nihil tribuerunt; immo ipse Cicero argumentis Stoicis et Epicuricis, quae Athenis perdidicerat in Disputationis suis, aliisque operis philosophicis usus est; et tantum abest, ut quid sibi adjiceret, ut fateri debeamus, eum saepissime a vero sensu axiomatum philosophorum Graecorum (praecipue Aristotelis) aberasse. Atque ille pater est istae ad intellectum multitudinis adaptatae (cui apud nos nomen: «Populärphilosophie» datum est.) Sed ab altera parte, agnoscendum est Romanos in jurisprudentia maxime profecisse; quin etiam jus ad talem gradum perfectionis adduxerunt, ut nunc quidem apud nos admirationem moveant. — Auctoritatem Graecae indolis facillime sentiamus, quum monumenta superstita literarum Romanarum perlegimus; nec historiam nec poësim hujus auctoritatis expertes esse mox sentiemus. — Romani minus delectabantur investigationibus de prima causa, nexu et ratione rerum, de natura Dei cett. — quia minime praesentem utilitatem praebeant; itaque studio primae philosophiae hactenus se dederunt, quatenus illam aliis secundariis scientiis illustrandis et confirmandis utilem esse existimaverunt. — Ipsi Ciceroni non philosophianisi fallor — ultima meta investigationum erat — verum enimvero eloquentia. Neque videmus ullum quemque, nomine dignum haec studia excolenda et porro perducenda a Cicerone excepisse: longo temporis intervallo (sane rationem sufficientem inveneris in bellis civilibus) a Cicerone divisus abstat Seneca. — etiam longiore Marcus Aurelius, philosophus coronatus: sed sunt «rari nantes in gurgite vasto». Ut paucis verbis dicam, quc de his intelligo: apud Romanos florebant: Eloquentia, Historia, Jurisprudentia; nempe semper floret apud quemlibet populum id, quod e natura eius indolis, quasi e fonte manat; sed marces-

(1.) In initio Quaest. Tuscul. (*Примеч. Тургенева*).

cebant, languidamque vitam degebant: Philosophia, Poësis et Ars: haec omnia victores ad se adduxerunt, ut aquas aquaeductu e monte — et sibi subjicere, imitatione propria reddere conati sunt; et aliquoties magistros suos aequaverunt — nihilominus possis explorare vestigia alienae originis, quae nunquam deleri patiantur: in exemplum possit vocari poësis dramatica, quae nunc in Germania viget.

I. Turgenev.

Перевод:

2a

Что в философии римляне сделали сами и что они переняли у греков?

Философия, называемая у нас *древней* (а под словом *философия* мы понимаем познавательную способность человеческого разума, исследование законов, данных богом нам и природе), — есть всецело, так сказать, плод греческого гения. Между тем как греки положили начало очень многим системам нашего знания, между тем как Аристотель, достойный величайшего восхищения, приводит как бы к одному мерилу учение Платона и другие учения (пифагорейское, гераклитовское и т. д.), изображает логику, закладывает первое основание натурфилософии и передает потомству яркий образец греческой одаренности, — римляне, которые сперва заняты были войнами против соседей, а затем, покорив их, нападали уже и на более отдаленные народы, совершенно пренебрегали всякими более человечными либо более благородными занятиями.

Во времена Катона Старшего впервые прибыли в Рим греческие философы-академики: Карнеад и другие, — имена которых у меня выпали из памяти (тогда процветала в Афинах школа философов, называемая Академией). Карнеад, по преданию, обладал удивительным красноречием; он так очаровал уменьем убеждать и тонкостями софистики еще грубую и невежественную римскую молодежь, что его, словно пагубу для города, сенат, в особенности по совету Катона, приказал изгнать из областей, подвластных римлянам. Но тем не менее в Риме в то время положено было начало занятию философией.

Однако римляне мало преуспевали в подобного рода занятиях, и, по нашему мнению, Цицерон с полным правом приписал себе славу введения философии у римлян. (1.) Философию же можно разделить на чистую и прикладную, как и математику; к чистой или первой философии мы причисляем логику, онтологию; напротив, к прикладной должны быть отнесены этика, философия права и проч. Для развития первого раздела римляне не дали почти что ничего; даже сам Цицерон пользовался в своих

(1.) В начале Тускуланских Бесед. (*Примеч. Тургенева*).

«Беседах»[2] и других философских трудах доводами стоиков и эпикурейцев, которые он изучал в Афинах, — и не только не прибавил к ним ничего сам, но надо признаться, что он очень часто заблуждался относительно подлинного смысла положений греческих философов (особенно Аристотеля). Он является отцом той самой философии, которую мы называем «Popularphilosophie»,[3] т. е. приспособленной к пониманию толпы. Но, с другой стороны, следует признать, что римляне чрезвычайно преуспели в юриспруденции, они довели право до такой степени совершенства, что и теперь даже вызывают у нас удивление.

Влияние греческого гения мы очень легко замечаем при чтении дошедших до нас памятников римской литературы; мы сразу заметим, что ни история, ни поэзия не чужды этому влиянию. Римлян мало привлекали исследования первой причины, связи в смысле вещей, природы бога и проч., так как это всего менее приносит непосредственной пользы; поэтому они лишь настолько занимались первой философией, насколько считали ее полезной для объяснения и подтверждения других, второстепенных знаний. И если я не ошибаюсь, для самого Цицерона конечной целью изысканий была не философия, а красноречие. Да мы и не видим, чтобы у него был какой-нибудь достойный упоминания преемник в занятиях и продолжении этих изучений: большим промежутком времени (это, конечно, достаточно объясняется междоусобными войнами) отделен от Цицерона Сенека, еще большим — венценосный философ Марк Аврелий, но «редки пловцы в пучине обширной».[4]

В кратких словах вот мое мнение о них: у римлян процветали красноречие, история, юридические науки; да и понятно, что у всякого народа процветает всегда то, что вытекает, как из источника, из его природы. Напротив того, у них чахли и еле влачили свое существование философия, поэзия и искусство, всё это победители отвели к себе, как воду с горы при помощи водопровода, и пытались подчинить их себе, воспроизвести собственным подражанием; иногда они становились наравне со своими учителями, тем не менее можно обнаружить следы чужеземного происхождения, которые никогда не удается изгладить: как пример могла бы быть приведена драматическая поэзия, которая теперь распространена в Германии.

И. Тургенев.

Читал Т. Фр. Фрейтаг.[5]

2b

‹РАССУЖДЕНИЕ КАНДИДАТА ТУРГЕНЕВА›

Quaestio, quae mihi tractanda est his fere verbis continetur: *quid romani in literis a graecis acceperint*? — Est vero — quasi continuatio quaestionis illius, quam absolvendam heri accepi. Nempe de philo-

[2] Tusculanae Disputationes (Тускуланские беседы).
[3] Популярная философия (*нем.*).
[4] Вергилий, Энеида, I, 118.
[5] Legi Th. Fr. Freitag. (*Помета в публикации соответственно подлиннику*).

sophiae apud Romanos fato pauca verba proferre debui; et vidimus Romanos nimis serviliter vestigia magistrorum suorum pressisse; nunc autem jubeor explorare quid in literis Romanis originis Graecae notam recusare non possit. Sed breviore sermone, bona venia dixerim, uti volo: quia et materia tractandi multo majorem se praebet, et vereor, ne denuo in talem errorem inducar ut Priapum pro Pani, alvum pro alveo dicam. — Ut ad rem redeam, repetam id, quod jam dixi: poësis apud Romanos non sua luce splendet: in oratione contra pedestri, praecipue in eloquentia (quamquam Demostheni vel Aeschyno non sit Cicero comparandus) multam laudem jure habent. Ut exeplis dicta firmem, opponetur Virgilius Homero. — Homeri carmina genuinum, immo unicum specimen poëseos Epicae nobis praebent: et omnia, quae cupiamus, ut in talis generis carminibus reperiantur, abunde nobis in Iliade et Odyssea occurrunt: simplicitas, vis, inspiratio, suavissima descriptio veterum morum et institutionum, viridissima enarratio pugnarum — multaque alia, quae paucis verbis exhauriri non possunt. Quid autem dicemus de Virgilio? Sane quisquam in carminibus ejus — admirari debet elegantiam dictionis, versificationem limatissimam nec non gustum et moderationem — sed nihilominus quantum abstat a Homero! — quantum solet imitator ab archetypo; eadem relatio pretium habet in comparatione literarum Graecarum cum Latinis. Non dubito quin nemo hanc controversiam denuo moveret, quae, praeterito saeculo, de Homero et Virgilio, quis sit alteri praeponendus — per multos annos duravit. Notatu dignum est, ut Homeri carmina omnibus historicis, de moribus et vita Graecorum inquirentibus — uberrimam et luculentissimam fontem praebeant, Virgilii Aeneis contra — sane multa, sed cum Homeri carminibus comparentur — pauca adjumenta adferent illis, qui se vitae historiaeque Romanae studio dederunt. Et hoc indicium fortasse plus valeat, quam credideris. In carminibus poëtarum Romanorum saepe difficilius existimares id, quod Latinae indoli abscribendum sit (praeter linguam — et quae a peculiari historia Romanorum pendent; Satyrae pariter excipiendae sunt) — quam id, quod Graecam originem satis aperte indicet — eruere. Sed — ne pauca vela darem per Tyrrhenum mare, ut Horatius dicit — vel ut alio loco monet: ne onus humeris suscipiam, «quum ferre recusent». — Itaque ad finem pergo, et precor, ut maculae et culpae, quae in his, quae nunc scripsi — reperiuntur a te, Professor reverendissime, mihi ignoscantur; precorque, ut consilii a me constituti, ut literarum antiquarum studiis me dederem, aliquam rationem duceres.

Перевод:

‹РАССУЖДЕНИЕ КАНДИДАТА ТУРГЕНЕВА›

Вопрос, который мне предстоит разобрать, выражен примерно так: что римляне в литературе заимствовали у греков? Это как бы продолжение того вопроса, который я получил для ответа вчера, а именно: я должен

был вкратце изложить судьбу философии у римлян, и мы видели, что римляне слишком рабски шли по следам своих учителей: теперь же мне поручено исследовать, что в римской литературе носит неизгладимый отпечаток греческого происхождения. Но мне хотелось бы, если будет позволено, говорить об этом покороче, потому что и материал для разбора здесь гораздо обширнее, да и боюсь я, что вновь впаду в такую ошибку, что назову Приапа вместо Пана, скажу alvum вместо alveum. Но чтобы вернуться к делу, повторяю то, что я уже сказал: поэзия у римлян блестит не своим светом; зато в прозе, особенно в красноречии (хотя Цицерона нельзя сравнивать с Демосфеном или Эсхином), они по праву заслуживают великой похвалы.

Чтобы подтвердить сказанное примерами, противопоставим Вергилия Гомеру. Поэмы Гомера представляют нам настоящий, даже единственный образец эпической поэзии; и всё, что желали бы мы встретить в подобного рода стихотворениях, в изобилии встречается нам в Илиаде и Одиссее: простота, сила, вдохновение, привлекательнейшее описание древних нравов и обычаев, самое живое описание битв и многое другое, чего нельзя исчерпать в немногих словах. А что сказать нам о Вергилии? Конечно, всякий в его стихотворениях должен удивляться изяществу слога, чрезвычайно гладкому стиху, а также его вкусу и чувству меры — но всё же как ему далеко до Гомера! — так далек бывает подражатель от своего образца; то же самое соотношение сохраняется и при сравнении греческой литературы с римской. Я не сомневаюсь, что никто не возобновит спора, который многие годы длился в прошлом столетии относительно того, кто выше — Гомер или Вергилий. Следует заметить, что стихотворения Гомера представляют чрезвычайно обильный и богатый источник для всех историков, исследующих греческие нравы и быт, а Энеида Вергилия хотя и дает, конечно, много, но все же, сравнительно с поэмами Гомера, мало для тех, кто занимается изучением римской истории и римского быта. Эта особенность имеет, может быть, большее значение, чем можно было бы думать.

В стихотворениях римских поэтов часто труднее бывает определить то, что следует приписать латинскому гению (кроме языка и всего непосредственно касающегося римской истории; равным образом следует исключить и сатиры), чем то, что достаточно явно показывает свое греческое происхождение. Но — чтобы не распускать малых парусов по Тирренскому морю, как говорит Гораций,[1] или чтобы, как он советует в другом месте, не брать мне тяжести на плечи, «когда они отказываются нести»,[2] — пора мне кончать, и я прошу вас, глубокоуважаемый профессор, извинить мне помарки и погрешности, которые вы обнаружите в том, что я сейчас написал; прошу также, чтобы вы как-нибудь приняли во внимание мое намерение — заняться изучением древней литературы.

Читал Т. Фр. Фрейтаг.[3]

---

[1] Гораций. Оды, кн. IV, 15, ст. 3—4.

[2] Гораций. О поэтическом искусстве, ст. 39—40.

[3] Legi Th. Fr. Freitag. (*Помета в публикации соответственно подлиннику*).

3

Quid veri historia e poetarum carminimus haurire potest?

Inter poetas distinguendum est; de malis poetis tacemus sed etiam inter bonos maximum est discrimen, quod ad aetatem pertinet, ubi vixerunt. Reperiuntur enim poetae passim in quovis populo, ab [1] remotissimo tempore usque ad ejus exitum. Sed non omnia carmina aequalem praebent utilitatem ad historiam scribendam. E legibus naturae humanae possemus deducere (et hoc tentaremus, si nobis tempus datum fuisset) *poesim* semper orationi pedestrae praeisse debere. Est enim — haec prima poesis, quae *Epos* vocatur — prima *Ars* hominum, in qua omnes aliae artes (dicam etiam musicen) — quasi in nuce continentur. — Necessitas illius certae ac semper recurrentis iterationis vel modulationis, quem «*metrum*» nominamus — ex hoc fortasse facilius percipi possit. — Poëmata poëtarum epicorum ea maxime ratione dignissima sunt, ut historicus quisque — qui laborem susceptum recte absolvere cupiat — studio eorum attentius incumbet — quod totam vitam populi, ejus mores, religionem, ludos, institutiones — omnia publica et domestica nobis ante oculos apponunt. Nemo, credo, qui *causam* non perscrutatus est, — *effectum* recte intelligit; nec putem eum historiam populi alicujus cognoscere posse qui fontes, (e quibus fluit, non studiose investigaverit. Poemata autem epica sunt fontes tales — immo uberrimae, exempli gratia Homerus. Accedant et poetae lyrici, nec non dramatici, quorum Aristophanem unum memorare sufficit. — Sed interrogatus sic: Quid *veri* historia etc. . .? — At ego respondeo: Si laborem impendere (non sine maxima voluptate) ad carmina, praecipue epica et dramatica historicus quisque debeat — commendamus nos maximo cum jure ab eo poscere ut in his studiis nec arte critica nec indole ac venustate careat.

Erlauben Sie mir, Herr Professor, die 2-te Frage Deutsch zu beantworten, wie Ich auch aus dem Griechischen in's Deutsche mündlich übersetzt habe. Ich hoffe beweisen zu können, dass Ich das Lateinische verstehe, aber da Ich es fast nie geschrieben habe, so fällt es mir schwer aus mich auszudrücken und der Sinn für das, was sich gut Lateinisch schreibt und nicht schreibt, ist in mir aus Mangel an praxis von der Art — nicht entwickelt. — Darum fürcht' Ich auch manche Verstösse in der Beantwortung der 1-ten Frage gethan zu haben unlateinische Wendungen u. s. w. — Die alten Sprachen, besonders die Griechische — ziehen mich an — aber zum Philologen hab'Ich es nicht gebracht — wie Ich es Ihnen auch gesagt habe — und hielt auch desswegen mein Hauptexamen aus der Philosophie. — Nach diesem exordium — zur Sache.

---

[1] Было написано ab initio, затем initio зачеркнуто и заменено rem. temp., причем осталось не исправленным ab на a. (*Примеч. Н. М. Лисовского*).

Die Könige haben, bei Homer, das Epitheton von Gotterzeugt und Gotterzogen. — Dieses scheint mir einen tiefen Sinn zu haben. — Alle Helden (die Hauptheroen wenigstens) sind Könige. Sie sind nicht Personificationen besonderer Thätigkeiten (wie z. B. Achilleus — etwa des Uebermuthes) — sie sind Keine Allegorien, — sie sind dazu viel zu lebendig: aber mit der ganzen Naivität jener Zeiten hat sich, wie mir dünkt — der vollkommene Mensch, ganz wie er ist — in jenen Heldengestalten abgespiegelt. — Wie das Epos die ideale (im guten Sinne des Wortes) Darstellung des Volkslebens ist, so sind auch jene Gestalten Träger des Menschengeistes — und desswegen Königlich, desswegen gottverwandt und gotterzeugt, weil der Mensch mit Recht auf sein Werth stolz ist, weil es den Griechen eine Freude war, mit ihren Göttern in einem so freien, lebendigen Verhältnisse zu stehen. Jene Helden fühlen wohl eine Art Scheu, wenn ihnen ihre Götter erscheinen; aber es ist der freudige Schreck des Ulysses, der Minerwa erblickt; ja es gehen die Menschen mit den Göttern zuweilen wie mit ihresgleichen um: der trotzige Diomed verwundet sogar die Venus. — Und jene Götter sind sie nicht menschlich? Hat denn nicht Juno einen prächtigen Wagen — schlägt sie denn nicht im Zorne die Artemis mit ihrem eigenen Bogen? Sind sie nicht immer thätig — eingreifend in das Schicksal der Menschen, ihr Wohl und Weh theilend, ihre Vergehen ahndend? — Die Könige also, die gottverwandte und gotterzeugte — bilden die Kette, die jene Götter mit den Menschen zussammenschliesst, und der Mythos, der sie wirklich von Göttern entspriessen lässt (wie denn wiele Helden Sarpedon, Achilleus, Odysseus Göttersöhne sind) — hat dieselbe Bedeutung. — Jene Lieblinge stehen auch in ihrer besonderen Sorge und Pflege — und wenn der schon aufbrausende Achill der zu ihm gesandten Iris, die ihn beim Haar von hinten erfasst — willig gehorcht, so ist es überhaupt der auf seine Kraft strotzende Mensch der aber zugleich von einer höhern Gewalt sich Zeugende — welcher uns hier vor die Augen tritt.

Entschuldigen Sie, Herr Professor, diese nicht ganz in der schicklichen Art verfassten Zeilen — wegen der Liebe und Drange zum schönen Alterthume, von dem Ich erfüllt zu sein glaube. — Wünschen Sie aber dennoch dass Ich Lateinisch antworte, so haben Sie nur zu befehlen.

Перевод:

3

Что достоверного может почерпнуть история из произведений поэтов?

Между поэтами необходимо делать различие: умолчим о плохих поэтах, но даже и хорошие чрезвычайно отличаются друг от друга, что зависит от эпохи, когда они жили. Поэты бывают повсюду, у любого

народа, с отдаленнейших времен и до исчезновения его; но не все поэтические произведения одинаково полезны при написании истории. Из законов человеческой природы мы могли бы вывести (и попытались бы сделать это, будь у нас время), что *поэзия* всегда должна была предшествовать прозе. Ведь первобытная поэзия, называемая эпосом, — первое искусство человеческое, в котором все прочие искусства (я сказал бы — даже и музыка) заключены, как бы в зародыше. Отсюда, пожалуй, легче может быть воспринять необходимость того определенного и всегда возвращающегося повторения и напева, что мы называем *метром*. Поэмы эпических поэтов очень стоят того, чтобы всякий историк, желающий как следует выполнить предпринятый им труд, внимательнее взялся за изучение их, в особенности потому, что они наглядно показывают нам всю жизнь народа, его нравы, религию, игры, учреждения, весь его общественный и домашний быт. Я полагаю, что никто, не изучив *причины*, не в состоянии правильно понять *следствие*; не думаю также, чтобы кто-нибудь мог знать историю какого-либо народа, не исследовав тщательно источников, из которых она проистекает. А такой источник — эпические произведения, — и притом источник весьма обильный, как например Гомер.

Сюда же относятся и лирические поэты, а также и драматические, из которых достаточно помянуть одного Аристофана. Но на заданный вопрос: что *достоверного* история и т. д.? — я отвечаю: если можно посоветовать всякому историку потрудиться (что доставит немало и удовольствия) над поэтическими произведениями, преимущественно эпическими и драматическими, то мы вполне вправе требовать от него, чтобы его изыскания не были бы лишены критического искусства, и дарования, и красоты.

Смотрел Грефе.[1]

Позвольте мне, господин профессор, ответить на 2-й вопрос по-немецки, поскольку я и с греческого устно переводил на немецкий язык. Я могу, надеюсь, доказать, что я понимаю латинский язык, но так как я почти никогда не писал на нем, то мне бывает трудно на нем выражаться, и к тому же, за недостатком подобной практики, у меня не развито ощущение того, что хорошо звучит по-латыни, а что нехорошо. Боюсь поэтому, что я сделал кое-какие промахи в своем ответе на 1-й вопрос — нелатинские обороты и т. д. Древние языки, особенно греческий, меня привлекают, но филолога из меня все-таки не вышло, как я уже говорил вам, почему я и держал свой главный экзамен по философии. После этого введения перехожу к делу.

Цари имеют у Гомера эпитеты «рожденный богом» и «воспитанный богом». Это, по-моему, имеет глубокий смысл. Все герои (по крайней мере главные герои) — цари. Они не олицетворение особой какой-либо деятельности (как например Ахилл — хотя бы отваги), они и не аллегории, — для этого они слишком жизненны, но, как мне кажется, в этих героических образах со всей наивностью тех времен отразился совершенный че-

---

[1] Vidi Graefe. (*Помета в публикации соответственно подлиннику*).

ловек вполне таким, как он был. Подобно тому, как эпос есть идеальное (в хорошем смысле этого слова) изображение народной жизни, так и эти образы — носители духа человеческого, — и потому-то они царственны, потому-то они родственны богам и воспитаны богами; человек ведь по праву гордится своим достоинством, ведь греку доставляло радость быть в столь свободных, столь живых отношениях со своими богами. Эти герои, правда, ощущают своего рода ужас, когда им являются их боги; но это радостный испуг Улисса при виде Минервы;[1] люди иной раз даже обходятся с богами, как с равными себе: непокорный Диомед даже ранит Венеру.[2] И боги эти разве не человечны? Разве у Юноны нет великолепной колесницы, разве она в гневе не ударяет Артемиду собственным ее луком?[3] Не постоянно ли они деятельно вмешиваются в судьбы людей, деля их радости и горе, карая их поступки? Следовательно, цари, родственные богам и богами воспитанные, образуют цепь, смыкающую воедино богов с людьми, и миф, производящий их подлинно от богов (таковы многие герои: Сарпедон, Ахилл, Одиссей — сыновья богов), имеет то же самое значение. Эти любимцы и состоят под особым их покровительством и попечением, и если уже вспыливший было Ахилл охотно повинуется посланной к нему Ириде, хватающей его сзади за волосы,[4] то здесь вообще нашим взорам представляется человек, пышущий своею мощью, но в то же время производящий себя от более высокой силы.

Извините меня, господин профессор, за эти строки, написанные не совсем общепринятым образом — вследствие любви и стремления к прекрасной древности, преисполняющей, думаю, меня. Если же тем не менее вы желаете, чтобы я отвечал по-латыни, вам остается лишь распорядиться

Смотрел Грефе.[5]

Кроме интереса для биографии Тургенева, его письменные ответы любопытны и как страничка из истории русского просвещения: они позволяют судить об уровне тех познаний, которые требовались от магистранта в то время.

А. Н. Егунов

---

[1] Илиада, II, 169.
[2] Илиада, V, 336.
[3] Илиада, XXI, 491.
[4] Илиада, XVIII, 166 и сл.
[5] Vidi Graefe. (*Помета в публикации соответственно подлиннику*).

МАТЕРИАЛЫ И КОММЕНТАРИИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ И.С.ТУРГЕНЕВА

«ПРОВИНЦИАЛКА» ТУРГЕНЕВА И «ВЕЧНЫЙ МУЖ» ДОСТОЕВСКОГО

В августе 1869 г. Достоевский приступил к работе над повестью «Вечный муж», которую закончил в начале декабря и отослал в редакцию «Зари» 16 числа того же месяца. В январской книжке «Зари» нового, 1870 г. были напечатаны I—IX главы этой повести. В главе III между главными действующими лицами повести происходит разговор, в котором Павел Павлович Трусоцкий напоминает Вельчанинову об их прежнем знакомстве: «Помните ли вы... наше первое с вами знакомство, когда вы вошли ко мне утром, для справок по вашему делу, и стали даже кричать-с, и вдруг вышла Наталья Васильевна, и через десять минут вы уже стали нашим искреннейшим другом дома ровно на целый год-с — точь-в-точь как в „Провинциалке", пиесе господина Тургенева...».[1] И далее, вспоминая о другом «госте», после Вельчанинова, «подарившем их своей дружбою», Трусоцкий говорит: «И вот тут-то мы и играли „Провинциалку" на домашнем театре, у его превосходительства... Степан Михайлович „графа", я „мужа", а покойница — „Провинциалку", — но только у меня отняли роль „мужа" по настоянию покойницы, так что я и не играл „мужа" будто бы по неспособности-с...».[2]

Само по себе такое привлечение эпизодов или персонажей из произведений русской и мировой литературы — характерная черта творческой манеры Достоевского. «В сложнейшие системы его художественных концепций, — как указал А. С. Долинин, — вовлекается ряд сцен и эпизодов из творчества величайших мировых писателей. И не только как реминисценции или скрытые намеки, угадываемые по близким или далеким ассоциациям...».[3]

Перечислив эпизоды и сцены из различных авторов, в той или иной мере отразившиеся в «Подростке», А. С. Долинин характеризует отношение Достоевского к ним: «Они большей частью переделаны Достоевским

---

[1] *Достоевский*, т. 4, стр. 457.

[2] Там же, стр. 458.

[3] А. С. Долинин. Последние романы Достоевского. Изд. «Советский писатель», М.—Л., 1963, стр. 176.

по-своему, согласно своему методу, — видим и как бы намеренное соизмерение сил».[4]

Как нам представляется, обращение Достоевского в «Вечном муже» к «Провинциалке» Тургенева было сознательным и рассчитанным. Достоевский, неприязнь которого к Тургеневу ко времени начала работы над повестью для «Зари» могла еще более обостриться из-за примечания к «Воспоминаниям о Белинском»,[5] решил повести полемику с Тургеневым на его же собственной территории. В «Провинциалке» (1851), переизданной в «Собрании сочинений» Тургенева 1869 г., Достоевского заинтересовала не столько самая ситуация (хотя традиционный треугольник у Тургенева был комически осложнен — любовник, граф Валерьян Николаевич Любин, сделан старше мужа, Алексея Ивановича Ступендьева: Любину 49 лет, Ступендьеву — 48), сколько Ступендьев и его жена, двадцативосьмилетняя Дарья Ивановна, искусно командующая мужем и покоряющая с завидной тонкостью стареющего столичного ловеласа. Оба эти тургеневские персонажа получили у Достоевского совершенно иную разработку, в каждом из них Достоевский раскрыл глубины, до которых Тургенев и не думал добираться, поскольку самый жанр его комедии этого не «вместил» бы.

В «Провинциалке» лучше и полнее всего разработан характер жены, Дарьи Ивановны. Ум, тонкость, точный расчет, верное понимание психологии своей «жертвы» — такова героиня комедии Тургенева. Для нее встреча с Любиным — это счастливый случай сделать карьеру; ни о каком чувстве с ее стороны говорить не приходится.

Не такова «провинциалка» Достоевского: «Эту женщину, покойную Наталью Васильевну, жену „этого Трусоцкого“, он любил, — вспоминает Вельчанинов, — и был ее любовником, когда по своему делу... он оставался в Т. целый год, — хотя собственно дело и не требовало такого долгого срока его присутствия; настоящей же причиной была эта связь. Связь и любовь эта до того сильно владели им, что он был как бы в рабстве у Натальи Васильевны и, наверно, решился бы тотчас на что-нибудь даже из самого чудовищного и бессмысленного, если б этого потребовал один только малейший каприз этой женщины. Ни прежде, ни потом никогда не было с ним ничего подобного».[6]

Пытаясь самому себе объяснить свое годовое «рабство» под обаянием этой женщины, Вельчанинов в конце концов оказывается не в состоянии это сделать: «Значит, было же в этой женщине что-то такое необыкновенное — дар привлечения, порабощения и владычества!».[7]

Наталья Васильевна так и остается загадкой не только для Вельчанинова, но и для читателей «Вечного мужа», — Достоевский, как и всегда

---

[4] А. С. Долинин. Последние романы Достоевского, стр. 176.

[5] «Должно признаться, что прославление свыше меры „Бедных людей“ — было одним из первых промахов Белинского и служило доказательством уже начинавшегося ослабления его организма. Впрочем, тут его подкупила теплая демократическая струйка». — Примечание это вошло только в издания 1869 и 1874 гг., в 1880 г. оно было снято.

[6] *Достоевский*, т. 4, стр. 460.

[7] Там же, стр. 462.

он это делает, оставляет свободное поле для догадок и предположений, не считая, видимо, возможным исчерпать «глубины» души человеческой.

В своей разработке характера «мужа» Достоевский сохранил все существенное, что входило в состав характера и поведения тургеневского Ступендьева, т. е. его комедийную природу, его робость перед женой и его всегдашнее стремление показать окружающим, что, подчиняясь ей, он действует по собственному усмотрению. Но если Ступендьев осмеливается ревновать Дарью Ивановну к графу и только обещание «хорошего места» в Петербурге его усмиряет, то Павел Павлович Трусоцкий до смерти Натальи Васильевны из повиновения не выходит никогда.

После смерти жены, обнаружив ее переписку с любовниками, Павел Павлович преобразился настолько, что Вельчанинов никак не может совместить свои прежние впечатления от смирного, послушного мужа и службиста с тем Павлом Павловичем, который, приехав в Петербург, проводит недели в кутежах и разврате, доводит до смертельной болезни восьмилетнюю дочку Лизу, — оказавшуюся, по данным переписки Натальи Васильевны, дочерью Вельчанинова, — и, наконец, пытается зарезать Вельчанинова бритвою. Такое неожиданное превращение комического персонажа в героя трагедии, — вернее, совмещение в одном человеке пошлых привычек и сильных страстей, — было новым и для самого Достоевского. До «Вечного мужа» носителями страстного начала у Достоевского выступали герои титанического масштаба, без какого-либо намека на комизм или комедийность: Рогожин, Настасья Филипповна, Свидригайлов, Орлов и Газин («Записки из Мертвого дома»). Известное рассуждение в «Идиоте» о трудностях, поджидающих писателя, взявшегося за изображение человека без сильных страстей, без глубоких чувств, «ординарности»,[8] — несомненное свидетельство, что Достоевский уже во время работы над романом о великих, непомерных страстях, о натурах, неукротимых как в зле, так и в добре, задумывался о путях подхода к иным типам, к характерам простым и смирным, к среднему человеку.

Обращение Достоевского в «Вечном муже» к исходной и только исходной ситуации «Провинциалки» — один из эпизодов в сложной истории идеологических и творческих отношений между ним и Тургеневым, эпизод, интересный тем, что спор из плоскости идеологической был перенесен в область художественную.

И. З. Серман

«ЗАПИСКИ ОХОТНИКА» В ОЦЕНКЕ ПАУЛЯ ГЕЙЗЕ

Тургенев и известный немецкий писатель Пауль Гейзе (Paul Heyse, 1830—1914) впервые встретились в 1861 г.; возникшая между ними переписка относится к 1862—1882 гг.,[1] с произведениями же Тургенева Гейзе познакомился еще ранее.

---

[8] *Достоевский*, т. 6, стр. 521—524.

[1] См.: *Письма*, т. IV, стр. 671. — См. также: E. P e t z o t. Paul Heyse und Iwan Turgeniew. «Westermanns Monatshefte», 68 Jg., 1924, т. 136, стр. 185—

В октябре 1854 г. внимание немецких литераторов привлек первый немецкий перевод «Записок охотника», осуществленный А. Видертом.[2] Гейзе находился в это время в Берлине. Он примыкал к кружку «Rütli», отколовшемуся от литературного общества «Tunnel über der Spree». К этому небольшому литературному кружку принадлежал и другой известный немецкий писатель Теодор Шторм,[3] будущий корреспондент Тургенева, а также редакторы журнала «Literatur-Blatt des Deutschen Kunstblattes» — Ф. Эггерс и В. Любке. Все они были хорошо осведомлены о предстоящем немецком издании «Записок охотника».

Т. Шторм[4] оказал помощь А. Видерту в издании его перевода «Записок охотника» и нашел ему издателя — Генриха Шиндлера.[5] Шиндлер, со своей стороны, был хорошо знаком с молодым Гейзе еще с начала 50-х годов. Он и Ф. Эггерс склонили Гейзе, как раз в августе—сентябре 1854 г., к постоянному сотрудничеству в «Literatur-Blatt des Deutschen Kunstblattes». К этому времени Гейзе был уже лично знаком с Л. Пичем, ставшим позднее одним из близких друзей Тургенева.[6]

Появление перевода «Записок охотника», выполненного А. Видертом, по свидетельству Л. Пича, вызвало в кружке «Rütli» горячее обсуждение произведения Тургенева и связанных с ним художнических проблем. При этом молодой Гейзе был «...почти так же очарован совершенством искусства рассказчика, как и глубочайшим образом захвачен поэтической силой

195; С. Орловский. И. С. Тургенев в переписке с П. Гейзе. «Печать и революция», 1925, № 7, стр. 96—111.

[2] Aus dem Tagebuche eines Jägers von Iwan Turghenew. Bd. I. Deutsch von August Viedert. Verlag von Heinrich Schindler, Berlin, 1854. — В этот том вошли: «Петр Петрович Каратаев», «Лебедянь», «Ермолай и мельничиха», «Бурмистр», «Мой сосед Радилов», «Однодворец Овсяников», «Бирюк», «Контора», «Смерть», «Татьяна Борисовна и ее племянник», «Гамлет Щигровского уезда». О переводе Видерта и об отношении Гейзе к «Запискам охотника» см.: М. П. Алексеев. Мировое значение «Записок охотника». В кн.: «Записки охотника» И. С. Тургенева. (1852—1952). Сборник статей и материалов. Орел, 1955, стр. 48—55, 108—109; см. также: Ju. D. Levin, L. N. Nazarova. Briefe A. Viederts über die erste deutsche Ausgabe der «Aufzeichnungen eines Jägers» (1852—1854). В кн.: I. S. Turgenev und Deutschland. Materialien und Untersuchungen. Herausgegeben von G. Ziegengeist. Bd. I. Akademie-Verlag, Berlin, 1965, стр. 165—168.

[3] О Тургеневе и Шторме см. *Письма*, т. VI, стр. 636; *Тургенев, Сб. 1964*, стр. 320—323, 434—437.

[4] Т. Шторм познакомился с А. Видертом, вероятно, в апреле 1854 г. См.: Chr. Schultze. Theodor Fontanes frühe Begegnung mit der russischen Literatur. «Zeitschrift für Slawistik», 1964, Bd. III, Heft 3, стр. 344.

[5] Т. Шторм писал Т. Фонтане в сентябре 1854 г.: «Г‹осподин› фон Видерт просит Вас оставить обещанный ему экземпляр ‹Th. Fontane. Ein Sommer in London. Dessau, 1854›. За это Вы должны позволить ему подарить Вам Тургенева, I часть „Записок охотника“ которого (через мое посредничество) он печатает у Шиндлера» (см.: E. Th. Hock. Fontanes Verhältnis zur Erzählkunst I. S. Turgenevs. В кн.: I. S. Turgenev und Deutschland. Bd. I. Berlin, 1965, стр. 304).

[6] См.: L. Pietsch. Wie ich Schriftsteller geworden bin. Erinnerungen aus den fünfziger Jahren. Bd. I. Berlin, 1893, стр. 201; см. также: *Письма*, т. V, стр. 738—739.

изображения человека».[7] Для Пича, Шторма, Гейзе, Эггерса и Любке «отношение человека к творчеству Тургенева» стало в конце концов «критерием истинности и силы его ‹человека› художественных способностей, его понимания природы и поэзии».[8]

Еще в Берлине, перед отъездом в Мюнхен (23 октября 1854 г.), Гейзе задумал доброжелательным печатным отзывом привлечь внимание немецкого читателя к творчеству Тургенева, к его тонкому реалистическому искусству изображения человека и природы. Он сообщил о своем намерении Эггерсу и договорился о помещении рецензии в «Literatur-Blatt des Deutschen Kunstblattes». По всей вероятности Эггерс торопил Гейзе с рецензией. На следующий же день по приезде в Мюнхен, 24 октября 1854 г., под свежим впечатлением берлинских бесед и обсуждений, Гейзе, как он сам свидетельствует в дневнике, «за один присест написал статью об Иване Тургеневе».[9] 28 октября он отослал Эггерсу рецензию с сопроводительным письмом. Издатель литературного журнала Г. Шиндлер поблагодарил молодого писателя письмом от 7 ноября 1854 г.: «Я очень рад, что Тургенев Вам так нравится, и сердечно благодарю за рецензию о нем для нашего журнала».[10] 30 ноября рецензия Гейзе была напечатана.[11]

В 1855 г. вышел в свет второй том «Записок охотника» в переводе А. Больтца.[12] Шиндлер, заинтересованный в скорейшей реализации тиража издания, предварительно договорившись с Эггерсом, обратился 24 апреля с письмом к Гейзе: «Для того, чтобы Вы полностью имели Тургенева, я позволю себе послать Вам при сем только что вышедший 2-й том ‹«Записок охотника»›. Как Вы заметите, я испробовал здесь другого переводчика, надеюсь — не в ущерб произведению. Не возьметесь ли Вы заявить и об этом томе в „Lit‹eratur-›Bl‹att›“? Я очень прошу Вас об этом и уже говорил по этому поводу с Эггерсом. Если 2-й том поведет себя по отношению к своему издателю так же хорошо, как и 1-й, то я буду очень доволен. Я думаю, что смею надеяться на это: он содержит 3 или 4 вещи, которые далеко превосходят всё то, что было в I томе».[13]

---

[7] L. Pietsch. Wie ich Schriftsteller geworden bin, стр. 201.

[8] Там же, стр. 201—202.

[9] Из неопубликованного дневника П. Гейзе, хранящегося в Баварской государственной библиотеке в Мюнхене (архив П. Гейзе).

[10] Там же.

[11] «Literatur-Blatt des Deutschen Kunstblattes», 1854, 30 ноября, № 24, стр. 96. — Рецензия была безымянной, авторство Гейзе установлено на основании неопубликованного письма А. Видерта к Тургеневу от 1 января н. ст. 1855 г. (*Bibl. Nat.*), в котором он обратил внимание писателя на эту рецензию «молодого немецкого поэта» (*Письма*, т. IV, стр. 671).

[12] Aus dem Tagebuche eines Jägers von Iwan Turghenew. Bd. II. Deutsch von August Boltz. Verlag von Heinrich Schindler, Berlin, 1855. — О переводе А. Больтца см.: М. П. Алексеев. Мировое значение «Записок охотника», стр. 109—110.

[13] Баварская государственная библиотека, архив П. Гейзе, VI. — Во второй том «Записок охотника» в немецком издании были включены очерки: «Уездный лекарь», «Малиновая вода», «Хорь и Калиныч», «Льгов», «Бежин луг», «Касьян с Красивой Мечи», «Два помещика», «Певцы», «Свидание», «Чертопханов и Недопюскин», «Лес и степь».

Гейзе указал в дневнике, что вторая рецензия на «Записки охотника» писалась им с 11 по 14 мая 1855 г. 15 мая он ознакомил с ее содержанием Э. Гейбеля.

14 июня 1855 г. Шиндлер опубликовал в «Literatur-Blatt des Deutschen Kunstblattes» небольшое извещение о новом томе «Записок охотника». Он рекомендовал его читателям в следующих выражениях: «Классическая книга Тургенева, которая уже на четырех языках получила права гражданства в стольких же литературах,[14] привлекла уже при появлении первого тома большие симпатии также и немецкого читательского мира, повлияла больше, чем какое-либо произведение до нее, на познание общественных и политических порядков России. С только что изданным вторым томом читатель полностью получает эту превосходную книгу».[15] В этих немногих строках Шиндлера отразился тот интерес к России, который особенно возрос в период Крымской войны. Эггерс включил рецензию Гейзе на второй том «Записок охотника» в последний июньский номер журнала за 1855 г.[16]

От истории написания рецензий Гейзе на «Записки охотника» переходим к рассмотрению самих рецензий.

Говоря о Тургеневе как авторе «Записок охотника», «этой во многих отношениях замечательной книги»,[17] Гейзе в первой рецензии обращается к именам таких великих представителей русской литературы, как Пушкин и Гоголь. «От нового романтизма, основанного Пушкиным, его ‹Тургенева› отличает простота и неподдельная верность изображения...» — утверждает критик. Понимание Пушкина здесь, как видим, весьма односторонне. Гейзе не учитывает, что «простоте и неподдельной верности изображения» Тургенев учился в первую очередь у Пушкина.[18]

Гейзе отмечает тонкое мастерство «провинциальных биографий, деревенских историй, характеристик», содержащихся в «Записках охотника». Он пишет, что «по силе изображения» Тургенев «по крайней мере равен великому комедиографу Гоголю», подобно которому он, захватив читателя, возбудив в нем интерес, оставляет его «смеющимся сквозь слезы». «Время от времени, — по мнению критика, — в некоторых из этих очерков ‹«Записок охотника»› слышатся отзвуки Кольцова».

---

[14] Шиндлер имел в виду французский, немецкий, английский и, вероятно, датский переводы «Записок охотника», появившиеся в середине 50-х годов (см.: М. П. Алексеев. Мировое значение «Записок охотника», стр. 56, 91, 112).

[15] «Literatur-Blatt des Deutschen Kunstblattes», 2 Jg., 1855, 14 июня, № 12, стр. 50.

[16] Там же, 28 июня, № 13, стр. 51—53. — Эта рецензия Гейзе также была опубликована анонимно и не учитывалась исследователями до 1962 г.; впервые на нее было обращено внимание в работе: K. Dornacher. Die Rezeption I. S. Turgenevs in Deutschland (1845—1871). Diss. Phil. Potsdam, 1962, стр. 45—50. Приведенные нами материалы неопровержимо устанавливают авторство Гейзе.

[17] Здесь и в дальнейшем цитируются слова Гейзе из его рецензий на перевод «Записок охотника».

[18] См. речь Тургенева на открытии памятника Пушкину в Москве в 1880 г.

Далее Гейзе развивает мысль о том, что сила Тургенева-писателя заключается в изображении характеров, что «событие ему важно лишь настолько, насколько оно характеризует действующее лицо, которым он в данный момент занимается», ибо человек у него «на первом плане». Пронизанное теплотой, но вместе с тем мужественное изображение русского человека в «Записках охотника», говорится в рецензии, делает это произведение «свободным от той сентиментальности, которая стирает все контуры и делает невозможной всякую художественную форму». Отмечается «неисчерпаемый юмор, очаровательная живость» изложения «Записок охотника», умение Тургенева осветить «коротким, резким светом» целую группу лиц и создать столь типические образы, что читатель ощущает с необычайной полнотой «присутствие жизни» в этом произведении.

Наиболее подробно Гейзе остановился на очерке «Гамлет Щигровского уезда», который он считает лучшим по изображению характера. «Речь здесь идет не о типе Гамлета, хотя изображаемый персонаж так себя и называл, — пишет рецензент. — Писатель рассказывает о своей встрече с одной из тех „средних натур", ум которых развит как раз настолько, чтобы сожалеть о своей скудности, и которые знают, как важно обладать собственной физиономией, но не могут обрести ее, как бы они ни старались». И далее: «Блестящи и ирония, обращенная на самого себя, и эта горькая жалоба, становящаяся почти остроумной, как раз настолько, насколько она может быть такой, не делая человека странным, и эта трогательная откровенность, овладевающая бедняком, когда он говорит о своем унижении как о судьбе, против которой он не смеет роптать». Гейзе сопоставляет этот очерк с «Племянником Рамо» Дидро, находя сходной манеру обоих писателей — переплетение исповеди героя с авторскими замечаниями, характеризующими говорящего. «Даже тема по существу одна и та же, — пишет он, — только у Дидро фигура племянника дана как курьез, а Василий Васильевич Тургенева — тип».

Отмечая, что уже в «Записках охотника» раскрылся оригинальный художественный талант Тургенева, Гейзе счел спорными некоторые композиционные приемы, им примененные. Так, он спрашивает: почему Тургенев «ту или иную потрясающую историю представил не в собственном спокойном изложении, а предпочел ему свой способ, — скачкообразный, раскрывая в форме дневников или воспоминаний те обстоятельства, при которых он узнал эту историю?». Он указывает, в частности, на незавершенность композиции очерка «Петр Петрович Каратаев».

Вторая рецензия Гейзе явилась дальнейшим развитием его суждений о творческом методе Тургенева. Он рассматривает тургеневские «зарисовки с натуры» и замечает: «...простые страницы дневника Тургенева <...> должны пристыдить напыщенную поэзию, которая еще кое-где встречается». Он посылает «поэтов-домоседов в леса и поля», чтобы среди подлинной природы они смогли изучить «правду жизни, стран и людей, неба и земли». При этом он выражает сомнение в том, что немецкие поэты-романтики смогут и в этом случае принести домой «такие книги, как „Записки охотника"». Эта книга, такая простая, безыскусственная, по

утверждению Гейзе, показала, что «горсточка заметок, записанных основательно, а иногда и сухо, но правдиво ‹...› и с ясной любовью ‹...› может в высшей степени растрогать и потрясти».

Высоко оценив творческий метод Тургенева и признав «Записки охотника» произведением искусства, Гейзе замечает с некоторым сожалением: «Да, он ‹Тургенев›, очевидно, борется с поэтом, который сидит в нем, и там, где наблюдатель рискует проиграть поэту, он со стыдливой поспешностью обрывает ‹повествование› и предоставляет своему поэтическому читателю согласно собственным желаниям и потребностям дорисовать картину...».

Так же, по мнению критика, поступает автор «Записок охотника» в изображении судеб героев. Он предпочитает лишь «скрыто указать на судьбу, вместо того чтобы дать о ней полный отчет». Для Гейзе этот «полный отчет» был «необходимым условием настоящей поэтической справедливости». Объяснить эту особенность Тургенева слабостью Гейзе не мог, ибо он видел, что то «понимание композиции, которое из способного дилетанта делает художника, отчетливо проявляется в маленьких масштабах этих записок». Гейзе отмечает, что в произведении Тургенева расстановка фигур, а также те или иные черты героев даны «достаточно преднамеренно», чтобы убедить читателя, что «автор ‹...› при всей своей неприятзательности думает о своей публике».

Далее Гейзе остановился на описаниях природы в «Записках охотника». По его мнению, второй том с большей определенностью, чем первый, отразил взгляд автора на роль пейзажа в художественном произведении. Взгляд этот заключается в признании изображения человека главной задачей, в признании подчиненной роли описаний природы. Критик говорит о том, что у многих немецких поэтов люди «часто были не чем иным, как аксессуаром», что к середине 50-х годов XIX столетия характерное для романтизма растворение человека в природе стало ощущаться как нечто ложное. Он поясняет свою мысль на сопоставлении Тургенева с поэтом-романтиком Йозефом фон Эйхендорфом. «Кто станет отрицать, — пишет он о последнем, — что он мастер настроения, что в его маленьких песнях, как и в некоторых новеллах, чувствуется дыхание того неясного наслаждения, которое охватывает нас под открытым небом, в лесу, теплыми ночами. Но кажется, что поэт вобрал это чувство раз и навсегда и обогащает из этого клада, как из рога изобилия, все свои творения, но все одинаково». Картины природы Тургенева, по мнению критика, вызывают такие чувства, каких романтик не знал. Он пишет о том, что в пейзажах русского писателя «тихая теплота временами величественно вспыхивает», что «почти научные наблюдения проницательного охотника, пропущенные через сердце, вызывают затем поэтическое чувство», безусловно более высокое по сравнению с романтическим воспроизведением природы. И хотя Тургенев не называет свои чувства и настроения, читатель ощущает пережитое и перечувствованное автором. В подтверждение своих мыслей Гейзе приводит описания природы в «Бежине луге». «Если ‹...› природа должна говорить в полную силу, — говорится в рецензии, — то мы полагаем, что следует принять во внимание пример Тургенева, который застав-

ляет ее говорить с нами своим голосом без предварительного перевода его на случайную тональность субъективной лирики».

В целом Гейзе дает очень высокую оценку второму тому «Записок охотника», в котором ощущаешь «ту горячую кровь, которая должна течь и биться во всех артериях настоящего поэтического произведения».

Критик подчеркнул для немецкого читателя, что «Записки охотника» пронизаны любовью к своему народу, к родине. Сильная общественно-критическая тенденция очерков Тургенева также не осталась скрытой от Гейзе. Он уловил и «глухую боль», и «жалобу» русского писателя на «многие пережившие себя русские порядки и безотрадные политические традиции» отечества. Но как эстета, сторонника «чистого искусства», чуждавшегося в своем творчестве общественных вопросов,[19] эта существенная сторона «Записок охотника» не заинтересовала Гейзе, и он говорит об этом вскользь.

В своих рецензиях немецкий писатель настойчиво рекомендовал Тургеневу обратиться к форме более развитой художественной новеллы и большого романа.

Он выразил также надежду на то, что «Записки охотника» вызовут появление подобного литературного жанра и в Германии.

В последующие годы Гейзе, который был и признанным мастером и теоретиком новеллы, неизменно отмечал высокое мастерство Тургенева-новеллиста. В 1912 г., за два года до смерти, он писал: «Мастерами в этом искусстве ‹новеллы› у французов и русских были Проспер Мериме, Альфред де Мюссе, Ги де Мопассан, *прежде всего* Тургенев и многие из его земляков».[20]

Берлин *Гизела Ионас*

(перевод *Ю. Н. Жуйкина*)

---

[19] См.: F. Martini. Deutsche Literatur im bürgerlichen Realismus. 1848—1898. В кн.: Epochen der deutschen Literatur. Geschichtliche Darstellungen. Bd. V/2. Stuttgart, 1962, стр. 625—629; Ф. Шиллер. История западно-европейской литературы нового времени, т. II. Гослитиздат, М., 1937, стр. 187—190.

[20] См.: P. Heyse. Jugenderinnerungen und Bekenntnisse, Bd. II. Изд. 5, Stuttgart und Berlin, 1912, стр. 69 (курсив наш, — *Г. И.*). Гейзе писал об этом еще в 1900 г.: «Мастерами в этом искусстве ‹новеллы› у французов были Проспер Мериме, Альфред де Мюссе, Ги де Мопассан, у русских — Тургенев и многие другие, с которыми мы познакомились впервые в переводах Вольфзона» (P. Heyse. Jugenderinnerungen und Bekenntnisse. Изд. 2, Berlin, 1900, стр. 345). Гейзе имел здесь в виду издание: Rußlands Novellendichter. Übertragen und mit biographisch-kritischen Einleitungen von Dr. Wilhelm Wolfsohn. Drei Bände. F. A. Brockhaus, Leipzig, 1848.

«ДНЕВНИК ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА»

ОБ АВТОРСКОЙ ОЦЕНКЕ ГЕРОЯ

«Дневник лишнего человека» — повесть, давшая жизнь историко-литературному термину, широко вошедшему в наш научный обиход и кратко — одним словом — определившему комплекс характерных черт героя, занимавшего видное место в литературе 30—50-х годов XIX столетия. Многие его индивидуальные разновидности запечатлел Тургенев, начиная с первых поэм и кончая «Рудиным». В изучении реальной основы «лишнего человека» сделано вполне достаточно,[1] чтобы утверждать: писатель воссоздал типический характер передового дворянского интеллигента, культурного деятеля периода дворянского освободительного движения. Однако тургеневская оценка этого общественного типа, в частности — героя «Дневника лишнего человека», порой ускользает от внимания исследователей. Так, этот вопрос обойден в последней по времени и наиболее полно освещающей повесть работе А. Н. Дубовикова — в его комментарии к «Дневнику»,[2] где тщательно охарактеризована текстологическая, творческая, цензурная история повести, где собраны и проанализированы критические отзывы о ней. Об авторском отношении к герою не идет также речи и во вступительной статье А. Н. Дубовикова к повестям и рассказам Тургенева.[3] Здесь удачно сделана общая характеристика ранних повестей Тургенева, их проблематики, связи с предшествующей литературой и «натуральной школой 40-х годов», отмечена определившаяся уже в ранний период творчества писателя его способность «живо откликаться на самые острые, самые волнующие вопросы русской общественной жизни», обращено внимание и на характерные черты тургеневского стиля, проявившиеся в ранней прозе. Законы вступительной статьи к повестям и рассказам 1844—1852 гг. не позволили А. Н. Дубовикову уделить особое внимание «Дневнику лишнего человека», но исследователь высказал о нем справедливую мысль: «Раскрытая им ‹Тургеневым› с огромной психологической глубиной драма „лишнего человека“ отражала раздумья всех передовых деятелей эпохи о судьбах дворянской интеллигенции в пору резкого углубления кризиса всей феодально-крепостнической системы».[4] Однако о том, к каким результатам пришел Тургенев в своих раздумьях о Чулкатурине, как расценивал он своего героя, ничего не сказано.

Если же в других научных работах тургеневское отношение к герою «Дневника» так или иначе охарактеризовано, то авторы приходят порою к резко противоположным выводам.[5]

---

[1] См.: *Сочинения*, тт. IV—VIII, комментарии.
[2] Там же, т. V, стр. 577—589.
[3] Там же, стр. 522—542.
[4] Там же, стр. 533.
[5] См.: Г. А. Бялый. Тургенев и русский реализм. Изд. «Советский писатель», М.—Л., 1962, стр. 31—32; В. А. Громов. Повести И. С. Тургенева 1840-х—первой половины 1850-х годов. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1962, стр. 10; Г. Б. Курляндская. Этическая тема в творчестве

Научный разнобой в оценке «Дневника лишнего человека» объясняется, по-видимому, тем, что эта повесть Тургенева, как и многие другие, не стала еще объектом специального исследования, где бы образ Чулкатурина анализировался в связи со всей структурой произведения и теми художественными средствами, при помощи которых создан здесь образ «лишнего человека», не отвлеченного, а конкретно-исторического, т. е. дворянского интеллигента эпохи николаевской реакции. По признанию автора, «в этом произведении схвачен кусок подлинной жизни».[6] Некрасов, хорошо знавший реальных «лишних людей» и прекрасно разбиравшийся в их литературных воплощениях, был прав, сказав в «Медвежьей охоте»: «Тип был один, оттенков было много».[7] Исходя из этих слов, стоит поставить вопрос, какой же «оттенок» типа «лишнего человека» дан в «Дневнике» и каково отношение автора к своему герою? Ключ к ответу, нам кажется, надо искать в словесной ткани произведения, в той художественной манере, в которой создан «лишний человек» Чулкатурин.

Начнем с жанра повести. «Дневник лишнего человека» (1850 г.) — психологическая новелла, написанная Тургеневым еще в той «старой манере», которая, на его взгляд, ярко выступила в «Записках охотника», когда они, собранные вместе, вышли отдельным изданием в 1852 г., и с которой он усиленно стал теперь бороться. В «Дневнике» Тургенев извлекает из характера «лишнего человека» «разводные эссенции — triples extraits — чтобы влить их потом в маленькие стклянночки» исповеди, излияния и дать понюхать читателю: «не правда ли пахнет русским типом».[8] При этом писатель выступает как явный, а не тайный, психолог, заставляя своего героя анализировать, судить и обличать себя. Средствами этой обнажающей человеческую личность психологии являются дневниковые записи Чулкатурина. Отказ Тургенева не только в «Дневнике», но и в «Переписке» от роли тайного психолога, который «представляет только самые явления — в их расцвете или увядании»,[9] а не комментирует их, обоснован реальной действительностью. Самоанализ, повышенный интерес к движениям собственной души, эгоцентризм, обсуждение с друзьями в разговорах, письмах своих поступков и чувств — типичная черта дворянского интеллигента 30—40-х годов. Что это так, нет нужды доказывать, стоит сослаться хотя бы на переписку самых передовых людей этих лет, чувствовавших в себе «лишнего человека» и преодолевших его, — Герцена, Огарева, самого Тургенева. Даже разночинец Белинский, обладавший, по словам Герцена, мощной «гладиаторской натурой», трибун и борец, в письмах подвергал себя и своих приятелей беспощадному анализу. Таким образом, художественный прием, который Тургенев называл «явной психологией», вполне естественен в изображении «лишних людей». Точно

И. С. Тургенева. «Ученые записки Орловского педагогического института», 1963, т. 17, стр. 88; С. М. Петров. И. С. Тургенев. Творческий путь. Гослитиздат, М., 1961, стр. 173—174; П. Г. Пустовойт. И. С. Тургенев. М., 1957, стр. 47.

[6] *Письма*, т. VII, стр. 89, 368.

[7] *Некрасов*, т. 2, стр. 277.

[8] *Письма*, т. II, стр. 77.

[9] Там же, т. IV, стр. 135.

так же типична для дворянских интеллигентов 30—40-х годов дневниковая и эпистолярная форма самоанализа. Избрав жанром своей повести дневник, Тургенев не столько был во власти жанровых традиций предшествующей литературы, сколько исходил из фактов реальной действительности.

Каков же «оттенок» характера Чулкатурина?

Начиная дневник, герой хочет описать не свою жизнь, потому что она неинтересна и типична для многих; он стремится понять самого себя, «изложить самому себе свой характер», т. е. нарисовать психологический портрет «совершенно лишнего человека на сем свете, или, пожалуй, совершенно лишней птицы».[10] Он «сверхштатный человек — вот и всё», не нашедший места в жизни, потому что оно оказывалось занято другими. «Матушка мною обремизилась», — замечает Чулкатурин. Не может быть сомнений, что такие выражения, как только что приведенное или «лишняя птица», настраивают автохарактеристику «лишнего человека» на определенный лад. Перед читателем возникает образ человека несколько вульгарного. И фамилия героя повести тривиальная — Чулкатурин, — которую князь без всякого труда переделывает в «Штукатурина». В повести неоднократно обыгрываются фамилии, прозвища, названия, в свете которых фамилия «Чулкатурин» отнюдь не случайность.[11] У героя дядька по прозвищу Гусыня; один его знакомый сплетник носит фамилию «Пандопипопуло», а умирает он в деревушке «Овечьи воды». Все эти пренебрежительные автоэпитеты, фамилия героя подчеркивают его обыкновенность, заурядность, причем он сам признает свою незначительность, сказав: «Эта моя незначительность, помнится, даже радовала меня тогда».

Однако писатель не отказывает Чулкатурину ни в уме, ни в наблюдательности, ни в начитанности. Герой справедливо замечает о себе: «Я ‹...› не лишен проницательности и дара наблюдения; я вообще не глуп; мне даже иногда в голову приходят мысли довольно забавные, не совсем обыкновенные». Действительно, у него ум аналитический и иронический, способный к обобщениям. Занимаясь самоанализом, Чулкатурин не только размышляет над самим собой, но и делает некоторые общие выводы, касающиеся жизни, людей, человеческих чувств и отношений. Он называет эти раздумья «философическими замечаниями».

Чулкатурин, несомненно, литературно образованный человек. Литературные цитаты и сопоставления, перифразы — неотъемлемая черта его дневниковых записей. Он читает вместе с Лизой «Кавказского пленника» и заключает дневник пушкинскими словами из стихотворения «Брожу ли я вдоль улиц шумных». Герой «Дневника» то вспомнит гоголевского Поприщина, то процитирует стихотворение Лермонтова «Журналист, читатель и писатель», сказав, что «весело и больно тревожить язвы старых ран». Он знает не только Пушкина, Лермонтова, Гоголя, но вообще много

---

[10] Цитаты из «Дневника лишнего человека» приводятся по тексту: *Сочинения*, т. V, стр. 178—232.

[11] О гоголевской традиции курьезных фамилий, кличек см. в комментарии А. И. Дубовикова к «Дневнику лишнего человека» (*Сочинения*, т. V, стр. 531).

читал и постоянно указывает на литературные штампы и общие места, от которых сам не раз отталкивается.

Тем не менее, иногда и он поддается власти шаблонов, свойственных романтическим произведениям. Так, поняв, что Лиза любит князя, герой повести принимает разные решения, одно из которых — «закутавшись плащом наподобие испанца, из-за угла зарезать счастливого соперника». Однако в чисто «литературные» ситуации Чулкатурин ставит себя не так уж часто, так как обладает чувством слова. Он умеет найти нужный образ и пользуется для его создания разнообразными средствами, прибегая то к меткому эпитету, то к неожиданному сравнению. Язык, манера письма — яркое свидетельство живого воображения и незаурядной наблюдательности героя.

Язык автора «Дневника» часто бывает намеренно грубоват и даже вульгарен. Он любит словечки, взятые из просторечия, бытующие в малокультурной среде: называет письмо «цидулой», внутренние органы — «потрохами», вместо «уйти» скажет «убраться назад», вместо «гулять за городом» — «таскаться по окрестностям», вместо «говорил» — «лотошил». Характеризуя окружающих его людей, он часто прибегает к вульгарным словечкам, называя молодых людей города О. «ухарскими фертами», «мирлифлерами», а князя «столичной штучкой». Чулкатурин любит меткие, но принижающие человека или явление эпитеты: Ожогина — «тупорожденное существо»; на балу присутствуют «ошеломленные помещики с застарелыми семействами»; барышня, с которой танцует Чулкатурин, «наспиртована какой-то кислой скукой и застарелой неудачей»; жалкая крестьянка — «вовсе ощипанная старуха».

В отличие от других тургеневских «лишних людей», Чулкатурин — мелкий чиновник, и в его речи то и дело мелькают канцеляризмы: «дела находились в вышеизложенном положении»; к балу «матушки воздвигали на своих собственных головах какие-то грозные украшения под предлогом чепцов». Язык его не чужд диалектизмов: аптекаря он характеризует словами «необыкновенно чирый немец» (в орловском говоре «чирый» значит самодовольный).

Чулкатурин постоянно и над многим иронизирует: над матерью, над своим окружением и даже — и это главное — над самим собой.

Портреты обитателей города, сделанные Чулкатуриным, — карикатуры. В них явная гоголевская традиция, сказавшаяся и в приеме овеществления, и в приеме слияния несовместимых понятий: «городничий, необыкновенно крупный, словно из залежалого материала скроенный человек», а «остряк землемер — немецкого происхождения с татарским лицом». Желчная ирония Чулкатурина достигает апогея в описании бала, где все представлено как будто в кривом зеркале, настолько смещены пропорции, изменены краски, звуки.

Эти же комические средства — шарж, карикатуру, гротеск — привлекает Чулкатурин, изображая самого себя. Когда в мазурке князь подошел к нему, он «словно мигнул всем телом»; у него появилось «гусиное выражение лица». Герой все время попадает в гротескные положения — и когда знакомится с Лизой, и когда ревнует ее к князю, и когда вызывает

князя на дуэль, и когда хочет разыграть роль великодушного спасителя Лизы. Гротеск здесь в том, что желания, стремления Чулкатурина воплощаются в форме, вызывающей у окружающих впечатление, обратное тому, которого ожидает герой.

Итак, портреты, нарисованные Чулкатуриным, — это шаржи, карикатуры, гротеск. Для Тургенева, писателя «натуральной школы», нет здесь ничего нового: в этой манере он сам, издеваясь над «пошлостью пошлого человека», создавал портреты своих «небокоптителей» — помещиков. Однако в использовании «натурального стиля» Тургеневым и его героем есть существенные различия. Современники писателя увидели за «злым юмором» Чулкатурина Тургенева-юмориста. Е. М. Феоктистов писал Тургеневу 21 февраля 1851 г. из Москвы, что все прослушавшие в его чтении «Дневник» говорили, «что за остротами г. Чулкатурина беспрестанно видны Вы сами, — что вообще господин вроде лишнего человека не может так говорить и острить в некоторых случаях, как Вы его заставляете».[12] Однако «Дневник» — повествование от первого лица, и язык героя можно с полным правом рассматривать как одно из главных художественных средств в создании его характера. Начитанный Чулкатурин усвоил стиль писателей «натуральной школы», в которой, по словам Белинского, «утвердились два великие элемента — стражи здравого эстетического вкуса»: ирония и юмор.[13] Но для Тургенева ирония, юмор, шарж, карикатура, гротеск — средства остро критического изображения ненавистной ему феодально-крепостнической системы. У Чулкатурина же нет такой социальной ненависти. Общественные вопросы не интересуют героя, он занят только собой и своей печальной судьбой. Ирония и юмор — выражение озлобленного ума и неудовлетворенного сердца героя, причем направлены они не только на других, но и на самого себя. Над собой он издевается не менее, чем над обитателями города О.

Однако характер Чулкатурина сложнее, многограннее — он не только болезненно самолюбивый, мнительный и ожесточенный человек. Чтобы судить о других сторонах его характера, стоит остановиться на излюбленном героем повести изобразительном средстве — сравнениях. Их в его дневнике немало, и они разнообразны. Есть сравнения-штампы, вроде таких: Лиза «таяла как свеча»; «как сумасшедший вскочил»; после дуэли с князем знакомые отказались от Чулкатурина, «как от прокаженного»; но он умеет найти и свежие, неожиданные сравнения. Среди них легко выделяются две группы: одна из них — сравнения поэтические, построенные на материале, почерпнутом из мира природы (к таким сравнениям он прибегает, говоря о Лизе); другая — сугубо прозаические, берущие содержание из быта, сознательно «приземленные», опошляющие явление или предмет, о которых идет речь. Вторая категория количественно значительнее, чем первая, и больше всего таких сравнений у Чулкатурина для себя самого. Занимаясь самоанализом, он «вертелся как белка в колесе». Его «прежние замашки ‹...› завладели ‹им› как хозяева, вернувшиеся в свой дом». Он

---

[12] *Сочинения*, т. V, стр. 583.
[13] *Белинский*, т. IX, стр. 459.

отказался от места в коляске Ожогиных, как «наказанные дети, желая хорошенько отомстить своим родителям, за столом отказываются от любимых кушаний». Он — «глупое пятое колесо в телеге». Страдания героя дошли до того, что заставили всю его «внутренность трещать и кряхтеть, как перегруженную телегу», и он «страдал, как собака, которой заднюю часть тела переехали колесом». Князь «своим великодушием прихлопнул ‹его›, как гробовою крышей».

Чулкатурин любит и иронические сравнения. Их цель — принизить явление, оттенить смешную сторону. «С важностью древнего мудреца» он взвешивает достоинства князя. Снова появившись в доме Ожогиных после отъезда князя, герой «чувствовал себя чем-то вроде Сципиона Африканского».

Чулкатурин сочетает иногда в своих сравнениях оба плана, поэтический и прозаический. Так, его надежды на любовь Лизы «с треском рухнули, как ледяная глыба, прохваченная весенним солнцем, внезапно рассыпается на мелкие куски. Я был разбит наголову с первого же натиска, и, как пруссаки под Иеной, в один день разом всё потерял». Говоря о смерти, Чулкатурин находит для нее совершенно прозаическое сравнение: смерть к нему «приближается с возрастающим громом, как карета ночью по мостовой». Однако он сейчас же перестраивается на возвышенный лад, замечая, что смерть «порхает» вокруг него, «как легкое дуновение», но затем снова снижает тон этого сравнения, добавив, что это было «то легкое дуновение, от которого поднялись дыбом волосы у пророка».

В этих сравнениях, иногда возвышенно поэтических, а чаще тривиальных и грубоватых, находит яркое отражение личность Чулкатурина с ее сложными противоречиями. С одной стороны, он умен, лиричен, способен на поэтическое чувство; с другой — это человек с болезненным самолюбием, «с замочком внутри», лишенный непосредственности, занятый исключительно «кропотливой возней с самим собою».

Поэтическая сторона личности Чулкатурина ярко проявляется в его отношении к природе, которую он страстно любит. Он видит в природе то, что не всякий подметит. Однако его любовь к ней сказывается не только в изощренной наблюдательности. Для Чулкатурина характерно глубоко эмоциональное ее восприятие. Так, картина заката, когда «полнеба разгоралось и рдело», когда «красные лучи били вскользь по лугам, бросая алый отблеск даже на тенистую сторону оврагов, ложились огнистым свинцом по речке», полна для него «страстной торжественности»; он чувствует «что-то призывное в этом пылающем золоте вечернего воздуха, в багряном блеске неба и земли». Для Чулкатурина природа неотделима от человека, и красота природы, которую он остро чувствует, позволила ему понять перелом, происшедший в Лизе. Любовь к Лизе тоже пробуждает в нем поэтические струны, возвышает его. Тонкое восприятие природы и поэтические настроения, вызванные влюбленностью в Лизу, составляют привлекательные стороны Чулкатурина. Однако чаще у него иронический взгляд на людей, обстановку, их окружающую.

Чем объясняется этот принижающий и опошляющий любое явление взгляд Чулкатурина, почему он окарикатуривает людей, с которыми встре-

чается, почему видит только уродливое вокруг себя? Настолько ли автор дневника выше и лучше других, что имеет право судить всех и вся, становиться в позу сатирика? Есть ли у него высокие воззрения, большие цели и благородные стремления? Только они оправдали бы его сарказм, его иронию, его издевку. Однако их-то у него и нет. Единственная причина такого восприятия действительности — озлобленность, оскорбленное самолюбие. Сам Чулкатурин не скрывает этого и, подвергая себя беспощадному анализу, откровенно признается в неблагородных мотивах своих переживаний. Анализируя свой характер, чувства, побуждения, Чулкатурин искренне признается в мнительности, застенчивости, раздражительности, излишнем самолюбии, неумении высказать свои чувства, в «замочке», которым он отгораживается от окружающих. Вот почему Чулкатурин чувствовал себя всегда и всюду «лишним». Его приятелям было неловко с ним. Занятый собой, он думает только о себе, о том впечатлении, какое он производит на других.

Любовь Чулкатурина к Лизе оказалась не только ей не нужной, но возбудила в ней неприязненное чувство. Слишком много у него претензий и позы. Когда в доме Ожогиных стал бывать князь, Чулкатурин «надулся, принял вид оскорбленного, но великодушного человека; хотел наказать Лизу своей немилостью», а затем решил ее простить. Поняв наконец, что Лиза любит князя, герой переходит от одного решения к другому.

В истории любви Лизы к князю, прокомментированной Чулкатуриным, есть один весьма существенный оттенок. Дело в том, что Лиза не чувствует себя жертвой князя, не считает его виноватым перед нею. «Я простила ему и благодарна ему», — говорит она, потому что князь ее любил, и это сознание дает ей силу перенести страдания. Она выше предрассудков своей среды. Полюбив князя, Лиза не думает о том, чтобы стать его женой, и князь не обманывал ее, обещая на ней жениться. В любви Лизы есть жизнеутверждающая сила, которой нет в чувстве к ней Чулкатурина. Хотя герой «Дневника» видит в князе соперника, мучается ревностью, князь не противостоит ему. В любовной ситуации повести контрастируют между собой Лиза, с ее естественным и понятным чувством к князю, и Чулкатурин; Бизьмёнков, деятельно любящий Лизу, друг в несчастии, и Чулкатурин, — т. е. контрастируют люди, по-разному любящие.

Бизьмёнков — образ, заслуживающий внимания. В повествовании Чулкатурина он всегда находится на заднем плане, потому что герой «Дневника» не придает ему никакого значения. В своем пренебрежительном отношении к окружающим, за исключением Лизы, Чулкатурин не понял, что главный его соперник — Бизьмёнков, за которого и выходит замуж Лиза. Лишь незадолго до развязки Чулкатурин начинает по-новому к нему относиться: он «словно его боялся». Бизьмёнков открывает в произведениях Тургенева ряд новых героев, которых в «Накануне» Тургенев назовет «номером вторым». За Бизьмёнковым последует Крупицын («Два приятеля»). В рассказе «Яков Пасынков» «номер второй» станет главным действующим лицом, и характер его обогатится такими чертами, которых не было ни у Бизьмёнкова, ни у Крупицына. А от Якова Пасынкова тянутся пути к Берсеневу. «Номер второй» — Бизьмёнков, самоотверженно

любящий Лизу, чуждый себялюбия, — занял то место в жизни героини, которое надеялся получить Чулкатурин.

Бесплодный самоанализ, себялюбивая возня с самим собой — всё это и превратило Чулкатурина в «лишнего», никому не нужного человека. В образе своего героя Тургенев обобщил тот комплекс черт, которые в 30—40-х годах обозначались словом «рефлексия». Писатель раскрывает моральную несостоятельность дворянского интеллигента, чувствующего себя «лишним» из-за свойственной ему эгоистической сосредоточенности на самом себе. У Чулкатурина социального конфликта со средой нет. Автор дневника — средний тип образованного дворянина, стоящего на грани обывателя-«существователя». В его лице Тургенев «снизил» тип дворянского интеллигента, даже несколько вульгаризировал его.

Весьма выразительной в этом отношении является двойная концовка повести. Не нашедший места в жизни, лишний, никому не нужный, не изведавший счастья, хотя обладавший «сердцем, способным и готовым любить», Чулкатурин умирает. Смерть возвышает его, настраивает на поэтический лад, и последние слова обращает он к жизни и людям: «Я умираю... Живите, живые!

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять!»

Казалось бы, конечный итог — в пользу Чулкатурина. Но сейчас же за пушкинскими словами, полными жизнеутверждающей силы и великого гуманизма, следует «Примечание издателя», переводящее концовку в иной план: «Под этой последней строкой находится профиль головы с большим хохлом и усами, с глазом en face и лучеобразными ресницами», а под рисунком безграмотная подпись Петра Зудотешина, не одобрившего содержания рукописи.

Каков смысл этого эпилога, снова повернувшего тургеневского героя в сторону пошлой действительности? Чулкатурины — не Зудотешины; последним не понять их печальной драмы одиночества. Чулкатурины выше небокоптителей, но и в них есть что-то мелкое и пошлое, что-то мешающее им стать настоящими людьми. Задатки у них были, — но, вечно занятые собой, сосредоточенные на своей личности, они превратились в морально больных и никому не нужных людей. Подлинно человеческое в них до известной степени искажено, подобно тому как искажена голова, показанная в профиль, но с глазом en face.

Итак, в «Дневнике» Тургенев остановил свое внимание преимущественно на таком «оттенке» характера героя, как его «рефлексия». Чулкатурин — жертва своей гипертрофированной личности. Рефлексия — эта, по словам Тургенева, «полусентиментальная, полуироническая возня с своей больною личностью» [14] — была типичной для передовой дворянской интеллигенции 30—40-х годов XIX в.

---

[14] *Письма*, т. II, стр. 189.

Небезынтересно отметить, что даже Добролюбов, который начиная с 1857 г. поведет решительные атаки на «лишнего человека», видел в самом себе нечто родственное его рефлексии. Под впечатлением «Дневника лишнего человека» он записал в своем дневнике 8 января 1857 г.: «А в самом деле — какое ужасающее сходство нашел я в себе с Чулкатуриным... Я был вне себя, читая рассказ, сердце мое билось сильнее, к глазам подступали слезы, и мне так и казалось, что со мной непременно случится рано или поздно подобная история. Чувства же, подобные чувствам Чулкатурина, на бале мне не раз приходилось испытывать...».[15] Рефлексия и самоанализ, столь характерные для дворянского интеллигента, оказались в какой-то мере не чуждыми в ранней молодости и разночинцу Добролюбову.

Раскрывая именно этот «оттенок» личности Чулкатурина — рефлексию, сделавшую его глубоко несчастным, — Тургенев взвешивает человеческие качества, личные стремления и побуждения своего героя. Он судит его моральным судом, ограничив себя в приемах типизации сравнительно и с «Гамлетом Щигровского уезда», и особенно, конечно, с «Рудиным», где герою несомненно тоже свойственна рефлексия, но где он уже обрисован не только с точки зрения психологической, но и как определенный социально-исторический тип.

К Чулкатурину Тургенев подошел, раскрыв полную нежизнеспособность его больной личности, изъеденной самоанализом. В основу изображения своего героя писатель положил художественные принципы «натуральной школы 40-х годов», создав гротескный образ «маленького лишнего человека» с его сложными и противоречивыми внутренними переживаниями.[16] Автор сочувствует своему герою и испытывает боль за него, но вместе с тем не раз делает смешными его переживания. Ирония и юмор — те художественные средства, которые помогли Тургеневу произнести приговор над комплексом черт, определяемых словом «рефлексия» и весьма характерных для дворянского интеллигента 30—40-х годов XIX в., социально-психологический тип которого он обозначил термином «лишний человек». В повести этот характер изображен лишь с одной, но очень важной стороны: обрисована только личность героя, запутавшегося в мучительном самоанализе, постоянных сомнениях и колебаниях, отвлекших его не только от какого-либо дела, но и мешавших проявить то большое чувство, на которое он был способен. Эта односторонность изображения «лишнего человека», возможно, и послужила причиной той разноголосицы суждений о «Дневнике лишнего человека», с характеристики которой начато это сообщение.

М. О. Габель

---

[15] *Добролюбов*, т. 8, стр. 517.

[16] В гротескном изображении Чулкатурина есть нечто общее — типологическое — с художественной манерой Достоевского, но этот сложный вопрос в предлагаемой статье не поднимается, потому что он нуждается в специальном исследовании.

«ТРИ ВСТРЕЧИ»

СИМФОНИЧЕСКАЯ ПОЭМА М. КАРЛОВИЧА «ЭПИЗОД НА МАСКАРАДЕ» НА СЮЖЕТ РАССКАЗА ТУРГЕНЕВА

Творчество Тургенева получило довольно широкое отражение в русской музыке. На сюжеты его произведений создано несколько опер: «Ася» М. М. Ипполитова-Иванова, «Клара Милич» А. Д. Кастальского, «Вешние воды» и «Певцы» А. Б. Гольденвейзера, «Дворянское гнездо» В. И. Ребикова, две оперы на сюжет «Песни торжествующей любви» — А. Ю. Симона и В. Н. Гартевельда. Советским композитором И. И. Шварцем написан балет «Накануне». На тексты Тургенева сочинялись романсы («Баллада» А. Г. Рубинштейна и др.), популярные бытовые песни («Утро туманное»), пьесы для мелодекламации («Как хороши, как свежи были розы» А. С. Аренского).

Меньше всего наследие Тургенева отразилось в программной музыке (инструментальных произведениях, основанных на каком-либо определенном образе или сюжете), хотя стихи и проза писателя содержат для этого богатый материал. В русской музыкальной литературе можно упомянуть лишь малозначительное явление — фантазию для оркестра «Призраки» петербургского композитора конца XIX—начала XX в. П. П. Шенка.

Тем больший интерес приобретает обращение к творчеству Тургенева выдающегося польского композитора Мечислава Карловича (1876—1909). Сын филолога и музыканта Яна Карловича, получившего образование в Московском университете, Мечислав рано познакомился, благодаря отцу, с русским искусством, что сыграло немалую роль в его творческом развитии. Будущий композитор учился в Варшаве у известного скрипача Ст. Барцевича [1] и у нескольких видных теоретиков, в том числе известного композитора З. Носковского. Свои занятия молодой музыкант закончил в Берлине.

Воспитанный в обстановке польского национально-культурного движения, общавшийся в доме родителей с видными представителями польской литературы и искусства — в частности Э. Ожешко, З. Носковским, — начинающий композитор формировался как убежденный деятель национального направления. Он высоко ценил народную песенность Польши, преклонялся перед гением Шопена, интересовался творчеством современников. Вкусы и стремления его не страдали, однако, националистической узостью. Он хорошо знал и изучал мировую музыкальную литературу, в частности русскую. По словам друзей, особенно привлекала его музыка Р. Вагнера, П. И. Чайковского, из современников — Б. Сметаны, А. Дворжака, Р. Штрауса, А. Брукнера.[2] Исключительную близость Карлович чувствовал к твор-

---

[1] Тургенев бывал на концертах Ст. Барцевича в зале Трокадеро в Париже в 1878 г. (см. его письмо А. В. Топорову от 2 (14) ноября 1878 г.: *Письма*, т. XII, кн. 1, № 4651.

[2] *Mieczysław Karłowicz*, стр. 250.

честву Чайковского. Он восторженно отзывался о Патетической симфонии, об увертюре-фантазии «Ромео и Джульетта», о скрипичном концерте, который разучивал под руководством Барцевича.

Произведения молодого композитора были встречены в Варшаве с интересом. Заботясь о развитии польского искусства, он вступил на путь широкой общественной деятельности и занял руководящее положение в Варшавском музыкальном обществе. Симфонические концерты под его управлением познакомили польских слушателей со многими произведениями отечественной музыки как прошлых веков, так и современной.

Важным событием в жизни Карловича явилось вступление в группу начинающих композиторов «Молодая Польша в музыке». Участники ее сыграли видную роль в польском искусстве. Среди них были крупнейший композитор К. Шимановский, автор популярных в стране опер Л. Ружицкий, известный дирижер Г. Фительберг. При различии творческих индивидуальностей их объединяло стремление к развитию национального искусства, и Карлович был одним из наиболее последовательных деятелей этого направления.

В его наследии представлены главным образом симфонические произведения и романсы, в небольшом числе — пьесы для фортепиано, скрипки и др. Наибольшее значение приобрела оркестровая музыка; его по праву считают первым виднейшим представителем польской симфонической классики.

Замыслы Карловича большей частью имели программный характер. В симфонии «Возрождение» он выразил национально-освободительные стремления Польши, в симфонической поэме «Станислав и Анна Осьвецимы» воскресил сцены исторического прошлого, в «Литовской рапсодии» отразил переживания современников, использовав скорбные народные напевы Литвы и Белоруссии. Широкой известностью пользуется одно из наиболее ярких произведений Карловича — концерт для скрипки с оркестром.

Отличительными чертами его музыки являются лирическая теплота и непосредственность чувства, искренняя романтическая взволнованность, ясно выраженная народно-песенная основа мелодики, большое и тонкое мастерство оркестровки. Настроения печали, светлых надежд и погибших мечтаний, характерные для польской литературы на грани двух столетий, не остались чужды и Карловичу. В симфонической поэме «Возвращающиеся волны» он нарисовал образ одинокого человека, вспоминающего годы молодости. Участь разочарованного страдальца, кончающего жизнь самоубийством, послужила сюжетом симфонической поэмы «Грустный рассказ».

Сходными настроениями проникнут и последний замысел Карловича. В пору творческой зрелости — в конце своей недолгой жизни — он задумал симфоническую поэму «Эпизод на маскараде» на основе рассказа И. С. Тургенева «Три встречи». Русский писатель пользовался особенной любовью композитора. Его близкий друг Ст. Шумовский писал в своих воспоминаниях: «Творчество Тургенева <...>, как мне кажется, в наибольшей степени отвечало духовной природе Мечислава. У меня даже создалось впечатление, что оно оказало влияние на его музыку. В разговоре Мечислав

не раз приводил отрывки из Тургенева и так заинтересовал меня, что я выписал собрание его сочинений <...>. По-моему, в творчестве Тургенева и Карловича есть какие-то родственные черты. Я даже убежден, что последнее произведение Мечислава „Эпизод на маскараде", по крайней мере частично, было вдохновлено рассказом Тургенева „Три встречи"».[3]

Друг композитора проницательно подметил черты, сближающие его музыку с творчеством Тургенева. Действительно, мягкая, тонкая лирика и волнующий драматизм, характерные для Карловича, часто приводят на память страницы Тургенева и другого русского художника, столь любимого польским композитором, — П. И. Чайковского.

Предположение Ст. Шумовского о связи последней поэмы Карловича с рассказом Тургенева подтверждается авторитетным свидетельством выдающегося музыкального критика А. Хибинского, друга Карловича и пропагандиста его сочинений. Поскольку программа «Эпизода», написанная рукой Карловича, не обнаружена, можно думать, что критик записал ее со слов композитора. Воспоминания Хибинского, как и самое название поэмы, показывают, что здесь имеется в виду последняя встреча героев рассказа — на маскараде в дворянском собрании в Петербурге. «В бальной зале, — пишет Хибинский, — царит толкотня маскарада; словно пенистое шампанское, несется неукротимый, крикливый, дионисийский — притом банальный поток жизни. В этом хаосе людских страстей, среди шутовского гама встречаются двое; их объединяет печальное прошлое, повитое терновым венцом несчастной любви, но украшенное сильным, глубоким, всепоглощающим чувством. Постепенно оживает в памяти мучительное и счастливое время, возрождаются прежние чувства, пробуждается, несмотря на печальные воспоминания, радость встречи. Но грубая оргия маскарада, растаптывая самые благородные человеческие переживания, разрушает возродившуюся любовь. Каждый из встретившихся скрывается в толпе, захваченный отвратительным вихрем маскарада. Больше они уж никогда не встречались».[4]

Как видно из этого изложения, тургеневский сюжет изменен Карловичем. Вместо скрытого, безответного чувства лица, от имени которого ведется рассказ Тургенева, поэма описывает встречу людей, когда-то знавших и любивших друг друга. Иначе мотивировано расставание: в рассказе — сложное сплетение судеб трех действующих лиц, в поэме — неумолимый ход жизни, сметающий лучшие человеческие чувства и побуждения. Драма одинокого тургеневского героя, мимо которого прошло чужое счастье и чужое горе, превращена композитором в драму невозвратности былого — мотив, близкий его поэме «Возвращающиеся волны». По-видимому, Карловича увлек в рассказе Тургенева драматизм ситуации, ставшей для него отправным пунктом, — печальная встреча среди веселящейся толпы; самый же эпизод встречи он наполнил иным содержанием.

Подобное изменение и переосмысление первоисточника — обычное явление в истории программной музыки. Подлинно творческие натуры

---

[3] *Mieczysław Karłowicz*, стр. 251—252.
[4] Там же, стр. 621.

создают не музыкальную иллюстрацию к литературному материалу, а самостоятельно перерабатывают его, вкладывая свои мысли и настроения. Так поступил и автор «Эпизода».

Поэма Карловича осталась незаконченной. Трагический случай оборвал жизнь композитора на 33-м году. Он погиб при снежном обвале во время горной прогулки в Татрах 8 февраля 1909 г. Родные нашли незаконченный эскиз с пометками, касающимися оркестровки. В нем содержался основной тематический материал поэмы, не хватало лишь заключительной части. По мнению друзей, в частности Хибинского, «Эпизод» мог бы стать одним из лучших произведений его автора. Было решено поручить его завершение кому-либо из круга Карловича. Выбор пал на Гжегожа Фительберга (1879—1953).

Дирижер и композитор, автор симфонических и камерных произведений, Фительберг прославился как исполнитель и пропагандист польской музыки. Прочные нити связывали его также с русской культурой. В течение ряда лет он был дирижером «Театра музыкальной драмы» в Петрограде и выступал в симфонических концертах, в частности с польскими произведениями. Большую деятельность он развернул в революционном Петрограде с 1917 до 1921 г., выступая во главе Государственного симфонического оркестра. Вернувшись в Польшу, он снова занял положение одного из ведущих дирижеров страны.

Карлович высоко ценил Фительберга как лучшего исполнителя своих произведений и смелого их пропагандиста в те времена, когда они еще не пользовались признанием. Хибинский отмечал к тому же, что «Фительберг, как превосходный исполнитель, умеет „вживаться“ в индивидуальность каждого композитора, — следовательно, имеет все данные, чтобы достойным образом завершить произведение своего покойного друга».[5]

Пользуясь эскизом Карловича, Фительберг закончил и инструментовал поэму. Среди бумаг композитора он нашел запись, дающую ключ к ненаписанной заключительной части «Эпизода». Запись гласила:

«Она (громко): Я вас не знаю. (Вполголоса): Уходи!... Прошлого не вернуть!.. Слышишь?.. Уйди — забудь!..».[6]

Как видим, эта запись вносит существенное изменение в рассказ Хибинского. В ней содержится новый мотив — отказ героини от встречи. Быть может, это объясняется неточностью в изложении Хибинского; быть может, Карлович изменил программу в процессе сочинения поэмы. Как бы то ни было, завершая «Эпизод», Фительберг руководствовался именно этой короткой записью, сохранив в то же время основной сюжетный мотив программы — разрушительную роль стихии маскарада.

В своих воспоминаниях Фительберг подробно прокомментировал музыку поэмы. «В первых тактах, — пишет он, — изображен хаотический вихрь веселящейся толпы».[7] Это вступление очень картинно: на фоне пронзительных, «сверлящих» трелей деревянных духовых и скрипок проносятся вихревые пассажи арф, призывно звучат фанфары труб и валторн.

[5] *Mieczysław Karłowicz*, стр. 627.
[6] Там же, стр. 632.
[7] Там же, стр. 633.

«На фоне шумного и пестрого маскарадного веселья, — продолжает Фительберг, — появляется „он“ — властный, охваченный, словно пламенем, тоской и страстью. Он ищет ее, когда-то близкую и дорогую, а теперь — недосягаемую, борется со своей тоской, пытается забыться — но непреодоленное чувство снова возвращается».[8] Тема «его», беспокойная, тревожно-патетическая (пример 1), выразительно характеризует этот мрачно-романтический персонаж, отсутствующий в рассказе Тургенева и созданный композитором. В драматические интонации широко развивающейся темы время от времени врываются отголоски маскарада — вихревые пассажи и ритм тарантеллы.

«Но вот перед его тоскующим взором выступает из толпы она, светлая и спокойная. Она узнала его, но не хочет встречи. Они уже чужды друг другу. „Я вас не знаю“, — говорит она отвергнутому возлюбленному».[9]

«Ее» тема (пример 2), мягкая и грустная, вступает под еле слышное звучание скрипок и флейт, словно легким сиянием окружающих эту простую и благородную мелодию. В своем развитии эта тема наполняется сердечным теплом, как бы отражая силу скрытого чувства героини (пример 3).

«А толпа несется и увлекает „ее“ с собой, и „он“ также уносится в этом живом потоке, захваченный его магической силой».[10] Снова безраздельно царит музыка маскарадного веселья.

Средняя часть поэмы наполнена развитием и сплетением контрастных тем («его» и «ее»), а в напряженную картину их драматической борьбы врываются шумные отголоски бала. В заключении повторяются в первоначальном виде обе темы и проносится вихрь маскарадного веселья. Завершая поэму, появляется образ героини («ее» тема): «Она постепенно замирает, расплывается... и исчезает. Произведение заканчивается не то вопросом, не то многоточием».[11]

В общем построении поэмы Карловича есть несомненное сходство с излюбленными сюжетами его любимого русского композитора. Замысел «Эпизода» — драма человеческого чувства среди чуждой и враждебной ему стихии — напоминает симфонические поэмы Чайковского: «Ромео и Джульетту», где центральная часть — сцена любви — окружена картинами разбушевавшихся сил родовой ненависти; «Франческу да Римини», где образы любящих поглощает адский вихрь. Да и шире говоря, это трагическое противопоставление играет большую роль в творчестве Чайковского, особенно ярко проявляясь в последних трех симфониях и «Пиковой даме», где стихия смерти и безумия губит расцветшее чувство.

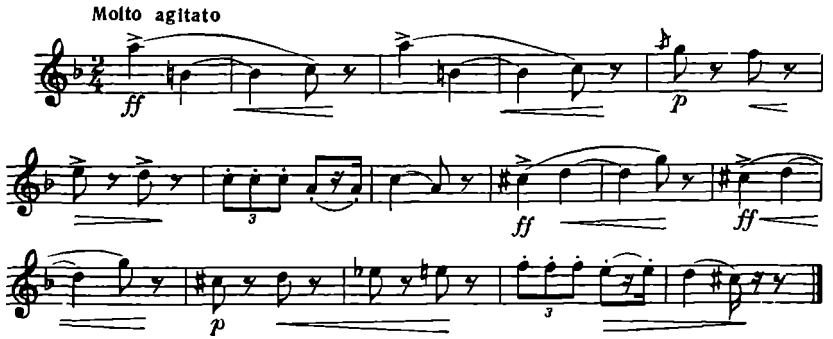
Нет оснований предполагать, что Карлович задумал свою поэму под прямым влиянием Чайковского: слишком уж органичен этот замысел для всего облика польского композитора. К тому же «Эпизод» существенно отличается от характерных сюжетов Чайковского: у автора «Пиковой дамы» стихия уничтожает человеческое счастье или мечты о счастье, у Карло-

[8] Там же.
[9] Там же.
[10] Там же.
[11] Там же, стр. 634.

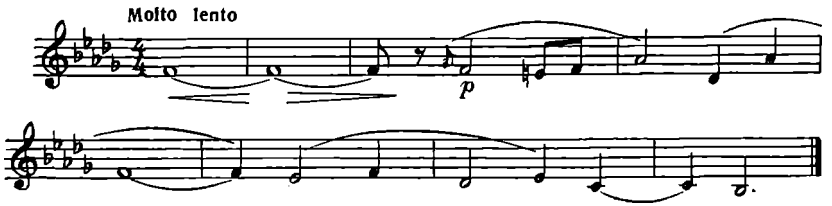
вича в стихии тонут разбитые жизни. Вернее всего, здесь наблюдается известное внутреннее родство двух художественных натур.

«Эпизод на маскараде» впервые был исполнен в Варшаве 11 февраля 1914 г. под управлением Фительберга. Поэма вызвала живой отклик

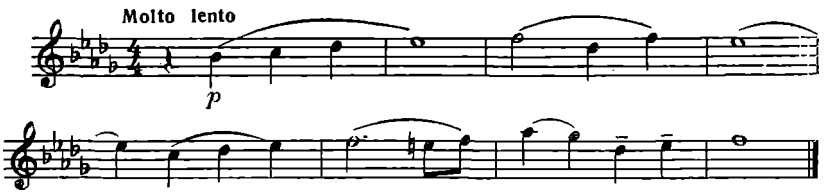
Пример 1



Пример 2



Пример 3



Нотные примеры из партитуры симфонической поэмы М. Карловича «Эпизод на маскараде» на сюжет рассказа Тургенева «Три встречи».

в прессе. Журнал «Przegląd Muzyczny» (№ 4, от 15 февраля 1914 г.) писал: «Как и все произведения композитора ‹...›, это последнее его сочинение захватывает слушателя вдохновенной красотой музыкальных мыслей, воплощенных в изысканной, ясной и доходчивой форме ‹...›. Карлович не боится мелодичности, он создает широкие, плавно льющиеся, всегда серь-

езные, глубокие, из глубины души идущие напевы <...>. В „Эпизоде на маскараде" наглядно выступают характерные черты творчества нашего величайшего симфониста: произведение покоряет своей мощью, волнует и пленяет очарованием поэзии».[12]

«Эпизод на маскараде», возникший в результате сложной творческой переработки тургеневского сюжета, является интересным и малоизвестным памятником русско-польских культурных связей. К сожалению, советский слушатель мало знаком с поэмой Карловича. В декабре 1965 г. она прозвучала в исполнении Симфонического оркестра Ленинградской Филармонии под управлением польского дирижера Е. Семкова в Большом зале Филармонии. В этом зале — бывшего Дворянского собрания — и происходит действие поэмы «Эпизод на маскараде». Нужно пожелать, чтобы это произведение вошло в концертный репертуар нашей страны.

А. М. Ступель

«ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО»

ПЕРВЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ПЕРЕВОД

Роман Тургенева «Дворянское гнездо» впервые на английском языке появился в Лондоне в 1869 г. в переводе Вильяма Рольстона.[1] Перевод озаглавлен по имени героини романа — «Лиза» — и «посвящен автору его другом переводчиком».

О личной дружбе Рольстона с Тургеневым, так же как о переводческой и литературной деятельности Рольстона, неоднократно писал в своих работах М. П. Алексеев.[2] О Рольстоне имеется также публикация В. И. Маслова.[3]

С наибольшей полнотой — как замечательного человека, знатока литературы и искусства, который привлек внимание англичан к отличительным особенностям русской литературы и «открыл» для Англии русских писателей, — охарактеризовал Рольстона М. П. Алексеев в своей «илчестерской» лекции, прочитанной в Оксфордском университете. «Рольстон, —

---

[12] *Mieczyslaw Karłowicz*, стр. 630.

[1] «Liza», by Ivan Turgenief. Translated from the Russian by W. R. S. Ralston in two volumes. Dedicated to the Author, by his friend the translator. Chapman and Hall. London, 1869, 1873, 1884. — То же: Dent & sons. London—Dutton, New York, 1914, 1917, 1923, 1938, 1945. — То же: Holt, New York, 1872, 1889. — Всего вышло десять изданий.

[2] См.: М. П. Алексеев. 1) И. С. Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе. В сб.: Труды Отдела новой русской литературы Института литературы Академии наук СССР, кн. I, изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 70, 71; 2) Мировое значение «Записок охотника». В кн.: «Записки охотника» И. С. Тургенева (1852—1952). Сборник статей и материалов. Орел, 1955, стр. 37—117; 3) В. П. Гаевский и В.-Р. Рольстон о Тургеневе. *Тургенев, Сб. 1964*, стр. 335—344. — См. также: *Письма*, т. VI (указатель); *Сочинения*, т. VII, стр. 500—501 (английские и американские переводы «Дворянского гнезда»).

[3] *Лит. арх.*, т. 6, стр. 25—27.

сказал он в этой лекции, — много сделал для преодоления предрассудков и заблуждений в умах англичан о России, и делал это в то время, когда политический климат отнюдь не благоприятствовал англо-русскому культурному сближению».[4]

Первый английский перевод «Дворянского гнезда», выполненный Рольстоном с оригинала, неоднократно переиздавался и в течение четверти века — до выхода в 1895 г. нового перевода, сделанного Констэнс Гарнет, — оставался не только единственным английским переводом этого романа, но также лучшим по сравнению с переводами других произведений Тургенева на английский язык.[5]

Огромное значение этого перевода становится очевидным, если учесть, что до него Тургенева знали в Англии только по французским и немецким версиям. Рецензент лондонского журнала «The Athenaeum» 1861 г. (т. XXXVIII, № 1783, стр. 803) знакомит читателей с романом «Дворянское гнездо» по французскому переводу, называя его «A Nest of Gentlemen. Provincial Life in Russia (Une Nichée de Gentilshommes)». Автор заметки сетует на невыносимо скорбный конец романа.

До середины 60-х годов на английском языке были лишь два перевода «Записок охотника» — Микльджона [6] и Эббота,[7] — оба сделанные во время Крымской войны с искаженного и недобросовестного французского перевода, изданного в 1854 г. Шарьером. По словам Рольстона, «этот французский перевод был так состряпан для французского рынка, что г-н Тургенев вынужден был заявить против него решительный протест».

Сделанный с оригинала Юджином Скайлером перевод «Отцов и детей» мало способствовал знакомству с Тургеневым читателей Англии, так как был опубликован в Нью-Йорке (1867).[8]

Английский писатель Джордж Гиссинг (1857—1903), испытавший влияние Диккенса, французского натурализма, а также Тургенева и Достоев-

---

[4] M. P. Alexeyev. William Ralston and Russian Writers of the Later Nineteenth Century. Oxford Slavonic Papers, vol. XI, 1964, стр. 83—93. — Лекция была прочитана 30 мая 1963 г., после присуждения академику М. П. Алексееву почетной степени доктора литературы Оксфордского университета, Honorary D. Lit. (Oxford).

[5] Английские переводы «Дворянского гнезда» после перевода Рольстона: Turgenev. «A House of Gentlefolk», tr. by C. Garnett with an introduction by Stepnyak ‹т. е. С. М. Степняка-Кравчинского›. Heinemann, London, 1894, 1900, 1911, 1913, 1914, 1915, 1917, 1920, 1921, 1922, 1930, 1951. Всего вышло 12 изданий. Как указано в библиографии (Rissa Yachnin and David H. Stam. Turgenev in English), в разных переводах в Лондоне и Нью-Йорке было 28 изданий «Дворянского гнезда»: «A Nobleman's Nest», tr. by Isabel Hapgood, with intro by Henry James. Scribner, New York, 1903, 1918, 1923, 1924; «A Nest of Hereditary Legislators», tr. by F. M. Davis. Simkin & Marshall, London, 1914; «A Nest of the Gentry», tr. Bernard Isaacs, Foreign Languages Publishing House, Moscow, 1947, 1951; «A Nobleman's Nest», tr. by Richard Hare. Hutchinson International Authors, London, 1949.

[6] «Russian Life in the Interior or, the Experiences of a Sportsman», from French version, by J. D. Meiklejohn. Edinburgh, 1855.

[7] «Annals of a Sportsman», from French version by E. P. Abbott. London, 1855.

[8] «Fathers and Sons», translated from the Russian by Eugene Schuyler. New-York, 1867.

ского, писал в 1883 г.: «Тургенев несомненно величайший из современных писателей»; год спустя он сообщал сестре, что очень занят, читая пять или шесть романов Тургенева на немецком языке.[9]

Несмотря на отсутствие английских переводов, популярность Тургенева росла. Англичане восхищались простотой и ясностью стиля Тургенева, изяществом формы его романов, ставя его в один ряд с величайшими представителями мировой литературы. Тургенев был «первым русским писателем, которого читали в Европе, восхищаясь им, и самым поэтичным из русских реалистов».[10]

Опровергая установившееся представление о том, что увлечение русской литературой в Англии началось с опубликования в 1912 г. переведенного Констэнс Гарнет романа «Братья Карамазовы», автор книги «Русский роман в английской литературе» Гильберт Фелпс пишет, что восприятие русского романа в Англии началось значительно ранее и именно со времени появления произведений Тургенева.[11] И далее этот же автор пишет: «К 1869 году стал очевидным подлинный, хотя еще в ограниченном кругу, спрос на переводы произведений Тургенева».[12]

В этом процессе ознакомления английской публики с Тургеневым перевод «Дворянского гнезда», исполненный Рольстоном с тонким вкусом, с глубоким пониманием духа и стиля произведения, за четверть века до выхода полного собрания сочинений русского писателя на английском языке, был первой ласточкой, которая, вопреки пословице, сделала весну — подготовила спрос на это издание сочинений Тургенева.[13]

Переводу «Дворянского гнезда» предшествовало основательное знакомство Рольстона с русским языком и литературой. Отказавшись по окончании Кембриджского университета от своего намерения стать юристом, Рольстон поступил в библиотеку Британского музея (1853).[14] Обнаружив, что там очень нужно знание русского языка, он начал его изучать и в 1868 г. опубликовал свой перевод басен Крылова, а затем «Дворянского гнезда». Побывав в России четыре раза, он познакомился с широким кругом литераторов. Он переписывался с Львом Толстым и был хорошо знаком с И. С. Тургеневым, гостил у него в Спасском-Лутовинове (1870). В библиотеках Москвы, Ленинграда и Киева хранится больше 200 писем из переписки Рольстона, написанных с 1860 до 1880 г. Среди них — письмо Льву Толстому, 46 писем Тургенева и 52 письма, адресованных А. Ф. Отто-Онегину. Еще в 1866 г. вышла одна из ранних статей Рольстона — о Кольцове, а позднее статьи о Никитине, Тургеневе,[15] Радищеве,

---

[9] Цит. по кн.: G. Phelps. The Russian Novel in English Fiction. Hutchinson's University Library, London, 1956, стр. 89.

[10] Британская энциклопедия, 1945.

[11] G. Phelps. The Russian Novel in English Fiction, стр. 15.

[12] Там же, стр. 21.

[13] The Novels of Ivan Turgenev, 15 volumes. W. Heinemann, London, 1895—1899.

[14] См.: *Лит. арх.*, т. 6, стр. 25—27.

[15] W. R. S. Ralston. 1) Turguenief's novels. «North British Review», 1869, March, стр. 22—64; 2) Ivan Tourguénief. «Athenaeum», 1883, Sept. 15, № 2916, стр. 337—338.

Герцене, Писемском, Гончарове, о русской революционной литературе,[16] книга по русской истории, русские народные сказки (1883). Он тщательно изучал произведения Пушкина. В 1873 г. Рольстон был приглашен в Оксфордский университет прочесть четыре «илчестерских» лекции по русской истории. Российская Академия наук избрала его своим членом-корреспондентом (1885).

Обладая, помимо литературных способностей, также талантом чтеца, Рольстон в программу своих многочисленных литературных концертов включал русские сказки и стихотворения Лермонтова.

Рольстон встречался со многими английскими писателями, которых он знакомил с русской литературой. Особенно интересны два письма из переписки Рольстона, сохранившейся в собрании А. Ф. Онегина. Одно письмо написано Теннисоном по поводу получения им от Рольстона книги «Крылов и его басни». Теннисон благодарит переводчика и с большой похвалой отзывается о Крылове.

Второе из этих писем написано Диккенсом с выражением благодарности за письмо и статью Рольстона о Кольцове, которую Диккенс прочел с большим удовольствием. Диккенс сообщает, что он охотно поместит любую статью о русской литературе в своем журнале «All the Year Round».

Как известно, журнал «Household Words», редактируемый Диккенсом, помещал рассказы из «Записок охотника» (1855).

В переписке Тургенева с Рольстоном имеется ряд мест, относящихся к появлению перевода «Дворянского гнезда», из которых мы узнаём о помощи Тургенева переводчику в его работе.

Тургенев писал Рольстону, что, хотя некая мисс Бейтс подготовила перевод «Дворянского гнезда», он «был бы счастлив» видеть Рольстона переводчиком своего романа и готов написать этой мисс Бейтс, чтобы она себя не утруждала. Перечитанный и исправленный им экземпляр «Дворянского гнезда» Тургенев обещал выслать через несколько дней.[17]

В другом письме Тургенев отвечал на вопросы Рольстона, возникшие у него в процессе перевода «Дворянского гнезда», а также сообщал ему, какие изменения он внес в текст романа, — в частности в сцене последнего свидания Лаврецкого и Лизы.[18]

Особенно интересным представляется письмо Тургенева, написанное после выхода из печати перевода «Лизы». В нем Тургенев благодарит переводчика за его труд, сообщает, что его перевод — «превосходный, прекрасный», самый лучший из всех когда-либо сделанных переводов его произведений, и просит от его имени послать по экземпляру Ч. Диккенсу, Т. Карлейлю и Г. Ф. Чорли.[19]

В предисловии к роману «Лиза» проявилось страстное желание Рольстона познакомить читателей не с одним этим произведением, а с творчеством Тургенева во всем его значении. Он писал, что «Россия вправе

---

[16] W. R. S. Ralston. Russian revolutionary literature. «Nineteenth century», 1877, May, стр. 397—416.

[17] *Письма*, т. VII, стр. 199—200, 397—398.

[18] Там же, стр. 246—247, 433—435.

[19] Там же, т. VIII, стр. 57—58, 343—344.

им гордиться не только как совершенным художником, достойным занять почетное место среди европейских писателей, так искусно немногими штрихами он изображает персонажи и их жизнь, живо передает самые мимолетные впечатления, — у него есть другие, более высокие основания претендовать на уважение и восхищение русских читателей. И это — его добросовестность, его преданность жизненной правде, от которых он, занимаясь художественной литературой, никогда не отступает». Далее переводчик говорит о патриотизме Тургенева, о его гуманистическом мировоззрении, о роли «Записок охотника» в борьбе передовых русских людей с крепостным правом. Касаясь романов «Отцы и дети» и «Дым», Рольстон высказывает опасение, что они не будут поняты английским читателем из-за отсутствия у последних какого-либо представления о России и жизни русского общества, причем напоминает, что подробный обзор этих романов (написанный им самим) опубликован в марте 1869 г.[20]

Восторгаясь «Дворянским гнездом», его художественным совершенством, Рольстон высказывает надежду, что «английские читатели почувствуют к роману „Дворянское гнездо" хотя бы частицу того восхищения, с которым он в течение долгого времени относится к нему, ценя художественную завершенность его исполнения, чистоту атмосферы и те высокие и благородные чувства, которыми преисполнен роман».

«Одной из самых интересных глав, — которую могут пропустить те, кого интересуют лишь запятные эпизоды», — по мнению Рольстона является «та, в которой изображен разговор Лаврецкого с Михалевичем, одним из его старых товарищей по университету.[21] Образ бескорыстного студента, сохранившего в зрелом возрасте весь энтузиазм студенческих дней, прекрасен и нарисован с большим сочувствием».

Признавая положительную роль этого предисловия в популяризации Тургенева, все же, читая его, нельзя не заметить досадных пропусков в отборе произведений Тургенева. Сообщая, что Тургенев написал много очаровательных повестей, стихов, пьес, критических статей, несколько романов, лучшими из них Рольстон называет «Дворянское гнездо», «Отцы и дети», «Дым» и повесть «Несчастная», но совсем не упоминает «Рудина» и «Накануне». Объяснить это отсутствием английских переводов нельзя, так как трудно допустить, что Рольстон, читавший оригиналы, мог не знать этих романов.

Рольстон подчеркивает, что большинство повестей Тургенева посвящено России и русской жизни, так как, хотя он провел много лет в Германии, его мысли, едва он берется за перо, почти всегда возвращаются к родной стране (стр. 2).

Переходя далее к своей работе над переводом, Рольстон пишет, что старался переводить как можно ближе к оригиналу. Взгляды Рольстона

---

[20] W. R. S. Ralston. Turguenief's novels. «North British Review», 1869, March, стр. 22—64.

[21] «Дворянское гнездо», гл. XXV (у Рольстона — гл. XXIV, так как он объединил главы XXII и XXIII). — Во французском переводе глава пропущена с ведома и согласия Тургенева.

на перевод проявились, в частности, в следующем. Выражая сердечную благодарность переводчикам «Дворянского гнезда» на немецкий и французский языки, чьи переводы были ему полезны, он пишет: «Немецкий перевод Пауля Фукса изумительно буквальный; французский перевод, сделанный Соллогубом и Калонном, хотя не так близок к оригиналу, тоже очень хороший» (стр. 5).[22] Первый вариант перевода Рольстона был совершенно буквальным, — по выражению переводчика, «был написан без учета стиля и даже идиомов». Он был просмотрен и исправлен другом Рольстона — А. Ф. Онегиным, который помогал ему в работе над переводом басен Крылова. Рольстон высказывает надежду, что благодаря неутомимой помощи Онегина он своим переводом не «предал» автора «Дворянского гнезда»,[23] и добавляет: «...в нескольких местах, намеренно отличных от оригинала, я следовал изменениям, собственноручно внесенным г-ном Тургеневым в экземпляр романа, с которого я переводил. Заглавие романа было изменено также с его согласия».

Подтверждение этому мы находим в письме Тургенева к Рольстону от 8 декабря н. ст. 1868 г.:

«Я нахожу, что заглавие „Лиза" очень удачное, тем более что название „Дворянское гнездо" — не совсем точное и было выбрано не мной, а моим издателем <...> Обращайтесь ко мне, пожалуйста, по всем вопросам, которые вам придут в голову; мне доставит истинное удовольствие вам отвечать в меру моих знаний».[24]

Сохранить слово «гнездо» в заглавии романа Рольстон не счел возможным, опасаясь, видимо, того, что необычное в английском языке сочетание существительного «гнездо» с прилагательным «дворянское» может вызвать нежелательную ассоциацию с устойчивым словосочетанием «разбойничье гнездо» — «a nest of robbers». Но в тексте он слово «гнездо» передает буквально: «Грязно, бедно, дрянно показалось его родимое гнездо» (гл. VIII) — «Dirty, poor and miserable did the paternal nest seem to him»; «Не свить же и тебе гнезда нигде» (гл. XV) — «nowhere will you be able to build you a nest». В более же поздних переводах (Гарнет — 1895 г., Айзекс — 1937 г.) в этих предложениях аналог — «дом»: «a home».

Современный исследователь Сирил Брайнер в своей работе «Тургенев и мир, говорящий на английском языке» приводит несколько заглавий романа «Дворянское гнездо» в опубликованных английских переводах как пример трудности перевода Тургенева на английский язык и как показатель долгих поисков наиболее правильного соответствия русскому загла-

---

[22] «Das adelige Nest». Von I. S. Turgeneff. Aus dem Russischen Uebersetzt von Paul Fuchs. Leipzig, 1862; «Une Nichée de Gentilshommes», mœurs de la vie de province en Russie (Dvorianskoé gnezdo, 1859). Traduction française (par le comte Sollohoub et A. De Calonne) autorisée par l'auteur. Dentu, Paris, 1861.

[23] Слово «предал» («I have not „traduced" the author») Рольстон, возможно, употребил, памятуя итальянскую поговорку: «Переводчик — предатель» («Traduttore — traditore»).

[24] *Письма*, т. VII, стр. 251 и 415.

вию: Liza, A Nest of Hereditary Legislators (!), A House of Gentlefolk, A Nobleman's Nest, A Nest of the Gentry.[25]

Каковы же отличительные особенности перевода Рольстона? Это прежде всего необычайная добросовестность, стремление передать все, без малейших потерь, все объяснить читателю — исторические и бытовые явления, обычаи; достичь наибольшей познавательной ценности перевода.

Рольстон пишет, что старался по возможности не отвлекать внимание читателя сносками, и все же их у него 70. Так, например, в предложении «...все это происходило в самом начале царствования императора Александра» (гл. VIII) Рольстон добавляет римскую единицу («Александра I»), а в сноске дает характеристику эпохи: «когда коррупция была обычным явлением в среде государственных служащих».

Любопытна сноска к словам «весь свой век терся между знатью, посещал английские клубы обеих столиц» (гл. IV): английские клубы — «модные клубы, в которых нет ничего английского, кроме названия».

В гл. XXXIII Паншин говорит о «Думе» Лермонтова, Рольстон в конце главы дает ее перевод в прозе, стремясь познакомить читателей не только с Тургеневым, но и с великим поэтом России, с эпохой и литературными увлечениями образованных русских людей.

Вероятно, из опасения, как бы роман не показался трудным английскому читателю, не оттолкнул его от Тургенева, Рольстон совершенно изменил построение предложений и деление на абзацы, сделав их значительно короче; изменил деление на главы, соединив главы XXII и XXIII, XXVII и XXVIII.

В переводе поясняются такие слова, как «души» (крепостные), «бестягольный мужичонка», «барщина», «оброк», «коренник». Транслитерируются с пояснениями: самовар, квас, тарантас, кофта, кацавейка; также транслитерированы обращения «my batyushka, my matyushka» (стр. 221).

В отдельных случаях все же остались нераскрытыми явления, присущие социальному строю эпохи. Например, выражение «подарил ей двух девок» (гл. IX) переводится «placed two maid-servants at her disposal». Этот перевод не означает «дарения», возможного лишь при крепостном праве. Он может означать: «предоставил в ее распоряжение двух служанок».

Характерно для Рольстона стремление объяснить в сноске не только реалии, но и данную грань значения обычного слова в контексте или иносказательное употребление слова, эвфемизм: «Но он не вовремя поскупился», глагол «поскупился» Рольстон в сноске поясняет: «не дал взятку».

Иногда, опасаясь, что при буквальной передаче слово или образное выражение будет непонятно, Рольстон его переводит аналогом, но в сноске все же приводит выражение оригинала. «Совершенной тряпкой ‹...› воротился он в Лаврики» (гл. XI) — перевод «Utterly used up» («совершенно обессиленным») снабжен сноской: «Буквально: „A regular rag"». Выраже-

---

[25] C. Bryner. Turgenev and the English-speaking World. В кн.: C. Bryner, St. Clair Sobell, Wainman. Three papers in Slavonic studies. The University of British Columbia, Vancouver, Canada, 1958, стр. 9.

ние «сыромолотная дворянка» (гл. IX) переведено «a noble lady», а в сноске раскрыто: «Literally: „thrashed-while-damp noble woman". Much corn is thrashed in Russia before it has had time to get dry» («Буквально: „дворянка, обмолоченная без просушки". В России много зерна молотят прежде, чем оно успеет высохнуть»).

Желание Рольстона переводить как можно ближе к оригиналу, его стремление к дословной близости наблюдается и в переводе фразеологии: «как с гуся вода» (гл. VII) он переводит «like water off a goose», тогда как в принятом английском сочетании этого значения употребительно существительное «утка», а не «гусь» («like water off a duck's back»). И в следующем примере — «А ты теперь, мой батюшка, на ком угодно зубки точи» (гл. II) — «But now you can whet your teeth on whom you will».

Исходя из того же принципа дословной близости к оригиналу переводит Рольстон образные выражения: «Как только что залитые угольки, глухо тлели его крошечные неподвижные глазки» (гл. V) — «His very small and immobile eyes glowed dully, like coals in which the flame has just been extinguished by water».

Русские имена переданы им с максимальной точностью, даже их различные формы, например Иваныч и Иванович. Имя Ванька он в сноске объясняет как уменьшительное от имени Иван с оттенком презрения и попутно дает ласкательное имя — Ваня; указывает в сносках, на какой слог падает ударение, и т. д. В редких случаях Рольстон изменяет этому принципу: «Палашка» передана как «Palagia», иногда нерусская форма имени у него сочетается с русским отчеством — «Sergius Petrovich».

Очень важна при переводе художественной литературы верная передача образов героев, их мыслей, чувств, идеалов. Это особенно относится к переводу произведений Тургенева, которого характеры героев захватывали прежде всего. В целом Рольстону удалось донести до читателя живые образы романа. Отметить можно лишь единичные неточные штрихи: не всегда удачно переводит Рольстон слово «дело», имеющее в романе большое значение, как антоним безделья, праздности, свойственных обитателям дворянских гнезд. Эта мысль повторяется несколько раз как лейтмотив: «надо непременно вернуться в Россию и приняться за дело» (гл. XV); «...пусть же вытрезвит меня здесь скука, пусть успокоит меня, подготовит к тому, чтобы и я умел не спеша делать дело» (гл. XX); «а вам надобно дело делать, работать» (эпилог). Рольстон перевел его в первом примере многозначным словом «business», передающим не всегда, но очень часто одно из значений слова «дело» — «коммерческое дело», — но не идейный смысл его в данном контексте оригинала; коммерция, бизнес никогда не были идеалом Лаврецкого. Впрочем, во втором и третьем примерах найдено необходимое соответствие: «to work without hurrying»; «but your part is now to act, to work».

Есть еще одна существенная для понимания образов романа ошибка Рольстона: не заметив разницы в значении слов «чуднóе» (comical, funny) и «чýдное» (wonderful, marvellous), он перевел их одним и тем же словом strange в гл. XXVII («что-то веселое и чуднóе в гремящем крике перепе-

лок») и в гл. XXXI («Он почувствовал, что она молилась и за него, — и чу́дное умиление наполнило его душу»). В последнем случае «A strange emotion» не передает ни возвышенного настроения Лаврецкого, ни облика Лизы, вызвавшей это «чу́дное умиление».

Не сохранилась в переводе одна из особенностей стиля Тургенева — плавное течение повествования, длинные, иногда больше страницы, абзацы. В гл. XXXIV один из самых поэтичных абзацев — о музыке Лемма — разделен в переводе на восемь частей. Такое дробление текста значительно портит впечатление от этого музыкального отрывка, переведенного в отношении лексики прекрасно. Примеров дробления абзаца в переводе много, например, описание возвращения Калитиных из деревни Лаврецкого разделено на пять кусков. После чтения перевода более ощутимой становится прелесть больших полотен оригинала. И это тем более досадно, что в остальном стиль Тургенева передан переводчиком мастерски.

Перевод «Дворянского гнезда», в целом исполненный Рольстоном тщательно, с глубоким пониманием духа произведения, несомненно сыграл большую роль в истории ознакомления англичан с Тургеневым.

В Англии интерес к Тургеневу и другим русским писателям впервые возник в связи с Крымской войной, а позже — в связи с наступившим в конце XIX в. разочарованием в художественных приемах и форме английского романа. В поисках новых литературных образцов англичане с увлечением читали французских натуралистов и сопоставляли с ними каждого нового автора. В силу укоренившихся предрассудков представляя себе Россию дикой страной, они, знакомясь с Тургеневым впервые, подходили к нему с большим предубеждением, но узнав его, были крайне удивлены его высокой культурой, эстетическими достоинствами его произведений, глубиной и благородством мыслей, правдивым изображением действительности. Многие писатели не только восхищались им, но испытали его влияние.

Автор книги «Тургенев в Англии и Америке» Р. Гетман [26] особо подчеркивает как один из самых важных аспектов восприятия Тургенева в Англии тенденцию сопоставить его с французскими романистами. Он пишет, что «англичане высоко ценили умеренность Тургенева в характеристике персонажей», что, «хотя он достаточно свободно описывал нравы и обычаи, в его описаниях нет ни грубости, ни сентиментальности, его романы трагичны, но без элемента патологии или болезненной меланхолии». Гетман цитирует одного из критиков, который, восхищаясь «Дворянским гнездом», писал: «Совсем иначе написал бы эту повесть французский автор». Такое противопоставление Тургенева и французов, продолжает Гетман, «было наиболее часто повторяемым суждением критиков в течение десятилетий. Оно освещает историю английской литературы, так как, встретившись с реализмом континента, английские критики и романисты использовали Тургенева сперва как щит, а позднее как образец».

---

[26] R. Gettmann. Turgenev in England and America. Urbana, Illinois, 1941, стр. 27.

В своей статье «Английские критики и русский роман» современный английский литературовед Гарольд Орел [27] пишет, что попытки сравнить русских авторов с английскими оказались безуспешными. Даже те, кто сопоставлял русский реализм с французским натурализмом, обнаружили между ними очень мало общего. Они нашли, что русский роман своеобразнее, выше и выходит за пределы всякого сравнения.

Заканчивая обзор откликов викторианских критиков, Г. Орел пишет: «Двойное открытие, что русская жизнь может быть реальной и близкой и что роман как художественная форма глубоко отражает жизнь, было чрезвычайно важным для этих критиков. По их мнению, как и по мнению викторианцев, отрицавших превосходство русского романа над английским, русская литература сыграла оздоровительную роль: она освежила атмосферу, подвергла старые понятия проверке, изменила некоторые из них» (стр. 469).

Более подробно об увлечении многих английских и американских писателей Тургеневым и его влиянии на них пишет Гилберт Фелпс: «В „Саге о Форсайтах" Голсуорси всеми признано влияние Толстого. Положение Ирэн так близко положению Анны, что влияние Тургенева осталось не замеченным. На самом же деле у нее больше общего с героинями Тургенева, чем Толстого. В ней много грации, мягкости и искренности Лизы из „Дворянского гнезда" или Кати в „Отцах и детях". Она выделяется на фоне Форсайтов так же, как героини Тургенева возвышаются над условностями и укладом жизни, в которой они воспитаны. Подобно им, она — воплощение наиболее глубокого духовного богатства. Эмоциональный тон, вся окружающая ее атмосфера напоминают больше героинь Тургенева, чем Анну Каренину».

Очень тонко ощутил Фелпс влияние Тургенева в интерлюдии «Последнее лето Форсайта» (1918). Настроение этой новеллы напомнило ему финал «Дворянского гнезда», старый Джолион в саду в Робин Хиле, окруженный внуками, напомнил Лаврецкого, сидящего на скамейке в саду Калитиных, тогда как молодежь играет и веселится. «У Лаврецкого, — пишет Фелпс, — сад вызывает боль воспоминаний об утраченной любви: мы чувствуем присутствие Лизы, точно видение. В Робин Хиле все напоминает о любви Босини и Ирэн».

Сравнивая настроение старого Джолиона с настроением Лаврецкого, Фелпс указывает и на различие между ними: «...хотя Джолион исполнен сожаления о крушении надежд на счастье, это не его трагедия, и, следовательно, сожаление не отзывается такой острой болью, как у Лаврецкого. В романах Тургенева, более того, всегда есть второй план — это ощущение больших дел, ожидающих свершения, что придает такую глубину многим произведениям русской литературы, — ведь Лаврецкий не только жертва трагической любви, он представитель целого поколения людей несбывшихся надежд. Но, несмотря на различие, есть у них и подлинное родство. Заключительная сцена интерлюдии напоминает „Дворянское гнездо". Опи-

[27] Harold Orel. English Critics and the Russian Novel: 1850—1917. «The Slavonic and East-European Review», 1955, т. XXXIII, № 81, стр. 451—469 (University of London).

сание смерти старого Джолиона близко грустному тону и настроению воспоминаний Лаврецкого».[28]

В этом анализе Фелпс проявил себя как исследователь, обладающий большим художественным вкусом и зоркой наблюдательностью, сумевший распознать внутреннее сходство, глубоко скрытое под внешним различием.

Вопросы литературных связей привлекают внимание многих ученых. Ценные сведения содержат статьи Ю. Д. Левина («Новейшая зарубежная литература о Тургеневе»),[29] Д. Г. Жантиевой («Эстетические взгляды английских писателей конца XIX—начала XX века и русская классическая литература») [30] и других советских и иностранных авторов.

А. Л. Тове

«ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО»

«SPECTATOR» О ПЕРЕВОДЕ В. РОЛЬСТОНА

Известный английский публицист и журналист Эдвардс Генри Сатерленд, в 1856—1863 гг. трижды посетивший Россию, писал в 1861 г., что И. С. Тургенев — «самый популярный в России из живущих писателей» [1] — в Англии известен еще очень мало. Этот же факт отмечает современный американский литературовед Д. Дональд: «Тургенев был мало известен в Англии вплоть до 1869 г., когда появился первый замечательный перевод его на английский язык. Это был перевод „Дворянского гнезда", выполненный В. Рольстоном и вышедший под заглавием „Лиза"».[2]

Знакомство английского читателя с этим романом Тургенева состоялось еще в 1861 г., когда в журналах «Athenaeum» и «Saturday Review» [3] появились рецензии на французский перевод «Дворянского гнезда», но широкий интерес к роману возник лишь после появления перевода Рольстона.

В. Рольстон (1828—1889) — английский фольклорист, критик и историк литературы, известный своими работами об А. В. Кольцове, А. Н. Островском, И. А. Крылове, Н. И. Тургеневе, — был большим другом И. С. Тургенева, неоднократно встречался с ним в Англии, Франции, Германии, Рос-

---

[28] G. Phelps. The Russian Novel in English Fiction. London, 1956, стр. 124.

[29] «Русская литература», 1958, № 2, стр. 190—204.

[30] В кн.: Из истории литературных связей XIX века. Изд. АН СССР, М., 1962, стр. 167—226.

[1] G. S. Edwards. The Russian at home: unpolitical sketches. London, 1861, стр. 15.

[2] D. Donald. Turgenev in England. В кн.: Studies in Russian and Polish literature. In honor of Wacław Lednicki. 1962, стр. 168.

[3] «Athenaeum», 1861, vol. XXXVIII, № 1781, стр. 803; Saturday Review, 1862, vol. XIII, № 334, стр. 334—336.

сии.[4] Его перевод «Дворянского гнезда» был сделан с разрешения Тургенева и во многих отношениях может считаться образцовым.[5]

Работа Рольстона над переводом романа была закончена в 1869 г. В письме к Я. К. Гроту от 21 мая н. ст. этого года[6] он писал: «Мой перевод „Дворянского гнезда" Тургенева закончен и будет опубликован в следующем месяце в издательстве Чапмена и Холла. Надеюсь, он также[7] будет иметь успех». А в начале следующего года в письме к тому же русскому ученому от 19 февраля н. ст.[8] Рольстон сообщал: «„Басни Крылова" и „Дворянское гнездо" Тургенева критика встретила таким искренним и единодушным одобрением, какое редко выпадает на долю английских книг».

Одна из таких рецензий была помещена в журнале «The Spectator».[9]

Познакомившись с ней, Тургенев писал Рольстону 13 (25) ноября 1869 г.: «Давно уже я должен был вас поблагодарить за присылку № „Spectator" со статьей, меня касающейся, которая так хороша и так мне льстит, что я не мог не покраснеть, читая ее. Я желал бы быть достойным хотя бы четвертой доли похвал, которыми меня награждают!».[10]

В обширной рецензии, опубликованной в «Spectator», неизвестный автор делает тонкие наблюдения над художественной манерой Тургенева, останавливается на характеристике образов, несущих основную смысловую нагрузку, отмечает общечеловеческое значение романа «Дворянское гнездо».

Давая общую оценку роману, автор рецензии пишет: «„Лиза" — роман, написанный русским писателем и переведенный Рольстоном настолько совершенно, что чтение его, в отличие от других переводов, доставляет удовольствие и в стилистическом отношении. Это — история, в которой автор, не поднимаясь до возвышенного тона поэзии, подходит к ее границам так близко, что мы почти не сознаем, чем мы восхищаемся: или ее поэтическим дыханием, или изображением человеческой надежды, веры и судьбы, или чистотой и непосредственностью, или твердыми очертаниями характеров, или новыми сведениями о человеческой жизни, которые книга дает нам. „Лиза" не просто русская история; по своей проблематике и

---

[4] См. о В. Рольстоне: M. P. A l e x e y e v. William Ralston and Russian Writers of the Later Nineteenth Century. «Oxford Slavonic Papers», 1964, vol. XI, стр. 83—93.

[5] О переводе В. Рольстоном «Дворянского гнезда» см.: *Сочинения*, т. VII, стр. 500—502.

[6] Архив АН СССР, ф. 137, оп. 3, ед. хр. 793, лл. 7—8. — Цитируется в русском переводе.

[7] В 1869 г. вышла книга Рольстона «Krilof and his Fables» (London, 1869), имевшая большой успех (см.: *Письма*, т. VII, стр. 543).

[8] Архив АН СССР, ф. 137, оп. 3, ед. хр. 793, л. 10 об. — Цитируется в русском переводе.

[9] «Spectator», 1869, 23 okt. № 2156, стр. 1242. — Фотокопия этой рецензии любезно прислана в ИРЛИ профессором Д. Симмонсом (Оксфорд). Известны и другие рецензии на перевод Рольстона. См.: «Every Saturday», 1869, № 203, стр. 656; «Saturday Review», 1869, vol. XXVIII, № 718, стр. 163—164.

[10] *Письма*, т. VIII, стр. 130, 359.

манере изображения она является русской по самой своей сути и потому знакомит английского читателя с совершенно новым миром. Однако искусство автора так совершенно, он так глубоко проникает в существо русской духовной жизни, которая представляет интерес для каждого, что никто не встретит ни малейшей трудности при чтении романа».

Переходя к анализу отдельных характеров, автор рецензии выделяет Лизу, Марфу Тимофеевну, Лемма и Варвару Павловну как образы, раскрывающие основную проблематику произведения Тургенева. Он пишет:

«Несомненно, Лиза является тем образом, в котором сконцентрирован основной пафос романа. И когда мы обращаемся к некоторым сценам, в которых изображен ее характер, мы удивляемся кажущейся поспешности линий и красок в портрете, который возбуждает чувство нежности в читателе. Пластичная, спокойная, полная доброты и сострадания к людям — такова Лиза... Женщины редко бывают ангелами. Лиза — женщина с порывами ангела, нарисованными кистью истинного художника.

«Вторым по силе и оригинальности характером романа является старый немец-музыкант Лемм, поистине рембрандтовский портрет чопорного и раздражительного старика, охваченного запоздалым огнем поклонения и искренней преданности художника к своей необыкновенной ученице. Сцены, изображающие напряженное состояние Лемма <...>, его волнение, сжатые губы, когда он берет первые аккорды на фортепьяно,[11] неудача, явившаяся следствием сложности и запутанности его мысли, его отчаяние, а затем триумф, когда однажды почью он в едином порыве страсти выражает в музыке свою душу, — являются одними из лучших эпизодов романа».

Подробно останавливается автор рецензии на образе Марфы Тимофеевны: «Искренняя, проницательная, с обостренной реакцией на все окружающее, Марфа Тимофеевна с ее тонким юмором, неприятием искусственности и лжи, с ее неприязнью к религиозной одержимости, с ее глубоко нежной натурой — является характером, несомненно менее интересным, чем Лиза и Лемм, но не менее ярким по силе изображения».

В заключительной части рецензии автор вновь возвращается к общей характеристике таланта Тургенева и дает оценку переводу: «...это одна из тех немногих книг, к которым читатели будут возвращаться время от времени с новым удовольствием, как к книгам, которые учат их жизни больше, чем сама жизнь. О точности перевода с научной точки зрения невозможно судить без знания русского языка, но каждая страница романа сохранила силу и отточенность талантливого оригинала. Например, когда мы читаем, что Гедеоновский смеялся „a thin and cringing laugh“,[12] мы чувствуем, что это лучший и самый верный перевод и что сам Ролстон должен обладать литературным талантом, быть проницательным наблюдателем и тонким художником человеческой души».

---

[11] Автор рецензии допускает ошибку: состояние, описываемое здесь, Лемм переживает в усадьбе Лаврецкого, когда Лиза разбирает сочиненный им романс (см.: *Сочинения*, т. VII, стр. 207; I. Turgenief. Liza. Tr. from the russian by W. R. S. Ralston. Vol. I. London, 1869, стр. 235—236).

[12] «тонким заискивающим смехом» (*англ.*).

Рецензия, опубликованная в «Spectator», — красноречивое доказательство той роли, которую сыграл перевод «Дворянского гнезда», сделанный Рольстоном, в деле ознакомления английского читателя с творчеством Тургенева.

Г. Я. Галаган

«НАКАНУНЕ»

ГЕРОИНЯ РОМАНА В КРУГУ СВОИХ СОВРЕМЕННИЦ (СТАТЬЯ Е. Н. ЩЕПКИНОЙ)

Этюд Е. Н. Щепкиной «Героиня романа „Накануне" в кругу своих современниц» сочетает в себе элементы воспоминаний, публицистического очерка и научной статьи. Написан он был в 1932—1933 гг. для готовившегося тогда, но не изданного тургеневского сборника, и рукопись его сохранилась в Пушкинском доме (*ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 81).

Екатерина Николаевна Щепкина (1854—1938),[1] как известно из записи ее отца, Н. П. Щепкина (дальнего родственника актера М. С. Щепкина) в рукописном альбоме М. И. Семевского, «окончила курс в Саратовской женской гимназии, потом поступила на высшие женские курсы профессора Герье в Москве, по окончании курса была на высших женских курсах Бестужева-Рюмина в С.-Петербурге, где по окончании курса читала лекции по русской истории, по преобразовании курсов оставила чтение лекций».[2] В автобиографии Щепкиной, написанной для словаря С. А. Венгерова, рассказывается, что она росла в демократически настроенной культурной среде. «Первые впечатления, — пишет Щепкина, — упорный труд отца 1859—1861 гг. в канцелярии редакционных комиссий по освобождению крестьян; в доме напряженная жизнь газетной редакции. Приезды актера Щепкина и Т. Шевченки, бывших крепостных, еще поднимали настроения».[3] Окончив высшие женские курсы Герье, Щепкина с 1875 г. преподавала историю, географию и русский язык в Саратовской женской гимназии, а затем в Московском мещанском женском училище. В начале 80-х годов, чтобы специализироваться по русской истории, она поступила в Петербурге на 3-й курс Бестужевских высших женских курсов. Завершила свое историческое образование Е. Н. Щепкина в 1884—1885 гг. в Париже, в Сорбонне. В это время начинает определяться круг ее общественно-научных интересов — русская история в живых рассказах современников, свидетельствах очевидцев, а также «исторические судьбы женской личности» в России и на Западе. Прослушав курс лекций профессора Бертена — обзор мемуаров и переписки во Франции в XVIII в., — Щепкина

---

[1] См. некролог: «Красная газета», 1938, 9 января, № 7 (5977).

[2] М. И. Семевский. Знакомые. Книга автографов, т. V (*ИРЛИ*, ф. 274, оп. 1, № 399, л. 69 об.).

[3] *ИРЛИ*, 1-е собрание С. А. Венгерова, № 2965.

решает составить на материале русской исторической мемуарной литературы XVIII в. аналогичный курс «ряда по возможности живых, общепонятных очерков русской жизни...».[4] В 1889—1904 гг. Щепкина проводила беседы и занятия по истории с рабочими в воскресных школах Технического общества, в 1905 г. вступила в организацию по распространению идеи равноправия женщин и участвовала в журнале «Союз женщин»; позднее занималась в основном научно-беллетристической деятельностью. Главные ее работы: «Старинные помещики на службе и дома (1578—1762)» (1890); предисловие к «Дневнику поручика Васильева» (в кн.: Памятники древней письменности, 1896, вып. CXIX); биография А. Т. Болотова (в кн.: Критико-биографический словарь. Под ред. С. Венгерова, т. 5); «Краткий очерк русской истории» (1903—1909; 4 издания); «Чтения из истории России в XVIII в.» (вып. 1, 1905); «Женское движение 1905 г. в отзывах общественных деятелей» (1906; брошюра); «Женские типы Пушкина» («Вестник Европы», 1911, № 6); «Женская личность в старой русской журналистике» («Журнал министерства народного просвещения», 1912, № 7); «Женщины в русских университетах» («Вестник Европы», 1912, № 9) и др. Полный список работ Щепкиной до 1913 г. включительно приложен к ее автобиографии (см. выше).

Статья Е. Н. Щепкиной о героине тургеневского романа «Накануне» интересна как отклик историка, представительницы более позднего поколения передовых русских женщин, сформировавшегося в 70—80-е годы. Кроме того, до сих пор не утратила своего значения фактическая сторона статьи. Широкое знакомство Щепкиной как с русской, так и с европейской мемуарной исторической литературой позволило ей обогатить представление о творческой истории романа «Накануне» свидетельствами о влиянии на Тургенева впечатлений, связанных с революционно-освободительным движением в 1848—1849 гг. и гарибальдийскими событиями 1859 г. на Западе. Однако Е. Н. Щепкина неправа, утверждая главенствующую роль иностранных источников и наблюдений в период пребывания писателя во Франции и Италии для создания образа Елены. Несомненно, в образе своей героини Тургенев отразил прежде всего искания русской передовой молодежи кануна революционной ситуации в России. Об этом убедительно говорят как факты, приводимые в начале статьи самой Щепкиной, так и отзывы о Елене современников и современниц.[5]

Статья не была окончательно отредактирована Е. Н. Щепкиной. При подготовке ее к печати нами устранены некоторые неточности, приведен в порядок библиографический аппарат статьи, исправлен ряд стилистических погрешностей, но особенности стилистической манеры автора сохранены.

И. А. Битюгова

---

[4] См. ее письмо к К. Н. Бестужеву-Рюмину от 25 декабря ст. ст. 1884 г. (*ИРЛИ*, 25136.CLXXXIб.13).

[5] Подробнее об этом см. в комментариях к роману: *Сочинения*, т. VIII, 516—523, 530—533.

ГЕРОИНЯ РОМАНА «НАКАНУНЕ» В КРУГУ СВОИХ СОВРЕМЕННИЦ

Читаешь произведения и биографии писателей, пристально вглядываешься в их образы — и нередко дивишься, какие изумительно сложные натуры живут среди них. К таковым на редкость сложным натурам принадлежал автор романа «Накануне». В его душевном мире жило нечто очень тяжелое, мрачное, ипохондрическое, то всплывая на верх сознания, то на время скрываясь в душевных глубинах, но никогда не исчезая вполне, не оставляя его душу свободной и нередко прорываясь среди ярких, полных жизни страниц художественного произведения. Душевно связанный, находящийся в плену условностей и традиций, Тургенев живым, проницательным умом, широким размахом мысли охватывал во всей ее сложности действительную жизнь, а огромный художественный талант заставлял его отважно, правдиво увековечивать наблюдения на страницах своих романов. Его душа, подавляемая наслоениями условностей, робела перед работой его мысли и таланта; он все-таки возвращался к обработке смелых тем и боевых явлений жизни; как бы жертвуя собой, своим самолюбием, он шел на тяжкие удары критики, неизбежные благодаря хотя бы тому, что эти темы слишком трудно развить до конца: не мог он отвезти Инсарова с Еленой в Болгарию, сделав их реальными деятелями, да и заранее оговорился заголовком романа. Создав тип «отрицателя», «нигилиста» начала 60-х годов с прозванием, получившим мировую известность, он не мог сделать из своего героя даже земского врача-радикала за отсутствием в ту пору земства — и обратил его в трагическую жертву своей профессии. Еще тяжелее участь «Нови», растерзанной критикой, объявившей автора чуждым русской жизни, тому поколению, о котором он осмелился писать. А между тем, принадлежа к первому поколению читателей романа, молодой курсисткой, я дивилась, как мог Тургенев за границей так хорошо подслушать мои беседы и споры с моим другом детства и юности, Валерианом Балмашевым (отец Степана, убийцы министра Сипягина), до такой степени сомнения, неуверенность в себе Нежданова, шаткость на том пути, на который он вступил, были словно списаны с моего друга народника; то же отчаяние, душевная приниженность до отвращения к себе, вызываемая опьянениями от неизбежных посещений кабаков ради сближения с народной аудиторией. Но Балмашев своевременно подвергся аресту, просидел месяцев 10 в остроге и вышел из этой тяжкой школы на волю убежденным революционером, как многие его сверстники и современники. То же самое должен был испытать и Нежданов, но мог ли Тургенев в условиях цензуры описать деяния полиции и переживания политиков в тюрьмах? Роман печатался бы в Женеве или Лондоне, а Тургенев рисковал не увидеть своего Спасского. В последнем полном издании произведений и документов Веры Фигнер, в письмах 5-го тома, читаем свидетельства, что типы «Нови» — живые люди своего времени. Марианна, например, очень напоминала Лидию Фигнер, а грубая, резкая Машурина — вылитая Вера Любатович по прозванию «волчонок».[1]

[1] *Фигнер*, т. V, стр. 62.

Ныне все три романа («Накануне», «Отцы и дети», «Новь») сделались уже историческими. На первом из них, «Накануне», отразились политические события и настроения тех годов, когда он задумывался и писался. Об этих настроениях и будет речь.

Образ Елены начал складываться в воображении Тургенева довольно рано, по-видимому, ранее героинь «Рудина» и «Дворянского гнезда». Он сам говорит, что набросок романа о московской барышне и болгарине, полученный им от соседа Каратеева в 1855 г., дал ему только тот образ героя, который он искал и «которому Елена, при ее еще смутном, хотя сильном стремлении к свободе, могла предаться».[2]

Что и как подсказало сознанию художника основные черты нового женского типа? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к тем впечатлениям, которые он получил в десятилетие, предшествовавшее окончанию «Накануне», главным образом за границей. Ряд новых явлений мог заметить он и в русской среде. В бурную пору 1848—1849 гг. за границей Тургенев пристально наблюдал двух оригинальных русских женщин, двух Наталий, жену Герцена и юную Тучкову, вскоре жену Огарева, наблюдал так настойчиво, что даже вызвал возмущение Натали Герцен и она невзлюбила его общество. Тучкова переживала тогда в обществе Герценов свою духовную эмансипацию; в своих воспоминаниях она говорит, что они с сестрой резко и грубовато освобождались тогда от надоевших уз старых традиций, что, вероятно, особенно привлекало внимание Тургенева.[3] Обе эти оригинальные, по-своему выдающиеся женщины стали спутницами революционно мыслящих замечательных людей своего времени.

В России как раз в ту пору, когда должен был развертываться роман Елены Стаховой, в 1853—1854 гг., формировались отряды первых сестер милосердия, деятельность которых возглавлялась Пироговым. Отправка женщин-сестер в сферу военных действий была тогда явлением необычайным, изумительным. По дороге в Крым на встречу первых сестер крестьяне выходили толпами из деревень; жители городов также устраивали им торжественные приемы, званые вечера с угощениями. Самоотверженная работа сестер произвела сильнейшее впечатление на всех, кто ее видел; восторженные отзывы о ней распространялись повсюду, и в годы после Крымской войны сестер всюду встречали с почтением; на улице перед ними расступались с почтительным шопотом: «Севастопольские, севастопольские сестры!». Пишущая эти строки, девочкой, спрашивала, кто эти странные дамы без кринолинов, с повязанными головами и с чем-то блестящим на груди (кресты и ордена), и получила в ответ: «Смотри и запомни: вот женщины, которые ничего не боятся!». Многие из сестер вышли из светских кругов. Хорошо знакомый с семьей Баку-

---

[2] См. предисловие Тургенева к собранию своих романов в издании 1880 г.

[3] Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. М., 1959, стр. 228, 279—282.

нипых, Тургенев не мог не знать самую выдающуюся из сестер по энергии и смелой инициативе, Е. М. Бакунину, ближайшую сотрудницу Пирогова в его операционной, его помощницу в борьбе с военными командирами, из-за равнодушия и невнимательности которых страдали раненые солдаты. Позднее звание управляющей общиной сестер и неловкое положение кузины знаменитого революционера, которому она помогла в тюрьме и ссылке, сделало ее пребывание в свете довольно тягостным, и она окончательно порвала с ним. Уйдя на волю, она открывала больнички по деревням Тверской губернии, передавала их земству и сама работала в них до последнего дня жизни.

О другой сестре, Назимовой, с большой симпатией вспоминала писательница М. К. Цебрикова. Кто видел эту сестру за работой на перевязочных пунктах, тот не мог ее забыть. С 20 лет, покинув родных, она жила самостоятельно. Очень привлекательная, она умела веселиться, умела вести разговор, уличая собеседников, побуждая их менять мнения; задорно распевала: «Дайте воли, воли, воли! И не нужно счастья мне!». Едва ли не первая из «дам» вызвалась идти на войну. После войны тоже жила одна, не найдя человека, «которому стоило бы поклониться»; нравственной силой своей личности и правдивостью натуры влияла на окружающих. То был сильный, оригинальный женский характер, который «мог вырасти только на русской почве той темной поры»,[4] — заканчивает Цебрикова. Но наблюдения над подобными новыми в России женскими характерами могли только помочь Тургеневу воспроизвести русский национальный облик героини «Накануне», образ которой он создавал главным образом на основе впечатлений, полученных на Западе. В 1848—1849 гг. на его глазах испытывали глубокие потрясения почти все страны Западной Европы; он много слышал и читал о подвигах революционеров, боровшихся за освобождение своей родины от гнета завоевателей и произвола деспотов, за установление более демократического строя жизни. Он должен был слышать о подвигах Гарибальди и его смелой подруги, бразильянки Аниты Рибейры, которая сражалась рядом с ним за свободу Италии и рано погибла.

Приговоренный к смертной казни за участие в восстаниях итальянцев против Австрии, Гарибальди в конце 30-х годов уплыл с товарищами на нескольких судах в Южную Америку для защиты маленьких республик Монтевидео и Рио-Гранде против империалистической Бразилии. Кровопролитная борьба затянулась надолго. Близкие друзья Гарибальди погибали один за другим; он почувствовал себя одиноким и впервые подумал о близком друге — жене, «ангеле-утешителе... путеводной звезде в бурное время», — как пишет он в своих воспоминаниях.[5] Он присматри-

---

[4] М. Цебрикова. Пятидесятые годы. «Вестник всемирной истории», 1901, № 11, стр. 66—70.

[5] Здесь и ниже Е. Н. Щепкина цитирует в собственном переводе одно из французских изданий воспоминаний Гарибальди, переведенных с итальянского на французский язык А. Дюма: «Mémoires de Garibaldi. Traduits sur le manuscrit original, par Alexandre Dumas» (2 vol. Paris, 1860) или

вался к молодым девушкам прибрежных селений и одну из них нашел особенно привлекательной. И вот он сошел на берег, «взволнованный одним из тех намерений, которые рано или поздно непременно приводятся в исполнение». Он увидел молодую особу в ее доме; там же находился мужчина, который пригласил его войти. Гарибальди вошел и обратился прямо к девушке со словами: «Дева, ты будешь моей женой!». «Этими словами я скрепил союз, который одна смерть могла расторгнуть; итак, наконец, я нашел себе сокровище». Портрет Аниты в справочном иллюстрированном издании по истории освободительной борьбы в Италии рисует очень миловидное, женственное лицо с огромными темными глазами; когда эти глаза разгорались страстью, энтузиазмом, все лицо должно было засветиться особой одухотворенной красотой.[6] Анита, хотя и бразильянка родом, покинула родной дом, отца и ушла с Гарибальди на его корабль, боровшийся за республику. Вскоре ей пришлось принять участие в битве. Гарибальди уговорил подругу сойти в каюту; она спустилась только для того, чтобы пристыдить спрятавшихся там трусов, привела их с собой наверх и приняла участие в перестрелке, стоя рядом со своим другом. Присмотревшись, как обращаются со старинными маленькими пушками, в следующее столкновение Анита бросилась к пушке первая и стреляла по неприятелю. Сошлись два пламенные энтузиаста — борцы за независимость и свободу, без оглядки жертвовавшие собой. Поддерживая друг друга, они вдохновляли своим примером других; смелые люди шли за ними, постоянно пополняя ряды борцов. В борьбе на материке Анита на коне водила отряды разведчиков, указывая пути по глухим пампасам; не раз первая встречала врагов и вступала в бой. Выпадали и тяжкие дни, когда приходилось отступать, скрываться; но любящая чета героев не теряла мужества и снова собирала участников движения. Анита попала в плен. Она видела безвыходное положение Гарибальди в битве и опасалась, ни убит ли он. Она добилась разрешения осмотреть поле боя, долго, упорно перебирала тела, ища Гарибальди; не найдя его, несколько утешилась, решив, что он мог спастись, и вскоре сама ловко бежала из плена и нашла друга. Она была тогда беременна. Под нею убили лошадь. Едва ее перенесли в убежище к друзьям, как у нее родился первый сын, Менотти, со шрамом на лбу — след падения матери. Все свое младенчество этот мальчик провел в опасных скитаниях в седле вместе с матерью. В 1842 г. Гарибальди узаконил свою связь. Он продал часы для оплаты церемонии в церкви, так как не имел никаких денежных средств. Потом родилось еще двое детей.

В 1848 г. вспыхнула революция в Италии. Гарибальди отправил Аниту с детьми вперед на свою родину, в Ниццу, сам последовал за нею со своими друзьями. Первые месяцы Анита провела близ больной матери героя. Но вот в Италию явились французы усмирять Рим, в котором была провозглашена республика; главной опорой и защитником ее был

«Mémoires de Garibaldi par Alexandre Dumas, précédés d'un discours sur Garibaldi par Victor Hugo et d'une introduction par George Sand» (3 vol. Bruxelles, s. a.).

[6] См.: Dizionario del Risorgimento Nazionale, vol. 3. Milano, 1933.

Гарибальди. Анита не выдержала и, невзирая на опасности, поехала в Рим. И вновь с удвоенной энергией она боролась вместе с мужем за свободу его родины. Верхом на небольшом коньке, в сопровождении друзей Гарибальди — Уго Басси и Чичероваккио, она командовала маленькими авангардами, вдохновляя борцов. Рядом с Гарибальди в мужском платье сражалась она у стен Рима. Ее пример увлекал других итальянок. Молоденькая Антониетта Коломба, жена графа Порци да Имола, бывшего офицера папской гвардии, одевалась в мужское платье и с оружием принимала участие в защите римской республики. 13 июня 1849 г. под стенами вечного города разразилась опасная бомбардировка. Антониетта была в первых рядах патриотов, звала вперед, возбуждая отвагу, и с возгласом «Viva l'Italia!» упала мертвой. Ее торжественно похоронили.[7] В Неаполе в эту же пору политическая писательница, княгиня Христина Бельджиойозо часто выступала во главе восставших со знаменем и саблей в руках.[8]

Присоединялись к движению Гарибальди и иностранки. Известна Джесси Уайт, англичанка, дочь моряка, очень образованная, — она страстно увлекалась борьбой Италии за свободу. В 1854 г. она познакомилась с Гарибальди и, охваченная жаждой самопожертвования, обещала ему: «Буду вашей лекаркой в предстоящей борьбе». Она вышла замуж за итальянского патриота Марио, очень серьезно училась медицине, писала политические статьи в журналах и газетах. В 1859 г. она явилась служить Гарибальди, а в следующем, 1860 г., со знаменитой «тысячей» она отправилась на борьбу в Сицилию, где самоотверженно отдалась уходу за больными и ранеными.[9] В 1884 г. она выпустила книгу о Гарибальди, которую итальянцы считали его лучшей биографией.[10] В 1886 г. вышла ее биография Мадзини.[11]

Лето 1849 г. — самая тяжкая пора бурной жизни Гарибальди. В начале июля со своей измученной маленькой армией (около тысячи человек) ему пришлось отступить от Рима через Аппенины. Отдельными отрядами направлялись на север к Венеции, чтобы защищать эту республику от Австрии; враги преследовали их, старались окружить. От постоянных военных столкновений и голода люди рассеивались, отряды таяли. Дорогой измученная Анита стала слабеть, хворать, но держалась мужественно и не отходила от своего друга. До Венеции они не добрались. Гарибальди пытался спасти остаток людей на судах, но и на Адриатике было опасно. Приходилось высаживаться на берег и осторожно скрываться по нескольку человек в дружественных селениях, чтобы не подвергать опасностям жителей. Встретив близ Равенны врача, Гарибальди умолял его спасти

---

[7] Antonietti Colomba (1829—1849); см.: Dizionario del Risorgimento Nazionale, vol. 2. Milano, 1930, стр. 88—89.

[8] Barbiano di Belgiojoso Trivulzio, Cristina (1808—1871); см.: R. Barbiera. La principessa Belgiojoso. Milano, 1902.

[9] Mario White Jessie (1832—1906); см.: Dizionario del Risorgimento Nazionale, vol. 3. Milano, 1933, стр. 500—501.

[10] J. Mario. Garibaldi e i suoi tempi. Milano, 1884.

[11] J. Mario. Vita di Giuseppe Mazzini. Milano, 1886.

Аниту; но медицина была бессильна — героиня умирала от истощения. Вдвоем с другом Гарибальди отнес ее в ближайшее селение; едва нашли хижину, где могли удобно уложить ее. Вскоре она скончалась. Гарибальди с отчаянием расцеловал мертвую на прощанье и ушел к ожидавшим его товарищам. «Наше время не нам принадлежит. ‹...› А всем, кому в нас нужда» (гл. XIV), — внушал Инсаров Елене. Местные жители зарыли тело Аниты. Только через 10 лет прах ее был перевезен в Ниццу и погребен на родном кладбище семьи Гарибальди.

В Равенне на «пьяцца Анита Гарибальди» ей поставлен мраморный памятник, — среди группы деревьев на буйно скачущем коньке несется красивая амазонка с длинными косами. В памятнике много движения, порывистой страстности, словно по заказу Шубина: «Да, молодое, славное, смелое дело. Смерть, жизнь, борьба, падение, торжество, любовь, свобода, родина... ‹...› натянуты струны, звени на весь мир или порвись!» (гл. XXX). Ныне Аните поставлен величественный памятник в самом Риме с барельефами в рост, изображающими ее подвиги.

Находясь во второй половине 50-х годов во Франции и Италии, Тургенев не мог не читать полных пафоса статей историка Мишле с резкими выпадами против русского самодержавия, его реакционной политики и слабости народа. В защиту русского народа горячо выступил Герцен. Эта полемика, конечно, еще более привлекла внимание Тургенева к вышедшему в 1854 г. сборнику статей Мишле «Народные легенды Севера», в котором напечатаны статьи о Костюшко, положении Польши, Кате-крепостной, русских самодержцах и др. В последний раздел этого сборника, посвященный Дунайским княжествам, был включен очерк о подвигах мадам Розетти, француженки, которая полюбила румына, революционера и поэта Константина Розетти (1816—1885), и отправилась с ним на его родину, где в это время развернулась освободительная борьба против внутреннего и внешнего деспотизма. Дочь шотландского капитана и француженки-бретонки (Мишле не приводит ее девичьего имени и фамилии), она родилась на острове Гернсее, воспитывалась и жила в Провансе. Маленькая брюнетка с пышными темными волосами и блестящими глазами, — как рассказывает о ней историк, — она была не только привлекательна, но отличалась твердостью, смелостью и находчивостью. В 1847 г. девушка увлеклась румынским поэтом-революционером Розетти и уехала с ним на его родину. Наступил бурный 1848 год. 18 июня она рожает первого ребенка. Муж с часами в руках ждет развязки — в 6 ч. вечера в Бухаресте назначено первое выступление революционеров. Рождается девочка. — «Целуй и уходи», — первые слова матери. Она остается одна среди чужих людей; среди них есть шпионы. Положение революционеров очень опасно. Румыния окружена врагами, — представители Российской империи, турки, австрийцы, — грозит реакция офицерства. Но были и счастливые дни: из деревень приходили толпы торжествующих крестьян-повстанцев. Розетти с ребенком на руках выходила к ним с другими единомышленницами, раздавала им хлеб, съестное, поддерживала их дух. А затем турки взяли Бухарест, и революционеры оказались в плену; их повезли на Дунай, на суда. Розетти спешно всё продала. В одном плаще, с ребенком на руках

она следовала за пленными. С ней вышел Братиано-старший, опасный спутник — его искали, и он вскоре покинул ее. Дорогой крестьянки подкармливали ее ребенка. На Дунае она застала турецкое судно; на нем 15 пленных, в числе которых ее муж, младший Братиано и др. Три недели тащили их вверх по реке. Розетти то шла пешком вдоль берега, то ехала в крестьянских телегах; обменивалась знаками с пленными, посылала им провизию, иногда виделась с ними. Турки добродушно передавали пересылаемое, снабжали кой-чем и ее, даже нянчили ее ребенка. Позже ее спрашивали, каким образом, на каком языке объяснялась она с турками. «Не знаю, — отвечала она, — но мы понимали друг друга». У Железных Ворот ожидали, что пленных высадят на берег, но караульный шепнул Розетти: «Босния». Значит, исполняется требование России — услать революционеров дальше от Венгрии. Их повезли на австрийском судне вдоль валашских селений. Розетти по-прежнему ехала в крестьянских тележках. Смелая, настойчивая, она подошла к австрийскому офицеру, показала ему ребенка, жалуясь, что отец давно его не видал. «Madam, идите к ним, только чтобы я не видел вас», — был ответ. Ей удалось даже позавтракать с пленными. Вдруг приказ: везти пленных обратно в турецкую крепость. На берегу появились взволнованные валашские крестьяне. Австрийский офицер посчитал своих людей, их мало; он куда-то ушел за приказаниями. Тогда пленные, забрав все, что могли, бросились бежать берегом между валашскими селениями рядом с тележкой Розетти. Кучка турок, их бывших сторожей, побежала за ними. Дорогой Розетти раздавала бежавшим вино, закуску. В первом австрийском городке приготовила ужин, а ночью очень хитро провела местного мэра с его свитой. Тот грозно набросился на турок, как они посмели без паспортов ступить на землю императора. Те скрылись. Для пленных последовало опасное шествие между селений сербов, валахов, венгров; кругом неукротимая расовая ненависть, междуусобия. Но храбрая женщина все-таки ухитрилась в одном городке так обойти сербского командира, что он подписал какие-то паспорта всем беглецам. С этими бумагами они явились в Вену и отправились дальше более спокойным путем к французской границе: там спасение. Маленькая брюнетка своей неустрашимостью и находчивостью спасла революционеров, будущих политических деятелей родной страны.[12]

Рассказы о таких ярких женских личностях бурной поры, их своеобразная жизнь и судьба доставили русскому художнику богатый запас впечатлений. Из них начал рано формироваться в своих первоначальных чертах образ будущей русской героини с ее сильным тяготением к свободе, с ее новыми, оригинальными запросами.

После военных неудач 1849 г. Гарибальди, уже одинокому, пришлось опять покинуть родину. Среди своих странствий, около 1853 г., он набросал первые главы своих воспоминаний. Друг его, знаменитый А. Дюма-отец, перевел записки на французский язык [13] и завладел правом их издания на всех языках, очень бесцеремонно редактируя их. Не удалось

[12] См.: J. Michelet. Légendes démocratiques du Nord. Paris, 1854, стр. 279—327 («Madame Rosetti»).

[13] См. примеч. 5.

узнать, когда впервые что-либо из них напечатано;[14] несомненно одно, что в 1859 г., когда писалось «Накануне», Тургенев должен был знать их, так как в 1860 г. записки вышли в русском переводе в России.[15] Некоторые штрихи в характере и переживаниях Елены напоминают черты внутреннего мира великого героя, каким он рисуется из воспоминаний. «Я имел доброе сердце, — пишет Гарибальди, рассказывая о своем детстве, — и всегда с особенным удовольствием удовлетворял его порывам. Я постоянно испытывал большую жалость ко всему тому, что видел малым, слабым, страждущим. Эта жалость моя простиралась даже и на животных или, лучше сказать, начиналась с них». Раз, найдя сверчка, он с детской неловкостью оторвал ему лапку. «Мне так стало жалко сверчка, что я несколько часов просидел в комнате и горько плакал». Другой раз, всего восьми лет от роду, Джузеппе увидел, как прачка упала с мостков в воду в довольно глубоком месте. Недолго думая, мальчик бросился в воду и кое-как помог ей выбраться на берег. Особая чувствительность, чуткость будущего борца-революционера очень напоминает сердобольную отзывчивость свободолюбивой Елены Стаховой, опекунши заброшенных щенят, котят, раненых птиц. В этой черте сказывается естественное в сильных, действенных натурах признание прав на жизнь и ее блага всего дышащего, живущего, до самых мелких существ включительно. Заметна аналогия и цельности и решительности характера, проявляющихся в сфере личных чувств. В своих мемуарах Гарибальди коротко рассказывает, как, взволнованный «одним из тех намерений, которые непременно приводятся в исполнение», он вошел в дом поразившей его женщины и объявил ее своей подругой. В «Накануне» Елена свободно и смело избирает Инсарова в спутники и руководители своей жизни. И опять здесь сказывается та же черта действенных натур: смелость, искренность, прямота.

Тотчас вслед за рассказом о том, как он «обрел свое сокровище, друга Аниту», Гарибальди переходит к своим мучительным душевным переживаниям перед умирающей. «Если в этом ‹т. е. в соединении его жизни с жизнью Аниты› был какой-нибудь проступок, то весь этот проступок падал на одного меня. Я был виноват, если два сердца, соединившись между собой, терзали душу невинного... но она умерла и он отомщен. Где узнал я значительность моего преступления? Там, у устья Эридана ‹древнее название реки По›, в тот час, когда, надеясь похитить ее из пасти смерти, я судорожно сжимал ее пульс, чтобы считать последние его биения, когда я дышал ее частым дыханием». В примечании к своему переводу, А. Дюма сообщает, что нашел эту главу слишком нежной, и высказал свое мнение Гарибальди. Тот со вздохом ответил: «Надобно, чтобы это так и осталось». Печальны и заключительные страницы «Накануне». В них

---

[14] Как на одно из ранних можно указать на американское издание мемуаров Гарибальди: «The life of Gen. Garibaldi. Written, by himself. With sketches of his companions in arms. Tr. by his friend and admirer Theodore Dwight... New Jork, 1859.

[15] Записки Иосифа Гарибальди, чч. 1—3. СПб., 1860—1861 (в переводе Н. Р. Щиглева).

отражается внезапно охватившее автора мрачное настроение. У постели умирающего Инсарова Елену тоже томят мысли, что ее ждет наказание за испытанное ею счастье, «целые недели» (!) счастья, на которое она не имела права. А Тургенев неожиданно заявляет, «что счастье каждого человека основано на несчастии другого, что даже его выгода и удобство требуют, как статуя — пьедестала, невыгоды и неудобства других» (гл. XXXIII). Выпад странный, звучащий неожиданно мрачно даже на фоне окрашенного грустью окончания романа. Он противоречит общему настроению романа, возбуждающе действовавшему на молодежь, не отвечает и общему душевному настроению Тургенева в пору его работы над «Накануне». В 1859 г. по всему миру разносились отзвуки борьбы итальянского народа за свободу. Лето этого года Тургенев провел во Франции, частью в Виши, а затем в имении Виардо, и постоянно, как все читающие в это время газеты, следил за увлекательными корреспонденциями из Италии. Жадно следили за ними и у нас в России. «Современник» находил официальные сообщения сухими, неполными, не внушающими доверия; журнал усердно выискивал письма частных лиц, свидетелей.

Интересны письма от группы французов, живших около города Комо. В них давался восторженный отзыв о Гарибальди и его воинах. Из толпы волонтеров он умел выбирать самых сильных, надежных. У него, рассказывалось в письмах, было 5 тысяч людей, но без пушек. Сардиния не смела снабжать его оружием, боясь своего союзника Наполеона III. На австрийских солдат имя Гарибальди уже наводило ужас: уверяли, что его не берет никакое оружие, что пули сплющиваются, ударяясь об его лицо; он побеждал врагов тем, что имел. 26 мая н. ст. 1859 г. он разбил австрийцев при Варезе под самым Комо. Враги бежали, очистив город. И немой город ожил словно в судорожном пароксизме. Большой соборный колокол ударил в набат; за ним забили одна за другой все колокольни. Глухие, медленные удары звучали страшным призывом: «Вооружайтесь, вооружайтесь!». Будто по волшебству, из земли возникали люди и растекались по улицам; выбиралось оружие из потайных ящиков; и через какой-нибудь час тысяч десять поселян бросились навстречу Гарибальди. Он проскакал через город галопом. «Я не мог увидеть его в этот раз, — писал француз, — но я с удивлением смотрел на людей, следовавших за ним, на этих черных демонов, с тяжелыми карабинами, прыгающими у них за плечами. Они бежали с быстротою, которой нельзя было бы ожидать от людей, столь утомленных после шестичасового сражения».[16] Бой возобновился у одной из станций Миланской железной дороги. Выстрелов почти не было слышно, и работа закончилась быстро: австрийцы бежали. В 6 часов вечера Гарибальди торжественно вступил обратно в город с тысячами своих героев. «Какое зрелище! Отбитые у неприятеля пушки были убраны цветами. Раненых (...) разобрали по домам и стали ухаживать за ними, как за родными детьми».[17]

Но после побед при Маджженте и Сольферино Наполеон III нашел выгодным заключить мир с Австрией, изменив обещаниям, данным прави-

[16] «Современник», 1859, т. LXXV, № 6, отдел «Политика», стр. 433.
[17] Там же.

тельству Сардинии. Негодование разожгло волнение итальянцев. Начались сношения и переговоры между городами. Сложился военный союз городов под главенством Гарибальди. Из Модены бежал герцог, что вызвало общий восторг. Все жители города — мужчины, женщины, дети — решили, что пойдут на смерть, только бы не допустить возвращения герцога. («Заметьте: последний мужик, последний нищий в Болгарии и я — мы желаем одного и того же. У всех нас одна цель. Поймите, какую это дает уверенность и крепость!» — говорит Инсаров Елене, гл. XIV). Измена правительства Наполеона освобождающейся Италии вызвала недовольство и ропот в самой Франции, не только в так называемом обществе, но среди солдат и рабочих; последние пытались устраивать манифестации.

Под такими впечатлениями работал Тургенев над своим романом во Франции, работал усердно, с увлечением. «Я беспрестанно вожусь с моими лицами — даже во сне их вижу»,[18] — писал он графине Ламберт. И ей же каялся: «...если бы я был помоложе, я бы бросил всякую работу и поехал бы в Италию — подышать этим, теперь вдвойне благодатным воздухом. — Стало быть, есть еще на земле энтузиазм? Люди умеют жертвовать собой, могут радоваться, безумствовать, надеяться? Хоть посмотрел бы на это — как это делается?».[19] Одно письмо Фету от 30 августа он докончил только 4 сентября, не будучи в состоянии писать под впечатлением известия о печальном исходе одного из предприятий Гарибальди; хотя он и считает, что роль честных людей на этом свете состоит почти исключительно в том, чтобы погибнуть с достоинством, ему все-таки тяжело. Из этих впечатлений вспыхнула вдохновляющая тирада Шубина: «Да, молодое, славное, смелое дело».

Тогда же оформилась мысль о необходимости сознательно героических натур, и Тургенев попытался нарисовать такой образ в лице Инсарова, к которому строго отнеслась даже передовая русская критика. Образ находили недостаточно психологически развитым, не вполне жизненным. Однако герои, выдвигаемые историей и с полной самоотверженностью выполняющие задачи своего времени, не всегда представляют сложные натуры. Они сильны энтузиазмом, верой в свое дело — и этой силой привлекают, вдохновляют людей и побеждают врагов. Сам Гарибальди не имел особых полководческих талантов, нередко терпел поражения, бывал наивен в политике; но и разбитый он побеждал как выражение воли народа и вырос в легендарного героя. Он — живое знамя, верховный выразитель вожделений освобождающегося народа. Такими были и многие борцы за свободу народов в других странах, такое «живое знамя» готовилось и в Инсарове.

И в словах Инсарова звучит то же, что звучало в речах деятелей освободительного движения Италии, Греции, Румынии, Венгрии. Увлечение московской барышни, тоскующей от бессодержательности жизни, политическими судьбами Болгарии некоторые критики тоже считали неестественным. А между тем патриот-болгарин, воспитывавшийся в России, увлек

---

[18] *Письма*, т. III, стр. 322.
[19] Там же, стр. 306.

русскую девушку пылкими речами точно так же, как француженку увлек патриот-румын. Правда, Тургенев несколько «опростил» своего Инсарова сравнительно с указанными героями Запада. Он прост, но полон энтузиазма: весь для народного дела; он деловит, вдумчив. Он герой русской девушки, жаждущей поглощающего дела. Подружку умненькой смелой нищенки он покорил тем, что умеет хотеть того же, чего хочет последний мужик, последний нищий в Болгарии. В его душе все ясно, он весь отдался своему делу, своей мечте. «Кто отдался весь... весь... весь... тому горя мало, тот уж ни за что не отвечает. Не я хочу: *то* хочет», — записывает Елена в свой дневник (гл. XVI), инстинктом чувствуя огромность этого *то*, могучей воли освобождающихся людских масс, созидающей своих героев и вождей. Оба они с Инсаровым не любят стихов, оба не знают толка в искусстве. И все-таки к личности борца за народ, за свободу совсем не подходящи внушенные Шубину слова: «сушь, поэзии нема!». В этом странном выпаде Тургенева, увлекавшегося деяниями героев-освободителей, чувствуется как бы обличение талантливой, развитой русской интеллигенции в узости ее политического горизонта. Этот ранний выпад очень любопытен в историческом романе. Сама героиня пишет в своем дневнике: «Андрей Петрович (Берсенев), может быть, ученее его, может быть, даже умнее... Но я не знаю, он перед ним такой маленький. Когда *тот* говорит о своей родине, он растет, растет, и лицо его хорошеет, и голос как сталь, и нет, кажется, тогда на свете такого человека, перед кем бы он глаза опустил» (гл. XVI).

Такое увлечение характерно для девушки «накануне» шестидесятых годов. Через несколько месяцев после выхода романа ее сверстницы прорвались в университеты, а через год, украшенные синими бантами (цвет околышей студенческих фуражек), окружали не юных академистов типа Берсенева, а волнующихся, протестующих защитников свободы корпораций, особенно тех, кто умел не «опускать глаз» перед сильными мира.

Итак, в творческом воображении Тургенева в начале 50-х годов начала вырисовываться личность боевая, свободолюбивая, жаждущая деятельности, которой в ее среде не подыскивалось «пары» в лице героя-мужчины. Рассказы приятеля подсказали его в лице иноземца, патриота-болгарина, что сблизило фабулу будущего романа с эпизодами из боевой жизни франко-румынской четы Розетти, креоло-итальянской — Гарибальди и англо-итальянской — Уайт-Марио. Оба задуманных образа хранились в воображении Тургенева в ожидании новых, свежих вдохновений и подходящего времени в России для появления политического романа. Это лучшее время ознаменовалось новой освободительной борьбой на Западе, обогатившей художника свежими волнующими впечатлениями, настолько живо отразившимися в романе, что его читателей охватывало еще незнакомое, тревожное, поднимающее чувство, даже перед таинственными словами: «Не я хочу: *то* хочет», — вполне понятными только в наше время.

«ОТЦЫ И ДЕТИ»

СТАТЬЯ Л. ПИЧА О РОМАНЕ ТУРГЕНЕВА (1869)

На стыке 1868 и 1869 г. рижский издатель Б. Э. Бере предложил Тургеневу издать первое немецкое собрание сочинений писателя, которое в дальнейшем выходило достаточно медленно: последний том вышел в 1884 г., уже после смерти автора. Трудно сказать, по каким соображениям (письма Бере к Тургеневу неизвестны), но рижский издатель решил открыть собрание сочинений романом «Отцы и дети»; видимо, он считал его наиболее характерным для Тургенева, наиболее интересным для немецких читателей; вероятно, здесь играли роль соображения коммерческого и рекламного порядка, не чуждые этому энергичному и практичному человеку.

Но независимо от субъективных интересов Бере издание имело глубоко принципиальное значение. Раньше выходили на немецком языке лишь отдельные произведения Тургенева, причем в разное время, в различных местах, что препятствовало их распространению по всей Германии, если учесть тогдашнюю обособленность немецких земель. Издание Бере, печатавшееся в Рудольштадте, было первой и очень важной попыткой познакомить всю Германию со всем творчеством писателя.[1]

Тургенев отлично понимал важность подобного предприятия, хотя при постоянной своей писательской скромности избегал это подчеркивать. Он сообщал об издании Л. Пичу в следующих выражениях: «В городе Риге есть один чудак-издатель, который во что бы то ни стало желает издать мои „Избранные сочинения“. Он предлагал начать „Отцами и детьми“ и обратился по этому поводу ко мне». И тут же Тургенев старается всячески преуменьшить значение этого события: «...я приношу мою „mea culpa“ этому добродетельному, бескорыстному (потому что какой он из этого получит барыш?!!) издателю». «О боже! боже! — Зачем они хотят меня переводить! Ведь я этим людям ничего дурного не сделал!».[2]

Но как раз в этот период Тургенев неоднократно получал от своих немецких корреспондентов уверения, что его произведения пользуются успехом у немецкой публики, и нельзя сказать, что это его не трогало. См., например, письмо к Ю. Роденбергу от 26 декабря 1868 г. (7 января 1869 г.).[3] Также и немецкая критика в противоположность русской сочувственно встречала все новые произведения писателя.

Первой попыткой дать более широкое представление о творчестве Тургенева явился в Германии сборник рассказов и повестей Тургенева («Erzählungen», тт. I—II), вышедший в 1864—1865 гг. в переводе немецкого поэта, друга Тургенева, Фридриха Боденштедта. Этот сборник еще нельзя назвать собранием сочинений писателя, он жанрово ограничен, но он спо-

---

[1] Подробнее о митавском издании см. в статье: К. К. Эгле. Малоизвестные материалы об И. С. Тургеневе из рижских книгохранилищ. *Тургенев, Сб. (Алексеев)*, стр. 353—358.

[2] Письмо от 3 (15) января 1869 г. *Письма*, т. VII, стр. 273—274, 422.

[3] Там же, стр. 267—268.

собствовал большей популяризации в Германии творчества Тургенева. Немалую роль сыграло в этом отношении предисловие Боденштедта к сборнику, которое является по сути дела первым в немецкой критике признанием мирового значения русского писателя. Тургенев высоко оценил предисловие в письме к Боденштедту от 30 июня (12 июля) 1864 г.[4]

В 1868 г. авторитетный немецкий критик, исследователь немецкой, французской и русской литератур Юлиан Шмидт написал статью «Иван Тургенев», появившуюся в «Preußische Jahrbücher» (1868, Bd. XXII, Heft 4, стр. 432—461). Отмечая, что Тургенев всегда отображает чисто русский материал и является верным продолжателем Пушкина, Шмидт подчеркивал также связи Тургенева с западноевропейскими литературами. Он считал, что «в поэтической силе Тургенев не уступает никому из живущих ныне писателей всей Европы». Для Шмидта Тургенев — писатель «нового времени», потому что проводит в своих произведениях современную проблематику. Анализируя отдельные стороны творчества Тургенева, его образы, Шмидт, в частности, высоко оценивает образ Базарова, характеризуя его как практического деятеля прогрессивной ориентации.

Статья Шмидта вызвала весьма положительный отклик у Тургенева в письме к критику от 6 (18) октября 1868 г.: «...никто еще так метко и проницательно не говорил обо мне, так ясно не очертил пределов моего творчества и вообще так наглядно не вскрыл мое внутреннее существо». В том же духе Тургенев отозвался о статье в письме к Л. Пичу от 17 (29) октября.[5] Эта статья явилась не только одним из первых немецких признаний мирового значения творчества Тургенева, но и явно повлияла на последующую статью Л. Пича о Тургеневе. Она нашла отклик также и в русской периодической печати. П. Л. [Л. А. Полонский] подробно изложил ее в «Вестнике Европы» (1868, № 12, стр. 909—916), чем внес серьезный положительный вклад в противоречивый процесс осмысления мирового значения творчества Тургенева в России.

Подготавливая первый том митавского издания своих сочинений, Тургенев обратился к уже появившемуся в газете «Der Beobachter» (1865, №№ 228—303, 30 September—31 Dezember) немецкому переводу «Отцов и детей», но нашел его очень неудовлетворительным и обратился к Л. Пичу с просьбой сверить немецкий перевод с французским,[6] который Тургенев называл превосходным.[7]

Поручение Тургенева оказалось толчком, побудившим Пича обратиться к мысли о статье, посвященной выходу в свет первого немецкого собрания сочинений писателя. Сверяя перевод, Пич возобновил в своей памяти образы тургеневских произведений, за появлением которых он следил очень внимательно: «Для вас там, собственно, нет ничего нового», — писал

---

[4] См.: Хорст Раппих. Тургенев и Боденштедт. *Лит. наел.*, т. 73, кн. 2, стр. 342—349; *Письма*, т. V, стр. 271, 456.

[5] *Письма*, т. VII, стр. 223, 230—231.

[6] I. Tourguénev. Pères et enfants. Avec une préface de P. Mérimée, Paris, 1863.

[7] См.: *Сочинения*, т. VIII, стр. 611—612.

ему Тургенев, посылая свои «Nouvelles Moscovites».[8] О своем желании откликнуться статьей на выход I тома Пич написал в не дошедшем до нас письме к Тургеневу: «Вы пишете мне, что хотите написать рецензию на „Отцов и детей". Прекрасно! — отвечал Пичу Тургенев. — Пусть она будет сдержанной и строгой — но выразите в ней ваше недоумение и удивление по поводу того, что молодое русское поколение восприняло образ Базарова как обидную карикатуру, как клеветнический памфлет. Больше того, укажите на то, что я задумал этого молодца даже чересчур героически идеализированным (так оно и *есть*) и что у русской молодежи слишком *чувствительная* кожа ‹...› Я осмеливаюсь просить вас о такой рекламе — потому что она полностью соответствует истине и, конечно, нисколько не противоречит вашему убеждению. В противном случае я не стал бы вас беспокоить. Если вы пожелаете исполнить мою просьбу, то сделайте это поскорее, чтобы перевод наиболее важных мест этой рецензии я мог добавить к моим литературным воспоминаниям, которые должны скоро выйти».[9]

Действительно, характер этой «рекламы» не может вызвать упрека в адрес Тургенева. Прежде всего она касается не всей статьи Пича в целом, а лишь одной ее частности. Во-вторых, Пич уже раньше был знаком с «Отцами и детьми» по французскому переводу, Тургенев послал его Пичу,[10] и мы не можем сомневаться в искренности заявления Тургенева о том, что защита образа Базарова не противоречит убеждению Пича. Тургенев слишком хорошо знал своего давнишнего немецкого друга. Их отношения всегда отличались глубоким взаимопониманием и доверием к эстетическому чутью другого (см., например, «Предисловие к роману Б. Ауэрбаха „Дача на Рейне"»). История с замыслом статьи Пича об «Отцах и детях» служит еще одним доказательством творческого взаимопонимания и творческой взаимопомощи, которая органична в отношениях между этими давними друзьями, — тем более что, защищая образ Базарова, Пич продолжал также линию Шмидта, трактовавшего образ Базарова как характерный для реализма и прогрессивных установок писателя «нового времени».

Статья Пича была напечатана в «Vossische Zeitung» (1869, 10 июня, № 132, стр. 3—4). По форме она представляла рецензию на I том митавского издания, на «Отцы и дети».[11] Но по содержанию она выходила за рамки рецензии, являлась целенаправленной статьей, подчиненной центральной мысли — обоснованию мирового значения творчества Тургенева и благотворного воздействия творчества писателя на эстетическое развитие немецкой нации. Статья имела двоякое значение — укрепляла связи между культурами двух соседних народов и констатировала культурную общность немцев, что также имело в то время несомненный прогрессивный смысл. В этом плане Пич продолжал традиции статьи

---

[8] *Письма*, т. VIII, стр. 35.

[9] Письмо от 22 мая (3 июня) 1869 г. Там же, стр. 38—39.

[10] Там же, т. II, стр. 123.

[11] «Väter und Söhne» von Iwan Turgenjew. Autorisirte Ausgabe. Mit einem Vorwort des Verfassers. Behre's Verlag, Mitau.

Шмидта, но со своим особым уклоном. Если Шмидт анализировал отвлеченно, в чисто литературном и теоретическом аспекте, то Пич делает акцент на истории развития и «завоевания» немецкой нации идеями произведений Тургенева, он более публицистичен. К характеристике романа «Отцы и дети» он относится с горячей заинтересованностью, напоминающей такую же заинтересованность, сдержанную публицистичность, какую мы видим в статье Тургенева «По поводу „Отцов и детей“», написанной хотя и в форме воспоминания, но с явной целью реабилитации образа Базарова в глазах современных русских читателей. Пич, как и Шмидт, превозносит реалистическую художественную манеру Тургенева: ясность и простота — главные качества писателя, которые Пич противопоставляет туманности некоторых поэтов и «щекотливому напряжению», «искусственным завязкам» современной массовой книжной продукции. Благотворное влияние поэтичности и реалистичности творчества Тургенева на немецкую литературу Пич характеризует не обособленно, он подчеркивает взаимность обмена культурными ценностями. Вспоминая слова Тургенева — «Я слишком обязан Германии, чтобы не любить и не почитать ее как мою вторую родину», — Пич завершает свою статью следующим многозначительным высказыванием: «Я верю, что эта — как и любая новая — попытка с целью познакомить эту „родину“ со всем творчеством писателя, может способствовать лишь тому, чтобы сделать такие чувства взаимными».

Тургенев был согласен с общей направленностью статьи Пича. «Большое спасибо вам за быстрое исполнение моей просьбы, — писал он ему 9 (21) июня 1869 г., — статья в „Vossische Zeitung“ в 1000 раз лучше, чем требуется — нужное место я уже использовал».[12] В это время Тургенев выпустил свои «Литературные воспоминания»; в очерке «По поводу „Отцов и детей“» он поднял вопрос о правильном, объективном истолковании образа Базарова. В свое время полемика вокруг «Отцов и детей» угнетающе подействовала на Тургенева, он даже пытался отказаться от продолжения литературной деятельности. Но он не был согласен с оценками романа ни справа, ни слева. С горечью писал он по этому поводу в XVII главе «Довольно»: «Из чего они станут снова подвергаться смеху „толпы холодной“ или „суду глупца“ — старого глупца, который не может простить им, что они отвернулись от прежних кумиров, молодого глупца, который требует, чтобы они тотчас вместе с ним стали на колени, легли плашмя перед новыми, только что открытыми идолами?».[13] В 1869 г. эта горечь утихла, но несогласие осталось. Уверяя читателей, что «за исключением воззрений на художества» он разделяет почти все убеждения Базарова, Тургенев в примечании привел выдержку из статьи Пича, в которой критик недоуменно размышляет о том, почему радикальная русская молодежь могла «распалиться гневом против этого одухотворенного представителя ее направления, ее убеждений и стремлений». Характерно, что в цитате и переводе Тургенев смягчил комплиментарность суждений Пича.

Выступление Тургенева в защиту образа Базарова не убедило русских

---

[12] *Письма*, т. VIII, стр. 47.
[13] *Сочинения*, т. IX, стр. 122.

критиков. Появились статьи в «Заре» (1869, № 12, стр. 118—133), в «Библиографе» (1869, № 3, стр. 8—14), в «Неделе» (1870, № 16, 19 апреля (1 мая), стлб. 534—536). Критиков особенно возмутило утверждение Тургенева, что писатель разделяет почти все высказывания Базарова. Но по поводу связанной с этим местом цитаты из статьи Пича не было сказано ни слова. Только Н. Косица (Н. Н. Страхов) обыграл в «Заре» цитату: он нашел нужным заметить, что в сноске на источник не указан год, и тем как бы усомнился в достоверности цитируемого места («Заря», 1869, № 12, стр. 120—121). Хотя в дальнейшем Тургенев уверял всех своих друзей, что каждое слово в «По поводу „Отцов и детей“» — истинная правда,[14] русская критика не поверила его искренности. Здесь «взаимности чувств» не получилось.

В письмах к своим корреспондентам Тургенев не упоминал о статье Пича, в русской печати не появилось сколько-нибудь существенных откликов на нее, не удалось также найти в русской периодике ее перевода; интересная, содержательная статья о восприятии Тургенева в Германии, об одном из главнейших романов писателя осталась в России неизвестной.

Ниже приводится текст этой статьи в русском переводе с примечаниями публикатора.

Г. Ф. Перминов

«ОТЦЫ И ДЕТИ» ИВАНА ТУРГЕНЕВА. АВТОРИЗОВАННОЕ ИЗДАНИЕ. С ПРЕДИСЛОВИЕМ АВТОРА. МИТАВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО БЕРЕ

Уже минуло четырнадцать лет с тех пор, как знаменитый русский новеллист был представлен немецкой публике благодаря переводу «Записок охотника», выполненному Видертом и Больтцем (Берлин, Г. Шиндлер),[1] а оценка его выдающегося и своеобразного таланта и распространение его произведений в Германии не прекращаются. От тонкой и вдохновенной рецензии Пауля Гейзе на это первое произведение (в литературном приложении тогдашнего «Немецкого художественного листка» [2] до исчерпываю-

---

[14] *Письма*, т. VIII, стр. 103, 128, 147, 152, 159, 161, 163.

[1] См.: «Aus dem Tagebuche eines Jägers» von I. Turghenew, I Bd. Deutsch von August Viedert. Verlag von Heinrich Schindler, Berlin, 1854; «Aus dem Tagebuche eines Jägers». Von Iwan Turghenew. Zweiter Band. Deutsch von August Boltz. Verlag von Heinrich Schindler, Berlin, 1855. — Август Видерт, критик и переводчик, знакомый Тургенева, перевел первую часть «Записок охотника». Она имела большой успех, и вскоре была издана вторая часть «Записок», которую перевел А. Больтц, преподаватель русского языка в Германии, причем допустил много ошибок. К большому неудовольствию Видерта обе части в 1857 г. были выпущены вместе. См. об этом подробнее в статьях: М. П. Алексеев. 1) Мировое значение «Записок охотника». В кн.: «Записки охотника» И. С. Тургенева. (1852—1952). Сборник статей и материалов. Орел, 1955, стр. 48—55, 106—110; 2) Первый немецкий перевод «Ревизора». В кн.: Гоголь. Статьи и материалы. Л., 1954, стр. 223—224.

[2] См.: «Literaturblatt des Deutschen Kunstblattes», 1854, 16 ноября, № 23, стр. 96. — П. Гейзе — немецкий писатель, хороший знакомый и корреспон-

щего историко-литературно-критического исследования Юлиана Шмидта (в «Прусских ежегодниках»),[3] посвященного произведениям писателя и его творческой личности, лежит длинный путь; он как бы является нашествием лучших идей также и на нашу нацию. И если творения Тургенева, еще более из-за внутренних основ, чем из-за исключительно русского материала и русского колорита, у нас всегда, вплоть до известной грани, останутся «икрой для народа», (т. е. недоступными народу), то они с их молчаливо действенной силой распространяют и увеличивают круг тех, которые их читают с пылким интересом и безусловно предпочитают поэтам. Но все же еще многое отсутствует из того, что рвение немецких переводчиков сделало бы доступным немецким читателям, из того, что французским читателям, например, уже доступно. Спустя долгое время после перевода Видертом «Записок охотника» появился неудовлетворительный перевод «Дворянского гнезда» Пауля Фукса.[4] Через пять лет Боденштедт предпринял издание наиболее известных очерков и новелл Тургенева в 2 томах «Рассказов»,[5] частично в превосходных немецких переводах, к сожалению без продолжения, в то время как осталось без внимания так много произведений, которые было бы желательно перевести. Можно также добавить достаточно посредственный перевод «Отцов и детей»[6] и в недавнее время «Дыма».[7] Этим маленьким выбором из всего, что сделано Тургеневым, полностью исчерпывается то, что обращается в немецком переводе. Книгоиздательство Бере в Митаве выпускает вместе с упомянутым, только лишь появившимся, томом новое издание «Избранных произведений» писателя в таких немецких переводах, на которые указывает своим похвальным замечанием «совершенная точность» Тургенев в своем коротком предисловии к предлагаемому роману,[8] и это замечание будет применимо

дент Тургенева; см. о нем: *Письма*, т. IV, стр. 671; Г. Ионас. «Записки охотника» в оценке Пауля Гейзе (см. стр. 111—117).

[3] «Preußische Jahrbücher», 1868, Bd. XXII, Heft 4, стр. 432—461. — Об этой статье см. стр. 160.

[4] «Das adelige Nest». Aus dem Russischen übersetzt von Paul Fuchs. Bd. 1—2. Leipzig, 1862.

[5] «Erzählungen» von Iwan Turgenjew. Deutsch von Fr. Bodenstedt. Bd. I und II. München, 1864—1865. — Об этом переводе и предисловии к нему Ф. Боденштедта см. стр. 159—160.

[6] «Der Beobachter» (Штутгардт), 1865, 30 сентября—31 декабря, №№ 228—303. — Этим переводом пользовались Тургенев и Пич для подготовки I тома «Сочинений».

[7] В это время появилось несколько немецких переводов «Дыма». Среди них нужно отметить перевод, который появился в еженедельнике при аугсбургской «Allgemeine Zeitung» (№№ 15—28, с 10 апреля по 10 июля 1868 г.), — Тургенев очень хвалил этот перевод в письме к М. Гартману от 15 (27) мая 1868 г. (см.: *Письма*, т. VII, стр. 141); другой перевод «Дыма» был напечатан в «Rigasche Zeitung» (1867, 7 октября—15 ноября, №№ 222—256), — этот перевод, как и отдельное издание романа в Митаве, Тургеневу решительно не понравился (см.: *Письма*, т. VII, стр. 141); было также берлинское издание романа: «Dunst». Roman. Aus dem Russischen frei bearbeitet von H. von Lankenau. Berlin, 1868 (см.: *Сочинения*, т. IX, стр. 544—545).

[8] Пич ссылается здесь на высказывание Тургенева в предисловии к роману: «Я безусловно ручаюсь за совершенную точность предлагаемого

всюду. Издательство не намеревается выпускать произведения автора в хронологической последовательности, но это имеет практическую пользу, потому что каждый отдельный том может быть куплен отдельно.

Избранный первым для собрания сочинений роман «Отцы и дети» является, как известно, тем самым произведением Тургенева, которое — даже более, чем в недавнее время «Дым», — воспламенило против этого нравоописателя партии его родины. Нет и не было никогда более благодарного задания, чем «быть зеркалом веку и духу времени». Писатель живо чувствовал это. Юлиан Шмидт [9] видит непреходящее значение ранних рассказов Тургенева — оставляя совершенно в стороне их поэтическое достоинство — главным образом в том, что в них и через них мир узнал, что такое рабство. «Отцы и дети» не касаются этой темы. То, что роман с ясностью и обоснованностью отражает, в чем Тургенев достиг многого, — это та достопамятная эпоха внутреннего развития его родины, которая началась в 59 году: великая революция — отмена крепостного права — совершена, и широко и глубоко зияет разрыв между прошлым и будущим России. Идеи бродят, старшее поколение чувствует, что привычная почва качается под ногами, но для молодого поколения, для его дум и желаний, кажется, больше нет ограничений и оков: в упрямом ощущении собственной, еще не нарушенной силы забывает оно о тех двух никогда не свергнутых силах, которые укрощают все и которым служит все, — о человеческих страстях и судьбах. Тургенев не задавался целью представить обе выступавшие тогда крайние противоположности в их представителях. «Отцы» его романа — это не те почти закостеневшие московиты, которые видели в деятельности Александра II закат святой Руси и «всего священного и человеческого порядка», но те хорошо образованные, честные либеральные дворяне, которые еще менее десятилетия тому назад были едва ли не лучшими, так как их считали бунтарями и опасными личностями, они были искренними друзьями искусства и поэзии, эмансипации, несмотря на материальные жертвы и потери, которые станут для них неизбежными, даже если они будут приветствовать наступающее время прогресса и тем самым поощрять к действию лучшие силы общества. Но давно сдерживаемый поток развития сломал абстрактные традиции, словно море поднялось или плотина прорвалась, с огромной силой и быстротой. Братья Кирсановы, холостой и вдовец, пресыщенный, разочарованный светом и жизнью, рефлектирующий желчный Павел и кроткий печальный Николай, который уже свыше сорока лет, движимый лучшими чувствами, «держится на высоте своего времени», — они уже, сами этого не зная, давно устарели, давно старики, романтики, пригодные для чулана в глазах молодых студентов: Аркадия, сына Николая, и его друга, медика Базарова — «нигилиста».

перевода». Правда, в дальнейшем, подготавливая текст для второго немецкого издания «Отцов и детей», Тургенев заметил ошибки в переводе и обратился к Ю. Шмидту с просьбой еще раз проверить перевод. См. письмо Тургенева к Ю. Шмидту от 11 (23) февраля 1873 г. (*Письма*, т. X, стр. 68—69).

[9] См. примеч. 3.

Более чем где-нибудь именно в создании, в исполнении этой фигуры блестяще сказывается творческая сила автора. Базаров суров до оскорбительной грубости. По отношению к каждой общественной традиции он ведет себя насмешливо или равнодушно. Он выступает против «всего, что существует», со своей враждебной ненавистью, со своим циническим презрением — как против форм отношений, так равно и против искусства, поэзии и того, что называют показной любовью. И все же этот мнимо невыносимый человек вырастает перед нами до все более импонирующей, почти героической величины; возникает тем большее уважение к нему, тем сильнее он убеждает, чем больше он отдаляет от себя всякий след фразы и декламации. Для непредубежденного читателя, стоящего вне страстной борьбы партий в русском обществе, останется совершенно непостижимым, как могла радикальная русская молодежь распалиться гневом против этого одухотворенного представителя ее направления, ее убеждений и стремлений, как показал Тургенев, до такой степени, что она подвергла писателя опале и продолжает осыпать его бранью. Надо думать, каждый современный радикал (не только в политической области) может с радостным удовлетворением увидеть изображенным типический портрет свой и своих единомышленников в этой столь гордой фигуре с таким сильным характером, с такой решительностью и смелостью мышления, с такой полной свободой от всех мелочей, тривиальностей, лени, дремоты и лжи. Но вся эта гордая сила не предохраняет Базарова от того, что он становится жертвой мрачной иронической судьбы. Презрение к любви уступило место неудовлетворенной страсти к красивой холодной женщине, которую оригинальность и мужественность нигилиста интересовали и возбуждали, пока своенравная прорывающаяся дикость его натуры не стала ее ужасать. Всю деятельность, все смелые желания и планы молодого человека, который считал себя достаточно сильным, чтобы уничтожить отжившую культуру старшего поколения, мгновенно обрубила смерть во время профессиональных исследований его как врача, когда он заразился при вскрытии умершего от тифа крестьянина. Изображение этой судьбы, подступившей к нему извне, оставляет все же не менее трагическое впечатление, потому что здесь (как и в большинстве случаев у Тургенева) напрасно было бы искать то равновесие вины и искупления, которого требует эстетическая теория. Незначительный, — а потому более счастливый, чем Базаров, — его восторженный многословный ученик Аркадий быстро пристает в гавань супружества и у маленьких ножек своей юной супруги учится забывать всю нигилистическую теорию и практику. Вокруг этих главных образов группируются несколько других, среди которых особенно родители Базарова — старый, боготворящий своего сына полковой доктор и преисполненная нежностью, внутренней добротой и набожностью старых времен мать — изображены с удивительной живостью, правдивостью и тонкостью. Но и там, где Тургенев вместо этого полного любви художественного описания рисует образ лишь несколькими штрихами, он умеет в этом произведении, как и в других, показать нам живых людей во множестве характерных серьезных и комических фигур. Ибо в своем творчестве он черпает из полной чаши, из ясного, до мельчайших деталей тщательного созерца-

ния всей богатой природы, которую лишь немногие писатели умели видеть столь проницательным взглядом. Поэтому его образы никогда не стоят обособленно, как в пустом пространстве. Фон и окружение, ландшафт и место действия, своеобразное освещение и атмосфера которых окутывает образы героев, достигают, как и они, благодаря подобному искусству такой же степени реальности, и над всем этим истинная поэзия простирает тонкими и сдержанными средствами нежное дуновение изменчивого настроения.

Фабула у Тургенева всегда имеет собственно второстепенное значение. Тот, кто требует от повествования прежде всего щекочущего напряжения, искусственных завязок, неожиданностей, тому не следует его читать. «Отцы и дети», так же как и другие произведения этого автора, не являются дешевым библиотечным чтивом для толпы. Но поскольку в своей кажущейся простоте они столь истинны, глубоки и богаты, то читатель этих сочинений снова и снова, с обновленным и неослабевающим интересом возвращается к природе, из чистого созерцания и познания которой творения собственно и произросли; обращается определенно для того, чтобы находить в них все более полное удовлетворение и растущее наслаждение. Что касается перевода, то достаточно сослаться на уже цитированное предисловие. Если такой основательный и тонкий знаток нашего языка, каким является Тургенев, выносит такой приговор, как сказано в предисловии, то трудно что-либо сократить или добавить.[10] Здесь следует процитировать и другие слова из его вступления: «Я слишком многим обязан Германии, чтобы не любить и не почитать ее как мою вторую родину». Я верю, что эта — как и любая новая — попытка с целью познакомить эту «родину» со всем творчеством писателя, может способствовать лишь тому, чтобы сделать такие чувства взаимными.

(Перевод Г. Ф. Перминова)

«ПРИЗРАКИ»

ПОМЕТЫ Н. В. ЩЕРБАНЯ НА БЕЛОВОМ АВТОГРАФЕ

С Николаем Васильевичем Щербанем (1834—1893) Тургенев познакомился в Париже в самом конце 1860 или начале 1861 г.[1] В это время Щербань был одним из помощников М. Н. Каткова по изданию «Русского вестника». По поручению Тургенева он привез в феврале 1862 г. в Россию из Парижа тетрадку, содержавшую дополнения и исправления, которые необходимо было внести в наборную рукопись «Отцов и детей», находившуюся тогда уже в редакции журнала.[2]

Н. В. Щербань считал своим долгом сообщать Тургеневу литературные новости. Так, в одном из писем к Тургеневу он подробно пересказал толки, вызванные в Москве появлением «Отцов и детей».[3] Впоследствии, поселив-

[10] См. примеч. 8.
[1] См.: «Русский вестник», 1890, № 7, стр. 4—7.
[2] *Письма*, т. IV, стр. 324, 333.
[3] См.: *Тургенев, Сб. (Алексеев)*, стр. 258—263.

шись в Париже и став сотрудником газеты «Le Nord» (негласный орган русского правительства), Щербань постоянно выполнял поручения Тургенева: то пересылал ему русские журналы в Баден-Баден, то доставал необходимые книги, то подписывался на французские периодические издания.

Ведя журналистскую деятельность и помещая свои статьи и корреспонденции в русских и французских газетах и журналах, Щербань посылал их на суд Тургеневу.[4] Одна из корреспонденций Щербаня, напечатанная в «Современной летописи» «Русского вестника» (1862, № 48, ноябрь, стр. 8) содержала сведения о Тургеневе как переводчике Пушкина. По предложению Тургенева Щербань принял участие в переводе сказок Перро, которые вышли с предисловием писателя,[5] он же с согласия автора напечатал в газете «Le Nord» переводы «Довольно» (1865) и «Собаки» (1866). Перевод «Собаки» Тургенев назвал «великолепным».

В пору работы над «Призраками» Тургенев особенно часто писал Щербаню. Когда он сообщил, что закончил «фантазию» и пришло время переписывать рукопись набело, Щербань предложил ему свою помощь. В ответ на это Тургенев писал 1 (13) июля 1863 г.: «Ваше предложение переписать „Призраки“ очень любезно; но, переписывая, я *исправляю*, что несколько облегчает эту противную работу или по крайней мере дает ей смысл».[6]

Переписав рукопись набело, Тургенев в письме к Щербаню от 5 (17) июля 1863 г. из Баден-Бадена высказал пожелание, чтобы он прочитал «Призраки», — тут же добавив, однако, что не знает, как это сделать, поскольку Щербань находится в Париже.[7] Вскоре Тургеневу представился случай поехать в Париж, и он вручил «Призраки» Щербаню для прочтения. В конце ноября 1863 г. Щербань вернул беловую рукопись «Призраков» Тургеневу, подчеркнув в ней карандашом места, требующие, с его точки зрения, исправления, и обозначив их крестиками на полях.[8]

---

[4] *Письма*, т. V, стр. 127, 128—129.

[5] Об этом см.: «Русский вестник», 1890, № 8, стр. 19—21; *Письма*, т. V, стр. 672—673.

[6] *Письма*, т. V, стр. 137. — Печатая это письмо в «Русском вестнике», Н. В. Щербань сделал к нему следующее примечание: «О своей привычке переписывать самому, не уклоняясь от этого „несносного, но полезного занятия“, Иван Сергеевич говаривал и лично: „По-гоголевски, — замечали ему, — перепишете и пусть полежит; там опять, исправив, перепишете — и пусть опять полежит“. „Ну, куда нам до гоголевских приемов, — отзывался Тургенев, — то — вечное: могло вылеживаться; наше дело — уловить современность в ее переходящих образах; слишком запаздывать нельзя. Но переписывая — видишь себя иначе, чем в черновой рукописи; иное не понимаешь, откуда там и взялось, как написалось; другое, напротив, само собою навертывается, тогда как прежде и не снилось. Вдохновение — слишком большое слово, не каждому по плечу; по романистом положительно владеет что-то вне его, и вдруг толкает внезапно. А для рукописей идеал был бы непременно самому держать корректуру — в печати еще виднее — да где же скитальцу!“» («Русский вестник», 1890, № 8, стр. 9).

[7] *Письма*, т. V, стр. 144.

[8] См.: *Сочинения*, т. IX, стр. 474.

Ознакомившись с пометами Щербаня, Тургенев писал ему 24 ноября (6 декабря) 1863 г.: «Приношу вам ‹...› *искреннее* спасибо за ваши замечания на мои „Призраки". Это спасибо не одно пустое слово, в чем вы будете в состоянии *убедиться*, когда прочтете „Призраки" *в печати*».[9]

Всего на рукописи «Призраков» Щербань сделал 31 помету, из которых 16 были приняты Тургеневым во внимание и повлекли за собой изменения текста. Приводим для сопоставления текст белового автографа (слова, отмеченные Щербанем, набраны курсивом) и окончательный.

Беловой автограф	*Окончательный текст* [10]
Солнце *только что* закатилось — и не *только* небо зарделось...	Солнце только что закатилось, и не одно небо зарделось... (80).
Птица тотчас взмахнула своими мягкими *крылами*...	Птица тотчас взмахнула своими мягкими крыльями... (80).
В этот дуб, много лет тому назад, ударила молния; верхушка *его* переломилась и засохла...	В этот дуб, много лет тому назад, ударила молния; верхушка переломилась и засохла... (81).
Мы *мчались* по-прежнему.	Мы неслись по-прежнему. (82).
Я послушался *ее* и, помню, первое мое впечатление...	Я послушался — и, помню, первое мое впечатление... (92).
сидела за фортепьянами *прелестная* женщина.	сидела за фортепьянами молодая женщина. (93).
Прекрасная женщина была одна.	Красавица была одна. (93).
Упоенный звуками, красотою...	Очарованный звуками, красотою... (93).
забыл о том, каким *странным чудом* я стал свидетелем...	забыл о том, каким странным образом я стал свидетелем... (93).
Ты дома, а я еще полетаю. *До свидания.*	Ты дома, — отвечала Эллис. (96).
Я мог увидеть самого Цезаря, *того Цезаря, время которого, кажется, только теперь наступает...*	Я мог увидеть самого Цезаря... (96).
где светло, как на *Итальянском бульваре?*	где так светло, как на бульварах? (99).
Я прежде бывал в Париже и потому *я* тотчас узнал...	Я прежде бывал в Париже и потому тотчас узнал... (99).
кареты всех родов и видов сновали *по* бульвару...	кареты всех родов и видов сновали вдоль бульвара... (100).
торопя вперед, всё вперед свои холодные синие воды.	торопя вперед свои холодные синие воды.
Улетим! — взмолилась Эллис. — *Здесь так светло.*	— Улетим, — взмолилась Эллис. (105).
я видел перед собою *женское тело, живую женщину.*	я видел перед собою живую женщину. (108).

[9] *Письма*, т. V, стр. 178.

[10] Цитаты приводятся по тексту: *Сочинения*, т. IX.

В письме к Щербаню от 24 ноября (6 декабря) 1863 г. Тургенев писал: «За исключением двух-трех, я согласен *со всеми* вашими замечаниями».[11] В действительности же почти половина подчеркнутых Щербанем мест текста осталась без изменения. Некоторые свои возражения Тургенев тогда же сообщил Щербаню. Так, он писал: «...например, „широкий шорох" — мне именно нужен, как звукоподражательность; Тюльерийский сад отделен от частного Наполеонского сада — чисто крепостным рвом; и сам г. Базанкур сравнивает зуавов с тиграми. Настоящий солдат таков и должен быть — по потому-то я и не люблю солдата».[12]

Приводим полностью места текста «Призраков», отмеченные в рукописи Щербанем (набрано курсивом), но не исправленные Тургеневым.

— *Отчего же ты не пришел?* — раздался в комнате явственный шепот. (78).

«*Приди, приди, приди...*» Затрепетав от испуга, я простонал:

— Приду! — и выпрямился. (80).

Довольно большая серая птица вдруг, безо всякого шума, прилетела и села на самый край окна... (80).

...я как будто попал в заколдованный круг — и неодолимая, хотя тихая сила увлекала меня, *подобно тому*, как, еще задолго до водопада, стремление потока увлекает лодку. (80).

Она *обхватила* меня... (82).

Чудно было видеть лес сверху, его щетинистую спину, освещенную луной. Он казался каким-то огромным, заснувшим зверем и сопровождал нас *широким*, непрестанным *шорохом*, похожим на невнятное ворчанье. (83—84).

Буйвол медленно поднял из вязкой тины свою косматую чудовищную голову с короткими вихрами щетины между криво назад *загнутыми рогами*. (90).

вершины их и седая спина старого водопровода слабо блестят в лучах только что взошедшей *луны*... (90).

толпа надвигалась ближе и ближе, росла, *колыхалась усиленно*... (91).

я хотел взглянуть в лицо певице, *оглашавшей* такими звуками такую ночь. (92—93).

— Видишь *ту* дорожку? — сказала мне Эллис. (96).

Это был Тюльерийский сад, с его старыми каштановыми деревьями, железными решетками, *крепостным* рвом и *звероподобными зуавами на часах*. (99).

— *Остановись!* — обратился я к Эллис, (100).

Чудно было видеть... (103).

«*Слуша-а-а-а-ай!*» — раздался в ушах моих протяжный крик. «*Слуша-а-а-а-ай!*» — словно с отчаянием отозвалось в отдалении. «*Слуша-а-а-а-ай!*» — замерло где-то на конце света. (104).

Несмотря на то что Тургенев оставил без изменений эти пятнадцать мест (из тридцати одного), подчеркнутых Щербанем, детальное изучение их, по-видимому, может дать материал и для характеристики стиля писателя, и для уяснения каких-то черт его мировоззрения.

Е. И. Кийко

---

[11] *Письма*, т. V, стр. 178.

[12] Там же.

«ПРИЗРАКИ»

НЕОКОНЧЕННАЯ СТАТЬЯ М. М. КОВАЛЕВСКОГО

В архиве М. М. Ковалевского сохранился черновой набросок его статьи о «Призраках» Тургенева.[1] Известный русский ученый, социолог и историк, М. М. Ковалевский (1851—1916) был младшим современником Тургенева, одним из поздних его корреспондентов.[2] Он познакомился с писателем в 1878 г. в Париже и после этого несколько раз встречался с ним за границей и в России, о чем подробно рассказал в своих воспоминаниях.[3] Кроме того, Ковалевский — автор биографической статьи «Баденский период в жизни Тургенева».[4] Материалы для биографии писателя содержатся и в статье Ковалевского «За рубежом. (Из переписки русских деятелей за границей: Герцена, Лаврова и Тургенева)».[5]

Публикуемый ниже набросок о «Призраках», относящийся, вероятно, к 70-м годам, — это лишь стержень, конспект статьи, которая, по-видимому, не была написана. Тем не менее высказанная в нем точка зрения представляет интерес, так как, несмотря на недостаточную аргументацию, правомерность ее очевидна. Ковалевский рассматривает «Призраки» в историко-философском плане, считает, что это произведение — «вся субъективно понятая история человечества», взятая в «поворотные эпохи» ее развития.

Эта точка зрения — единственная в своем роде и при изучении «Призраков» заслуживает быть принятой во внимание.[6]

ОТД‹ЕЛЬНЫЕ› МЫСЛИ ДЛЯ ХАР‹АКТЕРИСТИКИ› ТУРГ‹ЕНЕВА›

Русская критика не поняла «Призраков». Сам Тургенев своим предисловием немало воспрепятствовал раскрытию того глубокого значения, какое заключает в себе эта бесподобная фантазия: «Я решаюсь просить читателя, который быть может вправе ожидать от меня чего-нибудь посерьезнее, — пишет он, — не искать в предлагаемой фантазии никакой аллегории или скрытого значения, а просто видеть в ней ряд картин, связанных между собою довольно поверхностно». Это заявление не было принято на веру, и критики расплылись в соболезнованиях насчет «больной фантазии автора», его «безотрадного чувства», его беспредельной скорби и безотрадного сомнения. Появление «Призраков» объясняли «одним прискорбным разладом и странным недоразумением, возникшим между обществом и

---

[1] ЛО Архива АН СССР, ф. 103, оп. 1, ед. хр. 477, лл. 1—4.

[2] Известно семь писем Тургенева к Ковалевскому (1879—1882), хранящихся в *ИРЛИ*.

[3] М. М. Ковалевский. Воспоминания об И. С. Тургеневе. «Минувшие годы», 1908, № 8, стр. 5—20.

[4] Юбилейный сборник Литературного фонда. 1859—1909. СПб., 1909, стр. 551—583.

[5] «Вестник Европы», 1914, № 3, стр. 210—230.

[6] Обзор литературы о «Призраках» см. в комментарии к повести: *Сочинения*, т. IX, стр. 476—480.

поэтом, вслед за изданием им „Накануне“».[7] Некоторые шли так далеко (Антонович), что открывали даже в его фантазии тенденцию, обидную для молодого поколения, и пытались доказать свою мысль подчеркиванием некоторых подробностей в приводимой Тургеневым картине петербургской жизни: «молодежь, возвращающаяся с танцклассов с испитыми лицами, девица в измятом платье и без рукавов с папироской в зубах и с сочинением новейшего Ювенала в руках».[8]

Никто не остановился перед тою мыслью, что «Призраки» — это вся субъективно понятая история человечества, это раскрытие того, как понимает поэт поворотные эпохи в ее развитии: Рим цезарей, период возрождения, торжество индустриализма и буржуазии, и как противовес ей романтизм Герм‹ании›, — какое впечатление выносит он из сопоставления этих эпох и соответствующих им цивилизаций с русской современностью и во что, в частности, вылилась эта современность. Что поэт имеет в виду вызвать снова в нашем воображении — это не исторические лица и события, а современную им народную психологию. Поэтому ни в одной сцене мы не видим перед собою героя, а слышится только голос толпы или, если этот голос слагается из нескольких противоречивых, то эти разл‹ичные?› течения. И как метко подобраны штрихи для характеристики народного духа в каждую из указ‹анных› эпох.

Черты романтизма так же неопределенны, как он сам.

В эпохе возрождения любовь и искусство.

В Р‹имской› Им‹перии› слава и сила.

В сцене, изображающей русскую жизнь, противуположение народного чисто разрушительного движения с официальной Россией — солдатчиной и могилой.

(Разработать с прив‹лечением› цитат из «Призраков»).

Несмотря на свою незавершенность, публикуемый набросок свидетельствует о том, что М. М. Ковалевский, намереваясь писать обстоятельную статью о «Призраках», стремился постичь всю глубину произведения Тургенева, изучил литературу вопроса. Тем весомее утверждаемая в этом наброске мысль.

Н. С. Никитина

---

[7] Ковалевский передает здесь содержание и цитирует рецензию на «Призраки», помещенную в «Библиотеке для чтения» (1864, апрель—май). Автор рецензии Е. Эдельсон писал: «Весь этот прискорбный разлад, все это странное недоразумение между обществом и поэтом, жившим с ним постоянно одною жизнью, поэтически высказывавшим его лучшие думы, сказался более или менее невольно в новом произведении Тургенева — „Призраки“». И далее: «Это какая-то больная фантазия... Несмотря на все свои частные поэтические достоинства, это новое произведение самого симпатичного из наших писателей проникнуто таким безотрадным, тяжелым чувством, что мы объясняем его только временным настроением автора» («Библиотека для чтения», 1864, апрель—май, отд. «Русская литература», стр. 5, 6—7).

[8] Ковалевский имеет в виду рецензию на «Призраки» М. А. Антоновича, напечатанную в «Современнике» (1864, № 4).

«ДЫМ»

О ПРОТОТИПЕ ОДНОГО ИЗ ПЕРСОНАЖЕЙ

Изучение творческой истории романа «Дым» позволило установить прототипы многих персонажей этого произведения. Как возможный прототип Финикова был назван Дурасов.[1] Неопубликованная переписка Тургенева с А. А. Мещерским[2] содержит свидетельства, касающиеся другого прототипа образа Финикова.

В письме к Мещерскому от 15 (27) марта 1877 г., где речь идет о лицах, к которым можно было обратиться с просьбой о денежных пожертвованиях на экспедицию Н. Н. Миклухо-Маклая, Тургенев пишет: «Теперь о Нарышкине! — это — тоже в роде Демидова, с тем небольшим изменением, что я никогда и нигде его не „выводил“».[3]

Где же был выведен Демидов? И который из Демидовых привлек внимание Тургенева? Ответ на этот вопрос мы находим в письме Мещерского от 25 октября 1876 г. «Дурак право Демидов! — писал он. — Должен бы был быть рад и доволен, что Вы, дорогой Иван Сергеевич, обессмертили его хоть в образе Финика, а он еще, скотина, сердится и дуется! Главное, что все это сильно затрудняет систему апрошов к нему».[4]

Фиников, а не Финик, как пишет Мещерский, появляется в XV главе «Дыма». Здесь среди посетителей салона Ирины «отличался своей надменной осанкой, совершенно плоским черепом и бездушно-зверским выражением лица, достойным бухарского хана или римского Гелиогабала, знаменитый богач и красавец Фиников». И несколько далее: «Богач Фиников принялся говорить дерзости, не разбирая, к кому они относились».

Тургенев недаром делает ударение на слове *богач*. Павел Павлович Демидов (1839—1885), владелец нескольких горных заводов (в том числе известного Нижнетагильского) и единственный наследник А. Н. Демидова (1812—1868), был одним из самых богатых людей в России. В 1872 г. русское правительство позволило ему носить титул князя Сан-Донато. Этой милости тщетно добивался его дядя Анатолий Николаевич, владелец знаменитого замка Сан-Донато близ Флоренции, где он жил со своей «царственной» супругой — принцессой Матильдой Бонапарт (1820—1904). П. П. Демидов унаследовал Сан-Донато вместе с итальянским княжеским титулом, и богатство его увеличилось вдвое, но это произошло уже после написания и издания «Дыма».

Тургенев, вероятно, был знаком с обоими Демидовыми, а с П. П. Демидовым мог встречаться и в парижском салоне принцессы Матильды. Во Флоренции долгое время жил и Мещерский, который, возможно, был еще

---

[1] См. комментарий к роману «Дым»: *Тургенев, Соч.*, т. IX, стр. 427. — По-видимому, имеется в виду Егор Александрович Дурасов (1792—1885).

[2] С князем Александром Александровичем Мещерским (р. 1844) Тургенев был знаком с 1875 г. В 1876 г. Мещерский познакомил писателя со своим другом Н. Н. Миклухо-Маклаем. Основная тема переписки Тургенева с Мещерским — финансовая поддержка путешественника. См. *Письма*, т. XI, указатель имен.

[3] *Письма*, т. XII, кн. 1, № 4252.

[4] *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 116.

и родственником Демидова, женатого в первом браке на княжне М. Э. Мещерской.

Характеристикой Тургенева в «Дыме» были задеты оба Демидовых. Скорее всего фраза о Финикове, говорящем дерзости, относится именно к А. Н. Демидову, человеку невоздержанному, резкому, способному на самые крайние выходки. Безымянный автор заметки в «Русском архиве» пишет о нем: «избалованный чрезмерным богатством, он славился весьма крутым нравом». В заметке не раз проскальзывает его характеристика как «надменного деспота».[5]

Тургенев, часто посещавший салон принцессы Матильды, вполне мог проникнуться ее неприязнью к бывшему супругу (известно, что их брак закончился в 1845 г. скандальным разрывом). Отрицательное отношение писателя к обоим Демидовым могло отразить неприязненное отношение к ним флорентинской и парижской знати, вызванное непомерным богатством Демидовых и их шумной жизнью в «сиявших золотом и живописью стенах феерического Сан-Донато».[6]

В портретной характеристике, вероятно, также отразились черты обоих Демидовых. Современники вспоминают, что П. П. Демидов имел «очень изящную наружность», он отличался «классически правильными чертами» и «обаятельным выражением лица»,[7] в то время как А. Н. Демидов «поражал грубой, почти уродливой наружностью».[8]

Современники П. П. Демидова оставили о нем воспоминания как о человеке довольно симпатичном. Так, И. Захарьин пишет: «...при колоссальном богатстве этот чисто-русский человек был в то же время очень добрым, доверчивым и крайне ленивым человеком...».[9] Как о человеке симпатичном и добром вспоминает о нем и Е. А. Нарышкина.[10] Широко известная благотворительность П. П. Демидова (так, он пожертвовал на стипендии при медицинском факультете Киевского университета 25 200 р., ежегодно выплачивал С.-Петербургскому университету по 3000 р. на приготовление молодых людей к получению высших ученых степеней; на его средства издавалась в Петербурге газета «Россия», и т. п.) навела Тургенева на мысль обратиться к нему с письмом о помощи экспедиции Н. Н. Миклухи-Маклая. Письмо это не было написано,[11] так как писатель узнал, что П. П. Демидов не может простить ему обиды.

Приведенные выше материалы позволяют утверждать, что образ Финикова в «Дыме» является собирательным, — в нем, кроме Дурасова, отразились некоторые черты, присущие А. Н. и П. П. Демидовым.

Т. И. Орнатская

---

[5] «Русский архив», 1903, кн. 2, стр. 588, 589.
[6] Там же, стр. 584.
[7] Там же, стр. 590.
[8] Там же, стр. 588.
[9] И. Захарьин (Якунин). Мировой суд в Подолии. «Русская старина», 1897, № 3, стр. 562.
[10] Е. А. Нарышкина. Мои воспоминания. СПб., 1906, стр. 281—283.
[11] Об этом свидетельствует письмо А. А. Мещерского Тургеневу от 13 (25) октября 1876 г. (*ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 116).

О ПЕРЕВОДАХ ТУРГЕНЕВА ИЗ МЁРИКЕ И ГЕЙНЕ (1871)

Изучение стихотворных переводов Тургенева, предпринятое для нового издания его сочинений, внесло ряд существенных коррективов в сложившиеся ранее представления о поэтическом наследии писателя. Выяснилось наличие тургеневских вариантов в переводах стихотворений русских поэтов на немецкий язык, сделанных Бодепштедтом для серий романсов П. Виардо 1864—1865 гг.[1] Т. П. Ден было установлено, что стихотворение «На заре», считавшееся оригинальным тургеневским произведением, является переводом «In der Frühe» Мёрике.[2] Отношениям Тургенева и Мёрике посвящена специальная статья А. Н. Егунова «Тургенев и Мёрике»,[3] в которой рассматриваются и тургеневские переводы из этого автора, преимущественно с точки зрения их соответствия музыке Виардо.

Однако вопрос об обращении писателя к произведениям немецких поэтов нельзя считать полностью изученным, и ряд материалов о переводах Тургенева из Мёрике и Гейне, оставшихся до сих пор вне поля зрения исследователей, дает возможность расширить и углубить анализ текстов Тургенева к романсам Виардо, в издании которых он принимал участие в 60—70-х годах. Мы имеем в виду частью неопубликованные автографы первоначальных редакций переводов из Мёрике — «Былое счастье» («Agnes»), «De fleurs couronnée» и «Садовник» («Der Gärtner»), а также перевода стихотворения Гейне «Стоит погода злая» («Es ist ein schlechtes Wetter»),[4] поправки к ним в письмах писателя к П. Виардо и выправленные по указаниям Тургенева печатные экземпляры с окончательной редакцией текста из альбома романсов «Шесть стихотворений Г. Гейне, Э. Мёрике и Р. Поля, переведенные на русский язык И. Тургеневым и положенные на музыку П. Виардо-Гарсиа» (СПб., изд. А. Иогансена, 1871).

Сопоставление этих материалов, отразивших три этапа творческой работы писателя, сравнение их разночтений проясняет процесс создания переводов и дает понятие об идейно-художественных принципах и музыкально-эстетических вкусах, которые нашли отражение в его переводческой деятельности.

Хотя Тургенев не придавал своим переводам для романсов Виардо того значения, которое имело для него оригинальное стихотворчество, и не печатал эти переводы отдельно от музыки Виардо, изучение их дает возможность конкретизировать известные положения, что его слова при под-

---

[1] См.: *Письма*, т. V, стр. 577—578, 580.

[2] См.: *Тургенев, Сб. 1964*, стр. 254—256. — Источники «Разлуки» и «Разгадки», предложенные в статье, еще нельзя считать окончательными.

[3] А. Н. Егунов. Тургенев и Мёрике. *Тургенев, Сб. (Алексеев)*, стр. 228—239.

[4] *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 24 и 35. — См. описание неопубликованных автографов — «Садовник» и «Стоит погода злая»: *ГПБ, Описание*, стр. 20; первые публикации автографов: «Былое счастье» — в «Современном мире» (1912, № 3, стр. 194—195), «De fleurs couronnée» — в «Русской мысли» (1912, № 1, стр. 118).

текстовке «естественно сочетаются с музыкой, сливаются с ней ‹...›, что свою работу писатель проверял слухом, контролировал музыкой».[5]

Судя по высказываниям в письмах, Тургенев как поэт-переводчик видел свою задачу в том, чтобы сохранить смысл оригинала, точно передать ритмический рисунок стихов, с которым согласовывалась мелодия, сделать перевод безукоризненным в языковом отношении, а главное, достигнуть органического слияния слова с музыкой, соответствия выразительности стиха и музыкальной интонации. Отсылая Виардо пушкинские «Цветок» и «Птичку», переведенные им на немецкий язык, с вариантами для подтекстовки к вокальному тексту, Тургенев указывает на все эти моменты: «Я перевел „Цветок" — таким образом. Напишите мне поскорее, подходит ли это для вас как *пение*. Что касается смысла — он сохранен — и нет ошибок ни грамматических, ни в версификации».[6]

Эти творческие установки претворялись в каждом переводе по-своему. Сообразуясь с требованиями музыкальной композиции, Тургенев внимательно следил за размером подлинника, стремясь воссоздать его ритм в зависимости от специфических ритмических возможностей языка перевода. Для русских текстов «Былого счастья», «Садовника», «Стоит погода злая» он сохранял ритмический строй подлинников, поскольку русский стих это вполне позволял. При этом он допускал отступление от перекрестной рифмовки текстов Мёрике, рифмуя только второй и четвертый стихи, ибо это не нарушало ритмической близости немецкого и переводного текста. И Боденштедту советовал Тургенев прибегать к такому методу, требуя, чтобы в интересах вокального исполнения был «соблюден в точности» размер и согласованы интонации стиха с музыкой.[7] Однако во французском переводе стихотворения «Der Gärtner» рифма подлинника сохранена, так как в найденном Тургеневым слоговом соответствии перевода ритму оригинала она внутренне необходима для интонационной устойчивости стиха.

Стихотворение «Стоит погода злая» в поисках соответствующего мелодии словесного выражения Тургенев переделывал трижды.

Отосланный первоначально Полине Виардо (после 27 февраля (11 марта) 1871 г.) и сохранившийся до наших дней беловой автограф кончался стихами:

Пирог спечь она хочет
Для дочери своей.
А та лежит на кресле
И, щурясь, глядит на ночник...
Пушистые кудри льются
Волной на нежный лик.

Но не успела Виардо получить рукопись, как эти стихи были Тургеневым переработаны. Посланные вдогонку в письме от 3 (15) марта 1871 г. исправления Тургенева связаны с звучанием стиха, которое должно было быть подчеркнуто в пении. «Два последних стиха в „Es ist ein schlechtes Wetter", — писал он Виардо, — не точны. Нужно читать:

„Пушистые кудри мягко
Льются на нежный лик".

[5] А. Крюков. Тургенев и музыка. Л., Музгиз, 1963, стр. 92.
[6] *Письма*, т. V, стр. 209, 444.
[7] Там же, стр. 138—143, 368, 426—431, 476.

Потому что во 2-м стихе ударение падает на „*Über* das süsse Gesicht". Г-жа Гурьева, наверное, заметит это».[8]

В печатном тексте для еще более полного согласования с размером стиха и музыкальным ритмом последний стих был изменен в третий раз — на «Льются на розовый лик». Внесены были Тургеневым и другие поправки, видимо продиктованные тем же стремлением подобрать слова, отвечающие музыкальному ритму и более подходящие для исполнения. Так, первый стих «Стоит погода злая» изменен для пения на «Что за погода злая!», но оставлен для вступления и заглавия романса; «Вперил во мрак я глаза» изменено на «Вперил я во мрак глаза», «Да масла нужно ей» — на «И масла нужно ей», «Тихохонько бредет» на «Тихонько бредет». «Еще раз и очень тщательно просмотрел текст русского перевода романсов в присутствии и с помощью Луизы. Мы сделали кой-какие изменения, и теперь все пойдет хорошо»,[9] — писал Тургенев П. Виардо в марте 1871 г. об этой работе, произведенной им, видимо, при проверке исполнения романсов ее дочерью Луизой.

Что касается передачи смыслового содержания, то здесь писатель действовал более свободно и, сообразуясь со своим художественным вкусом, звуковыми и зрительными ассоциациями, передавал текст в одних случаях очень близко («Стоит погода злая»), в других — с отступлениями («Былое счастье», «Садовник»), в третьих — совсем отдаленно («Лесная тишь» Р. Поля). Считая необходимым, чтобы смысл был «сохранен», Тургенев, однако, творчески перевоплощал тему подлинника, осуществляя художественно оригинальное переложение чувств и мыслей автора в психологических и поэтических образах народа, на язык которого он переводил стихи.[10]

Так, например, переводя «Agnes» Мёрике, Тургенев не только решительно меняет ничего не говорящее иностранцу заглавие на более выразительное «Rosenzeit» в письмах к Виардо и на «Былое счастье» в русском переводе; он находит новые образы для заключительной строфы. Покинутая девушка у Мёрике горько плачет по милом друге на холме под липой, в то время как розовая лента на шляпе, его подарок, весело играет на ветру. У Тургенева другая картина, другие контрасты, навеянные русской народной поэзией:

Там стою я, наклонясь,
Наклонясь
К речке тихоструйной...

---

[8] *Письма*, т. IX, стр. 35, 372. — Гурьева — певица, ученица Полины Виардо.

[9] Там же, стр. 40.

[10] В этом отношении он следовал установившимся традициям русского поэтического перевода, об истории которого см.: Е. Эткинд. Поэзия и перевод. М.—Л., 1963, стр. 3—37. — Сознательное отступление от текстов русских оригиналов Тургенев допускал и для переводов своих собственных произведений (см.: М. П. Алексеев. И. С. Тургенев — пропагандист русской культуры на Западе. В кн.: Труды отдела новой русской литературы, т. I. М.—Л., 1948, стр. 42).

Косы, что он так ласкал,
Так ласкал,
Треплет ветер буйный!

Переработка сводилась не к замене народного образа немецкой песни образом, имеющим «чувственный оттенок», как сказано в статье «Тургенев и Мёрике»,[11] а к приданию облику девушки, народному для немецкой песни, но отнюдь не являющемуся таковым в русском понимании, типических поэтических черт, определившихся на русской почве.

«Перевод „Rosenzeit" восхитителен (!!?!) — вот: посудите сами. Смею думать, что маленькое изменение, внесенное мною в последнюю строфу, служит ей на пользу — и Мёрике принял бы его», — писал 3 (15) марта 1871 г. Полине Виардо удовлетворенный своей работой писатель.[12]

Тем не менее в «восхитительном» переводе уже в печатной редакции появилась приближающая к оригиналу, но не украшающая текст перемена, вызванная, по-видимому, необходимостью подтекстовки стихов к мелодии.

Вместо варианта рукописи:

По полянам, вкруг меня,
Вкруг меня
Жницы распевают —

в исправном печатном экземпляре романса напечатано:

По полям там всё вокруг,
Всё вокруг
Жницы распевают.

Принципам согласованного с музыкой, поэтически достоверного перевоплощения мыслей и переживаний автора, а не формальной точности закономерно подчинены наиболее существенные отступления и переосмысления авторского текста и в переводе «Садовника».

Первоначальный перевод был ближе к подлиннику, нежели печатная редакция. Тургенев вначале изменил лишь цветовые эффекты Мёрике, превратив белоснежную лошадь в вороную, а золотой песок — в песок, отливающий серебром под ее копытами. Запрашивая мнение Виардо по поводу этого изменения, Тургенев писал 27 февраля (11 марта) 1871 г.: «Я думаю послать вам мои русские тексты „Gärtner" и „Es ist ein schlechtes Wetter". Я выбрал эти два текста потому, что они самые трудные из всех. Лошадь принцессы „Белоснежка" стала вороной, как сталь, но это тоже естественно. Предложите г-же Гурьевой спеть вам это, вы увидите, хорошо ли оно идет».[13]

Допущенная вольность была, видимо, санкционирована композитором, так как перешла в печатную редакцию.

Дальнейшие перемены, сделанные в первоначальном варианте пере-

[11] А. Н. Егунов. Тургенев и Мёрике, стр. 237.
[12] *Письма*, т. IX, стр. 35—36, 372.
[13] Там же, стр. 31, 370.

вода, придают еще большую простоту и русский бытовой колорит сценке между знатной наездницей и простолюдином-садовником.

Первоначально в автографе Тургенева по аналогии с «принцессой» Мёрике прогуливается по аллее на скакуне царевна:

Верхóм на лошадке,
Как сталь вороной,
Царевна гуляет
В аллее густой.

В окончательной, печатной редакции появляется не только сделанный в угоду мелодии и динамике стиха новый перевод четвертой строки с ударным зачином — «*Скок* передо мной», но вместо царевны — «княжна молодая», которая не прогуливается, а мчится мимо садовника, с немым обожанием глядящего ей вслед. Если садовник Мёрике надеется, что принцесса обратит внимание на его любовь и он засыплет ее цветами, то садовник у Тургенева сознает, что он человек из низов, что от него ждут цветов только в исполнение «службы» и что ему остается лишь самозабвенно мечтать всю душу отдать своей госпоже. Перевод Тургенева, таким образом, расширяет поэтическое содержание оригинала.

Отклонения Тургенева от авторского текста «Садовника» объяснены в статье «Тургенев и Мёрике» чисто музыкальными причинами. Меняя масть лошади и цвет песка, писатель якобы переводил в зрительные образы соответствующее место композиции Виардо: вместо светлых звучаний «белого на золоте» — «черное на серебре»; наделяя садовника желанием отдать вместе с цветами свою душу, писатель будто бы «из плана немецкой народной песни переводит нас в обычный план салонных романсов».[14]

Но и существо переделок, и автопризнания Тургенева по их поводу говорят о противном. «Княжна молодая», конь вороной, белесоватый песок, молодец, отдающий душу — не цветы — за любимую (так же как и «ветер буйный» в «Былом счастье»), — являлись образами и понятиями, почерпнутыми писателем из жизненных представлений, русской народной поэзии и литературы. Меняя в русском переводе белоснежную лошадь на вороную, Тургенев, как видно из цитированного выше письма, не отдавал себе ясного отчета, хорошо ли это согласуется с мелодией, *одинаковой* и для русского, и для немецкого текста (с другим соотношением красок, чем русский), и для французского перевода, сделанного Тургеневым ранее русского, уже вовсе без указания масти коня и цвета дорожки, по которой он скачет.

Заменяя своеобычными образами принцессу в розовой шляпе (как и Агнесу в шляпке с розовой лентой в «Былом счастье») и сентиментального садовника с его цветами — знаками любви, Тургенев не только не придавал русской песне салонный характер, но, наоборот, ослаблял его.

Зато салонный колорит сохранен был Тургеневым во французском переводе, где героиня — дочь короля, а садовник, как паж, готов по первому движению ее сердца отдать за нее жизнь.

[14] А. П. Е г у н о в. Тургенев и Мёрике, стр. 236.

Напоминаем этот текст, до сих пор в собраниях сочинений (самостоятельно или в комментариях к «Садовнику»), так же как и в исследованиях о Тургеневе и Мёрике, не использованный.

De fleurs couronnée
La fille du Roi
Sur sa haquenée
Passe devant moi.

Grands dieux! qu'elle est belle!
Quel air radieux!
Je n'ose sur elle
Arrêter mes yeux.

Je vois de sa tête
Tomber une fleur...
Pour moi quelle fête,
Quel jour de bonheur!

Es-tu, fleur jolie,
Un gage d'amour?
Je donne ma vie,
Mon âme en retour.
Ou.
Serait-ce, Madame,
Un gage d'amour?
Je donne mon âme,
Ma vie en retour! [15]

Увенчанная цветами
Дочь короля
На своем иноходце
Проезжает предо мной.

Боги! Как она прекрасна!
Какой лучезарный вид!
Я не осмеливаюсь на нее
Поднять глаза.

Я вижу: с головы ее
Падает цветок...
Какой праздник для меня,
Какой счастливый день!

Прелестный цветок,
Не залог ли ты любви?
Я отдам мою жизнь,
Мою душу взамен.
Или.
Не есть ли это, сударыня,
Залог любви?
Я отдам мою душу,
Мою жизнь взамен.

(*Перевод Р. Б. Заборовой*)

Как переводчик-поэт Тургенев применил разные системы переводов, исходя из национального склада языка, поэзии, культуры и быта. Он дал точное соответствие двухстопному амфибрахию Мёрике в русском переводе и силлабическое во французском и, верно отразив ход мысли автора в том и другом стихотворении — с психологически оправданными нюансами в структуре образов, — создал близкие первооснове тексты.

Хотя Тургенев, пренебрежительно отзывавшийся в 70-х годах и об оригинальных своих поэтических произведениях, не печатал, как сказано выше, стихотворений к романсам Виардо отдельно от ее музыки, он ревниво следил за правильностью воспроизведения текстов в нотах, тщательно правил корректуры, требовал исправления опечаток. С огорчением сообщал он в письме к Анненкову от 27 мая (8 июня) 1871 г.: «В романсах вранья достаточно — я уже отправил 6 выправленных экземпляров Иогансену — с тем чтобы он вытравил опечатки, благо это с литографией легче сделать. Когда придется Вам побывать на Невском, заверните к нему и подшпорьте его. А то что же это такое? Вместо: „пирог спечь она хочет“ — напечатано: „пирог ... хочет“».[16]

---

[15] *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 35, л. 11 об. (напечатано: «Русская мысль», 1912, № 1, стр. 118).

[16] *Письма*, т. IX, стр. 101—102.

Как выявляется из просмотра de visu серии «Шесть стихотворений...», опечатки, замеченные Тургеневым, были исправлены не все и не во всем тираже. Есть, например, экземпляры с чтениями: «За службу в награду ты хочешь цветок», вместо «цветов» («Садовник»).

М. О. Гершензон, перепечатавший тексты романсов в «Русских пропилеях»,[17] к сожалению, пользовался неисправным экземпляром и одну опечатку — «По полям *нам* все вокруг» — переменил не на «*там*», согласно исправному экземпляру, но заменил весь стих первым вариантом «По полянам, вкруг меня» — на основании факсимиле из «Синего журнала»; другую опечатку — «пирог хочет» — он поправил, по собственному разумению, на «пирог испечь она хочет», хотя в Публичной библиотеке уже с 1911 г. хранились автографы этих стихотворений и испорченный при издании последний стих там читался «Пирог спечь она хочет», как он дан в исправленном печатном экземпляре романса. Вместо «*Льются* на розовый лик» у Гершензона «*Ложатся*», вероятно под влиянием неточной журнальной публикации письма от 3 (15) марта 1871 г. с тургеневской поправкой этого стиха.[18] «Исправления» Гершензона, механически перешедшие в собрания сочинений Тургенева, должны быть пересмотрены в текущем издании Полного собрания сочинений и писем.

Восстановление подлинного авторского текста тем более важно, что Тургенев придавал музыкальным изданиям П. Виардо большое значение, считая, что «таких романсов у нас на Руси не бывало»,[19] и усиленно их пропагандировал и распространял. Известны обращения Тургенева к И. А. Гончарову и М. Н. Лонгинову с просьбами о рекламировании романсов в печати и к А. В. Топорову — о рассылке экземпляров известным певцам. В этой связи небезынтересно отметить вновь выявленный факт преподнесения первой серии романсов 1864 г. О. А. Галаховой — «милой дочери» А. Д. Галахова,[20] известного историка литературы и деятеля Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, которое устраивало литературно-музыкальные вечера.

Тургенев как посредник между культурой России и Запада стремился ознакомить русскую, немецкую и французскую публику не только с «прелестной музыкой» Виардо, но и с «поэтично» положенными ею на музыку произведениями русской и западной лирики.

Вполне вероятно, что и инициатива создания романсов принадлежала Тургеневу. Во всяком случае, самый выбор романсов был в значительной степени определен эстетическими вкусами Тургенева. Бо́льшая часть романсов написана на слова боготворимого Тургеневым Пушкина, на слова Фета, ставшего любимым поэтом Виардо под воздействием Тургенева, и

---

[17] «Русские пропилеи», т. 3, М., 1916, стр. 83—86, 305.

[18] «Современный мир», 1912, № 3, стр. 194.

[19] *Письма*, т. V, стр. 234. — О высокой оценке Тургеневым музыкального творчества Виардо см. также: М. П. Алексеев. Тургенев и музыка. Киев, 1918, стр. 9—10.

[20] *Письма*, т. VII, стр. 281. Серия с надписью «Олимпиаде Алексеевне Галаховой от И. Тургенева. С.П.бург 1864.» обнаружена нами в Отделе нот *ГПБ* (шифр 15.5.2.78).

на слова Мёрике, в котором Тургенев, его «большой почитатель», находил «много грации и чувства».[21]

Приняв в издании романсов самое близкое и деятельное участие, Тургенев внимательно отнесся и к переводу и подтекстовке стихотворений к музыке.

Чуткий к погрешностям в стихах Фета и Полонского, подвергавшихся его суду зачастую еще в рукописях, Тургенев неоднократно переделывал и свои стихи, заботясь о выразительности и поэтической точности своих художественных образов, о простоте и народности своих выражений, и это особенно обязывает к бережному воспроизведению и пристальному изучению его стихотворного наследия.

Р. Б. Заборова

ИЗ МАТЕРИАЛОВ И КОММЕНТАРИЕВ К РОМАНУ «НОВЬ»

Роман «Новь» и процесс долгушинцев

В кругу источников, которыми Тургенев пользовался, работая над романом «Новь», важное место занимают материалы политических процессов в России 70-х годов, публиковавшиеся на страницах как русских официальных, так и эмигрантских изданий.

Обращение исследователей к документам нечаевского процесса позволило установить, что в романе Тургенева получили отражение некоторые стороны нечаевского движения.[1]

Однако «Новь» — это роман о народниках-пропагандистах, а не о заговорщиках нечаевского типа. Несмотря на то что действие романа приурочено автором к весне 1868—зиме 1870 г., Тургенев рисует картины массового «хождения в народ» русской интеллигенции, характерные для 1873—74 гг

Ценный материал для подобных картин могло дать писателю судебное дело долгушинцев, обвинявшихся «в составлении и распространении прокламаций преступного содержания», разбиравшееся в Петербурге, на заседании особого присутствия правительствующего сената с 9 по 15 июля 1874 г. Материалы процесса были опубликованы в «Правительственном вестнике».[2] Процесс долгушинцев был одним из наиболее значительных политических процессов народников в период работы Тургенева над романом «Новь» (напомним, что знаменитое судебное дело «Процесс 50-ти», или процесс «Москвичей», слушалось в Петербурге с 21 февраля по 14 марта 1877 г., т. е. уже после выхода в свет романа Тургенева).[3]

---

[21] *Письма*, т. IV, стр. 106; т. V, стр. 455. — О выборе стихов для романсов Тургеневым «вместе с г-жой Виардо» см.: Л. Пич. Воспоминания. В кн.: Иностранная критика о Тургеневе. Изд. 2. СПб., 1908, стр. 85.

[1] См.: Л. А. Николаева. Проблема «злободневности» в русском политическом романе 70-х годов. (Тургенев и Достоевский). В кн.: Проблемы реализма русской литературы XIX века. М.—Л., 1961, стр. 379—409.

[2] «Правительственный вестник», 1874, №№ 162—169, 172 и 173; перепечатано в сборнике: *Государственные преступления в России*, т. I.

[3] См. посвященную этой теме статью: А. И. Батюто. Роман «Новь» и «процесс пятидесяти» (стр. 195—209).

Прямых упоминаний о деле долгушинцев в письмах писателя 1874 г. не оказалось. Этот факт можно объяснить тем, что с 7 мая по 20 июля 1874 г. писатель находился в России, где он мог непосредственно по газетам следить за ходом процесса и собирать интересующие его сведения.

В этой статье наша задача — показать, что дело долгушинцев получило отклик в романе «Новь».

Кружок долгушинцев (по имени его основателя А. В. Долгушина, 1848—1885) — кружок революционных народников, возникший осенью 1872 г. в Петербурге. Уже в Петербурге среди его участников созрела мысль о необходимости революционной пропаганды в народе. В противоположность «лавристам» долгушинцы отрицали необходимость длительной подготовки революции, считали, что народ к ней готов и что революцию можно вызвать крестьянскими бунтами. Это сближало их с последователями М. А. Бакунина и П. Н. Ткачева. В июне 1873 г. в деревне Сареево под Москвой Долгушин с товарищами организовал тайную типографию, где были отпечатаны три прокламации — «Как должно жить по закону природы и правды» (переложение брошюры В. В. Берви (Флеровского) «О мученике Николае и как должен жить человек по закону правды и природы»), «Русскому народу» и «К интеллигентным людям» (две последние написаны Долгушиным). Здесь же, под Москвой, была осуществлена на практике идея «хождения в народ» и раздача крестьянам прокламаций. Вскоре типография была разгромлена и долгушинцы предстали перед судом.[4]

При чтении материалов этого процесса, в особенности свидетельских показаний крестьян, невольно вспоминаются некоторые страницы «Нови». Прежде всего следует отметить, что пропаганда, которую ведут в романе Нежданов и Маркелов, рассчитана на то, чтобы вызвать крестьянский бунт.[5] Подобный же характер носила и пропаганда долгушинцев. В их прокламациях содержится призыв к немедленному восстанию.

Картины «хождения в народ» долгушинцев (переодевание в мужицкие костюмы, способы распространения брошюр, беседы с крестьянами) во многом близки к тем, которые нарисованы в «Нови».

В XXIX главе «Нови» Нежданов описывает свой первый трагикомический опыт «хождения в народ». «Но в пропаганде я оказался — швах, — рассказывает Нежданов; — две брошюрки просто тайком оставил в горницах — одну засунул в телегу ‹...› Четырем человекам предлагал брошюры. Один спросил — божественная ли это книга? — и не взял; другой сказал, что не знает грамоте, — и взял для детей — потому на обложке есть рисунок; третий сперва всё мне поддакивал — „тэ-ак, тэ-ак...“, потом вдруг выругал меня самым неожиданным образом и тоже не взял; четвертый, наконец, взял — и много благодарил меня, но, кажется, ни бельмеса не понял изо всего того, что я ему говорил».

Долгушинцы, если им не удавалось уговорить крестьян взять брошюры, «забывали» их в избах, где ночевали, в трактирах и т. д.[6]

---

[4] Подробнее о долгушинцах см.: *Кункль, Долгушинцы.*

[5] См.: «Новь», гл. XXX и XXXII.

[6] *Государственные преступления в России*, т. I, стр. 259, 260, 277, 285—286, 288 и др.

Отказ взять книгу крестьяне часто мотивировали тем, что они неграмотны.[7] Стремясь заинтересовать крестьян предлагаемой брошюрой, долгушинцы часто характеризовали ее как «божественную», «из духовного завещания».[8]

В показаниях крестьян по делу долгушинцев часты свидетельства о том, что содержание брошюр осталось для них непонятным. Так, например, крестьяне села Токсино Клинского уезда Московской губернии, ознакомившись с брошюрой «Русскому народу», заявили, что они ничего не поняли, что книга не была «ни божественная, ни сказка» и что они порешили употребить ее «на папироски».[9]

По свидетельству долгушинца-крестьянина Анания Васильева, в одной из деревень у него отказались взять прокламации, обозвав его «жуликом».[10] Так же назвал Нежданова «один целовальник», сказавший о нем своей жене: «Ты наблюдай этого рыжего... косого ‹...› Это — жулик».[11]

Рассказывая в письме к «другу Силину» о явном неуспехе своей пропаганды среди крестьян и о неудачных попытках сблизиться с народом, Нежданов горестно восклицает: «Ну что тут будешь делать? Типографию завести секретную? Да ведь книжек и без того уже довольно. И таких, что говорят: „Перекрестись да возьми топор“, и таких, что говорят: „Возьми топор просто“».[12]

Здесь несомненно содержится намек на тайную типографию долгушинцев и на изданные ими прокламации.

Две из них — «Как должно жить по закону природы и правды» и «Русскому народу» — вполне можно отнести к той литературе, сущность которой остроумно определил Нежданов словами: «Перекрестись да возьми топор». Долгушинцы использовали религиозные настроения среди крестьян в целях революционной пропаганды.

В прокламации «Как должно жить по закону природы и правды» Учитель (Христос) провозглашает принцип равенства всех людей и призывает народ к восстанию во имя установления этого равенства:

«Знайте и помните, люди добрые: пока не водворилось святое равенство, любовь братская сладчайшая, пока чистый закон не царствует, до тех пор у всех у вас одно дело есть — это с оружием с гордыми биться, своего живота не жалеючи, за святой закон и за равенство. Только тот, кто в битве свою кровь прольет, землевладельцев уничтожаючи, богачей гордых смиряючи, только над тем будет благословение: не устрашился он, чего боятся все, не убоялся он брать оружие и с кичливой силой сражатися».[13]

Долгушин, автор прокламации «Русскому народу», опираясь на тексты евангелия о равенстве и любви к ближнему, обращается к «угнетенным

---

[7] *Государственные преступления в России*, т. I, стр. 259, 286, 287 и др.
[8] Там же, стр. 286—287.
[9] Там же, стр. 260.
[10] *Кункль*, *Долгушинцы*, стр. 108.
[11] «Новь», гл. XXIX.
[12] Там же, гл. XXX.
[13] *Кункль*, *Долгушинцы*, стр. 212.

людям» и призывает их «во имя Вечной Справедливости» восстать против этих несправедливых порядков, «не подобающих человеку, высшему и лучшему созданию на земле». «Восстаньте, братья! — восклицает автор прокламации. — И праведно будет ваше восстание, и благо будет вам, если вы дружно подыметесь и смело будете стоять за свое правое, святое дело, никому ничего не уступая».[14]

Третья прокламация — «К интеллигентным людям» — лишена какой-либо религиозной окраски (ср.: «Возьми топор просто»). В ней содержится призыв к интеллигенции «идти в народ, чтобы возбудить его к протесту во имя лучшего общественного устройства». Прокламация заканчивается следующим четверостишием:

Наш лозунг: равенство, свобода,
К оружию, вперед, друзья!
И да погибнет враг народа,
Царь и бояре и князья.[15]

Знакомство с прокламациями долгушинцев еще раз свидетельствует о том, что Тургенев основательно знал пропагандистскую литературу народников. Напомним, что в «Нови» Нежданов распространяет среди крестьян известную народническую брошюру «Сказка о четырех братьях» (автор ее — Л. Тихомиров).[16] В черновом автографе романа вместо этой брошюры названа другая, не менее известная — «Хитрая механика» (автор — В. Е. Варзар).

В письме к П. Л. Лаврову от 9 сентября п. ст. 1875 г. Тургенев дает подробную оценку еще одной народнической брошюре, присланной ему для прочтения, — «сказке» С. М. Степняка-Кравчинского «Мудрица Наумовна».[17]

Живя преимущественно за границей, Тургенев восполнял недостаток непосредственных наблюдений тщательным изучением источников, связанных с народническим движением.

Н. Ф. Буданова

Из журнальной полемики вокруг «Нови» до публикации романа (Забытые воспоминания А. В. Половцова)

В «С.-Петербургских ведомостях» (1876, 29 июля (10 августа), № 207) был напечатан фельетон «У Ивана Сергеевича Тургенева» за подписью «П», под которой скрывался А. В. Половцов, один из корреспондентов Тур-

---

[14] Там же, стр. 218.
[15] Там же, стр. 222—223.
[16] «Новь», гл. XXIX.
[17] *Письма*, т. XI, стр. 118.

генева в 70-е годы. Значительная часть этого фельетона, написанного непосредственно после посещения А. В. Половцовым Спасского в июне 1876 г., вошла в его известные «Воспоминания об И. С. Тургеневе».[1] Однако в «Воспоминания» не были включены некоторые очень важные страницы, содержащие интересные сообщения о романе «Новь», над которым работал тогда Тургенев.

Между тем именно эти высказывания о будущем романе писателя привлекли пристальное внимание народнической критики и явились поводом для острой полемики по вопросу о роли творчества Тургенева в русской литературе 70-х годов. Этот забытый эпизод из журнальной борьбы 70-х годов дополняет и расширяет наше представление о творческой истории «Нови».

Очевидно, помня о прошлых спорах, носивших не только историко-литературный, но и политический оттенок, Половцов ради осторожности отказался от вторичной публикации этих страниц, умышленно не включив их в «Воспоминания».

Сведения о Половцове, авторе «Воспоминаний об И. С. Тургеневе», очень скудны,[2] хотя для своего времени он был фигурой примечательной. Анатолий Викторович Половцов (1849—1905), юрист и археолог по образованию, крупный чиновник, в последние годы жизни — директор архива Министерства двора, в 70—80-е годы известен как один из видных знатоков крестьянского вопроса. По его инициативе и при его участии был издан «Сборник материалов для изучения поземельной сельской общины» (СПб., 1880), его перу принадлежат такие работы, как «О международной статистике земледелия», «Первые шаги на пути исследования сельской общины» и др.

Свое желание познакомиться с Тургеневым Половцов мотивировал тем, что видел в нем не только «знаменитого писателя», но и «знатока крестьянского вопроса».[3] Встреча Тургенева с Половцовым состоялась, очевидно, между 23 июня (5 июля) и 17 (29) июля 1876 г. в Спасском.[4]

Вскоре после этой встречи и был написан фельетон «У Ивана Сергеевича Тургенева». В неопубликованном письме к П. С. Усову, редактору «С.-Петербургских ведомостей», Половцов писал:

---

[1] А. В. Половцов. Воспоминания об И. С. Тургеневе. «Царь-Колокол». Иллюстрированный всеобщий календарь на 1887 г. М., 1886, стр. 76—80 (впервые: «Новое время», 1883, 5 октября, № 2731).

[2] Известны два письма Тургенева к нему — от 23 июня (5 июля) и 12 (24) ноября 1876 г. (*Письма*, т. XI, стр. 291, 354) — и одна записка, датируемая нами 16 (28) апреля 1880 г. (*Письма*, т. XII, кн. 2; печатается). Ответные письма Половцова неизвестны. В архиве *ИРЛИ* имеется несколько неопубликованных писем Половцова к П. С. Усову, В. В. Руммелю, К. Д. Кавелину, В. О. Михневичу, А. Ф. Кони, П. И. Вейнбергу, П. А. Брюллову, А. С. Аренскому, А. Бенуа и неопубликованный некролог о нем, написанный И. Ф. Масановым (*ИРЛИ*, ф. 286, № 59, архив А. В. Смирнова).

[3] А. В. Половцов. Воспоминания об И. С. Тургеневе, стр. 75.

[4] См. письмо Тургенева к Половцову от 23 июня (5 июля) 1876 г. (*Письма*, т. XI, стр. 291).

Многоуважаемый

Павел Степанович!

Посылаю Вам с этим письмом рукопись на фельетон под заглавием «У Ивана Сергеевича Тургенева». Это результат моего визита у Тургенева в его деревне; за все сообщенное ручаюсь; полагаю, что многое будет небезынтересно для публики, в особенности данные о новом романе. Всё, сказанное на эту тему, разрешил мне напечатать сам Тургенев; большего сказать покуда неудобно. Я не мог придумать лучшего заглавия; если Вы найдете что-нибудь более подходящее, то перемените заголовок, чем скорее будет напечатан фельетон, тем, конечно, лучше и тем более обяжете Вы

Преданного Вам

Ал. Половцова.

20 июля 1876
с. Сольница
(Орловской губ. гор. Мценск.) [5]

В фельетоне Половцова содержатся сведения преимущественно мемуарно-биографического характера: впечатления о Спасском, об орловском пейзаже, о наружности Тургенева, об его образе жизни; приведены мнения писателя о современной литературе (об Э. Золя, Л. Толстом и т. д.).[6]

Опуская малосущественные бытовые детали и подробности, не вошедшие в «Воспоминания», процитируем полностью, ввиду особой их важности, те места «фельетона», в которых речь идет о «Нови»: [7]

«На этот раз г. Тургенев удалился в русскую глушь для того, чтоб в уединении, на досуге, окончить начатую им большую работу ‹...› Новый, теперь уже почти оконченный роман И. С. Тургенева начат им несколько лет тому назад, но начало, не удовлетворявшее автора, было неоднократно переделываемо. Окончательно Тургенев приступил к писанию романа, если не ошибаемся, прошлою зимой в Париже. Публика ожидает нового произведения любимого писателя с весьма понятным интересом и нетерпением, тем более что г. Тургенев, столь чуткий к влияниям времени, не затрагивал ни одной современной темы после своего „Дыма“. Вследствие этого читателю будет без сомнения любопытно узнать, что действие будущего романа происходит в наше время, в России, частью в Петербурге, частью в провинции вблизи одного губернского города. Главная тема романа — некоторые новые явления среди нашей молодежи, к представителям которой г. Тургенев пожелал и постарался отнестись с тою же объективностью и беспристрастием, с которым он во время оно отнесся к Базарову. Новый роман по задаче своей представляет, таким образом, некоторую аналогию с „Отцами и детьми“. Все романы и повести г. Тургенева, как известно, отличаются замечательною краткостью и сжатостью; будущий роман представит исключение в этом отношении: размерами своими он

[5] *ИРЛИ*, ф. 319, № 40.

[6] Ср. с «Воспоминаниями об И. С. Тургеневе», стр. 76—80.

[7] А. Н. Пыпин сообщал М. М. Стасюлевичу 31 июля ст. ст. 1876 г.: «О романе Тург‹енева› заявлено в газетах ‹...› каким-то г. П., посещавшим Т‹ургене›ва в его орловском имении, заявлено с великими сочувствиями и ожиданиями» (*ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, ед. хр. 1188, письмо 34).

превзойдет даже „Отцов и детей", наиболее обширный из романов Тургенева. Произошло это оттого, что в настоящее время среди молодежи не имеется такого крупного типа, как Базаров, в котором мог бы находиться центр тяжести всего романа; пришлось вследствие этого увеличить число действующих лиц, расширить рамки романа, а с тем вместе увеличить и его объем. ‹...› Все крупные произведения этого писателя представляют действительный ответ на какой-нибудь важный современный вопрос или, по крайней мере, определенную точную постановку подобного вопроса, чего нельзя сказать почти ни об одном из других писателей наших. ‹...›

«Не имея возможности привести все подробности моего разговора с И. С. Тургеневым, позволю себе в заключение очертить в двух словах общее впечатление, производимое в настоящее время нашим знаменитым беллетристом. Сохранив до сих пор замечательную физическую и умственную свежесть, И. С. Тургенев относится к различным явлениям русской общественной жизни с тем же ясным и оригинальным критическим взглядом, который его всегда отличал».[8]

Сведения о «Нови» носили не только информационный характер. В них содержалась высокая оценка и признание актуальности и огромного общественного смысла будущего романа еще до его появления в свет.[9]

Это обстоятельство тем более важно, что заметка Половцова появилась в то время, когда среди реакционных журналистов и критиков 70-х годов широко бытовало мнение о «снижении» тургеневского реализма. М. Н. Катков, Б. Маркевич [10] злорадно писали о «былом авторитете» Тургенева, о «писателе в отставке», якобы далеком теперь от острых вопросов русской общественной жизни. Даже такой либеральный публицист, как Е. Марков, прежде доброжелательно относившийся к Тургеневу, заявлял, что после «Отцов и детей» «Тургенев хотя и писал, но уже перестал быть выразителем общественной интеллигенции».[11]

Более сложную позицию в оценке творчества Тургенева 70-х годов, в период его работы над «Новью», занимала народническая критика. На фельетон Половцова о Тургеневе тотчас же откликнулся Н. К. Михайловский полемической статьей в «Отечественных записках».[12] Высмеяв Половцова за излишние подробности в описании быта и привычек Тургенева,

---

[8] «С.-Петербургские ведомости», 1876, 29 июля (10 августа), № 207.

[9] Роман «Новь» был опубликован в «Вестнике Европы» (1877, №№ 1—2).

[10] В статье «Три последние произведения г. Тургенева» Б. Маркевич, подвергший резкой и злобной критике повесть «Пунин и Бабурин», прямо заявлял о том, что Тургенев «сослужил службу», что как автор «Записок охотника» он «мог бы давно опочить на заслуженных им лаврах». «Лучше бы г. Тургенев окончательно смолк, если уже ничего кроме как о Бабурипых ему не остается поведать русскому читателю», — заключал он свои нападки («Русский вестник», 1874, № 5, стр. 385—403).

[11] Е. Марков. Критические беседы. Тургенев и граф Л. Н. Толстой в основных мотивах своего творчества. «Голос», 1876, 15 (27) декабря, № 346.

[12] Г. Темкин [Н. К. Михайловский]. Вперемежку. «Отечественные записки», 1876, № 8, отд. II, стр. 220—221.

Михайловский скептически отнесся к отзыву о Тургеневе как о чутком изобразителе нарождающихся явлений в идейной жизни русского общества.

Михайловский писал: «Ну, вот и на нашей улице праздник. Да еще какой праздник-то: нами занимается сам Иван Сергеевич Тургенев и намерен предложить почтеннейшей публике роман на тему „некоторых новых явлений среди нашей молодежи". Я об этом с величайшим удовольствием узнал от какого-то г. П., который побывал у нашего маститого романиста в деревне, узнал, как и что он пишет, как одевается и сморкается, и все это перепечатал в № 207 „С.-Петербургских ведомостей" под заглавием: „У Ивана Сергеевича Тургенева"».[13]

Заинтересовавшись сообщением Половцова о том, что Тургенев в новом романе обратился к теме народничества, Михайловский сомневался, сумеет ли Тургенев верно осветить ее. «Я по совести говорю, — продолжает Михайловский, — что сам г. Тургенев — *не тот* „большой человек", появление которого я предсказывал и который должен рассказать нашу историю, воспеть наши горести и радости. <...> Тургенев — большой человек. Большой, да не наш, Федот, да не тот. Когда-то было сказано, что г. Тургенев — человек „чуткий", что всякое нарождающееся явление он немедленно схватывает и облекает в художественные образы. Было это сказано очень верно в свое время».[14]

Итак, Михайловский несправедливо вменял Тургеневу в вину то обстоятельство, что он слишком надолго оторвался от русской почвы и вследствие этого не может верно оценивать новые явления в русской общественной жизни. Для Михайловского Тургенев в период работы над «Новью» оставался лишь представителем поколения 40-х годов. Именно поэтому он называл его «большим человеком», да «не нашим». Недоверие и скепсис Михайловского по отношению к «Нови» имели истоком идеологические расхождения с Тургеневым как будущим летописцем народничества. Всему же предшествующему творчеству автора «Записок охотника» Михайловский по-прежнему отдавал дань уважения и сочувствия.[15]

Статья Михайловского, очевидно, стала известна Половцову, поспешившему сообщить о ней Тургеневу. В ответном письме к Половцову от 12 (24) ноября 1876 г. Тургенев замечал: «Не знаю, что написал г-н Михайловский в „Отечественных записках", — но от разных лиц, даже от

---

[13] Там же, стр. 220.

[14] Там же. — Намек на слова Н. А. Добролюбова («Когда же придет настоящий день?»).

[15] Более развернутую оценку творчества Тургенева Михайловский дал в отзыве о «Пунине и Бабурине» («Отечественные записки», 1874, № 4, стр. 403—409) и в своих высказываниях о «Нови» после ее появления в печати (Записки профана. «Отечественные записки», 1877, № 2, стр. 311—326). Вопрос об отношениях Михайловского и Тургенева в данной заметке не может рассматриваться во всей его полноте и сложности. Эта малоизученная и чрезвычайно интересная проблема нуждается в специальном исследовании. Наиболее полные суждения о Тургеневе и Михайловском см.: Г. А. Бялый. Н. К. Михайловский — литературный критик. В кн.: Н. К. Михайловский. Литературно-критические статьи. М., Гослитиздат, 1957, стр. 19—21; Г. А. Бялый. Н. К. Михайловский. В кн.: История русской критики, т. II. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 338—339.

приятелей — мне порядком досталось; иронически поздравляли меня с производством в старцы Гете; жалели, что я не сообщил Вам, какие я предпочитаю кушанья, на какой ноге у меня мозоль и т. д.».[16]

Порицая Половцова за излишние бытовые подробности, опубликованные в его фельетоне, Тургенев обошел молчанием существо высказываний Михайловского о романе. Вряд ли можно рассматривать этот факт как проявление равнодушия писателя, обычно очень чутко прислушивавшегося к отзывам современников.

Во-первых, в ту пору, когда Тургенев отвечал Половцову, он еще не читал статьи Михайловского, зная о ее существовании лишь со слов своего корреспондента. Так, в письме к А. В. Топорову от 11 (23) ноября 1876 г. Тургенев сообщал, что «с июня месяца» — не получил ни одной книжки „Отечественных записок“».[17] Статья же Михайловского была опубликована в августовском номере журнала.

Очевидно, что даже информация о недоброжелательном высказывании Михайловского по поводу нового романа не могла не уязвить писателя. Но в письме к мало знакомому человеку, каким был Половцов, Тургеневу не представлялось возможным разъяснять свои убеждения.

Впоследствии, прочитав статью Михайловского, Тургенев дал волю своей досаде. Об этом в достаточной степени свидетельствует переписка писателя с Ю. П. Вревской и с П. В. Анненковым. В письме к Ю. П. Вревской от 25 ноября (6 декабря) 1876 г. он с обидой писал: «Не знаю, что такое я написал: критик „Отечественных записок“ г-н Михайловский, как только начали ходить слухи о моем романе, обозвал меня „бездушнейшим человеком“, который будет запускать свои неумелые пальцы в зияющие раны нового поколения! Славно сказано».[18] «Ну, а Михайловскому сам бог велел мешать меня с грязью»,[19] — добавлял он в другом письме к ней же от 16 (28) декабря 1876 г.

Оскорбленный намеками на бездушие и писательскую «неумелость», Тургенев воспринял критику Михайловского как явление неизбежное, как следствие своих серьезных идейных разногласий с народниками. «По известиям из Петербурга, тамошние критики (Михайловский и др.) — готовятся встретить меня картечью — с богом!», — сообщал он и в письме к П. В. Анненкову от 20 декабря 1876 г. (1 января 1877 г.).[20]

Однако резкая заметка Михайловского не выражала мнения всей демократической критики.

В защиту Тургенева от нападок Михайловского выступил С. А. Венгеров, автор одной из первых монографий о писателе.[21] В статье «Письма

---

[16] См. примечания к письму Тургенева к А. В. Половцову от 12 (24) ноября 1876: *Письма*, т. XI, стр. 668.

[17] *Письма*, т. XI, стр. 352. — Ср.: в письме к А. В. Топорову от 2 (14) декабря 1876 г. Тургенев уведомлял, что «невысланные №-а „Отечественных записок“» им получены (там же, т. XII, кн. 1, № 4115).

[18] Там же, т. XII, кн. 1, № 4099.

[19] Там же, № 4130.

[20] Там же, № 4136.

[21] С. Венгеров. Русская литература в ее современных представителях. Критико-биографические этюды. И. С. Тургенев. СПб., 1875.

о текущей литературе. Корифеи», подписанной псевдонимом «Фауст Щигровского уезда», Венгеров следующим образом корректировал суждения Михайловского: «Г. Темкин, рассуждая в „Отечественных записках" о фельетоне в „С.-Петербургских ведомостях", где г. П. рассказывал про свое посещение Ивана Сергеевича, находит, что едва ли Тургенев в состоянии будет дать картину некоторых новых явлений среди нашей молодежи, как это уверяет г. П. Г. Темкин полагает, что если когда-то было сказано, что Тургенев — человек „чуткий" и всякое нарождающееся явление немедленно схватывает и облекает в художественные образы, то это было верно только в свое время. Но потом, говорит г. Темкин, вышла такая же история, какая случается с винными бутылками, поступающими с течением времени под баварский квас и кислые щи. ‹...› Так смеется над Тургеневым журнал, — продолжает Венгеров, — перенявший традиции „Современника", а следовательно и нелюбовь к автору „Отцов и детей"».[22]

Соглашаясь с большими оговорками, что Тургенев «в последние годы объевропеился», Венгеров решительно заявлял: «...глубоко несправедлив г. Темкин, утверждая, что прежний портвейн превратился в квас ‹...›, относительно Тургенева можно сказать, что его ни в коем случае не следует считать в окончательной отставке».[23]

В последних словах — отповедь не только Михайловскому, но и главным образом реакционным публицистам, трубившим о «падении» таланта Тургенева.

Доброжелательный отзыв Венгерова имел тем большее значение, что спустя полгода, уже после выхода в свет романа, противники Тургенева злорадно использовали раннюю статью Михайловского о «Нови» в доказательство незнания писателем современной русской жизни. Так, автор «Литературной летописи» в «С.-Петербургских ведомостях», В. В. Марков, повторяя слова Михайловского из статьи «Вперемежку», писал, что Тургенев мог бы сделать следующее публичное заявление: «...зная, что в публике ходит слух о новом моем произведении, написанном будто бы на тему некоторых новых явлений среди нашей молодежи, считаю нужным сказать, что явления эти мне очень мало известны, а потому воспользоваться ими я не могу».[24] Так автор и ссылался на Михайловского, и разделял его мнение.

Таким образом, полемика вокруг «Нови», вспыхнувшая еще до публикации романа, свидетельствовала о постоянном и пристальном внимании читателей разных литературно-политических кругов к творчеству Тургенева.

Н. Н. Мостовская

---

[22] «Новое время», 1876, 11 (23) ноября, № 254.

[23] Там же.

[24] В. М. [В. В. Марков]. Литературная летопись. Журнальные отзывы о Тургеневской «Нови». «С.-Петербургские ведомости», 1877, 12 (24) марта, № 71.

Первые отклики печати на роман «Новь»

I

1 января 1877 г. вышел первый номер журнала «Вестник Европы», в котором была напечатана первая часть романа Тургенева «Новь». Уже 6 января в газетах «Голос» и «Новое время» появились отрицательные суждения о новом романе. Статья «Нового времени» была подписана псевдонимом «Тор», принадлежавшим В. П. Буренину. Автор фельетона «Голоса» скрылся под псевдонимом «IV». Оба отзыва вызвали ряд откликов в ходе полемики, возникшей вокруг «Нови», и были замечены Тургеневым. В частности, он писал М. М. Стасюлевичу 10 (22) января 1877 г.: «Вместе с листами „Нови" пришел № „Голоса", в котором мне доказывают, что моя „Новь" — не что иное, как „старье"; что будешь делать? — На всех не угодишь. — И в „Новом времени" отзыв тоже неблагосклонный...».[1]

Автор статьи «Голоса» в литературе, посвященной творчеству Тургенева, остался под псевдонимом «IV». Не раскрыт этот псевдоним и в «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей», составленном И. Ф. Масановым (тт. III—IV, изд. Всесоюзной книжной палаты, М., 1958—1960).

Критик «Голоса» упрекал Тургенева в старческой болтливости, в повторении в «Нови» идей своих прежних произведений. Он писал, что новое произведение Тургенева явилось «в хвосте целой литературы, успевшей образоваться от зародыша, им же кинутого в его „Отцах и детях"...».[2] При этом были названы: «Некуда» Н. С. Лескова, «Панургово стадо» В. Крестовского и «Бесы» Ф. М. Достоевского. Образ Сипягина критик счел натянутым, деланным, а Калломейцева — грубой карикатурой. Роману Тургенева рекомендовалось называться «словом, которое выговорено г. Тургеневым устами Пенкина ‹Паклина, — *Ред.*› — Потугина: „Чепуха"».[3]

Вскоре в «Биржевых ведомостях» появляется статья Буквы (И. Ф. Василевского), вступившего в полемику с рецензентом «Голоса». Василевский чрезвычайно высоко оценил «Новь». «Кисть маститого художника, избрав громадное полотно, не пожалела ни красок, ни перспективы, ни света, ни теней, ни изумительно правдивых и живых типов», — утверждал он.[4] Вслед за этим Василевский обрушился на «Голос»: «Прошлая неделя ‹...› принесла нам первый, весьма характерный образчик „зубастой критики". Курьезно то, что он появился в большой газете, в которой критический отдел ведется вообще компетентным и талантливым лицом. Лицо это, впрочем, в конце своего посвященного „Нови" фельетона даже и не поставило обычного псевдонима, спрятавшись за римскою цифрою IV. Вероятно, ему даже самому неловко было читать в корректуре свои собственные странные, неудачные, не обнаруживающие ни большого ума, ни вер-

---

[1] *Письма*, т. XII, кн. 1, № 4173.
[2] «Голос», 1877, 6 (18) января, № 6.
[3] Там же.
[4] «Биржевые ведомости», 1877, 9 января, № 8.

ного критического понимания строки».[5] Критический отдел в «Голосе» вел известный музыкальный критик Г. А. Ларош, обычно выступавший здесь под псевдонимом «L».[6]

Через несколько дней после появления в «Биржевых ведомостях» статьи И. Ф. Василевского в третьем номере юмористического журнала «Стрекоза» (дозволен цензурой к печати 13 января) появился новый отклик на «Новь». «Целые томы наших современных беллетристов, имя которым легион и которые пишут главным образом для самих себя и для своих ближайших родственников, — не стоят десяти строк этого высокохудожественного труда. Какие типы, сцены, картины!» — писала «Стрекоза».[7] Далее фельетонист «Стрекозы» обращается к той же статье «Голоса»: «Господин Краевский, сводя старые счеты с Тургеневым, возложил на присяжного рецензента своего (если не ошибаемся, г. Ларош) поручение „постричь" и „отбрить" почтенного беллетриста ‹...›. Силясь своими щупальцами уколоть Тургенева, наемник „Голоса" пришел к тому заключению, что „Новь" есть не что иное, как — подлинное выражение — „чепуха"!

Вот уж доподлинно:

Ай моська!
Знать она сильна,
Что лает на слона!

А Краевский от радости и удовольствия хотел из третьего этажа головою к низу ринуться! Очень жаль, что этого не случилось!».[8] Таким образом, в «Стрекозе» имя Лароша как автора статьи «Голоса» уже называлось открыто.

Фельетон «Стрекозы» был направлен не столько против Лароша, сколько против издателя «Голоса» — А. А. Краевского. Какие же старые счеты Краевского с Тургеневым имела в виду «Стрекоза»? В «Воспоминаниях о Белинском» («Вестник Европы», 1869, № 4) Тургенев писал о Краевском как предприимчивом дельце, издателе-эксплуататоре. Краевский тогда же ответил злобной и клеветнической по отношению к Тургеневу статьей в «Голосе» (1869, 10 (22) апреля, № 100), которая чрезвычайно возмутила писателя.[9] «Голос» и ранее неизменно отрицательно отзывался о произведениях Тургенева — о романе «Дым» и почти о всех повестях 60-х годов.[10] Краевский как редактор «Голоса», очевидно, инспирировал на-

---

[5] Там же.

[6] Еще 17 (29) декабря 1875 г. Тургенев запрашивал А. В. Топорова: «...не можете ли Вы узнать и сообщить мне: кто в „Голосе" начал писать весьма интересные фельетоны под заглавием „Литература и Жизнь"? Автор подписывается французской буквой L» (*Письма*, т. XI, стр. 180). Тургенев познакомился с Г. А. Ларошем. «Он у меня был в Петербурге и понравился мне, как умный человек и знающий свое дело», — писал он А. В. Топорову 13 (25) июня 1876 г. (там же, стр. 276).

[7] «Стрекоза», 1877, № 3, стр. 2.

[8] Там же.

[9] См.: *Тургенев, Соч.*, т. XII, стр. 383—384, 647—649; *Письма*, т. VIII, стр. 21, 22, 24, 26, 412 и 414.

[10] См.: *Сочинения*, т. IX, стр. 492, 535, и т. X, стр. 438, 460.

падки Ларош на «Новь». Вскоре он предоставил страницы своей газеты для такого ожесточенного и злобного врага Тургенева, как Б. М. Маркевич.[11]

Обладатель псевдонима «IV» еще раз выступил по поводу «Нови». В «Голосе» же, 17 февраля, он поместил отзыв о второй части романа и попытался ответить тем, кто полемизировал с его первой статьей. Он упрекнул «Стрекозу» в неверном толковании его рассуждения о «Чепухе» как подходящем для «Нови» заглавии. Имея в виду эту статью «Голоса», А. В. Топоров писал Тургеневу 13 (25) марта: «Даже критиканы уже начинают раскаиваться в своих первых отзывах. — Ларош во второй статье говорит, что „это произведение по таланту не ниже «Рудина» и «Дворянского гнезда»"».[12] Заметим, что Топоров не точен в цитировании[13] и что эта статья содержала отрицательную оценку второй части «Нови» и романа в целом. Но она была не столь резка по тону, как первая статья «Голоса».

Сопоставление статей «Биржевых ведомостей», «Стрекозы» и письма А. В. Топорова к Тургеневу позволяет раскрыть псевдоним «IV». Он принадлежал Г. А. Ларошу. Так устанавливается автор двух статей «Голоса» о «Нови» (1877, 6 (18) января и 17 февраля (1 марта), №№ 6 и 48).

Отношение Г. А. Ларош к «Нови» определялось теми общественно-политическими воззрениями, которых он придерживался на протяжении 60—70-х годов. Литературно-критические статьи Ларош были направлены против революционно-демократической идеологии и эстетики, содержали нападки на молодое поколение и «нигилистов». Критик отстаивал «чистое искусство» и защищал тезис о внепартийности художника. Высказывая в своих статьях резко отрицательные суждения о деятелях монархической реакции, в целом Ларош занимал праволиберальную позицию.[14] Все это не позволило Ларошу понять и принять отношение Тургенева к революционной молодежи и изображение им Сипягиных и Калломейцевых.

II

Статья «Стрекозы» о «Нови», упоминавшаяся нами выше, была безымянной. Кто же был ее автором? Скорее всего тот же И. Ф. Василевский, который был фактическим редактором этого журнала. Статья была помещена в постоянном отделе, носившем название «Всякие злобы дня». Василевский же сообщал о себе позже С. А. Венгерову: «В „Стрекозе", в течение 18 лет, постоянно писались „Всякие злобы дней"».[15]

---

[11] См. его статьи: «Голос», 1877, 6 (18) и 9 (21) января, №№ 6 и 9 (за подписью «Волна»).

[12] *Лит. арх.*, № 4, стр. 254.

[13] «...„Новь" ‹...› не хуже „Рудина", ‹...› не хуже даже „Дворянского гнезда"», — писал рецензент «Голоса» (1877, 17 февраля (1 марта), № 48).

[14] См. об этом: Ю. Кремлев. Русская мысль о музыке. Том второй. 1861—1880. Музгиз, Л., 1958, стр. 297—304.

[15] С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. IV, отд. II. Пб., 1895, стр. 111.

Статья «Стрекозы» о «Нови» стала известна Тургеневу. «Благодарю за высылку моей покровительницы „Стрекозы", — писал он М. М. Стасюлевичу 28 января (9 февраля) 1877 г., — если возможно передайте, кому знаете, мое спасибо».[16] Спустя два месяца Василевский выступил по поводу «Нови» с новой статьей в «Биржевых ведомостях» (1877, 13 марта, № 70). Он высмеял в ней хулителей «Нови», назвав их «„валетами" катковской школы».[17] И здесь же Василевский писал: «Сказать к слову, отношение всей нашей критики к „Нови" весьма огорчило Тургенева. В письмах своих к петербургским друзьям и знакомым он сознается, что не ожидал такого предвзятого и недоброжелательного приема, и не без грусти спрашивает самого себя: „не пора ли и положить перо?"».[18] Этот абзац по своей тональности отличается от всей очень резкой статьи Василевского. Последний в это время не был лично знаком с Тургеневым.[19] Если Василевский был автором статьи в «Стрекозе», а Стасюлевич, выполнив просьбу Тургенева, передал ему благодарность писателя, то появление в статье Василевского приведенных нами слов получает свое объяснение. Они как бы явились ответом Василевского знаменитому и высоко ценимому им писателю.

Так уточняются некоторые имена участников полемики, разгоревшейся вокруг романа «Новь».

Г. В. Степанова

Роман «Новь» и «процесс пятидесяти»

Роман «Новь», посвященный изображению революционного народничества, постигла участь, обычная для всех романов Тургенева, за исключением, может быть, «Дворянского гнезда». Его выход в свет был встречен противоречивыми толками, среди которых особенно явственно прозвучали ноты осуждения, обидные для авторского самолюбия. Между тем Тургенев, как известно, возлагал очень большие надежды на свой последний роман. Им он думал «распроститься» с читателем, рассеяв у него недоброжелательные, а подчас и подчеркнуто враждебные чувства, порожденные романами «Отцы и дети» и «Дым». Одной из задач Тургенева в работе над «Новью» было стремление укрепить свою пошатнувшуюся репутацию передового писателя, обладающего повышенной чуткостью к новым веяниям в жизни русского общества. В январе 1876 г. он писал Салтыкову-Щедрину: «Не хотелось бы исчезнуть с лица земли, не кончив моего большого романа, который, сколько мне кажется, разъяснил бы многие недо-

---

[16] *Письма*, т. XII, кн. 1, № 4195.

[17] Если Василевский, выступив с двумя статьями в «Биржевых ведомостях», принял столь активное участие в полемике вокруг «Нови», тем основательнее ожидать его отклика и в руководимой им «Стрекозе».

[18] «Биржевые ведомости», 1877, 13 марта, № 70.

[19] Василевский познакомился с Тургеневым в 1880 г. (см.: Буква «И. Ф. Василевский». Памяти И. С. Тургенева. «Одесский листок», 1903, 7 сентября, № 230).

умения и самого меня поставил бы так и там — как и где мне следует стоять».[1]

Однако этим надеждам суждено было осуществиться не сразу. «Новь» печаталась в январской и февральской книжках журнала «Вестник Европы» за 1877 г. И с этого же времени в печати один за другим начали появляться суровые отзывы о ней. Тургенева обвиняли в незнании русской действительности, обусловленном долгим пребыванием за границей. И реакционно-либеральная и демократическая критика почти единодушно отказывали «Нови» в глубоком отражении общественно-политической жизни 70-х годов, воспринимая центральные образы романа как мертворожденные создания, лишенные типичности, новизны и естественности, т. е. необходимых признаков подлинно художественных произведений.

В статье «„Новь" И. С. Тургенева», принадлежавшей перу В. Г. Авсеенко и напечатанной в катковском «Русском вестнике», Тургенев назывался «рабом» 60-х годов, для которого непосильно отрешиться от якобы окончательно изжившей себя темы нигилизма. «Из бурного потока, готовившегося затопить Русь, — декларировал Авсеенко, — нигилизм давно уже превратился в мутный ручей, пробирающийся где-то в стороне от главного течения жизни; а г. Тургеневу, очевидно, до сих пор он представляется большим руслом, центром, в который замкнулась русская жизнь и от которого зависит ее дальнейшее направление».[2]

В демократических «Отечественных записках» появилась не менее резкая статья Н. К. Михайловского «Записки профана» с следующим саркастическим заключением о значимости характера Нежданова и содержании романа в целом: «Мы, русские читатели, пожалуй, опять готовы воспеть хвалу чуткости, но вдруг замечаем на авансцене, в поэтическом центре романа, „черты знакомого лица". Да — это старый, старый знакомый, это — лишний человек... Одно, значит, из двух: или г. Тургенев приобрел совсем задаром репутацию чуткости своими гамлетиками и самоедами сороковых годов, или оказался не очень чутким в 1876 году... слишком многое изменилось на Руси за эти три, четыре десятка лет... Скептик, да еще прирожденный скептик, неверующий, здесь особенно неуместен, потому что он — исключение».[3] В таком же тоне отзывался Михайловский о Соломине: «Он ‹Тургенев› делает из него туманную фигуру, какой-то ходячий, олицетворенный совет... Но ведь, чтобы советовать, надо знать дело, а г. Тургенев его не знает, следовательно, и подсказать Соломину может только очень немногое. Оттого и туманна фигура Соломина и даже совершенно неправдоподобна...».[4] «От самой Марианны (этой возобновленной инсаровской Елены), — писал критик газеты «Голос», — веет холодом и нестерпимою деланностью...».[5]

---

[1] *Письма*, т. XI, стр. 190.
[2] «Русский вестник», 1877, № 2, стр. 908.
[3] «Отечественные записки», 1877, № 2, стр. 322.
[4] Там же, стр. 324.
[5] «Голос», 1877, 17 февраля (1 марта), № 48. — Об авторе этой статьи см. выше, на стр. 192—194.

Подавленный обилием такого рода суждений, Тургенев, как это с ним бывало неоднократно и прежде, сам начал сомневаться в достоинствах своего романа. 7 (19) марта 1877 г. он писал редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу: «...у меня насчет „Нови" раскрылись глаза; это вещь неудавшаяся. Не говорю уже об единогласном осуждении всех органов печати, которых, впрочем, нельзя же подозревать в заговоре против меня: но во мне самом проснулся голос — и не умолкает. Нет! Нельзя пытаться вытащить самую суть России наружу, живя почти постоянно вдали от нее. Я взял на себя работу не по силам».[6]

Люди, в какой-то степени близкие Тургеневу по убеждениям или по многолетним дружеским связям, — редактор «Вестника Европы» М. М. Стасюлевич, либеральный историк К. Д. Кавелин, бывший министр народного просвещения А. В. Головнин, П. В. Анненков, — посвященные в замысел романа и историю его создания, с самого начала давали «Нови» очень высокую оценку. Но их мнения, высказанные в частной переписке с писателем, не могли оказать сколько-нибудь заметного влияния на публику.

Перелом в суждениях широкого читателя и критики о романе начал намечаться лишь после так называемого «процесса пятидесяти» в «особом присутствии правительствующего сената» — дела о народниках-пропагандистах, арестованных в Москве, Иваново-Вознесенске, Туле и других городах весной и летом 1875 г. Подробные отчеты в печати об этом процессе, длившемся с 21 февраля по 14 марта ст. ст. 1877 г., ставились в прямую связь с «Новью», как веское и притом сенсационное подтверждение правдивости нарисованной в этом романе картины народнического движения.

За несколько дней до начала процесса, находясь, очевидно, под впечатлением слухов о нем, В. М. Гаршин писал Е. С. Гаршиной: «Прочли ли вы „Новь"? Вот Ив‹ан› Серг‹еевич› на старости лет тряхнул стариною. Что за прелесть! Я не понимаю только, как можно было, живя постоянно не в России, так гениально *угадать* все это».[7] Переполох, произведенный процессом в среде суровых критиков «Нови», порождал иногда очень характерные курьезы. Так, например, В. В. Марков, утверждавший сначала, что роман имеет «вид чего-то устарелого, пережитого, вид анахронизма»,[8] некоторое время спустя вполне серьезно настаивал на том, что «Новь» полна жгучего современного интереса... благодаря хитрому маневру автора, сумевшего заблаговременно получить доступ к материалам судебного процесса над революционерами. Приводим знаменательную выдержку из этого отзыва: «Сочиняя и печатая свой роман, г. Тургенев знал, из не всем доступных источников, то, чего еще не знала остальная русская публика... Тургенев, как видно, имел случай и возможность близко ознакомиться с характером и направлением политического дела, которое огласилось во всеобщее сведение не далее, как через две-три недели после выхода второй части его романа. Поэтому ни публика, ни критика не могли

[6] *Письма*, т. XII, кн. 1, № 4239.

[7] В. М. Гаршин, Полное собрание сочинений, т. III, «Academia», М.—Л., 1934, стр. 109.

[8] «С.-Петербургские ведомости», 1877, 5 (17) февраля, № 36.

правильно оценить современный интерес и правду подробностей, какие выступают в романе Тургенева, равно как выяснить себе с точностью тот характер деятельности, какой присвоен в нем пропагандистам революционной идеи. Многие черты и подробности, которые казались произвольными и придуманными, как, например, водевильные переодевания готовящихся идти в „народ", их образ жизни в качестве «опростелых"... их революционная агитация среди народа и т. д., взяты целиком из действительности и прямо воспроизводят факты процесса... Политическое дело, обнаруженное правительственными властями еще два года тому назад, было случайным, непредвиденным обстоятельством, которым автор ловко воспользовался для своего романа, получившего через это существенный интерес».[9]

Комментируя этот отзыв, А. В. Топоров сообщал Тургеневу на другой день: «Рецензент СПбургск‹их› Ведом‹остей› во вчерашнем фельетоне пишет, что если бы роман Ваш появился двумя месяцами спустя, т. е. после процесса, то критика иначе бы отнеслась к нему, что она, бедная, не знала, что в этом процессе явится и хождение в народ, и переодевание, и проч., и прибавляет, что, вероятно, Тургеневу это было известно».[10]

Начавшийся процесс поразил и самого Тургенева. Некоторые вскрывшиеся на нем факты, в особенности огромный процент женщин среди его участников, были для него полной неожиданностью. Обращаясь к Ю. П. Вревской с просьбой прислать «еще несколько заметок насчет юных нигилисток, которых судят теперь в Петербурге», Тургенев добавлял: «Факт, что из 52-х подсудимых (революционеров) 18 женщин — такой удивительный, что французы, например, решительно ничего в нем понять не могут! А меня упрекали критики — что Марианна у меня сделанная!».[11] Аналогичны письма Тургенева к М. М. Стасюлевичу [12] и А. В. Головнину.[13]

Прав был В. М. Гаршин. Не будучи непосредственно знаком с участниками процесса, Тургенев в «Нови» проницательно угадал многие черты их идейно-психологического облика, в том числе и очень важные, определяющие. Что касается женских образов «Нови», то еще Вера Фигнер отмечала, что «Машурина — вылитый портрет Веры Любатович, которую мы прозвали „Волчонком" за ее резкость, а Марианна — очень напоминала мою сестру Лидию».[14]

В первоначальных набросках плана «Нови» Тургенев подчеркивает целомудрие Машуриной, ее суровую нравственность. Сцены любви в «Нови» вообще необычны по сравнению с аналогичными сценами в других романах Тургенева. Отношения между Марианной и Неждановым похожи скорее на чистую и светлую дружбу, главным стимулом которой является идея жертвенного служения народу. «Наша жизнь не пропадет даром, мы пойдем в народ... мы будем работать, мы принесем им, нашим братьям, все, что мы знаем, — я, если нужно, в кухарки пойду, в швеи, в прачки...

---

[9] Там же, 12 (24) марта, № 71.
[10] *Лит. арх.*, т. 4, стр. 254.
[11] *Письма*, т. XII, кн. 1, № 4232.
[12] Там же, № 4228.
[13] Там же, № 4222.
[14] *Фигнер*, т. V, стр. 62.

И никакой тут заслуги не будет — а счастье, счастье...» — говорит Марианна в главе XXII романа. И когда Нежданов с такой же восторженной порывистостью соглашается идти за нею «на край света», Марианна заключает просто: «Так возьми же мою руку... только не целуй ее — а пожми ее крепко, как товарищу, как другу...». Об этом же говорит и Нежданов: «В нашем сближении личное чувство играло роль... второстепенную — а соединились мы безвозвратно <...> во имя дела!» (см. гл. XVI).

Отказ от личного счастья во имя высокой революционной идеи был типичной особенностью жизненного поведения ранних народников. «Аскетизм того времени, — пишет В. Фигнер об участницах «процесса пятидесяти», — шел так далеко, особенно среди женщин, что при обсуждении устава они внесли пункт об обязательности безбрачия».[15] Характерная для «Нови» «подмена» любви дружбой между мужчиной и женщиной, возможно, предопределена в какой-то мере конкретными сведениями о девушках-революционерках, сообщенными Тургеневу П. Л. Лавровым во время их свидания в феврале 1874 г. «Тургенев, — вспоминает П. Л. Лавров, — жадно расспрашивал меня о цюрихской молодежи, о ее содействии предпринимаемому мной делу, хотел знать подробности, обстановку. Само собою разумеется, что я с удовольствием передавал ему всё, что мог, и я видел, как он был взволнован рассказом о группе молодых девушек, живших отшельницами и самоотверженно отдававших свое время, свой труд, свои небольшие средства на дело, в котором они участвовали только как наборщицы.[16] Ни он, ни я, мы не знали тогда, что говорили о будущих героинях процесса 50-ти, которые впишут навсегда свои имена в историю русского революционного движения...».[17]

Интересны связи «процесса пятидесяти» с разработкой в романе образов Маркелова, Нежданова и Соломина.

В главе XXIX заходит речь о пропагандистской литературе, полученной Неждановым от Маркелова. На вопрос Марианны, какие это книжки, Нежданов отвечает уклончиво и в то же время достаточно определенно: «Да... обыкновенные. „Сказка о четырех братьях“... Ну, еще там... обыкновенные, известные». Из истории создания романа известно, что в черновом автографе и в наборной рукописи вместо этой сказки упоминалась брошюра В. Е. Варзара «Хитрая механика», в которой наряду с помещиками эксплуататором крестьян был назван сам царь. По совету А. Ф. Кони, указавшего на анахронизм (действие романа происходит в 1868 г., а «Хитрая механика» вышла в свет гораздо позже) упоминание об этой брошюре было снято Тургеневым. В перечнях пропагандистской литературы, неоднократно приводившихся на процессе при допросах подсудимых и свидетелей, в заявлениях прокурора и т. п. неизменно упоминаются названные брошюры — как наиболее ходовые и популярные.[18] В главе XVI Маркелов вдруг принимается «толковать о надеждах,

---

[15] Там же, стр. 179.
[16] Речь идет об издании народнического журнала «Вперед».
[17] *Революционеры-семидесятники*, стр. 24.
[18] См., например: «Наш век», 1877, 13 марта, № 13.

возлагаемых им на фабричных». Материалы процесса показывают, что почти все его участники вели пропаганду среди рабочих в крупных городах и, чтобы облегчить себе эту задачу, изучали ремесло, переодевались в рабочее платье и нанимались на фабрики в качестве простых рабочих, пользуясь подложными документами. «Организация, — пишет по этому поводу В. Фигнер, — избрала сферой своей деятельности среду фабричных рабочих, как более развитых и, вместе с тем, не порвавших связи с деревней, проводником идей в которую они могли стать весьма легко, возвращаясь на летние работы домой, в крестьянство».[19] Глухой намек Тургенева на эту особенность тактики народников свидетельствует о том, что о революционном движении он знал не так мало, как полагали его критики.

Как тонкий психолог Тургенев догадывался и о таких переживаниях революционеров, которые связаны были с резким нарушением привычных жизненных норм интеллигентного человека, неожиданно попадающего в незнакомую и убогую обстановку крестьянского быта. У студента Нежданова, предварительные знания которого о народной жизни имели по преимуществу книжный характер, этот быт постоянно вызывает тягостное брезгливое чувство, он бранит себя за неуместный эстетизм, но преодолеть его не может. Это чувство приходилось испытывать и участникам процесса. Вот характерная выдержка из оглашенного на процессе анонимного письма, обнаруженного жандармами в бумагах Лидии Фигнер: «Опять пришлось мне быть в положении социалистки. Ах, Анна,[20] в этот раз это положение показалось мне еще ужаснее, может от присоединения к другим неприятностям — целованье ног, поклоны, с одной стороны, дранье кожи — с другой. Я смотрела, смотрела, вертелась, вертелась, но наконец терпенье мое лопнуло, и я разразилась истерикой».[21]

Проблема взаимоотношений интеллигента-революционера с крестьянством, вызывавшая у Тургенева неослабевающий интерес в течение десятилетий, получает в романе конкретное, но весьма специфическое разрешение. В декабре 1876 г. Тургенев согласился с замечанием К. Д. Кавелина об одностороннем и неполном изображении народа в «Нови». При этом, однако, Тургенев заметил, что он шел на это сознательно, что у него была здесь «некоторая преднамеренность»: изображая крестьян, он стремился «...представить ту их жесткую и терпкую сторону, которою они соприкасаются с Неждановым, Маркеловым и т. д.».[22] Преимущественным изображением этой «жесткой и терпкой стороны» народной психологии подчеркивается в «Нови» тщетность попыток Маркелова и Нежданова вызвать народное восстание, — попыток, в результате которых первый, выданный полиции своими же крестьянами, получает тяжелую духовную травму, а второй кончает самоубийством. Нежданов в заключении романа бесповоротно убеждается в том, что между ним как представителем народничества и крестьянской массой существует непреодолимая «стена», что каждый крестьянин, слушая речи пропагандистов, так и смотрит «нетом».

---

[19] *Фигнер*, т. I, стр. 93—94.
[20] Конспиративное имя Лидии Фигнер.
[21] «Наш век», 1877, 13 марта, № 13.
[22] Письмо от 17 (29) декабря 1876 г. *Письма*, т. XII, кн. 1, № 4133.

«Не нужен я ему со своими книжками и все тут», — говорит Нежданов по этому поводу. В этих сценах романа сказалось глубокое понимание Тургеневым трагизма народнического движения, его исторической обреченности. В ходе процесса выяснилось, что большинство его участников, как и Маркелов, было предано не понимающими их крестьянами.[23] С другой стороны, Вера Фигнер, связанная с участниками процесса узами многолетней дружбы, отмечала в их настроениях после провала «хождения в народ» в 1875 г. явно нежда новские ноты, свидетельствующие о депрессии и горьких разочарованиях, о несбывшихся надеждах и скепсисе. «У многих надежды рухнули, — писала она, — программа, казавшаяся столь осуществимой, не привела к ожидаемым результатам; вера в правильность постановки дела и в свои собственные силы поколебалась; чем сильнее был энтузиазм лиц, шедших в народ для пропаганды, тем более горько было разочарование. Старое было разбито, но новые взгляды еще не выработались».[24]

Таким образом, «гамлетизм» Нежданова, насмешливо расцененный Н. К. Михайловским и другими критиками «Нови» как запоздалый рецидив 40-х годов, как показатель творческого оскудения Тургенева, вынужденного якобы бессильно повторять самого себя, являлся чертой, в известной мере родственной настроениям передовой молодежи начала 70-х годов. Во всяком случае эта черта не была для нее чуждой. Тургенев заставил Нежданова покончить самоубийством, и это также было не прихотью художника.

Типичность судьбы Нежданова можно подтвердить еще одной выдержкой из мемуаров В. Фигнер. Вспоминая о цюрихском периоде своей жизни, о дружной и тесной семье русских девушек-студенток, из которых большинство впоследствии судились на «процессе пятидесяти», В. Фигнер писала:

«Когда в 1872 г. мы, цюрихские студентки, еще не испытавшие ни политических бурь, ни личных неудач, образовали „женский ферейн“ ‹...›, по странной случайности, темой первого доклада на общем собрании был вопрос о самоубийстве, и горячие прения возбудило обсуждение, можно ли считать нормальным состояние человека, решающегося на самоубийство. Никто тогда не подозревал, что между горячо спорящими присутствуют пять будущих самоубийц: С. Бардина, Хоржевская, Б. Каминская, Евг. Завадская и сестра писателя Д. Писарева, Гребницкая, — все такие разные и тогда все жизнерадостные... Всех измолола и всех сравняла жизнь».[25]

Последняя фраза цитаты из мемуаров Веры Фигнер заставляет вспомнить об итоге жизни Нежданова, подведенном им самим: «Куда ни кинь — все клин! Окургузила меня жизнь...» (гл. XXX).

---

[23] Это видно из подробного отчета о допросах подсудимых и свидетелей, а также из речи товарища обер-прокурора, который отмечал, что «почти все дела начаты по указаниям и доносам самих крестьян...» («Наш век», 1877, 3 апреля, № 32).

[24] *Фигнер*, т. I, стр. 96.

[25] Там же, т. V, стр. 190. — Из названных девушек только Гребницкая не привлекалась к суду по «процессу пятидесяти».

Тщательно подчеркиваемые в «Нови» неподготовленность темной крестьянской массы к восприятию революционных идей, ее равнодушное или опасливое отношение к пропагандистам, в которых она видела все-таки «господ», чуждых крестьянскому миру, — все это достаточно отчетливо проявилось и на «процессе пятидесяти». При этом совпадения — в отдельных случаях — между поистине трагическими данными процесса и теми или иными сценами романа так явны, что становятся понятными и восторженный тон отзыва В. М. Гаршина, и заблуждение Маркова, уверявшего, что Тургеневу была предоставлена возможность воспользоваться сведениями о процессе задолго до их официальной публикации.

«Как ты с этими людьми ни толкуй, сообразить они ничего не могут — и приказаний не исполняют, — с горечью говорит Маркелов о крестьянах в гл. XI романа. — Даже по-русски не понимают. Слово: „участок" им хорошо известно... а „участие"... Что такое участие? Не понимают! А ведь тоже русское слово, чорт возьми! Воображают, что я хочу им участок дать!». Поясняя, о чем именно шла речь в данном случае, Тургенев пишет: «Маркелов вздумал разъяснить крестьянам принцип ассоциации и ввести ее у себя, а они упирались. Один из них даже сказал по этому поводу: „Была яма глубока... а теперь и дна не видать..."».

Почти все защитники на «процессе пятидесяти» были очень порядочными и гуманными людьми, всячески стремившимися облегчить положение подсудимых, что им в известной мере и удалось; некоторые из них горячо сочувствовали революционному движению. Учитывая эти обстоятельства, трудно предполагать, чтобы приводимый ниже диалог между защитником Боровиковским и свидетелем из крестьян был как-то тенденциозно подстроен с целью выявить глупость допрашиваемого. Просто это была ничем не прикрашенная правда, помогающая глубже понять чувства, овладевшие многими участниками «хождения в народ» после его провала.

«Прис‹яжный› пов‹еренный› Боровиковский. Можете прочитать, что написано?

«Свид‹етель› Баринов. Нет.

«В‹опрос›: Знаете, что значат слова: „сочувствие", „одномысленных", „революция"?

«О‹твет›: Нет, не знаю. „Революцию" после узнал, что это бунт».[26]

Свидетельница Дарья Скворцова, крестьянка, сдававшая дом московской группе участников процесса, внезапно решила донести на своих постояльцев, потому что ей показалось обидным их невольное невнимание к ней в горячке приготовлений к революционной деятельности. Мотивы этого предательства осложнялись еще тем, что рядом с «господами» Скворцова ощущала свою «неполноценность» темного, необразованного человека, и в ней вдруг заговорило мстительное чувство. «Они стали увязывать чемоданчики и разговаривают, чтобы я уходила. Так как мне обидно показалось, то я пошла в жандармское управление и доказала». И далее: «По разным местам хотели разъехаться весной, когда будет потеплее...

---

[26] «Наш век», 1877, 5 (17) марта, № 5.

Если бы я была ученая, то я лучше еще могла бы рассказать, а теперь не могу рассказать. Говорили, чтобы у нас не было великого государя».[27]

Не имея прочной опоры в народе, участники процесса в поисках связи с ним нередко вынуждены были, подобно героям Тургенева, полагаться на неподготовленных или вовсе непроверенных людей: случайно встреченного на дороге или в трактире крестьянина, солдата, купца и даже жандарма. Это обстоятельство было одной из важных причин большого количества предательств. Фанфарон купец Голушкин во всех отношениях чужд и Маркелову, и Нежданову, и Соломину. Но его терпят по необходимости. Попав в тюрьму по доносу собственного приказчика, этот циничный и трусливый шкурник «всё и всех выдает», лишь бы спастись самому, и «жертвует в гимназию портрет митрополита Филарета». Игра в демократизм и передовые убеждения прекращается, таким образом, при первой же опасности. Подстать этому покаянное поведение на «процессе пятидесяти» некоего купца Павла Трубецкого. «Я сейчас же их сжег, — говорит он о пропагандистских книгах и брошюрах. — Я просидел полтора года в тюрьме. Я пять лет торговал вином; у меня были кабаки. Какие мои убеждения?... Я по три тысячи в год наживал от кабаков. Меня такие книги не могли прельстить. Пять лет я состоял на службе. Был саратовским купцом. Если я не представил эти книжки, то это была, должно быть, воля божия. За это мне бог послал: я полтора года высидел».[28]

От начала до конца романа Нежданов сомневается в действенности народнической пропаганды и агитации, рассчитанной на повсеместную организацию крестьянских бунтов и волнений, которые должны перерасти во всеобщее народное восстание против самодержавия и помещиков. Соломин — человек совсем другого склада, но он тоже не придает особого значения такой пропаганде и агитации. Он понимает «невольное отсутствие народа» в революционном движении и проповедует поэтому долгую и кропотливую подготовительную работу в народных массах.

Эпиграф романа и многочисленные тургеневские разъяснения сущности образа Соломина свидетельствуют о том, что в нем нашли отражение общественно-политические убеждения автора, отвергавшего революционный метод изменения действительности и связывавшего свои надежды на лучшее будущее народа с просвещением и либеральными реформами. Однако если бы содержание образа Соломина, оказавшегося в центре повествования о революционном народничестве, сводилось только к этому, тогда пришлось бы признать справедливыми заключения критиков — современников Тургенева о грубой тенденциозности его романа.

Объективно идейное содержание образа Соломина представляет собою тесное переплетение либерального постепеновства с некоторыми типично народническими идеями о необходимости длительной подготовки крестьянской революции. Первоначальным замыслом образа Соломина такое сочетание, по-видимому, не предусматривалось, но в конечном итоге работы над романом оно все-таки сказалось.

---

[27] Там же.
[28] Там же, 20 марта, № 20.

Известно большое уважение Тургенева к личности П. Л. Лаврова. Что касается убеждений последнего, определенное сочувствие к ним со стороны автора «Нови» также несомненно.

«В вашей полемике против Ткачева, — писал Тургенев Лаврову 5 декабря н. ст. 1874 г., — Вы совершенно правы; но молодые головы вообще будут всегда с трудом понимать, чтоб можно было медленно и терпеливо приготовлять нечто сильное и внезапное... Им кажется, что медленно приготовляют только медленное — вроде постепенной реформы и т. д.».[29] В этой характерной реакции Тургенева на программу одного из видных теоретиков народничества уже угадывается позднейшая общественно-политическая ориентация и интонация Соломина (см. беседы Соломина с Марианной в гл. XXIX и особенно в конце гл. XXX, где определен принципиально различный подход к проблеме революции у Маркелова и у Соломина; см. также заключение романа, в котором, в соответствии с тоном письма Тургенева к Лаврову, звучит характеристика Соломина: «...он не внезапный исцелитель общественных ран»).

«Процесс пятидесяти» показывает, что эти слова Тургенева не были пустой фразой. Идеи, подобные соломинским, бродили в умах некоторых его будущих участников, постепенно выдвигаясь (особенно после массовых арестов революционеров в 1874 г., послуживших впоследствии основой для так называемого «процесса 193-х») как возможное руководство к действию взамен тактики организации немедленного повсеместного бунта, которая оказалась несостоятельной. Об этом свидетельствует оглашенный на процессе отрывок пространного анонимного письма-декларации, обнаруженного при обыске у подсудимого Н. Ф. Цвиленева.

Поставленное в связь с проблематикой «Нови», письмо как бы подчеркивает конкретно-историческое содержание, влагавшееся Тургеневым в первоначальное определение характеров Нежданова («романтик реализма») и Соломина («русский революционер», постепеновец «снизу»), зафиксированное в плане романа. Письмо проникнуто критическим отношением к революционности, движущей силой которой является эмоциональный порыв, не подкрепляемый достаточным знанием реальной обстановки в стране, истинного положения народа и его характера. Из письма видно, что такая революционность, напоминающая настроения «романтика реализма» Нежданова в романе, была весьма распространенным явлением в народнической среде и неизменно приводила к плачевным результатам. С другой стороны, некоторые положения письма, в частности тезис о пользе сомнения в правильности применяемых революционных методов, звучат в унисон критицизму Нежданова. Центральная же мысль письма слишком явно свидетельствует об идейном родстве его автора с тургеневским Соломиным, убежденным в «невольном отсутствии народа» в революционном движении. Вот характерные выдержки из этого письма: «Точно ли все вопросы решены и не допускают сомнений? Неужели опыты ‹здесь и ниже подразумеваются, конечно, неудачные попытки хождения в народ, — *А. Б.*› ничего не говорят? Что такое народ? ‹...› Вопросы не только не ре-

[29] *Письма*, т. X, стр. 331.

шены, но и поставлены неверно, опыт должен привести к сомнению. Дело в том, что русский радикализм есть только отвлеченное умозаключение, основанное на ненадежной подкладке чувства, незнания натуры и потребностей русского человека и условий исторической жизни его ‹...› Что он хочет навязать русскому человеку образ мыслей и идеалы, усвоить которые он неспособен, это известно из знакомства ‹...› В русском человеке ‹...› разные социальные невзгоды довели потребности до такого минимума, что, во-первых, нужно слишком большую нужду, чтобы он протестовал, во-вторых, слишком немного уступок нужно, чтобы заставить его замолчать и уступать. Если призрачное освобождение крестьян отдалило народное восстание на несколько десятков лет, то затем при серьезных попытках к восстанию достаточно будет уменьшить налог, подарить выкуп или увеличить десятину надела на душу, чтобы отдалить восстание еще на десятки лет ‹...› Небольшие уступки материальные заставят охотнее уступить и выдать своих вожаков и интеллигентных пропагандистов, а это будет до тех пор, пока в народе не создастся самостоятельная народная мысль и более или менее человеческая культура, которую еще нужно создать не заграничными книгами, не возбуждением к восстанию, а медленным человеческим развитием и влиянием там, где этому не мешают окончательно неблагоприятные условия ‹...› Времена Пугачева прошли ‹...› народ стал более миролюбив и вынослив, подняться ему трудно и нет никаких шансов на успех». Далее, обращаясь к революционерам-народникам, автор письма предлагает им ограничивать свою роль «внимательным изучением массы и отдельных единиц ее, прививать отдельным единицам сознание и критику, но ни в каком случае не тенденциозную и поджигательную ‹что и делает Соломин в отношении своего «фактотума» Павла, — *А. Б.*›, и вносить в массу элементы человеческой культуры и затем все предоставить переработке самого народа и истории ‹...› Громадное большинство арестованных было на ложном пути, — пишет автор в заключение своего письма, — они погибли без всякой пользы. Оставшиеся должны наконец одуматься ‹...› мизерная группа ‹...› должна съежиться и составить ядро будущей сознательной радикальной партии, а пока вглядываться в среду, среди которой живет, изучать ее и народ, изучать условия его жизни и культурный строй, вырабатывать фундамент программы ‹...› и ждать. Всякие революционные книжки нужно бросить в печь ‹подобно этому Нежданов в романе скептически относится к пропагандистской литературе, а Соломин предупреждает Нежданова и Маркелова, чтобы они не вздумали вести пропаганду среди его рабочих, — *А. Б.*›. Все это вздор и белиберда ‹...› Ждать и работать медленно, но прочно ‹...› Пора отделаться от очарования „мужицкой“ обстановки и не заботиться о внешности, сохраняя сущность. Эти юные порывы без критики ни к чему не поведут, окромя вреда».[30]

Кто был автором письма, найденного у Цвиленева, неизвестно. Можно утверждать, однако, что этот человек не был чужд народническому движению. В этом убеждает прежде всего его типично демократическое отно-

[30] «Наш век», 1877, 20 марта, № 20.

шение к крестьянской реформе, которую он квалифицирует в своем письме как «призрачное освобождение крестьян». Важно подчеркнуть также, что анонимный автор письма, во многом предвосхищающий настроения тургеневского Соломина, не был исключением в революционной среде 70-х годов. Из воспоминаний В. Фигнер, относящихся к 1875 г., видно, что подобные ему люди пользовались иногда очень большим авторитетом и умели вселить бодрость в революционеров-народников, тяжело переживавших полосу провалов и поражений. «Лично я была в таком настроении, — пишет Вера Фигнер, — что думала — лучше бы умереть. Из всех знакомых этого периода я могу с любовью остановиться на одном нелегальном лавристе, Антоне Таксис. Он поддержал меня в самые тяжелые минуты и внушил некоторые принципы, с тех пор не покидавшие меня ‹...› он постоянно твердил мне, что для дела нужны не порывы, а терпеливая и кропотливая работа; что результаты этой поистине черной работы могут быть ничтожны, но мы должны быть к этому готовы и не отчаиваться, так как каждая новая идея лишь медленно воплощается в жизнь, и, при известных исторических условиях, каждый делает лишь то, что он может сделать».[31] Воспоминания Веры Фигнер о лавристе Антоне Таксисе неизбежно наводят на мысль о совершенно аналогичной роли Соломина в идейном перевоспитании Марианны; они заставляют вспомнить также о письме Тургенева к прогрессивной общественной деятельнице А. П. Философовой, написанном в пору работы над романом «Новь». В этом письме, которое напоминает последующие высказывания Соломина, Тургенев отмечал: «Для предстоящей общественной деятельности ‹...› нужно трудолюбие, терпение; нужно уметь жертвовать собою безо всякого блеску и треску — нужно уметь смириться и не гнушаться мелкой и темной и даже низменной работы. Я беру слово: низменной — в смысле простоты, бесхитростности, „terre à terre'a“».[32] Не исключено, что основные идеи этого письма возникли у писателя под влиянием конкретного общения с людьми, подобными А. Таксису и автору письма, обнаруженного у народника Цвиленева.

Итак, письмо, найденное у Н. Ф. Цвиленева, и характеристику роли лавриста Антона Таксиса в жизни Веры Фигнер можно расценивать как важные документы, подтверждающие существование в народническом движении начала 70-х годов и «романтиков реализма» Неждановых, отличительной особенностью деятельности которых было горячее революционное чувство, не подкрепленное глубоким знанием реальной действительности, и умудренных опытом трезвых Соломиных.

Тургенев в «Нови» оказался таким же глубоким реалистом, как и в предшествующих романах. Некоторые важнейшие черты народнического движения им изображены правдиво. Несмотря на скептическое отношение к революционному движению, Тургенев в своем романе не пошел по пути отражения его уродливых крайностей. Если первоначальные планы и конспекты романа показывают, что Тургенев собирался отвести в нем значительное место изображению нечаевщины, то впоследствии, когда писа-

[31] *Фигнер*, т. I, стр. 97.
[32] *Письма*, т. X, стр. 295.

телю открылось, по определению Лаврова, «нравственное величие русской нови», это намерение было оставлено. В романе сохранилось лишь несколько намеков на революционную деятельность в духе Нечаева, но осуждение ее устами и автора, и героя романа Нежданова (см. гл. XXII) вполне недвусмысленно.

Нечаевские методы — жестокий диктат, склонность к заговорам, оправдание убийств неугодных людей — вызывают у Нежданова брезгливое чувство. Участники «процесса пятидесяти», как и подавляющее большинство революционной молодежи 70-х годов, также не одобряли этих методов. «Мы, новое поколение, относились отрицательно к личности Нечаева и к приемам, к которым он прибегал при вербовке членов в свои кружки, — пишет в своих воспоминаниях В. Фигнер. — Его теория — цель оправдывает средства — отталкивала нас, а убийство Иванова внушало ужас и отвращение. Отношение к Ткачеву, как революционному деятелю, придерживавшемуся тех же приемов, было тоже отрицательное».[33]

Таким образом, и в этой особенности романа сказался реализм Тургенева.

Правдивое и сочувственное изображение революционного народничества в «Нови» было отмечено народовольцами в день похорон Тургенева. В прокламации, написанной П. Ф. Якубовичем, говорилось: «Барин по рождению, аристократ по воспитанию и характеру, „постепеновец" по убеждениям, Тургенев, быть может, бессознательно для самого себя своим чутким и любящим сердцем сочувствовал и даже служил русской революции ‹...› Тургенев был честным провозвестником идеалов целого ряда молодых поколений, певцом их беспримерного, чисто русского идеализма, изобразителем их внутренних мук и душевной борьбы, — то страшных сомнений, то беззаветной готовности на жертву. Образы ‹...› Нежданова и Маркелова ‹...› живые и выхваченные из жизни образы ‹...› это типы, которым подражала молодежь».[34]

К этому времени романтизм раннего народничества, основанный на наивных представлениях о крестьянстве и в связи с этим на вере в скорую победу революции, превращается в факт далекого прошлого. То, что в 1875—1876 гг. было понятно Тургеневу и лишь немногим деятелям революционного движения, теперь стало ясно уже большинству народников. Об этом также недвусмысленно сказано в прокламации П. Ф. Якубовича: «Глубокое чувство сердечной боли, проникающее „Новь" и замаскированное местами тонкой иронией, не уменьшает нашей любви к Тургеневу. Мы ведь знаем, что эта ирония — не ирония нововременского или катковского лагеря, а сердца, любившего и болевшего за молодежь. Да к тому же, не с подобной ли же иронией относимся теперь сами мы к движению семидесятых годов, в котором, несмотря на его несомненную искренность, страстность и героическую самоотверженность, действительно было много наивного?».[35]

---

[33] *Фигнер*, т. I, стр. 91.
[34] *Революционеры-семидесятники*, стр. 4, 7.
[35] Там же, стр. 7.

Лейтмотив настроений тургеневских героев, Нежданова и Соломина, — сомнение в успехе хождения в народ, а затем и отказ от него. Тургенева сурово критиковали за такое освещение народнического движения. Герман Лопатин, возмущаясь «слабостью характера» и «случайностью» поступков Нежданова, ссылался на политические процессы, на которых ярко обнаруживались подчас прямо противоположные качества — железная воля, мужество и твердость убеждений многих революционеров. Действительно, в романе нет ничего подобного тому, что сказалось, например, в речах Софьи Бардиной и Петра Алексеева, с особенной силой прозвучавших на «процессе пятидесяти». И все же в образе Нежданова, его настроениях и переживаниях было много большой правды о народническом движении. Эту правду оттенило дальнейшее развитие революционного движения и в особенности такое важное событие в его истории, как возникновение «Народной воли». Индивидуальный террор, провозглашенный этой революционной организацией, среди участников которой не было слабых характером Неждановых, явился тем не менее прямым следствием сомнения и полного разочарования в тактике хождения в народ. Организация «Народная воля» вообще могла не возникнуть, если бы ей не предшествовала полоса сомнений, исканий и разочарований, связанных с неудачами ранних народников.

Основой, предопределившей идейное содержание образа Соломина, явился либерализм Тургенева, дипломатично трансформированный в постепеновство снизу. Но это важное обстоятельство не исключает возможности приглушенной переклички высказываний Соломина с народническими идеями о целесообразности медленной, планомерной подготовки революции, рассчитанной, может быть, на долгие годы. Недаром А. В. Луначарский отмечал потенциальную емкость образа Соломина. Называя его «прообразом будущей буржуазии», Луначарский в то же время приходил к выводу, что «в таком типе, как Соломин <...> есть разные водоразделы», что «перед ним расстилаются широкие горизонты», что «Тургенев не смеет, да и не может еще окончательно сказать, какие это горизонты, куда приложит свои силы этот новый общественный тип». По мнению Луначарского, тургеневский тип Соломина, в зависимости от обстоятельств, «мог бы выродиться в меньшевика <...> но, — продолжает Луначарский, — могло оказаться в нем соединение трезвости с большим запасом энергии, которая появилась вместе с революционным выступлением рабочего класса, и тогда из него мог бы выйти настоящий революционер».[36]

Соломин не умещается в рамки головного, заранее заданного программного образа, порожденного исключительно либеральными предубеждениями и иллюзиями автора. Подготовительная работа над романом свидетельствует о поисках соответствий Соломину в реальной действительности. Еще в начале 1873 г. Тургенев писал по этому поводу, объясняя причину задержек в написании романа: «...из двенадцати лиц, составляющих мой персонал, два лица не довольно изучены на месте — не взяты

---

[36] А. В. Луначарский. Русская литература. М., 1947, стр. 97—98.

живьем <...> След<овательно>, нужно набраться материалу».[37] Речь шла здесь, конечно, о Нежданове и Соломине. Наблюдения или сведения, оживляющие замысел образа Соломина, возможно, были добыты Тургеневым во время очередных поездок в Россию или в общении с русскими эмигрантами за границей. 5 (17) июня 1874 г. Тургенев с удовлетворением писал Флоберу: «Мое пребывание в России — во всяком случае — не было бесполезным; я нашел почти то, что искал».[38] Аналогичны признания Тургенева в письмах к П. В. Анненкову и парижскому издателю Ж. Этцелю. Важно, наконец, подчеркнуть, что и современники Тургенева и сам писатель после обнародования «процесса пятидесяти» приходили к заключению, что автор письма, найденного у Н. Ф. Цвиленева, и Соломин — несомненные идейные единомышленники. В связи с этим 7 (19) апреля 1877 г. Тургенев писал английскому критику В. Рольстону: «Я досылаю Вам также письмо (Цвиленева), которое было прочитано во время следствия. Я получил его от неизвестного лица с примечанием, что оно могло быть написано Соломиным».[39]

Материалы «процесса пятидесяти», вместе с некоторыми другими конкретными данными, свидетельствуют о глубоком историзме и реализме картины народнического движения в «Нови».

А. И. Батюто

«ПЕСНЬ ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ ЛЮБВИ» В ТВОРЧЕСТВЕ Н. С. ЛЕСКОВА

Н. С. Лесков всегда проявлял особый и постоянный интерес к личности и произведениям Тургенева и, начиная с 1862 г.,[1] неоднократно высказывался о нем в печати. Примечательный отклик Лескова на творчество Тургенева относится к 1881 г. и вызван полемикой в печати по поводу «Песни торжествующей любви».

Мы имеем в виду незаконченный рассказ Лескова «Богинька Рунькэ», черновой автограф которого хранится в *ЦГАЛИ*.[2] На это произведение Лескова первым обратил внимание Л. П. Гроссман, который справедливо отметил, что «поздний Тургенев, проявивший свое мастерство и в античной новелле флоберовского типа, вызвал восхищение Лескова», что сохранившийся черновой автограф, в котором «Лесков подробно излагает и содержание новеллы, и впечатление, произведенное ею на культурных слушателей», «служит увертюрой к рассказу об аналогичном случае из мордовского быта и преданий, „Богинька Рунькэ“ (который не был написан Лесковым)».[3]

---

[37] *Письма*, т. X, стр. 49.
[38] Там же, стр. 244, 441.
[39] *Письма*, т. XII, кн. 1, № 4268.
[1] «Северная пчела», 1862, 11 декабря, № 335.
[2] *ЦГАЛИ*, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 45, лл. 1—4.
[3] Л. П. Гроссман. Н. С. Лесков. Гослитиздат, М., 1945, стр. 227—228.

«Песнь торжествующей любви» Тургенева была напечатана в ноябрьской книжке «Вестника Европы» за 1881 г. Прочитав ее, Лесков и задумал написать «драматическое происшествие», основанное на мордовском предании; по своему содержанию оно, вероятно, должно было перекликаться с новеллой Тургенева.

Зачин этого неоконченного рассказа Лескова, содержащий высокую оценку «Песни торжествующей любви», приобретает особый интерес, если вспомнить весьма разноречивые мнения, которыми была встречена новелла Тургенева: нескрываемый восторг одних и — также ничем не маскируемое — раздраженное отрицание, доходящее порою чуть ли не до брани, со стороны других.

В связи с «Песнью торжествующей любви», как известно, вспыхнула полемика между газетами «Порядок» и «Русь». В газете М. М. Стасюлевича 13 ноября 1881 г. появилась рецензия, в которой говорилось, что «Песнь торжествующей любви» «должна превзойти всякие представления недовольных Тургеневым», что это произведение — не только «перл поэзии», но и несет в себе большое содержание, не проходящее для читателей бесследно.

«К вашей душе, — писал рецензент «Порядка», — приближается этот процесс душевной бури, прошедшей в молодой душе героини, и вы чувствуете, что он прошел не задаром. „Торжествующая любовь" врывается в начинавшую застаиваться, прочно сложившуюся жизнь. Она нарушает ее течение, освежает душу суровым потрясением, а в результате получается опытность, душевная сила и „трепет новой зарождающейся жизни", до того времени бывшей невозможною <...>. Допустим, — продолжает рецензент, — в наше тревожное время не до сказок. Но в истории всемирной литературы есть свидетельства могущественного влияния на умы и сердца поэтических образов в такие моменты <...>. Среди той литературной мелкоты, хотя и очень не без претензий, новое произведение Тургенева занимает огромное место. В нем нет ни современных героев и героинь, ни насильно навязываемой читателю мысли, зато есть горячее воображение и человеческое чувство».

Восторженный отзыв о «Песни торжествующей любви», — по утверждению рецензента, не имеющей никакого отношения «к нашему тревожному времени», — сопровождался недвусмысленным одобрением общественных позиций Тургенева, который «никогда не был солидарен с резким отрицательным отношением к новым направлениям мысли, — отношением, которое отразилось в таких романах, как „Взбаламученное море", „Марево" и ряд других, продолжающихся до настоящего дня. Деятельность Тургенева чиста от этого пятна».[4]

Славянофильская «Русь», в ту пору нередко смыкавшаяся с официальным политическим курсом, не замедлила откликнуться на рецензию «Порядка». 21 ноября 1881 г. в передовой статье аксаковской газеты в явно ироническом тоне говорилось о точке зрения, которой «держится петербургский „Порядок". В № 313 этой почтенной газеты рассуждается

[4] «Порядок», 1881, 13 ноября, № 313.

весьма пространно и длинно о значении Тургенева по поводу итальянской новеллы, которою он недавно обогатил русскую литературу (и одновременно французскую — так как новелла появилась разом и в «Вестнике Европы» и в «Nouvelle Revue», так что неизвестно, где перевод, где оригинал). Характеризуя отношение знаменитого русского писателя к вопросам своего времени, „Порядок" ставит в особенную заслугу Тургеневу, что он никогда не был солидарен с *„резким* отрицательным отношением к *новым направлениям мысли*"».[5] Взяв под защиту «Взбаламученное море» и «Марево», «Русь», казалось бы, не допускала прямых нападок на Тургенева. «Мы вовсе не касаемся, — говорится в статье, — достоинства произведений самого Тургенева: как художник он был волен в избрании тем, и мы вправе требовать от него только художественной искренности, в меру его разумения; мы оставляем в стороне вопрос и о том, в какой мере современные, животрепещущие реальностью данной минуты темы пригодны для истинного искусства. Мы склонны отвечать на данный вопрос отрицательно». Однако за этим следуют строки, которые не могли не относиться к Тургеневу, к его позиции, как ее понимала «Русь»: «... если б, вместо хваленого фарисейского бесстрастия и дешевой воздержанности, раздалось искреннее, резкое, беспощадное слово отрицания, осуждения, услышался бы искренний, единодушный вопль негодования или скорби — преимущественно же с педагогических кафедр, от писателей, авторитетных в глазах молодых поколений, — не вызвали бы разве эти слова и вопли добрых ответных чувств в молодых душах? Не укрепили бы их недоумевающей воли, не направили бы многих на здравый путь?». Не в меньшей степени касался Тургенева и призыв «Руси»: «Раскрыть художественною сатирою внутреннюю сущность, ничтожество, пустоту — всю *пошлость* так называемого нигилизма».[6] Что же касается «Песни торжествующей любви» непосредственно, то отрицательное отношение к ней довольно отчетливо проступает сквозь внешне почтительные строки об итальянской новелле, которой Тургенев обогатил русскую (и одновременно французскую) литературу, и т. п.

Появилась резкая критика тургеневской новеллы и на страницах радикальной прессы, и прежде всего в «Отечественных записках», где Н. К. Михайловский утверждал, что «Песнь торжествующей любви» — «очень скудная история из области именно низменных инстинктов, поль-де-коковский анекдот, который решительно не стоило вставлять в такую блистающую роскошью фантазии рамку».[7]

Н. С. Лескову выступление «Руси» против нового произведения Тургенева было известно. В 1881 г. он активно сотрудничал в аксаковской газете. Здесь был напечатан знаменитый «Сказ о тульском косом левше и стальной блохе» и очерки «Обнищеванцы». Передовую статью «Руси» от 21 ноября 1881 г. Лесков читал. Его письмо И. С. Аксакову от 25 ноября

---

[5] «Русь», 1881, 21 ноября, № 54, стр. 2.
[6] Там же, стр. 3.
[7] «Отечественные записки», 1881, № 12, стр. 198.

1881 г. свидетельствует, что он был солидарен с некоторыми ее положениями.[8]

Но отношения «Руси» к Тургеневу в связи с «Песнью торжествующей любви» Лесков, как показывает зачин его неоконченного рассказа, не принял.

«Богинька Рунькэ» — несомненное вмешательство Лескова в полемику по поводу «Песни торжествующей любви». Вполне возможно, что, говоря о «желчных людях», увидевших в рассказе Тургенева «торжество разврата», он имел в виду конкретных хулителей новеллы. Однако спор с ними выходит за пределы разногласий только по поводу «итальянского» рассказа Тургенева. Отстаивая самобытность тургеневского произведения, подчеркивая его высокий нравственный пафос, Лесков вместе с тем защищает от односторонней, явно недоброжелательной критики и все предыдущее творчество Тургенева — «нашего самого большого из наших писателей», как он пишет в «Богиньке Рунькэ».[9] Не случайно, говоря о впечатлении, вызванном «Песнью торжествующей любви», он вспоминает «Певцов» — очерк из той книги Тургенева, впервые прочитав которую, Лесков, по его признанию, «весь задрожал от правды представлений и сразу понял: что́ называется искусством».[10] Принципиальная защита рассказа Тургенева в «Богиньке Рунькэ» перекликается и с некоторыми положениями статьи о «Нови», в которой Н. С. Лесков, между прочим, писал, что «правда художественных произведений едва ли не самая важная правда, к которой стоит прислушиваться, а не рвать и метать на нее всякую рвань, как это учиняли и учиняют над Тургеневым».[11]

В связи с «Песнью торжествующей любви» во вступлении к «Богиньке Рунькэ» вспоминаются произведения Флобера, которые Лесков в начале 80-х годов ценил весьма высоко. «Известно, как встречены были во Франции „Иродиада“ и „Искушение св. Антония“ в рассказе Флобера, — писал он в 1882 г. — Это буквально был вспрыск свежей струи из-под седого, мхом обросшего камня».[12] Однако «Песнь торжествующей любви» Лесков ставит выше «Иродиады», утверждая, что Тургенев превзошел Флобера «тонкостью рисунка, живостью красок, <...> поразительною экономиею в размерах, которая придает маленькому произведению величавый вид».[13] По словам Л. П. Гроссмана, вступление в «Богиньке Рунькэ» «чрезвычайно ценно, как указатель стилистических образцов лесковских легенд, в которых поздний Тургенев соперничал с „непогрешимым“ Флобером».[14] Следует к этому добавить, что гуманистическая новелла Тургенева, утверждающая торжествующую земную любовь, служила для Лескова,

---

[8] *Лесков*, т. XI, стр. 253—255.
[9] См. ниже, стр. 213, примеч. 2.
[10] *Лесков*, т. XI, стр. 12.
[11] Н. С. Лесков. Чудеса и знамения. «Церковно-общественный вестник», 1878, № 34, стр. 3.
[12] Н. С. Лесков. Жития как литературный источник. «Новое время», 1882, 17 августа, № 2323.
[13] См. ниже, стр. 215, примеч. 6 и 7.
[14] Л. П. Гроссман. Н. С. Лесков, стр. 228.

наверное, не только стилистическим образцом. В своих легендах, где Лесков, по его признанию, «воспроизвел картину столкновения благородного сердца с фетишизмом и ханжеством», где «даже запаху ладонного, и того нет», автор «Скомороха Памфалона» и «Зенона-Златокузнеца» следует за Тургеневым.

Л. Н. Афонин

Богинька [Анка] Рунькэ [1]

(Мордовское предание)

I

Чтец закрыл книгу и благозвучная тургеневская «Песнь торжествующей любви» умолкла, но сердца были полны ее неизъяснимой прелестью. Собрание слушателей состояло из довольно большого числа лиц [раз‹личной›] неравномерной впечатлительности и весьма различного образа мыслей [и направления]. Было даже несколько таких лиц, которым самое имя нашего превосходного художника причиняло какое-то брезгливое неудовольствие, [с которым] и они не могли с этим справиться.[2]

Впечатление было большое и полное: «Песнь торжествующей любви» [несомненно всех тронула до глубины души и] пролила в нас священные струи настоящей поэзии, — от чего так давно отвыкло наше общество.[3]

---

[1] *Ниже вычеркнуто*: *а.* Драматическое *б.* Фантастическое происшествие

[2] *Далее вычеркнуто*: даже из вежливости к хозяевам, людям, занимающим видное положение в обществе и большим почитателям Тургенева; нашего самого большого из наших писателей; но и эти недруги таланта молчали и только тихо косились друг на друга.

[3] *Далее вычеркнуто*: Эти друзья юности, этот Фабий и Муций, этот белокурый Фабий с его светлым обликом и Муций с его прямою линией черных бровей, предмет их общей любви, тихая, кроткая девушка с чистым выражением святой Цецилии и немой малаец с вырезанным языком и сатанинской улыбкой точно сейчас живьем пережили в нашем присутствии свою драму, а мы, все сколько нас было, — в большей или меньшей степени переболели их страстными муками и даже почувствовали недоуменное смущение [крот‹кой›] Валерии, когда она «ощутила внутри себя [биение] трепетание новой жизни». Даже этот скромный монах, которому исповедала свои страшные сны Валерия, был мил и понятен с его коротким приходом и столь же короткою речью. Казалось, все готовы были поблагодарить его, что он [сказал так сдержанно и просто, а] не прибавил к сказанному ни одного слова более. Всё это именно была «песнь», прекрасная, страстная, звучная песнь, затаенная сила которой сверкала и капала с заостренного алмаза, которым заканчивался изогнутый [смы‹чок›] полукругом смычок ‹*I нрзб.*› Муция, исторгавший ее из струн покрытой змеиною кожею скрипки.

Словом, — окончание чтения было минутою полного обаяния, которое могло напоминать то молчание слушателей, какое последовало среди слу-

[Первый] После паузы, которою все сообща почтили [кроме] новое произведение нашего великого художника, [первый] один из [таковых первый,] желчных людей нарушил молчание, начав громко помешивать ложечкою свой остывший чай, и потом тихим и вкрадчивым голосом начал «критику положений», окончившуюся резким приговором [в бурном тоне оскорбленной морали. Приговор этот буквально был приведен к тому заключению], что «Песнь торжествующей любви» Тургенева на [боле‹е›] менее фигуральном, но более точном языке должна быть названа *торжеством [прелюбодеяния] разврата.*

Это [оскорбительное слово] было [вы]сказано вслух, несмотря на присутствие дам и [это никого не удивило, потому что говоривший пылал ‹1 *нрзб.*›,] места для противоречий тут не было, потому что оратор [пылал] к концу своей речи пылал воодушевлением и гневом, исключившим возможность возражений. Но зато [к счастью, все были очень довольны], когда он, изметнув свои громы, тотчас же [встал, подал полруки некоторым и, сухо поклонясь остальным, удалился куда-то в более достойное его собрание. Тогда] раскланялся и вышел, все общество ожило, зашевелилось и[4] заговорило. «Песнь любви», посвященную

шателей при состязании певцов в известном рассказе того же автора. Только на этот раз молчаливый восторг слушателей можно было считать высшим выражением силы художника, потому что между слушателями его «песни» были люди, более удалившиеся от природы и поэзии.

Я уже сказал, что в числе слушавших «Песнь торжествующей любви» были люди разного духа и в числе их ‹*2 нрзб.*› имели место [лица] два, три [лица] выразителя современного настроения, — особы сухие, самодовольные, прямые и открытые враги всякой иной поэзии, кроме той, которая звучит им в ликах и доброгласных тимпанах. Они не уклоняются еще от внимания к литературе только ради того, чтобы не потерять возможности быть ей вредными; истинная поэзия, нисходя в сухменную юдоль нашей жизни, не имать в ней ничесоже, но тем не менее, — они — первые, которые ее судят и шельмуют, обрывая собственными руками ее уши, чтобы она не слыхала, и ноздри, чтобы она не обоняла дыхания жизни.

[Дышать] Присутствие их можно считать наказанием; дышать с ними одним воздухом [тяжело] несносно; [виде‹ть›?] видеть их [мучить] значит терзать свое зрение, [присутств?] слышать их [‹*1 нрзб.*›] бесстыжий и тупой суд — отрава крови и мозга, [но] а их злорадный надтреснутый хохот, господствующий среди общего уныния и томящей скуки, исполняет злобою самое незлобивое сердце; но тем не менее [они] нет нигде места, где бы от них можно было скрыться, — они [везде] неизбежны, как рок, повсеместно и при всяком случае.

Дали они себя почувствовать и здесь, прослушав в молчании «Песнь торжествующей любви», которая не дала им повода похулить автора в мастерстве, но не лишила их орудия заговорить против ее «смысла и направления».

[4] *Далее вычеркнуто*: разные люди более скромных положений начали выражать свои соображения насчет «мотивов» прочитанного сочинения.

Это было гораздо интереснее и кажется стоит быть записанным для памяти под тем свежим впечатлением, под которым мне приходится набросать слышанный вслед за сим рассказ о женщине, имевшей сходную судьбу с Валерией.

[И. С.] Тургеневым памяти Флобера, сравнивали с подобными же по жанру произведениями [эт‹ого›] названного французского писателя,[5] все единодушно признали, что Тургенев [в этой ‹*1 нрзб.*› худ‹?› высокохудожественной вещице] превзошел Флобера[6] гибкостию [страстных] переливов чувства в борьбе знойной страсти с чистотою тихой любви, но[7] все [добив‹ались›] хотели себе только уяснить [только], что такое были мятежные сны Валерии, результатом которых было зарождение новой жизни? Дамам хотелось уверить всех, что это именно были только сны, но [муж‹чины›] потом заговорили о таинственных силах, призванных к делу дивной живучею страстию Муция, и тут было высказано сомнение: возможно ли что-либо подобное в действительности?

Один из присутствующих, хранивший до сих пор молчание, сказал:

— Да, господа, это возможно. Страсть сама по себе есть чудо и может [делать] вызывать чудеса. Я знаю один не менее ужасный случай в подобном роде.

Его попросили рассказать, и он это исполнил.

Я прошу еще себе права [сказать] коротко записать то, что говорили об истории, воспроизведенной в «Песне торжествующей любви».

II

Весь рассказ, как я уже сказал, казался прекрасным и неподражаемым. [Его] Обаяние его не было расстроено даже грубой выходкой удалившегося желчного оратора.

[5] *Далее вычеркнуто*: в числе коих не была позабыта и его «Иродиада». В рассуждениях приняли участие люди, хорошо образованные и много начитанные, [и потому слова] мнения которых отличались умом, литературным вкусом и зрелостью, и несмотря на всё это беспристрастие, каким обладали собеседники, они

[6] *Далее вычеркнуто*: [мастерством] тонкостию рисунка, [яркостию] живостию красок и ‹*2 нрзб.*›

[7] *Далее вычеркнуто*: поразительною экономиею в размерах, которая придает маленькому произведению [вид чего-то] величавый вид. Словом, в этом отношении наш вечер был маленькою апофеозою нашего превосходного писателя, которому мы все [желали мысленно] слали [благо‹дарность›] свою благодарность и желание: «да обновятся орлу крыле его». Но «мотивы»? Что хотел сказать он историей двух друзей, влюбленных в Валерию, что значили ее мятежные сны, навеянные змеиною скрипкой и ширазским вином? Были ли это только сны или всё, виденное ею в снах [б‹было?›] произошло над бедной женщиной и на самом деле? Мгновенная утрата ее лицом чистых черт св. Цецилии была ли следствием одних снов, или она знала, что покидала супружеское ложе, и ее подошвы приносили назад прилипшие к ним песчинки? Словом, осталась она тою же неприкосновенною чистою Цецилией, образ которой восприняла снова по отъезде закаленного Муция, или она только забыла случай, которому была обязана «ощущением внутри себя трепетания новой жизни».

Дамам [непре‹менно›] хотелось, чтобы это непременно был [*сон*] только *сон*, и нет никакого сомнения, что они желали этого гораздо искреннее, чем оффенбаховская Елена. [Но они были тоже тонки и коварны ‹*2 нрзб.*› приблизили ‹?›] Дамам хотелось верить, что Валерия осталась со всеми правами на чистоту св. Цецилии и «трепет зарождающейся жизни» проник внутрь ее оттого, что «Песнь торжествующей любви» порвалась

II

[Одн‹ажды›] В моей юности я гостил лето в деревне, окруженной мордовским населением, которое меня интересовало своим [идольским] бытом, во многом отличном от быта русских. [Вы, конечно, знаете, что] Они все крещены и [исполняют церковные треб‹ы›] ходят в церковь, но [держатся] больше верят в своих «старых богов», [между] в которых [есть очень эротические] видят ближайших правителей мира. [В]

[В числе этих бож‹еств›] Божества эти очень интересны, и я должен [отдать] сказать о них, потому что история, которую мне сейчас придется вам представить, происходила при участии одного из богов, и притом бога весьма курьезного.

У мордвы есть боги...

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ТУРГЕНЕВА (ТУРГЕНЕВСКИЙ КРУЖОК ПРИ ХАРЬКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ. 1918 г.)

История изучения жизненного и творческого пути И. С. Тургенева еще не написана, и то, что мы сейчас знаем об отдельных этапах этого изучения, зачастую не выходит за пределы самых общих слов и весьма приблизительных представлений. Примером может послужить хотя бы общая характеристика празднования столетнего юбилея рождения писателя (1918 г.), данная Е. М. Ефимовой в составленной ею «Истории изучения творчества И. С. Тургенева». «Столетие со дня рождения Тургенева, — писала исследовательница, — было довольно широко отмечено, несмотря на тяжелые годы для молодой Советской республики. В „Обществе любителей российской словесности“ было проведено торжественное заседание, издано значительное количество популярных статей и брошюр, прочитан ряд докладов. На родине писателя, в Орле, был открыт музей Тургенева».[1]

Вряд ли эти скудные и случайные сведения могут дать хоть отдаленное представление о том, что в действительности представлял собою Тургеневский юбилей 1918 г., — первый юбилей писателя-классика в молодой Советской республике, — характерный не какими бы то ни было отдельными «мероприятиями» (среди них торжественное заседание в «Обществе любителей российской словесности» и открытие музея в Орле — не самые примечательные), но массовостью чествования, стремлением всячески поднять и утвердить изучение писателя, наряду с относительно большим количеством печатных откликов, особенно если иметь в виду массу всяческих трудностей, которые испытывала страна.

В этом нетрудно будет убедиться, когда удастся собрать и упорядочить библиографию печатных откликов на юбилей, подобно тому как это было

---

[1] Е. М. Ефимова. И. С. Тургенев. Семинарий. Л., 1958, стр. 48.

сделано М. П. Алексеевым в одной из ранних печатных его работ относительно Украины («Юга России»).[2] Свод печатных сведений о проведении тургеневского юбилея на территории Украины был составлен М. П. Алексеевым с громадной тщательностью, однако страдал одним существенным пробелом, — в нем вовсе отсутствовали какие-либо сведения относительно празднования тургеневского юбилея в таком значительном культурном центре Украины, как Харьков.

В этом пропуске, конечно, не было сознательной вины библиографа: он просто не мог знать о том, что происходило по другую сторону линии фронта, многократно и резко разделявшего Украину в годы гражданской войны. События гражданской войны (в октябре—ноябре 1918 г. власть в Харькове была захвачена одним из петлюровских «атаманов», Болбочаном, вскоре выбитом на свалку истории рабочими Харьковского промышленного района и Донбасса совместно с войсками Красной армии) могли помешать и действительно помешали появлению на столбцах немногих в то время газет юбилейных тургеневских статей и информаций.

Несмотря, однако, на разгул националистической реакции, юбилей Тургенева был отмечен и в Харькове — в частности в Харьковском университете. 12 ноября 1918 г. в переполненной самой большой университетской аудитории (так называемой «большой юридической») состоялось торжественное заседание памяти великого писателя — с докладами А. И. Белецкого («Проблемы изучения Тургенева»), Д. Ф. Мащенко[3] («Тургенев и П. Н. Кудрявцев»), М. П. Самарина[4] («Тема страсти у Тургенева»), М. Г. Давидович[5] («Женские образы Тургенева») и Г. Ф. Зайцевского[6] («Пейзаж в произведениях Тургенева»). На собрании было объявлено о создании при Харьковском университете Тургеневского кружка под руководством доцента А. И. Белецкого, который незадолго перед тем начал специальные курсы о творчестве Тургенева в университете и на Высших женских курсах (на последних — также и семинар по творчеству писателя).

Обстоятельства гражданской войны помешали всем этим начинаниям осуществиться в полной мере. Спецкурсы оказались недочитанными;

---

[2] М. П. Алексеев. 1) Тургеневский юбилей на Юге России (1918—1919). (Библиографические заметки), Черкассы, 1919; 2) Материалы к тургеневской библиографии (1918—1919 гг.). *Тургенев и его время*, стр. 317—324.

[3] Дмитрий Федорович Мащенко (род. 1895) — в середине 10-х годов студент Петроградского университета и участник Пушкинского семинария. В 1918 г. жил в Харькове.

[4] Михаил Павлович Самарин (1888—1948) — советский литературовед. Начиная с 1912 г. — популярный в Харькове педагог и лектор. Его доклад позднее был опубликован в сборнике «Творческий путь Тургенева» (под ред. Н. Л. Бродского, Пгр., 1923, стр. 126—134).

[5] Мария Григорьевна Давидович (1894—1946) — советский литературовед, ученица А. И. Белецкого по харьковским Высшим женским курсам.

[6] Георгий Федорович Зайцевский — харьковский педагог, незадолго перед тем окончивший историко-филологический факультет Харьковского университета и оставленный «для приготовления к профессорскому званию».

семинар работал с перебоями и также не был доведен до конца. Кружок прекратил существование после двух-трех заседаний. После него сохранились (в бумагах автора настоящей заметки — одного из участников и секретаря кружка) составленные А. И. Белецким «Краткий проект программы историко-литературного изучения произведений И. С. Тургенева и современной им р<усской> л<итерату>ры» (краткое авторское изложение упомянутого выше доклада) и непосредственно связанный с «проектом» список тем, предложенный руководителем участникам для докладов в кружке.

Публикуемые ниже оба документа представляют несомненный и притом многообразный интерес. Интересны они как свидетельство широких планов чествования памяти великого писателя в одном из крупных университетских центров, — планов, не получивших своего осуществления отнюдь не по вине участников. Отражают они, — и этим также небезынтересны для исследователей-литературоведов и историков филологической науки в СССР, — научные интересы самого А. И. Белецкого, впоследствии крупнейшего представителя советского литературоведения, в период становления и формирования его как ученого. Однако всего более, пожалуй, ценны публикуемые документы как выразительные иллюстрации огромных сдвигов в отечественном литературоведении, какие обнаружились примерно в середине 10-х годов нашего века и получили свое дальнейшее развитие в первые годы существования Советской власти.

Одним из первых отметил эти намечавшиеся сдвиги С. А. Венгеров — историк литературы, библиограф, литературный критик, профессор, — настойчиво, на протяжении очень многих лет, организовывавший вокруг себя литературную молодежь и внимательно прислушивавшийся к ее настроениям и запросам. Посвятив всю свою сознательную жизнь уяснению — себе самому, своим читателям и слушателям, — что́ именно хотел выразить в своих произведениях тот или иной писатель, С. А. Венгеров на закате дней своих неожиданно для себя убедился, что многие представители подраставшего научного поколения, в том числе и его ученики, с величайшим энтузиазмом увлекаются решением совсем иных вопросов: как, какими художественными средствами удается поэту, беллетристу выразить свои чувства и мысли? В предисловии к сборнику студенческих работ руководимого им пушкинского семинария при Петербургском университете профессор, с оттенком некоторого недоумения, упоминает о «целом ряде способных юношей», которые «прямо страстно отдаются изучению стиля, ритма, рифмы, эпитетов, классификации мотивов, установлению аналогии приемов у разных поэтов и всяким иным наблюдениям над внешним воплощением поэзии».[7]

---

[7] «Пушкинист. Историко-литературный сборник», кн. II, Пгр., 1916, стр. IX. — Дальше — подробное изложение мотивов, заставивших старого словесника, для которого «литература всегда была и будет храмом, в котором поются священные каноны, священные только своим устремлением к Великой Правде, а не совершенством своего выражения», не только примириться с подобными «еретическими» устремлениями молодежи, но

Широкий интерес к изучению формы художественного произведения, которой так долго и так упорно пренебрегало дореволюционное литературоведение в России, интерес к познанию специфики художественного творчества и художественного мастерства несколько лет спустя был окрашен «формализмом» и в представлении многих теснейшим образом связался с шумной деятельностью петербургского Общества изучения поэтического языка — «Опояза» — и, в меньшей степени, с работой московского Лингвистического кружка. Однако самое явление, отмеченное Венгеровым и другими современниками филологами,[8] в действительности не было территориально ограничено только Петроградом и Москвою. «Формалисты», самостоятельно и зачастую независимо друг от друга, появляются почти одновременно во многих культурных и научных центрах нашей Родины. Порождавшееся некими общими причинами, оно равным образом отнюдь

и самого себя убедить в справедливости иных подходов к изучению литературы, нежели тот, которому сам С. А. Венгеров посвятил многие годы. «По мере того (...) как я ближе приглядывался к увлечению молодых пушкинистов вопросами формы, оно мне представилось под другим углом зрения. Мне показалось, что психологически корень этого интереса гораздо ближе к исканию истины, чем это может показаться с первого взгляда». Профессор склонен был объяснять создавшееся положение вещей «крайним злоупотреблением другими методами изучения литературы», в частности «общественно-публицистическим» и «религиозно-философским» «подходами», центр тяжести которых лежит «в уяснении и анализе *идей*, т. е. чего-то такого, что может быть уделом и совершенно бездарного писателя». «Надо же поэтому, — продолжал свои размышления С. А. Венгеров, — проанализировать не только *что* дает великая идея, но и *как* она воплотилась. И чем этот анализ суше, холоднее, тем он точнее и следовательно полнее удовлетворяет высокую жажду познания таинственной силы, вложенной в искания и достижения искусства» (там же, стр. X—XI).

[8] Так, в начале 20-х годов один из деятельных в ту пору участников московского Лингвистического кружка, Р. Якобсон, констатировал: «Мы присутствуем при небывалом урожае поэтики. Не много филологических работ вышло в свет за революционные годы, но большая часть этих работ посвящена вопросам поэтики. (...) Организуются специальные студии стиховедения, курсы поэтики вводятся в учебные планы высшей школы, преподаются в культурно-просветительных учреждениях, отдельные вопросы поэтики выносятся даже на подмостки кафе. — Словом, поэтика становится модной наукой» («Научные известия», сб. 2, М., 1922, стр. 222). С Р. Якобсоном перекликался поэт-символист Вячеслав Иванов. «В научном и художественном движении последних лет, — писал он, — примечательна особенная устремленность внимания на существо, задачи и загадки слова и искусства словесного» (там же, стр. 164). В этой устремленности автор усматривал «одно из доказательств исторической значительности переживаемого времени, как поры всеобщего расплава и сдвига» (там же, стр. 164—165). Ср. также авторские предисловия В. М. Жирмунского к книгам «Религиозное отречение в истории романтизма» (М., 1919, стр. 5—6) и «Вопросы теории литературы» (Л., 1928, стр. 7—16) и Б. М. Эйхенбаума — к сборнику своих статей «Сквозь литературу» (Л., 1924, стр. 3—4). Неоднократно, еще в предреволюционные годы, писал о кризисе литературной науки А. И. Белецкий, — см., например, его большую рецензию на школьную «Теорию словесности» П. С. Когана («Наука и школа», 1915, № 2, стр. 213—226) и статью «О преподавании древнерусской литературы в средней школе» (там же, 1917, № 1, стр. 11—32).

не исчерпывалось программными положениями Опояза. В недавно опубликованной автобиографической заметке А. И. Белецкого об этом процессе говорится так:

«Вместе со своими современниками я испытывал неудовлетворенность состоянием своей науки; „филологический метод" В. Н. Перетца требовал изучения литературной специфики, обострял интерес к вопросам формы. Я учил своих слушателей сосредоточиваться на них и учился этому сам. В Петербурге, ставшем тем временем Петроградом, уже начинал свою работу „Опояз"; но „опоязовцы" мне не импонировали, занятия их казались кустарничеством: зато внушали уважение западноевропейские, главным образом немецкие и французские, исследования в этом же направлении — от популярных работ Альбала до „Стилистики" Бальи, от книг Нордена (об античной прозе), Гейнце (об эпической технике Вергилия) до работ о новейших писателях. Я изучал это и заставлял знакомиться с этим слушателей своих и слушательниц».[9]

Стремление поставить изучение Тургенева на уровень современной западноевропейской науки о литературе в полной мере характеризует два составленных А. И. Белецким в октябре—ноябре 1918 г. и публикуемых ниже документа.

I

КРАТКИЙ ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО ИЗУЧЕНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. С. ТУРГЕНЕВА И СОВРЕМЕННОЙ ИМ Р‹УССКОЙ› Л‹ИТЕРАТУ›РЫ

1. Введение

Приведение в известность материала. Библиографическое изучение. Задачи: составление полного списка сочинений Тургенева, уже напечатанных; собирание сведений о рукописях писателя (где и в чьих руках находятся); составление списка напечатанных писем Тургенева, указателя критических статей о нем (должны быть пересмотрены современные Тургеневу журналы) и вообще литературы, ему посвященной — на русском и на иностранных языках. — Составление алфавитных указателей к сочинениям Тургенева, напр. указателя собственных имен (не героев и героинь, а напр. писателей, поэтов, деятелей всякого рода, художников, музыкантов и проч., упоминаемых в произведениях Тургенева); составление подробного указателя к письмам Тургенева (вроде того указателя,

[9] А. И. Белецкий, Избранные труды по теории литературы, М., 1964, стр. 11. — См. также статьи: А. И. Белецкий. 1) Новейшие течения в русской науке о литературе. «Народное просвещение», Курск, 1922, № 5—6, стр. 39—47; 2) А. А. Потебня и наука истории литературы в России. «Бюлетень Редакційного комітету для видання творів О. П. Потебні», ч. 1, 1922, стр. 38—47; 3) Несколько слов о разработке научной поэтики в России и на Западе. В кн.: Р. Мюллер-Фрейенфельс. Поэтика. Харьков, 1923, стр. 1—20 (то же: Избранные труды..., стр. 41—50).

что составлен г-жой Петрашкевич для воспоминаний о Тургеневе в Тург. сборнике, ред. Н. К. Пиксанова).[10] — Без этой черновой работы серьезное изучение Тургенева не станет на прочную почву.

2. Генезис и развитие произведения

История текста: первоначальные наброски, ход работы; редакции произведения, их взаимоотношение; установление критического текста. — Для такой работы важнее всего, разумеется, рукописи; но и не имея их, можно кое-что сделать: в письмах Тургенева мы встречаем иногда первообразы его произведений; тексты, напечатанные в журналах 40-х—50-х годов, иногда резко отличаются от позднейших (полезно произвести сравнение особенно там, где Тургенев сам указывает на переработку). В связи с изучением истории текста неизбежно ставится, конечно, и вопрос о «психологии творчества» Тургенева.

3. Определение источников

а) Житейские наблюдения писателя, перевоплощенные в произведениях (вопрос об исторической документальности в произведениях Т‹ургенева›, вопрос о ценности их как материалов для изучения жизни прошлого).

б) Личный момент в творчестве (биографическое изучение; обозрение жизни Тургенева в ее отдельных моментах и периодах — на основании писем, воспоминаний, документов и проч.; работа эта была начата Гутьяром, но затем оставлена им;[11] им же составлена хронологическая канва для биографии Тургенева («Сборн‹ик› отд‹еления› р‹усского› яз‹ыка› и слов‹есности› Ак‹адемии› н‹аук›», том 87, 1910), нуждающаяся ныне во многих дополнениях).

в) Литературные источники (влияние; подражание; заимствование). Этот вопрос разбивается сам собою на изучение источников в области сюжета и в области стиля (см. далее). Определить степень начитанности Тургенева; пересмотреть вопросы о влиянии на Тургенева Ж. Санд, Шекспира, Байрона, Шиллера, Гете; русских писателей — Пушкина, Гоголя, Лермонтова; второстепенных зап‹адно›-европ‹ейских› и русских писателей. Я полагал бы, однако, более удобным ставить вопрос о литературных источниках Т‹ургенева› особо, при изучении его художественных приемов и в связи с ними.

4. Изучение сюжета

1) Сравнительная история сюжета — а) в произведениях самого Тургенева (самоповторения); б) в русской литературе — определенной эпохи; в) в русской литературе вообще; г) в мировой литературе.

---

[10] С. П. Петрашкевич. Библиография воспоминаний о Тургеневе. *Тургеневский сб. (Пиксанов)*, стр. 137—215.

[11] По-видимому, имеются в виду многочисленные статьи и публикации Н. М. Гутьяра, отчасти сведенные в его книге «И. С. Тургенев» (Юрьев, 1907).

2) Сюжеты заимствованные.

3) Классификация сюжетов — по их качеству (большая или меньшая сложность или простота и под.).

5. Изучение композиции

а) Композиция целого строения — в больших линиях; б) детальной пригонки мелких частей в их соотношениях (как вводится и как ведется повествование, как вставляются лирические места, портреты, диалоги, монологи, авторские разъяснения, каковы завязки, развязки и эпилоги, приемы заинтересовывания и подчеркивания в связи с целым и т. под.). — Некоторым образцом такого рода изучений является глава о композиции «Дворянского гнезда» в книге Д. Н. Овсянико-Куликовского о Тургеневе; [12] в методологическом отношении полезна как пример статья Т. И. Райнова: «Обрыв» Гончарова как художественное целое — в «Вопросах теории и психологии творчества», ред. Б. А. Лезина, т. VII.

6. Изучение стиля

Понятие о стиле — в широком и узком смысле слова. Изучение стиля (слога) есть изучение внешней и внутренней стороны произведения. Изучение стиля может быть трояким. Первый вид я называю изучением элементарным, описательным (описание стиля: изучение языка (№ словарь), статистика и классификация изобразительных средств тургеневского языка (эпитеты, тропы и фигуры и проч.), исследование ритмики тургеневской прозы и проч.); далее возможно — изучение психологическое (классификация образов и формул по рубрикам сфер сознания — образы зрительные, слуховые, осязательные, обонятельные, моторные и проч.; степень конкретности и абстрактности языка; преобладание тех или иных частей речи и проч.); наконец, изучение историческое (образы и формулы, свойственные эпохе, школе, история их; заимствования в области стиля; влияние, напр., гоголевского стиля на Тургенева или стиля пушкинского; свое и чужое в области стиля). Изучение это в итоге должно познакомить с общим характером стиля, каким он является: спокойно повествовательным, патетическим, юмористическим, драматическим и т. д.

7. Психологический анализ

а) Какие психологические проблемы ставятся и как они решаются; б) какие и как изображаются чувства (α, аффекты; β, не аффектированные эмоции; γ, душевные состояния); в) характеры: 1) в пределах одного романа; 2) на протяжении всех произведений. При этом характеры различаются: 1) герои и героини (протагонисты); 2) второстепенные лица;

---

[12] Д. Н. Овсянико-Куликовский. Этюды о творчестве И. С. Тургенева. Харьков, 1896 (то же: Собрание сочинений Д. Н. Овсянико-Куликовского, т. 2).

3) лица, традиционные по своей роли; 4) лица, играющие случайную (бутафорскую) роль, которых автор не имел в виду представить как характер.

8. Изучение поэтики

Понимаю «поэтику» как свод, сумму законов, действующих в творчестве писателя и могущих быть выраженными в форме теоретических положений. Необходимо выяснить: а) эстетические воззрения писателя в целом и отдельно, в разные периоды его деятельности; каковы они и как выражаются в его творчестве; б) связь этих воззрений с воззрениями школы, литературного течения (напр., возможны исследования о Тургеневе и русской натуральной школе — с этой стороны; о Тургеневе и западноевропейском натурализме и под.); в) элементы этические и общефилософские, входящие в поэтику, как ее часть или основа.

9. Изучение поэтических видов

Формы поэмы, драматического произведения, лирического стихотворения, рассказа, повести, романа, поэмы в прозе у Тургенева. В какой мере эти формы у него традиционны, в какой он в них самостоятелен и т. д.

10. Изучение исторического значения

а) Выводы касательно места произведений Тургенева в русской литературе от 40-х до 80-х годов. Имея в руках подробную хронологическую таблицу русской литературы, современной Тургеневу (неполную можно найти в «Истории р‹усской› л‹итерату›ры XIX века», под ред. ‹Д. Н.› Овсянико-Куликовского и ‹А. Е.› Грузинского, в последнем выпуске последнего тома — составлена ‹Н. Л.› Бродским), и изучив произведения его современников — можно прийти к итогам, воспользовавшись результатами изучений аналитических, исчисленных выше.

б) История жизни произведений Тургенева после их создания. Исследования «эсто-психологические» (Эннекен).[13] Материал доставит статистика изданий, изучение критики, читательских отзывов вообще (полезно произвести анкету, напр., в кругу читающей молодежи — это был бы ценный материал). Необходимо получить ответ на вопросы о месте Тургенева в читательских вкусах русской публики — в прошлом и настоящем, о жизни его произведений и преломлении их в читательских умах и сознаниях и т. под. Собрать и все доказательства памяти о Тургеневе (сведения о чествованиях, тех или иных увековечениях его имени и т. п.).

---

[13] Речь идет о книге E. Hennequin «La critique scientifique» (2 éd., Paris, 1890), получившей в России некоторую известность по сокращенному переводу Д. Струнина: Эмиль Геннекен. Опыт построения научной критики. (Эсто-психология). СПб., 1892. — Интересу к «эсто-психологическому методу» отчасти способствовал в своих лекциях и занятиях со студентами В. Н. Перетц (см. его книгу: Из лекций по методологии истории русской литературы. Киев, 1914, стр. 168—172).

в) Влияние Тургенева на позднейшую русскую литературу (влияние и со стороны сюжета, композиции, стиля, поэтики; возможно, кажется, говорить о влиянии Тургенева на Чехова, м. б. на других беллетристов 80-х и 90-х годов) и т. д.

Дальнейшей конкретизацией этих тезисов и запечатленных в них творческих мыслей явился список тем, предложенный А. И. Белецким участникам кружка для докладов; составлен он был, по-видимому, без какой бы то ни было детализации и систематизации, — по мере того как формулировки отдельных тем, одна за другой, приходили в голову руководителю кружка либо заявлялись отдельными его участниками. Ниже приводятся сформулированные таким образом 27 тем.

II

1. Сатирическое изображение Тургенева как писателя в русской беллетристике.
2. Отрицатели Тургенева в русской критике прежде и теперь.
3. Тургенев как критик современных ему писателей.
4. Свод критических мнений Тургенева о выдающихся русских писателях.
5. Тургенев и русские писательницы.
6. Тургенев в западноевропейской критике.
7. Русские женщины 40—50-х гг. по историческим материалам и героини Тургенева.
8. Прототипы Варвары Павловны Лаврецкой.
9. Мать Тургенева в воспоминаниях о ней и в литературных произведениях Тургенева.
10. Образ энтузиаста в произведениях Тургенева.
11. Образ 18-го века в произведениях Тургенева.
12. Тургенев как живописец помещичьей усадьбы.
13. Образ смерти в русской поэзии и у Тургенева.
14. Параллели к Базарову в русской литературе, современной Тургеневу.
15. Западноевропейские параллели к «Запискам охотника».
16. Гете и Шиллер и их значение для Тургенева.
17. Тургенев и Альфред Мюссе.
18. Романист тургеневской школы Авдеев.
19. Тургенев и русские беллетристы 80-х годов.
20. Тургенев и Даль.
21. Тургенев и Фет.
22. Женский портрет в произведениях Тургенева.
23. Юмор Тургенева.
24. Изображение душевных движений в произведениях Тургенева.
25. Воспоминания в поэзии о Тургеневе.
26. Стиль, ритм (изобразительные средства) тургеневской прозы.
27. Тема «Отцов и детей» в русской литературе.

Как упомянуто выше, деятельность харьковского Тургеневского кружка оказалась весьма кратковременной: состоялось не более двух-трех его заседаний, посвященных почти исключительно общему обсуждению предложенных тем. Затем кружок сам собою прекратил существование, и лишь немногие из тем оказались разработанными впоследствии — самим А. И. Белецким (тема 5-я; [14] в университетских лекциях — отчасти темы 6-я, 7-я, 14-я и др.), Д. Д. Благим (тема 21-я),[15] М. Г. Давидович (тема 22-я) [16] — и, возможно, еще одна-две. Несмотря, однако, на очень недолгое свое существование, Тургеневский кружок заслуживает упоминания в истории изучения писателя, как одна из первых после Великой Октябрьской социалистической революции попыток повести это изучение организованно, на передовых в то время основах филологической науки.

И. Я. Айзенштох

---

[14] А. И. Белецкий. Тургенев и русские писательницы 30—60-х гг. В кн.: Творческий путь Тургенева. Под ред. Н. Л. Бродского. Изд. «Сеятель», Пгр., 1923, стр. 135—166.

[15] Д. Д. Благой. Тургенев — редактор Фета. «Печать и революция», 1923, № 3, стр. 45—64.

[16] М. Г. Давидович. Женский портрет у русских романтиков первой половины XIX века. В кн.: Русский романтизм. Сборник статей. Под ред. А. И. Белецкого. «Academia», Л., 1927, стр. 88—114.

КОММЕНТАРИИ К ПИСЬМАМ И.С. ТУРГЕНЕВА И БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

ТУРГЕНЕВ И С. И. МЕЩЕРСКАЯ

В ряду имен многих русских женщин-современниц, игравших ту или иную роль в жизни Тургенева, имя Софии Ивановны Мещерской до сих пор было почти незаметно. Несколько беглых упоминаний о ней в письмах Тургенева к Полине Виардо и к П. В. Анненкову не могли обратить на себя внимания; письма ее к Тургеневу оставались не только неизданными, но и непрочитанными, а лишь бегло упомянутыми в примечаниях к «Письмам» Тургенева.[1] А между тем она принимала большое и деятельное участие в судьбе писателя в один из самых критических моментов его жизни — в пору его ареста за статью о смерти Гоголя.

Причины невнимания к С. И. Мещерской и к ее роли в биографии Тургенева вполне понятны. Во-первых, сведения о ней в мемуарной и эпистолярной литературе весьма скудны — настолько, что даже точная дата ее рождения остается неизвестной: во-вторых, ее сближение с Тургеневым было недолгим, и она очень скоро исчезает совершенно из круга его отношений; в-третьих, письма Тургенева к ней не сохранились, а письма ее к Тургеневу, хранящиеся с начала 1920-х годов в Рукописном отделе Пушкинского дома (шифр: Р. I, оп. 29, № 43) и отмеченные в кратком описании Л. М. Добровольского,[2] до сих пор, как сказано, не были даже прочитаны. Последнее же объясняется тем, что их текст представляет известные трудности: ни одно из них не имеет даты; нигде нет ни обращений и заключений, ни подписей (последнее — «S. M.» — лишь в одном случае), и трудно даже понять, где начинаются и где кончаются многие из них, — настолько, что самое их число определялось по-разному: то 26 (в «Бюллетенях»), то 30 (*Письма*); на самом деле их 25. Размашистый и беглый, нервный и взволнованный французский почерк со множеством аббревиатур и зашифровок собственных имен, с архаизмами в орфографии, без абзацев и почти без знаков препинания, заменяемых тире, также затрудняет чтение. И почерк, и стиль, и орфография — все указывает на воспитание и обучение в дворянской семье первой четверти

[1] *Письма*, т. II, стр. 676.

[2] Бюллетени Рукописного отдела, вып. II. М.—Л., 1950, стр. 69, отд. IV, № 71.

XIX в.[3] Что же представляет собою эта княжна, стареющая девушка, на миг ставшая близкой участницей в судьбе Тургенева?

В одном из писем к Полине Виардо, написанном 20 февраля ст. ст. 1853 г. из Спасского, где Тургенев жил в ссылке, в Петербург, куда певица приехала на гастроли, он писал:[4] «Я очень рад, что вы познакомились с княжной Мещерской; под оболочкой немножко английской и набожной она скрывает очень преданное и очень любящее сердце. Кроме того, у нее много ума и ума очень тонкого ‹. . .› Она во все времена была очень добра ко мне, и это, быть может, единственное лицо, на которое я могу рассчитывать в Петербурге».[5] В этих скупых словах заключается и очень точная характеристика Мещерской, и верное определение ее роли и значения для Тургенева в 1852—1853 гг. Уже один этот отзыв заставляет нас внимательнее отнестись к этой личности и попытаться дать более точное представление о ней.

Княжна София Ивановна Мещерская родилась, по-видимому, в 1806 г.:[6] по крайней мере, в одном из писем к Тургеневу (л. 44) она упоминает о том, что ей в это время, т. е. в 1852 г., уже 46 лет («Вы понимаете, что в 46 лет, с таким огромным семейством, как мое — я всего насмотрелась. Вот почему я так боюсь за тех, кого люблю»).[7] Она принадлежала к старинной и знатной, но относительно небогатой семье, входившей в петербургский высший круг, однако не правящий и не придворный в собственном смысле, а на окраине придворного. Об одном из своих братьев, вдовце Василии Ивановиче, в доме которого она жила, София Ивановна упоминает в письмах к Тургеневу как о человеке распущенном и легкомысленном; на ней лежала забота о его младших детях. Другой брат, Николай Иванович, «безногий», как называет его Тургенев в письме к П. В. Анненкову от 3(15) января 1857 г.,[8] жил постоянно в Париже со своей дочерью Екатериной («прелестнейшее существо, воплощенная Гретхен. К сожалению, она по-русски не говорит ни полслова», — пишет Тургенев в том же письме; «не она виновата в этом безобразии», — замечает он о ней в другом письме, к Л. Н. Толстому, от 8 (20) декабря 1856 г.);[9] третий брат, Петр Иванович, был женат на Екатерине Никола-

[3] Справки о С. И. Мещерской затрудняются и тем, что во французских и немецких источниках титул ее звучит неопределенно — princesse, Fürstin — и нередко переводится ошибочно «княгиня» вместо «княжна», что вносит путаницу.

[4] Передаем тексты французских писем Тургенева в русских переводах, пересмотренных, где это необходимо, сравнительно с переводами в издании *Писем*.

[5] *Письма*, т. II, стр. 126 и 401—402.

[6] «Старшая из ‹двух сестер Мещерских›, княжна Софья Ивановна, — пишет ее племянник, А. В. Мещерский («Русский архив», 1900, кн. II, стр. 252), — осталась в девушках и умерла почти 80-ти лет в Петербурге»; на самом деле она умерла 75 лет, 20 ноября 1881 г. (дата в картотеке Б. Л. Модзалевского в Пушкинском доме, без указания источника).

[7] Все письма С. И. Мещерской к Тургеневу, написанные (кроме нескольких отдельных слов) по-французски, даются нами в русском переводе.

[8] *Письма*, т. III, стр. 74.

[9] Там же, стр. 55.

евне Карамзиной, дочери историографа.[10] Наконец, младшая сестра Мещерских, Мария Ивановна, в 1837 г. вышла замуж за брата Н. Н. Пушкиной — И. Н. Гончарова.[11]

Беглые упоминания о С. И. Мещерской в переписке ее свойственников Карамзиных и в позднейших воспоминаниях ее племянника А. В. Мещерского неизменно сочувственны и рисуют ее в очень привлекательном свете. «Веселой и любезной» называет ее (вместе с ее сестрой Марией Ивановной) Е. Н. Мещерская в письме к брату от 5—6 июня 1836 г.[12] «Весьма начитанная и умная, она имела веселый и ровный характер и такое любвеобильное сердце, что, раз кого полюбивши, предавалась тому всей душой», — вспоминает о ней ее племянник, кн. А. В. Мещерский.[13] В другом месте он отмечает «замечательно ясный ум и начитанность» обеих сестер; притом, по его словам, «они не лишены были большой дозы природного юмора, что располагало их, во время молодости, слишком щедро расточать свои насмешки над окружающими их людьми».[14] Рассказывая о жизни Софии Ивановны в Москве, в конце 30-х—начале 40-х годов, мемуарист упоминает ее «авторитет в московском обществе». «Она, — замечает он, — всю жизнь любила общество умных людей и искала его. Они же, в свою очередь, любили с нею беседовать и постоянно ее навещали; таким образом, часто бывали у нее Чаадаев, Михаил Федорович Орлов, <...> а впоследствии поэт Тютчев, Тургенев,[15] граф Алексей Толстой, Иван Сергеевич Мальцев,[16] братья Карамзины и многие другие писатели и поэты, особенно дорожившие ее дружбой <...>. Из первых почитателей блестящих качеств ее ума и начитанности был Чаадаев...».[17] «Восторженное ее сердце, — добавляет А. В. Мещерский, — влекло ее всегда к Тургеневу и к графу Алексею Толстому, к которым она питала словно материнские чувства». Это отношение С. И. Мещерской к двум писателям, бывшим значительно ее моложе, поясняется тем, что она, как говорит тот же мемуарист, «особенно любила оказывать свое покровительство молодым людям, всегда с специальною целью их духовного исправления и нравственного возрождения».[18]

---

[10] См.: Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960 (по указателю имен).

[11] Там же.

[12] Там же, стр. 61 и 237.

[13] А. В. Мещерский. Из моей старины. «Русский архив», 1900, кн. III, стр. 452.

[14] Там же, кн. II, стр. 251.

[15] Время знакомства Тургенева с С. И. Мещерской точно не известно. Вероятно, они познакомились зимой 1850/51 г., когда писатель, вернувшись из-за границы, в октябре—ноябре 1850 и в феврале—апреле 1851 г. жил в Петербурге. Более раннее начало их знакомства мало вероятно, более позднее (зимой 1851/52 г.) — также, потому что к моменту ареста Тургенева (16 апреля 1852 г.) они уже близко знакомы, как видно из ее писем.

[16] И. С. Мальцев (1807—1880) — двоюродный брат С. И. Мещерской, дипломат, советник русского посольства в Персии при Грибоедове, спасшийся при разгроме посольства в 1829 г.

[17] «Русский архив», 1900, кн. II, стр. 252.

[18] Там же, кн. III, стр. 293.

Последняя черта, очевидно верно отмеченная, очень ярко сказывается в ее отношении к Тургеневу: в своих письмах она постоянно и настойчиво советует ему упорядочить свою жизнь, выбрать хорошую невесту (даже называет А. Ф. Тютчеву, старшую дочь поэта, впоследствии жену И. С. Аксакова, как подходящую для него спутницу), устроить прочную семью.

Другая ее черта, о которой также говорит А. В. Мещерский, — любовь и умение писать дружеские изящные письма, обмениваться записками. «Столь распространенная тогда ‹т. е. в конце 30-х—начале 40-х годов› в нашем обществе, — пишет он, — ‹. . .› страсть писать записочки особенно тщательно обработанным слогом, с чисто французским остроумием и изяществом, существовала еще у нас как остаток подражания французскому двору Людовика XVIII и Карла X. ‹. . .› У нас существовало даже некоторого рода соревнование в этом искусстве между нашими дамами, и нечего говорить о том, что моя тетушка ‹С. И. Мещерская› и г-жа Сиявина не уступали изящностью своего стиля знаменитой писательнице m-me de Sévigné».[19] Эти замечания вполне приложимы к письмам Софии Ивановны к Тургеневу; ими же объясняется то восторженное внимание к его ответным запискам, то восхищение их стилем (они, очевидно, писались Тургеневым по-французски), которые не раз высказываются в ее письмах к нему и вполне разделяются ее ближайшими родственницами и знакомыми: С. Н. Карамзиной, Авророй Карамзиной (Шернваль-Демидовой), Ан. Н. Мальцовой, Тютчевыми — женой и младшими дочерьми поэта — и прочими.

Так, в одном из писем С. И. Мещерская сообщает ему: «Мне поручила вам сказать Со‹фия› Кар‹амзина›, что никто не обладает таким очарованием в стиле и в уменье писать письма, как ваша милость (votre seigneurie), и что если бы она вас уже не любила — прочесть ваши письма было бы достаточно, чтобы вас полюбить ‹. . .› Аврора, навестившая меня сегодня утром, так восхищается добродушием вашего характера, вашим волшебным умом, всем тем, о чем заставляет догадываться ваша манера говорить, что предлагала мне показать В‹еликой› К‹пяги›не Ма‹рии› некоторые из записок, этих восхитительных драгоценностей (ces ravissants bijoux de billets), которых я достойна только по той огромной любви, с какой я их получаю и читаю» (лл. 11—12).

Письма С. И. Мещерской к Тургеневу раскрывают перед нами почти неизвестные до сих пор его отношения с петербургским светско-литературным кругом.

Центральное место в этом кругу занимала издавна семья Карамзиных. Правда, уже к концу 40-х годов значение карамзинского салона, в котором некогда постоянно бывали Пушкин, Лермонтов, Жуковский, Вяземский, А. И. Тургенев, братья Виельгорские, Вл. Одоевский, В. А. Соллогуб, Е. П. Ростопчина и пр.,[20] значительно уменьшилось, а со смертью его

---

[19] «Русский архив», 1900, кн. III, стр. 77.

[20] См.: Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов, стр. 22—26 и сл.

хозяйки, вдовы историографа Екатерины Андреевны, происшедшей незадолго до момента, освещенного в письмах С. И. Мещерской, — 1 сентября 1851 г., — еще более упало. Но оставалась вторая представительница Карамзиных — София Николаевна, оставался и тесный круг старых друзей, собиравшийся около нее, — и в этот круг был принят Тургенев, как молодой и входящий в моду литератор, автор повестей и пьес, имевших литературный и сценический успех (особенно «Провинциалка», поставленная в Петербурге 22 января 1851 г.). Карамзинский круг был, очевидно, и связующим звеном между Тургеневым и высшими придворными сферами — наследником Александром Николаевичем и его сестрой, вел. княгиней Марией Николаевной. Вхожим он туда не стал, да и вряд ли к этому стремился, но в критический для него момент ареста и ссылки возникает — не без помощи таких друзей, как Карамзины и Мещерские, а также А. К. Толстой, — неожиданное, казалось бы, участие в его деле этих «высочайших особ». Характерно, однако, что старший представитель литературы карамзинского и пушкинского периодов, князь П. А. Вяземский, остается в стороне от хлопот за опального молодого литератора; отношения с ним Тургенева были и до и после ссылки официально-холодными, хотя писатель и обращался к Вяземскому по разным деловым вопросам и сам бывал у него.[21]

Нужно отметить, что в сохранившихся письмах С. И. Мещерской к Тургеневу нет прямых упоминаний о его произведениях — ни о пьесах, ни о повестях, ни даже о рассказах из «Записок охотника», печатавшихся в «Современнике». Это не значит, однако, что она их не читала и вообще не интересовалась русской литературой: возможно, что упоминать о литературной деятельности Тургенева в письмах, направлявшихся к нему на «съезжую», она считала для него опасным. Известно, во всяком случае, что осенью 1854 г. Тургенев передал ей для прочтения рукопись еще не напечатанного «Постоялого двора» и в не дошедшем до нас письме из Спасского к П. В. Анненкову поручил своему приятелю, познакомившись с княжной, получить от нее рукопись обратно.[22] Описывая то же время —

---

[21] См.: *Письма*, тт. II и III (по указателю имен).

[22] Ср. письмо от 15 (27) октября 1854 г. с повторением вопроса о той же повести (*Письма*, т. II, стр. 230): «Были ли вы у кн. Мещерской и как она вам показалась — и получили ли вы от нее „П‹остоялый› двор“?». Анненков со своей стороны в письме к Тургеневу от 11 (23) октября 1854 г. из Петербурга, скрестившемся с цитированным выше письмом Тургенева, сообщал ему: «Зато уже у Мещерской — что за успехи. Она мне в глаза говорит, что она благодарит бога за знакомство со мной и находит, что во всех моих движениях и в выражении лица — неописанная доброта. Это не то, что вы, злодей...» (там же, стр. 535). В последних словах — намек на слегка ироническое отношение Тургенева к немолодой и восторженной, влюбленной в него княжне. В следующем, ответном письме Тургенев писал Анненкову: «А какова Мещерская? Вы, я вижу, с ней в больших ладах» (там же, стр. 233). Ни в этом, ни в следующих письмах между Тургеневым и Анненковым, однако, нет более речи о рукописи «Постоялого двора», бывшей у княжны. Самая эта рукопись — одна из копий, снятых по заказу Тургенева в начале 1853 г., но какая именно — трудно сказать (см.: *Сочинения*, т. V, стр. 606).

начало 50-х годов, — мемуарист, известный под буквами «Б. У. Ф.», вспоминал о чтениях Тургеневым своих еще не напечатанных произведений: «Он читал только в кругу людей близких, причем ни скромность автора, ни характер его слушателей не допускали восторженных похвал, а вызывали лишь одобрительные рассуждения о прочитанном <...> Он читал у <княжны> Мещерской повесть о двух влюбленных, кончающуюся внезапной смертью героя» (т. е., очевидно, повесть «Два приятеля», написанную в Спасском перед концом ссылки Тургенева, а напечатанную в январском номере «Современника» за 1854 г.; таким образом, чтение относится к декабрю 1853 г.).[23]

Следует заметить, что, по всем признакам, идейные и литературные симпатии С. И. Мещерской склонялись к славянофильству. Ее занимает «Московский сборник» братьев Аксаковых, первый том которого был выпущен в марте 1852 г. По крайней мере в одном из своих писем она делится с Тургеневым впечатлением от «Сборника», и в частности от стихов А. С. Хомякова и И. С. Аксакова, от статей обоих братьев Аксаковых, — впечатлением очень сочувственным и почти восторженным.[24]

Перейдем теперь к основному содержанию писем С. И. Мещерской к Тургеневу, касающемуся его ареста и ссылки.

Этот важный момент в литературно-общественной биографии писателя хорошо известен и документально освещен в ряде статей и публикаций.[25] Можно лишь напомнить доклад шефа жандармов гр. А. Ф. Орлова «О Тургеневе, Боткине и Феоктистове», в котором изложены обстоятельства напечатания «литератором Тургеневым» статьи «об умершем в Москве писателе Гоголе, сочинителе „Мертвых душ“», где Тургенев «отзывался о Гоголе в выражениях чрез меру пышных», почему статья была запрещена в Петербурге, — «Тургенев же, вместо того чтобы покориться решению Начальствующего лица, отправил статью свою в Москву и там, при со-

---

[23] Б. У. Ф. <Б. Икскуль-Фиккель>. И. С. Тургенев в 1839—1882 гг. Перевод с немецкого. «Русская старина», т. XLII, 1884, май, стр. 394. — В русском тексте — «у княгини Мещерской» — вероятно, ошибочный перевод с немецкого «Fürstin»; чтение Тургеневым своей повести у кн. Е. Н. Мещерской мало вероятно.

[24] См. ниже, стр. 242 и 243.

[25] Дело III Отделения собственной е. и. в. канцелярии 1852 г., по I экспедиции, № 92, «По письмам <...> на счет смерти литератора Гоголя» (о Тургеневе, Боткине, Феоктистове, И. С. Аксакове и др.) опубликовано полностью в приложениях к журналу «Всемирный вестник» (1907, № 1, январь, стр. 1—32; № 3, март, стр. 33—48; № 12, декабрь, стр. 49—87). — На материалах этого же «дела» основан ряд статей: М. К. Лемке. Арест и высылка Тургенева в 1852 году. «Русская мысль», 1906, № 2, стр. 16—26; Н. В. Дризен. Арест и ссылка И. С. Тургенева. «Исторический вестник», 1907, № 2, стр. 559—569; см. также: А. Дунин. Ссылка И. С. Тургенева в Орловскую губ. «Минувшие годы», 1908, № 8, стр. 29—39 (где опубликованы документы «дела» о Тургеневе канцелярии Орловского гражданского губернатора (теперь хранящееся в *ИРЛИ*, 180. Iб), обложка которого воспроизведена на стр. 28), и проч. — Ни в одной из этих работ имя С. И. Мещерской не упоминается. См. также: *Письма*, т. II, №№ 169—172, 180—182, 184, Офиц. письма и дел. бумаги, №№ 15—19 и примечания к ним. —

действии друзей своих», В. П. Боткина и Е. М. Феоктистова, напечатал ее в «Московских ведомостях». Доклад, представленный 14 апреля Николаю I в сокращенной и «смягченной» против первой его редакции форме, предлагал «пригласить Тургенева в III Отделение собств. в. и. в. канцелярии, а Боткина и Феоктистова к Московскому генерал-губернатору, сделать им должное внушение, предупредить их, что Правительство обратило на них внимание, и учредить за ними секретное наблюдение». Эти «мягкие» меры не удовлетворили Николая I, и он поставил на докладе свою резолюцию: «Полагаю этого мало, а за явное ослушание посадить его ‹т. е. Тургенева› на месяц под арест и выслать на жительство, на родину, под присмотр, а с другими предоставить г‹рафу› Закревскому распорядиться по мере их вины».[26] На основании этой резолюции и указаний, тотчас данных А. Ф. Орловым во все инстанции, Тургенев 16 апреля был арестован и посажен на «съезжую», т. е. в полицейский арестный дом при 2-й Адмиралтейской части (близ Театральной площади, между Офицерской улицей и набережной Екатерининского канала).[27]

Арест Тургенева произвел сильное впечатление в разных общественных кругах Петербурга и почти всеми был встречен с недоумением и осуждением. Об этом красноречиво свидетельствуют записи в дневнике такого осторожного человека, как А. В. Никитенко;[28] о том же говорит и ряд писем к Тургеневу С. И. Мещерской.

К сожалению, первое или первые письма, посланные ею на съезжую под свежим впечатлением ареста Тургенева, не сохранились. Быть может, это объясняется и тем, что в первые дни ареста доступ друзей и знакомых к Тургеневу был довольно свободен, — хотя формально они и допускались не иначе, как по разрешению петербургского обер-полицеймейстера А. П. Галахова, — и лишь позднее, когда на обилие посетителей обратили внимание власти, всякие свидания с арестованным были с 24 или 25 апреля окончательно запрещены.[29] Разумеется, сама княжна на съезжей не бывала, но близкие ей люди виделись с арестованным — например Андрей Карамзин, о посещении которым Тургенева сообщает в своем дневнике А. В. Никитенко,[30] и в особенности гр. А. К. Толстой, посещавший его неоднократно и доставлявший ему книги.

---

[26] «Всемирный вестник», 1907, № 1, Приложение, стр. 31.

[27] В одном позднейшем письме (1862 г.) приятель Тургенева Е. Я. Колбасин писал ему: «Вчера, дорогой Иван Сергеевич, я почему-то вспомнил ‹. . .› ваше сидение в полицейской части, в сибирке, посещение или, лучше сказать, запрещенный визит к вам мой, брата ‹Д. Я. Колбасина› и Миницкого: разговор наш с вами через окно, на набережной Екатерининского канала, когда вы выглядывали, подобно узнику, из своего высокого и непривлекательного заточения. . .» (*Письма*, т. II, стр. 439). Это свидание относится уже к маю.

[28] *Никитенко*, т. I, стр. 349—352.

[29] См.: «Всемирный вестник», 1907, № 3, Приложение, стр. 39 и 48 (с ошибкой в фамилии обер-полицеймейстера: «Малахов» вместо «Галахов»). См. также ниже — в письме А. К. Толстого к Тургеневу от 24 апреля (стр. 233—234).

[30] *Никитенко*, т. I, стр. 350 (запись от 20 апреля). — В записи от 17 апреля говорится о встрече Никитенко с другим приятелем Тургенева,

Не имея возможности ни видеться с Тургеневым, ни узнавать о нем — после 25 апреля — через своих друзей, С. И. Мещерская писала ему, очевидно, каждый день (и даже иногда дважды в день) и, пользуясь своими влиятельными знакомствами, пересылала беспрепятственно письма арестованному писателю. Несколько основных тем проходит через эти письма: беспокойство о здоровье и настроении Тургенева; страх за его будущую судьбу и попытки ее облегчить и устроить; хлопоты о нем, ведущиеся особенно в связи с письмом, написанным им великому князю Александру Николаевичу (наследнику, замещавшему в Петербурге своего отца, Николая I, уехавшего 17 (29) апреля из Петербурга в Варшаву и далее за границу — в Австрию и Германию), встречи и разговоры с влиятельными людьми — А. К. и Н. М. Толстыми, В. И. Назимовым и др., попытки повлиять в пользу Тургенева на вел. княгиню Марию Николаевну; сообщение светских толков и слухов вокруг «дела» Тургенева; и постоянно — выражения восторженной любви и нежности к нему со стороны не только самой княжны, но и других дам и девиц из ее окружения, родных и друзей — Карамзиных, Тютчевых, Мальцовой и проч. Повторяем, ни одно письмо не датировано, и порядок их лишь очень приблизительно определяется их содержанием. Все они, по-видимому, написаны после того, как созрела мысль о посылке Тургеневым письма к наследнику, датированного 27 апреля (ст. ст.) 1852 г.[31]

Мысль об этом письме появилась, очевидно, уже вскоре после ареста Тургенева и исходила именно от С. И. Мещерской и ее друзей. По крайней мере гр. А. К. Толстой, — по свидетельству А. В. Мещерского, разделявший с Тургеневым нежную и восторженную дружбу княжны,[32] — уже 21 апреля «снова говорил о Тургеневе» с великим князем (как писал он будущей своей жене, С. А. Миллер).[33] В письме к самому Тургеневу от 24 апреля А. К. Толстой писал:[34] «Приехав сегодня утром повидаться с вами, я, к своему великому огорчению, узнал, что вам запрещено общаться с знакомыми. Я отправился к генералу Галахову[35] попросить у него особого разрешения, но он не счел для себя возможным дать его <...> Так как обстоятельства, по-видимому, переменились с тех пор, как я вас видел в последний раз, советую вам также переслать ге-

---

М. А. Языковым, «который говорил мне, что был у Тургенева. Последний действительно сидит в настоящей съезженской тюрьме, но здоров и спокоен» и т. д. (там же, стр. 349—350).

[31] См.: *Письма*, т. II, стр. 381—382.

[32] См. выше, стр. 228.

[33] А. К. Толстой, Собрание сочинений, т. 4, Гослитиздат, М., 1964, стр. 18.

[34] Там же, стр. 19.

[35] Александр Павлович Галахов (1803—1863) — генерал-майор свиты е. и. в., с.-петербургский обер-полицеймейстер, брат рано умерших знакомых Тургенева — Елизаветы Павловны, по мужу Фроловой, и Ивана Павловича, близкого приятеля Герцена и Огарева (см. о них: *Сочинения*, т. VI, стр. 610 и 612—613). Этими давними связями, быть может, объясняется сравнительно мягкое отношение А. П. Галахова к арестованному Тургеневу.

нералу Галахову и то письмо, которое вы хотели написать его высочеству великому князю. Генерал берется доставить письмо его высочеству». С этого приблизительно момента — через неделю после ареста Тургенева — начинаются, по-видимому, сохранившиеся письма к нему С. И. Мещерской.

Приводим полностью письмо, написанное в последних числах апреля, которое можно считать (впрочем без уверенности) самым ранним из них:

«Если бы вам позволили выходить на воздух — я была бы почти обрадована той мерой, которая закрывает вашу дверь для многих людей, ходивших к вам только из любопытства и для того, чтобы потом говорить о вас — в неблагоприятном для вас смысле. Люди, по бо́льшей части, любопытствующие и себялюбивые существа, видящие в несчастье или в счастье ближнего только то, что соответствует им самим или их взглядам. Они принимают участие вовсе не из любви к ближнему — и те, кто не полюбопытствовал или не решился повидаться с вами, составили некоторую противную партию, считая, что вам как будто делают своего рода чествование. — Очень возможно, что власти, — в сущности, весьма расположенные к вам, — предприняли эту меру, опасаясь, что ваше дело будет испорчено: все, что делается без участия сердца, приносит всегда дурной, если не гибельный результат. Тому пример — эти праздные посетители. — Непремепно попросите о вечерней прогулке. Г-н Галахов вам это устроит, — и не откладывайте больше отправку письма, — если бы вы написали его только сами, оно бы вытекло из самого источника и было бы более убедительным — я уверена. Буду очень счастлива прочесть его — и не забудьте сообщить мне, следует ли хранить его в тайне. Я очень верю в правосудие и доброту Наследника — и прямой г-н Назимов[36] еще здесь. — Я не теряю надежды. — Что меня беспокоит — так это недостаток воздуха. Вы должны есть много винограда, апельсины — целый набор освежающих и противожелчных средств. Я не падаю духом, — и одиночество — хороший советник, если оно не слишком длительно, — 10 дней и затем прощение — или лучше полное правосудие. Так я надеюсь и смотрю на будущее.

«Простите мне один вопрос — есть ли у вас Библия и позволите ли вы послать ее вам, — скажите только, желаете ли вы, чтобы она была церковно-славянской. Чего я опасаюсь — это чтобы заключение не затемнило ваш разум. В том, что́ вы напишете, это отразится. Многие лица говорят, что вашу дверь закрыли для того, чтобы не вредить вашим интересам. — Я решила ждать, пока ваше письмо будет представлено — и будет ли через два дня какой-либо результат или твердая надежда. Если нет, во вторник я начну действовать — и, с помощью божией, быть может

---

[36] Владимир Иванович Назимов (1802—1874) — генерал-адъютант, близкий к наследнику, в 1849—1855 гг. попечитель Московского учебного округа и председатель Московского цензурного комитета, разрешивший к напечатанию в «Московских ведомостях» письмо Тургенева о смерти Гоголя, послужившее поводом для его ареста. Тургенев с ним виделся в Москве, отправляясь в Спасскую ссылку, в конце мая 1852 г. См.: *Письма*, т. II, стр. 59 и 678; т. V, стр. 124 и 567—568.

мы дойдем до решения или до определенного обещания подействовать на отсутствующего.[37]

«Прощайте, мой добрый, дорогой друг. Боюсь, что вы выйдете совсем седым из вашей каморки. — Маленькие Тютч<евы>[38] часто посещают меня — и говорят мне множество трогательных и смешных вещей о том, что́ они переживают по поводу вас. — Надеюсь, что письмо отправлено — никто не знал, что стало невозможно вас видеть. — Родственники Наз<имова> Мальцовы узнали об этом с удивлением только из записки, написанной мною молодой даме,[39] которую я люблю всем сердцем. — Завтра вечером я надеюсь узнать много вещей, о которых смогу вам сообщить» (лл. 1—3).

В письме, написанном вскоре, продолжается речь об отправке письма к наследнику: «Каков бы ни был способ, которым вы решите отправить письмо, ради бога, отправьте его сегодня. Вы ничем не рискуете — действительность уничтожает все призраки, которые вызываются болтовней, — и простите, если я даю вам советы — даже если они не согласны с вашими мыслями или решениями, — извините их, во внимание к моему возрасту — и к моей привязанности. Считаю, что вы не должны сжигать у себя никаких бумаг. Это могло бы породить подозрения — совершенно ложные, — пришлите мне назад мои письма — я их порву.[40] В самом деле, могут подумать, что вы ведете какую-то тайную переписку. Конечно, хотя вам ничего об этом и не говорят, — малейшее ваше движение находится под наблюдением».

Здесь возникает другая тема: Тургенев в заключении изучает польский язык, и это пугает осторожную княжну: «Если бы вы могли принести в жертву этот ужасный польский язык — который несомненно принес вам несчастье, и какая в нем польза? Желаете ли вы шотландские стихотворения Бёрнса — со словарем? Я уверена, что вы его любите, и по крайней мере это занятие вас не скомпрометирует. Будьте разумны, дорогой друг, — и отложите в сторону фантазию на это время испытаний <...> Ради бога, не давайте никому внушать вам безнадежность. Посылайте ваше письмо и напишите его сами — говорят, оно было так хорошо» (лл. 4—5). Последние слова показывают, с каким трудом доставалось Тургеневу его письмо к великому князю: текст его читался друзьями, начиная с А. К. Толстого, и не раз переделывался.

В следующем письме С. И. Мещерская возвращается к польским занятиям Тургенева: «Я хорошо знаю, что вы мне даете говорить, как

---

[37] Речь идет о Николае I.

[38] Две младшие дочери поэта Ф. И. Тютчева — Дарья Федоровна (1834—1903) и Екатерина Федоровна (1835—1882).

[39] Имеется в виду Анастасия (Настасья) Николаевна Мальцова, рожд. княжна Урусова (1820—1894), близкая приятельница С. И. Мещерской, постоянно упоминаемая в ее письмах. Муж ее, Сергей Иванович Мальцов (1810—1893), — бывший кавалергард, генерал-майор в отставке, крупнейший промышленник и помещик, владелец земель и заводов (хрустальных, чугунолитейных, машиностроительных) в средних губерниях России.

[40] Как видно, Тургенев этого не сделал.

ветру, — не обращая внимания. Но все равно, я буду продолжать по-прежнему — и начну вновь с польского языка, которого не терплю, — предупреждаю вас, что ваши занятия замечены, — и вы знаете, что язык, народ и т. д. — все враждебно России. В самом деле, безумие со стороны человека, взятого под арест полицией, выбрать такого рода занятие. Будьте уверены, что ни одно ваше движение или слово не остаются незамеченными. Это Дубельт отдал распоряжение закрыть вашу дверь [41] — чтобы избежать разговоров на ваш счет, которые, как я вам говорила, становились всепоглощающими, и он основывался на том, что арестованные офицеры находятся на положении полного одиночества, исключая специальные разрешения, в которых, конечно, им никогда не отказывают. Забавно то, что к этим рассуждениям и примерам прибегают задним числом». Далее корреспондентка Тургенева сообщает: «...я была у моей прелестной приятельницы г-жи Мальцовой, которая в отчаянии от того, что ни разу не встречала вас у меня. Это особа совершенно в вашем вкусе — столько в ней пикантного и неожиданного, и вместе с тем так восхитительно прелестна, что хочется всегда видеть перед собою ее лицо, — а в довершение совершенства — искренняя и добрая, сколь возможно. Она сказала мне, что Нази<мов> не уехал, — и советует мне дождаться результатов письма, прежде чем идти к В<еликой> К<нягине> М<арии>,[42] которую нужно сохранить на случай, если будут настаивать на ссылке. — Прощайте и еще раз — сожгите ваш польский учебник...» (лл. 8—9).

В письме, написанном через несколько дней, С. И. Мещерская пишет Тургеневу: «Знаете ли вы кого-нибудь из канцелярии Шульгина [43] — и говорили ли вы когда-нибудь перед кем-либо оттуда, что следовало бы сменить целиком наше правительство, что славизм — только смехотворная игра? — Я страшно поспорила с братом, у которого живу,[44] — он утверждает, что этот господин (cet individu) приводил ваши слова, — но ведь канцелярия составлена из дураков, с которыми, я уверена, вы

---

[41] Петербургский обер-полицеймейстер А. П. Галахов, сообщая Дубельту 27 апреля об отданном им распоряжении «приставу исполнительных дел 2-й Адмиралтейской части, чтобы он отнюдь никого не допускал для свидания с содержащимся при этой части помещиком Тургеневым», ссылался на «словесное требование» Дубельта («Всемирный вестник», 1907, № 3, стр. 48). О своем распоряжении Дубельт донес наследнику еще 25 апреля (там же, стр. 39: «Посетителей более к нему допускать не будет»; в публикации этого донесения ошибка — «Величеству» вместо «Высочеству»).

[42] Мария Николаевна (1819—1876), великая княгиня, старшая дочь Николая I, бывшая замужем за герцогом Лейхтенбергским; с 1852 г. состояла президентом Академии художеств и считалась покровительницей искусств.

[43] Дмитрий Иванович Шульгин (1785—1854) — генерал-от-инфантерии, в 1848—1854 гг. бывший петербургским военным генерал-губернатором.

[44] С. И. Мещерская жила в доме своего старшего брата — Василия Ивановича (род. 1795), служившего в Министерстве иностранных дел, отца цитированного выше мемуариста А. В. Мещерского.

никогда не снисходили до разговоров. Я думаю, что он сказал это, чтобы меня подразнить, — впрочем, он бывает иногда нелепым...» (л. 16).

Как бы ни старалась княжна представить слова своего брата как нелепую шутку, придуманную, чтобы ее подразнить, — обвинение в антиправительственных политических высказываниях, да еще идущее из генерал-губернаторской канцелярии, не могло не встревожить Тургенева. Дело, однако, не получило дальнейших последствий, — по крайней мере, в письмах Мещерской о нем более нет речи.

Суть дела была не в этих сплетнях, а в резко враждебном отношении императора Николая к умершему Гоголю и отсюда — к Тургеневу, притом известному ему как автор запрещавшихся пьес («Нахлебник» и «Завтрак у предводителя», 1849; «Студент» и его переработка — «Две женщины», 1850), автор антикрепостнических очерков из «Записок охотника», еще не собранных в тот момент в одну книгу, — писатель, близкий к Белинскому и с восторгом упомянутый недавно Герценом в его работе «О развитии революционных идей в России».[45] Это враждебное отношение царя отражалось и в отзывах его близких — прежде всего его дочери Марии Николаевны, да и наследника Александра.

В письме, посланном Тургеневу вскоре после отправки им письма к наследнику, т. е. в последних числах апреля—начале мая, С. И. Мещерская сообщала ему:

«Я писала Алексею Толстому, чтобы узнать от него — можно ли надеяться на какое-либо действие письма. Он ответил мне, что еще ничего нет, но что он уверен в том, что кара будет смягчена. Это очень неясно, — но я знаю, что он уезжает только 20 ‹мая› — и не пренебрежет никаким случаем, чтобы быть вам полезным. — Но как ограничены высшие (les grandeurs)! — Благодаря этому оселку — духу справедливости — я теряю свои иллюзии в отношении В‹еликой› К‹няги›ни М‹арии›, к которой относилась с такой симпатией; и как я рада, что мое здоровье помешало мне поехать к ней. — Молодая г-жа Мальцова, наконец начавшая выходить,[46] сегодня утром навестила меня — и, спросив, какие известия от вас, сказала мне: Вы знаете, что мы поговорили о нем с В‹еликой› К‹няги›ней, — она вполне понимает, что вы опечалены и заинтересованы этой историей с г-ном Тур‹геневым›. Но она повторяет фразу своего отца — „он хотел явно ослушаться властей (braver l'autorité)“ — и как бы ей ни объясняли, — ведь она знает, что письмо было просто отклонено, что все дело в формальностях, — она все же утверждает: Он не должен был обращаться в другую цензуру, когда здешняя отклонила статью, — и потом он употребил неуместные выражения, говоря о Г‹оголе›: он сказал назвать‹?› великим челове‹ком›...[47] Можно ли представить себе, чтобы легкомыслие до такой степени омрачило разум, что сделало его тупым, — я не поеду прощаться с ней, как она, по ее словам, желает,

---

[45] *Герцен*, т. VII, стр. 97 и 228.

[46] А. Н. Мальцова незадолго — 6 апреля — родила дочь Ирину (1852—1883).

[47] Последние три слова написаны по-русски, причем первое из них читается предположительно.

не потому, чтобы придавала значение ее мнению о вас, — я вижу ясно, что она принадлежит к стаду, — но потому, что буду огорчена увидеть ее в другом свете, чем тот, в котором она мне нравилась...». В заключение письма она замечает: «...боюсь, что забыла вам сказать, что В‹еликая› К‹няги›ня М‹ария› говорит, что вся ваша история обойдется — и закончится хорошо» (лл. 10—12).

Разочарование С. И. Мещерской в дочери Николая I очень характерно для того свободомыслящего дворянского круга, пусть и очень умеренного и в основе монархического, к которому она принадлежала. Еще более характерно сообщение в другом письме (в том же, где передаются слухи из канцелярии Шульгина об антиправительственных высказываниях Тургенева, — см. выше) о выходке младших дочерей Ф. И. Тютчева — Екатерины и Дарьи, — вызванной «делом» Тургенева и направленной против самого царя: «Знаете ли вы, — пишет Мещерская, — что обе республиканки подняли бунт из-за вас, — портрет И‹мператора› (ГЕ.), который, как они говорят, был предметом обожания, сковырнулся (a dégringolé) с почетного места в шкаф для нижних юбок и там был помещен в самом низу, лицом к задней стенке шкафа, — и выйдет оттуда только после благоприятного конца вашей драмы» (л. 15).

В письме, написанном, вероятно, 1 (13) мая, рассказывается о ходе дела с письмом Тургенева к наследнику: «Я очень рада, что г-н Нази‹мов› еще здесь. Он обедает сегодня у Мальцовых, которые мне обещали повлиять на него, чтобы он проследил за действием вашего письма, потому что о нем до сих пор ничего не слышно. Генер‹ал› Герсдорф, старый друг, бывающий у Насл‹едника› всякий вечер, когда приезжает в Пет‹ербур›г,[48] — сказал мне, что он был там вчера вечером и много говорил о вас с Адлербергом, ближайшим любимцем,[49] как вы знаете, и, к счастью, очень порядочным человеком; он — Адлерберг — сказал, что он обещал одному из своих друзей [50] представить ваше письмо; но он узнал, что вас совершенно лишили общения, — и к этой причине отнес неполучение письма, которого, по его утверждению, Н‹аследник› еще не получил; он сказал, что полицейским путем это идет нескоро — Галах‹ов› должен был отнести его генерал-губернатору, а тот — передать Дубельту; последний не посмеет его задержать — оно дойдет, — но не раньше чем завтра. Терпение, дорогой друг, — но думаю, что это мне самой надо повторять об этом почаще...». Далее идет речь о письме к Луи и Полине Виардо, написанном Тургеневым 1 (13) мая,[51] которое, очевидно, пересылалось через ту же Мещерскую: «Почему не прислали вы мне письма?

---

[48] Арист Федорович Герсдорф — генерал-майор, командир л.-гв. Кирасирского полка, стоявшего в Царском селе.

[49] Александр Владимирович Адлерберг, граф (1818—1888) — сын министра двора гр. В. Ф. Адлерберга, друг детства наследника (будущего Александра II) и один из ближайших к нему военно-придворных чинов; с 1872 г. — министр двора.

[50] Вероятно, имеется в виду А. К. Толстой.

[51] *Письма*, т. II, стр. 55—57.

Известная дама[52] его отправит, и я спрошу у нее адрес, по которому она пишет, на будущее — на случай печальной необходимости». К этому сделана приписка: «Дама придет завтра вечером за письмом — и до 5 ‹мая› вы можете присылать мне все, что хотите, — все будет доставлено благополучно» (лл. 18—19).

К вопросу о письме к Полине Виардо С. И. Мещерская возвращается в следующем письме, которое можно датировать 2 мая: «Надеюсь, дорогой господин Тургенев, что вы внушили особе, которой вы пишете, чтобы она не делала никаких намеков на то, что с вами случилось, и чтобы вообще была очень осмотрительна в том, что впредь будет вам писать. Малейшее рассуждение чуть-чуть *либеральное* — как называют пугало для порядка, — да еще исходящее из семьи, известной как очень республиканская, — может вас подвергнуть новым и более значительным неприятностям. Прошу вас, если вы не подумали сообщить им это замечание — напишите еще одно письмо и пришлите его мне сегодня вечером. Дама будет в Париже через три недели или месяц — ваши письма будут отправлены согласно вашему совету, — но на всякий случай, для будущего, я спрошу у нее адрес, по которому вы или я сможем посылать ваши письма, не привлекая внимания; и так как она скажет, что это — от К‹няж›ны М‹ещерской›, вы можете, я думаю, переписываться как обыкновенно. Помните только, что вы очень *нерадивой*[53] к вашим интересам, — будьте осторожны в этих условиях, которые для вас станут очень опасными» (л. 22).[54]

Рассказав затем с возмущением о болтливости сестер Карамзиных — Софии Николаевны и Екатерины Мещерской, — распространивших сведения об отношении наследника к Тургеневу, сообщенные по секрету Назимовым,[55] С. И. Мещерская продолжает: «Нужно будет ждать десять дней

---

[52] Через кого отправлено было за границу письмо Тургенева к Л. и П. Виардо — неизвестно.

[53] Это слово написано по-русски и подчеркнуто.

[54] Известное недоверие к Полине Виардо, — а может быть и ревнивое чувство, — сквозящие в этом письме, сохранились у С. И. Мещерской и в дальнейшем. По крайней мере Тургенев в уже цитированном письме к Полине Виардо от 20 февраля (4 марта) 1853 г. (*Письма*, т. II, стр. 126), выражая радость по поводу состоявшегося знакомства певицы с княжною Мещерской, писал: «Вы решительно покорили ее, несмотря на известное предубеждение против вас, внушенное ей и рассеянное первой же встречей с вами». «Предубеждения» шли по линии не только личной, как к оперной певице, не принадлежащей к «обществу» (ср. рассказ А. В. Мещерского о том, какой скандал на великосветском балу вызвало приглашение им на танец Полины Виардо, выступавшей перед гостями в качестве певицы: «Русский архив», 1901, кн. I, стр. 496), но и по линии политической, как к женщине из чересчур республиканской семьи; конечно, играла здесь роль и ревность к сопернице в расположении Тургенева.

[55] Здесь же рассказывается о посещении Тургенева на съезжей кн. Дмитрием Александровичем Оболенским (1822—1881), его знакомым. См. о нем: *Письма*, т. II (по указателю имен). — Воспоминания Оболенского о посещении арестованного Тургенева см.: «Русская старина», 1873, № 12, стр. 949—950.

ответа Им‹ператора› ‹...› Г-н Толстой[56] приходил ко мне и сказал, что его брат[57] сделал все на свете, чтобы получить несколько откровенных слов по поводу участия В‹еликого› К‹нязя› Н‹аследника›, который, казалось, решил не говорить ничего...» (л. 24).

О том же письме Тургенева к П. Виардо упоминается и в письме Мещерской, которое можно датировать 4 (16) мая: «Ваше письмо будет отослано по почте из Дрездена — через неделю, — а через 12 дней вы освободитесь.[58] Но если вы не совсем будете свободны — если вам придется уезжать, как было сказано до вашего письма, — я пойду прощаться с вами с гораздо большей скорбью, чем с радостью, — потому что вам не позволят сделать ни шагу. Это глупое обстоятельство остается, как было, и придет ли ответ во́-время, чтобы помешать отъезду? — Не хочу думать о будущем — оно меня смущает...» (л. 25). Тут же она спрашивает у него адрес его орловской усадьбы, т. е. Спасского, указывая на некоторых «прелестных особ», проводящих лето в этой губернии, — между прочим, А. Н. и С. И. Мальцовых, семейство Тютчевых и других. «Вот люди, с которыми приятно видеться, — не только в случае, если вы будете лишены возможности выезжать из губернии, но везде и всегда» (л. 27).

В письме, написанном также в первые дни мая, С. И. Мещерская просит его — ради ее успокоения — написать «хорошую записочку (un bon petit billet), которая скажет мне, что вы делаете — и хороший ли результат дало вскрытие вашей квартиры и рассмотрение ваших бумаг»,[59] а в конце письма замечает: «Вообще, вы герой дня (le héros du moment) — вы и не подозреваете об этом в вашей камере (votre étuve)» (лл. 30 и 31).

В другом письме, датируемом приблизительно 5 или 6 мая, сообщаются вновь сведения, идущие из придворных сфер. «Вчера, — пишет она, — я видела человека, который часто проводит вечера у В‹еликого› К‹нязя› На‹следника›.[60] Он сказал мне, что всё, вплоть до его приближенных, дышит там самым справедливым негодованием по поводу действий ‹Мусина->Пушкина[61] и все живо интересуются вами. Я просила

---

[56] Вероятно, Николай Матвеевич Толстой (1802—1879), генерал-адъютант, генерал-лейтенант.

[57] Вероятно, Иван Матвеевич Толстой (1806—1867), шталмейстер, состоявший при наследнике Александре Николаевиче и в Комитете государственного коннозаводства, знакомый Тургенева, с которым, по-видимому, вместе охотился (см.: *Письма*, т. V, стр. 746).

[58] Это указание определяет и датировку письма (освобождение Тургенева после месячного ареста должно было состояться 16 (28) мая).

[59] В письме к Полине Виардо от 1 (13) мая Тургенев сообщал: «Наложили печати на мои бумаги, или, вернее, опечатали двери моей квартиры, но открыли их десять дней спустя, без всякого просмотра. Вероятно, знали, что там нет ничего запрещенного» (*Письма*, т. II, стр. 56 и 395).

[60] Очевидно, имеется в виду генерал А. Ф. Герсдорф (см. выше).

[61] Михаил Николаевич Мусин-Пушкин (1795—1862) — в 1845—1856 гг. попечитель Петербургского учебного округа и председатель цензурного комитета, ненавистник Гоголя и его школы, сыгравший основную роль в запрещении письма Тургенева о смерти Гоголя и тем самым в истории ареста и ссылки Тургенева. Его презрительные отзывы о Гоголе — «лакейском писателе» — легли в основу первой редакции доклада, составленного Дубельтом («Всемирный вестник», 1907, № 2, стр. 28—30), и всех по-

его сообщать мне все, что будет сказано о последствиях письма. К несчастью, он командует полком вне Пе‹тербур›га и потому постоянно отсутствует. Но это — человек благородный и в большой дружбе со мною, — он обо всем говорит с В‹еликим› К‹нязем›, и мы увидим — что будет сказано о вашем будущем. Это главное. Он доставил мне большое удовольствие, сказав, что ген‹ерал› гу‹бернатор› [62] — в том же роде, что и Нази‹мов›, и так возмущен этой историей и злобной дерзостью Пуш‹кина›, что открыто выражает свое мнение. Все это хорошо, но вы взаперти — и будущее все еще без перемен. То, что вы не служите, — особенно усилило подозрения, брошенные на вас. Чтобы перевесить этот столь важный пункт в глазах Высших особ — я рассказала человеку, о котором писала выше, что ваше существование устроено на будущее время с большой пользой; что вы предполагали проводить всегда одну часть вашей жизни в деревне, а другую — в разъездах по России с целью рассказать о ней в ваших сочинениях. Эта мысль поразила его...» (лл. 34—35). «Воздух сегодня — свобода через десять дней — вот чего желаю я от глубины души своему замкнутому ‹?›, хотя и прекрасному другу», — так заканчивает она письмо (л. 36).

Тем же приблизительно числом — около 6 мая — и по тем же основаниям (остается 10 дней до конца ареста) нужно датировать письмо, замечательное своими литературными сообщениями. «Мне столько нужно рассказать вам, — начинает Мещерская, — что не знаю, с чего начать. Самое интересное — это то, что На‹следник›, действительно, расположен к вам — и ожидает с беспокойством ответа на письмо, — я знаю это от двоих человек, которым он так говорил. Моя невестка [63] говорила мне, что видела Веневитиновых,[64] которые встретили На‹следника› на прогулке, — он и им также говорил о вашем письме, он нашел его очень убедительным и очень хорошо написанным — и прибавил, что отослал его к отцу.[65] Всеобщее мнение такое, что все закончится с истечением срока ареста. — Я провела значительную часть вечера с маленьким Тартюфом — Поповым ‹?›.[66] Не знаю почему, он был со мною необыкновенно любезен, — видя, что я ни слова не говорю о вас, он начал ряд жестоких нападений на Булгарина, который, сказал он, свирепствует сейчас против

следующих документов III отделения. Ср. «Литературные и житейские воспоминания» Тургенева (гл. III — «Гоголь»).

[62] Д. И. Шульгин.

[63] Кн. Ек. Ник. Мещерская (Карамзина).

[64] Вероятно, Алексей Владимирович Веневитинов (1806—1872) и его жена Аполлинария Михайловна, рожд. гр. Виельгорская (1818—1884), знакомые Тургенева (см.: *Письма*, т. II, стр. 377 и 656).

[65] Т. е. к Николаю I, бывшему в то время в заграничной поездке, в Австрии и Германии, а также в Варшаве, откуда он вернулся в Петербург только 4 июня ст. ст. Никакого ответа на письмо Тургенева к наследнику, переданное царю, видимо, не последовало, и царская резолюция от 14 апреля (см. выше, стр. 232) осталась неизменной.

[66] В подлиннике — вероятно, ошибочно — «Popopoff». Возможно, что это Гавриил Степанович Попов (1799—1874), камергер, статс-секретарь Государственного совета (см.: *Никитенко*, т. I, стр. 345).

«Моско‹вского› Сбор‹ника›» и особенно против Аксаков‹а›.[67] Он думает даже, что книга будет запрещена,[68] и кстати — чтобы завести речь о вас — он сказал: Это будет то же, что глупое дело Т‹ургенева›, которое представили как уголовное пр‹еступление›;[69] его решили наказать со снисходительностью, должной молодости. Он не преминул говорить о вас очень хорошо — и предвидеть быстрый и справедливый конец этому драматическому недоразумению. Посылаю вам Сбор‹ник›[70] на случай, если у вас его нет. Итак, этот гнусный Булгарин с помощью Пуш‹кина›[71] — вот кто направил удар против вас...» (л. 37).

Участие Булгарина — постоянного и давнего врага Гоголя и его последователей — в «деле» Тургенева было известно современникам. Об этом писал в своем дневнике А. В. Никитенко.[72] Из письма С. И. Мещерской видно, что Тургенев узнал об этом, еще будучи под арестом.

В следующем письме княжна спрашивает мнение Тургенева о произведениях, напечатанных в «Московском сборнике»: «Права ли я в том, что нахожу прекрасными и гармоничными стихи Хомяков‹а› и мысли поэта Аксаков‹а›?[73] Нравится ли вам то, что другой Акса‹ков› говорит о Гоголе?[74] Вот вам материал, по крайней мере, для двух писем».

---

[67] Слова «Моско. Сбор.» и «Аксаков» написаны по-русски. Первый том славянофильского альманаха «Московский сборник» вышел незадолго до ареста Тургенева и еще не был ему известен. См. в следующем письме С. И. Мещерской.

[68] Второй том «Московского сборника», где Тургенев предполагал напечатать написанный во время ареста рассказ «Муму», был действительно запрещен цензурой и не появился. Свой рассказ Тургенев не успел туда послать, — вернее, не хотел подвергать и себя и издателей «Сборника» преследованиям цензуры своим слишком скорым, после ареста, появлением в печати. Запрещение «Сборника» сняло этот вопрос (см.: *Письма*, т. II, стр. 59, 72 и примеч., стр. 441, 448; *Никитенко*, т. I, стр. 352).

[69] Слова «уголовное пр.» написаны по-русски.

[70] Слово «Сбор.» написано по-русски.

[71] М. Н. Мусина-Пушкина.

[72] Запись 20 апреля: «Булгарин в „Пчеле“ так и колотит лежачих: Гоголя, Тургенева, Погодина. Последняя статья Булгарина в последнем фельетоне возбудила всеобщее омерзение. В ней что ни строка, то донос» (имеется в виду статья Булгарина: Журнальная всякая всячина. «Северная пчела», 1852, 19 апреля, № 87). Далее Никитенко пишет: «У Тургенева не требовали никаких объяснений; его никто не допрашивал, а прямо подвергли наказанию. Говорят, что Булгарин своим влиянием на председателя цензурного комитета ‹М. Н. Мусина-Пушкина› и своими внушениями ему всех больше виновен в этой истории». Через два дня, 22 апреля, он уточняет: «Теперь известно, что причиною всей беды было донесение Мусина-Пушкина, подвинутого на это Булгариным» (*Никитенко*, т. I, стр. 350—351).

[73] А. С. Хомяков поместил в «Московском сборнике» стихотворение философско-политического (в славянофильском смысле) характера «Мы род избранный», К. С. Аксаков — статью «О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности (по поводу мнений о родовом быте)». Слова «Хомяков» и «Аксаков» написаны по-русски.

[74] Статья И. С. Аксакова: Несколько слов о Гоголе. «Московский сборник», т. I, стр. VII—XII; ср.: *Никитенко*, т. I, стр. 352 (под 28 апреля). — Тургенев не успел в заключении прочесть присланный ему С. И. Мещерской «Сборник», — кроме, по-видимому, стихотворений (см.: *Письма*, т. II,

И в конце письма она замечает: «Я рада знать о том, что Даш[75] чувствует себя лучше, а вы — вы заняты новеллой». Речь идет о «Муму», которую в заключении писал Тургенев, — и это единственное осторожное замечание о его литературных трудах, какое позволила себе его корреспондентка (лл. 39—41).

Суждения С. И. Мещерской по поводу стихотворения Хомякова продолжаются и в следующем письме, написанном, вероятно, 7 мая: «Кажется, — пишет она, — что у меня та же природа, что и у Хомяков‹а›,[76] потому что он заставляет звучать во мне некоторые очень глубокие струны, — к тому же в его уме вообще есть свежесть и сила, действующие оживляющим образом». Далее она возвращается к вопросу о занятиях Тургенева польским языком и вновь предостерегает его: «Вы неисправимы в отношении поль‹ского› языка, а я — более чем когда-либо испугана этим вашим вкусом. Только что вышел указ менее всего успокоительный и для них, и для тех, кто ими занимается.[77] Признаюсь вам, что сейчас общие и человеколюбивые вопросы занимают меня гораздо меньше, чем ваше будущее. Вы не хотите понять, что вас оставляют под подозрением — и что те, кто посадил вас туда, где вы теперь, не спустят с вас глаз, чтобы доказать свою правоту в глазах некоторого рода людей...» (лл. 47—48).

«Дорогой господин Тургенев, — пишет она немного позже (возможно, 8 мая), — знаете ли вы, что ваши записки (vos billets) — это талисманы, которые, как только их прочтут, каждый раз дают вам еще одно сердце и еще один ум, чтобы вас ценить и вами восхищаться. Моя прелестная и такая красивая приятельница, г-жа Мальцова, которой я давала читать некоторые из них, уехала вся взволнованная. Она так хочет с вами познакомиться — и решила поехать завтра к В‹еликой› К‹нягине› М‹арии›, чтобы объяснить ей с полной ясностью, что не было ничего вызывающего,[78] — и узнать через нее — сохраняется ли по прежнему условие о жандарме и о ссылке. Она восторгается вашей прелестной, восхитительной выдержкой — но нет, я больше не хочу говорить о том, что невозможно в вас найти ничего, чтобы не было совершенно, — и потом, вы так роскошно любезны — без усилий и самомнения.

«Очень боюсь, что, оказавшись в деревне, вы отложите в сторону привязанность, которую сами на себя наложили, — было бы ужасно проститься с вами окончательно. Я презираю себя немножко за то, что

стр. 59). Статью К. С. Аксакова (см. выше) он не прочел и до середины октября (см. там же, стр. 72).

[75] По-видимому, охотничья собака Тургенева, о болезни которой сообщается и в других письмах.

[76] Слово «Хомяков» написано по-русски.

[77] Высочайший указ Правительствующему сенату от 21 апреля (3 мая) 1852 г. о введении воинской повинности для сыновей не православных дворян, помещиков Ковенской, Виленской, Гродненской, Волынской, Подольской и Киевской губерний (см.: «Северная пчела», 1852, 7 мая, № 102; «СПб. ведомости», 1852, 8 мая, № 103).

[78] Т. е. ничего вызывающего не было в том, что Тургенев напечатал в Москве статью о Гоголе, запрещенную петербургской цензурой.

прошу как милостыни о вещи, которая имеет цену лишь как добровольный дар.

«Теперь я занята мыслью только о вашем отъезде — о том, как это будет. Было бы ужасно, если бы вас не освободили и увезли — в ту же минуту. Вы можете просить, протестовать, — но что это за кошмарный сон, — невозможно, чтобы упорствовали в этом глупом постановлении...» (лл. 45—46).

Еще одно письмо, относящееся к тем же дням, до 10 мая (точное определение затруднительно):

«Генерал Толстой, брат того, который состоит при На‹следнике›,[79] только что ушел от меня. Он мне обещал на послезавтра новые сведения о действии письма. Но он опасается, что узнать, как обстоит дело, будет трудно, потому что Насл‹едник› совсем не высказывается, а между тем принимает благожелательно все, что говорится в защиту справедливости вашего дела. Толстой, у которого, правда, больше орденов, чем ума, — все же прекрасный человек и очень опытный в обыкновениях и привычках высоких особ, — он говорит, что, очевидно, В‹еликий› К‹нязь› не знает, как взяться за дело; завтра я поеду к Мальцовым — пусть они расспросят Назимова ‹...› Вы тревожите меня: старые кости годны только для страданий — но быть запертым во всей силе и полноте жизни — это действительно несчастье. Скажите г-ну Галахову, что вы от этого заболеваете, — настаивайте, — потому что, в самом деле, что если вы заболеете? Завтра вечером, надеюсь, я смогу вам сказать кое-что. Думаю, что путешествие с сопровождением покажется вам удовольствием сравнительно с этой неподвижностью без воздуха...» (лл. 48—49).

Несколько позднее, в письме, написанном около 10 мая, мы читаем:

«Нет ничего нового о письме, потому что особа (la personne) далеко[80] — нужно 12 дней для ответа, а здесь так трудно теперь что-либо узнать. Нази‹мов› уехал — Насл‹едник› живет в Царском Селе — все мои друзья на железной дороге — и так заняты поездками туда и назад, что стали глупыми и эгоистичными. Все же завтра — а для вас сегодня — я рассчитываю увидеться с двумя лицами, которые должны знать — то, что нужно знать. ‹...› Я положительно знаю, что Насл‹едник› ожидает ответа — и отдает вам справедливость. Что касается ответа — я не смею ничего предвидеть, — потому что, как говорят, настроены очень дурно (on est bien mal disposé)[81] — и я не буду удивлена, если вы получите *предложение* поступить на службу, — в таком случае, выбирайте министерство Перовского,[82] и через два ‹года?› вы будете располагать своими

---

[79] Н. М. Толстой, брат И. М. Толстого (см. выше).

[80] Подразумевается Николай I, бывший в путешествии.

[81] Вновь намек на Николая, настроенного враждебно к Тургеневу-литератору.

[82] Граф Лев Алексеевич Перовский (1792—1856) — министр внутренних дел с 1841 по 1852 г.; в 1843—1845 гг. Тургенев служил в Министерстве внутренних дел под его начальством. В письме Мещерской речь идет, конечно, о принудительной службе где-нибудь в отдаленной губернии — так, как было поступлено с Герценом, Салтыковым и многими другими.

действиями — и сможете даже ехать туда, куда влечет вас сердце.[83] В сущности, есть много неблагоприятных возможностей для развязки — и я боюсь, что ответ придет слишком поздно, чтобы избавить вас от неприятного путешествия с сопровождением.[84] Бедный, милый друг. Можно ли вас не любить, когда вы лишены свободы, задушены, сдавлены... Я люблю перечислять вам ваши качества из опасения, что вы их позабудете...» (лл. 52—53). В письмо были вложены цветы — альпийские подснежники, на память о четырех приятельницах Мещерской, сочувствующих Тургеневу и сделавших каждая надпись на листе бумаги, к которому приклеены цветы.[85]

Следующее, вероятно, письмо — также около 10 мая — продолжает ту же тему о принудительной службе, отвечая, по-видимому, на отзыв Тургенева по поводу предыдущего сообщения.

«Прошу вас, — пишет С. И. Мещерская, — пусть призрак службы не преследует вас: он был вызван моей чрезвычайной предусмотрительностью — как возможность, — пусть — я знаю — и очень неприятная, но которую, по моему мнению, не надо забывать, чтобы не слишком испугаться в момент ее осуществления. Я думаю, что если все кончится, как мы можем этого желать и даже на это надеяться, — путешествие и несколько месяцев ссылки будут самым худшим исходом. Что касается письма — то, положительно, оно может оказать только хорошее воздействие, — и зачем сожалеть о попытке, гораздо более благородной в вашем случае, чем если бы речь шла о прощении за дурной поступок: ваше достоинство не унижено. <...> Я не застала у себя то лицо, которое разыскивала, чтобы его расспросить о том, что делается в Царском Селе. <...> Конечно, я более взволнована, чем вы, от приближения развязки вашего дела. Увижу ли я ваш отъезд — дорогой, очень дорогой литератор в отставке (homme de lettres en retraîte). Так хорошо и вместе с тем так грустно думать о вас» (лл. 55—57).

В одном из последних писем, относящихся к 10-м числам мая, рассказав своему корреспонденту о том, как его трогательно любят «маленькие Тютчевы»,[86] она задает ему три вопроса, «на которые прошу вас ответить: бывают ли у вас по-прежнему головокружения и как выглядит ваше лицо — желтым или бледным; не увеличилась ли ваша седина;[87] носите ли вы образок — скажите, на вас ли он?». И далее — еще о семействе Тютчевых: «Я сказала Тют<чевым>, что вы чувствуете к ним

Слово «предложение» (la proposition) подчеркнуто Мещерской, чтобы указать на его подлинный смысл.

[83] Намек на поездку за границу к Полине Виардо.

[84] Речь идет о путешествии под надзором жандарма.

[85] Листок с цветами вложен — давно и ошибочно — в другое письмо, между листами 10 и 11, где и хранится. На листке подписались: Аврора и София Карамзины, Екатерина и Дарья Тютчевы.

[86] Младшие дочери поэта Ф. И. Тютчева — Дарья и Екатерина (Китти).

[87] В письме к Л. и П. Виардо от 1 (13) мая Тургенев сообщал: «Здоровье мое хорошо, но я постарел до смешного. Я мог бы послать вам целую прядь седых волос — без преувеличения» (*Письма*, т. II, стр. 56 и 396).

симпатию, — вы не можете себе представить, как они гордятся этим, — а отец[88] бросает на вас[89] дружеский взгляд всякий раз, как входит ко мне. Писала ли я вам, что в тот самый день, когда вашу дверь для всех закрыли, — он был у вас с намерением вас повидать — и, думая, что я об этом не знаю, пришел ко мне, чтобы сообщить это обстоятельство. Я не благодарю вас за намерение, по вашим словам, дать мне прочесть то, что вы пишете,[90] — вы не раз обещали мне дать и журнал (le journal)[91] — и прочитать мне письма маленькой отсутствующей[92] — и ничего не исполнили. Но, как я вам говорила, я вас люблю только желая вам всего счастливого, хорошего и приятного для вас — и поэтому ваши наивные небрежности ни в чем не меняют моей привязанности: в первый момент я бываю удивлена довольно неприятно — после минутного размышления я нахожу их вполне естественными. Прощайте» (лл. 60—61).

Наконец, в письме, написанном в самые последние дни ареста Тургенева или даже накануне его освобождения, т. е. 15 мая, и посвященном в основном рассказам о семейных делах Мещерских, размышлениям княжны о прожитой ею жизни, сообщениям о том, что она делала (между прочим, «длинный разговор с молодым болгарином (le petit Bulgare), который уезжает в понедельник», т. е. 19 (31) мая), — С. И. Мещерская передает свой разговор с только что вошедшей к ней Наст. Ник. Мальцовой: «В‹еликая› К‹нягиня› М‹ария› расспрашивала ее о вас — она рассказала все, что знала от меня, — и просила В‹еликую› К‹нягиню› спросить у Насле‹дника› — какие следствия будет иметь ваше заключение, подошедшее к концу. В‹еликая› К‹нягиня› обещала — завтра г-жа Мальцова обедает у нее — мы что-нибудь узнаем о способе вашего путешествия.[93] Если бы вы знали наверное, что вам не дадут времени, чтобы устроить ваши дела и повидать друзей, — г-жа М.‹альцова› могла бы завтра попросить В‹еликую› К‹няги›ню исходатайствовать необходимую вам свободу на 48 часов. В вашей утренней записке вы можете мне об этом сообщить — не забудьте только сказать, чтобы мне отнесли ее тотчас же. Насле‹дник›, добавила она, очень интересуется вами. Мне кажется, я полюблю этого человека, сделанного из доброго теста (ce bon pâté d'homme): он позволяет говорить себе правду и охотно исправляет нанесенное зло...». «Прощайте, — заключает она письмо, — если, в самом деле, я вас увижу завтра — какое счастье!» (лл. 64—65). Последние слова и дают основание датировать письмо кануном того дня, когда должно было кончиться пребывание Тургенева под арестом.

---

[88] Поэт Ф. И. Тютчев.

[89] Т. е., очевидно, имеется в виду какой-то портрет Тургенева в комнате княжны.

[90] Речь идет о рассказе «Муму».

[91] Что здесь имеется в виду — затрудняемся определить.

[92] Дочь Тургенева Полина (1842—1919), в октябре 1850 г. отправленная им в Париж к П. Виардо.

[93] Речь идет о том, будет ли Тургенев отправлен в деревню как высылаемый, в сопровождении жандарма, или сможет ехать свободно.

На этом заканчивается серия писем С. И. Мещерской, сохраненных Тургеневым и после его смерти привезенных П. В. Анненковым из Парижа в Россию. Мы привели из этих писем все то, что представляет интерес для биографии Тургенева и что относится так или иначе к обстоятельствам его месячного ареста. Не давая ничего принципиально нового, эти письма вводят нас в атмосферу, образовавшуюся вокруг «дела Тургенева» в сочувственно настроенных кругах петербургского дворянского общества, близких ко двору будущего Александра II и его сестры Марии Николаевны, через которых идут все хлопоты о судьбе писателя. Многие подробности этих хлопот становятся известны теперь из этих писем. Живо чувствуется в них и тот сильнейший резонанс, который вызван был арестом Тургенева, и то положение «героя дня», о котором мы знали до сих пор по скупым и отрывочным записям Никитенко и других мемуаристов. В ощущении этого общественного резонанса, переданном бесхитростными, иногда наивными словами Мещерской, заключается, по нашему мнению, главное значение ее писем.

София Ивановна Мещерская и после освобождения Тургенева и выезда его в Спасское продолжала принимать в его жизни деятельное участие. Письма ее за время его ссылки не сохранились, — однако известно, что они были. Так, в январе 1853 г., по просьбе Тургенева, выраженной, очевидно, в неизвестном нам письме его к Мещерской, с ней познакомилась гастролировавшая в Петербурге Полина Виардо;[94] Мещерская же писала ему об отъезде из Петербурга Луи Виардо;[95] из письма к Тургеневу А. К. Толстого, хлопотавшего о скорейшем окончании его ссылки (от 10 ноября 1853 г.), где Толстой упрекает Тургенева в невнимании к своему собственному делу, видно, что переписка писателя с Мещерской продолжалась и что княжна принимала по-прежнему горячее участие в хлопотах за него: «Во-первых, вы, — пишет Толстой, — бог знает зачем, медлили вашим письмом ‹к Л. В. Дубельту›, а во-вторых, написав его, не уведомили с *тою же почтою* ни меня, ни княжну Мещерскую...». И далее, советуя Тургеневу написать новое письмо — А. Ф. Орлову, Толстой продолжает: «Как скоро вы напишете письмо, пошлите копию с оного княжне Мещерской, дабы, в случае моего отсутствия, она могла попросить кого следует».[96] Письмо к Орлову запоздало: накануне его отправления Тургеневым из Спасского, 16 ноября, Орлов, — уступая просьбам друзей Тургенева, в числе которых, вероятно, была и С. И. Мещерская, — подписал разрешение Тургеневу выехать в Петербург, т. е. окончание ссылки.[97] Встречи писателя с Мещерской продолжались и зимой 1853/54 г., по возвращении его в Петербург.[98] Но о переписке их тогда и позднее мы не имеем никаких данных. Недолгий эпизод

---

[94] См.: *Письма*, т. II, стр. 119 и 126.
[95] Там же, стр. 125.
[96] А. К. Толстой, Собрание сочинений, т. 4, стр. 66—67.
[97] См.: *Письма*, т. II, стр. 637.
[98] См. выше — о чтениях «Двух приятелей» и «Постоялого двора»; см. также: *Письма*, т. II, стр. 230 и 233.

этой своеобразной дружбы был закончен — и, хотя встречи их могли изредка продолжаться,[99] княжна Мещерская скоро исчезает из биографии писателя.

Н. В. Измайлов

ТУРГЕНЕВ И М. Н. ТОЛСТАЯ

Среди многих женщин, вписавших свои имена в биографию Тургенева, Марии Николаевне Толстой — сестре Л. Н. Толстого — принадлежит особое место. Настоящая статья является попыткой осветить историю их взаимоотношений.

Еще до личного знакомства с Л. Н. Толстым автор «Записок охотника» проявил заочно большой интерес к автору «Истории моего детства». Из письма Некрасова от 21 октября 1852 г. Тургенев узнал, что под инициалами «Л. Н.» скрывается какой-то граф Толстой. Тургеневу, конечно, было известно, что в 20—25 верстах от его Спасского-Лутовинова находится сельцо Покровское, принадлежащее Толстым.

Т. А. Ергольская в декабре 1852 г. писала Л. Н. Толстому: «Твое выступление на литературном поприще вызвало много шума и произвело большое впечатление среди соседей Валериана.[1] Все любопытствовали узнать, кто новый автор, выступивший в свет с таким успехом. Всех заинтересованнее в этом деле Тургенев, автор „Записок охотника“; он у всех расспрашивает, нет ли у Маши брата на Кавказе, который мог бы быть писателем. (Ежели этот молодой человек будеть продолжать так, как он начал, говорит он, он далеко пойдет)».[2]

17 (29) октября 1854 г. Тургенев посылает в Покровское письмо, в котором пишет, что «давно имел желание ‹. . .› познакомиться».[3] 20 октября В. П. Толстой навещает Тургенева в Спасском, а 24 октября Тургенев с ответным визитом приезжает к Толстым в Покровское. Вот как описывает это знакомство Николай Николаевич Толстой в письме к Л. Н. Толстому: «Валерьян познакомился с Тургеневым; первый шаг был сделан Тургеневым, — он им привез номер „Современника“, где помещена повесть ‹«Отрочество»›, от которой он был в восторге. Маша в восхищении от Тургенева; ты понимаешь, как мне хочется его увидеть; как только я с ним познакомлюсь, я сообщу тебе, какое впечатление он на меня произвел. Маша говорит, что это простой человек, он играет с ней в бирюльки, раскладывает с ней гранпасьянс, большой друг с Варенькой,[4]

---

[99] Тургенев вспоминал о ней и в начале 1857 г. в Париже — см.: *Письма*, т. III, стр. 74.

[1] Граф Валериан Петрович Толстой — муж М. Н. Толстой.

[2] *Толстой*, т. 59, стр. 210.

[3] *Письма*, т. II, стр. 232.

[4] Четырехлетняя дочь М. Н. и В. П. Толстых — Варвара Валерьяновна, в замужестве Нагорнова.

но Маша плохо знает свет, и она может очень ошибаться насчет такого умного человека, как Тургенев».[5]

В свою очередь и на Тургенева знакомство с М. Н. Толстой произвело большое впечатление. «Жена графа Толстого — моего соседа —

М. Н. Толстая. Фотография 1850-х годов.

сестра автора „Отрочества" — премилая женщина — умна, добра и очень привлекательна, — писал Тургенев Некрасову 29 октября ст. ст. 1854 г. — Я узнал много подробностей о ее брате ‹...› Завтра я с графиней Толстой крещу у тургеневского попа, покумлюсь с ней. Жаль, что отсюда

[5] *Лит. насл.*, т. 37—38, стр. 729.

до них около 25 верст. Она мне очень нравится».[6] В письме к П. В. Анненкову от 1 ноября того же года из Спасского Тургенев более подробно и откровенно пишет о М. Н. Толстой: она — «одно из привлекательнейших существ, какие мне только удавалось встретить. Мила, умна, проста — глаз бы не отвел. На старости лет (мне четвертого дня стукнуло 36 лет) — я едва ли не влюбился. Я вижу отсюда, как у Вас круглятся глаза — и губы, раскрывшись, испускают звук: кгха, кгха — что́ по Вашему значит смеяться... но не могу скрыть, что поражен в самое сердце. Я давно не встречал столько грации, такого трогательного обаяния... Останавливаюсь, чтобы не завраться — и прошу Вас хранить всё это в тайне. Они будут жить в Москве нынешней зимой...». В постскриптуме этого письма Тургенев снова говорит о Марии Николаевне: «В „Отрочестве" Толстой описал свою сестру под именем Любочки. Только у ней теперь ноги не „гусем" и талия прекрасная».[7]

Нет сомнения, что Тургенев до своего отъезда из Спасского (в конце ноября 1854 г.) часто бывал в Покровском у Толстых, сожалея, что он «раньше не сблизился с ними». В неопубликованных записках дочери М. Н. и В. П. Толстых, Е. В. Оболенской, говорится: «Моя мать не была хороша собой, но она была умная, оживленная, непосредственная, необыкновенно правдивая, у нее были прекрасные глаза — лучистые глаза княжны Марьи; она была и прекрасная музыкантша. Ею очень восхищался И. С. Тургенев. Он часто бывал у нас в Покровском, там он любил слушать музыку. Однажды он ей вслух читал „Евгения Онегина"; он поцеловал у ней руку, она отдернула руку и сказала: „Прошу ‹пропуск в тексте› — сцена эта впоследствии описана в его „Фаусте"».[8]

Вспоминая свою жизнь в Покровском, Мария Николаевна рассказывала А. Хирьякову, «как она аккомпанировала Тургеневу, когда он пел известный романс Глинки на слова Пушкина — „Я помню чудное мгновенье". — Я аккомпанирую, — рассказывала Мария Николаевна, — а Иван Сергеевич меня пальцем в плечо толкает, чтобы энергичнее выходило: „Шли годы, бурь порыв мятежный". А я говорю: Да откуда тут энергии взять, когда вы бог знает что поете, ни одной ноты верной.

---

[6] *Письма*, т. II, стр. 238.

[7] Там же, стр. 239—240.

[8] *ГМТ*, архив Толстых, материалы Е. В. Оболенской. — Ср. письмо Тургенева к В. П. Толстому от 31 октября или 7 ноября ст. ст. 1854 г. из Спасского: «Я буду у Вас в четверг — если этот день Вам удобен. Привезу с собой „Онегина"...» (*Письма*, т. II, стр. 243); ср. также эпизод из «Фауста»: «Не знаю, как и вследствие чего — помнится, мы читали „Онегина" — я у ней поцеловал руку. Она слегка отодвинулась, устремила на меня взгляд (я, кроме ее, ни у кого не видал такого взгляда: в нем и задумчивость, и внимание, и какая-то строгость)... вдруг покраснела, встала и ушла. В тот день мне уж не удалось быть с ней наедине. Она избегала меня и битых четыре часа играла с мужем, няней и гувернанткой в свои козыри! На другое утро она предложила мне идти в сад. Мы прошли его весь до самого озера. Она вдруг, не оборачиваясь ко мне, тихо прошептала: „Пожалуйста, вперед не делайте этого!" — и тотчас начала мне что-то рассказывать... Я был очень пристыжен» (*Сочинения*, т. VII, стр. 32—33).

„— Ах Мария Николаевна, со вздохом отвечает Иван Сергеевич, да что же мне делать? Ведь я и сам знаю, что у меня не голос, а просто свинья“».[9]

После отъезда Тургенева из Спасского в Петербург он пишет М. Н. и В. П. Толстым: «Всё это время я часто думал о всех вас — и о днях, проведенных вместе с вами; хотя мы недавно познакомились — но, кажется, сошлись очень близко — и надеюсь, в течение лета подружимся окончательно. Сегодня же закажу свою фотографию — и, как только она будет готова, пошлю ее к вам — благодарю вас за мысль пожелать ее от меня. Получила ли Варенька книжку из Москвы с рисунками? Пожалуйста, поцелуйте ее от меня и скажите ей, что летом я непременно хочу танцевать с ней польку».[10]

Зиму 1854/55 г. Толстые проводили в Москве, где они неоднократно встречались с приезжавшим из Петербурга Тургеневым. В. П. Боткин, бывавший у М. Н. Толстой в Москве, в одном из своих писем к Тургеневу дает в высшей степени лестный отзыв о ней: «Я был у ней на другой день своего приезда. Она встретила меня так радушно, что я был тронут ‹. . .›. Я просидел с ней, сам того не замечая, более двух часов; говорил о разных предметах — и несколько о тебе. Прощаясь со мною, она подала мне руку с таким внутренним, болезненным движением, — словно птичка, которая ищет где-нибудь укрыться от застигнувшей ее бури. У меня готовы были навернуться на глазах слезы. Чистая, редкая женщина; все в ней проникнуто благородством и искренностью сердца».[11]

С наступлением теплых дней Тургенева «весна зовет в деревню», и он «уверен, что в родных местах» будет много и часто видеться со своей «милой кумой». В письме от 2 (14) марта 1855 г. Тургенев писал М. Н. Толстой: «На весну, лето и осень у меня очень много литературных планов — и я заранее радуюсь возможности толковать о них с Вами — и подвергать их Вашему суду».[12] Вероятно, зная о тяжелом душевном состоянии своей корреспондентки вследствие начавшегося разлада с мужем, Тургенев в этом же письме просит не предаваться ее «наклонности к хандре и мрачным мыслям».[13]

О Марии Николаевне и ее состоянии писал и Боткин Тургеневу, отвечая на его запрос в письме от 4 (16) марта 1855 г.: «Напиши мне слова два о здоровье графини».[14] «Да она больна, — сообщал Боткин, — и мне становится как-то жутко, когда мне случается взглянуть в ее большие, влажные, с каким-то глубоким выражением глаза ‹. . .› А смотря на Графиню невольно говоришь про себя: вот женщина, пораженная судьбой ‹. . .› Необычайное простодушие и безыскусственность этой женщины производят во мне какое-то чувство благоговения к ней. Мне кажется,

---

[9] А. Хирьяков. Мария Николаевна Толстая. «Речь», 1912, 8 апреля, № 95.

[10] *Письма*, т. II, стр. 246.

[11] *Боткин и Тургенев*, стр. 46—47.

[12] *Письма*, т. II, стр. 265.

[13] Там же.

[14] Там же.

что она при этом одарена величайшею впечатлительностью нерв... Я в первый раз в жизни встречаю женщину такого чистейшего закала...».[15]

Все лето и осень 1855 г., предаваясь «всем удовольствиям сельской тишины», Тургенев провел в Спасском, где был написан его первый роман «Рудин». Меняется характер его отношений с Марией Николаевной; их взаимное увлечение переходит в дружбу, которая, по ее словам, «еще более скрепилась». И в то же время 1 (13) июля 1855 г. Тургенев пишет Анненкову: «С графиней — все дела покончены и сданы в архив».[16] Это заявление Тургенева может быть связано с тем, что в 1854 г. он испытал сильное чувство к О. А. Тургеневой и даже намеревался жениться на ней. Это увлечение, по словам Анненкова, длилось недолго и кончилось «мирным разрывом и поэтическим воспоминанием о прожитом времени», но летом 1855 г., в Спасском, Тургенев «опять много начал думать об О. А.»,[17] и это, видимо, повлияло на его отношения к М. Н. Толстой.

В середине мая 1855 г. в Спасском гостили Д. В. Григорович, В. П. Боткин и А. В. Дружинин, они пробыли у радушного хозяина три недели. «Мы проводили время очень приятно и шумно, — писал Тургенев, — разыграли на домашнем театре фарс нашего сочинения и пародированную сцену из озеровского „Эдипа“...».[18] Толстые и их ближайшие соседи по имению, семья барона А. А. Дельвига, приняли живое участие во всех развлечениях. По свидетельству Д. В. Григоровича, «М. Н. Толстая ‹...› прислала нам целый ларец браслетов, колец и диадему, долженствовавшие украшать костюм Антигоны».[19]

«Мы, как семейные люди, — рассказывала впоследствии в беседе с М. А. Стаховичем М. Н. Толстая, — реже ездили к нему ‹Тургеневу›, нежели он, одинокий, к нам, и, помнится, не проходило у нас дня без встречи. Мой муж был такой же страстный охотник, как Иван Сергеевич. С охоты они обыкновенно возвращались к нам, и вечер проводили за чтением или беседой. Тургенев читал очень хорошо: просто, вдумчиво, как бы толкуя, — но охотнее читал чужое, любимое им, нежели свое. Свое он читал только что написанное, даже не отделанное еще ‹...›. Я помню, как он читал нам „Рудина“, который и мне, и мужу очень понравился. Мы были поражены небывалой тогда живостью рассказа и содержательностью рассуждений. Автор беспокоился, вышел ли Рудин действительно умным среди остальных, которые больше умничают. При этом он считал не только естественной, но неизбежной растерянность этого „человека слова“ перед сильнейшей духом Наташею, готовой и способной

---

[15] *Боткин и Тургенев*, стр. 49—50.

[16] *Письма*, т. II, стр. 287.

[17] *Анненков*, стр. 391; *Письма*, т. II, стр. 299. — См. также: Л. Н. Назарова. Тургенев и О. А. Тургенева. *Тургенев, Сб. 1964*, стр. 293—299; К. Я. Грот. Воспоминания об О. А. Тургеневой и Н. М. Еропкиной. Там же, стр. 299—303.

[18] *Письма*, т. II, стр. 276.

[19] Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. Гослитиздат, М., 1961, стр. 140.

на жизненный подвиг. Такие вечера в деревенской тиши были очаровательны, и я дорожила ими чрезвычайно».[20]

Суждения Марии Николаевны о произведениях Тургенева были для него всегда ценны. К сожалению, до нас не дошло ее письмо с отзывом о «Рудине», но из ответного письма Тургенева к ней мы узнаем о его содержании: «А я Вас очень благодарю за всё, что Вы мне пишете о характере Наталии. Все Ваши замечания верны — и я их приму к сведению и переделаю всю последнюю сцену с матерью. Если б и она и Рудин, как это слишком часто случается в жизни, преувеличивали (положим, бессознательно) свои чувства — то я был бы прав; но Наталья во всяком случае была искренна. Еще раз спасибо Вам за Ваше письмо. В делах сердца женщины — непогрешительные судьи — и нашему брату следует их слушаться».[21]

Незадолго до своего отъезда из Спасского в Москву, а затем в Петербург Тургенев из Покровского пишет Л. Н. Толстому свое первое письмо: «... уезжая из дома Вашей сестры в Петербург — хочу привести в исполнение это давнишнее намерение ‹написать Толстому письмо› ‹...› Я часто видаюсь в теченье лета с Вашими родными — и полюбил их от души ‹...› Право, досадно вспомнить, что, будучи такими близкими соседями, мы так поздно сошлись».[22]

В ноябре 1855 г. Толстой приезжает в Петербург и останавливается у Тургенева. «Мы с ним сейчас же изо всех сил расцеловались. Он очень хороший», — сообщал Толстой своей сестре 20 ноября.[23]

Весной и летом 1856 г. Тургенев снова часто видится с М. Н. Толстой: он бывает в Покровском, а она, одна или с мужем, — у него в Спасском-Лутовинове.

На другой день после приезда он приглашает к себе в деревню Толстых.

30 мая в Покровское из Ясной Поляны к сестре приезжает Толстой, а на другой день — 31 мая — «В 5-м часу утра, — записывает в дневнике Толстой, — поехал верхом к Тургеневу ‹...› Поехали домой, приятно болтали...».[24]

Толстой и Тургенев провели в Покровском два дня, 1 и 2 июня. Об этом Толстой записал в дневнике: «Встал в десять, шлялся то с детьми, то с Валер‹ьяном›, то с Тургеневым, с к‹оторым› купался, то с Машей. Потом катался на плоту, музицировали немного. Отношения М‹аши› с Т‹ургеневым› мне приятны. С ним мы хороши, но не знаю от того ли, что он или я другой ‹...›. Обедали, опять гуляли, дети меня полюбили...».[25]

---

[20] М. С‹т а х о в и ч›. В 1903 году о 1853. «Орловский вестник», 1903, 22 августа, № 224.

[21] *Письма*, т. II, стр. 303.

[22] Там же, стр. 315—316.

[23] *Толстой*, т. 61, стр. 369.

[24] Там же, т. 47, стр. 77—78. — Ср. письмо Толстого к Н. А. Некрасову от 12 июня 1856 г.: «Его ‹Тургенева› надо показывать в деревне. Он там совсем другой, более мне близкий хороший человек» (там же, т. 60, стр. 69).

[25] Там же, т. 47, стр. 78.

Дневниковая запись от 2 июня также касается Тургенева: «Встал в 11-м часу, пошел к Маше и детям. — Очень хорошо болтали с Тургеневым, играли Дон Жуана. После завтрака пошли кататься по реке, потом обедали и разъехались».[26]

В неопубликованном письме В. П. Толстого к Н. Н. Толстому от 31 мая 1856 г. из Покровского говорится: «...милый друг Николенька, я как каналья виноват перед тобой, что так давно не писал тебе ‹...› Весенние работы, проклятые постройки, скверная погода, — неожиданный приезд Тургенева и Шаховского,[27] всё это сбило меня с толку. Я откладывал день за день, и так прошел месяц ‹...› Левочка на этих днях приехал из Петербурга и тотчас прикатил к нам — пробыв у нас три дня. — Тургенев тоже явился на это время. Они с ним в отличных отношениях — и еще не разочаровались друг в друге ‹...› Он едет за границу, получил уже паспорт и в начале июля покидает наши места. — Для нас, признаюсь, это ужасная потеря».[28]

В конце июня и начале июля 1856 г. Тургенев в Спасском работает над повестью «Фауст». Нет сомнения, что эта повесть написана под впечатлением поездок в Покровское и прошедшего увлечения Тургенева М. Н. Толстой и что она послужила прототипом Веры Николаевны Ельцовой. По свидетельству близкого друга семьи Толстых, М. А. Стаховича, «Фауст» был написан «для нее и про нее». Стахович говорил: «Я раньше слышал о дружбе ее ‹М. Н. Толстой› с покойным писателем, зародившейся из-за соседства, развившейся, благодаря своеобразной прелести этой выдающейся женщины, связанной с необыкновенной строгостью ее самостоятельного ума при сердце, способном привязываться глубоко и самоотверженно.»[29]

Это же чувство Тургенева к М. Н. Толстой отмечала Е. И. Сытина, которая писала в своих воспоминаниях:

«В Марию Николаевну был влюблен Тургенев, о чем она мне рассказывала очень подробно ‹...› Мария Николаевна однажды мне говорит:

«— Знаешь, Катя, я сегодня бросила мой платок вот так, а сама, облокотясь, сидела и видела, как он мой платок взял и поднес к губам».[30]

В 1903 г. Мария Николаевна рассказывала в Ясной Поляне М. А. Стаховичу о возникновении замысла «Фауста»: [31]

«Чаще всего мы с ним спорили о стихах. Я с детства не любила и не читала стихов; мне казалось, и я говорила ему, что они все — выдуманные сочинения, еще хуже романов, которых я почти не читала и не любила. Тургенев волновался и спорил со мною „даже до сердцов“. Осо-

---

[26] *Толстой*, т. 47, стр. 78.

[27] Иван Леонтьевич Шаховской — князь, сосед М. Н. и В. П. Толстых.

[28] *ГМТ*, архив Толстых, материалы Н. Н. Толстого, инв. 60478.

[29] М. С‹т а х о в и ч›. В 1903 году о 1853.

[30] *Лит. насл.*, т. 37—38, стр. 406.

[31] Мы в нашей работе не останавливаемся на раскрытии сюжета и образной системы повести, так как это самостоятельная тема, которая, как и история писания «Фауста», освещена в комментарии И. А. Битюговой к повести «Фауст» (*Сочинения*, т. VII, стр. 395—414).

венно из-за Фета, которым он тогда восхищался и часто цитировал, добавляя: Под таким стихом ведь Пушкин подписался бы. Понимаете ли, Пушкин! Сам Пушкин!! <...> Раз наш долгий спор так настойчиво разгорячился, что перешел даже как-то в упреки, в личности. Тургенев сердился, декламировал, доказывал, повторял отдельные стихи, кричал, умолял. Я возражала, ни в чем не сдаваясь и подсмеиваясь. Вдруг я вижу, что Тургенев вскакивает, берет шляпу и, не прощаясь, уходит прямо с балкона не в дом, а в сад. Я очень испугалась, потому что к балкону не была приделана лестница, ступенек в 6—8. Но огромный рост помог ему соскочить благополучно. Приказав запрягать коляску и догонять себя, он сердитой походкой зашагал по полю. Мне стало жаль, а потом досадно <...>. Мы с недоумением прождали его несколько дней. Тургенев не приезжал <...>. Вдруг неожиданно приезжает Тургенев, очень взволнованный, оживленный, но без тени недовольства.

«— Да почему вы так долго не показывались?

«— А видите ли, — это была хитрость. Никогда так не пишется, как „в сердцах", никогда так прилежно не работаешь, как озлобившись. Я почувствовал тогда это настроение и поскорее ушел... Мне надо было написать одну вещицу. Вот я и написал. Если хотите, я вам вечером прочитаю. В тот же вечер он прочел нам эту повесть. Она называлась „Фауст"».[32]

Сыновья Л. Н. Толстого, С. Л. и И. Л. Толстые, в своих воспоминаниях указывают на сходство, внешнее и внутреннее, М. Н. Толстой и героини «Фауста» Веры Николаевны. И. Л. Толстой писал: «Это была рыцарская дань, которую он <Тургенев> принес ее чистоте и непосредственности».[33]

Из неопубликованных писем В. П. Толстого к Н. Н. Толстому мы узнаем, что в последние дни пребывания Тургенева в Спасском перед его предстоящим отъездом за границу он встречался с М. Н. и В. П. Толстыми. «Живем мы по-прежнему, — пишет 4 июля 1856 г. В. П. Толстой, — бываем у Шаховских, а чаще всего у Тургенева, который, к сожалению, через 4-е дня уезжает за границу. Завтра едем к нему — провесть с ним последние дни».[34]

В письме от 14 августа 1856 г. читаем: «... Тургенев уехал за границу и продал все свои сочинения, кроме „Записок охотника", Анненкову, — который их печатает, — в конце года они выйдут в 3-х томах. Взял за это большие деньги».[35]

Живя за границей, Тургенев вспоминает родные «мирные края». «По временам, — пишет он 11 (23) сентября 1856 г. М. Н. Толстой, — среди французской природы и французского общества, которое меня окружает, приходит мне на память Ваш маленький флигель на берегу Снежеди...».[36] В другом письме, от 25 декабря ст. ст. 1856 г., Тургенев пишет: «Поправ-

---

[32] М. С<т а х о в и ч>. В 1903 году о 1853.
[33] И. Л. Т о л с т о й. Мои воспоминания. Изд. 2. М., 1933, стр. 215.
[34] *ГМТ*, архив Толстых, материалы Н. Н. Толстого, инв. 60477.
[35] Там же, инв. 60480.
[36] *Письма*, т. III, стр. 12.

ляйтесь, пожалуйста, для того, чтобы приятнее провести лето; я непременно в конце мая вернусь в Спасское — выпишем Ваших двух братьев, Льва и Николая — и посмотрите, как мы заживем. Очень меня радует то, что Вам понравился „Фауст", и то, что Вы говорите о двойном человеке во мне — весьма справедливо <...> „Фауст" был написан на переломе, на повороте жизни — вся душа вспыхнула последним огнем воспоминаний, надежд, молодости... Это не повторится <...> Повторяю, постараемся съехаться нынешним летом — и заживем веселыми и добрыми старичками».[37]

В июле 1857 г. у М. Н. Толстой произошло событие, имевшее большое значение для всей ее последующей жизни. Она окончательно решила порвать свои отношения с мужем, так как их дальнейшая совместная жизнь стала невыносимой вследствие различия характеров, взглядов и его дурного поведения. Причины размолвки были настолько серьезны, что они разъехались. Двадцатисемилетняя женщина с тремя детьми осталась одинокой и очень много пережила и перестрадала, пока не привыкла к своему новому положению. Она оставила мужа в Покровском, а сама с детьми переехала к брату, С. Н. Толстому, в его имение Пирогово на реке Упе. В этом имении ей по раздельному акту 1847 г. принадлежала часть, так называемое «Малое Пирогово», где она поселилась, выстроив свой дом, а зиму стала проводить в Москве.

Тургенев вскоре после разрыва М. Н. Толстой с мужем, в августе 1857 г., писал ей: «Вы не даром полагаетесь на мою дружбу: действительно — я останусь Вашим другом, пока буду жив»;[38] 14 (26) августа он пишет Л. Н. Толстому: «Вы знаете мое мнение о теперешнем положении Марии Николаевны — я уверен, что она отдохнет и успокоится. Скажите ей, что я часто думаю о ней и что, если бы желания могли осуществляться, она была бы совершенно счастлива».[39]

Встретившись с сестрой вскоре по возвращении из-за границы и зная об ее увлечении Тургеневым, Толстой делает в дневнике запись от 11 августа 1857 г.: «Маша рассказала про Тург[енева]. Я боюсь их обоих».[40]

Мария Николаевна с нетерпением ждала приезда Тургенева, но он задерживался за границей и приехал лишь в начале июня 1858 г. Видя огорчение сестры, Толстой записывает в дневнике 8 мая 1858 г.: «Машеньку известие об отсутствии Тургенева — ударило. Вот те и штучки. Поделом ему скверно».[41]

Несколько позднее, 22—25 июня, Тургенев навестил М. Н. Толстую в Пирогове, где виделся и с ее братьями — Н. Н. и С. Н. Толстыми.[42]

---

[37] *Письма*, т. III, стр. 65.
[38] Там же, стр. 148.
[39] Там же, стр. 146—147.
[40] *Толстой*, т. 47, стр. 151.
[41] Там же, т. 48, стр. 15.
[42] В книге *Клеман, Летопись* (стр. 100) неверно сообщено, что Тургенев «проводит три дня у Толстых в Ясной Поляне...». Ошибка эта повторена и в «Указателе мест пребывания И. С. Тургенева» (*Письма*, т. III, стр. 655). См. письмо Л. Н. Толстого к Т. А. Ергольской из Ясной Поляны от 26 июня 1858 г. (*Толстой*, т. 60, стр. 271); см. также: Т. А. Куз-

По возвращении в Спасское он написал Полине Виардо: «...я провел три очень приятных дня у своих друзей: двух братьев и сестры, прекрасной и очень несчастной женщины. Она принуждена была разойтись со своим мужем, своего рода деревенским Генрихом VIII, преотвратительным».[43]

Вероятно, в это пироговское свидание между Тургеневым и М. Н. Толстой произошло какое-то объяснение, положившее начало их разъединению. Мы не располагаем сведениями, встречались ли они еще летом и осенью 1858 г., но дневниковая запись Толстого, встретившегося в конце августа с Тургеневым в Спасском, позволяет предположить, что Толстой был оскорблен тем, что отношения Тургенева к его сестре не были серьезными и «только напрасно тревожили одинокую и несчастную женщину».[44] 4 сентября 1858 г. Толстой записывает: «Тургенев скверно поступает с Машенькой. Дрянь».[45]

В марте 1859 г. по пути из Петербурга в Спасское Тургенев заехал в Ясную Поляну, где в отсутствие Толстого встретился с его сестрой. Вскоре Тургенев писал В. П. Боткину: «Я видел ‹...› в Ясной Поляне графиню Толстую; очень она переменилась на мои глаза — да сверх того — je n'ai rien à lui dire ‹мне нечего ей сказать — *франц.*›».[46] Ему же Тургенев 12 апреля сообщил, что «с Толстым покончил все свои счеты: как человек он для меня более не существует».[47]

Среди многих причин, вызывавших резкие расхождения между двумя писателями, отношения Тургенева к М. Н. Толстой занимают, как нам кажется, не последнее место.

О встречах Тургенева с М. Н. Толстой в последующие годы сведений не имеется. По словам самой Марии Николаевны, у нее хранилось много писем Тургенева, но они были расхищены: «Один бесцеремонный мой свойственник, посетив мое имение после того, как я переехала в монастырь, поднял стамеской верх письменного стола, в котором я их запирала, унес вместе с двумя письмами Некрасова, которыми я очень дорожила».[48]

М. Н. Толстая пережила Тургенева почти на 30 лет. Впоследствии, в 1891 г., она постриглась в монахини и умерла в женском Шамординском монастыре близ Оптиной пустыни 6 апреля 1912 г.

До конца своих дней она, по свидетельству близких к ней людей, сохраняла добрые воспоминания о Тургеневе. По словам Софии Андре-

---

мипская. Мои воспоминания о графине Марии Николаевне Толстой. Илл. прилож. к газете «Новое время», 1913, № 13513. — Факт пироговского свидания Тургенева с М. Н. Толстой подтверждается и надписью Тургенева на книге «Повести и рассказы...» (ч. I, СПб., 1856): «Графине М. Н. Толстой на память от Тургенева. С. Пирогово, июнь 1858» (*Музей Тургенева*).

[43] *Письма*, т. III, стр. 418.

[44] Н. Н. Гусев. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. Изд. АН СССР, М., 1957, стр. 321.

[45] *Толстой*, т. 48, стр. 16.

[46] *Письма*, т. III, стр. 283.

[47] Там же, стр. 293.

[48] М. С‹т а х о в и ч›. В 1903 году о 1853.

евны Толстой, М. Н. Толстая еще в 1865 г. подробно рассказала ей «свой роман с Тургеневым».

Ее дочь от второго брака,[49] Елена Сергеевна Денисенко, говорила автору этих строк:

«Моя мать, живя в монастыре, любила рассказывать и вспоминать былое... В ее уютной, тихой келии среди множества старинных семейных фотографий висели фотографии Некрасова, Григоровича и Тургенева.

«— Знаешь, Леночка, — обратилась ко мне раз мать, указав на фотографию Тургенева, — если бы он не был в жизни однолюбом и так горячо не любил Полину Виардо, мы могли бы быть счастливы с ним, и я не была бы монахиней, но мы расстались с ним по воле бога, но он был чудесный человек, и я постоянно о нем вспоминаю».

Н. П. Пузин

ТЕКСТЫ ПИСЕМ ТУРГЕНЕВА К К. Н. ЛЕОНТЬЕВУ (ВНОВЬ НАЙДЕННЫЕ АВТОГРАФЫ)

Двадцать четыре письма Тургенева к К. Н. Леонтьеву были опубликованы в «Русской мысли» в декабрьской книжке 1886 г. Четыре первых письма были включены также в воспоминания Леонтьева «Тургенев в Москве», напечатанные в 1888 г. в «Русском вестнике» (№№ 2 и 3).

В Полном собрании сочинений и писем Тургенева письма 1851—1861 гг. напечатаны по журнальным публикациям;[1] в аннотированном указателе имен отмечено, что подлинники их не сохранились.[2] Уже после выхода первых томов академического издания Государственный Литературный музей приобрел в составе большого архива Леонтьева автографы 23 писем Тургенева.[3] Отсутствует лишь одно письмо — от 26 декабря ст. ст. 1853 г.[4]

Архив Леонтьева до начала 20-х годов хранился у его племянницы и наследницы, Марии Владимировны Леонтьевой, сначала в Оптиной пустыни, затем в Орле. М. В. Леонтьева передала архив в Москву Г. В. Постникову, в семье которого он оставался до осени 1962 г., когда его приобрел Литературный музей.

В архиве Леонтьева, очень большом по объему, помимо писем Тургенева имеется немало других материалов, относящихся к Тургеневу. Это прежде всего четыре рукописи — черновые и беловые — воспоминаний Леонтьева о Тургеневе («Мои дела с Тургеневым и т. д.», «Моя литературная судьба»). Эти рукописи содержат некоторые отличия от печатных

---

[49] В 1861—1862 гг. М. Н. Толстая, живя за границей, вступила в гражданский брак со шведом Гектором Виктор де Клен. От этого брака была дочь Елена Сергеевна (отчество получила по крестному отцу С. Н. Толстому) — в замужестве Денисенко.

[1] *Письма*, тт. II—IV.

[2] Там же, т. II, стр. 674.

[3] *ГЛМ*, ф. К. Н. Леонтьева, 4855/1—23.

[4] *Письма*, т. II, стр. 215, № 284.

текстов, опубликованных после смерти автора в 1913 и 1935 гг.[5] Если когда-либо воспоминания Леонтьева будут перепечатываться, то необходимо будет учесть правильную последовательность глав и эпизодов и те не слишком значительные дополнения, которые обнаруживаются при знакомстве с рукописями.[6]

В письмах Леонтьева и его многочисленных корреспондентов имя Тургенева встречается неоднократно. Материалы архива Леонтьева дают некоторые сведения по истории публикации тургеневских писем. Мы узнаем, что письма были в марте 1884 г. на прочтении у П. И. Бартенева, который обещал дать в ближайшее время ответ относительно их напечатания. Ответ Бартенева неизвестен, в «Русском архиве» письма напечатаны не были.

В 1885 г. Леонтьев предполагал опубликовать письма в своих воспоминаниях о Тургеневе, текст которых в большей части был написан еще в 1874 г. и над которыми Леонтьев вновь начал работать в середине 80-х годов. Для этой цели он разыскивал свои письма к Тургеневу, просил своих друзей навести справки у М. М. Стасюлевича. В письме к Н. Я. Соловьеву 15 декабря 1885 г. Леонтьев писал:

«У меня (я не знаю, помните ли Вы это) 24 (большею частью премилых) тургеневских письма. Почти все они — ответы на мои юношеские к нему письма и почти все относятся к десятилетию между 51 и 61 годами. Потом переписка и сношения без всякой распри прекратились; он стал больше жить на Западе, я уехал служить в Турцию. По возвращении моем в Россию, в 70-х годах, я писал ему раза два или три и получил ответы; но взгляды наши на всё за время нашей разлуки до того разошлись, что продолжать переписку оказалось ненужным.

«Взгляды — взглядами, а *благодарность личная* сама по себе. Во время моего студенчества он был так добр ко мне и сделал мне столько всякого рода пользы, что мне (кстати сказать, всё очень хворающему) умереть не хотелось бы, не сказавши об нем (т. е. об его личной доброте и об его благородном участии) несколько добрых слов. Я помню про него много хорошего и приятного <...>. Не знаю только, где я буду печатать эти воспоминания. В „Русск‹ий› вестник" едва ли они годятся; слишком будут благоприятны Тургеневу. Может быть, прямо помещу в *свой 3-ий том* к будущей осени».[7]

Письма к Леонтьеву В. Г. Авсеенко и Ф. Н. Берга о публикации воспоминаний показывают, что у Леонтьева помимо благодарной памяти

---

[5] См.: К. Леонтьев, Собрание сочинений, т. IX, СПб., 1913, стр. 69—153 и *Лит. насл.*, т. 22—24, стр. 433—470.

[6] Из числа этих дополнений наибольший интерес представляет план ненаписанной главы о поездке Леонтьева в Спасское-Лутовиново. В беловом автографе «Мои дела с Тургеневым и т. д.» на листе 31 карандашом написано: «Описание флигеля, мебель, собаки, зимний вид из окна, наши беседы, Шекспир. Смерть Меркуцио. Семья Тютчевых — импровизированные маскарады (на Новый год). Мое внезапное расстройство и отъезд среди ночи. Всё подробно о деревне Тургенева» (*ГЛМ*, ф. 4863/1, 2).

[7] *ГЛМ*, ф. К. Н. Леонтьева, НВ 1518.

были еще иные, более материальные мотивы: он испытывал постоянную нужду в деньгах. Видимо, именно этим объясняется публикация писем Тургенева в «Русской мысли» в 1886 г., на два года предварившая публикацию воспоминаний в «Русском вестнике».

Передавая письма Тургенева в «Русскую мысль», Леонтьев тщательно их просмотрел. На подлинниках писем встречается много пометок в тех местах, где Тургенев писал о цензурных затруднениях, о своих заботах по изданию произведений Леонтьева, давал оценки его романам и повестям, предлагал денежную помощь. Однако эти пометки на публикации не отразились — на 2-м письме Леонтьев написал: «Пометки синим карандашом к *цензурным* вопросам *не относятся*. К. Леонтьев». Текст писем был опубликован в «Русской мысли» с одной только большой купюрой в первом письме, оговоренной в примечании [8].

Хотя письма печатались с подлинников, тем не менее мы находим в тексте журнальной публикации большое количество ошибок, искажений, неправильных прочтений. Публикация даже по требованиям того времени была сделана небрежно. Во многих случаях произведена неверная разбивка на фразы, допущены произвольные вставки, перестановки слов, изменена пунктуация, не учтена своеобразная орфография Тургенева. В «Русском вестнике» 1888 г. письма были перепечатаны из «Русской мысли» без исправлений.

После приобретения писем Тургенева Литературным музеем мы провели сверку печатных текстов издания *Писем* с автографами, причем был обнаружен ряд крупных и мелких ошибок первой и последующих публикаций. Эта сверка дает возможность ввести в тексты напечатанных тургеневских писем ряд исправлений.

Оговорим сначала общие исправления, касающиеся всех писем Тургенева к Леонтьеву.

Тургенев во всех случаях при обращении писал местоимение «Вы», «Ваш», «Вам» и т. д. с прописной буквы; в датировке писем обычно указывал падежное окончание числительного: «12-го июня»; «1851-го г.»; «18-го февраля» и т. д.

В письмах 160, 167, 191, 299, 334, 647, 668, 863 и 913 следует восстановить свойственное Тургеневу написание: «адресс», в письмах 160, 167, 168, 191, 202, 255, 269 и 334 — написание «ценсура».

Огромное количество отклонений мы обнаруживаем в пунктуации писем. При публикации в «Русской мысли» было почти полностью снято характерное для Тургенева употребление тире как между предложениями, так и внутри их, искажено интонационное звучание текста. В нашем обзоре мы не можем учесть все случаи замены тире запятыми, двоеточиями и точками с запятой, также как невозможно оговорить все случаи выделения приложений. Исследователю, изучающему синтаксис Тургенева, придется обратиться к подлинникам этих писем.

Переходим далее к исправлениям по отдельным письмам.

---

[8] «Русская мысль», 1886, № 12, стр. 65.

Текст публикации	Текст автографа

Письмо 153

Т. II, стр. 25, строка 27

...откровенность:	...откровенность —

Т. II, стр. 26, строки 17—18

...*мужскою*...	...*мужской*...

Т. II, стр. 26, строка 18

...как вы это делали...	...как Вы это сделали...

Т. II, стр. 27, строка 16

...удалась;	...удалась —

Т. II, стр. 28, строки 1—5

Воейков в следующем гекзаметре: ‹...›, Гнедич в переводе «Илиады» часто весьма удачно изменяли полную форму.	Воейков в следующем гекзаметре: ‹...› сделал долгими первую и третью стопу. — Гнедич в переводе Илиады часто весьма удачно изменял полную форму.

Т. II, стр. 28, строки 15—16

Правила, как это делать, предписать невозможно,	Правила — ка́к это делать — предписать невозможно —

Т. II, стр. 28, строки 26—27

... следующей за стопой, превращенной в долгую...	...*следующей за стопой, превращенной в долгую*...

Т. II, стр. 28, строка 29

Текст публикации

Тēмнуӱ крōвлӱ кăзāл, кāк бы́ наблюдāя̆ тӣхōнько

Текст автографа

Тēмнӯӱ крōвлӱ кăзāл кāк бы̄ нăблӱдāя̆ тӣхōнькŏ

Т. II, стр. 29, строка 13

Текст публикации

Но где больше труда — больше и чести.

Текст автографа

Но где больше труда — больше и чести. (см.: знак *) [9]

Ошибки:

В 9-м стихе — ложное ударение на: *с того́ дня*

В дēся̆ть й бōлĕĕ лēт в Пĕтĕрбӯрг й нй рāзӯ с тŏгō дня̆

Замените напр.: с того̀ дня — словом: в то врѐмя — и ошибки нет. —

В 7-м стихе: два слова: «с ветром» — по размеру лишние:

В глāдкйх пŏля̄х чĕрнŏзēмны̆х, (с ветром) [10] кăк мōрĕ кăкōĕ йгрāя̆

[9] *См. на стр. 263:* Т. II, стр. 29, строка 14 (*Что же касается до собственно...).

[10] (с ветром) — *вписано над строкой.*

В 9-м стихе ошибочное ударение на *и*:

Тӯчнӗ пӧрӧсшйё, ӣ дӑлёкӧ нӑ вӧстӧк ўбёгӑлй —

В 14-м стихе — лишний слог: «к кон. . .»

В тёмныӿ вӑтӣшьйх цвёлӧ к . . .цӯ мёсйцӑ мӑй ӣ пӧажӗ.

Эдак стих не имеет смысла, но имеет *метр*; третья стопа — превращена в долгую — —; так как *Вы* написали, невозможно; стих имеет смысл, но не имеет метра, потому что нельзя читать: *цвелӧ к кӧнцӯ* — сделавши из кӧнцӯ—два кратких слога. — Следующий стих был бы прозаичен, но правилен:

В тёмныӿ зӑтӣшьйх цвёлӧ пёрёд мёсйцём мӑём ӣ пӧажё.

В 23-м стихе весь конец неправилен:

Тёмнўю ж ёль ў тёплпцы — Яков садовник хранил.

Поставьте вместо: «Яков садовник хранил» — «хранил сам Яков садовник» — и гекзаметр выдет верен. — Мужское окончание гекзаметра страшно действует на слух.

В 24-м стихе размер вовсе потерян; его можно восстановить следующей переменой:

Дӧмйк гӧспӧдскйй в Чўдӑлӧвкё бы̆л нё вёлйк ӣ пё варӑчёп . . .

Если же Вы оставляете как есть:

Дӧмйк в Чўдӑлӧвкё бӑрскпй бы̆л нё вёлйк ӣ нё варӑчён

то Вы заставляете читателя произносить бӑрскӣй двумя долгими, что совершенно невозможно.

В 25-м стихе — Вы заставляете произносить «шӧп ӧн» как две долгие, что тоже очень тяжело.

Стӑр ӣ сўрӧв ӣ смёшӧн ӧн бы̆л в ӧднӧ врёмя — ӣ тя̄жкӧ.

В 28-м стихе хотя можно à la rigueur[11] сделать слог *бы* в слове «*избы*» долгим — но едва ли не лучше оставить его коротким и вместо «окнами» написать: «окошками». Сравните следующие два стиха:

Свёжйё крёпкйё ӣзбы̆ ӧкнӑмй тўскльмй злӧбнӧ —

и — Свёжйё крёпкйё ӣзбы̆ ӧкӧшкӑмй тўскльмй злӧбнӧ. —

В 33-м стихе Вы делаете оба слога слова «погреб» долгими, что невыносимо для уха:

1 2 3 4 5 6 7

Кӯхня̄, ӑнбӑры̆ ӣ пӧгрёб дря̄бльё бы̆лй сӧвсём, ӑ кӧпю̄шнй . . .

Сверх того весь гекзаметр вытянулся на лишнюю стопу; у него их целых *семь*! Следующий стих по крайней мере правилен:

Дря̄бльё бы̆лй ӑнбӑры̆ ӣ кӯхня̄ сӧвсём, ӑ кӧпю̄шнй . . .

В *40-м стихе* опять конец невозможен:

Э̄тӑ лйшь чӑсть прӧцвётӑлӑ, стрӧгйй пӧрлдӧк хрӑня̄

Прибавьте к концу один слог и весь гекзаметр правилен — с 3-ей долгой стопой. — Но так как нет глагола: храняя — то надобно написать: строгий закон сохраняя — или переменить стих. Что же касается до 3-й долгой стопы — тӑлӑ — то здесь она у места, потому что голос и без того на ней останавливается. — Можно бы и здесь сделать полный гекзаметр, напр.:

---

[11] на крайний случай (*франц.*).

Э̄тă лйшь чāсть прŏцвĕтāлă, сўрōвы̆й зăкōн нăблю̆дāя̆.

(Вы понимаете, что мне дело не до смысла стиха) — но надо избегать эту вечную стукотню полного гекзаметра. —

В 51-м стихе та же ошибка —

Кāжĕтся̆, дāжĕ вŏдӣлся̄ гдē-тŏ тўт кēдр нĕбŏльшōй

Поставьте — нĕвĕлӣкйй — вместо небольшой — и стих верен, но неприятны в нем два долгих слога в слове — вŏдӣлся̄ — читатель принужден растянуть слог «ся» — что очень неловко.

Следующий стих гораздо плавнее:

Кāжĕтся̆, дāжĕ вŏдӣлся̆ тўт гдē-тō кēдр нĕвĕлӣкйй

Вместо — дӣлся̄ — долгие слоги падают на: гдē-тō, что естественнее. —

В 52-м стихе долгие слоги падают на: «нē — ӯ» — в слове неухода, что, как выше замечено, трудно читается:

Дӯмăть дŏлжнō, чтŏ зăглōх ŏн ŏт нēӯхōдă й чāщй —

Сверх того надо выговаривать должнó, что не по-русски. —

В 56-м стихе опять конец не годится, как в 40-м.

Я̄блŏнь крйвы̆х й сŏгбēнны̆х пŏд тя̄жкōй нōшĕй плŏдōв.

Прибавьте один слог к концу и стих правилен. — Напр.: поставьте: свŏēю̆ — вместо: плодов. — Четвертая стопа у Вас вся долгая: тя̄жкōй — и очень удачно. —

В 60-м стихе неловко ударение на *бы*:

Тēмнўю̆ крōвлю̆ кăзāл кāк бы̆ нăблю̆дāя̆ тйхōнькŏ. —

Текст публикации	Текст автографа
Т. II, стр. 29, строка 14	
Что же касается собственно...	* Что же касается до собственно...
Т. II, стр. 30, строка 3	
...‹анти›сценический...	...сценический...
Т. II, стр. 30, строка 19	
Ваш покорный слуга....	Ваш покорнейший слуга...

Письмо 160

Т. II, стр. 35, строка 19	
...хотя я...	...хоть я...
Т. II, стр. 36, строки 1—2	
...неприятная сторона в этом запрещении: вы, может быть...	...неприятная сторона в этом запрещении — Вы мне позволите говорить и о ней — Вы, может быть...

Письмо 167

Т. II, стр. 45, строки 11—14

Ваша комедия погибла для печати, и скажу вам — я не слишком об этом сожалею: в вас уже теперь таланта гораздо больше, чем насколько она показывает. Для чего же вводить читателей в обман?

Ваша комедия погибла для печати — и скажу Вам — я не слишком об этом сожалею: в Вас уже теперь таланта гораздо больше, чем насколько она показывает — для чего же вводить читателей в обман. —

Т. II, стр. 45, строка 17

...печатать отрывками,

...печатать отрывки —

Т. II, стр. 45, строка 31

За повесть...

NB. За повесть...

Письмо 168

Т. II, стр. 46, строка 14

Я вам пишу...

Я к Вам пишу...

Письмо 191

Т. II, стр. 66, строка 36 — стр. 67, строка 5

Я считаю вас очень способным к роману или повести; это ваше настоящее поприще. Ваш тонкий, грациозный, иногда болезненный, но часто верный и сильный анализ тут у места. Я, помнится, вам высказал то же мнение по поводу вашей комедии.

Я считаю Вас очень способным к роману или повести — это Ваше настоящее поприще — Ваш тонкий, грациозный, иногда болезненный, но часто верный и сильный анализ тут у места — я, помнится, Вам высказал то же мнение по поводу Вашей комедии.

Т. II, стр. 67, строка 15

...к крайнему моему сожалению. Я надеюсь, что вы...

...к крайнему моему сожалению — я надеюсь, что Вы...

Т. II, стр. 67, строка 20—21

...какому молодому человеку не нужны деньги? Иные это делают...

...какому молодому человеку не нужны деньги — иные это делают...

Т. II, стр. 67, строка 24

...хоть сам...

...хотя сам...

Письмо 202

Т. II, стр. 89, строка 23—24

...я старше вас и, след‹овательно›, опытнее: я уже прошусь в отставку...

...я старше Вас и след‹овательно›, опытнее. — Я уже прошусь в отставку...

Т. II, стр. 89, строка 26

...говорите о своем здоровье; из этого заключаю...

...говорите о своем здоровье — я из этого заключаю...

Письмо 255

Т. II, стр. 167, строка 9

...она нужна вам. Вы хотите...	...она нужна Вам, Вы хотите...

Т. II, стр. 167, строка 20—21

...предметы безобидные. «Лето на хуторе»...	...предметы безобидные — «Лето на хуторе»...

Т. II, стр. 167, строка 26—27

...дело дилетантов...	...дело исписавшихся дилетантов...

Т. II, стр. 168, строка 1

...даже в позднейших вещах...	...но даже в позднейших вещах...

Т. II, стр. 168, строка 3—5

А взять деньги, как говорится, с нахрапу — трудно и неудобно. Посмотрите, даже Меньшикову ничего не удалось взять в Константинополе сразу.	А взять — как говорится — с нахрапу́ — 3000 р. сер. — трудно и неудобно — посмотрите — даже Меньшикову ничего не удалось взять в Константинополе сразу.

Письмо 269

Т. II, стр. 186, строка 26

...которые уже припял...	...которые я уже принял...

Т. II, стр. 186, строка 28—29

...что я с радостью сделал бы для вас всё, что могу.	...чтобы я с радостью сделал для Вас всё, что мог.

Т. II, стр. 187, строка 2—4

...начать дельною вещью. Насколько это возможно при теперешнем настроении цензуры, насчет печатания «Немцев»...	...начать дельной вещью, насколько это возможно при теперешнем настроении цензуры. Насчет печатания «Немцев»...

Т. II, стр. 187, строка 6—7

...надеяться можно. Если хотите, я вышлю вам рукопись...	...надеяться можно — если хотите, я вышлю Вам рукопись...

Т. II, стр. 187, строка 12

О себе я вам особенного сказать не могу...	О себе я Вам ничего особенного сказать не могу...

Письмо 290

Т. II, стр. 220, строка 15—16

...если б узнал...	...если б я узнал...

Письмо 299

Т. II, стр. 229, строка 20

...вещь слишком легкая и милая...	...вещь слишком легкая и малая...

Т. II, стр. 229, строка 23—24

..повторяю, что это эскиз,	...повторяю, это эскиз —

Т. II, стр. 229, строка 31—32

...дошло ли до вас письмо и какой ваш адрес.	...дошло ли до Вас это письмо — и как Ваш адресс.

Письмо 334

Т. II, стр. 258, строка 17—18

...любезный Константин Николаевич. Вот уже третье...	...любезный Константин Николаевич — вот уже третье...

Т. II, стр. 259, строка 2

Я ошибся, сообщая мою критику...	Я ошибся — сообщая Вам мою критику...

Т. II, стр. 259, строка 27

Und wo Ihr's packt, da ist interessant.	Und wo Ihr's *packt* — da ist's interessant.

Т. II, стр. 260, строка 1—2

...уверенным в моей искренней приязни. Преданный Вам Ив. Тургенев.	...уверенным в искренней приязни Преданного Вам Ив. Тургенева.

Письмо 647

Т. III, стр. 240, строка 7—8

...если не ошибаюсь...	...если я не ошибаюсь...

Т. III, стр. 240, строка 16

...с физиономиею,	...в физиономию —

Письмо 668

Т. III, стр. 259, строка 9—10

...я уехал, шесть недель был болен скучною горловою болезнью...	...я целых шесть недель был болен скучной горловой болезнью...

Т. III, стр. 259, строка 15

...что касается вашей комедии...	...что касается до Вашей комедии...

Т. III, стр. 259, строка 22

...что касается переводов...	...что касается до переводов...

Т. III, стр. 260, строка 12—13

...но я был болен, а теперь...	...то́ я был болен — а теперь...

Письмо 699

Т. III, стр 285, строка 27

...чтобы ваша повесть...	...чтобы повесть Ваша...

Т. III, стр. 285, строка 30—31

...мою последнею вещью...	...моей последней вещью...

Письмо 863

Т. IV, стр. 39, строка 27—28

...часто вычурным хитродушием...	...часто тонким, часто вычурным хитродушием...

Письмо 983

Т. IV, стр. 135, строка 18—19

...твердыми ногами...	...твердыми шагами...

Т. IV, стр. 135, строка 28

...представляет только...	...представляет он только...

Т. IV, стр. 135, строка 29

...устранить...	...отстранить...

Письмо 995

Т. IV, стр. 148, строка 8

...о вашем романе. С Гончаровым...	...о Вашем романе: с Гончаровым...

Т. IV, стр. 148, строка 29—30

...теперь же опасность миновала.	...теперь же опасность миновалась.

Е. Н. Дунаева

ТУРГЕНЕВ И ЛОРЕНЦО ВАЛЕРИО (К ИЗУЧЕНИЮ ИТАЛЬЯНСКИХ СВЯЗЕЙ ПИСАТЕЛЯ)

Из переписки Тургенева с В. Н. Кашперовым, русским композитором, долгое время находившимся в Италии, известно, что в октябре 1863 г. автор романа «Отцы и дети» подарил один экземпляр этого произведения (во французском переводе) итальянскому политическому деятелю (в тот период — губернатору города Комо) Лоренцо Валерио, снабдив книгу соответствующей дарительной надписью.[1] Подарок этот был сделан по просьбе Кашперова, бывшего в приятельских отношениях с Валерио, которого Кашперов и представил Тургеневу как «одного из лучших людей в Италии», «замечательно теплую и честную душу, сильно страдающую от настоящего порядка вещей». При этом Кашперов сообщал, что Валерио — горячий поклонник таланта Тургенева и что он «читает и перечитывает» всё, принадлежащее перу любимого русского писателя. При всей расположенности Тургенева к Кашперову и чувствительности писателя к тому, какой отклик рождали его произведения в разных сферах общества, все же самый факт авторского внимания к одному из читателей нельзя объяснить только ходатайством общего знакомого. Не так часто и далеко не всем жаждавшим

[1] См.: *Тургенев, Сб. 1964*, стр. 399—400.

дарил Тургенев свои книги и свои автографы. Несомненно, что итальянец Валерио представлял какой-то особый интерес для Тургенева и вызывал его уважение прежде всего как личность.

Каковы могли быть источники сведений Тургенева о Валерио, кроме непосредственной информации Кашперова?

Лоренцо Валерио (1810—1865) был фигурой известной и заметной в истории итальянского освободительного движения.[2] Друг Гарибальди, он примыкал к наиболее радикальным кругам республиканско-демократического лагеря национально-освободительной борьбы. Уже с 1831 г. Валерио как политический деятель подвергался преследованию правительства и, вынужденный временно покинуть Пьемонт, скитался по Европе. В этот же период (до 1836 г.) он побывал в России, чем и объясняется в какой-то мере его интерес к русской литературе. Валерио был широко известен в Италии как прогрессивный публицист, основатель левых журналов «Letture populari» (1836—1841), «Letture di famiglia» (1841—1847), «Concordia» (1847), «Il Progresso», «Il Diritto», отличавшихся оппозиционным Кавуру направлением (50-е годы). С 1848 по 1859 г. Валерио был депутатом парламента Сардинского королевства и проявил себя на этом посту активным представителем демократической оппозиции. После освобождения Ломбардии, в начале 60-х годов, Валерио был назначен губернатором в Комо. В 1864—1865 гг. он занимал должность префекта Мессины.

В 1850 г. в Ницце, которая тогда еще входила в Пьемонт, состоялось знакомство Валерио с Герценом, который подвергся в то время опале как известный революционный деятель и писатель и был приговорен итальянскими властями к высылке из Пьемонта. Валерио выступил в парламенте и в прессе с интерпелляцией, направленной против незаконных действий пьемонтских властей. По словам самого Герцена, защищая его, Валерио «свирепо напал на министра»[3] и вмешательство это «солоно обошлось» правительству.[4] Герцен вспомнил об этом эпизоде и в 1861 г., в письме к Кашперову: «В 1850 и 51 он ‹Валерио› был хороший, горячий человек — с тех пор прошло 10 лет! Вы знаете, что он говорил речь в Камере за меня, когда меня выслали из Пиэмонта».[5]

В 1861—1864 гг. между Герценом и Валерио существовала переписка (письма эти не сохранились) — прямая и через посредство Огарева и Кашперова, — касавшаяся пересылки газеты «La Cloche», читателем которой был Валерио; упоминались в переписке и общие знакомые, в частности Бакунин.[6]

---

[2] Статьи о нем имеются не только в Большой итальянской энциклопедии, но и в специальном издании «Словарь национального возрождения» (Dizionario del Risorgimento nationale, t. IV. Milano, 1937). В последнем издании сообщается, что Валерио был уважаем и любим соотечественниками. После его смерти в августе 1865 г. в итальянской прессе появились многочисленные статьи и заметки о Валерио.

[3] *Герцен*, т. X, стр. 177 («Былое и думы»).

[4] См. письмо Герцена к А. А. Чумикову от 28 июля (9 августа) 1851 г.; ср. письмо Герцена к Н. А. Герцен от 1 (13) июня 1851 г. (*Герцен*, т. XXIV, стр. 180, 198).

[5] *Герцен*, т. XXVII, кн. 1, стр. 178.

[6] Там же, стр. 269; *Лит. насл.*, т. 62, стр. 151.

В конце 1862 г. у Герцена и Огарева возникла мысль о возможности переезда в Италию, ставшую центром революционной борьбы в Европе. Огарев сообщал о возникших планах в письме к Кашперову от 15 ноября 1862 г. и просил его поговорить об этом с Валерио.[7] Но уже осенью 1863 г. стало ясно, что в силу своей политической неустойчивости Италия не могла служить надежным приютом для русских революционных эмигрантов и их типографии. В ноябре 1863 г. Герцен писал из Ливорно Кашперову: «...я собирался посетить вас в Комо и поблагодарить от всей души за ваше приглашение и за приглашение Валерио, переданное мне Огаревым, а между тем дела требуют скорого возвращения и я оставляю мои pia desideria[8] до будущих времен. Мне кажется, что если Италия сколько-нибудь осерьезится и в самом деле поймет свою независимость, Флоренция была бы лучшим местом для нашей жизни. Посмотрим, что принесет время. При теперичной обстановке переезжать с типографией нельзя — как думает об этом Валерио?».[9] Естественно предположить, что Валерио был известен и Тургеневу как человек, непосредственно и дружески общавшийся с Герценом и Огаревым в период особенно частых и разносторонних контактов Тургенева с лондонскими эмигрантами. По их рекомендации Тургенев познакомился с Кашперовым в 1856 г., с ними поддерживал писатель постоянную связь, находясь в 1857—1858 гг. в Италии.

Но быть может сильнее, чем что-нибудь другое, внимание Тургенева могла привлечь «гарибальдийская» биография Лоренцо Валерио. 17 (29) марта 1862 г. Кашперов сообщал П. М. Грибовскому, своему родственнику, находившемуся в России:[10] «На днях будет у нас в Комо Гарибальди, которого мне обещал показать Valerio — приятель его и наш».[11]

О дружеских связях Валерио с Гарибальди свидетельствуют некоторые страницы воспоминаний последнего. Так, рассказывая о трагическом эпилоге Римского похода в 1849 г., Гарибальди с благодарностью называет тех депутатов Пьемонтского парламента (Баралис, Борелло, Валерио, Брофферио), которые «решительно голосовали в его пользу и если не смогли предотвратить изгнания, то несомненно избавили от худшего».[12] Сочувственную Гарибальди позицию Валерио занимал и в 1859 г., перед освободительным походом в Центральную Италию, когда буржуазное правительство Кавура, напуганное революционным духом гарибальдийского движения, стремилось отстранить народного героя от командования войсками. Будучи представителем пьемонтского министерства, Валерио предупредил Гарибальди о недружелюбной позиции генералитета.[13] Не-

---

[7] *Лит. насл.*, т. 63, стр. 126.

[8] благие намерения (*лат.*).

[9] *Герцен*, т. XXVII, кн. 1, стр. 379.

[10] П. М. Грибовский, познакомившийся с Тургеневым тоже в 1856 г., находился с ним в переписке. Сохранились письма Тургенева к Грибовскому 1864 и 1873—1874 гг. (см.: *Письма*, тт. V и X).

[11] *ЦГАЛИ*, ф. 496, оп. 1, № 31, л. 47.

[12] Garibaldi. Memorie autobiografiche. Capitolo IX, Firenze, 1888, стр. 262.

[13] Там же, стр. 321.

сколько ранее, в том же 1859 г., Валерио был свидетелем при заключении несчастного брака Гарибальди с молодой уроженкой Комо — Раймонди. Значительное место в своих мемуарах Гарибальди уделяет рассказу об успешных сражениях добровольческой армии в 1859 г. в Ломбардии, в районе города Комо. В частности, мемуарист подробно описывает события, развернувшиеся в этих местах 26—27 мая 1859 г.[14]

Постоянно проживавший с 1859 г. в Комо Кашперов также был непосредственным свидетелем героической борьбы гарибальдийских волонтеров в Ломбардии против австрийцев, и в его письмах этого периода к разным адресатам сохранились исполненные восхищения строки, повествующие о «пьемонтском энтузиазме», представляющем собой «верх гражданской доблести».[15] Как в дневнике, день за днем повествует в этих письмах Кашперов о действиях Гарибальди. И, как многие его современники, особенно обстоятельно описывает он в письме к Грибовскому ход событий 27 мая в Комо: «...в 4-м часу утра вдруг нагрянул Гарибальди на немцев, сбил их с позиции и погнал так шибко, что и знамена и обоз до сих пор валяются в Camerlat'e. Немцы не могли даже воспользоваться железной дорогой <...> и разбрелись как овцы. В Комо уже теперь трехцветное знамя, веселье, радостная пальба — и на всех трехцветная кокарда, я хожу с веткой chèvre-feuill'я[16] в петлице. Вот уже второй день, что по озеру виднеются трехцветные флаги, стреляют с пароходов и поют песни свободы...».[17]

Душевный порыв русского композитора, горячо сочувствовавшего освободительному движению итальянцев, нашел отклик и среди участников этого движения. 27 июня 1859 г. Кашперов радостно сообщал своим русским корреспондентам: «У нас все в порядке — даже весело: вчера мне давали серенаду за написанный мною хор в честь Гарибальди, — жаль, что у меня самолюбия композиторского мало <...> Лодка же с музыкантами как нарочно ужасно долго оставалась под нашим балконом».[18] В 1860 г. Кашперов отправляет в Россию на имя Н. А. Татариновой, впоследствии Островской (автору воспоминаний о Тургеневе), один за другим

[14] Там же, стр. 293—296. — «Записки Иосифа Гарибальди» в переводе Н. Р. Щиглева были опубликованы в России в 1860—1861 гг. (чч. I—III, СПб.). Французское издание мемуаров Гарибальди в переводе Александра Дюма появилось впервые в 1860 г. (Mémoires de Garibaldi. Traduits sur le manuscrit original, par Alexandre Dumas, 2 vol., Paris, 1860), но в это издание еще не вошел рассказ о событиях 1859—1861 гг. и позднейшего периода. Вскоре появилось второе французское издание мемуаров Гарибальди, дополненное рассказами соратников Гарибальди, собранными документами и собственными комментариями переводчика (Mémoires de Garibaldi par Alexandre Dumas, précédés d'un discours sur Garibaldi par Victor Hugo et d'une introduction par George Sand, 3 vol., Bruxelles, s. a.). В этом издании приведен со всеми подробностями рассказ очевидцев о боях 26—27 мая в районе Комо (стр. 89—92).

[15] *ЦГАЛИ*, ф. 496, оп. 1, № 31, л. 10 об.

[16] жимолости (*франц.*).

[17] *ЦГАЛИ*, ф. 496, оп. 1, № 31, л. 14 об.; ср. письмо французов из Комо от 26 мая 1859 г., напечатанное в «Современнике» (1859, № 6, отд. «Политика», стр. 433).

[18] *ЦГАЛИ*, ф. 496, оп. 1, № 31, л. 17.

портреты Гарибальди и текст его прокламаций на французском языке.[19]

Приведенные письма Кашперова представляют собой несомненный интерес не только как свидетельство русского очевидца о популярности гарибальдийского движения в Италии, но и как свидетельство очевидца, принадлежавшего к числу близких знакомых Тургенева.

Просматривая письма Тургенева, относящиеся к тому же периоду, мы найдем в них глубокий, исполненный восхищения интерес к личности Гарибальди и возглавляемому им делу. «Evviva l'Italia! Evviva Garibaldi!» — почти как участник событий, приветствует он успехи народной армии в июне и августе 1859 г.[20] Как никогда, тоскует Тургенев в это время о «вдвойне благодатном воздухе» Италии, ищет духовной поддержки в благородном энтузиазме революционеров[21] и затем, как о большой личной потере, сокрушается о неудачах, постигших гарибальдийское движение в 1862 г.[22]

«А каков Гарибальди? С невольным трепетом следишь за каждым движением этого *последнего* из героев», — пишет Тургенев Герцену 15 (27) августа 1862 г.[23]

Много лет спустя, во время Балканской войны 1876 г., в связи с модным в части русского общества культом генерала Черняева, которого Тургенев назвал «лубочной копией Гарибальди», писатель снова возвращается к мысли о том, что личность замечательного революционера навсегда останется образцом подлинного и бескорыстного героизма.[24]

В литературе, посвященной Тургеневу, высказано предположение о том, что атмосфера общественного возбуждения, охватившего Европу в 1859 г. в связи с успехами национально-освободительного движения в Италии, и отдельные конкретные обстоятельства итальянских событий художественно преломились в романе Тургенева «Накануне» и прежде всего в образе его главной героини.[25] В свете всего, изложенного выше, далеко не случайной представляется готовность, с которой Тургенев подарил свой роман «Отцы и дети» итальянцу Лоренцо Валерио, другу Гарибальди.

Т. П. Голованова

---

[19] Там же, № 29, лл. 1—2.

[20] См.: *Письма*, т. III, стр. 304, 334.

[21] Там же, стр. 306.

[22] Там же, т. V, стр. 44.

[23] Там же, стр. 40.

[24] См. письмо Тургенева к Я. П. Полонскому от 11 (23) ноября 1876 г. (*Письма*, т. XI, стр. 351—352).

[25] См. комментарий И. А. Битюговой к роману «Накануне» (*Сочинения*, т. VIII, стр. 517—519). Ср.: Е. Н. Щепкина. Героиня романа «Накануне» в кругу своих современниц (см. выше, стр. 146—158).

«ПОЙМЁТЬ», А НЕ «ПОЙМЁТ»
ТУРГЕНЕВ И ЛЕВ ТОЛСТОЙ В 1865 г.

В примечании к письму Тургенева к И. П. Борисову от 5 (17) августа 1865 г.[1] приведена следующая цитата из письма Л. Н. Толстого к А. А. Фету от 23 января ст. ст. 1865 г.: «На днях выйдет первая половина 1-й части „1805 года". Пожалуйста, подробнее напишите свое мнение. Ваше мнение да еще мнение человека, которого я не люблю, тем более, чем более я вырастаю большой, мне дорого — Тургенева. Он *поймёт*». Но в действительности у Толстого последнее слово (подчеркнутое им самим) написано иначе, а именно с мягким окончанием: «*поймёть*».[2] «Поймёть» — искаженная, просторечная форма.

Эта форма, широко распространенная в народе, была известна и в кругу таких писателей, как Л. Н. Толстой, Фет, Тургенев: они ясно понимали ее стилистическое значение.

Комментатор письма Тургенева, произвольно исправив толстовское «поймёть» на «поймёт», тем самым лишил его оттенка скрытой иронии, с которой говорил Толстой о Тургеневе.

И. П. Лощинин

УЕЗДНЫЙ ПРОГРЕССИСТ — Н. Д. КАРПОВ

И. П. Борисов в письме от 31 декабря 1865 г. ст. ст. спрашивал Тургенева, не желает ли он узнать «самую последнюю философию мценскую». И далее сообщил, что новейшим модным увлечением уездного общества стала критика нигилизма и эгоизма (очевидно, имелась в виду теория «разумного эгоизма»).

«..какое-то непостижимое шаманство, — пишет Борисов, — вдруг разлилось по всем мозгам мценским <...>. Мне уже думается, что не *Мягкий* ли это успел так подействовать <...>. Недаром они потребовали на чтение от меня „*Взбаламученное море*", которое было во дни оно забраковано. Ну представьте себе семейную картину: в Ближней Волковой[1] вокруг благоговение и задыхающееся чтение Мягким „Взбаламученного моря"... Теперь наверное все нигилисты тю-тю...».[2]

Отвечая на это место письма Борисова, Тургенев признавался, что он дорого бы дал, чтобы послушать Н. Карпова, как он будет читать «Взбаламученное море». И в скобках спрашивал: «Вы его, вероятно, называете „мягким"?».[3]

---

[1] *Письма*, т. VI, стр. 450.

[2] *Толстой*, т. 61, стр. 72.

[1] Село в Мценском уезде. Здесь находилось имение Е. Д. и Н. Н. Шеншиных.

[2] *ИРЛИ*, 5798.XXXб.88, лл. 67 об. и 68.

[3] *Письма*, т. VI, стр. 45. — В указателе имен Н. Карпов значится как лицо неустановленное.

В письме Борисова действительно речь идет о Николае Дмитриевиче Карпове (1823—1873) — хорошо известном в то время в Орле и Мценском уезде. Он слыл большим оригиналом, человеком восторженным и увлекающимся до крайностей.

Н. Д. Карпов был близким другом семьи Апухтиных и оказал определенное влияние на поэта А. Н. Апухтина.[4]

Карповы состояли с Лутовиновыми в каком-то отдаленном родстве. Писатель поддерживал близкое знакомство с сестрой Н. Д. Карпова — Е. Д. Шеншиной.[5] Вспоминая свои встречи с И. С. Тургеневым в усадьбе Е. Д. и Н. Н. Шеншиных, А. А. Фет писал: «...в доме нередко появлялись двое Карповых ‹у Фета изменено на «Каровы»›, родные братья хозяйки. Аркадий, губернский умница и передовой, и старший Николай, физически совершенно развинченный, так что, когда он протягивал руку, она производила впечатление гуттаперчевой. Поэтому все, поминая его, говорили: „*Карпов-мягкий*“, что̀ не мешало ему с видом знатока толковать о литературе...».[6]

Воздействие, которое Н. Д. Карпов оказывал на «мценские умы», заключалось, по всей видимости, в стремлении не отстать от самоновейших идей. Когда в провинции началось увлечение нигилизмом, братья Карповы раньше других примкнули к этому «движению». Так, в докладе «О распространении нигилизма в Орловской губернии», поступившем в 1865 г. в III отделение, сообщалось, что ««Н. Д.› Карпов первым провел в городе Орле идею о нигилизме».[7]

Мода на антинигилизм, как видно из письма Борисова, также проникала в уездный быт через одного из Карповых.

При всех личных достоинствах, присущих — по свидетельству современников — Н. Д. Карпову,[8] он принадлежал все же к определенному типу провинциальных верхоглядов, о которых саркастически отзывался Д. И. Писарев, говоря, что «Ситниковых и Кукшиных развелось в последнее время бесчисленное множество». «У нас, — писал критик, — можно сказать, всякий пустомеля смотрит прогрессистом, лезет в передовые люди...».[9]

---

[4] Об этом см. в кн.: А. Н. Апухтин. Стихотворения. «Советский писатель», Л., 1961, стр. 343. — Некоторые сведения о Н. Д. Карпове любезно сообщила автору настоящей заметки Р. А. Шацева.

[5] О ней см.: *Письма*, т. I, стр. 695.

[6] *Фет*, ч. I, стр. 4. — О втором брате — Аркадии Карпове — И. П. Борисов писал Тургеневу 14 (26) марта 1862 г., сопоставляя А. Д. Карпова с Аркадием Кирсановым: «...не поехал ‹в дворянский клуб в Орле› и жалею теперь, быть может увидел бы там *Павла Петровича, Аркадия* (хоть Карпова) с *Базаровым* и Ситникова. И отцы и дети бывают в клубах» (ИРЛИ, 5798.XXXб. 88, л. 18). В плане незавершенного романа (1878—1879 гг.) Тургенев в числе других прототипов обозначил и Аркадия Карпова, намереваясь характер этого человека взять в основу образа богатого помещика Ланина (см.: *Мазон*, стр. 153).

[7] *ЦГАОР*, ф. 109, оп. 5, ед. хр. 253, л. 2 об.

[8] См., например, стихотворение А. Н. Апухтина «Памяти Н. Д. Карпова» (Стихотворения, стр. 154—155).

[9] *Писарев*, т. II, стр. 154—155.

И в Орле, и в Мценске Н. Карпов не был единственной в своем роде фигурой. Сошлемся для подтверждения на неопубликованное письмо знакомого И. С. Тургеневу литератора и врача И. В. Павлова. 22 сентября 1861 г. Павлов писал И. С. Аксакову из Орла об одном из многочисленных представителей племени Ситниковых: «‹Это› довольно глупый и совершенно косноязычный человек, млеющий перед всем, что имеет какое-нибудь прикосновение к действующей литературе, выписывающий чуть не все русские журналы и множество книг, особенно запрещенных... Он замечателен тем, что твердит до одурения господствующую мысль ‹...› Одним словом, это тип русского провинциального ротозея, который, несмотря на все свое ничтожество, резко выражает общественное мнение в данную минуту».[10]

Эти слова Павлова относились к хорошо известному в губернских гостиных князю Б. Сонцеву-Засекину, который, кстати сказать, также значится в списке лиц, подозреваемых орловским жандармским управлением в распространении нигилизма.

Н. М. Чернов

ТУРГЕНЕВ И НОВЕЛЛА ПРОСПЕРА МЕРИМЕ «ЛОКИС»

Тургенева и Проспера Мериме связывала многолетняя творческая дружба (с 1857 г. до смерти Мериме в 1870 г.), и взаимоотношениям двух писателей посвящен ряд исследований в нашем и во французском литературоведении.[1]

В последний период жизни больной Мериме значительную часть года проводил на юге Франции, в Канне, а Тургенев в это время жил преимущественно в Баден-Бадене, поэтому связь между ними поддерживалась в основном посредством переписки. Письма Тургенева не сохранились,[2] но до нас дошло 96 писем Мериме к Тургеневу. До недавнего времени из этих писем были опубликованы лишь некоторые — и в основном в от-

---

[10] *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 4, № 454, л. 110 об.

[1] Назовем некоторые из этих работ: П. Р. Заборов. Русская история в переписке Тургенева и П. Мериме. В кн.: И. С. Тургенев. Статьи и материалы. Орел, 1960, стр. 245—252; Л. П. Гедемин. Проспер Мериме. В кн.: История французской литературы, т. II. Изд. АН СССР, М., 1956; Т. М. Воронович. Славянская тематика Проспера Мериме в период 1850—1870 годов. Автореферат диссертации. М., 1954; M. Parturier. Une amitié littéraire. Prosper Mérimée et Ivan Tourguénev. Paris, 1952; О. В. Тимофеева. Тургенев и Мериме. К истории русского влияния на французскую литературу. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Львов, 1951 (в этой работе содержится ряд неверных оценок и фактических неточностей); М. К. Клеман. И. С. Тургенев и Проспер Мериме. *Лит. насл.*, т. 31—32 (стр. 707—752); H. Mongault. Mérimée et la littérature russe. В кн.: P. Mérimée. Etudes de littérature russe. Paris, 1931, т. I, стр. CI—CXLI.

[2] Они погибли вместе со всеми документами и рукописями Мериме в его парижской квартире при пожаре в 1871 г.

рывках.[3] После выхода в 1952 г. книги Мориса Партюрье «Литературная дружба. Проспер Мериме и Иван Тургенев»[4] и особенно издания всего известного эпистолярного наследия Мериме[5] появилась возможность уточнить и прояснить самые разнообразные аспекты, выявить новые факты творческого содружества двух писателей.

История создания и публикации последней новеллы Мериме «Локис» представляет собой хотя и небольшой, но характерный эпизод в истории сотрудничества русского писателя с французским. М. Клеман в своей статье «И. С. Тургенев и Проспер Мериме» отметил, что, судя по письмам Мериме к Женни Дакен, «Тургенев был привлечен к ближайшему участию в работе над произведением»,[6] но Клеман не мог сказать ничего конкретного по этому поводу, так как ему недоставало документальных данных.

Как известно, в последний период жизни Мериме много занимался историей, литературой (особенно русской), переводами, но почти совершенно отошел от художественного творчества. За 24 года он написал (помимо двух пьес) лишь несколько новелл для узкого круга лиц, не предназначая их для печати. Из них только одна новелла «Локис» была опубликована при жизни писателя. Посмертно удалось издать и другие новеллы, сохранившиеся благодаря тому, что их рукописи оказались в руках друзей писателя. Остальные произведения Мериме, если они существовали, должны были погибнуть вместе с архивом писателя.[7]

Свою последнюю новеллу о медведе Мериме задумал летом 1868 г. и прочитал начальный ее вариант Женни Дакен в сентябре.[8] Основные элементы местного колорита новеллы, действие которой происходит в Литве, были заимствованы писателем у Адама Мицкевича и Шарля Эдмона.[9]

---

[3] См. примеч. 1 (работы А. Монго и М. Клемана).

[4] См. примеч. 1. — Здесь были опубликованы 86 писем Мериме к Тургеневу.

[5] Prosper Mérimée. Correspondance générale. Etablie et annotée par M. Parturier. Deuxième série. T. 1—9. Toulouse, 1953—1961.

[6] *Клеман*, стр. 739. — В автореферате Т. М. Воронович (см. примеч. 1) также лишь упомянуто об «исправлении славянских мотивов в новелле „Локис"» Тургеневым (стр. 10).

[7] Подробно о последних новеллах Мериме см. вступительную статью Л. Лемонье в книге: Oeuvres complètes de Prosper Mérimée. Dernières nouvelles. Texte établi et annoté avec une introduction par Léon Lemonnier. Paris, 1929. — Лемонье высказал предположение, что при пожаре погибла неизвестная новелла Мериме, о которой писатель упоминает в письме к своей знакомой — Лизе Пшездзецкой — от 26 мая 1869 г. (см. там же, стр. LI—LII — гл.: «Nouvelles perdues»).

[8] По ее совету Мериме сделал в новелле некоторые изменения. См. письма к Ж. Дакен от 3 и 29 сентября и 16 ноября 1868 г.: *Mérimée*, II, 8, стр. 233, 255, 297.

[9] Мериме читал книгу польского эмигранта, жившего в Париже, Ш. Эдмона (Хоецкого) «Pologne captive et ses trois poètes: Mickiewicz. Krasinski, Slowacki» (Leipzig, 1864), где в описании Литвы (родины Мицкевича) приводились отрывки из поэмы «Пан Тадеуш». На эту поэму Мериме ссылается в своей новелле. Важную функцию в композиции новеллы несет и баллада Мицкевича «Три сына Будрыса». Мериме также обращался к Ш. Эдмону с просьбой сообщить некоторые дополнительные све-

Описание экзотической природы, быта и фольклора, а также экскурсы в русскую историю требовали проверки. В этот период Мериме был особенно близко связан с Тургеневым, редактировал французский перевод «Дыма» и сборник рассказов «Nouvelles moscovites», был в курсе литературных замыслов русского писателя. Естественно, что он не мог желать лучшего консультанта, чем Тургенев.

Возвратясь из России в Баден-Баден, Тургенев, — по-видимому, после долгого перерыва, — написал в Париж Мериме в начале октября 1868 г. Мериме ответил сразу и сообщил также о своей новой «безделке» (la petite drolerie). Изложив содержание новеллы, Мериме писал: «Я ищу заглавие, мне хотелось бы чего-то вроде „Искатель или грабитель меда" — „Medvied". Но лучше всего мне подошло бы какое-нибудь литовское слово, обозначающее медведя».[10]

Очевидно, Тургенев заинтересовался новеллой и захотел прочитать ее, так как Мериме перед отъездом в Канн извещал Тургенева 29 октября 1868 г., что оставит ему рукопись в Париже, и просил: «Окажите мне любезность — исправьте мои грубые погрешности против „обычаев" или „местного колорита", как говорят теперь, и выскажите свое мнение со всей откровенностью».[11] Как видно из письма Мериме от 22 ноября 1868 г., Тургенев сообщил свои замечания и литовское слово Lokis (правильнее Lokys — «медведь»). Он также показал рукопись парижскому издателю Жюлю Этцелю и, должно быть, советовал Мериме напечатать новеллу в «Revue des Deux Mondes».

Мериме отвечал Тургеневу: «В отношении колдуньи вы совершенно правы. Я уже думал изменить это, и если сделаю новый вариант ‹...›, то заменю эту сцену встречей с цыганами, которые мне лучше знакомы[12] ‹...› Lokis — чудесное слово, и оно будет заглавием, если я когда-нибудь вернусь к своей новелле. Что же касается „Revue" — нет. Я больше не стану писать сказок для почтенной публики. Я слишком стар для этого. — Я очень недоволен, что вы показали ее Этцелю, но надеюсь, что он не расскажет об этом своим друзьям из „Figaro", которые могли бы сделать из этого фельетон».[13] Тургенев сразу же поспешил предупредить Ж. Этцеля и писал ему из Карлсруэ 28 ноября: «Только что я получил письмо от Мериме; кажется, он недоволен нескромностью, кото-

---

дения о литовской жизни и народных преданиях. См. письмо к нему 20 сентября 1868 г.: *Mérimée*, II, 8, стр. 245—246.

[10] *Mérimée*, II, 8, стр. 262. Перевод всего письма см.: *Клеман*, стр. 737—738. — Ранее Мериме просил Ш. Эдмона сообщить ему слово «медведь» по-литовски, но, должно быть, Эдмон не знал его.

[11] *Mérimée*, II, 8, стр. 284. — 16 ноября Мериме писал Ж. Дакен: «Во время моих бессонных ночей я заботливо переписал „Искателя меда", сделав исправления, которые вы мне посоветовали ‹...› Я послал этот новый вариант г. Тургеневу для проверки местного колорита, о котором я несколько беспокоюсь. Беда в том, что ни он, ни я не могли найти ни одного литвина, знающего свой язык и свою страну» (там же, стр. 297; перевод: *Клеман*, стр. 739).

[12] Однако Мериме не сделал этой замены, и эпизод с колдуньей, — правда, несколько измененный, — остался, как более экзотичный. См. ниже.

[13] Письмо от 22 ноября 1869 г.: *Mérimée*, II, 8, стр. 301—302.

рую я проявил в связи с его рассказом. Он опасается, как бы это не дошло до „Figaro", а вы знаете, как он боится всяких сплетен, толков и т. п. Поэтому прошу вас хранить тайну».[14]

Между тем Этцель, по-видимому, рассказал о новелле Луи Бюлозу — издателю «Revue des Deux Mondes». Перспектива получить новеллу маститого писателя, давно не печатавшего художественных произведений, была очень заманчива, и Бюлоз просил Мериме дать новеллу в журнал. Раздосадованный Мериме решил отделаться неведением и ответил 4 декабря 1868 г.: «Я не знаю, о какой новелле вы говорите, у меня нет ни одной, достойной вашего журнала».[15] Но Бюлоз продолжал настаивать, и Мериме был вынужден давать объяснения в следующем письме: «Я очень польщен вашей любезной настойчивостью, но, в самом деле, новелла, о которой вам говорили, представляет интерес только для небольшого круга людей (...) Кроме того, она несколько декольтирована для моего возраста и для нашего лицемерного века. Наконец, она существует пока лишь в черновом виде, и Тургенев — единственный из моих друзей, кто читал ее, — сделал очень справедливые замечания, которые мне следует учесть. Но здесь, вдали от моих книг, мне совершенно невозможно что-либо сделать».[16] Однако Бюлоз не отказался от мысли получить эту новеллу, и в начале 1869 г. Мериме вынужден был пообещать, что если он когда-либо закончит ее и решится опубликовать, то отдаст ее в «Revue».[17]

Зимой 1868—1869 гг., находясь в Канне, Мериме неоднократно возвращался к своей новелле и перерабатывал ее. В результате сделанных изменений новелла приобрела такой вид, что ее исходная мысль (человек — сын женщины и медведя) оказалась совершенно завуалированной и все странности графа Шемёта, так же как болезнь его матери, могли быть объяснены испугом. Проверив новеллу на слушателях, Мериме уже мог сказать, что она не вызывает нареканий в безнравственности.[18] Что же касается поправок по замечаниям Тургенева, то об этом у нас нет конкретных сведений и мы можем только сослаться на письма самого Мериме. 10 февраля 1869 г. он писал Тургеневу: «По вашему совету я изменил в моем медведе сцену с колдуньей и думаю, что так лучше. Безделка будет называться „Локис"».[19] Через неделю он снова писал: «Я переделал главу, на которую вы указали в моем медведе».[20]

---

[14] *Письма*, т. VII, стр. 243, 411.

[15] *Mérimée*, II, 8, стр. 313. — В письме от 3 декабря 1868 г. Мериме объяснял Тургеневу свое недовольство тем, что его могли обвинить во лжи, так как он говорил Бюлозу и другим, что у него нет законченных вещей (там же, стр. 310—311).

[16] Письмо от 11 декабря 1868 г.: там же, стр. 326.

[17] См. письмо к Л. Бюлозу от 29 января 1869 г.: там же, стр. 377.

[18] См. письма Мериме к Ж. Дакен и к В. Делессер: там же, стр. 233, 255, 256, 297, 353, 404, 569.

[19] Там же, стр. 389. — Но Мериме все никак не решался отдать «Локиса» в печать. В тот же день (10 февраля) он писал А. Штапферу, что последние новеллы его «позабавили, но они не выйдут в свет» (там же, стр. 390).

[20] Письмо к Тургеневу от 18 февраля 1869 г.: там же, стр. 399. — Вероятно, речь идет о той же сцене с колдуньей. Уточнить характер изме-

Между тем издатели «Revue des Deux Mondes» были, по-видимому, очень настойчивы и приложили немало усилий, чтобы получить новеллу. 16 августа 1869 г. Мериме сообщил Тургеневу: «В минуту слабости я обещал Бюлозу[21] дать „Медведя" в ближайшем месяце. Я вам кажется говорил, что читал его барышням, которые в нем ничего не поняли. Это меня немного успокоило».[22]

Однако Мериме продолжал колебаться, недовольный своим согласием на публикацию «Локиса», и в письме к Тургеневу от 3 сентября выражал сожаление, что не может отказаться от данного Бюлозу обещания.[23]

Мериме озаглавил новеллу понравившимся ему словом «Lokis», но в корректуре он был вынужден изменить заглавие по требованию редактора. Писатель подробно сообщал Тургеневу об этом неприятном инциденте: «„Локис" появится в ближайшей книжке „Revue". Преемник г. де Марса приходил вчера с корректурами и говорил мне о невозможности поставить заглавие „Локис" колонтитулом наверху страницы, потому, что это слово слишком коротко. Посмеявшись немного над претензиями типографии, я пришел в страшную ярость и хотел взять обратно мою рукопись. Я почти раскаиваюсь, что не сделал этого».[24] Новелла появилась в «Revue des Deux Mondes» 15 сентября 1869 г. под названием «Le manuscrit du professeur Wittembach» (хотя в указателе журнала за год сохранилось заглавие «Lokis»). В отдельном издании 1873 г. было восстановлено первоначальное название с добавлением: «Lokis. Manuscrit du prof. Wittembach».[25]

Только после опубликования новеллы Ж. Этцель, которому Тургенев показывал ее в рукописи, решился написать Мериме в ноябре 1869 г.:

нений, внесенных Мериме, невозможно. Ранее Мериме предполагал совсем изъять эту сцену.

[21] Имеется в виду Франсуа Бюлоз или его младший сын — Шарль, так как старший сын — Луи — скончался 8 июля 1869 г.

[22] Там же, стр. 578. — Ср. письмо Мериме к Ж. Дакен от 7 сентября, а также письмо к Тургеневу от 10 октября 1869 г., где он писал, что «не мог противостоять ласковым домогательствам Бюлоза» (там же, стр. 602 и 634; частичный перевод последнего письма: *Клеман*, стр. 741).

[23] «Je me suis laissé embâter par Buloz et „Lokis" paraîtra le 15 de ce mois. Je le regrette à présent que je ne peux plus m'en dédire» (*Mérimée*, II, 8, стр. 595) («Я позволил Бюлозу запрячь меня, и „Локис" появится 15-го текущего месяца. Я об этом сожалею теперь, когда уже не могу отказаться от данного мною слова»).

[24] Письмо от 11 сентября 1869 г.: там же, стр. 608. Перевод: *Клеман*, стр. 740. — М. Клеман неправильно расшифровал имя де Марса (V. de Mars) — предыдущего секретаря «Revue des Deux Mondes».

[25] Prosper M é r i m é e. Dernières nouvelles. Paris, 1873. — Не зная причины изменения заглавия в первой публикации, Л. Лемонье в издании 1929 г. (см. примеч. 7) дал название новеллы по «Revue des Deux Mondes», считая его первоначальным и подлинным. Любопытно, что Лемонье объясняет последующую якобы замену названия на более короткое и удобное — «Lokis», — опять же типографскими требованиями (см. примечания в упомянутом издании, стр. 162—163). М. Партюрье отметил эту ошибку Лемонье (см.: *Mérimée*, II, 8, стр. 608).

«В течение долгих месяцев я воздерживался и не высказал вам, насколько я был восхищен рассказом о Медведе. Теперь, когда он появился в „Revue des Deux Mondes", я тоже, как и все, могу вам сказать, что эта история, невероятная у всякого другого писателя, сразу же очаровала меня, и что я предсказывал Тургеневу ее будущий успех».[26]

Таким образом, из вышеизложенного следует, что Тургенев дал заглавие новелле Мериме и консультировал его по вопросам «местного колорита». Но роль его этим не ограничивается — она гораздо важнее.

В самом деле, перечитывая письма Меримс, мы видим, как упорно он не хотел публиковать «Локиса», с каким трудом издатель «Revue des Deux Mondes», узнавший о новелле благодаря Тургеневу, получил ее для своего журнала. Несомненно, что без вмешательства Тургенева новелла не была бы напечатана при жизни Мериме, а это означает, что она могла бы быть навсегда утраченной. «Локис» вышел в сентябре 1869 г., в июле 1870 г. началась франко-прусская война, в сентябре Мериме умер, а вскоре в пожаре погибли все рукописи писателя.

Р. М. Горохова

ТУРГЕНЕВ В КАРЛСБАДЕ

В Карловых Варах (бывший Карлсбад) сохранился дом, в котором проживал Тургенев, когда он приезжал лечиться на этот знаменитый курорт. На переднем фасаде дома укреплена мемориальная доска с надписью: «Здесь жил Иван Сергеевич Тургенев в 1874—1875 гг.».

Основываясь главным образом на этих данных, Е. Иванова-Быховская в своей книге также утверждает, что Тургенев посетил Карлсбад дважды: первый раз в 1874 г. и второй раз в 1875 г.[1] Более точные сведения приведены в статье А. Бема, где указано, что русский писатель впервые приехал на этот курорт в 1873 г.[2] Вслед за А. Бемом и А. В. Флоровский упомянул, что в Карлсбаде Тургенев бывал в 1873, 1874 и 1875 гг.[3] И А. Бему, и А. В. Флоровскому несомненно были известны письма Тургенева 1873 г., отправленные писателем из Карлсбада. Это прежде всего письмо к брату, Н. С. Тургеневу, от 12 (24) июня, которое было опубликовано еще в 1885 г.[4] Позднее появились в печати письма

---

[26] A. Parménie et C. Bonnier de la Chapelle. Histoire d'un éditeur et de ses auteurs. P.—J. Hetzel (Stahl), Paris, 1953, стр. 513.

[1] Е. Иванова-Быховская. Петр Великий в Карловых Варах. Прага, 1946, стр. 33.

[2] A. Bem. Russische Schriftsteller in Karlsbad. «Germanoslavica», 1935, Jahrgang III, Heft 3—4, стр. 391—392. — За указание на эту статью приношу благодарность К. Найдлю (Карловы Вары).

[3] А. В. Флоровский. Русские в Марианских Лазнях. Прага, 1947, стр. 49.

[4] «Русская старина», 1885. № 9, стр. 505.

к П. Л. Лаврову от 16 (28) июня,[5] к П. В. Шумахеру[6] и А. Ф. Онегину[7] от 22 июня (4 июля) 1873 г. и др.

Прпехав в Карлсбад впервые в 1873 г., Тургенев остановился сначала в отеле «Österreichischer Hof» («Австрпйский двор»; дом этот не сохранился до нашего времени), а затем переехал в отдель «König von England» («Английский король»; ныне в этом здании помещается Краеведческий музей) на Schlossberg'e (Замковая гора). Об этом доме мы уже упоминали выше. В X томе полного собрания писем И. С. Тургенева впервые опубликовано еще несколько писем, относящихся ко времени пребывания писателя в Карлсбаде летом 1873 г. Из письма Тургенева к Н. А. Кишинскому от 9 (21) июня становится известным, что, приехав на курорт накануне (т. е. 8 (20) июня)[8] для «радикального излечения» подагры, писатель предполагал остаться в Карлсбаде не менее шести недель.[9] Своей дочери, Полине Брюэр, он сообщал 11 (23) июня, что хотя «погода хорошая», но Карлсбад кажется ему «самым скучным местом, какое только есть на свете». «Впрочем, — добавлял Тургенев далее, — мне кажется, что поскучать нужно».[10] А уже в начале июля писатель, деятельно лечившийся, утверждал, что ему «здешние воды ‹...› помогают» — и настолько, что он может «даже ходить по горам» (письмо к Н. А. Кишинскому от 24 июня (6 июля) 1873 г.).[11]

Интересные подробности о пребывании Тургенева в Карлсбаде летом 1873 г. содержатся в воспоминаниях писательницы Е. В. Львовой. Мемуаристка встречалась с Тургеневым в Карлсбаде почти ежедневно. «Когда нога Ивана Сергеевича выздоровела, — вспоминает Е. В. Львова, — мы стали делать большие прогулки по живописным окрестностям Карлсбада, по расчищенным лесам и горам, его окружающим. Нам всё хотелось отыскать такую дорожку или хотя бы тропинку, которая не была бы нанесена на план Карлсбада и не занумерована...». Е. В. Львова упоминает далее о том, как Тургенев необычайно «картинно описывал природу». При этом собеседники его «решительно всё окружающее забывали», так как «речь его лилась без запинки, образная, красивая». В заключение автор воспоминаний указывает, что в Карлсбаде «бедного Тургенева преследовали разные корреспонденты газет».[12]

О визите, нанесенном русскому писателю одним из таких людей — неким американцем из Филадельфии, — рассказывается в воспоминаниях

---

[5] «Минувшие годы», 1908, № 8, стр. 22—23.

[6] *Центрархив, Документы*, стр. 80—81.

[7] «Недра», 1924, № 4, стр. 288—289 (с ошибкой в дате).

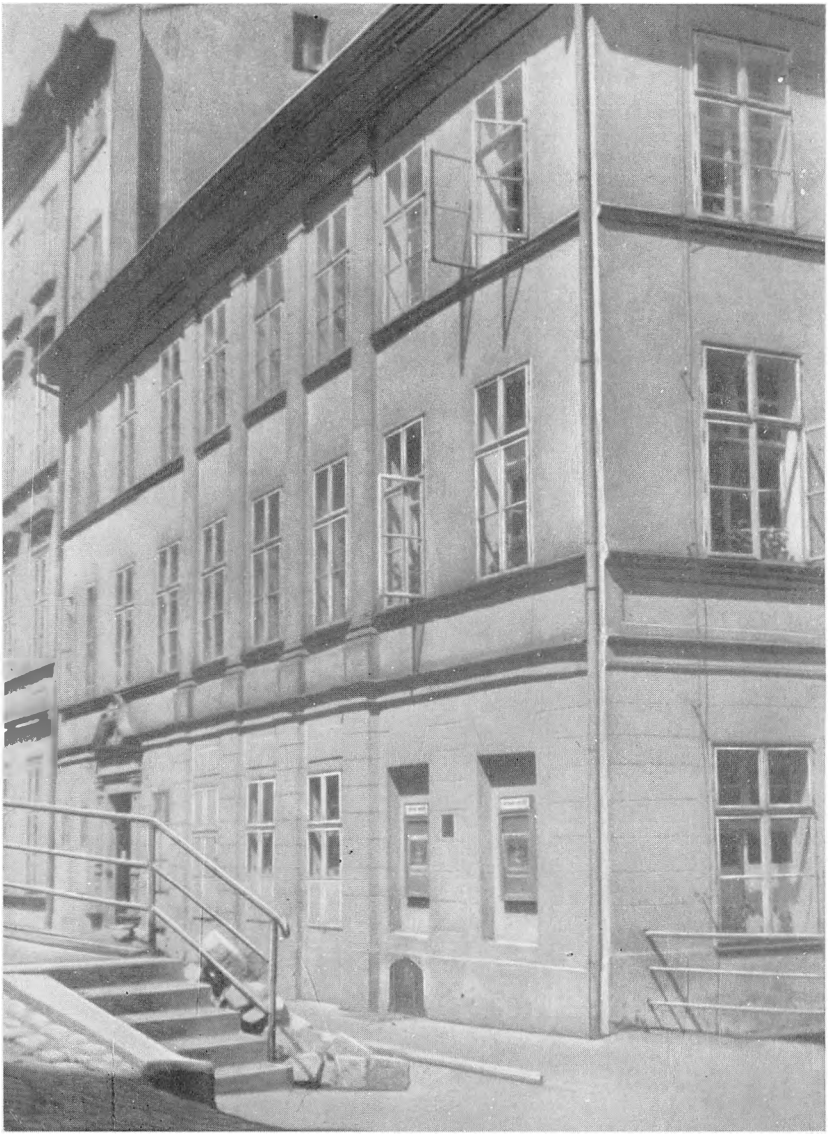
[8] В «Carlsbader Curliste» (1873, 24 июня, № 122) также значится, что Тургенев приехал в Карлсбад 20 июня. (За возможность ознакомиться с комплектами «Carlsbader Curliste» и «Marienbader Curliste» за 1873—1875 гг. приношу благодарность директору городского архива в Карловых Варах — М. Седлаку).

[9] *Письма*, т. X, стр. 113.

[10] Там же, стр. 114, 397.

[11] Там же, стр. 119.

[12] Е. В. Львова. Из воспоминаний об И. С. Тургеневе и его писем. «Новое время», 25 декабря 1910 (7 января 1911), № 12497.



Дом, в котором помещалась гостиница «König von England». Карлсбад. Здесь останавливался Тургенев в 1873—1875 гг. Фотография 1964 г.

Мемориальная доска на доме, в котором останавливался Тургенев в Карлсбаде в 1873—1875 гг.

приятеля Тургенева, Е. Я. Колбасина. По его свидетельству, американец уговаривал русского писателя ехать в Америку и там публично читать свои произведения, утверждая, что «имя Тургенева известно в Америке», что «Отцы и дети» там «получили популярность», потому что Базаров «родственный тип американцам...».[13]

В Карлсбаде Тургеневу в этот его приезд удалось составить маленькую русскую компанию, в которую входили Львовы, Е. Я. Колбасин, знаменитый певец-бас О. А. Петров с А. В. Топоровым[14] (который вскоре стал близким приятелем писателя), известный врач С. П. Боткин,[15] П. М. Грибовский с женой,[16] Ю. П. Вревская[17] (она лечилась в Мариенбаде и оттуда приезжала в Карлсбад к Тургеневу). Когда один из его друзей (Грибовский) уже покинул Карлсбад, Тургенев сообщал ему 30 июня (12 июля): «А здесь всё по-прежнему: Шлоссбрун, Пуп, обед с Клокачевым, Giesshübel, музыка и т. д.».[18] Из этого письма видно, что еще в 1873 г. Тургенев пил воду из карлсбадского источника Шлоссбрунн[19] (им же пользовался он и в последующие свои приезды в Карлсбад — в 1874 и в 1875 гг.).

Упоминаемый в письме Пупп — личность весьма известная в Карлсбаде того времени. Это один из трех братьев — владельцев карлсбадских отелей, кофеен и ресторанов (по-видимому, Heinrich Pupp),[20] у которого Тургенев много раз обедал, часто в обществе П. И. Клокачева, кавалерийского полковника из Петербурга.[21]

Будучи знатоком и любителем музыки, писатель имел в Карлсбаде все возможности ежедневно наслаждаться ею: уже тогда в карлсбадской

---

[13] Е. Колбасин. Из воспоминаний об И. С. Тургеневе. «Одесский вестник», 1885, 9 (21) мая, № 103. — См. также: Н. А. Островская. Воспоминания о Тургеневе. *Тургеневский сб. (Пиксанов)*, стр. 102.

[14] О. А. Петров и А. В. Топоров приехали в Карлсбад 8 июля («Carlsbader Curliste», 1873, 12 июля, № 157). Впоследствии, 25 мая (6 июня) 1875 г., Тургенев писал А. В. Топорову из того же Карлсбада: «Поклонитесь от меня Петрову и скажите ему, что, проходя по площади и посматривая на домик, в котором он жил, я вспоминаю о нем» (*Письма*, т. XI, стр. 87). См. также: Н. А. Островская. Воспоминания о Тургеневе. *Тургеневский сб. (Пиксанов)*, стр. 102.

[15] О приезде в Карлсбад 11 июля С. П. Боткина см.: «Carlsbader Curliste», 1873, 15 июля, № 165.

[16] П. М. Грибовский и его жена Наталия Александровна (впоследствии, по второму мужу, — Островская) прибыли в Карлсбад 25 мая (там же, 29 мая, № 71). Об их встречах с Тургеневым в Карлсбаде в 1873 г. см.: Н. А. Островская. Воспоминания о Тургеневе, стр. 76—110.

[17] 1 (13) июля 1873 г. Тургенев писал П. В. Шумахеру: «Юлию Петровну Вревскую я тоже давно не видал. Она была здесь близко, в Мариенбаде — да уехала в Эмс» (*Письма*, т. X, стр. 124).

[18] Там же, стр. 120.

[19] Ныне Zámecky Pramen (источник № 3).

[20] Генрих Пупп умер в 1931 г. на 81-м году жизни и похоронен на местном кладбище.

[21] О приезде в Карлсбад П. Клокачева 5 июня см.: «Carlsbader Curliste», 1873, 9 июня, № 89.

галерее [22] и в других местах курорта постоянно устраивались концерты.

Что же касается Giesshel'я, то данным письмом устанавливается факт посещения Тургеневым этого живописного курорта, расположенного на восток от Карлсбада, в долине реки Эгер.[23]

12 (24) июля 1873 г. Тургенев уехал из Карлсбада.[24] В последние дни своего пребывания на курорте он «часто и много видался с Любке» (см. письмо к Л. Пичу от 20 июля (1 августа) 1873 г.,[25] в котором об этом говорится). «Это приятный человек!», — так характеризует здесь Тургенев немецкого историка искусств Вильгельма Любке.

В 1874 г. Тургенев приехал в Карлсбад 22 или 23 июля (3 или 4 августа).[26] Сообщая об этом П. В. Анненкову, он указывал далее: «Я еще до сих пор калека, едва ползу с помощью двух палок — а два дня тому назад ходил на костылях — у меня в первый раз сделалась подагра в обеих ногах. Надеюсь, однако, здесь поправиться — и с завтрашнего дня начинаю лечение» (письмо от 24 июля (5 августа) 1874 г.).[27]

Остановился Тургенев по-прежнему в «König von England». «Комнаты у меня две порядочные», — сообщал он Н. С. Тургеневу, добавляя, что завтра начинает «пить Шлоссбрунн» (письмо от 24 июля (5 августа) 1874 г.).[28] Однако на этот раз Тургеневу очень не повезло в Карлсбаде. «Погода здесь мерзейшая», — писал он Е. И. Рагозину 6 (18) августа, указывая, что опять подагра нагрянула на него «с новой силой, прекратила лечение и еще теперь... не совсем выпустила из когтей».[29]

Владельцы карлсбадского отеля «König von England», супруги Теллер, имея в виду, очевидно, как раз это пребывание Тургенева в Карлсбаде (в 1874 г.), рассказывали, что русский писатель «всегда был очень серьезен, особенно в один из его приездов, когда он большую часть времени проводил в постели, а в остальное время с трудом передвигался на костылях».[30]

Было бы, однако, ошибочно думать, что Тургенев ничем не занимался во время этого приезда на курорт. Из его письма к А. П. Философовой

[22] Первая деревянная колоннада Карлсбада (около источников) была построена в 1831 г.; к 1876 г. она была заменена стеклянной и железной конструкциями (см.: Лео Мотька и коллектив. По самым красивым местам Чехословакии. Praha, 1962, стр. 39). Следовательно, во время трех приездов Тургенева в Карлсбад строительство галереи еще не было окончательно завершено.

[23] См.: Ф. Ф. Затлоукал. Курорт Карлсбад и его целебное значение. Карлсбад, 1897, стр. 79.

[24] 11 (23) июля 1873 г. писатель сообщал А. Ф. Онегину: «Я завтра уезжаю в Париж» (*Письма*, т. X, стр. 126).

[25] Там же, стр. 127, 400.

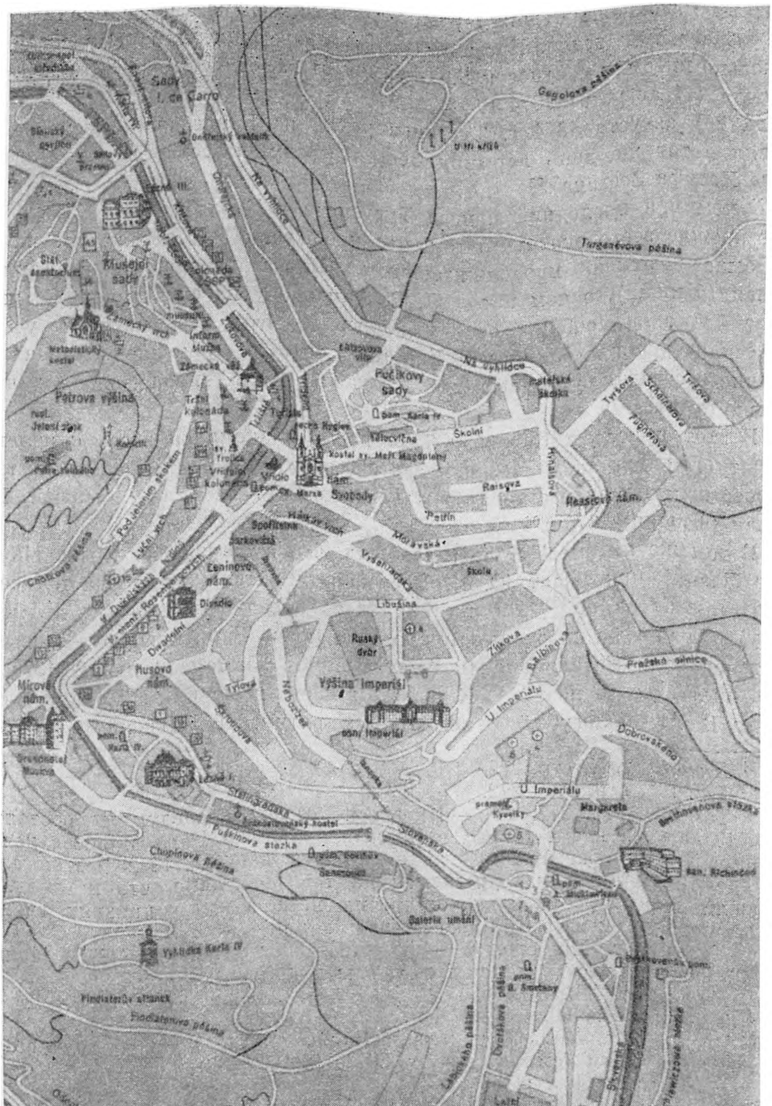
[26] Ср. «Carlsbader Curliste» (1874, 10 августа, № 220), где указано, что Тургенев приехал в Карлсбад 6 августа.

[27] *Письма*, т. X, стр. 266—268.

[28] Письма, т. X, стр. 268. — Супруги Теллер ошибочно утверждали, что Тургенев «занимал в первом этаже (...) дома маленькую комнату» (см.: А. Ф. Гаттер. Россия в Карлсбаде. Карлсбад, 1902, стр. 71—72).

[29] Там же, стр. 274.

[30] А. Ф. Гаттер. Россия в Карлсбаде, стр. 72.



План Карловых Вар (б. Карлсбад) и окрестностей. Вверху справа — тропа Тургенева и тропа Гоголя. 1964 г.

от 6 (18) августа 1874 г.[31] из Карлсбада известно, что он сумел просмотреть здесь портфель, присланный его корреспонденткой и содержавший разнообразные материалы и документы, характеризующие (по ее мнению) «новых людей» 70-х годов. Кроме того, Тургенев написал из Карлсбада еще несколько писем, в частности Г. Джеймсу от 29 июля (10 августа) и Э. Золя 30 июля (11 августа) 1874 г.[32]

14 (26) августа 1874 г. Тургенев уехал из Карлсбада, о чем он уведомлял в тот же день Гермину Зеегеи (жену известного карлсбадского врача Иосифа Зеегена).[33]

Вспоминая последний приезд Тургенева в Карлсбад (в 1875 г.), следует прежде всего сказать о том, что пребывание его на курорте на этот раз было довольно продолжительным. Писатель прибыл в Карлсбад 24 мая (5 июня), о чем писал П. В. Анненкову на следующий же день.[34] Далее Тургенев сообщал своему корреспонденту, что квартира у него «чудесная» (снова «König von England»), что он «немедленно начал свое лечение — сегодня уже выдул 3 стакана. Ноги — пока — ничего: что-то дальше будет?».[35]

В этот приезд в Карлсбад Тургенев познакомился здесь с немецким драматургом Густавом Мозером, автором комедий. Встречался он также с известным немецким писателем Генрихом Лаубе, о чем писал Л. Пичу 28 мая (9 июня) 1875 г.[36]

В том же письме Тургенев сообщал, что в Мариенбад (ныне Марианские Лазни) приезжает Ю. П. Вревская. «Вероятно, мне удастся ее повидать», — писал он.[37] «Из русских здесь обрел Толстых (А. К. и его жену), Соллогуба и очень милую княгиню Барятинскую», — указывал Тургенев в другом письме (к Анненкову от 25 мая (6 июня) 1875 г.).[38] Речь идет здесь о поэте А. К. Толстом и его жене С. А. Толстой,[39] о писателе В. А. Соллогубе[40] и кн. М. А. Барятинской.[41] Вскоре в Карлсбад

---

[31] *Письма*, т. X, стр. 275—276.

[32] Там же, стр. 270—272.

[33] Там же, стр. 277, 448. — Интересно отметить следующее обстоятельство. 19 августа н. ст. 1874 г. в Карлсбад приехал Карл Маркс с дочерью Элеонорой (см.: «Carlsbader Curliste», 1874, 22 августа, № 238) и поселился в отеле «Германия», находившемся на той же улице, что и отель «Английский король», буквально напротив него. Однако никаких сведений о встречах Тургенева с К. Марксом не имеется.

[34] *Письма*, т. XI, стр. 85. — В «Carlsbader Curliste» (1875, 11 июня, № 102) указано, что Тургенев приехал на курорт 6 июня 1875 г.

[35] *Письма*, т. XI, стр. 85.

[36] Там же, стр. 89.

[37] Вревская сначала приехала в Карлсбад, где неоднократно встречалась с Тургеневым (см. *Письма*, т. XI, стр. 106, 139).

[38] *Письма*, т. XI, стр. 85.

[39] Толстые приехали в Карлсбад 7 июня (см.: «Carlsbader Curliste», 1875, 12 июня, № 105).

[40] Соллогуб прибыл туда 3 июня (там же, 7 июня, № 91).

[41] Извещение о приезде в Карлсбад 27 мая «супруги князя Виктора Барятинского» см.: «Carlsbader Curliste», 1875, 2 июня, № 77. — Речь идет о Марии Аполлинариевне Барятинской (урожд. Бутеневой). См. о ней: А. П. Бутенев. Воспоминания. «Русский архив», 1883, I, стр. 62; Е. Н. Нарышкина. Мои воспоминания. СПб., 1906, стр. 311—312 и др.

приехал брат писателя, Н. С. Тургенев,[42] который поселился в том же доме; Тургенев сообщал об этом Анненкову 8 (20) июня 1875 г. «Пьем мы оба усердно воду — и, кажется, она нам помогает», — добавлял он.[43]

По-видимому, лечение действительно приносило пользу, так как вскоре Тургенев смог заняться творческой работой. К. Головин, рассказывая о своих встречах с Тургеневым в Карлсбаде летом 1875 г., упоминает, что писатель «занят большим романом, далеко еще не конченным», — это была «Новь».[44] А А. К. Толстой в письме к жене (она вскоре уехала из Карлсбада) сообщал 2 (14) июня, что Тургенев в гостях у Зеегенов рассказывал «сюжет своей новой повести, вполовину написанной, которая называется „Часы“».[45]

По инициативе Тургенева и А. К. Толстого в Карлсбаде 1 (13) июля был устроен «русский литературный вечер в пользу бедных погорельцев в Моршанске».[46] Пупп[47] бесплатно предоставил залу для благотворительного концерта и даже осветил ее за свой счет. Карлсбадская полиция сначала отнеслась к затее русских писателей с явным неодобрением. Однако разрешение было наконец получено, и концерт прошел с большим успехом. Все билеты на него были распроданы; приехали многие даже из соседних курортов — Мариенбада и Франценсбада (ныне Франтишковы Лазни).[48]

Тургенев читал на этом концерте два рассказа из «Записок охотника» — «Льгов» и «Живые мощи», а А. К. Толстой — баллады «Алеша Попович», «Змей Тугарин» и стихотворение «Грешница». Музыкальная часть состояла из увертюры к опере А. Г. Рубинштейна «Дмитрий Донской» и заключительной части «Камаринской» М. И. Глинки.[49]

На другой день после этого благотворительного концерта, 2 (14) июля 1875 г., Тургенев уехал из Карлсбада[50] и никогда уже больше не приезжал на этот курорт.

В современных Карловых Варах о нем напоминает не только дом с мемориальной доской, о котором говорилось выше, но и так называемая «тропа Тургенева» (она нанесена на карты) в лесу, на одной из гор, неподалеку от «выглядки» (вышки) В. Гете.

Л. И. Назарова

---

[42] «Carlsbader Curliste», 1871, 25 июня, № 136.

[43] *Письма*, т. XI, стр. 94.

[44] К. Головин. Мои воспоминания, т. I. СПб., 1908, стр. 283.

[45] А. К. Толстой, Собрание сочинений в четырех томах, т. 4, Гослитиздат, М., 1964, стр. 448.

[46] «Русский мир», 1875, 8 (20) июля, № 93.

[47] Концерт происходил в Puppschen Café-Salon (см.: A. Bem. Russische Schriftsteller in Karlsbad, стр. 392).

[48] См. письмо А. К. Толстого к жене от 2 (14) июля 1875 г. (Собрание сочинений..., т. 4, стр. 451).

[49] «Голос», 1875, 6 (18) июля, № 185.

[50] См. письмо к А. В. Топорову от 28 июня (10 июля) 1875 г. (*Письма*, т. XI, стр. 100).

ТУРГЕНЕВ И «РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА» М. М. СТАСЮЛЕВИЧА

10 (22) марта 1874 г. М. М. Стасюлевич писал Тургеневу, посылая ему первый том «Русской библиотеки»: «Посмотрите и сообщите мне Ваше мнение о моем предприятии и о первом его шаге. Один из следующих томов должен называться: „И. С. Тургенев". Что Вы скажете на этот счет? Вель не откажете же мне, так как в сущности дело идет о народном издании, какого у нас еще не было: том — 75 копеек!».[1]

Издание «Русская библиотека» Стасюлевич основал «с главною целью сделать общедоступными произведения наших великих и лучших писателей в извлечениях из них того, что наиболее составляет их славу и вместе сможет оказывать самое просветительное влияние на умы читателей».[2]

Начиная с 1874 г. вышло в свет девять выпусков «Русской библиотеки»: «А. С. Пушкин», «М. Ю. Лермонтов», «Н. В. Гоголь», «В. А. Жуковский», «А. С. Грибоедов» (составившие первую серию издания), затем «И. С. Тургенев», «Н. А. Некрасов», «М. Е. Салтыков-Щедрин», «Граф Л. Н. Толстой». Некоторые выпуски («М. Ю. Лермонтов», «В. А. Жуковский» и «А. С. Грибоедов») имели по два издания.[3]

Во вступительной статье к первому выпуску, посвященному А. С. Пушкину, Стасюлевич познакомил читателей с общим планом издания, которое должно было стать «посредствующим звеном между полными изданиями и чисто учебными хрестоматиями».[4]

Каждый том открывался портретом писателя, затем шел краткий биографический очерк, выдержки из критических статей Белинского о творчестве писателя (в сборниках первой серии) и далее сами произведения, расположенные либо по отделам, либо в хронологическом порядке. Отбирал произведения преимущественно сам Стасюлевич, который стремился включить в издание лучшее из созданного каждым писателем, руководствуясь в то же время принципами, положенными в его основание, — общедоступность и «просветительство». Отбор произведений для «Русской библиотеки» был осуществлен удачно в соответствии с целями издания. Так, в одной из рецензий на девятый выпуск («Граф Л. Н. Толстой»), опубликованной в журнале «Народная и детская библиотека» (1879, № 1), «удачный выбор из художественных произведений <...> знаменитого писателя» был отмечен как несомненное достоинство сборника, который

---

[1] *ИРЛИ*, 5778.XXXб.68а.

[2] Авторская копия письма Стасюлевича от 18 апреля ст. ст. 1874 г. к наследникам Н. В. Гоголя: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, ед. хр. 79.

[3] См. рецензии на отдельные тома «Русской библиотеки»: «Голос», 1874, 4 января, № 4; «Биржевые ведомости», 1874, 19 мая, № 133; «С.-Петербургские ведомости», 1874, 16 марта, № 74, и 28 сентября, № 267; «Вестник Европы», 1874, № 6; «Дело», 1874, № 12, и др.

[4] А. С. Пушкин. Медный всадник. Борис Годунов. Полтава. Евгений Онегин. Русалка. Галуб. Братья-разбойники. Песни, сказки, проза. «Русская библиотека», т. I, СПб., 1874, стр. III.

«можно рекомендовать для всех ученических библиотек среднеучебных заведений» ввиду полной доступности его содержания. «Русская библиотека» не преследовала никаких коммерческих целей. Стасюлевич лишь покрывал расходы по изданию, которое осуществлялось на основе договоров, заключаемых им с лицами, имевшими право собственности на издание собраний сочинений того или иного писателя (см., например, его переписку и договор, заключенный с Ф. В. Чижовым, издателем сочинений Н. В. Гоголя, действовавшим от имени наследников писателя).[5]

Тургенев принял предложение участвовать в «Русской библиотеке». «Для меня, — писал он Стасюлевичу 15 (27) марта 1874 г., — было бы большою честью попасть в эту библиотеку — и я с своей стороны даю Вам всевозможные уполномочения; но, я полагаю, в этом вопросе решающий голос принадлежит не мне, а Ф. И. Салаеву, московскому книгопродавцу, которому я продал новое издание моих сочинений. Надо будет обратиться к нему».[6] После переговоров с Салаевым, в котором он «не нашел никакой оппозиции», писатель сообщил Стасюлевичу о том, что все дальнейшие дела он должен вести с самим Салаевым. Что же касается его, Тургенева, условий, то он отказывается от какого-либо вознаграждения, так как сочувствует делу Стасюлевича.[7]

В архиве Стасюлевича сохранился любопытный документ, касающийся издания тургеневского тома «Русской библиотеки», — договор, заключенный Ф. И. Салаевым со Стасюлевичем о публикации последним произведений Тургенева в предпринятом им издании; договор был отправлен Стасюлевичу вместе с сопроводительным письмом, в котором Салаев сообщал о своем согласии «уступить право на издание некоторых повестей из сочинений И. С. Тургенева ‹...› в „Русской библиотеке“». Вот текст этого договора (с сохранением некоторых особенностей орфографии):

«1875 года мая 18 дня, я, нижеподписавшийся московский книгопродавец Федор Иванов Салаев, согласен уступить Михайле Матвеевичу Стасулевичу из принадлежащего мне права на издание „Сочинений И. С. Тургенева“ выбор из его сочинений до 25-ти печатных листов в издаваемой им „Русской библиотеке“ для напечатания в количестве пяти тысяч экз‹емпляров› и если на это будет получено г. Стасулевичем согласие Ивана Сергеевича Тургенева на следующих условиях:

1-е. Г. Стасулевич может сделать выбор из всех „Сочинений И. С. Тургенева“ до 25-ти печатных листов и напечатать их в 6-ом томе издаваемой им „Русской библиотеки“ в количестве пяти тысяч экз‹емпляров›.

2-е. По выходе шестого тома „Русской библиотеки“ Г. Стасулевич из первых проданных экз‹емпляров› должен будет выручить весь затраченный им капитал на издание сего тома (который примерно полагается до двух тысяч рублей) и по выручке затраченного капитала остальные экз‹емпляры› должен передать нам — Тургеневу и Салаеву безденежно.

---

[5] ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, ед. хр. 79.
[6] *Письма*, т. X, стр. 213.
[7] Там же, т. XI, стр. 71.

3-е. Полученные нами экземпляры 6-го тома „Русской библиотеки" мы должны продавать не дороже семидесяти пяти копеек, а книгопродавцам и Г. Стасулевичу, если бы ему потребовалось, по шестидесяти копеек.

Московский книгопродавец Федор
Иванов Салаев».[8]

Копию договора Салаев послал также и Тургеневу для письменного его подтверждения. Тургенев в свою очередь переслал утвержденный им экземпляр контракта[9] Стасюлевичу;[10] Стасюлевич сразу же приступил к составлению сборника.

При этом он считал целесообразным предоставить выбор произведений самому писателю. Однако для Тургенева это оказалось затруднительным: «Несмотря на мое желание, я не могу исполнить Вашу просьбу — и отметить карандашом те из моих сочинений, которые следовало бы выбрать. Это дело постороннего глаза — тут надо поступать объективно — а это самому автору невозможно. До сих пор Ваш выбор был удачен; не сомневаюсь, что он и впредь будет таковым».[11] Предположение писателя оправдалось. «...выбор Ваш для 6-го тома народной библиотеки вполне одобряю, — писал он Стасюлевичу 13 (25) июля 1875 г., — мне кажется, всего в меру и как следует».[12] Стасюлевич включил в шестой том «Русской библиотеки» ряд рассказов из «Записок охотника», первые главы из «Рудина», «Аси», отрывки из «Дворянского гнезда» (Лаврецкий, Лиза — главы VIII—XV, XXXV), «Отцов и детей» (приезд Базарова к Кирсановым — главы I, II, IV, V, X, XI), «Дыма» (первая встреча Литвинова с Потугиным — главы I—V).

Непосредственное участие Тургенева в создании шестого тома «Русской библиотеки» выразилось в том, что он явился автором помещенного там биографического очерка. В упомянутом выше письме к Стасюлевичу от 13 (25) июля 1875 г. писатель сообщал о том, что «к 1-му числу августа <...> автобиографический очерк будет готов».[13] Закончил он его 15 (27) августа. Очерк был напечатан с небольшой редакторской правкой Стасюлевича. Он же сделал две вставки из «Литературных и житейских воспоминаний» («Литературный вечер у П. А. Плетнева» и «Вместо вступления»).[14]

Шестой том «Русской библиотеки» вышел в свет в самом начале 1876 г. «Вчера прибыли экземпляры „Русской библиотеки", которые будут розданы по назначению, — писал Тургенев Стасюлевичу 1 (13) января 1876 г. — Издание вышло очень красивое».[15]

[8] *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, ед. хр. 1263.

[9] Этот экземпляр также хранится в архиве Стасюлевича (*ИРЛИ*, шифр, указ. в прим. 8). Нижняя часть листа с автографом И. С. Тургенева отрезана.

[10] *Письма*, т. XI, стр. 87.

[11] Там же, стр. 95.

[12] Там же, стр. 104. У Тургенева ошибочно: 5-го тома.

[13] Там же.

[14] См.: «Русские пропилеи», т. 3, М., 1916, стр. 329.

[15] *Письма*, т. XI, стр. 188.

После тургеневского тома «Русской библиотеки» Стасюлевич выпустил еще три сборника; последний («Граф Л. Н. Толстой») появился в 1879 г.

В связи с выходом в свет девятого тома «Русской библиотеки» появилась подробная рецензия на это издание в «Русской правде» (1879, 13 (25) января, № 12). Прежде всего рецензент отметил как недостаток издания то, что, отводя творчеству каждого писателя, независимо от числа написанных им произведений, приблизительно равное число печатных листов, издатель не смог представить достаточно полно творчество таких художников слова, как например Пушкин, Гоголь, Тургенев. «Достоинство же „Русской библиотеки“ и достоинство несомненное, — писал далее критик, — состоит в тщательном выборе помещаемого в ней материала». Сама идея предприятия Стасюлевича и его цель не представлялись автору рецензии интересными и значительными; на самом же деле издание «Русской библиотеки» несомненно принадлежит к числу прогрессивных явлений общественно-литературной жизни России 70-х годов.

И. С. Чистова

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ КРЕСТЬЯН О ТУРГЕНЕВЕ

I

Опубликованные воспоминания о Тургеневе, затрагивающие самые разные стороны его жизни и литературной деятельности, содержат сравнительно немного сведений об отношениях писателя с простым народом, с представителями низших слоев современного ему русского общества. Вот почему особый интерес представляют те еще ни разу не издававшиеся или же прочно забытые мемуары, которые в какой-то степени восполняют этот пробел.

В архиве Музея И. С. Тургенева в г. Орле и в других хранилищах страны имеется несколько воспоминаний крестьян, бывших крепостных автора «Записок охотника». Целый ряд записей такого рода был сделан В. М. Викторовой, ближайшей помощницей и преемницей первого заведующего Тургеневским музеем в Орле — М. В. Португалова. Она собрала «около дюжины воспоминаний»,[1] иные из которых имели законченный и цельный характер, другие же представляли собой отрывочные фрагменты. К сожалению, не все они пока обнаружены. Но те, что уцелели, обладают одной характерной, общей для всех чертой: в них выражается чувство глубокого уважения и благодарности крестьян к Тургеневу за его гуманность и доброту.

«Хороший был человек, нечего и говорить, — вспоминала крестьянка Чернского уезда Тульской губернии Екатерина Александровна Курская. — Лесу давал, как приедет, десятины по две <...> Иван Сергеевич был

[1] *Музей Тургенева*, инв. № 1468 н. ф.

седой, хороший, настоящий человек. Когда прошел слух, что он помер, все плакали, тужили».[2]

Бывшие крепостные Тургенева из принадлежавших ему жиздринских деревень, обращаясь к управляющему его имениями с просьбой о продаже земли, писали в 1877 г.: «Мы вполне надеемся на великодушие своего помещика, Ивана Сергеевича, которому мы и отцы наши всегда служили исправно и который не захочет обижать нас».[3] «Крестьяне любили Тургенева за его хорошее к ним отношение. Да и не одни крестьяне любили его», — рассказывала двоюродная сестра писателя, дочь его дяди Н. Н. Тургенева, Е. Н. Конусевич школьникам города Карачева в 1926 г.

«И. С. Тургенев, — вспоминала она, — несмотря на то, что все время вращался в свете, был очень стеснителен... Эта черта ярко подчеркивается в его поведении при свидании с крестьянами.

«В один из приездов его в имение ему доложили, что пришли крестьяне и хотят его поздравить.

«В это время у Тургенева сидел отец ‹Е. Н. Конусевич — Н. Н. Тургенев›. Иван Сергеевич стал упрашивать дядю, чтобы тот пошел побеседовать с крестьянами, но тот не соглашался, и наконец они пошли вместе. Вышли на балкон. Тургенев все время старался быть сзади и подталкивал вперед дядю, а когда ему пришлось отвечать на приветствие крестьян, он до того растерялся, что говорил даже несвязно. И, раздав щедро деньги, поспешно ушел».[4]

Смерть писателя глубоко опечалила его многочисленных друзей и знакомых из среды простого народа, куда хотя и с большим трудом, но все-таки просачивались сведения о его общественно-литературных заслугах и творческом пути. «А в люди Тургенев вышел через Белинского, — рассказывал один знакомый автора „Записок охотника“, подрядчик, — тоже важный, знаменитый был сочинитель. Довелось ему однажды какое-то письмо Тургенева прочесть, приятели дали; ну, он и говорит: „Из этого молодого человека толк будет“. И дал ему ходу. Вскоре Тургенев и написал свою книгу о крестьянах ‹...›. А как умер Иван Сергеевич ‹...› его в Петербург привезли, там и хоронили. За гробом тысячи народу шли. Вот все равно как Скобелева хоронили, так и его. И написал он в духовной: „Положите меня рядом с Белинским“. Так и сделали...»[5]

---

[2] *Музей Тургенева*, инв. № 1468 п. ф. — О благотворительной деятельности писателя см.: М. Нарыков. И. С. Тургенев и крестьяне. *Тургенев, Сб. (Бродский)*, стр. 61—65.

[3] ЦГАЛИ, ф. 509, оп. 1, ед. хр. 138, л. 1 об. См. ниже, стр. 300.

[4] *Музей Тургенева*, инв. № 2638 о. ф. — Этот рассказ Е. Н. Конусевич («Несколько картинок из жизни И. С. Тургенева»), которым она поделилась в беседе со школьниками города Карачева, примыкает к ее неопубликованным воспоминаниям о писателе, хранящимся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ф. № 306 (И. С. Тургенев), картон 3, ед. хр. 12). Оба документа представляют несомненный интерес и заслуживают полной публикации.

[5] С. Б. Рассказ подрядчика о Тургеневе. «Орловский вестник», 1897, 30 апреля, № 112.

Об искренней скорби простых людей, вызванной смертью Тургенева, сообщал из Спасского-Лутовинова Н. А. Щепкин в письме к своей жене: «Спасские и Кальнские крестьяне собрали 35 руб. и просили меня купить на эти деньги венок и положить на гроб Тургенева... В Спасском все очень горюют...».[6]

Со смертью Тургенева прекратились те благодеяния, о которых пользовавшиеся ими крестьяне долго не могли забыть. «Бывало, как поедем на вокзал встречать Ивана Сергеевича, — вспоминал его кучер Василий Николаевич Серебряков, — возьмешь по-деревенски десяток яиц и поклонишься барину, а он сейчас тебе пять или шесть рублей вынимает... Ох, добрый он был человек, и особенно к крестьянам, — сколько лесу передавал: кому починить, кому вовсе на новую избу!.. Бал затеет, бывало, для крестьян в своем саду. Накупит пряников, вина поставит, бабы песни играют... Показывал бабам костюмы женские и уборы, какие за границей, а от нас брал наши за границу показывать ‹...›. Иван Сергеевич, — нечего греха на душу брать, — хороший был барин. И любил он меня, царство ему небесное... Под конец его жизни жил я в Подберезовой. Как приедет, бывало, из-за границы, сейчас же спрашивает: „А где Василий? Пошлите за Василием“. Приду. Поклонюсь. А он мне: „Мы с тобой, — говорит, — Василий, хоронить друг дружку станем!» А вот привел ему бог не в своей земле помереть, а я вот таскаюсь один...»[7]

Дочь В. Н. Серебрякова подарила Государственному музею И. С. Тургенева «вольную» своего отца, выданную ему Н. Н. Тургеневым по доверенности писателя в январе 1862 г. Приводим полностью по подлиннику, хранящемуся в музее, этот документ, относящийся к переходному времени, установленному «Положением» 19 февраля 1861 г. о «временно-обязанных» помещичьих крестьянах и дворовых: «1862 года января ‹25› дня я нижеподписавшийся помещик Орловской губернии Мценского уезда, коллежский секретарь Иван Сергеев Тургенев выдал сей увольнительный акт, на основании Высочайше утвержденного в 19 день февраля 1861 года Положения об устройстве дворовых людей, дворовому человеку Василию Николаеву с женою его Натальею Тимофеевой, и с детьми их сыновьями, Семеном, Андрианом и Порфирием Васильевыми, писанным по последней 10-ой народной переписи при имении моем в селе Спасском означенного уезда, по желанию и просьбе его, Николаева, в том, что увольняю их вовсе от обязательных ко мне отношений, предоставляя ему, Николаеву, полное право приписаться к какому-либо обществу по его избранию, на свое содержание дозволенными средствами, какие найдет для себя выгоднее или полезнее, почему он и обязан предъявить сей акт для засвидетельствования господину мировому посреднику ‹...› во удостоверение всего вышепрописанного свидетельствую моею подписью с приложением печати герба моего ‹...› Генваря 25-го дня 1862 года». В удостоверен-

---

[6] *Музей Тургенева*, инв. № 321.

[7] Эр. Залетный. И. С. Тургенев и русское общество. Встреча с современником И. С. Тургенева. «Русское слово», 1908, 6 (19) марта, № 55. — См. также: К. Н. Из случайных встреч. «Орловский вестник», 1903, 22 августа, № 224.

ной печатью приписке к этому документу сказано: «Означенный в сем акте дворовой человек Василий Николаев при опросе показал, что он увольняется по собственному желанию, по ремеслу кучер, никогда не находился при обработке пахотных полей».[6]

Увольнительный акт спасско-лутовиновского кучера В. Н. Серебрякова служит достоверным подтверждением воспоминаний его дочери, П. В. Домариной, записанных с ее слов в городе Мценске в 1937 г. Этот еще не публиковавшийся мемуарный источник дает несколько дополнительных черт к характеристике отношений писателя с крестьянами, а также степени его близости к русскому простонародному быту.

«Мой отец Василий Николаевич Серебряков служил в Спасском-Лутовинове у И. С. Тургенева кучером. Он сам из крепостных Ивана Сергеевича, остался сиротой от отца и матери 9 лет, его взяли на конюшню подметать, подстилать солому ‹. . .› потом стал кучером ‹. . .›

«Был кучером еще при старой барыне Варваре Петровне.

«Когда Иван Сергеевич стал хозяином, ездил с ним. Иван Сергеевич очень любил моего отца и дал ему вольную. ‹. . .›

«Я хорошо помню отца. Он умер, когда мне было за 20 лет. Когда помер Иван Сергеевич, отца моего уволили. После смерти Тургенева он жил по частным господам.

«Про Ивана Сергеевича рассказывал, что очень был хороший для них барин ‹. . .›

«Лошадей у Тургенева было не то две не то три тройки. Я помню названия двух лошадей: Васька и Каштан. Одна была серая в черных пятнах (Каштан), а Васька гнедой, большой был заводчик.

«Отец рассказывал, что как приехать Ивану Сергеевичу, он писал арендатору, что приеду такого числа месяца, и выезжал отец за ним тройкою или четверней, во Мценск, на станцию. Все было подобрано: армяк, шляпа с павлиньим пером, сбруя наборная серебряная, или набор медный, пролетка. Иван Сергеевич любил, чтобы все было в порядке.

«Лошадей Иван Сергеевич очень любил, заходил сам в конюшню, смотрел, как лошади стояли в денниках. Когда ездил на охоту, ездил в тележке с отцом.

«Еще отец рассказывал, что когда Иван Сергеевич приезжал из-за границы, то бывало, когда подъедут к деревне, то отец пускает лошадей шагом и едут тихо. А крестьяне выносят перед домом каждый ковригу хлеба и солонку соли и ставят на столы, и каждые семьями становятся подле своего стола, кланяются и поздравляют с приездом. А Иван Сергеевич кланяется им. Дня два или три проходит, когда он отдохнет с приезда, он собирает дворню, женщин и мужчин. А до того с Петровского хутора, где было хозяйство арендатора, посылалась лошадь в Мценск за пряниками и за всем, что нужно, ленточками, платочками. Так все он собирал бал для крестьян. А дворовые женщины всего напекут и наварят. После бала приходят мужички и ему кланяются.

---

[6] *Музей Тургенева*, инв. № 209.

«— Иван Сергеевич, батюшка, у меня хата плохая.

«— Почему?

«— Да нет у меня сил выстроить.

«Он и дает записку в лес, у него были свои иструбы. Поезжай, бери. А другим давал денег на лошадей, коров. Он очень помогал крестьянам.

«Отец рассказывал, что Иван Сергеевич был добрый, не гнушался бедностью. Крестьян очень уважал. Когда он умер, все плакали и об нем жалели...» [9]

II

Крестьяне ценили не только личную доброту своего барина, обходившегося с ними как равный с равными. Они видели в нем также известного в России и за границей сочинителя, который, по словам его кучера, «волю предсказал».[10] Об этом хорошо рассказано в неопубликованных воспоминаниях о Тургеневе его бывшего крепостного Ардалиона Ивановича Замятина,[11] ставшего впоследствии сельским учителем. Он описал свои личные впечатления от двух встреч с Тургеневым, состоявшихся в 1870 и 1881 гг. Сведения об истории возникновения этих воспоминаний, написанных в 1924 г., а также об их авторе содержит подробное письмо его дочери в Государственный музей И. С. Тургенева, где ныне и хранятся оба этих документа (инв. № 5469 о. ф.)

«Я дочь Ардалиона Ивановича Замятина, который был учителем в Топковской земской школе и писал в музей воспоминания о двух встречах с Иваном Сергеевичем Тургеневым, — сообщает Анна Ардальоновна Замятина. — Учителем он был около сорока лет в Топках, потом жил на иждивении у дочерей и умер в 1945 году в Топках, дожив до глубокой старости. Его родители были крепостными И. С. Тургенева (мои дедушка и бабушка). Они были крепостными дворовыми, родились и жили в Спасском-Лутовинове, Мценского уезда Орловской губернии. Бабушка была

---

[9] П. В. Домарина. Воспоминания об И. С. Тургеневе. *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, ед. хр. 151. — В неопубликованных воспоминаниях А. П. Шнейдер приводится рассказ о том, как Тургенев тайком от матери выкупил на занятые деньги одного крепостного, который уехал за границу, а вернувшись оттуда, случайно оказался вместе с Варварой Петровной Тургеневой на балу. Помещица узнала его, «подозвала к себе и произвела скандал, говоря, что она не желает быть в одном зале со своим крепостным. Тот показал свою „вольную", случайно при нем оказавшуюся, а бывшее в зале дворянство стало на его сторону, тогда Тургенева сама поспешно и горделиво покинула зал» (А. П. Шнейдер. Дополнительно к воспоминаниям о Тургеневе. *ЦГАЛИ*, ф. 909, оп. 1, ед. хр. 2, л. 1). Рассказ Шнейдер документально ничем не подтвержден. Укажем здесь на один неопубликованный мемуарный источник о Тургеневе, хранящийся в том же архиве: И. Е. Цветков. Встреча с И. С. Тургеневым. *ЦГАЛИ*, ф. 904, оп. 1, ед. хр. 22. — Описываемая здесь встреча относится к 1874 г.

[10] Эр. Залетный. И. С. Тургенев и русское общество.

[11] Отрывок из этих воспоминаний, относящийся к «Запискам охотника», использован в статье: Б. В. Богданов. Орловский край в «Записках охотника» И. С. Тургенева. В кн.: «Записки охотника» И. С. Тургенева. (1852—1952). Сборник статей и материалов, Орел, 1955, стр. 291.

служанка в доме Тургенева, потом пряла лен, дедушка был сначала пастухом, потом выучился и стал хорошим ткачом в доме Тургенева. Он ткал льняные полотна. Белье из полотна, скатерти и салфетки, так хорошо вытканные моим дедом, И. С. Тургенев возил даже в Париж. Перед реформой моих дедушку и бабушку переселили в село Топки, Малоархангельского уезда, в деревню Лутовиново, где жили крепостные крестьяне Тургенева и был барский дом. Крепостная деревня Лутовиново досталась в наследство Варваре Петровне, матери писателя, от ее дяди, а потом после ее смерти перешла в наследство Ивану Сергеевичу. Мой дедушка и в Лутовиново ткал льняные полотна, а бабушка пряла. После реформы он был сторожем в барском лесу.

«Мой отец Ардалион Иванович Замятин родился крепостным в 1861 году, в январе, перед реформой. Детство его было тяжелое. Крепостные дворовые крестьяне до и после реформы жили в холодных барских избах по три больших семьи в каждой, освещались лучиной. Дворовые после реформы не получили земельного надела. Все же, будучи гуманным помещиком, Иван Сергеевич дал немного земли дворовым бесплатно для огородов, по 0.25 гектара на семью. Столько же земли получил и мой дедушка. Так как у него не было своей хаты, то он отправился со своим маленьким сыном, моим отцом, на лошади в Спасское-Лутовиново к Ивану Сергеевичу с просьбой продать для хаты старую баню, которая находилась в Лутовинове (Топках) при барском дворе. Просьба моего деда была удовлетворена. И это была первая встреча моего отца с писателем, о которой он писал в музей.

«Дочь конторщика, который жил при барском доме Тургенева, научила моего отца и других дворовых мальчиков грамоте и обнаружила у него большие способности, посоветовав ему продолжать учение. Так как у дедушки средств не было, то он отдал своего сына одному мещанину-прасолу в батраки в город Малоархангельск и устроил учиться в городском высшем начальном училище. Отец мой отлично учился и выполнял всякие домашние работы, будучи батраком. После окончания школы он готовился дома, выдержал экстерном экзамен на звание учителя в г. Орле и поступил учителем земской Топковской школы. Вторая встреча моего отца с Тургеневым была в 1881 году, когда он был уже учителем. Моему отцу хотелось поговорить с великим писателем, но он стеснялся, целый день простоял на крыльце барского дома и слушал разговор писателя с посетителями-крестьянами и его распоряжения. Были и просители-погорельцы. Иван Сергеевич дал им денег и лесу для постройки хат <...>

«О великом писателе у дедушки и бабушки осталось светлое воспоминание. Говоря о нем, называли его „батюшкой Иваном Сергеевичем". Рассказывали о том, что он был добрый барин, с дворовыми обращался хорошо, никого не бранил и в просьбах никому не отказывал. Когда жил в Спасском, то часто с утра до вечера работал в кабинете, все писал. Если ему что было нужно, он звонил, приходили слуги, подавали ему, выполняли то, что нужно, и он за все благодарил. После его смерти имение в Топках было продано (дом и земля). От усадьбы теперь не оста-

лось никакого следа. Но деревня, где был барский дом, жили крепостные Тургенева, и теперь называется Лутовиново. Там организовали колхоз имени Фрунзе.

«... Я, потомок крепостных писателя, 33 года работаю учительницей средней школы <...> учу и воспитываю в духе коммунизма нашу советскую молодежь».

Анна Ардальоновна Замятина, и выйдя на пенсию, не оставила своего благородного дела популяризации среди сельского населения произведений писателей-классиков, и в первую очередь Тургенева. Она свято берегла в своей памяти семейные предания о великом художнике слова, гуманисте и просветителе, щедро ими делясь со своими внимательными слушателями. «Тургенев, — говорила она, — видел в простом мужике прежде всего человека. Этим и дорог он был в нашей семье, да и для всех крестьян, которые его знали. Иван Сергеевич подчеркивал одаренность крестьян, ценил их труд <...> Мы всегда любили слушать рассказы отца о Тургеневе. Слушать готовы были без устали, вновь и вновь».[12]

Публикуемые с незначительными сокращениями «Мои личные воспоминания об Иване Сергеевиче Тургеневе» дают достаточно полное представление о том, что рассказывал своим детям о великом русском писателе его бывший крепостной, а затем сельский учитель в Тургеневском селе Топки — А. И. Замятин.

«Это было в 1870 году, летом, в мае или июне месяце. Деревня Лутовиново, где жили мои родители, принадлежала Тургеневу, отец мой, бывший дворовый, служил после освобождения крестьян в этом имении, вроде посыльного при бурмистре. Жили мы в огромной барской избе, где помещалось две семьи. Изба эта была холодная, и отец все время мечтал построить себе собственную избу, но денег не было, так как отец получал жалованья два рубля в месяц и месячину, т. е. отвеснук муку. Главное имение Тургенева — село Спасское, Мценского уезда, отстоящее от моего жительства немного более 100 верст. Когда стало известно, что Иван Сергеевич приехал из-за границы в Спасское, то отец решил ехать к нему и просить себе усадьбу (всем дворовым в Спасском были усадьбы вырезаны бесплатно) и, кроме того, узнать, не продаст ли барин ему небольшой флигелек, стоявший на барском дворе пустым.

«Бурмистр дал отцу лошадь с телегой, и мы поехали. Я так живо помню эту поездку, что мог бы рассказать мои все дорожные впечатления, но к делу это не относится.

«Приехали мы в Спасское вечером на другой день и остановились у дяди (родина моих родителей — Спасское, откуда они переведены были в Лутовиново незадолго до 1861 года). Помню, как мы были радушно приняты родственниками и как отец долго толковал с дядей, продаст ли барин ему флигелек? На другой день отец помолился перед образом и говорит: „Ну, сынок, пойдем к барину с тобой, может ты будешь счастлив!“ Мне сделалось жутко: живя в глуши, где никаких господ не

---

[12] Я. Волков. Народная память. Очерк. «Орловская правда», 1958, 13 сентября, № 180.

было, я слышал, как бабушка и мать, когда упоминали про барина, то даже тон голоса изменялся у них на почтительный, да еще говорили, что наш барин не такой, как другие господа, что он „сочинитель“ и что книжки его читают „по всему белому свету“ — поэтому я представлял его чуть ли не сверхъестественным существом.

«Дядя меня успокаивал, говорил, что барин добрый, даст мне гостинцев...

«Перед тем, как войти в дом, отец пошел во флигель, где жил управляющий, Н. А. Кишинский, а я остался на крыльце. Через несколько времени управляющий вышел с моим отцом на крыльцо, отец взял меня за руку, и мы вошли в дом. Кишинский велел ждать нам в передней, пошел дальше в комнаты. Я раньше никогда не был в барских домах, и потому меня поразила обстановка передней и следующей комнаты, куда я заглянул с любопытством. Мне показалось, что я в церкви, а портреты на стенах похожи были на иконы. Ждали мы недолго: послышались шаги, отец оправился и взял меня за руку. Вдруг я увидел очень большого человека, в серой короткой одежде. Прежде всего мне бросилось в глаза его лицо, большое-большое, с белыми волосами на голове и такою же белою, круглою бородою. Волоса были подстрижены в скобку, и одна прядь волос спускалась ему на лоб и отчасти закрывала глаз. Я еще подумал тогда, что она ему мешает и ее следует отрезать. Что отец говорил ему — не помню, помню только, что Тургенев тихим голосом сказал ему, что усадьбу он даст, и тут же оборотился к стоящему сзади управляющему с просьбою распорядиться и написать купчую. Тогда отец поклонился и начал говорить о флигеле, а я, помня наставление своей бабушки, поклонился ему в ноги, но руку побоялся поцеловать, как приказывала бабушка. И на эту просьбу отца И. С. ласково сказал, что он переговорит с управляющим и, если этот флигель подходящий, то уступит его отцу, а мне сказал, чтобы я так никогда никому не кланялся, кроме бога, погладил меня по голове и сказал отцу, чтобы он пока не уезжал из Спасского.

«Мы вышли, а И. С. вышел вслед за нами и пошел в сад.

«В Спасском мы пробыли дня три. Отец ездил в Мценск писать купчую на землю, а флигель был продан отцу за деньги в половинной стоимости. В эти дни я еще раз видел Ивана Сергеевича. Я с товарищем пошел с удочками ловить рыбу в пруде, находящемся на конце парка. Проходя по аллее, мы увидели идущего нам навстречу Тургенева с каким-то другим барином. Он был без шляпы, и волосы его развевались от ветерка. Мы почему-то так испугались, что бросились в сторону и спрятались за куст.

* * *

«Вторая встреча моя с Тургеневым произошла в августе 1881 года, в последний приезд его в Россию. В это время мне было уже 20 лет, я состоял учителем в Топковской земской школе и в моих глазах Иван Сергеевич был не просто „барин“ и „сочинитель“, как говорила мне бабушка, а мировая известность. Я читал, что Тургенев своими „Запи-

сками охотника" способствовал делу освобождения крестьян. Произведения Тургенева разбирались в школе, где я учился, наравне с Пушкиным, Гоголем и др. классиками.

«Это было 11-го августа. Я сидел на крылечке того флигелька, о котором упоминал выше, и что-то, кажется, читал. Было около 4-х часов пополудня. Наша деревня находится в стороне от больших дорог, и поэтому, кроме как на мужицких телегах, никто никогда не проезжал. Вдруг я вижу, едет карета, запряженная тройкою лошадей, а из кареты, когда она поровнялась, смотрит белая, как лунь, голова в шляпе и с белою же бородою. Не знаю, почему я сразу узнал его? По портретам ли? Или потому, что видел его 11 лет тому назад? Только я сразу вскочил, бросился в дом и закричал матери, что приехал Тургенев, а сам выбежал опять на крыльцо. Карета завернула направо и въехала в так называемый нами „на барский двор". Я быстро надел пиджак и побежал туда. Имение в то время было сдано в аренду Мценскому купцу, А. И. Кошеверову, который, по случаю рабочей поры, жил здесь. Когда я взошел на крыльцо, то услышал через отворенные окна разговор внутри дома, и среди знакомых голосов был один незнакомый, его — Тургенева. Хотя я был в хороших отношениях с Кошеверовым, часто у него бывал и даже был с ним дружен, однако я, как ни хотелось мне, не решился войти в дом: мне казалось, что я настолько мал и ничтожен в сравнении с таким великаном ума, что не смею беспокоить его своим присутствием. Я решился сидеть на крыльце и ждать случая подойти к нему поближе. В окно я услыхал, как Кошеверов уговаривал Ивана Сергеевича остаться почевать, а потому нужно отпрячь лошадей, но Тургенев говорил, что он не может здесь долго пробыть, что он приехал на чужих лошадях помещика Мухортова из Федоровки, где он гостит, и приехал потому: во-первых, взглянуть на свое имение, которое он почти не знает, а во-вторых, знал, что здесь можно встретить А. И. Кошеверова, своего арендатора, с которым ему нужно переговорить об окончательной продаже имения, если тот желает купить, и что, если Кошеверов согласен, то пусть он приезжает в Спасское не далее, как дня через 3—4, потому что спешит уехать.

«В это время к крыльцу стали подходить лутовиновские мужики-погорельцы, незадолго перед тем сгоревшие в числе 10 дворов, и Тургенев выглянул в окно. Я вблизи увидал знакомые черты и только теперь понял, что узнал его в карете не по портретам, а потому, что видел его 11 лет тому назад ребенком — так врезались черты его лица в мою память. То же белое большое, мужицкого облика, лицо, та же круглая, белая борода, та же прядь волос, падающая ему на лоб, и те же широкие плечи и огромный рост.

«Мужики сняли шапки, а я встал. Слышу объяснение Кошеверова, что это погорельцы и, вероятно, пришли к нему, Кошеверову, по какому-нибудь делу. Послышались шаги, и Тургенев, а за ним и Кошеверов, вышли на крыльцо, где я стоял. Я почтительно поклонился ему и остался с непокрытой головой, как и все. В голове моей мелькнула мысль отрекомендоваться, сказать ему, что я сельский учитель, — чем

я не мало гордился, — что я бывший его крепостной, и попросить на память о нем одну-единственную книжечку его сочинения с его надписью, но ... меня поразила мысль, что я поступлю нетактично, упомянув, что вот, дескать, был крепостной, а теперь, когда царь освободил, стал учителем, и я остался со своею мыслию и не высказанным желанием.

«Тургенев заговорил с мужиками; я смотрел на него сбоку и хотел запечатлеть его лицо в своей памяти навсегда, в чем и действительно успел: до сих пор я его представляю так, как бы видел его вчера. Вероятно, упорный мой взгляд его беспокоил, потому что он несколько раз взглядывал на меня. Я не помню его разговора с мужиками, знаю только, что он обратился к Кошеверову дать ему 100 рублей, которые тут же и отдал мужикам на погорелое.

«Затем Иван Сергеевич попросил Кошеверова распорядиться подать лошадей, вернулся в дом и через несколько минут вышел, одетый в пальто, в шляпе. На прощанье он подал руку Кошеверову, а на мой поклон ответил наклонением головы, сел в карету и уехал.

«Таким образом, он пробыл в своем имении не более двух часов. Через несколько времени я читал в газетах, что Тургенев был в Москве, говорил речь, и студенты сделали ему овацию, а еще через несколько времени я прочитал о его смерти.

«В 1882 году я был в Спасском и прожил там около месяца; слышал там много рассказов о последнем его пребывании; говорили также о поэте Полонском, гостившем с женою у Тургенева лето 1881 г.; слышал о Полонской, которая вылепила бюст Тургенева и писала картины масляными красками, которые раздавала окружающим; видел в парке елку-двойчатку под названием „два брата", на которой вырезаны были инициалы Тургенева, Полонского и многих других, как говорили, собственноручно. Заведующий домом в то время был его бывший крепостной, Захар Федоров, через его посредство мне был отворен дом, который я осмотрел во всех подробностях. Помню — диван-самосон, портрет отца Тургенева, красивого молодого человека в военном мундире, два или три шкафа с книгами... Дом в то время стал приходить в упадок: паркетные полы кое-где были выломаны и т. д. Вот все, что могу сказать о своих личных впечатлениях в связи с Тургеневым.

«Еще одна черта: от многих спасских я слышал, что Иван Сергеевич был человек необыкновенной доброты: он никогда и ни в чем не мог отказать кому бы ни было. Его добротою часто злоупотребляли, так, например, одного мужика научили попросить у барина на избу елку „два брата", которою он очень дорожил. Тургенев не подарил ее мужику только потому, что тот согласился взять вместо нее другое дерево.

«В заключение не могу не сказать несколько слов про „Записки охотника". Бабушка и мать говорили мне, что почти все лица, упоминаемые в „Записках", не выдуманные, а списанные с живых людей, даже имена их настоящие: был Ермолай и даже его Валетка, была действительно собака Тургенева, Дианка, был Бирюк, которого в лесу убили свои же крестьяне, был Яшка-турчонок — сын пленной турчанки. Даже я лично знал одного тургеневского героя, именно Сучка, Антона,

переименованного барынею Варварою Петровною из Козьмы. Бежин луг, Парахинские кусты, Варнавицы, Кобылий верх и т. д. — все эти места имели те же названия и в 1882 году».

Таковы некоторые из дошедших до нас воспоминаний бывших тургеневских крепостных и их потомков об авторе «Записок охотника».

В. А. Громов

ТУРГЕНЕВ И ЖИЗДРИНСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ (1877 г.)

В середине 70-х годов материальное положение Тургенева стало особенно тяжелым. Многоземельное хозяйство, находившееся в руках бесчестного управляющего, было запущено, разграблено и почти не приносило дохода. Тургенев воочию убедился, что «управляющий его грабит». Он вынужден был удалить Кишинского, успевшего присвоить себе «больше половины» имущества хозяина.[1] А деньги были очень нужны. В это время уже шел к разорению муж его дочери, Г. Брюэр; Тургенев принужден был беспрестанно ему и ей помогать; на него все более ложилась тягость забот о Полинетте и Виардо.

Это и заставило Тургенева почти с радостью согласиться на предложение нового управляющего, Н. А. Щепкина, продать еще одно большое, но малодоходное имение, находившееся в отдаленной от Спасского Калужской губернии.[2] «Что касается до жиздринского имения, которое сукин сын Кишинский так же ограбил, как и прочие, — писал он Щепкину в октябре 1876 г., — то я предоставляю совершенно на Ваше благоусмотрение, *как* его продать и на каких условиях. Мне кажется, что если бы можно было *с уверенностью в оплате* добыть оттуда 8000 р. сер. безо всяких отсрочек и уверток — то больше и требовать нечего».[3] Покупщики нашлись быстро, и жиздринское именье писателя в начале 1877 г. было продано.

Этот факт, быть может, и не заслуживал бы сколько-нибудь значительного интереса, если бы не возникшая в связи с ним переписка Тургенева с крестьянами.

Узнав о дешевой продаже большого имения, крестьяне близлежащих деревень (Грибовки, Березовки, Малеева, Казакова и Новикова), бывшие до 1861 г. крепостными Тургенева, обратились к Н. А. Щепкину со следующим письмом:

---

[1] H. Halpérine-Kaminsky. Ivan Tourgueneff d'après sa correspondence avec ses amis. Paris, 1901, стр. 86. — Об этом см. также: Е. Ардов (Апрелева). Из воспоминаний об И. С. Тургеневе. «Русские ведомости», 22 января, № 18; М. Щепкин. Воспоминания. «Исторический вестник», 1898, № 9, стр. 922.

[2] См.: Сведения о количестве земли, находящейся во владении г. Ивана Сергеевича Тургенева в 1876 г. «Известия АН СССР, отд. литературы и языка», т. XXIII, вып. 6, 1964, стр. 531.

[3] *Письма*, т. XI, стр. 325.

«Мы имеем большую надобность писать к вам по поводу запроданной вами земли бывшего нашего господина Ивана Сергеевича ‹Тургенева›, которая окружает наши селения и состоит в Грибовской волости, Жиздринского уезда. Запродажа этой земли учинена вами так тихо, что мы и не слыхали об этом до сего времени. Между тем, купить эту землю нам необходимо, ибо нас стеснили и будут теснить вечно.

«Поэтому мы просим вас о следующем:

«1. ‹...› Так как мы вполне надеемся на великодушие своего помещика, Ивана Сергеевича, которому мы и отцы наши всегда служили исправно и который не захочет обижать нас, то мы просим вас отсрочить совершение купчей с теми покупщиками, которые у вас заторговали эту землю.

«2. Если вы обязаны уплатою какой-либо неустойки перед ними, то эту плату мы принимает на себя.

«3. Ту цену, за которую у вас торговали сторонние купцы, готовы заплатить и мы вам, даже и больше, по соглашению с вами и без рассрочки. Все свое готовы заложить, чтобы избавиться от тех притеснений, какие нас ожидают.

«4. Если вы не можете сами перевершить продажи оной земли в наши руки, то сообщите о нашем желании Ивану Сергеевичу, к которому и мы уже послали письмо через редакцию одной газеты за границу.

«5. Пришлите нам ответ на это письмо и объясните, можем ли мы иметь с вами переговоры о покупке означенной земли, равно пропишите и ваш адрес.

«Письмо сие писано от крестьян селений: Новиков, Козаков, Милеева, Грибовки и Березовки. ‹Приложены пять печатей старост названных селений›».[4]

Щепкин переслал это письмо в Париж, прося у Тургенева совета. Тот ответил немедленно письмом от 1 (13) февраля 1877 г.: «Сейчас получил я ваше письмо, — писал он управляющему, — с приложенным письмом, адресованным на ваше имя крестьянами Жиздринского имения». Он готов был отказать купцам, которым уже было дано слово и которые даже внесли задаток,[5] и пойти навстречу крестьянам. Ведь Тургенев неоднократно помогал им, в том числе и тем, кто жил близ его жиздринского имения. В 1862 г. писатель подарил крестьянам для школы господский дом в селе Грибовке;[6] не отказывал он и желающим купить у него землю: в 1875 г., например, был продан крестьянину Антону Еремееву участок в Жиздринском имении.[7] Однако на этот раз острая нужда в деньгах заставила Тургенева заколебаться. В письме к Щепкину писатель выражал твердое желание как можно скорее получить деньги и сомнение в том,

---

[4] *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, ед. хр. 138.

[5] В ведомости Спасской конторы за конец 1876—начало 1877 г. значится: «Запродано Жиздринское имение за 8 тыс., получено в задаток 900» (*Музей Тургенева*, инв. № 193).

[6] Крестьяне послали за это Тургеневу благодарственный адрес («Исторический вестник», 1897, № 7, стр. 102).

[7] *Тургенев, Сб. (Бродский)*, стр. 65.

что крестьяне смогут быстро осуществить покупку. Он просил известить крестьян, что не может изменить то, «что уже вошло в законную силу», но при этом тут же добавлял, как бы смутно надеясь на возможность иного исхода дела: «... если бы Вы нашли, по соображению дела, что предложение крестьян может быть принято с уверенностью, что я от этого не потерплю убытков, то я уполномачиваю Вас поступить, как Вы рассудите за благо».[8]

Предвидя соображения и сомнения Тургенева, Щепкин еще до получения его ответа отказал крестьянам. Но те, считая, что тургеневский управляющий не поставит в известность владельца имения об их просьбе, и думая, что Щепкин действует по своей прихоти, стали искать другую возможность известить о своих нуждах Тургенева. По просьбе крестьян пяти деревень, некогда принадлежавших писателю, выступил священник села Мокрого Михаил Владимирский. Его письмо, во многом почти текстуально совпадающее с посланием крестьян Щепкину, было адресовано в редакцию журнала «Живописное обозрение» и оттуда отправлено Стасюлевичу; тот немедленно переслал его Тургеневу, сопроводив краткой запиской:

«Редакция „Жив‹описного› об‹озрения›“ переслала это мне с просьбою послать Вам. Теперь пока спешу исполнить эту просьбу, а завтра буду писать Вам.

Весь Ваш

М. Стасюлевич

Спб. $\frac{21 \text{ февр.}}{5 \text{ марта}}$ 77».

Тургенев уже знал от Щепкина об этом письме как о посланном по просьбе крестьян. В нем говорилось:

«Милостивый государь г-н редактор!

В издаваемом Вами журнале „Живописное обозрение“, в №№ 7, 8 и 9 за минувший 1876 год, мне с большим удовольствием довелось прочитать биографию уважаемого нашего местного господина Ивана Сергеевича Тургенева, до восьмисот душ крестьян которого состоит в моем приходе. Выходя из той мысли, что Вам, или по крайней мере Вашему уважаемому сотруднику П. В. Быкову, составителю сказанной биографии, вполне известна личность Ивана Сергеевича, мы полагаем, что Вам должен быть известен и его адрес. Вот почему я принимаю на себя смелость ходатайствовать перед Вами за бедный крестьянский народ — своих любимых прихожан, — вполне надеясь на благородство Вашей души, как человека передового, не способного отвращать лицо от жалкого сословия крестьянского. Эти крестьяне никаким образом не могут найти доступа к самому Ивану Сергеевичу, хотя в нем нуждаются чрез-

[8] Письмо от 1 (13) февраля 1877 г. *Письма*, т. XII, кн. 1, № 4199.

вычайно. Иван Сергеевич поручил продать свою землю в количестве 860 десятин, находящуюся в смежности с землею его крестьян в Жиздринском уезде в Грибовской волости. Покупка этой земли для крестьян Ив. Сергеевича необходима, так как они лишь за небольшую ее часть переплачивают огромную аренду, — она окружает целых 5 крестьянских селений. Между тем главный управляющий Ив. Сергеевича, некто г. Щепкин, коему поручено продать означенную землю, будучи введен в обман двумя-тремя местными здешними прасолами, не продает этой земли крестьянам, а продает ее в частные руки, способные выжимать последний сок несчастного крестьянина. Крестьяне помянутых пяти селений в унынии, тем более что им даже не дается адреса к Ив. Сергеевичу из его конторы; а между тем, насколько мне известно, они готовы заплатить даже более того, сколько предлагают за означенную землю сторонние покупатели; они готовы чуть не себя самих заложить, лишь бы не упустить оной земли. Так она дорога для них, и так надоело им быть постоянно в руках бездушных прасолов, набивающих себе карманы на их потовой труд!

Принимая участие в таком жалком положении своих прихожан и вполне зная благородную душу Ивана Сергеевича, который без сомнения не отверг бы просьбы своих бывших слуг, я решился просить Вас, Милостивый Государь, не можете ли Вы, или Ваш уважаемый сотрудник г. Быков, сообщить обо всем прописанном Ивану Сергеевичу Тургеневу. Объясните ему усердную просьбу целых восьмисот душ его крестьян, чтобы он воспретил г. Щепкину, своему главному поверенному, продавать означенную землю помимо их в частные руки. Если же сие найдете почему-либо для Вас неудобоисполнимым, то не можете ли по крайней мере дать нам адрес Ивана Сергеевича, чем одинаково можете оказать большое благодеяние поистине заслуживающему сего бедному восьмисотенному населению крестьянскому.

Надеясь, что Вы не откажетесь почтить меня ответом Вашим, Милостивый Государь, я прилагаю при сем готовый конверт с адресом к себе и с почтовою маркою, в который без сомнения для Вас не составит труда вложить Ваш ответ и подать на почту.

С истинным почтением и уважением к Вам имею честь пребыть

Вашим покорнейшим слугою

Села Мокрого священник Михаил Владимирский.

1877 г.
Февр. 12 ч.»[9]

---

[9] *ИРЛИ*, 14.616.XXXVб.17.

Тургенев принял во внимание просьбу крестьян. Пересылая Щепкину письмо священника, он еще раз повторил, что если крестьяне заплатят назначенную сумму и отступное покупщику, то он согласится продать землю им.[10] Об этом он писал и Стасюлевичу, объясняя суть своих взаимоотношений с жиздринскими крестьянами: «У меня в Жиздринском уезде было имение, которое никогда не приносило никакого дохода, а часто я должен был приплачивать за него в казну;[11] наконец, разверставшись с крестьянами, я остался с 800 дес. свезенного лесу, которые точно так же остались бесплодными — ибо мои крестьяне их *не нанимали* и *не хотели нанимать*, а пользовались *так*; мне это надоело — я продал всю эту землю купцам, которые, находясь на месте, извлекут из нее какую-либо пользу. Теперь крестьяне подняли гвалт! Но что же я мог сделать? Впрочем, я написал уже управляющему, что если крестьяне согласятся заплатить мне столько же, сколько купцы — да отступного купцам — то он может совершить купчую с крестьянами, хотя на верность платежа рассчитывать не приходится».[12]

Однако крестьянам не суждено было купить имение. 12 марта 1877 г., когда Тургенев отправил второе письмо Щепкину, жиздринская земля уже была продана. «Я предвидел, что дело с жиздринскими крестьянами не могло иметь другого исхода — и так и писал к Вам в письме. Потрудитесь сообщить мне цифру денег, полученных с купцов и внесенных Вами в Орловский банк», — писал он управляющему 12 (24) марта.[13]

Таким образом, и на этот раз ловкие купцы, пользуясь тяжелым материальным положением владельца, захватили в свои руки дворянское имение и действительно «извлекли из него пользу». Имение Тургенева сразу же было сдано в аренду крестьянам, а в ведомости Спасской конторы за февраль—май 1877 г. появилась запись: «Выдано покупщиком Жиздринского имения денег, полученных с крестьян за землю, отданную на 1877 г. — 108 руб.».[14] Это были деньги, которые приходились на долю Тургенева как собственника имения, в начале 1877 г.

А. Б. Муратов

---

[10] Письмо Щепкину от 28 февраля (12 марта) 1877 г.: *Письма*, т. XII, кн 1, № 4230.

[11] Слова Тургенева вполне соответствуют истине. В ведомости Спасской конторы за февраль—май 1877 г. значится: «Еще уплочено за Жиздринское имение по окладному листу уездного земского сбора в Калужское казначейство — 96 р. 3 к. Уплочено в Дворянскую опеку за Жиздринскую землю и недоимки за 3 года — 104 р. 72 к.» (*Музей Тургенева*, инв. № 193).

[12] Письмо от 27 февраля (11 марта) 1877 г. *Письма*, т. XII, кн. 1, № 4228.

[13] Там же, № 4249.

[14] *Музей Тургенева*, инв. № 193.

ТУРГЕНЕВ И А. П. БОГОЛЮБОВ (К ОРГАНИЗАЦИИ «РАДИЩЕВСКОГО МУЗЕЯ» В САРАТОВЕ)

В 1873 г. в Париже Тургенев познакомился с художником-маринистом, профессором петербургской Академии художеств А. П. Боголюбовым. С этого времени между Тургеневым и Боголюбовым установились дружеские отношения. Их упрочению способствовала совместная деятельность по организации Общества русских художников в Париже, председателем которого был Боголюбов, а секретарем — Тургенев.[1]

В Центральном государственном архиве литературы и искусства (Москва) сохранилось 17 писем Тургенева к Боголюбову,[2] не публиковавшихся до настоящего времени, в том числе «ультиматум» Саратовской городской думе, составленный Тургеневым по просьбе Боголюбова в связи с организацией «Радищевского музея».

22 мая 1873 г. по постановлению комитета министров было уничтожено в типографии издание сочинений А. Н. Радищева, редактировавшееся П. А. Ефремовым, «как памфлет политического характера, порицающий монархический принцип».[3] Боголюбов — родной внук Радищева — воспринял это как «нравственную пощечину»,[4] заставившую его добиваться осуществления своего замысла — организации первого в России провинциального художественного музея, который бы «увековечил имя <...> многострадального А. Н. Радищева — саратовского дворянина и уроженца». Боголюбов добивался этого «в угоду своего самолюбия и человеческой гордости», т. е. по чисто личным побуждениям: ему хотелось «оставить по себе память, возвышая втоптанное в грязь имя своего деда», — по его мнению, «высокого христианина».[5] Придворный художник, друг К. П. Победоносцева, Боголюбов использовал свои великосветские связи, но «радищевский вопрос» решить было не просто, создание музея в Саратове затянулось до 1885 г.

Активное и деятельное участие в организации художественного музея в Саратове, который бы носил имя Радищева, принял Тургенев, видевший в этом возможность практического осуществления своей либеральной «просветительской» политической программы.

Первое обращение Боголюбова в Саратовскую городскую думу с предложением передать городу свою художественную коллекцию при условии, если для музея будет выстроено здание и носить он будет имя Ра-

---

[1] В. В. Матэ. Боголюбов в Париже, 1896. Отдел рукописей *ГРМ*, ф. 14, ед. хр. 78, л. 2.

[2] *ЦГАЛИ*, ф. 705, оп. 1, ед. хр. 76.

[3] См.: Л. М. Добровольский. Запрещенная книга в России. 1825—1904. Архивно-библиографические изыскания. Изд. Всесоюзной книжной палаты, М., 1962, стр. 91—92.

[4] А. П. Боголюбов. Записки моряка-художника. *ГПБ*, ф. 82, ед. хр. 1, л. 145 об.

[5] Там же, ед. хр. 2, л. 75, и ед. хр. 4, лл. 45 и 49. Об этом см. также: И. Д. Смолянов. Из разысканий о Радищеве. В кн.: Радищев. Статьи и материалы. Л., 1950, стр. 272—274.

дищева, относится к декабрю 1877 г.[6] Тургенев, часто видевшийся с Боголюбовым в Париже, был в курсе его намерений. «Мое дело было ему частью известно», — отмечает Боголюбов.[7]

11 января 1878 г. Саратовская городская дума «заявила полную свою готовность содействовать осуществлению» предложения Боголюбова, но в течение ближайших двух лет, т. е. до 1880 г., «дальнейших письменных сношений по этому вопросу не было» и принятые решения не реализовались, что «не зависело от воли самого городского управления».[8] Вероятно, существовали препятствия политического характера, связанные с настоятельным требованием Боголюбова присвоить музею имя Радищева. «Наскучив бездействием», Боголюбов решил послать Саратовской думе «ультиматум», который по его просьбе был составлен Тургеневым,[9] вероятно, в апреле 1880 г., так как в начале мая 1880 г., после двухлетнего перерыва, городской думой было снова получено письмо Боголюбова,[10] в котором он предупредил, что в случае отказа принять выдвигаемые условия он будет вынужден обратиться со своим предложением к другому городу. Составленный Тургеневым документ был им послан Боголюбову в воскресенье, вероятнее всего, 8 (20) или 15 (27) апреля со следующей запиской:

«50, Rue de Douai
Paris
Воскресенье утром

Любезный Алексей Петрович,

Посылаю Вам конспект письма с извинением в мешкотности. Если Вы иного слова моего не разберете — или какое-нибудь другое соображение хотите представить — то зайдите ко мне завтра до часу — мы еще потолкуем.

Дружески жму Вам руку
Преданный Вам
Ив. Тургенев».

К записке был приложен конспект письма — «ультиматума»:

«В<аше> П<ревосходительство>!
М<илостивый> Г<осударь>.

Два года тому назад было сделано мною — через члена Государственного совета Константина Петровича Победоносцева — следующее заявление губернатору Саратовской губернии г. Галкину-Врасскому:

„Профессор Алексей Боголюбов отдает теперь же все свое художественное имущество, состоящее из картин, акварелей, мебелей,

---

[6] «Волга», 1880, 14 июля, № 340.
[7] *ГПБ*, ф. 82, ед. хр. 4, л. 46 об.
[8] «Волга», 1880, 14 июля, № 340.
[9] *ГПБ*, ф. 82, ед. хр. 4, л. 46 и 46 об.
[10] «Волга», 1880, 14 июля, № 340.

древних бронз, майолик и т. п. — городу Саратову с тем, чтобы городом было выстроено приличное помещение для устройства музея — с приспособленной к нему школой рисования, — которому было бы присвоено название Музея Александра Николаевича Радищева, родного его, Боголюбова, деда и саратовского уроженца. После же смерти Алексея Боголюбова и родного его брата Николая все его имущество как движимое, так и недвижимое поступает на содержание означенного музея и школы".

В ответ на это заявление г. губернатор Галкин-Врасский, а также и Саратовский городской глава, выразившие благодарность за мое намерение, изъявили согласие принять мой подарок, которому я уже теперь могу определить цену в 75 000 р. — а в будущем не менее 180 000. При том г. губернатор просил меня ради скорейшего осуществления дела представить еще при жизни в распоряжение города Саратова хотя часть моего посмертного даяния. Я с охотой соглашаюсь и уже занялся сбором материалов для школы. С неменьшей охотой желал бы я лично заняться устройством музея и дать нужный план здания, буде отведется или сооружится дом, удовлетворяющий потребностям предположенного учреждения. Между тем время проходит, а дело, по-видимому, не получает никакого дальнейшего ходу. Не могу не сожалеть о подобной остановке, ибо, кроме глубокого и искреннего желания быть полезным столь любимому мною художественному делу в России, во мне созрело убеждение, независимое от личных чувств привязанности к родной губернии, что именно Саратов как один из самых важных центральных пунктов нашего края представляет особенные удобства и удовлетворяет действительным потребностям в затеянном мною предприятии. Не сомневаюсь в том, что Ваше превосходительство при известном мне образе Ваших мыслей и в силу сочувствия к развитию истинного просвещения, науки и искусства не откажетесь оказать мне содействие к достижению моей цели, одобренной влиятельными и высоко стоящими лицами, которым также дорого благо нашего общего отечества и которые готовы поддержать меня и мое дело своим деятельным участием. Надеюсь также, что В. П. потрудитесь побудить Саратовскую городскую думу к подтверждению сделанного мне предложения — дабы оно не осталось на одних только словах — и я не был бы вынужден обратиться с моим, но не менее бескорыстным пожертвованием к другому городу, менее склонному к той медлительности, которая уже погубила у нас столько полезных начинаний. Осмеливаюсь просить В. П. удостоить меня безотлагательным ответом и принять от меня уверение в моем глубоком уважении, с которым имею честь и т. д.».

Текст, составленный Тургеневым, был послан Боголюбовым на имя саратовского городского головы в начале мая 1880 г. В 1897 г. А. Новицкий в статье «Памяти А. П. Боголюбова» привел отрывки из этого обра-

щения, которые совпадают с соответствующими частями «конспекта письма», составленного Тургеневым.[11] 21 июня 1880 г. в связи с получением «ультиматума» состоялось экстренное заседание Думы, на котором было принято решение основать в Саратове художественный музей имени Радищева.[12]

В составленном от имени Боголюбова «ультиматуме», кроме сведений о ходе переговоров и ряда конкретных предложений, касающихся организации музея, Тургенев высказал свое отношение к предпринятому Боголюбовым начинанию. Он подчеркивает его важность для развития художественного дела и просвещения в России, что, как известно, Тургенев считал одной из первоочередных задач, непосредственно способствующих, по его мнению, развитию политических свобод и демократических принципов в государстве. Тургенев настаивает на том, что «именно Саратов как один из самых важных провинциальных центров» должен стать инициатором такого начинания. Это требование было связано с борьбой Тургенева за Радищева (и не только за Радищева) против реакции, что с очевидностью следует из слов Тургенева, сказанных им Боголюбову после того, как «ультиматум» возымел свое действие: «Саратов всегда был городом передовым, а поэтому передового человека он должен возвеличить в лице Вашего деда Радищева, который всегда будет для них и России первым поборником освобождения крестьян».[13]

«Всегда был городом передовым» для Тургенева означало, как следует из контекста, — городом свободолюбивых традиций. При этом Тургенев мог иметь в виду не только Радищева, но и саратовского уроженца Н. Г. Чернышевского. Действительно, когда вскоре (15 января 1881 г.) в газете «Страна» появилась статья, доказывавшая несправедливость приговора над Чернышевским и выражавшая надежду, что правительство исправит «прежние ошибки», Тургенев писал П. В. Анненкову 23 января (4 февраля): «...получаете ли Вы в Бадене „Страну"? Прочли ли Вы в № от 15 января статью о Чернышевском? ‹...› Статья эта — благородный поступок честного человека, желающего добра правительству».[14]

Возможно, что помощь Тургенева Боголюбову не ограничилась составлением «ультиматума». Во время Пушкинских торжеств летом 1880 г., когда и Тургенев и Боголюбов находились в Москве, вопрос об организации «Радищевского музея» начал обсуждаться в печати по инициативе друзей Тургенева из либерального лагеря и, вероятно, не без его участия. Так, корреспондент «Кронштадтского вестника» сообщает, что был представлен летом 1880 г. М. М. Стасюлевичу и А. Н. Пыпину, затем посетил Боголюбова и ознакомился с его художественной коллекцией. В отчете «Кронштадтского вестника» о Пушкинских торжествах подробно сообщалось и о собрании Боголюбова, которое составит «будущий Радищевский

---

[11] См.: А. Новицкий. Памяти А. П. Боголюбова. «Русский архив», 1897, кн. 1, № 3, стр. 387.

[12] «Волга», 1880, 18 июля, № 342.

[13] *ГПБ*, ф. 82, ед. хр. 4, лл. 46 об. и 47.

[14] *Письма*, т. XIII, кн. 1; печатается.

музей» — «один из светочей истинного просвещения».[15] В январе 1881 г. в «Вестнике Европы» была помещена обширная статья А. Н. Пыпина «„Радищевский музей" А. П. Боголюбова»,[16] подчеркивавшая важность такого начинания.

29 октября 1881 г. Боголюбов обратился к министру имп. двора графу И. И. Воронцову-Дашкову с предложением основать художественные музеи в ряде провинциальных городов России. Есть основание думать, что Тургенев принимал участие в составлении этого проекта — см. его письмо к Боголюбову от 20-х чисел октября 1881 г. 11 февраля 1882 г. Воронцов-Дашков признал предложение Боголюбова «неудобоисполнимым и несвоевременным, которое следует отклонить».[17] Весьма вероятно, что в связи с этим в начале марта 1882 г. (не позднее 4 марта) в одной из французских газет появилась статья «Alexis Bogoluboff membre de l'Académie des beaux-arts de Saint-Petersbourg», подписанная De Belina,[18] в которой акцентируется внимание на организации «Радищевского музея» в Саратове. В начале статьи сказано, что Боголюбов — внук Радищева, писателя, «заслуживающего самого глубокого уважения, самоотверженность которого в деле освобождения крестьян заслужила ему такую известность во времена императрицы Екатерины II, известность, стоившую ему ссылки в Сибирь». Заканчивается статья пропагандой начинания Боголюбова: «...скажем еще, что поклонение своему деду по матери Радищеву, — писал автор, — живо в произведениях Боголюбова, который хочет увенчать свою счастливую карьеру, организовав в Саратове музей Радищева, построенный в память дел, связанных с жизнью великого русского либерала».

Оценка Радищева как «великого русского либерала», положившего основание делу освобождения крестьян, почти буквально совпадает со словами Тургенева о Радищеве как «передовом человеке», «который всегда будет для России первым поборником освобождения крестьян».[19] По мнению автора статьи, создание музея имени Радищева имеет не только культурно-просветительское, но и общественно-политическое значение. Эта мысль также была близка Тургеневу. Вырезка из французской газеты сохранена Боголюбовым в 5-й тетради его «Записок», в которой содержится большая часть воспоминаний о Тургеневе, в частности о последних годах жизни писателя. Это дает некоторые основания предполагать, что Турге-

---

[15] «Кронштадтский вестник», 1880, 9 (21) июля, № 89.

[16] «Вестник Европы», 1881, № 1, стр. 411—421.

[17] Переписка по проекту художника Боголюбова об устройстве в России музеев. 1881—1882. *ИРЛИ*, Р. I, оп. 2, ед. хр. 90.

[18] Вырезка из французской газеты находится в 5-й тетради воспоминаний Боголюбова (*ГПБ*, ф. 82, ед. хр. 5). Название газеты, год и число срезаны. На обратной стороне газетной вырезки имеется сообщение из Вены от 2 марта о победе генерала Швейца над инсургентами и взятии Уллока. Это дает основание установить год напечатания статьи (ср.: «С.-Петербургские ведомости», 1882, 20 февраля (4 марта), № 49). Автором этой статьи был A. Młochowski de Belina; сведений о нем в настоящее время найти не удалось. По сообщению Т. А. Осоргиной (Париж), A. Młochowski de Belina в 1883 г. в Париже издал книгу «Nos peintres dessinés par eux-mêmes, notes humoristiques et esquisses biographiques».

[19] *ГПБ*, ф. 82, ед. хр. 4, л. 47.

нев, весьма заинтересованный в открытии «Радищевского музея», мог иметь какое-то касательство к появившейся в 1882 г. в Париже статье.

Первый в России провинциальный художественный музей имени Радищева был открыт в Саратове 29 июня 1885 г. Он стал и первым Тургеневским музеем.

Боголюбов сообщает, что П. Виардо передала ему письменный стол, за которым работал Тургенев, его перо, чернильницу, кресло, блузу, берет и тогу Оксфордского университета, почетным доктором которого был Тургенев, некоторые книги писателя. «Все эти реликвии, — пишет Боголюбов, — я бережно собрал и препроводил в Радищевский музей, где стоит бюст Тургенева работы Антокольского в углу, носящем имя „угла Тургенева". На стенах висят вокруг его портреты и рукописи».[20] Создание «угла Тургенева» в «Радищевском музее» — свидетельство глубокой признательности Боголюбова Тургеневу за помощь, оказанную им в организации музея. «Не в Орле, где родина Тургенева, хранятся о нем дорогие вещественные воспоминания, — с гордостью заявляет Боголюбов, — но под сенью А. Н. Радищева, которого Ив. Сер. всегда высоко ценил».[21]

В 1893 г. было начато дело о том, «на каком основании в Саратове музей назван Радищевским, именем революционера».[22]

В 1897 г. П. И. Бартенев предложил переименовать устроенный Боголюбовым в Саратове музей и назвать его «Боголюбовским, тем более, что сам он образом мыслей и деятельностью вовсе не походил на своего деда, плачевной памяти».[23]

Несмотря на происки реакции, музей в Саратове сохранил имя революционера Радищева и стал, как того добивался Тургенев, одним из крупных очагов распространения просвещения в России.

Е. А. Гитлиц

ВОСПОМИНАНИЯ В. В. ЛАДЫЖЕНСКОЙ О ТУРГЕНЕВЕ

Воспоминания Варвары Васильевны Ладыженской о Тургеневе были записаны под ее диктовку научным сотрудником Государственного музея И. С. Тургенева в Орле Е. А. Ермак 30 мая 1936 г.[1] Ладыженской было

---

[20] Там же, лл. 82 об. и 83.

[21] Там же. — В настоящее время эти вещи находятся в Государственном музее И. С. Тургенева в Орле.

[22] А. С. Суворин. Дневник. М.—Пгр., 1923, стр. 45.

[23] А. Новицкий. Памяти А. П. Боголюбова, «Русский архив», 1897, кн. 1, № 3, стр. 395.

[1] *Музей Тургенева*, инв. № 2636. — Есть основание предполагать, что Ладыженская не только бывала, но и жила в 20—30-х годах нашего века в г. Орле. Об этом свидетельствует М. М. Клейнборт в письме в Тургеневский музей от 24 февраля 1965 г.: «В литературном архиве моего покойного брата писателя Клейнборта Льва Максимовича лежат две рукописи: „Рассказ о Тургеневе" (из записок, которые не были напечатаны). Эта рукопись написана автором по рассказу Варвары Васильевны Ладыженской, которая жила в Орле, знала хорошо Тургенева, много встречалась

тогда уже 82 года. Воспоминания не закончены, запись их обрывается на заглавии второй части.

Как сообщает автор воспоминаний, ее знакомство с Тургеневым состоялось летом 1880 г. в Спасском-Лутовинове.[2] Об этом пишет также в своих воспоминаниях С. Г. Щепкина. Неправильно указывая инициалы Ладыженской, она сообщает, что Тургенев назвал ее «маленькой писательницей» и что ее «встретил как собрата по перу, обнял и поцеловал».[3] Здесь она прочла свой небольшой рассказ «Неладовы», который затем при содействии Тургенева в том же году появился под измененным названием «По разным дорогам» в журнале «Слово».[4] В конце рассказа скромно стоит криптоним «В. Л.».

Молодая девушка, представившая на суд Тургенева свою первую пробу пера, произвела на него самое благоприятное впечатление. Он не преминул тогда же восторженно написать о ней Л. Н. Толстому: «Я здесь на днях познакомился с Варварой Васильевной Ладыженской. Вы, кажется, встречали ее брата — он служит в Туле, — да и ее, вероятно, видали. Она тоже занимается литературой — и по-моему (не улыбайтесь!) у нее замечательный талант. Постарайтесь сблизиться с нею — я думаю, что она Вам понравится: уж очень мало она походит на обыкновенное литературное посестрие. Здоровья железного, кровь с молоком, сама управляет имением, весела, проста и умна — даже очень умна, хотя мало читала. — Может быть, именно оттого она и умна. Да и видывала всякие виды: у ней отец, мать и две сестры в монастыре, — сама она в монастыре живала, — но только не монастырская она натура. Бой девка, славная».[5]

Двумя днями раньше и тоже из Спасского-Лутовинова Тургенев писал В. М. Гаршину, о котором много слышал, но не был лично знаком: «Каждый стареющий писатель, искренно любящий свое дело, радуется, когда он открывает себе наследников: вы из их числа. — Мне также много говорила о вас Варвара Васильевна Лодыженская,[6] с которой я недавно познакомился и которая также одарена замечательным талантом».[7]

с ним. Знала лично Толстого, Гаршина и других писателей. Лев Максимович, живя одно время в Орле, все время встречался с Ладыженской и с ее слов написал эту рукопись».

[2] Ладыженская посетила Тургенева, очевидно, в один из дней между 10 (22) и 13 (25) июня 1880 г., так как 8 (20) июня Тургенев выступал на втором Пушкинском вечере в Москве, а 14 (26) июня в письме к В. М. Гаршину сообщал о состоявшемся «недавно» знакомстве с Ладыженской.

[3] С. Г. Щепкина. И. С. Тургенев в Спасском-Лутовинове. «Красный архив», 1940, № 3, стр. 203.

[4] В. Л. По разным дорогам. Рассказ. «Слово», 1880, № 8, стр. 77—102.

[5] См. письмо Тургенева к Л. Н. Толстому от 16 (28) июня 1880 г. (*Письма*, т. XII, кн. 2; печатается).

[6] Здесь Тургенев ошибочно написал вместо «Ладыженская» — «Лодыженская».

[7] См. письмо Тургенева к В. М. Гаршину от 14 (26) июня 1880 г. (*Письма*, т. XII, кн. 2; печатается).

Внимание и участие маститого писателя к первым ее литературным опытам не могли не окрылить Ладыженскую. Она продолжала поддерживать с ним письменную связь[8] и время от времени посылала ему за границу рукописи своих новых повестей. Тургенев с неизменной своей доброжелательностью отвечал на письма своей новой знакомой. «Милая Варвара Васильевна, — обращается он к ней в письме из Буживаля от 20 августа (1 сентября) 1880 г., — пишу сегодня Вам всего два слова — чтобы известить Вас, что обе половинки Вашего „Сфинкса" благополучно прибыли — что я немедленно примусь за чтение — и что сообщу Вам мое мнение — тотчас же как кончу. В ответ на все Ваши добрые и хорошие слова — могу сказать Вам, что будущей весною я непременно (коли буду жив) — приеду в Спасское — и, конечно, буду часто с Вами видеться».[9] Было ли где-нибудь напечатано это новое произведение молодой дебютантки, нам не известно.

На следующий год, в июле, пользуясь любезным приглашением гостеприимного и радушного Тургенева, Ладыженская снова приезжала на несколько дней в Спасское-Лутовиново.[10]

В этот раз она «передала на суд Ивана Сергеевича новую свою повесть. Он высказал ей откровенно, что недоволен этим произведением, и потом излагал (...) подробно мотивы, какими он при этом руководился. Он очень одобрял сюжет, хвалил постановку отдельных мест, но его возмущала несоразмерность между сюжетом и объемом повести и затем полнейшая небрежность формы».[11]

Тургенев всегда охотно оказывал помощь молодым писателям как советом, так и содействием в напечатании их произведений. С неизменным вниманием относился он к женщинам-писательницам — к А. Н. Луканиной, Л. Я. Стечькиной, С. И. Лаврентьевой. Нередко, особенно на первых порах, его оценки их творчества носили преувеличенно хвалебный характер. Литературное дарование Ладыженской было им также сильно преувеличено. Она не оправдала его надежд и не заняла в русской литературе сколько-нибудь заметного места среди писателей своего времени.

Воспоминания Ладыженской представляют для нас интерес как дополнение к тем сведениям о Тургеневе и о его жизни в Спасском-Лутовинове в частности, которые уже известны из мемуарной литературы.

А. И. Понятовский

---

[8] Ладыженская «находилась в постоянной переписке с Тургеневым в течение трех последних лет. У нее писем Тургенева до 40» (из письма неизвестного к В. П. Гаевскому от 18 января 1884 г.: *ГПБ*, архив В. П. Гаевского, № 339). В настоящее время известно одно письмо Тургенева к Ладыженской — от 20 августа (1 сентября) 1880 г.

[9] *Письма*, т. XII, кн. 2, печатается (хранится: *Музей Тургенева*, инв. № 143).

[10] Ладыженская провела в Спасском-Лутовинове около двух дней между 29 и 31 июля ст. ст. 1881 г. (см.: Я. П. Полонский. И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину. «Нива», 1884, № 7, стр. 158).

[11] В. М. Гаршин. Воспоминания о Тургеневе. «Исторический вестник», 1883, № 11, стр. 384—385.

ВОСПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННИЦЫ И. С. ТУРГЕНЕВА ВАРВАРЫ ВАСИЛЬЕВНЫ ЛАДЫЖЕНСКОЙ (ЗАПИСАНЫ СО СЛОВ В. В. ЛАДЫЖЕНСКОЙ)

Я, Ладыженская Варвара Васильевна,[1] впервые встретилась с И. С. Тургеневым в 1880 году. Это произошло при таких обстоятельствах. Я с братом[2] жила в имении своих родителей[3] в сельце «Образцовке»[4] Чернского уезда, Тульской губернии. Мы оба с братом очень любили литературу, и даже я сама начала пробовать свои силы на литературном поприще. Я написала повесть и назвала ее по фамилии героев этой повести «Неладовы» и прочла ее брату. Он мою повесть одобрил и сделал такое предложение: поехать к И. С. Тургеневу в его имение Спасское-Лутовиново, так как он приходился нам соседом (наше сельцо «Образцовка» отстояло от села Спасского — имения Тургенева — в 30 верстах), и показать ему мою повесть. Я стала энергично протестовать против этого предложения по тем мотивам, что много ходило всяких разговоров о том, что к Ивану Сергеевичу очень часто обращаются бездарные начинающие молодые писатели, докучают ему, и мне не хотелось быть одной из этих «начинающих», так как я не верила в свои литературные силы и на написанную мою повесть смотрела как на нестоющую и недостойную обременять внимание такого большого писателя, как И. С. Тургенев. Но брат настоял на своем. Ему самому очень хотелось увидеть Тургенева, познакомиться и побеседовать с ним. Я поддалась настоянию брата, написала записку и послала ее с вестовым к И. С. Тургеневу.

Как я помню, записка[5] моя гласила следующее:

«Глубокоуважаемый Иван Сергеевич!

Зная Ваше доброе и сердечное отношение к людям, судя по Вашим произведениям, которые я все перечитала, я осмеливаюсь

---

[1] В. В. Ладыженская (род. 1854 г.) была замужем за Виктором Флорентьевичем Сомовым. Ее муж был в дальнем родстве с Тургеневым.

[2] Брат В. В. Ладыженской, Митрофан Васильевич Ладыженский, служил старшим лесничим; в 1884—1886 гг. был начальником отделения Лесного департамента, в 1899 г. — семипалатинским вице-губернатором.

[3] Родители ее — Василий Васильевич (род. 1816 г.) и Ольга Алексеевна (рожд. Чулкова, в иночестве Олимпиада, 1818—1895 гг.) Ладыженские.

[4] Возможно, что здесь записано не совсем правильно наименование сельца «Образцовка». Вероятно, следовало написать «Образцово». В архивных документах Тульского Краеведческого музея значится, «что в 1900 г. Ладыженский М. В. и его жена Ольга Александровна, урожденная Воронина, имели 297 десятин земли в селе Большое Поддараево или Вознесенское, в состав прихода которого входило и сельцо Образцово».

[5] Вероятно, об этой записке идет речь в письме Тургенева к Н. А. Щепкину от 24 июня ст. ст. 1880 г. из Петербурга: «А теперь, велите-ка поискать, не найдете ли Вы на письменном моем столе пакет, в котором были две записки от г-жи Виардо и д-цы Лодыженской...» (*Письма*, т. XII, кн. 2; печатается).

просить Вашего разрешения принять меня и прослушать мою недлинную повесть, которую я написала. Это займет немного Вашего внимания, так как она совсем небольшая».

В ответ от И. С. Тургенева я получила короткую записку, в которой он выражал желание увидеться со мною и приглашал к себе в Спасское.

На следующий же день мы с братом воспользовались любезным предложением Тургенева и поехали на лошадях в Спасское. Я держала дрожащими руками свою повесть в ожидании суда над нею.

Мы остановились, не доезжая до самого дома И. С. Тургенева, обошли вокруг дома и вошли с балкона в первую комнату, которая называлась передней,[6] где стоял диван «Самосон». Нас встретил Захар[7] — камердинер Ивана Сергеевича. Он был среднего роста, блондин, с небольшой бородкой с рыжеватым оттенком дворовый, который пригласил нас в гостиную, просторную комнату, имеющую четыре окна в левой стене и в правой стене — дверь, ведущую, как я узнала после, в кабинет-спальню Тургенева. В комнате стояла самая обыкновенная мягкая мебель, покрытая белыми чехлами, в простенке висело небольшое, незначительное зеркало, а в другом простенке стоял диван. Комната производила впечатление такое, что убрана она на скорую руку, оттого довольно неряшливо, не чувствовалось любящей руки, которая бы позаботилась над убранством этой комнаты. В комнате, на шкафчике, прислонившись к стене, стоял портрет молодого отца Тургенева — Сергея Николаевича. На столе, кроме графина с водой, ничего не было.

Немного погодя мы услышали в соседней комнате голоса, из которых выделялся один голос, говоривший:

«Вот это перепишите и приготовьте к моему отъезду».

Вскоре отворилась дверь и показался Иван Сергеевич. Он очень внимательно и пристально посмотрел на нас. «Это вы написали повесть?» — спросил он меня.

Я Тургенева видела впервые. Это был человек высокого роста, сутуловатый, белые пушистые волосы обрамляли его голову, и прядь волос непокорно набегала на его чело. Вся фигура была большая, мощная. Глаза серовато-голубоватого цвета приветливо и мягко светились, но вместе с тем и недоверчиво, и вместе с тем ободряюще. Он сказал мне: «Ну-ну, будем слушать». И указал мне на кресло, а сам поместился на диване и уютно разместился на нем. Брат сел на кресло сбоку меня. Голос у Тургенева был очень мягкий, вкрадчивый, приятный и задушевный; он не выкрикивал, а говорил ровно и спокойно. Я не знала, что мне делать. Чувствовала, что все лицо мое пылает и горит.

---

[6] Эта комната называлась в доме «Малой гостиной». «Главным подъездом уцелевшего строения поневоле сделалась терраса, выходившая на цветник. Странно было видеть посетителей, подъезжающих к этой террасе и входящих прямо в маленькую гостиную», — вспоминал М. А. Щепкин («Исторический вестник», 1898, № 9, стр. 910).

[7] Захар Федорович Балашов (см. о нем: *Письма*, т. II, стр. 652).

Иван Сергеевич налил мне стакан воды и пододвинул его ко мне. «Ну, читайте, читайте!» — произнес Иван Сергеевич, откинувшись на диван. Я начала читать, стараясь читать внятно, но в начале моего чтения мне это не совсем удавалось, потом я справилась с собой и, прочитав уже довольно, остановилась и, взглянув на Ивана Сергеевича, встретила его одобрительный взгляд, и он промолвил: «Продолжайте, мне интересно!». Это влило в меня бодрость, и я с новыми силами стала продолжать свое чтение.

После окончания повести Тургенев сказал: «Мне нравится Ваша повесть. Я возьму ее с собой и напечатаю».[8] Тут он позвал Захара и предложил ему накрывать обед, любезно пригласив нас отобедать вместе с ним. Затем наш разговор перешел на литературную тему. Одна из интересных мыслей, которую он не раз мне говорил теперь и после, это то, что писатель должен в своих произведениях меньше давать своих рассуждений, не выдумывать, а писать то, что действительно есть. Он говорил: «Вот, например, пишут „поют хоры птичек", а где это видано, чтобы птички пели „хором". Так раз этого нет, то и не надо об этом писать».

Потом он перешел к своей любимой теме о значении, красоте и музыкальности русского языка. Он сравнивал русский язык с французским, и не в пользу последнего, и приводил несколько примеров фраз, означающих один смысл, но совершенно по-разному звучащих в оформлении одного и другого языка. И все продолжал восхищаться русским языком.

Потом он взял тут же под зеркалом лежащую книгу Толстого «Война и мир» и, наобум открыв ее, начал читать отрывок, попавшийся ему, в котором говорилось, как Багратион пропускал мимо себя войска. Тургенев все восклицал: «Как прекрасно пользуется русским языком Толстой», — и выражал большое удовлетворение и восхищение по поводу письма Толстого.[9]

Вскоре Захар пригласил нас к обеду. Мы вышли из гостиной и через переднюю прошли в столовую комнату. Стол уже был накрыт. Теперь точно не помню, из чего состоял обед, но точно помню, что к обеду было подано вино «Марсала».

За обедом я узнала интересную бытовую мелочь — вкус Тургенева к воде. Иван Сергеевич очень любил пить воду из колодца,[10] который когда-то принадлежал ему. Через некоторое время земля, на которой находился колодец с его любимой водой, была им подарена одному из своих любимцев-дворовых,[11] и после этого Ивану Сергеевичу затрудни-

---

[8] См. стр. 310, примеч. 4.

[9] Скорее всего это чтение Тургеневым «Войны и мира» имело место во время приезда В. В. Ладыженской летом 1881 г.; об этом также пишет в своих воспоминаниях Я. П. Полонский («Нива», 1884, № 7, стр. 158).

[10] Варнавицкий колодец, находящийся примерно в полукилометре от усадьбы Тургенева.

[11] Возможно, что эта земля была подарена П. Т. Кудряшову, а после него перешла в чужие руки.

тельно стало получать воду из этого колодца, так как людям Тургенева новые хозяева этой земли чинили всякие препятствия, и часто Тургенев не мог получить желаемой воды. Так было и на этот раз. За обедом Иван Сергеевич спросил у Захара: «А вода есть?».

Захар смущенно ответил, что воды этой нет: посланных людей за водой не пустили. На это Тургенев с грустью заметил: «Вот видите, у себя, здесь дома, и распорядиться не могу».

После обеда подали кофе на террасу дома. Выпив по чашке кофе, мы пошли в сад. Иван Сергеевич одел серую крылатку и шляпу, взял палку и пошел с нами. Сад уже был не тот, что раньше, он был заброшен, бурьян всюду господствовал, и дорожки поросли травой. Иван Сергеевич шел впереди, указывая нам путь. Вскоре мы пришли к заросшему пруду, около которого была протоптана небольшая дорожка, и мы пошли вдоль пруда. Вскоре мы остановились около одного места. Иван Сергеевич остановил нас и заговорил, показывая палочкой на траву:

«Вчера я здесь был свидетелем отвратительной сцены: на этом месте выполз уж и глотал лягушку; было отвратительно смотреть, как лягушка пролезала в глотку ужа». И на лице Ивана Сергеевича появилось отвращение, как будто он вновь видел эту сцену.

В разговоре Иван Сергеевич сказал мне, что я удачно приехала к нему, что застала его одного, так как обычно он редко бывает один в Спасском.

Кругом пруда нам обойти не удалось — он очень большой и весь зарос, и мы вернулись обратно. В разговоре у нас основная тема была только что прошедшие Пушкинские торжества.[12]

Точно не помню, что именно говорил он, но помню, что Иван Сергеевич весь был полон и насыщен этими днями и до сих пор воспоминания о них живо воскресали в его памяти.

Проходили мы мимо дерева, на которое он обратил наше внимание, на стволе которого были сделаны вырезки инициалов (вероятно, дерево «Два брата»).[13]

Вскоре мы собрались ехать домой. Иван Сергеевич обеспокоился, что нам ехать 30 верст, а с собой у нас ничего нет, и он сказал: «Эх, вы, русские, русские! Едете за 30 верст и нет с собой глотка вина, дорога пыльная, ну как не выпить глоток вина», — и стал хлопотать, чтобы достать нам вина. Захар начал было сам доставать вино, но Иван Сергеевич сказал: «Нет, я сам, я сам». И вскоре сам принес мне немного вина.

Мой брат был очень весело настроен: наша встреча с Тургеневым прошла очень удачно, а затея в этом была его, — и, в ожидании лошадей,

---

[12] Торжества по случаю открытия памятника Пушкину в Москве, в которых Тургенев принимал большое участие, происходили с 5 по 8 июня ст. ст. 1880 г.

[13] «Недалеко от большого пруда высоко поднимается к небу ель „Два брата“». По словам мемуариста, «приезжавшие в Спасское представители литературы и искусства вырезали на „Двух братьях“ свои инициалы» (И. Ф. Рында. Черты из жизни Ивана Сергеевича Тургенева. СПб., 1903, стр. 72).

он мурлыкал себе под нос, а Иван Сергеевич стал шутить над ним, говоря: «Ходит птичка весело по тропинке бедствий, не предвидя от сего никаких последствий». Сам он был тоже весело настроен.

Перед самым отъездом Тургенев вдруг спросил: «А когда же мы теперь встретимся?» И решили встретиться в Петербурге. Я сказала, что остановлюсь у Тенешевых на Миллионной улице. Тургенев подхватил, что это хорошо, так как на Миллионной улице живет Стасюлевич, у которого он часто бывает.

После он спросил меня: «Как Вы мою фамилию напишете, когда будете мне писать, так как мою фамилию, если пишут по-французски, то часто неправильно ее пишут, и поэтому письмо тогда не доходит». Я сказала, как напишу его фамилию. Он засмеялся и сказал: «Ну, так будет правильно». Он проводил нас до экипажа и пожелал нам доброго пути.

Мы уехали от Тургенева радостные, веселые и ободренные. Повесть моя «Неладовы» осталась у Ивана Сергеевича. После, когда моя повесть была напечатана в одном толстом журнале «Слово», я узнала, что он назвал мою повесть «По разным дорогам».

30/V—1936 г. Сомова (Ладыженская)

МОЯ ВТОРАЯ ВСТРЕЧА С И. С. ТУРГЕНЕВЫМ В СПАССКОМ В 1881 ГОДУ

‹Рукопись на этом обрывается›.

ТУРГЕНЕВ И В. В. МАТЭ
(1880—1883. ПО НЕОПУБЛИКОВАННЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Несомненен большой интерес Тургенева к изобразительному искусству. О нем свидетельствует увлечение писателя коллекционированием живописи, его постоянные хлопоты об устройстве художественных выставок, многолетняя дружба с известными коллекционерами живописи братьями Третьяковыми, а также активная деятельность в «Обществе взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже», которую один из учредителей «Общества», художник А. П. Боголюбов, охарактеризовал так: «Иван Сергеевич Тургенев увековечил себя еще тем, что был секретарем нашего парижского О-ва русских художников, где он состоял и основателем и, конечно, являлся самою крупною единицей на всех наших вечерних собраниях, которые он любил посещать с полным простодушием своей богатой натуры».[1] В этой деятельности органически сочетался беспримерный альтруизм Тургенева, стремившегося материально поддержать русскую учащуюся молодежь в Париже, с высокой целью популяризации русского искусства на Западе. С момента организации «Общества» (декабрь 1877 г.) более тесными становятся связи писателя с художниками.

[1] А. П. Боголюбов. Записки моряка-художника. (*ГПБ*, фонд 82, ед. хр. 1, л. 163).

Истории отношений Тургенева с русскими художниками посвящены работы И. С. Зильберштейна «Репин и Тургенев» (М.—Л., 1945) и «Выставка художника В. В. Верещагина» (*Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, стр. 291—336), а также небольшая статья Н. П. Лощинина «Тургенев и русские художники» («Художник», 1964, № 5, стр. 41—45).

Несколько дополнительных штрихов в эту тему вносит неизданная переписка В. В. Матэ, хранящаяся в Государственной Третьяковской галерее.[2] Это письма из Парижа 1880—1883 гг., адресованные преимущественно невесте В. В. Матэ — И. Р. Мадинг. Особый интерес представляет хранящееся там же письмо В. В. Матэ Тургеневу 1880 г.

Василий Васильевич Матэ (1856—1917), крупнейший мастер офорта и создатель целой граверной школы в России, встретился с Тургеневым в переломный период своей жизни. Направленный в качестве пенсионера в 1880 г. по окончании Академии художеств в Париж для совершенствования в искусстве гравюры, Матэ упорно искал в это время новые пути в технике ксилографии. В одном из писем к невесте 1880 (?) г. Матэ рассказывал о трудностях, которые он испытывал, вырабатывая собственную, оригинальную манеру гравюры: «Я вообще думаю совсем новую манеру гравирования ввести в России. Как на дереве, особенно же по меди и офортам. Вот почему меня не любят и не понимают. Но об этом я не тужу. Моя работа все-таки пользу принесет в свое время, может, когда меня уже не будет. Да и я доволен, что меня понимают лучшие и высшие силы Парижа, а ведь они дают звук первый в наше искусство. Также любят меня и ценят лучшие художники России и писатели, как Тургенев, Анненков и др.».[3]

Встрече Матэ с Тургеневым содействовал верный покровитель молодых талантливых художников — В. В. Стасов. Он так вспоминал об этом: «В ‹...› 1880 году Тургенев приехал ко мне в гости, в Париже ‹...› Я ему рекомендовал молодого нашего гравера, В. В. Матэ, только что присланного для усовершенствования в своем деле Академией художеств, и просил его позволить Матэ снять с себя и награвировать портрет. Я ручался, что портрет выйдет очень даровит и изящен. Тургенев согласился, и скоро потом начались сеансы, на даче у Тургенева, в Буживале».[4] Портрет Тургенева был награвирован Матэ в 1883 г. по наброскам, сделанным с натуры в 1880 г.

Необыкновенно эмоциональный рассказ о первом посещении Буживаля и знакомстве с писателем содержит письмо Матэ к И. Р. Мадинг:[5]

---

[2] *ГТГ*, отдел рукописей, ф. 57.

[3] Там же, № 7.

[4] В. В. Стасов. Двадцать писем Тургенева и мое знакомство с ним. «Северный вестник», 1888, № 10, стр. 160.

[5] ГТГ, отдел рукописей, ф. 57, № 16. — Письмо без даты, но по сопоставлению его с письмом И. С. Тургенева к В. В. Стасову от 1 (13) августа 1880 г. (см. ниже, стр. 319) его можно датировать около 1 (13) августа 1880 г. Отрывок из письма приведен в работе И. Лазаревского «Василий Васильевич Матэ» (М., 1948, стр. 12).

«Милая, славная моя Добричка! Очень взволнован и в страхе. Ведь я сегодня отправляюсь к Ивану Сергеевичу Тургеневу! Слава богу! В 12 часов спустился с лестницы (110 ступенек вниз), вижу от Добрички письмо, которое я сунул в карман и хотел прочесть не раньше как приеду на дачу в Буживаль, у Тургенева. ‹...› Буживаль — чудеснейшее место в окрестностях Парижа ‹...› Буживаль лежит на берегу Сейны. Какие там растения?! Абрикосы, персики, груши и яблоки, да виноград ‹...› Я отправился к даче Ивана Сергеевича. Тут же, неподалеку, вилла его. Вошел я, ворота тут же, у консьержки спрашиваю, дома ли Т‹ургенев›, гов‹орит› дома. Вот я поднимаюсь по чудесной аллее вверх довольно высоко. Знаете, Добричка, если бы нам с Вами в таком месте жить, мы бы также сделались поэтами. Действительно, такое настроение дает это таинственное чудесное место. Далеко! далеко! можно видеть из этого дома. Тихо, претихо. Я надолго отдохнул от безобразного шума Парижа, а в особенности от шума Vaugirard, где каждый день бывают драки.

«А главное все еще впереди! Вот вхожу я, наконец, в барский дом, очень красивую, роскошную комнату. Мебель и все из красного венецианского цвета материи, да какие чудесные наст‹оящие› персидские ковры. Принял меня очень любезно. Опять сколько пользы и питание к дальнейшей жизни получил. Добричка, да я совсем другим сделаюсь, если бог даст у него побывать частенько. Какие разговоры! Иван Сергеевич Тургенев: это, представьте себе, фигура, которая гораздо выше меня. Очень широкоплечий, полноту нужную имеет к своему высокому росту. Но еще лучше всего его чудная, умная, красивая голова. Удивительна вся его фигура в профиль. Сам еще очень бодрый, сильный, живой во время разговора. А какое доброе лицо, в особенности глаза!

«Ах, как он вкладывает человеку в душу глубоко то, что говорит. Шел разговор о поэзии, литературе, о жизни человека. Это все сравнивал с природой и историей всемирной. О искусстве. Для меня, собственно, он дал полное заключение тому, насчет чего я много сил употребил и, наконец, на этом остановился. Но не случись сегодняшний день, меня бы легко было с этой дороги сбить. Т. е., Добричка, Вы меня тут, я думаю, очень хорошо понимаете. Помните, как я всегда бился за всякой новой работой? Помните, как я всегда рылся, искал чего-то в гравюрах? И наконец, не найдешь ничего! Да помните, как я старался каждую работу другой манерой делать? Вообще, Вы помните, как трудно мне было! А теперь тем паче труднее. Но через сегодняшний день я больше не боюсь этой трудности, как выше сказал, я уже до разговора с Тургеневым чувствовал, что преодолел пока мозгом (или теоретически) эту трудность.

«Не думайте, что я это Тургеневу сказал, что мне так трудно было. Ничуть не бывало. Это выработалось само собой. Вот слова Тургенева: *Молодой юноша или человек черезчур*[6] *самонадеян и не довольно самонадеян. Что это значит? Что молодой человек очень самонадеян и не*

[6] *Сверху надписано:* слишком

учится так сильно и много, как нужно ему. Молодой человек не довольно самонадеян на самого себя. Он не пробует сам что создать, а все любит подражать. Он еще детальнее это сказал: молодой человек должен учиться сколько только возможно, даже больше. Технический, грамматику ли, словесность литературы, живописи, музыки или держать штрихель. *Браво, Иван Сергеевич!* Вот. Когда Вы, наконец, то другое и т<ак> дальше изучили до того, что это больше не есть для Вас какая-то грамматика или теория, т. е. когда вы вполне владеете инструментом или литературой, музыкой и т. д. Вот тогда, он говорит, Вы возьмите сядьте, да скажите: Ну, теперь начну свое делать. Еще раз браво, Тургенев! Вот с этого пути меня больше никто не своротит <...>

«Теперь я действительно не так страшно смотрю на будущее время. Я все же очень серьезно над собою работаю, и не думайте, что оно так легко дается.

«Вернувшись от Тургенева полный впечатлительности и очень воодушевленный, начал Вам писать».

Как видно из приведенного письма, встреча с Тургеневым была очень значительным событием в жизни Матэ.

Это определило взволнованный стиль письма, внимание художника ко всему, что окружало писателя, интерес к внешнему облику Тургенева. Но наиболее важным для Матэ было, естественно, содержание беседы с великим писателем, его советы о необходимости совершенствования технического мастерства как основы всякого искусства.

Большой разговор об искусстве, о художественном творчестве предполагает интерес Тургенева к собеседнику, вызванный при первом знакомстве. О положительном впечатлении, произведенном Матэ на писателя, можно судить по письму последнего к В. В. Стасову от 1 (13) августа 1880 г.: «Матэ был у меня; он очень милый малый — художническая душа — но о портрете еще не было речи. Полагаю, что послезавтра (в воскресенье) он опять ко мне завернет».[7]

Однако следующий визит Матэ в Буживаль произошел не в воскресенье, а в субботу — 2 (14) августа 1880 г. Это следует из сопоставления двух неопубликованных писем — недатированного письма Матэ к Тургеневу и письма писателя к Ж. Этцелю от 2 (14) августа 1880 г. Приводим полностью письмо Матэ:

«Премногоуважаемый
Иван Сергеевич!

В субботу же застал г-на Hetzel'я. Мне он казался очень добрым хорошим стариком; просил зайти между 10 и 15 сентября за работой, чему я очень рад, ибо успею еще немного технику изучить. Авось и духом к этому времени соберусь! А то... — Гоголя

[7] В. В. Стасов. Двадцать писем Тургенева и мое знакомство с ним, стр. 177.

читаю с таким полным наслаждением, какого еще никогда не чувствовал и не питался подобным. Прошу принять за все, все очень большое спасибо от почитающего Вас

В. Матэ.» [8]

Матэ, как большинство пенсионеров Академии художеств в Париже, испытывал материальные затруднения. И посещение им известного парижского издателя Жюля Этцеля связано со стремлением Тургенева помочь художнику. Об этом свидетельствует письмо Тургенева к Ж. Этцелю от 2 (14) августа 1880 г., приходившегося на субботу. Он писал: «Позволю себе убедительно рекомендовать Вам этого молодого человека. Его зовут Матэ...». Он просил дать последнему работу в одном из многочисленных иллюстрированных изданий Этцеля, выражал уверенность в том, что гравер с этой работой справится, и характеризовал его следующим образом: «Это гравер с очень большим будущим — вы можете судить об этом по нескольким его работам, которые он вам покажет...».[9]

К сожалению, из сохранившихся сведений не составить полной картины того, как протекала работа Матэ над портретом Тургенева, повторялись ли сеансы в Буживале и когда именно были сделаны наброски, с которых в 1883 г. был награвирован портрет.

Но очень скоро Матэ стал широко известен в Париже как мастер гравюры и офорта, вошел в близкую Тургеневу среду художников, стал посетителем собраний «Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже». В неопубликованных воспоминаниях «Боголюбов в Париже. 1896 г.» Матэ писал: «Много русских талантливых литераторов, музыкантов побывало здесь. Устраивались между собою выставки, давались концерты и вечера, на которых часто читал свои новые произведения Иван Сергеевич Тургенев...».[10]

Работы Матэ, заслужившие высокие оценки И. Е. Репина, В. В. Стасова, Л. Бонна, Э. Мейссонье и др., экспонировались на выставках в Салоне. Об одной из таких выставок, отмечая среди ее посетителей Тургенева, Матэ писал 11 (23) февраля 1882 г. И. Р. Мадипг: «Наша выставка открылась. Подробно вы прочтете в газете где-нибудь. Но выставка очень хорошая. Французы с большим удовольствием ходят ее смотреть и учиться. При открытии был Тургенев, великий князь, Орлов и масса аристократии».[11]

---

[8] *ГТГ*, отдел рукописей, ф. 57, № 36.

[9] Подлинник письма хранится в частном собрании внучки Ж. Этцеля, Катрин Боннье де ля Шапель (г. Севр, Франция; фотокопия: ИРЛИ, Р. I, оп. 29, № 309. — Полностью будет опубликовано: *Письма*, т. XII). Цитируется в переводе с французского. — К этому времени Матэ был автором гравированных портретов А. П. Брюллова, А. Ф. Писемского, гравюр с фрагментов картины А. Иванова «Явление Христа народу» — «Голова апостола Андрея», «Этюд головы Иоанна Крестителя» и др.

[10] *ГРМ*, отдел рукописей, ф. 14, ед. хр. 78, л. 2 об. — Отрывок из воспоминаний приведен в работе: М. Андроникова. Боголюбов. Изд. «Искусство», М., 1962, стр. 17.

[11] *ГТГ*, отдел рукописей, ф. 57, № 9.

3 октября 1883 г. на станции Северной железной дороги Париж прощался с Тургеневым. На гроб великого писателя были возложены серебряный венок и доска с выгравированными на ней славянскими буквами именами русских друзей в Париже; среди этих имен было имя Матэ. В письме к невесте от 3 октября 1883 г. Матэ рассказывал о скорбных событиях этого дня:

«Сегодня был я на прощанье, на отпевании тела покойного великого Ивана Сергеевича Тургенева. Я о нем не буду распространяться, ибо Вы читаете, я думаю, ежедневно о нем в газетах и будете его наверное провожать на могилу. Я надеюсь, что весь Питер пойдет за ним и много тысяч народу других городов приедут.

«Вот это был человек действительно великий, достойный всего этого. Сам лично я его страшно люблю как человека. А как деятеля, пожалуй, и еще не понимаю его сильное значение для России».[12]

Отношения Тургенева и Матэ — лишь эпизод многочисленных творческих связей писателя с представителями русского искусства. Он подтверждает многое из известного о Тургеневе: его интерес ко всякому несомненному проявлению таланта, его отзывчивость и умение помочь начинающему художнику.

Вместе с тем, поддержка Матэ — художника, по определению В. В. Стасова, примыкающего к передвижникам, создателя новой школы в русском гравировальном искусстве, — свидетельствует об умении Тургенева увидеть ростки нового в искусстве, понять их и поддержать.

Превосходный знаток мирового изобразительного искусства, в том числе искусства современного, Тургенев особенно пристально следил за каждым новым проявлением русского искусства, страстным и неутомимым поборником которого на Западе он был.

Л. И. Кузьмина

ТУРГЕНЕВ И ГАЛЬДОС

Мы тщетно разыскивали в Мадриде и на Канарских островах два неизданных письма, которые Тургенев послал Бенито Пересу Гальдосу в конце своей жизни. Их нет ни среди бумаг испанского писателя, сохранившихся у его дочери, г-жи Марии Перес Гальдос, ни среди бумаг, находящихся в его родном доме в Лас-Пальмас на острове Гран-Канария, ни в собрании писем, завещанном Гальдосом незадолго до смерти его большому другу, Рамону Пересу де Айала.[1]

Тем не менее, существование этих писем не вызывает никакого сомнения. Русский публицист И. Я. Павловский, известный под псевдонимом

---

[12] Там же, № 26.

[1] Имя Тургенева не упоминается в недавно вышедшем издании «Писем к Гальдосу» («Cartas a Galdós». Madrid, 1964), опубликованных г-жой Соледад Ортега де Варела. В этой книге напечатана значительная часть писем от испанских корреспондентов Гальдоса, сохраненных семьей

Яковлева, встретился с Гальдосом в Мадриде в 1884 г., через год после смерти Тургенева. О своей беседе с испанским романистом он рассказывает следующее: «Ужасно меня поразила смерть Тургенева, — говорит Гальдос, — это мой великий учитель, я знаю все его сочинения и люблю как друга, хотя лично никогда его не знал. Он писал мне два раза, и я храню его письма, как святыню. Вы должны знать, что он у нас очень известен».[2] Двадцать шесть лет спустя, в 1910 г., давая интервью баккалавру Корчуэло, Гальдос повторил то, что некогда сказал своему русскому гостю: «Заранее говорю вам, что мои архивы очень интересны. Я сохраняю все письма, связанные с литературой, которые приходят в мой дом вот уже сорок лет... Среди других, у меня есть письма от Золя, Тургенева, Кларина, Переды...».[3]

Известный исследователь Гальдоса Беркович, видевший письма Тургенева в эпистолярном архиве Гальдоса, утверждает, что впоследствии они исчезли: «Очень жаль, что даже письма, полученные Гальдосом, не все находятся в его эпистолярном архиве. Несколько утешает то, что семья романиста знает, каким „странным" образом многие из них сделались драгоценной собственностью одного из его наиболее ревностных поклонников. Но недостающая часть корреспонденции совсем не обесценивает ту часть, которая сохранилась. Переда, Валера, Кларин, Менендес-и-Пелайо, Пардо Басан, Золя, Толстой, Тургенев и другие составляют отсутствующую часть корреспондентов».[4] Письма Тургенева принадлежат сейчас, может быть, какому-либо испанскому «поклоннику», который остерегается себя обнаружить, как это и предполагал Беркович. Возможно также, что они были проданы зятем Гальдоса; во всяком случае, в недавно появившейся статье Себастьяна де ла Нуэс Кабальеро есть легкий намек на это: «Современное состояние архива Гальдоса указывает на то, что чья-то рука — может быть, рука его секретаря, а потом зятя, Хосе Верде — навела порядок в письмах, рукописях, вырезках и заметках архива, пытаясь создать алфавитную классификацию, которая затем была несколько нарушена во время перемещения в Лас-Пальмас. Может быть, именно на счет этой руки следовало бы отнести полное отсутствие личной переписки, которую по вполне понятным причинам родственники поста-

---

Переса де Айала. Дом последнего во время гражданской войны в Испании был разграблен, и его бумаги были обнаружены в ужасном состоянии, что и объясняет исчезновение многих интересных писем. Отметим, однако, что существует папка, содержащая письма от тех корреспондентов Гальдоса, подписи которых г-жа Соледад Ортега не смогла разобрать (там же, стр. 449).

‹На существование переписки Тургенева с Бенито Пересом Гальдосом впервые в советской печати указал М. П. Алексеев в статье: Тургенев и испанские писатели. «Литературный критик», 1938, № 11, стр. 141—142›.

[2] И. Яковлев. Очерки современной Испании. СПб., 1889, стр. 172.

[3] El Bachiller Corchuelo. Nuestros grandes prestigios: Benito Pérez Galdós. «Por esos mundos» año XI, vol. XXI, julio-diciembre 1910, стр. 31.

[4] H. Chonon Berkowitz. Gleanings from Galdos'correspondence. «Hispania» (Stanford University), oct. 1933, т. XVI, стр. 249.

рались утаить от нескромных глаз исследователя».[5] Образ «зятя», обрисованный нам племянником писателя, Игнасио Пересом Гальдосом, который хорошо его знал, подкрепляет наше предположение: «Хосе Верде не только никогда не был секретарем Гальдоса, но и вообще был едва грамотным». Как бы там ни было, мы не потеряли надежды отыскать оба письма Ивана Сергеевича к Бенито, потому что в Испании много частных архивов.

В доме в Лас-Пальмас, превращенном в музей с 20 мая 1964 г. в результате бурной полемики между губернатором острова Гран-Канария и его епископом, непримиримым противником Гальдоса вследствие его антиклерикализма, мы попытались восстановить русскую библиотеку Бенито, собрав книги, разбросанные по разным этажам. Список их более обширен, чем тот, который дал Беркович.[6] Из книг Тургенева мы нашли только «Mémoires d'un seigneur russe» («Записки охотника») в переводе Эрнеста Шарьера (Paris, 1880, 2 vol.) и «Pères et enfants» («Отцы и дети») с предисловием Проспера Мериме (Paris, 1884). Укажем еще одну книгу о Тургеневе на французском языке, с надписью Павловского, который поддерживал с Гальдосом переписку: «Знаменитому господину Б. П. Гальдосу преданный ему И. Павловский» (Isaac Pavlovsky. Souvenirs sur Tourguéneff. Paris, 1887). Среди бумаг Гальдоса есть визитная карточка Павловского, относящаяся, вероятно, ко времени его встречи с писателем в 1884 г., и два недатированных письма.[7]

Гальдос считал себя, как известно, с самого начала своей деятельности учеником Тургенева. Можно ли в самом деле говорить о влиянии таланта Тургенева на Гальдоса? Этот вопрос, вероятно, заслуживает глубокого изучения. Во всяком случае, можно сказать, что обоих писателей сближают постоянные поиски правды и справедливости, ясность и чистота стиля. Однако Гальдос, по-видимому, испытал большее влияние Толстого, чем Тургенева. Сходство между «Анной Карениной» и «La Realidad» («Действительность») было отмечено Георгием Портновым.[8] Примитивное христианство Толстого отразилось в романе Гальдоса «Назарей» («Naza-

---

[5] S. de la Nuez Caballero. Indice del archivo particular de Galdós. «El Museo Canario», №№ 77—84, 1961—1962, стр. 152.

[6] H. Chonon Berkowitz. La biblioteca de Benito Pérez Galdós. Las Palmas, 1951, стр. 198—199 (русский отдел библиотеки состоит из 17 заглавий).

[7] В доме-музее Переса Гальдоса (улица Кано, 33, Лас-Пальмас на острове Гран-Канария) мы видели также письма русских журналистов и критиков, преимущественно женщин, которые просят у Гальдоса разрешения опубликовать на русском языке переводы его произведений: два письма от Анны Никифораки из Пет‹ербурга›, — от 11 октября и 8 ноября ‹?›; два письма от Марии Лазаревой из Москвы, от 2 (14) октября 1887 г. и 6 декабря 1888 г., одно письмо от Е. Гальперина-Каминского из Парижа, 20 февраля 1900 г., — все на французском языке.

[8] G. Portnoff. The influence of Tolstoy's «Anna Karenina» on Galdos «La Realidad». «Hispania», California, 1932, t. XV, стр. 203—204; К. Н. Державин. Русская литература в Испании. «Научный бюллетень ЛГУ», 1947, № 14—15, стр. 42—44.

rín»).[9] Толстой заинтересовался крупным испанским романистом, о чем свидетельствует тот факт, что он ему написал;[10] со своей стороны, Гальдос ответил ему тем же, приобретя многие произведения русского романиста.[11]

Но не будем заходить слишком далеко: только чтение писем Тургенева и Толстого к Гальдосу могло бы с очевидностью разрешить эти проблемы.

Париж *А. Звигильский*

(перевод *Т. П. Бронь*)

ТУРГЕНЕВ И ЕГО ДОЧЬ ПОЛИНА ТУРГЕНЕВА-БРЮЭР

Единственная дочь Тургенева, Полина, на протяжении трех десятилетий играла заметную роль в его личной жизни; однако их взаимоотношения, представляющие определенный интерес для биографии писателя, недостаточно освещены в литературе о Тургеневе. Основные факты биографии Полины приводятся в статье Н. М. Гутьяра «И. С. Тургенев и его дочь Полина Брюэр» (в его книге: Иван Сергеевич Тургенев. Юрьев, 1907, стр. 117—129) и в статье М. П. Алексеева «По следам рукописей

---

[9] Между тем, если верить автору одной мало известной статьи (Eduardo G. G e r e d a. Crónica del bien: el hermano Juan. «ABC», 26 marzo 1903), прообразом Назарея была, вероятно, подлинная личность — брат Хуан, который в течение двенадцати лет (1890—1902) ухаживал за самыми отталкивающими и обездоленными больными в главной больнице Мадрида. Гальдос был не единственный, кого вдохновил образ брата Хуана; этот же образ отразил и Эчегарай (Echegaray) в пьесе «El loco dios» («Безумный бог»).

[10] См. выше, стр. 322.

[11] «La guerre et la paix» («Война и мир») (Paris, 1884, 3 vol.); «Ma religion» («В чем моя вера?») (Paris, 1885); «Les Cosaques. Souvenirs de Sébastopol» («Казаки. Севастопольские рассказы») (Paris, 1886); «Résurrection. Nouvelle vie» («Воскресение») в переводе с русского языка Е. Гальперина-Каминского (E. Halpérine-Kaminsky) (Paris, 1899); «La escuela de Yasnaïa Poliana» («Яснополянская школа»), перевод А. Гомеса Пинильи (A. Gómez Pinilla) (Valencia, б. г.); «La guerra ruso-japonesa» (Русско-японская война), перевод Кармен де Бургос Сеги (Carmen de Burgos Segui (Valencia, б. г.). [Вероятно, это испанский перевод книги: Leon Tolstoï. La Guerre Russo-Japonaise. Paris, 1904, — изданной на французском языке в переводе Е. Гальперина-Каминского и составленной из различных работ Л. Н. Толстого, не имеющих никакого отношения к русско-японской войне, — *Ред.*]. Поразительно, что в библиотеке Гальдоса нет ни одного перевода из произведений Достоевского, которого Бенито так любил, судя по тому, что нам рассказала его дочь, г-жа Мария. Между тем, на верхнем краю листа 185 об. 1-го тома подлинной рукописи «Fortunata y Jacinta» («Фортуната и Хасинта») (1885), сохранившейся у г-жи Марии, можно прочитать слово «Свидригайлов». Как оказалось здесь это чудовище из «Преступления и наказания»?

И. С. Тургенева во Франции» («Русская литература», 1963, № 2. стр. 69—71). В работе Е. Семенова (E. Séménoff) «La Vie douloureuse d'Ivan Tourguéneff» («Mercure de France», 1931, 15 ноября, № 802; 1932, 1 февраля, № 807; 1932, 1 июня, № 815; отд. изд.: Paris, 1933) опублико-

Полина Тургенева-Брюэр. Фотография Э. Каржа. 1870-е гг. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (Ленинград).

ваны письма Тургенева к дочери с 1852 г. до начала 70-х годов. Эта публикация оснащена развернутым комментарием автора книги. К сожалению, в ней почти нет писем и материалов, относящихся к 70-м и началу 80-х годов. Кроме перечисленных работ, Полине Тургеневой посвящены отдельные страницы в мемуарной литературе о Тургеневе. Известны так-

же некоторые газетные статьи о Полине Брюэр: например, интервью, данное Полиной одному из сотрудников газеты «Eclair», опубликованное в этой газете 27 января 1899 г. под названием «Une fille d'Ivan Tourguéneff à Paris» (это интервью приводится также в книге: *Séménoff*, стр. 249—253) и перепечатанное в киевской газете «Жизнь и искусство» (1899, 22 января (3 февраля), № 22) под заглавием «У дочери И. С. Тургенева». В этом интервью сообщаются «некоторые подробности, касающиеся частной жизни как самого Тургенева, так и его семьи», приводятся факты из жизни Полины Брюэр, в том числе и относящиеся к периоду после смерти ее отца; в «Красной газете» (Вечерний выпуск, 1929, 9 мая, № 113) напечатана статья Цер «Дочь И. С. Тургенева. (Неопубликованные материалы)», не содержащая, однако, никаких новых материалов. Перечисленные работы, освещающие отдельные факты биографии Полины Тургеневой (Брюэр), позволяют составить некоторую общую картину ее жизни, но основными материалами остаются письма к ней Тургенева, в значительной части еще не опубликованные, а также публикуемые ниже два письма ее к отцу, — по-видимому, единственные сохранившиеся.

Внебрачная дочь Тургенева Полина (Пелагея) родилась 26 апреля (8 мая) 1842 г. Мать ее, московская мещанка Евдокия (или Авдотья) Ермолаевна Иванова, была белошвейкой, служившей у В. П. Тургеневой в Спасском. Вскоре после рождения Полину взяли у матери и отдали на воспитание в семью крепостного Тургеневых — Федора Лобанова.[1] Мастерица Иванова была рассчитана и отправлена в Москву. Впоследствии Тургенев оказывал ей материальную поддержку, выплачивая пенсию. Между тем оставшийся в Спасском ребенок рос в очень тяжелых условиях. Вернувшись в Россию летом 1850 г., Тургенев узнал о судьбе (а быть может, и о существовании) дочери, был взволнован ее жалким положением и мыслью о таком же безрадостном будущем. Он написал об этом Полине Виардо. К сожалению, это письмо не сохранилось, так же как и ответное письмо П. Виардо, в котором она предложила отправить девочку к ней в Париж, с тем чтобы она воспитывалась вместе с ее детьми. Тургенев с радостью согласился.[2] 23 октября (4 ноября) 1850 г. девочка была отправлена в Париж в сопровождении гувернантки-француженки. Отец надеялся, «что эта большая перемена в жизни спасет ее».[3]

Понимая всю двусмысленность и трудность будущего положения в России своей «незаконной» дочери, Тургенев решил оторвать ее совсем и навсегда от русской почвы. С этой целью она в Париже училась только по-французски, и когда писатель через шесть лет, в 1856 г., увидел ее вновь, он с удовлетворением мог писать В. П. Боткину 18 (30) сентября

---

[1] См.: А. И. Понятовский. Тургенев и семья Лобановых. *Тургенев, Сб. 1964*, стр. 270—276.

[2] См. письмо Тургенева к П. Виардо от 31 августа (12 сентября) 1850 г.: *Письма*, т. I, стр. 388, 499—500.

[3] *Письма*, т. I, стр. 413 и 508. (Здесь и далее цитаты из писем, в подлинниках написанных по-французски, приводятся в переводе).

1856 г.: «Моя дочка очень меня радует ‹...› По-русски забыла совершенно — и я этому рад. Ей не для чего помнить язык страны, в которую она никогда не возвратится».[4] С конца 1857 г., по советам П. Виардо и по желанию Тургенева, Полина стала носить фамилию отца, не будучи, однако же, им узаконена (что позднее вызвало большие осложнения при выходе ее замуж в 1865 г.).

По выходе Полины из пансиона, в годы совместной жизни в Париже (1860—1864), Тургенев познакомил свою дочь со многими из своих русских и французских друзей, которые потом в течение долгих лет поддерживали с ней связь, а иногда и дружеские отношения, оказывали ей внимание и помощь, принимали участие в ее судьбе. Среди них — О. А. Сомова (Тургенева), семья Трубецких, Е. С. Кочубей (Волконская), графиня Ламберт и семья Н. И. Тургенева, особенно его дочь Фанни, которая впоследствии была даже крестной матерью сына Полины, Жоржа. Большое участие в судьбе дочери Тургенева принимала его парижская знакомая, давняя приятельница П. Мериме — Валентина Делессер. Она не только покровительствовала молодой девушке, но деятельно способствовала ее браку с Гастоном Брюэром. Многие годы поддерживал знакомство с Полиной Тургеневой и П. В. Анненков. Ему принадлежит небезынтересный отзыв о Полине, высказанный в письме к Тургеневу от 14 (26) сентября 1864 г.: «Дочь ваша с 58 года, когда я ее видел впервые, много изменилась: в ней засветились ум, сметливость, даже ирония и юмор, которые при ее откровенной и добродушной живости — значительно поднимают ее из уровня водевильно-грациозных и остроумных французских девушек. Это очень хорошо; теперь все дело в том, чтоб фонд, на котором все это выросло, находил постоянно хорошую пищу и не истощался ‹...› я, признаюсь, очень порадовался, заметив в ней некоторую тревогу мысли, вероятно, возбужденную вашими советами и советами M-me Innis...».[5]

К концу 1860—началу 1861 г. относятся впечатления о Полине Н. В. Щербаня: «...на пороге показалась ‹...› молодая девушка в изящном темном выходном костюме, с веселыми глазками, некрасивым, но симпатичным личиком и такими типичными чертами, что я невольно заговорил по-русски ‹...› — „mais je ne parle pas russe: on a eu beau me l'apprendre, je ne fais que baragouiner. Que voulez-vous! une tête de bois!" (... но я не говорю по-русски: сколько меня ни учили, я только коверкаю слова. Что делать! такая уж деревянная голова!) — прибавила она с милой, как бы извиняющейся улыбкой».[6]

Сохранились и некоторые суждения Полины о себе самой. В неизданном письме к Е. С. Кочубей от 6 января н. ст. 1862 г. она характери

---

[4] Там же, т. III, стр. 15.

[5] Там же, т. V, стр. 649.

[6] Н. В. Щербань. Тридцать два письма И. С. Тургенева и воспоминания о нем (1861—1875). «Русский вестник», 1890, № 7, стр. 4—5, 7. — Публикуемая нами фотография Полины Тургеневой-Брюэр была прислана в дар Музею Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР проживающим в Париже писателем Б. К. Зайцевым, за что выражаем ему свою признательность (*Ред.*).

зует себя как «натуру любящую, но дикую». И далее она пишет: «...чем больше я взрослею, тем более становлюсь печальной, теперь я уже не такая, как в прежние времена, всегда веселая, о! нет, к несчастью! все принимает сероватый и мрачный вид, в том числе и моя жизнь, которая, впрочем, далеко не несчастна, хотя есть в ней что-то, что не ладится».[7]

Но, конечно, наиболее глубокие и разносторонние суждения о Полине содержатся в высказываниях самого Тургенева. Он отмечает в ней и дикость, и мрачное отношение к жизни, в которых сама Полина исповедуется в приведенном выше отрывке из ее письма; он говорит и о ее «чрезвычайной обидчивости», которая может ее сделать «капризной, раздраженной и даже неблагодарной».[8] В письме к дочери от 10 (12) ноября 1859 г. Тургенев с болью отмечает тяжелые свойства ее характера и старается внушить ей желание преодолеть их.[9] По-видимому, с годами эти свойства не сглаживались: в 1861 г. Тургенев обращается к дочери с теми же упреками.[10] Читая письма Тургенева к дочери, написанные более двадцати лет спустя, можно встретить почти такие же упреки в адрес Полины, уже сорокалетней женщины (см., например, письма от 27 апреля (9 мая) 1882 г. и от 30 августа (11 сентября) 1882 г.).[11]

Тургенев не скрывал от себя и от своих друзей недостатков своей дочери и отсутствия близости, общих интересов между ними. В одном из писем к Е. Е. Ламберт 1859 г., скорбя о своей неустроенной жизни, писатель делится с ней своими мыслями о дочери: «Я довольно много видел мою дочь в последнее время — и узнал ее. При большом сходстве со мною — она натура совершенно различная от меня: художественного начала в ней и следа нет; она очень положительна, одарена характером, спокойствием, здравым смыслом: она будет хорошая жена, добрая мать семейства, превосходная хозяйка — романтическое, мечтательное все ей чуждо: у ней много прозорливости и безмолвной наблюдательности; она будет женщина с правилами и религиозная... Она, вероятно, будет счастлива <...>. Она меня любит страстно...».[12] После первого признания Тургенева в недостатке духовной близости с дочерью последовали другие, столь же искренние: «Я хочу пояснить Вам, почему именно между моей дочерью и мною мало общего, — пишет он той же Е. Е. Ламберт 21 сентября (3 октября) 1860 г., — она не любит ни музыки, ни поэзии, ни природы — ни собак, — а я только это и люблю. <...> Собственно для моей дочери это все очень хорошо — и она заменяет недостающее ей другими, более положительными и полезными качествами; но для меня она — между нами — тот же Инсаров. Я ее уважаю, а этого мало».[13]

В письмах Тургенева к дочери на протяжении трех десятков лет обсуждалось все то, что волновало Полину: ее ученье, ее взаимоотноше-

---

[7] ИРЛИ, ф. 57, оп. 4, № 61.
[8] *Письма*, т. III, стр. 244, 263, 365—366, 423, 426; т. IV, стр. 250 и др.
[9] Там же, стр. 365—366, 436—437.
[10] Там же, т. IV, стр. 250 и 416.
[11] Там же, т. XIII, кн. 1 и 2; печатается.
[12] Там же, т. III, стр. 321—322.
[13] Там же, т. IV, стр. 134; ср. там же, стр. 149, 166 и др.

ния с отцом, с Полиной Виардо, замужество, дети, дела ее мужа и — всегда — один центральный вопрос: деньги, которых ей постоянно недоставало. Но в этих письмах нельзя встретить обсуждения каких-либо художественных проблем, литературных или театральных новостей, что отражало бы интерес Полины к искусству или каким-либо другим духовным ценностям. Эти письма не только помогают постичь внутренний облик Полины, но раскрывают и объясняют отношение Тургенева к ней или во всяком случае одну из существенных сторон их взаимоотношений. Положение осложнялось еще и тем, что Тургенев очень болезненно воспринимал ту враждебность, которая постепенно назревала между его дочерью и Полиной Виардо и время от времени приводила к серьезным недоразумениям. С годами взаимная неприязнь усиливалась, возникали острые конфликты. При этом Тургенев чаще всего становился на сторону Полины Виардо, что неизбежно отдаляло его от дочери. (После смерти Тургенева отношения между Полиной Брюэр и Полиной Виардо превратились в открытую и непримиримую вражду).

С начала 60-х годов возник вопрос о замужестве Полины, которое могло бы вывести ее из неопределенного и ложного положения, поставить ее жизнь на твердое основание и вместе с тем навсегда оторвать ее от России и от русских связей и интересов ее отца. Женихом должен был быть француз, принадлежащий к среднебуржуазному кругу, далекому от литературно-артистической среды, в которой жил сам Тургенев. Наконец, с помощью Валентины Делессер, была найдена подходящая партия — 29-летний коммерсант, Гастон-Виктор-Эжен Брюэр, управляющий стекольной фабрикой, принадлежащей зятю Валентины Делессер, С. де Надайаку. Тургенев не скрывал своей радости: «Я очень этому буду рад; он выводит мою дочь из ложного положения, в котором она находилась — и избавляет меня от великой ответственности», — писал он Е. Е. Ламберт 13 (25) декабря 1864 г.[14] Однако радость Тургенева была слишком поспешна: впоследствии этому замужеству не суждено было оправдать надежды ни отца, ни дочери. Оно не принесло Полине счастья, обеспеченности, независимости. Следовательно, оно не избавило Тургенева от ответственности за ее судьбу, как он надеялся, а напротив, заботы его постоянно возрастали, и он не только не устранялся от них, но все более и более принимал их на себя.

Замужество Полины потребовало от Тургенева больших затрат. Чтобы выделить дочери приданое в 150 000 франков, ему пришлось обращаться за помощью к брату, к друзьям и знакомым.[15]

Выходя замуж за француза, Полина приняла католичество (до тех пор, по желанию отца, она оставалась православной). Свадьба состоялась 13 (25) февраля 1865 г. Сразу же после свадьбы Полина с мужем поселилась в Ружмоне, около г. Клуа, где находилась фабрика Гастона. Здесь она прожила до 1882 г. Первые годы супружества были благополучными и, казалось, счастливыми. Заботы Тургенева в это время огра-

[14] Там же, т. V, стр. 307.
[15] Там же, стр. 309, 318—319, 340, 345—346.

ничивались тем, что он ежегодно платил дочери проценты по векселю, выданному им в счет приданого,[16] посылал ей незначительные суммы денег на подарки по различным поводам, тревожился о ее здоровье. Но по мере того, как стекольная фабрика Гастона поглощала приданое Полины, возрастали заботы Тургенева. Ему приходилось спешить с выплатой приданого Полине, изыскивать для Гастона деньги взаймы, — семья Брюэр постоянно оказывалась перед необходимостью срочных платежей, — и все эти трудности ложились на плечи писателя.

Серьезный ущерб состоянию Брюэров нанесла франко-прусская война 1870—1871 гг., затем дела несколько поправились; к концу 1871 г. Гастону удалось стать единоличным арендатором фабрики, а в 1873 г. он возобновил аренду еще на 16 лет. К этому времени у Полины уже была дочь Жанна, которая родилась 6 (18) июля 1872 г. Тургенев время от времени навещал семью Брюэр. В конце 1872 г. по совету дочери он арендовал в окрестностях Ружмона охотничье угодье, и с тех пор его наезды в Ружмон заметно участились: Тургенев совмещал посещение дочери с любимым занятием. Эту охоту он арендовал в течение нескольких лет.

К концу 1873 г. Тургенев выплатил дочери последнюю часть ее приданого,[17] и семья Полины лишилась постоянного и надежного дохода — тех 2500 франков в год, которые она регулярно получала от отца в счет процентов по векселю. Это обстоятельство заметно сказалось на бюджете семьи и вызвало искреннее беспокойство Тургенева. «Я не могу допустить мысли, чтобы вы обе — ты и Жаннетта, нуждались», — пишет он Полине в письме от 1 (13) января 1874 г. и сообщает ей, что принял решение восстановить ее пенсию и посылать ее непосредственно самой Полине, «пока дела стекольной фабрики будут находиться в таком упадочном состоянии».[18] Это новое, добровольно принятое на себя обязательство Тургеневу пришлось выполнять до конца жизни.

Жизнь Полины в это время не отмечается никакими заметными событиями. В 1875 г. у нее родился второй ребенок, сын Жорж-Альбер. К этому времни от ее приданого уже ничего не осталось, фабрика не окупала расходов, можно было предвидеть неминуемое разорение. Тревога Тургенева возрастала, он настойчиво, но безуспешно советовал дочери и зятю отказаться от фабрики. В 1876 г., опасаясь за будущее Полины и ее детей в случае своей смерти, Тургенев обращается к брату с просьбой: «‹. . .› если ‹. . .› ты найдешь возможным дать еще 10 или 15 000 моей дочери Полине Брюэр — то я тебе скажу загробное спасибо».[19] Опасения за судьбу Полины имели серьезные основания. К 1877 г. дела Гастона на фабрике стали совсем безнадежными, и на плечи Тургенева легло бремя новых забот.

Еще несколько лет продолжалось неопределенное положение: Гастон и Полина не соглашались ни на объявление банкротства, ни на ликви-

[16] *Письма*, т. V, стр. 345—346.
[17] См. письмо к Н. С. Тургеневу от 24 ноября (6 декабря) 1873 г.: там же, т. X, стр. 174.
[18] Там же, стр. 187, 422.
[19] *Письма*, т. XI, стр. 284.

дацию фабрики — они упорно рассчитывали на денежную помощь Тургенева, полагая, что это позволит им избежать банкротства и выгодно уступить аренду. Полина надеялась таким образом сохранить семью и, воздерживаясь от решительного шага, оставалась в Ружмоне. А между тем, ее совместная жизнь с Гастоном становилась невозможной. «Он умудрился, — пишет Тургенев Анненкову 13 (25) февраля 1882 г., — пустить на ветер даже те деньги, которые я полагал упрочить за моими внуками, стал пьянствовать, грозить то себя убить, то ее — и теперь я ежедневно ожидаю, что она прибежит сюда со своими детьми, я должен буду ее прятать и немедленно завести процесс de séparation de corps et de biens ‹...› и так как надо опять обзавестись деньгами — продал своего любимого Руссо, продаю лошадь, кареты и т. д.».[20]

Тургенев не только ждал приезда Полины, он настаивал на нем, обещал ей найти квартиру, взять на себя все расходы по устройству на новом месте, выплачивать постоянное содержание. Он понимал, что все это угрожает ему серьезными трудностями, и был готов к ним. К 1882 г. разорение семьи Брюэр совершилось. В начале марта н. ст. 1882 г. Полина, по совету и при поддержке отца, тайно, вместе с детьми бежала от мужа. Из Ружмона она приехала в Париж, и тяжесть этого нового испытания опять легла на Тургенева. Об этом красноречиво свидетельствует его письмо к Ж. А. Полонской от 26 февраля (10 марта) 1882 г.: «Что же касается до моей дочери — то тут беды только еще начинаются: пошла возня с адвокатами, стряпчими и т. д. Процесс может длиться год и слишком; она с детьми должна скрываться — все, что она имела, пропало безвозвратно — может быть ей даже придется убежать навсегда из Франции. Точно колесо меня схватило и начинает втягивать в машину».[21] Через несколько дней Тургенев вынужден был отправить Полину и ее детей в сопровождении Луизы Арнгольт (экономки семьи Виардо) в Швейцарию и поселить в гостинице (Hôtel de la Couronne) города Солёра. Этим открывается последняя страница истории взаимоотношений Тургенева с дочерью и внуками.

Жизнь Полины в Швейцарии была полна лишений. Место ее пребывания сохранялось в строжайшем секрете. Постоянная нужда в деньгах, болезни детей и самой Полины, полная неопределенность, а может быть и безнадежность в будущем, оторванность от привычной обстановки, от знакомых, совершенное одиночество, и над всем этим — гнетущий страх быть обнаруженной мужем, на чьей стороне закон, право на детей. В этих условиях отец был для нее единственным источником жизни и связи с миром. Он часто писал ей: за 1882 г., первый год жизни Полины в Швейцарии, сохранилось около 40 писем Тургенева к ней и внукам. В письмах к дочери — отеческие советы и наставления, забота о здоровье ее и детей, сведения о Гастоне, которыми Полина очень интересовалась: Тургенев переслал дочери письмо от мужа с предложением начать новую

---

[20] Там же, т. XIII, кн. 1; печатается.
[21] Там же.

совместную жизнь и посоветовал ей не доверяться Гастону (письмо от 16 (28) октября 1882 г.).[22] Но основной темой писем Тургенева к дочери — и несомненно ее писем к нему — по-прежнему постоянно и неизбежно были деньги: то это были сообщения об отправке ежемесячных 400 франков, то призывы к бережливости, то уведомления о дополнительно отправляемых деньгах — на врачей, на лекарство, на подарки, то категорические требования не превышать в расходах установленной пенсии под угрозой лишить дочь всякой материальной поддержки. В последнем дневнике Тургенева имеется запись от 31 декабря 1882 г. (12 января 1883 г.): «Моя дочка наделала долгов — и мне пришлось ей послать деньги сверх пенсии».[23] По-видимому, угрозы отца были лишь педагогической мерой, а в трудную минуту он неизменно спешил ей на помощь.

До конца 1882 г. между Тургеневым и Полиной продолжалась напряженная переписка. Большинство писем Тургенева написано в непривычно резком для него тоне, все они — исключительно денежного содержания. Все возрастающие материальные тяготы, которые возлагает Полина на больного отца, становятся для него непосильными; по-видимому, даже переписка стала ему затруднительна. Последнее письмо Тургенева к дочери за этот период — от 31 декабря 1882 г. (12 января 1883 г.).[24] За ним следует двухмесячный перерыв и еще одно, последнее известное нам письмо, автограф которого не сохранился, — от 21 февраля (5 марта) 1883 г.: прикованный к постели Тургенев посылает Полине очередную пенсию.[25] В ответ на продолжительное молчание отца Полина 18 (30) апреля 1883 г. пишет письмо, которое звучит, как крик отчаянья, как мольба о помощи (см. публикацию ниже). Но тяжело больной Тургенев не откликнулся на него. Он больше не писал дочери, хотя несомненно думал о ней. Известно, что он «перед смертью намеревался продать Спасское, капитал передать в руки Виардо, чтобы она, по мере надобности, удовлетворяла нуждам его внучат ‹...› его желание не состоялось вследствие его скорой смерти».[26] Благодаря заботам Тургенева, Полина ежемесячно получала свою пенсию, которую по его поручению отправляли Луиза Арнгольт, Полина Виардо, Клоди Шамро, сопровождая деньги сухими, вежливыми записками, часто без обращения и без подписи. За несколько часов до смерти Тургенева Клоди Шамро уведомила Полину о его безнадежном состоянии, а несколько дней спустя после его смерти П. Виардо заверила П. Брюэр, что будет по-прежнему посылать ей ежемесячное содержание, как это делал Тургенев. Полина не смогла приехать проститься с телом отца, она приехала позднее, чтобы защитить свои права на 100 000 франков наследства, которые он ей завещал.[27]

---

[22] *Письма*, т. XIII, кн. 2; печатается.
[23] *Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, стр. 394.
[24] *Письма*, т. XIII, кн. 2; печатается.
[25] Там же.
[26] С. Г. Щепкина. И. С. Тургенев в Спасском-Лутовинове. «Красный архив», 1940, № 3, стр. 228.
[27] «Mercure de France», 1932, 1 июня, № 815, стр. 331—333, 336, 337; перепечатано: *Séménoff*, стр. 231—233, 237.

Это наследство могло скромно, но надежно обеспечить Полину и ее детей до их совершеннолетия. На земельное имущество Тургенева Полина, как незаконнорожденная дочь, по русским законам прав не имела: Тургенев при жизни не узаконил своего отцовства. Так завершился последний, безрадостный этап сложных и во многом противоречивых взаимоотношений Тургенева с дочерью, сопутствовавших ему на протяжении стольких лет жизни.

После смерти отца Полина осталась совсем одинокой и беспомощной, с маленькими детьми на руках. Они жили на наследство, оставленное Тургеневым, до тех пор, пока не подросла Жанна, которая своим трудом содержала себя и мать. Около 1895 г. умер Гастон Брюэр, Полина с семьей смогла беспрепятственно переехать в Париж и поселиться в скромной квартире на улице Бак. По-видимому, и в дальнейшем жизнь Полины не была богата событиями. В 1919 г. она умерла от рака.

В истории отношений Тургенева к дочери особое место принадлежит его внукам. С нетерпением и радостью ждал он рождения обоих детей Полины, был крестным отцом Жанны. В письмах к дочери он постоянно проявлял интерес и внимание к своим внукам. Сохранилось 6 писем Тургенева к маленькой Жанне, написанных в 1882 г., когда Полина с семьей скрывалась в Швейцарии. Если письма к дочери в этот период написаны в несколько сухом, а может быть и раздраженном тоне, то письма к внучке неизменно ласковы и заботливы. Тургенев тревожится о здоровье внуков, интересуется их занятиями, посылает книги. В одном из писем к Жанне Брюэр[28] посылает ей свою фотографию с надписью: «à ma petite Jeanne». Эта фотография опубликована Саккаром в его очерке «У внучки Тургенева», помещенном в парижском журнале «Иллюстрированная Россия». Этот очерк интересен тем, что содержит новые сведения о судьбе внучки Тургенева, сообщенные ею самой. Жанна свято чтила память своего деда и носила — не имея на то, разумеется, формального права — его фамилию; она не была замужем; всю жизнь она работала, преподавая английский, французский и немецкий языки, музыку. В отличие от матери Жанна обладала художественными наклонностями: она была прекрасной музыкантшей, поэтессой — на ее слова написаны десятки музыкальных произведений, романсов и мелодекламаций; она не чужда и живописи — автор очерка описывает исполненный ею по фотографии портрет Тургенева. Он сообщает также о виденных им фотографиях друзей Жанны — «все славных имен в музыкальном и артистическом мире». По впечатлению Саккара, в лице Жанны есть «какое-то неуловимое сходство со знакомым всем обликом, какая-то фамильная складка, зоркий взгляд тургеневских глаз». Здесь же помещена фотография Жанны, относящаяся, по всей вероятности, к 1933 г. Сообщается еще одна деталь — «внучка Тургенева ни слова не знает по-русски». В доме бережно хранятся реликвии, связанные с памятью великого деда: уже

---

[28] *Письма*, т. XIII, кн. 1, печатается.

упомянутый выше портрет Тургенева, подаренный 10-летней Жанне, его бюст работы М. М. Антокольского (копия, подаренная Полине отцом). Этот перечень существенно дополняется опубликованной в том же журнале статьей Е. Семенова «Отец и дед. (Новая скорбная глава из биографии И. С. Тургенева)».[29] В квартире Жанны — пианино, некогда полученное Полиной от отца в приданое. Она сохранила и альбом семейных фотографий. Но самой большой ценностью были для Жанны письма Тургенева к ее матери и к ней самой, которые она свято берегла и долгое время отказывалась опубликовать или продать. Эти письма охватывают три десятилетия жизни писателя: с 1852 по 1882 г. Их более 350. Все же Жанна Брюэр-Тургенева предоставила Е. Семенову право опубликовать часть этих писем, и приблизительно половина из них была им напечатана в «Mercure de France» и в книге «La Vie douloureuse d'Ivan Tourguéneff» (Paris, 1933).

В том же году Жанна согласилась расстаться с письмами Тургенева: Государственный литературный музей приобрел у нее 315 его писем к Полине Брюэр и 5 писем к самой Жанне. Все эти письма вошли в описание рукописей Тургенева, изданное *ГЛМ* в 1935 г.[30]

В октябре 1935 г. поступили в *ГЛМ* еще 12 писем Тургенева к Полине Брюэр. Впоследствии все 327 писем к ней перешли из *ГЛМ* в ЦГАЛИ (ф. 509, оп. 1, ед. хр. 44). Здесь же хранятся и письма Тургенева к Жанне Брюэр.[31] Двадцать лет спустя, в 1955 г., уже после смерти Жанны, в отдел рукописей *ГБЛ* поступили от французского коллекционера Франсуа (через объединение «Международная книга») еще 12 писем Тургенева к дочери.[32] В архиве Жанны несомненно находились и те 17 писем, опубликованные Е. Семеновым, подлинниками которых мы не располагаем. Их местонахождение неизвестно. (Известно еще одно письмо Тургенева к Полине Брюэр 1882 г.).[33]

Жанна Брюэр-Тургенева умерла одинокой, не оставив потомства, 18 апреля 1952 г. в Париже. О жизни внука Тургенева, Жоржа-Альбера Брюэра, не известно ничего, кроме того, что он тоже был холост и не оставил потомства; он умер 23 июня 1924 г. в Париже.[34]

Письма Полины Тургеневой-Брюэр к отцу в основном неизвестны и, вероятно, не существуют. В *ИРЛИ* хранятся только два ее письма к Тургеневу: от 9 июля 1881 г. (11820.LXIX6.1) и от 30 апреля 1883 г. (29367.CCIX6.13). Эти письма ниже публикуются впервые.

---

[29] «Иллюстрированная Россия», 1933, № 23(421), стр. 1—4.
[30] *ГЛМ*, *Бюллетени*, стр. 62—210.
[31] *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, ед. хр. 43.
[32] *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, ед. хр. 3—14.
[33] ЛО Архива АН СССР, ф. 247 (И. М. Гревса), оп. 8, № 2/21.
[34] Эти сведения установлены благодаря любезной помощи французского ученого Ж. В. Арменжона, приславшего свидетельства о смерти внуков И. С. Тургенева, Жанны и Жоржа Брюэр, выданные мэрией в Париже в 1963 г. (*ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 305).

Verrerie de Rougemont.
G. Bruère.
par Cloyes (Eure & Loir).

[Verrerie de Rougemont, le] 9 juillet [18]81.

Mon bien cher père,

C'est avec grand plaisir que j'ai reçu ton petit mot,[1] je commençais à penser que mon père m'oubliait complètement: j'avais écrit à M-r Viardot pour avoir ton adresse[2] et j'attendais une sérieuse solution à notre affaire pour t'écrire. Nous avons plusieurs personnes en vue: il y a un ménage fort bien qui est venu ici et qui a envie de notre usine — espérons que l'envie de ces personnes durera et que nous, nous pourrons leur céder le tout sans pertes: d'ici une quinzaine au plus on saura à quoi s'en tenir.[3] J'espère que notre mauvaise étoile nous quittera d'ici peu et que nous pourrons vivre simplement, mais tranquillement et honorablement.

Maintenant tu peux être sans inquiétude sur les titres nominatifs; Gaston est allé les retirer et en même temps on lui a donné 1100 francs et quelques centimes d'intérêts (coupons du 1-er juillet).

Gaston a beaucoup voyagé afin de vendre ses marchandises, il a été obligé de faire des conditions fort peu bonnes pour nous mais il s'est ainsi fait de l'argent. Il y a pour 40 à 50.000 francs de marchandises en magasin, c'est reconnu de tous, par conséquent même en perdant 10 à 15,000 francs dessus, cela nous donnerait de l'argent, nous en avons grand besoin jusqu'à la cession. On ne veut pas faire de mauvaises affaires, en France c'est une tache qui retombe sur les enfants. — Je tiens à laisser aux miens un nom honorable et j'espère que nous y arriverons.[4]

Pour avoir quelques commandes Gaston part pour Londres lundi, il y restera une huitaine de jours. Tout le monde se promène dans ce moment-ci excepté les enfants et moi: ma belle-mère est au Tréport,[5] mon beau-frère[6] et sa femme sont en Suisse, les Tourguéneff[7] en Hollande etc. Nous tâchons de passer notre temps tout de même aussi bien que possible, en travaillant. — Dieu merci, mes enfants ne se portent pas mal. Georges commence à ne plus avoir si peur de faire fonctionner ses petits doigts: son écriture n'est pas brillante mais cela commence à aller. La lecture ne va pas mal du tout etc.: mais son cheval mécanique lui va mieux que tout ce que je dis: quel cadeau tu lui as fait là. Ma Jeanne est ma petite compagne, elle devient fort sage et bien gentille pour moi; ce n'est pas trop, car souvent j'ai bien de la peine et quelquefois le cœur bien gros. Enfin, il faut compter sur la providence et penser que le tout aura une bonne fin.

Je sais que tu as été souffrant mais d'après le contenu de ta lettre tu vas mieux.[8] Nous serons tous bien contents de te revoir: je crois que nous ne te verrons pas avant le mois de s‹eptem›bre: nous tâcherons de prendre patience surtout si tu nous écris de temps en temps; en attendant nous tous t'embrassons tendrement.

P. Bruère.

Перевод:

Стекольная фабрика в Ружмоне.

Г. Брюэр

через Клуа (Эр и Луар)

[Стекольная фабрика в Ружмоне,] 9 июля [18]81.

Мой дорогой отец,

С большим удовольствием я получила твое письмецо;[1] я уже начала думать, что мой отец меня совсем забыл: я написала г-ну Вардо, чтобы получить твой адрес,[2] и ожидала серьезного решения наших дел, чтобы написать тебе. Мы имеем на примете нескольких человек: есть одна очень хорошая чета, которая приехала сюда и которая хочет иметь нашу фабрику, — будем надеяться, что это желание сохранится и что мы сможем им уступить все без потерь; самое большее недели через две будет известно, на чем следует остановиться.[3] Надеюсь, что скоро наша несчастливая звезда нас покинет и что мы сможем жить скромно, но спокойно и честно.

Теперь ты можешь не беспокоиться насчет именных акций; Гастон пошел их забирать и одновременно ему дали 1100 франков и несколько сантимов процентов (купоны от 1-го июля).

Гастон много разъезжал с целью продать свои товары, он был вынужден принять условия, очень невыгодные для нас, но таким образом он раздобыл денег. В магазине имеется товаров на сумму от 40 до 50 тысяч франков, это признано всеми, следовательно, даже если мы потеряем на этом от 10 до 15 тысяч франков, это все-таки даст нам денег, а мы в них очень нуждаемся, пока не состоится передача фабрики. Не хочется заключать плохих сделок, во Франции — это пятно, которое падает на детей. Я должна оставить своим детям честное имя и надеюсь, что нам это удастся.[4]

Чтобы получить какие-нибудь заказы, Гастон в понедельник уезжает в Лондон, он пробудет там около недели. В настоящий момент все разъезжают, за исключением меня и детей: моя свекровь находится в Трепоре,[5] мой деверь[6] и его жена — в Швейцарии, Тургеневы[7] — в Голландии и т. д. Мы постараемся тем не менее провести время как можно лучше, в работе. Слава богу, мои дети чувствуют себя неплохо. Жорж теперь уже не так боится шевелить своими пальчиками: почерк у него не блестящий, но уже начинает исправляться. Чтение у него идет совсем неплохо и т. п.; но его механическая лошадка у него идет лучше всего того, о чем я уже сказала: вот какой подарок ты ему сделал. Моя

---

[1] За все время пребывания Тургенева в России весной и летом 1881 г. не сохранилось ни одного его письма к П. Брюэр.

[2] Тургенев в это время находился в Спасском.

[3] Гастон Брюэр надеялся на выгодных условиях передать аренду другому предпринимателю, но это не удалось, и в 1882 г. он был разорен, лишился фабрики и всего имущества, в том числе мебели и личных вещей, а фабрика перешла к другим лицам.

[4] Возможно, Полина подразумевает банкротство, которое Тургенев считал приемлемым для Брюэров выходом из их безнадежного положения. Он не раз писал им об этом, но Полина всегда отвергала этот выход, как позорный.

[5] Трепор — город и порт на Ламанше.

[6] Поль Брюэр, младший брат Гастона.

[7] Вдова и дети Н. И. Тургенева.

Жанна — это моя маленькая подруга, она становится весьма рассудительной и очень мила со мной; это совсем не лишнее, потому что у меня часто так много огорчений и иногда на сердце так тяжело. Ну что же, нужно рассчитывать на провидение и думать, что все кончится хорошо.

Я знаю, что ты был болен, но судя по содержанию твоего письма, тебе лучше.[8] Мы все будем очень рады увидеть тебя снова; думаю, что мы не увидим тебя до с‹ентя›бря: постараемся потерпеть, особенно если ты будешь писать нам время от времени; пока мы все нежно тебя целуем.

П. Брюэр.

2

Le 30 avril 1883.

Mon bon père, je t'en supplie, réponds-moi un mot, je voudrais tant partir et faire mieux, je t'en conjure, donne-moi les moyens de travailler, de gagner ma vie. Je peux avoir quelques leçons, M-me Delessert m'en a promises — fais encore cet effort et après tu pourras me laisser à mon malheureux sort. Tu as tant fait pour moi jusqu'à présent que tu ne peux m'abandonner ainsi d'un jour à l'autre. Donne-moi les moyens de me tirer d'embarras, laisse-moi quitter Soleure honnêtement et loyalement.[1] Mon père, mon bon père, sois bon et pardonne encore une fois! J'attends un mot de toi; j'écris à M-me Viardot afin de lui expliquer mes intentions et lui demander pardon de ce que j'ai pu dire.[2] Je suis si aigrie, si malheureuse et ma vie est si horrible pour le moment que je ne sais à qui m'en prendre.

Oh! réponds-moi, je t'en prie![3]

P. B.

На обороте второго листа письма приклеена карточка с типографски напечатанным текстом:

Verrerie de Rougemont.
G. Bruère
par Cloyes (Eure & Loir).

В углу карточки — штемпель:

Flacons bouchés à l'émeri.
Eclairage. Chimie. Jardinage.
Lutz & C‹ompagn›ie, S‹ucceseu›rs
de G. Bruère.
11 déc‹embre› ‹18›82.
Rougemont par Cloyes (Eure & Loir).

Перевод:

30 апреля 1883 г.

Мой добрый отец, умоляю тебя, ответь мне хоть одним словечком, я бы так хотела уехать и стать умнее, заклинаю тебя, предоставь мне возможность работать, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Я могу иметь

[8] Речь идет о приступе подагры, который Тургенев перенес, едва приехав в Россию в мае 1881 г.

несколько уроков, г-жа Делессер мне их обещала — сделай еще и это усилие — и потом ты сможешь предоставить меня моей несчастной судьбе. Ты столько делал для меня до сих пор, что ты не можешь покинуть меня так внезапно. Дай мне возможность выйти из затруднения, позволь мне честно и законно уехать из Солёра.[1] Мой отец, мой добрый отец, будь добр и прости меня еще раз! Жду от тебя хоть словечка; я напишу г-же Виардо, чтобы объяснить ей мои намерения и попросить у нее извинения за то, что я могла сказать.[2] Я такая ожесточенная, такая несчастная, и моя жизнь теперь так ужасна, что я не знаю, на кого наброситься.

О! ответь мне, прошу тебя! [3]

П. Б.

Карточка:

Стекольная фабрика в Ружмоне
Г. Брюэр
через Клуа (Эр и Луар).

Штемпель:

Флаконы с притертой пробкой.
Освещение. Химия. Садоводство.
Лютц и К°, Преемники Г. Брюэра.
11 дек‹абря› ‹18›82.
Ружмон через Клуа (Эр и Луар).

Т. И. Бронь

---

[1] Можно предположить, что Полина Брюэр просит Тургенева помочь ей уехать из Швейцарии (где мог легко отыскать ее муж) в другую страну. Об этом, видимо, она и раньше неоднократно писала отцу. По крайней мере в письме к ней от 30 августа (11 сентября) 1882 г. Тургенев отказал ей в подобной просьбе: «Ты говоришь со свойственным тебе легкомыслием о том, чтобы поехать в Италию, в Германию, в Англию, бог знает куда! — давать уроки и т. д. Прекрасно; но если ты хочешь преподавать французский язык, то постарайся немного позаботиться о своей орфографии...» (*Письма*, т. XIII, кн. 2, печатается).

[2] Возможно, причиной очередного конфликта с Полиной Виардо были упреки, высказанные Полиной Брюэр по ее адресу; в том же письме от 30 августа (11 сентября) 1882 г. (см. примеч. 1) Тургенев гневно писал об этом дочери: «Моя главная претензия к тебе — то, что ты позволила себе назвать г-жу Виардо моей любовницей ‹...› после той черной неблагодарности, которую ‹...› ты проявила в отношении г-жи Виардо, ты не должна была осмеливаться произносить ее имя ‹...› Г-жа А‹рнгольт› была совершенно права, что возмутилась, когда ты, ты позволила себе говорить о подарках, которые я делаю семье Виардо — из-за которой я будто бы разоряюсь и т. д.» (*Письма*, т. XIII, кн. 2, печатается).

По-видимому, Полина написала г-же Виардо извинительное письмо, в ответ на которое получила записку от 22 апреля (4 мая) 1883 г., подписанную Клоди Шамро: «Мама не имеет возможности ответить на ваше письмо: мой отец тяжело болен, и она сейчас не может заниматься ничем иным, кроме него...» («Mercure de France», 1932, 1 июня, № 815, стр. 332; перепечатано: *Séménoff*, стр. 231—232).

[3] Тургенев в это время уже был тяжело болен и находился в Буживале. Об этом Полина была извещена той же запиской Клоди Шамро от 22 апреля (4 мая) 1883 г.: «Так как ваш отец болен и находится в Буживале, куда он был перевезен по его желанию, то 400 франков вашей пенсии вам посылает мама» («Mercure de France», 1932, 1 июня, № 815, стр. 332; перепечатано: *Séménoff*, стр. 231—232). По всей вероятности, сам Тургенев не ответил на это письмо Полины и больше ей не писал.

УТРАЧЕННЫЕ ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА (1857—1860) [1]

В настоящем обзоре зарегистрировано не менее 91-го не дошедшего до нас письма Тургенева, упоминания о которых удалось извлечь из писем, мемуаров и воспоминаний как самого Тургенева, так и его современников.

Эти письма являются только небольшой частью не дошедшего до нас эпистолярного наследия писателя, но и они представляют несомненный интерес, дополняя хотя бы в некоторой степени основной свод писем Тургенева и сведения о количестве его адресатов.

Как и в первой части обзора, охватившей письма Тургенева с 1838 по 1856 гг., в данном перечне наряду с известными нам адресатами появляются новые имена. Некоторые из них — случайные, эпизодические; другие, как например Проспер Мериме, состояли с Тургеневым в переписке в продолжение многих лет. К новым адресатам писателя, упомянутым в настоящем перечне, принадлежат: В. В. Апраксин или А. Н. Арсеньев, С. К. Ваксель, А. А. Григорьев, А.-И. Делаво, Г. А. Кушелев, П. Мериме, А. Я. Панаева, Н. Я. Ростовцев, А. А. Трубецкая, привратник Эрнест. Таким образом, данная регистрация позволяет прибавить к общему количеству людей, которым Тургенев адресовал свои письма, еще десять имен.

1857

Д. Я. КОЛБАСИНУ

Середина января ст. ст. 1857. Париж

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева Д. Я. Колбасин отвечал 5 (17) февраля 1857 г.: «Эх, батюшка Иван Сергеевич, что это Вы всё хвораете...» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 43).

Л. Н. ТОЛСТОМУ

Первая половина февраля ст. ст. 1857. Париж

Телеграмма. Упоминается в письме Толстого к М. Н. Толстой от 10 (22) февраля 1857 г.: «Из Варшавы я по телеграфу спрашивал у Тургенева, долго ли он пробудет еще в Париже, и через несколько часов получил ответ, что еще долго и что Некрасов с ним» (*Толстой*, т. 61, стр. 375).

---

[1] Продолжение. См.: Утраченные письма И. С. Тургенева (1838—1856). *Тургенев, Сб. 1964*, стр. 344—378.

А. Я. ПАНАЕВОЙ

Середина февраля ст. ст. 1857. Париж

Телеграмма. Упоминается в письме Н. А. Некрасова к Тургеневу от 17 февраля (1 марта) 1857 г.: «Ав. Як. тебе очень кланяется и сильно благодарит за депешу» (*Некрасов*, т. X, стр. 320).

Н. А. НЕКРАСОВУ

Первая половина марта ст. ст. 1857. Париж

Два письма. Упоминаются в письмах Некрасова к Тургеневу: от 26 марта (7 апреля) 1857 г. — «Получил в Неаполе твое письмо, говорят, было и другое»; от 10 (22) апреля 1857 г. — «Твое письмо последнее только сегодня получил ‹пересланное› из Неаполя» (*Некрасов*, т. X, стр. 327, 332).

Л. Н. ТОЛСТОМУ

Вторая половина марта ст. ст. 1857. Париж

Упоминается в дневнике Толстого от 4 (16) апреля 1857 г. — «Написал письмецо Тургеневу в ответ на милое, полученное от него» (*Толстой*, т. 47, стр. 123).

Л. Н. ТОЛСТОМУ

Начало апреля ст. ст. 1857. Париж

Упоминается: в дневнике Толстого от 14 (26) апреля 1857 г. — «Получил письма от Некрасова, Тургенева и А. Толстой»; от 23 апреля (5 мая) 1857 г. — «Написал ответ на полученное от Тургенева письмо» (*Толстой*, т. 47, стр. 125, 126); в письме Толстого к В. П. Боткину и А. В. Дружинину от 1 (13) мая 1857 г. — «Судя по последнему письму Тургенева, он должен быть теперь в Лондоне вместе с Некрасовым» (там же, т. 60, стр. 187). Тургенев прибыл в Лондон только 12 (24) мая 1857 г. — и без Некрасова (см.: *Письма*, т. III, стр. 120—121).

Н. А. НЕКРАСОВУ

13 (25) мая 1857. Лондон

Упоминается в письме Некрасова к Тургеневу от 15 (27) мая 1857 г. из Парижа: «Вчера получил твое письмо» (*Некрасов*, т. X, стр. 338).

Л. Н. ТОЛСТОМУ

Начало 20-х чисел мая ст. ст. 1857. Париж

Упоминается в дневнике Толстого от 26 мая (7 июня) 1857 г.: «Получил письмо от Тургенева...» (*Толстой*, т. 47, стр. 133).

Н. А. НЕКРАСОВУ

24 мая (5 июня) 1857. Лондон

Упоминается в письме Некрасова к Тургеневу от 26 мая (7 июня) 1857 г.: «Вчера получил твое письмо» (*Некрасов*, т. X, стр. 340).

ПОЛИНЕ ВИАРДО

21—22 июня (3—4 июля) 1857. Зинциг

Упоминается в письме Тургенева к Полине Тургеневой от 27 июня (9 июля) 1857 г.: «...что ты знаешь о здоровье г-жи Виардо. Я написал ей отсюда, но еще не получил ответа» (*Письма*, т. III, стр. 125, 406).

Н. А. НЕКРАСОВУ

22 июня (4 июля) 1857. Зинциг

Упоминается в письме Тургенева к И. И. Панаеву от 4 (16) июля 1857 г. из Зинцига: «Некрасов, вероятно, уже давно в Петербурге и получил мое письмо, которое я послал к нему на другой день моего приезда сюда...» (*Письма*, т. III, стр. 126). Датируется по времени приезда Тургенева в Зинциг.

Л. Н. ТОЛСТОМУ

Около 26 июня (8 июля) 1857. Зинциг

Упоминается: в письмах Тургенева к П. В. Анненкову от 27 июня (9 июля) 1857 г. — «Я ему ‹Толстому› написал отсюда...»; к М. Н. Толстой от 4 (16) июля 1857 г. — «Ваш Лев живет в Швейцарии — и, сколько слышно, живет славно: гуляет, весел, здоров, работает. Я ему написал отсюда...» (*Письма*, т. III, стр. 124 и 128); в дневнике Толстого от 4 (16) июля 1857 г.: «3-го дня получил письмо от Тургенева, милое, спокойное» (*Толстой*, т. 47, стр. 144); в письме Толстого к В. П. Боткину от 9 (21) июля 1857 г. — «...по дороге заеду в Зинциг к Тургеневу, откуда получил от него письмо» (*Толстой*, т. 60, стр. 217).

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

Около 10 (22) июля 1857. Зинциг

Упоминается в письме Тургенева к Н. А. Некрасову от 12 (24) августа 1857 г.: «...это же самое ‹денежные недоразумения с Некрасовым, — см. письмо к нему от 10 (22) июля 1857 г.› меня заставило написать дяде о высылке тебе должных мною денег» (*Письма*, т. III, стр. 144).

Н. А. НЕКРАСОВУ

10 (22) июля 1857. Зинциг

Упоминается в письмах: Тургенева к А. И. Герцену от 10 (22) июля 1857 г. — «Я ему ‹Некрасову› сегодня же написал письмо, в котором ‹...› прошу его либо выслать мне тотчас бумагу, по которой я передаю ему право на издание «З‹аписок› о‹хотника›» ‹...› или, если он хочет удержать это право за собою, не считать меня в *долгу*, ибо *долгу* я признать не могу» (*Письма*, т. III, стр. 131); Некрасова к Тургеневу от 20 июля (1 августа) 1857 г. — «Письмо твое (о деньгах) огорчило меня больше, чем бы следовало огорчаться такими вещами» (*Некрасов*, т. X, стр. 347); Тургенева к Некрасову от 12 (24) августа 1857 г. — «...мое

письмо напрасно тебя огорчило; я никогда не думал подозревать тебя — а приписал всё это недоразумение ‹. . .› — твоей небрежности» (*Письма*, т. III, стр. 144).

А. И. ГЕРЦЕНУ

Середина июля ст. ст. 1857. Зинциг

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева, Герцен отвечал 30 июля (11 августа) 1857 г.: «Я хотел тебе ничего не писать ни о ружье, ни о собаке ‹. . .› потому, что хотел прежде от тебя узнать, когда Головнин будет купаться в Трувиле. На три об этом вопроса — ты не отвечал ‹Герцен спрашивал об А. В. Головнине в предыдущем письме от 12 (24) июля 1857 г.›» (*Герцен*, т. XXVI, стр. 111 и 109).

Н. А. НЕКРАСОВУ

Начало 20-х чисел июля ст. ст. 1857. Зинциг или Булонь

Упоминается в письме Некрасова к Тургеневу от 27 июля (8 августа) 1857 г.: «Я получил твою записочку ‹. . .›; мне больно было узнать, что тебе нехорошо ‹со здоровьем›» (*Некрасов*, т. X, стр. 354).

А. И. ГЕРЦЕНУ

Конец июля ст. ст. 1857. Булонь

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева, Герцен отвечал 2 (14) августа 1857 г. (см.: *Герцен*, т. XXVI, стр. 112).

А. И. ГЕРЦЕНУ

Первые числа августа ст. ст. 1857. Булонь

Упоминается в письме Герцена к Тургеневу от 6 (18) августа 1857 г.: «В понедельник ‹5 (17) августа›, в 12, письмо от тебя» (*Герцен*, т. XXVI, стр. 113).

ЭРНЕСТУ, привратнику

6 (18) августа 1857. Булонь

Записка. Упоминается в письме Тургенева к В. П. Боткину от 6 (18) августа 1857 г.: «Остановись в Rue de l'Arcade, № 11, Hôtel garni и вручи привратнику Эрнесту прилагаемую записку; если ты приедешь раньше меня ‹. . .› — жди меня» (*Письма*, т. III, стр. 144).

А. И. ГЕРЦЕНУ

Середина августа ст. ст. 1857. Куртавнель

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева, в котором говорилось о письме Некрасова к Герцену и о посылке Герцену 250 франков, Герцен отвечал 17 (29) августа 1857 г. (см.: *Герцен*, т. XXVI, стр. 117).

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

Начало сентября ст. ст. 1857. Куртавнель

Упоминается в письме Тургенева к Н. А. Некрасову от 9 (21) сентября 1857 г.: «Я уже писал дяде, чтобы он к 5-му октябрю выслал Колбасиным для меня 1000 руб. сереб.» (*Письма*, т. III, стр. 150—151).

В. П. БОТКИНУ

Середина сентября ст. ст. 1857. Куртавнель

Упоминается в письме Боткина к Тургеневу от 18 (30) сентября 1857 г.: «...приносят мне письмо твое ‹о решении ехать с Боткиным в Рим›» (*Боткин и Тургенев*, стр. 137—138).

Н. И. ТУРГЕНЕВУ

18 (30) сентября 1857. Париж

Упоминается в дневнике Фанни Тургеневой: «Г-н Тургенев папе из Парижа, от 30 сентября 1857 г.» (*ИРЛИ*, ф. 309, № 4614, л. 6 об., с французского).

А. И. ГЕРЦЕНУ

Вторая половина сентября ст. ст. 1857. Куртавнель

Упоминается в письме Герцена к Тургеневу от 4 (16) октября 1857 г.: «...в последнем письме писал ты, что в конце месяца приедешь» (*Герцен*, т. XXVI, стр. 131).

И. И. ПАНАЕВУ

29 ноября (11 декабря) 1857. Рим

Упоминается в письме Тургенева к Д. Я. и Е. Я. Колбасиным от 28 ноября (10 декабря) 1857 г.: «Завтра отправляется в редакцию „Современника“ конченная мною здесь повесть „Ася“. Я пишу Панаеву, что я непременно желаю, чтоб, до напечатания, ее прочел Анненков» (*Письма*, т. III, стр. 172).

А. И. ГЕРЦЕНУ

Конец ноября ст. ст. 1857. Рим

Упоминается в письме Герцена к Тургеневу от 6 (18) декабря 1857 г.: «...я только сегодня получил твое письмо. И очень был ему рад — а то ты что-то перестал культивировать корреспонденцию» (*Герцен*, т. XXVI, стр. 145).

А. А. ГРИГОРЬЕВУ

Ноябрь—середина декабря ст. ст. (?) 1857. Рим

Упоминается в письме Тургенева к А. А. Фету от 28 декабря 1857 г. (9 января 1858 г.): «Мы ‹Тургенев и В. П. Боткин› написали Григорьеву во Флоренцию, но ответа еще не получали» (*Письма*, т. III, стр. 185).

А. А. и Н. И. ТРУБЕЦКИМ

26 декабря 1857 (7 января 1858). Рим

Упоминается в письме Тургенева к Полине Тургеневой от 26 декабря 1857 г. (7 января 1858 г.): «Сегодня же я напишу семье Т‹рубецких›, однако если ты увидишь их, то поступишь хорошо, передав от меня тысячу любезностей» (*Письма*, т. III, стр. 183, 411). Было ли письмо написано — неизвестно.

М. Н. ТОЛСТОЙ

Сентябрь—декабрь 1857. Куртавнель, Париж или Рим

Упоминается в письме Тургенева к А. А. Фету от 28 декабря 1857 г. (9 января 1858 г.): «Поклон Толстому и его сестре; я жду от них ответа на мои письма; но они, кажется, ленятся» (Письма, т. III, стр. 185). Последнее перед этим письмо Тургенева к Л. Н. Толстому было от 25 ноября (7 декабря) 1857 г., а к М. Н. Толстой — от середины августа ст. ст., что позволяет предполагать наличие еще одного, неизвестного нам письма Тургенева к ней.

1858

В. В. АПРАКСИНУ или А. Н. АРСЕНЬЕВУ

Первая половина января ст. ст. 1858. Рим

Упоминается в письме Тургенева к Л. Н. Толстому от 17 (29) января 1858 г.: «Я послал письмо к нашему предводителю... ‹неизвестно, Тульскому или Орловскому, — об основании журнала, посвященного разработке крестьянского вопроса›» (*Письма*, т. III, стр. 187).

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

Первая половина января ст. ст. 1858. Рим

Упоминается в письме Е. Я. Колбасина к Тургеневу от 16 (28) января 1858 г.: «Письмо к дяде Вашему отправлено» (*Тургенев и круг Совр.*, стр. 347).

АКСАКОВЫМ, семье

Середина января ст. ст. 1858. Рим

Упоминается в письмах Тургенева к Л. Н. Толстому: от 17 (29) января 1858 г. — «Аксаковым я на днях написал»; от 27 марта (8 апреля) — «Аксаковым я писал еще из Рима» (*Письма*, т. III, стр. 189, 211).

Н. Я. РОСТОВЦЕВУ

13 (25) марта 1858. Пиза

Упоминается в письме Тургенева к Е. А. Черкасской от 13 (25) марта 1858 г.: «Я намерен сегодня же написать Ростовцеву ‹о подготовлявшейся крестьянской реформе›» (*Письма*, т. III, стр. 205). Было ли письмо написано — неизвестно.

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

Начало (до 27 марта ст. ст.) 1858. Италия

Два письма. Упоминаются в письме Тургенева к Д. Я. и Е. Я. Колбасиным от 27 марта (8 апреля) 1858 г.: «Я два раза писал дяде ‹Н. Н. Тургеневу› о Степане ‹о выдаче ему вольной› и никаких 200 руб. сер. не требовал; я ему еще раз напишу» (*Письма*, т. III, стр. 207).

П. В. АННЕНКОВУ

28 марта (9 апреля) 1858. Вена

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к Анненкову от 28 марта (9 апреля) 1858 г: «...я сейчас посылаю к вам телеграмму ‹о своем приезде в Дрезден в среду, 14 апреля н. ст.›» (*Письма*, т. III, стр. 213).

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

8 (20) апреля (?) 1858. Париж

Упоминается и цитируется отрывок в письме Тургенева к Д. Я. Колбасину от 8 (20) апреля 1858 г.: «С получения этого письма поезжайте в Спасское ‹...›, — а что Вы будете там делать, — Вы можете заключить из следующего отрывка моего письма к дяде: „Так как разрешение крестьянского вопроса тебе кажется весьма трудным и почти невозможным, а между тем я желаю, чтобы все приготовительные работы для этого дела были сделаны, то я предложил Димитрию Колбасину (и надеюсь, что он примет мое предложение) — приехать в Спасское и, в ожидании *моего* приезда, вместе с тобою подготовить все нужные описи, реестры, планы, словом, заменить меня в этом деле; а когда я прибуду, тогда мы сообща примемся за разрешение этой трудной задачи, которую, однако, разрешить, так или сяк, необходимо. И потому прошу тебя принять его как следует и показывать ему всё, что он потребует“» (*Письма*, т. III, стр. 215).

ЛУИ ВИАРДО

26 апреля (8 мая) 1858. Лондон

Упоминается в письме Тургенева к Полине Тургеневой от 26 апреля (8 мая) 1858 г.: «...пишу Виардо, чтобы он дал тебе 25 франков ‹по случаю дня рождения Полины Тургеневой›» (*Письма*, т. III, стр. 216, 417).

Н. С. ТУРГЕНЕВУ

26 апреля (8 мая) 1858. Лондон

Упоминается в письме Тургенева к Полине Тургеневой от 26 апреля (8 мая) 1858 г.: «...он ‹Н. С. Тургенев› должен принести тебе в этот день ‹рождения› брошку и серьги из мозаики; я сейчас написал ему об этом» (*Письма*, т. III, стр. 216, 417).

ТОМАСУ КАРЛЕЙЛЮ

8 (20) мая 1858. Лондон

Упоминается в письме В. П. Боткина к Тургеневу от 12 (24) мая 1858 г. из Лондона: «Оставленную тобою книгу твою и письмо к Карлейлю думаю отвезти сам...» (*Боткин и Тургенев*, стр. 146). Датируется днем отъезда Тургенева из Лондона.

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

21 мая (2 июня) 1858. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Д. Я. Колбасину от 21 мая (2 июня) 1858 г.: «Прилагаемое письмецо прошу Вас немедленно переслать к дяде ‹Н. Н. Тургеневу›» (*Письма*, т. III, стр. 221).

АНРИ ИППОЛИТУ ДЕЛАВО

31 мая (12 июня) 1858. Берлин

Упоминается в письме Тургенева к Е. Я. Колбасину от 31 мая (12 июня) 1858 г.: «Вот Вам письмо к Делаво» (*Письма*, т. III, стр. 222).

М. В. БЕЛИНСКОЙ

3 (15) августа 1858. Спасское

Упоминается в письме Тургенева к Н. Х. Кетчеру от 3 (15) августа 1858 г.: «Прилагаю письмо к ней ‹Белинской, — в котором Тургенев просит ее, по получении от него долга, передать Кетчеру вексель›» (*Письма*, т. III, стр. 232).

А. Ф. ПИСЕМСКОМУ

Первая половина августа ст. ст. 1858. Спасское

Упоминается в письме Писемского к А. В. Дружинину от 22 августа (1 сентября) 1858 г.: «Получил я от Тургенева письмо, в котором он между прочим пишет, что он нынешнее лето много работал» (*Писемский*, стр. 125).

ПОЛИНЕ ВИАРДО

Начало сентября ст. ст. 1858. Спасское

Упоминается в письме Тургенева к Полине Тургеневой от 8 (20) сентября 1858 г.: «Г-жа Виардо, вероятно, рассказала тебе, зачем я ездил в Тулу (наш губернский город) ‹в первых числах сентября ст. ст., на выборы губернского Комитета по крестьянскому делу›» (*Письма*, т. III, стр. 235, 422). Последнее письмо к Виардо было от 30 июля (11 августа) 1858 г. Очевидно, с тех пор было еще письмо Тургенева к ней.

1859

В. П. БОТКИНУ

Начало января ст. ст. 1859. Петербург

В сохранившемся письме Тургенева к Боткину от 10 (22) февраля 1859 г. есть фраза: «Маскарадное знакомство кончилось, разумеется, ничем; однако с некоторыми забавными подробностями, которые сообщим тебе изустно» (*Письма*, т. III, стр. 270). Очевидно, эти слова являются продолжением рассказа о встрече на новогоднем балу, о которой Тургенев писал в не дошедшем до нас письме.

Н. И. ТРУБЕЦКОМУ

16 (28) января 1859. Петербург

Упоминается в письме Тургенева к Полине Тургеневой от 16 (28) января 1859 г.: «Передай (без промедления) приложенное русское письмо князю Трубецкому, адреса которого я не знаю» (*Письма*, т. III, стр. 264, 426).

ПОЛИНЕ и ЛУИ ВИАРДО

17 (29) января 1859. Петербург

Два письма. Упоминаются в письме Тургенева к Полине Тургеневой от 16 (28) января 1859 г.: «...скажи ей ‹П. Виардо›, что я напишу ей завтра же — а также и Виардо, которому пошлю довольно крупную сумму через посредство Штиглица» (*Письма*, т. III, стр. 264, 426).

АНРИ ИППОЛИТУ ДЕЛАВО

Март—начало апреля ст. ст. 1859. Спасское

Упоминается в письме Тургенева к В. П. Боткину от 12 (24) апреля 1859 г.: «Делаво я уже написал, что я отказался от мысли переводить „Д‹воряпское› г‹нездо›“ с Виардо — и что в мае месяце я, будучи в Париже, вместе с ним просмотрю его перевод» (*Письма*, т. III, стр. 292).

Г. А. КУШЕЛЕВУ

8 (20) апреля 1859. Спасское

Упоминается в письме Тургенева к И. А. Гончарову от 7 (19) апреля 1859 г.: «Я и забыл главное: письмо к графу Кушелеву о переводе ‹П. Л.› Соляникова ‹«Гегель и его лекции» в рукописи›; я завтра же напишу к нему, хотя я — признаюсь — нисколько не надеюсь на этого Митрофанушку-мецената» (*Письма*, т. III, стр. 291). Было ли письмо написано — неизвестно.

ПОЛИНЕ ВИАРДО

20-е числа июня ст. ст. 1859. Виши

Упоминается в письме Тургенева к Полине Тургеневой от 29 июня (11 июля) 1859 г.: «...очень вероятно, что я приеду в Париж в четверг; именно так я сообщил и г-же Виардо» (*Письма*, т. III, стр. 316, 433).

А. А. ФЕТУ

Май—начало июля ст. ст. 1859. Париж, Лондон или Виши

Упоминается в письме Тургенева к Фету от 22 июля (3 августа) 1859 г.: «...отчего Вы не получаете моих писем? Я Вам их написал уже три <...>. Последнее мое письмо <...> „пущено" мною из известного Вам Куртавнеля» (*Письма*, т. III, стр. 329). Из этих трех писем, посланных из-за границы в 1859 г., известны только два — от 18 (30) июня и от 16 (28) июля из Куртавнеля.

Н. Я. МАКАРОВУ

20 июля (1 августа) 1859. Париж

Упоминается в письме Тургенева к М. А. Маркович от 20 июля (1 августа) 1859 г.: «Я сегодня же написал <...> Макарову в Аахен, — в котором уведомляю его о том же <о своей просьбе сообщить, когда Маркович приедет в Париж>» (*Письма*, т. III, стр. 327).

А. Ф. ПИСЕМСКОМУ

Июль (?) 1859. Париж или Куртавнель

Упоминается в письме Писемского к А. В. Дружинину от 7 (19) августа 1859 г.: «От Тургенева я получил письмо. Он с божбой и клятвой уверяет, что к декабрю приготовит нам повесть <«Первая любовь»>» (*Писемский*, стр. 131).

В. П. БОТКИНУ

Около 20 августа ст. ст. 1859. Куртавнель

Упоминается в письме Боткина к Тургеневу от 25 августа (6 сентября) 1859 г.: «Спешу тебе отвечать, опасаясь, что письмо мое не застанет тебя в Куртавнель <...>. Из нескольких слов твоих я заключаю, что ты повестью <«Накануне»> своей доволен...» (*Боткин и Тургенев*, стр. 159).

ПОЛИНЕ ВИАРДО

18 (30) сентября—7 (19) октября 1859. Спасское

Пять или шесть писем. Упоминаются в письме Тургенева к Полине Тургеневой от 7 (19) октября 1859 г.: «Кланяйся от меня г-же Виардо и скажи ей, что я еще не получил ответа на пять или шесть писем, которые написал ей» (*Письма*, т. III, стр. 347, 435).

А. А. ФЕТУ

Около 9 (21) октября 1859. Спасское

Упоминается в письме Тургенева к Фету от 9 (21) октября 1859 г.: «На днях я писал к Вам...» (*Письма*, т. III, стр. 349).

1860

Е. Я. КОЛБАСИНУ

Конец 1859—первая половина января ст. ст. 1860. Петербург

Три письма. Упоминаются в письме Е. Я. Колбасина к Тургеневу от 29 января ст. ст. 1860 г.: «...будьте покойны — я получил два письма Ваших, они не пропали, как Вы предполагаете ‹очевидно, в третьем, тоже не дошедшем до нас письме›, но немножко запоздали» (*ИРЛИ*, 5800.XXXб.90, № 18).

Е. М. ФЕОКТИСТОВУ

Около 15 (27) февраля 1860. Петербург

Упоминается в письме Феоктистова к Тургеневу от 15 (27) февраля 1860 г.: «...в самый день получения Вашего письма спешу ответить Вам ‹...›. Лишь только прочел я графине ‹Е. В. Салиас де Турнемир› о предварении Вашем прислать одну главу из романа ‹будущего, к которому Тургенев еще не приступил›, как оно встречено было ею с восторгом» (*ИРЛИ*, ф. 166, № 1539, л. 89).

С. К. ВАКСЕЛЬ

10 (22) марта 1860. Петербург

Упоминается в письме Тургенева к Е. Е. Ламберт от 10 (22) марта 1860 г.: «Будьте так добры, доставьте прилагаемое письмо г-же Ваксель» (*Письма*, т. IV, стр. 50).

А. Н. ОСТРОВСКОМУ

20 марта (1 апреля) 1860. Петербург

Упоминается в письме Тургенева к Д. Я. Колбасину от 20 марта (1 апреля) 1860 г.: «Я сегодня же напишу Островскому — и заставлю этого фокусника выслать Вам деньги» (*Письма*, т. IV, стр. 56—57). Было ли письмо написано — неизвестно.

А. И. ГЕРЦЕНУ

Конец апреля ст. ст. 1860. Петербург

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева, в котором говорилось о его приезде в Петербург, Герцен отвечал 6 (18) мая 1860 г. (см.: *Герцен*, т. XXVII, кн. 1, стр. 49).

М. А. МАРКОВИЧ

2 (14) июля 1860. Соден

Упоминается в письме Тургенева к М. А. Маркович от 3 (15) июля 1860 г. «...я писал к Вам вчера» (*Письма*, т. IV, стр. 102).

А. И. ГЕРЦЕНУ

Около 10 (22) июля 1860. Париж или Куртавнель

Упоминается в письме Герцена к Тургеневу от 13 (25) июля 1860 г.: «Получив строжайшее вашего превосх‹одительства› предписание — по следующей за ним почте — счастие имею ответствовать» (*Герцен*, т. XXVII, кн. 1, стр. 80).

Н. А. ОСНОВСКОМУ

Середина июля ст. ст. 1860. Париж или Куртавнель

Упоминается в письме Основского к Тургеневу от 22 августа (3 сентября) 1860 г.: «Все исправления, дорогой Иван Сергеевич, я получил ‹речь идет об издании «Сочинений И. С. Тургенева»›. В первом томе и будут заключаться „Записки охотника“ с прибавлением „Поездки в Полесье“ и „О соловьях“» (ИРЛИ, ф. 7, № 149, л. 1).

Н. А. ОСНОВСКОМУ

Около 20-х чисел июля ст. ст. 1860. Париж или Куртавнель

Упоминается в письме Основского к Тургеневу от конца августа или начала сентября 1860 г.: «Несказанно обрадовался ‹...› получив от Вас весточку ‹...›. „Записки охотника“ печатаются ‹...›. Если Вы еще не скоро попадете в Лондон ‹...› можно будет портрет заказать и в Париже ‹в Лондон Тургенев приехал 27 июля (8 августа) 1860 г.›» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 149, лл. 3—4).

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

Лето 1860. Париж или Куртавнель

Упоминается в письме Тургенева к П. В. Анненкову от 30 сентября (12 октября) 1860 г.: «Я написал дяде, чтобы он призрел этого беспутного шута ‹М. А. Тургенева› в Спасском» (*Письма*, т. IV, стр. 137).

Е. М. ФЕОКТИСТОВУ

16 (28) сентября 1860. Куртавнель

От этого, не дошедшего до нас письма Тургенева, сохранился конверт с адресом и почтовым штемпелем (*ИРЛИ*, 22600.CLVIII6.6).

Н. Н. ТЮТЧЕВУ

20 сентября (2 октября) 1860. Куртавнель

Сопроводительная записка. Упоминается в письмах: Тургенева к Е. Я. Колбасину от 20 сентября (2 октября) 1860 г.: «...пишу Вам через Н. Н. Тютчева» (*Письма*, т. IV, стр. 132); Е. Я. Колбасина к Тургеневу от 23 октября (4 ноября) 1860 г.: «Письмо Ваше, адресованное на имя Тютчева, я давно получил» (*ИРЛИ*, 5800.XXX6.90, № 20).

И. П. БОРИСОВУ

Конец сентября—начало октября 1860. Париж или Куртавнель

Упоминается в письме Борисова к Тургеневу от 8 (20) октября 1860 г.: «Только сегодня, добрейший Иван Сергеевич, получил Вашу весточку...» (*ИРЛИ*, 5798.XXX6.88, л. 1).

Н. А. ОСНОВСКОМУ

Сентябрь—середина октября ст. ст. 1860. Париж или Куртавнель

Два письма. Упоминаются в письме Основского к Тургеневу от 21 октября (2 ноября) 1860 г.: «Оба письма Ваши ‹...›, а равно и поправки к комедиям я получил. Но из обоих писем Ваших я вижу, что Вы не получили моего письма, которое было мною послано в конце августа или в начале сентября ‹...›. „Записки охотника“ (1-й том) кончены уже давно» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 149, л. 5).

Е. М. ФЕОКТИСТОВУ

Середина октября ст. ст. 1860. Париж

Упоминается в письме Феоктистова к Тургеневу от 20 октября (3 ноября) 1860 г.: «...из письма Вашего видно, что Вы намерены прочесть ее ‹статью «Русские в Париже»› в парижском обществе литературного фонда» (*ИРЛИ*, ф. 166, № 1539, л. 93).

П. В. АННЕНКОВУ

Октябрь—начало ноября 1860. Париж

Три письма. Упоминаются в письме Анненкова к Тургеневу от 12 (24) ноября 1860 г.: «Я получил от Вас ‹...› два письма вдруг, не считая третьего с квитанцией для Писемского» (*ГБЛ*, ф. 306, картон 3, № 2).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

21—27 ноября (3—9 декабря) 1860. Париж

Ответ на письмо Мериме от 20 ноября (2 декабря) 1860 г. Упоминается в письме Мериме к Тургеневу от 28 ноября (10 декабря) 1860 г. из Канна: «Очень вам благодарен за любезное письмо и еще более за обещания остановиться у меня. ‹Далее Мериме благодарит Тургенева за предложение переводить произведения Пушкина и просит подсказать, какие именно›. ‹...›. Вы говорите, что Карамзин подражает французам...» (*Parturier*, стр. 63, 66 и 68, с французского).

А. И. ГЕРЦЕНУ

6 (18) декабря 1860. Париж

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева, в котором говорилось о пребывании в Париже Ольги Герцен и о журнале «Будущность» (6 (18) декабря 1860 г., № 3—4), Герцен отвечал 7 (19) декабря 1860 г. (см.: *Герцен*, т. XXVII, кн. 1, стр. 121).

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

13 (25) декабря 1860. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Е. Я. Колбасину от 13 (25) декабря 1860 г.: «О Бизюкине я написал сегодня же к дяде энергическое письмо — и дело будет сделано ‹речь идет о выдаче Бизюкину вольной›» (*Письма*, т. IV, стр. 169).

И. П. БОРИСОВУ

Первая половина декабря ст. ст. 1860. Париж

Упоминается в письме Борисова к Тургеневу от 19 (31) декабря 1860 г.: «Вчера получил, добрейший Иван Сергеевич, милые мне Ваши строки ‹в которых Тургенев спрашивал Борисова об Н. А. Основском›» (*ИРЛИ*, 5798.XXXб.88, л. 5).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Первая половина декабря ст. ст. 1860. Париж

Ответ на письмо Мериме от 28 ноября (10 декабря) 1860 г. Упоминается в письме Мериме к Тургеневу от 6(18) января 1861 г. из Канна: «...я забавлялся тем, что перевел некоторые из произведений ‹Пушкина›, подсказанных вами ‹об этом Мериме просил Тургенева в письме от 28 ноября (10 декабря) 1860 г.›. Я вижу, что вы не решаетесь покинуть Париж...» (*Parturier*, стр. 70 и 73, с французского).

П. В. АННЕНКОВУ

20-е числа декабря ст. ст. 1860. Париж

Упоминается в письмах: Анненкова к Тургеневу от 29 декабря 1860 (10 января 1861) — «Портреты хороши ‹...›. Еще раз благодарю Вас (*Труды ГБЛ*, вып. III, стр. 108); Тургенева к Анненкову от 5 (17) января 1861 г. — «Я собирался уже к вам писать ‹...› и выразить мое удивление, что вы ‹...›не отвечаете на мое последнее письмо со вложенными тремя фотографиями (получили ли вы это письмо?)» (*Письма*, т. IV, стр. 180).

УКАЗАТЕЛЬ НЕ ДОШЕДШИХ ДО НАС ПИСЕМ И. С. ТУРГЕНЕВА ПО АДРЕСАТАМ[2]

Аксаковым, семье — 1
Анненкову П. В. — 5
Апраксину В. В. или Арсеньеву А. Н. — 1
Белинской М. В. — 1
Борисову И. П. — 2
Боткину В. П. — 3
Ваксель С. К. — 1
Виардо Луи — 1
Виардо Полине — не менее 9
Виардо Полине и Луи — 2
Герцену А. И. — 9
Григорьеву Л. А. — 1
Делаво Анри Ипполиту — 2

[2] Как и в первом выпуске, указатель содержит лишь неполный и приблизительный перечень неизвестных нам писем за 1857—1860 гг.

Карлейлю Томасу — 1
Колбасину Д. Я. — 1
Колбасину Е. Я. — 3
Кушелеву Г. А. — 1
Макарову Н. Я. — 1
Маркович М. А. — 1
Мериме Просперу — 2
Некрасову Н. А. — 7
Основскому П. А. — 4
Островскому А. Н. — 1
Панаевой А. Я. — 1
Панаеву И. И. — 1
Писемскому А. Ф. — 2
Ростовцеву Н. Я. — 1
Толстой М. Н. — 1
Толстому Л. Н. — 5
Трубецким А. А. и Н. И. — 1
Трубецкому Н. И. — 1
Тургеневу Н. И. — 1
Тургеневу Н. Н. — не менее 9
Тургеневу Н. С. — 1
Тютчеву П. Н. — 1
Феоктистову Е. М. — 3
Фету А. А. — 2
Эрнесту, привратнику — 1

Е. М. Хмелевская

ПИСЬМА К И. С. ТУРГЕНЕВУ И ПИСЬМА О НЕМ

Е. А. ЛАДЫЖЕНСКАЯ

О Екатерине Алексеевне Ладыженской, рожд. Дюклу, во втором браке Палтовой (1828—1891), с которой в 50-х годах переписывался Тургенев, известно немного. Ко времени ее знакомства с писателем (январь 1855 г.) ей было 26 лет, она была женой тверского помещика А. Ф. Ладыженского и матерью троих детей. Большую часть года она жила с мужем в их имении, селе Вахнове Зубцовского уезда Тверской губернии, а на зиму приезжала в Москву. Ладыженская неплохо знала западную литературу, внимательно следила за отечественной, сама обладала некоторыми литературными способностями и писала повести, романы и рассказы, рассчитывая со временем напечатать их. В. П. Боткин, посетивший Ладыженскую по просьбе Тургенева (см.: *Письма*, т. II, стр. 337), подробно и выразительно описал ее в своем письме к нему от 3 февраля ст. ст. 1856 г. Впечатление, которое она произвела на него, было довольно противоречивым, но, в общем, положительным: «...она показалась мне несколько странною, — но в сущности очень хорошею женщиной ‹...› К литературе, кажется, она имеет великую страсть и едва ли счастливую. Худо то особенно, что она уже мечтает получать деньги за свои повести! Сколько я мог заметить, в натуре ее нет поэтического, а головного раздражения немало. Кажется, она весьма ограниченно образована и развита и вообще мало была с действительно порядочными людьми. Но, повторяю, в сущности она положительно хорошая женщина, натура честная и правдивая ‹...›. Особенно жаль того, что литературные поползновения выходят у Екатерины Алексеевны не из души, а из одной головы. Как должны быть сухи ее произведения! ‹...› Есть что-то тревожное и неустановившееся на дне ее души ‹...› Чувствуется что-то неудовлетворенное и жаждущее в этой женщине ‹...› В одном положительно я убежден, что перед Екатер‹иной› Алекс‹еевной› с уверенностью можно поставить +, а не —. А и это уж очень хорошо, потому что перед всеми московскими дамами для меня решительно стоит —» (*Боткин и Тургенев*, стр. 77—78). Тургенев, как свидетельствует его ответное письмо от 8 (20) февраля 1856 г., нашел эту характеристику очень верной: «...она ‹Е. А. Ладыженская› именно +, а не —», — писал он (*Письма*, т. II, стр. 337). После смерти мужа осенью 1855 г. Ладыженская приняла решение надолго поселиться в деревне и более усердно, чем до сих пор, заняться литературой. Под псевдонимом «С. Вахновская» она напечатала в «Русском вестнике» рассказ «Лето в Гапсале», посвященный Тургеневу (1856, № 4, кн. 2), и повесть «Неудавшаяся жизнь» (1858, № 4, кн. 1); в 1859 г. в Москве вышли ее «Рассказы и очерки». Предположения Боткина относительно достоинства произведений Ладыженской оказались справедливыми. Большинство ее сочинений заслужило упреки в слащавости, бесцветности и даже пошлости. Д. И. Писарев в статье «Схоластика

XIX века» назвал ее имя в одном ряду с именами авторов «сентиментально-бледных романов», «литературных посредственностей» типа Г. В. Кугушева, Н. А. Основского, Е. Нарской (Н. П. Шаликовой), С. Н. Федорова (*Писарев*, т. I, стр. 117). Рецензия Н. А. Добролюбова на сборник «Рассказов и очерков» Ладыженской также написана в отрицательном тоне. Исключение составил рассказ «Современные толки», изображавший деятельность губернских комитетов по крестьянскому делу, который понравился ему «спокойствием и правильностью суждений о том, отчего все кругом мечутся, как угорелые, уменьем узнать сущность вещи под блестящими личинами, открыть пошлость дела под величавостью фраз, искусством ярко и живо очертить лица и сцену действия, постоянно оставаясь на своей точке зрения». «Как ни прост этот очерк, как ни обыкновенны мысли и заметки, высказанные в нем, — но он <...>доказывает нам, что у г-жи Вахновской есть и талант, и очень светлый взгляд на некоторые явления жизни <...>. За этот очерк мы готовы примириться со всеми остальными рассказами...» (*Добролюбов*, т. 5, стр. 208). Но слишком снисходительный отзыв о произведениях Ладыженской дал и критик «С.-Петербургских ведомостей» Н. Н., посвятивший сборнику «Рассказы и очерки» первую часть своего обзора «Русская литература. Книги». Отмеченные им «внешний интерес самой фабулы», «литературная отделка изложения», «довольно светлый взгляд на значение выборов» в «проникнутом современностью» рассказе «Современные толки» не поколебали окончательного вывода: «„Рассказы и очерки“ никого не затронут, никого не заденут, не возбудят никакого движения идей, ни возражений, ни симпатий; всё в них гладко, ровно и — бесцветно...» («С.-Петербургские ведомости», 1859, 19 сентября, № 202).

История отношений Тургенева и Ладыженской такова. Осенью 1854 г., не будучи лично знакомой с Тургеневым, она написала ему в первый раз и предложила переписку. Письмо было написано слегка измененным почерком, подписано «Муму» и содержало просьбу хранить переписку, если она установится, в тайне и отвечать на имя Аделаиды Егоровны Пригниц, немки-гувернантки в семье неких Ладыженских, к которым корреспондентка, по ее уверениям, не имела никакого отношения. В следующем своем письме Ладыженская, называя себя уже С. П. Барсовой, но не раскрывая настоящего имени, описывала Тургеневу свой деревенский дом, занятия, членов своей семьи. В январе 1855 г. Тургенев и Ладыженская, предварительно письменно договорившись, встретились у их общих знакомых Ховриных в Москве и были представлены друг другу. Писатель несколько раз побывал у нее. Он стал читателем произведений Ладыженской и ее литературным советчиком. Послав Тургеневу начало одного из своих романов, она с волнением ожидала его критических замечаний и внимательно изучала их. Он читал также ее повесть «Три женщины». Со своей стороны, Тургенев писал ей о работе над романом «Два поколения», посылал рукопись повести «Переписка» и рассказывал о цензурных затруднениях, связанных с ее печатанием. Они обсуждали литературные новинки: первую главу поэмы А. М. Жемчужникова «Мой знакомый», повесть А. Ф. Писемского «Виновата ли она?», статью Е. Тур «Жизнь Жорж Санда». Ладыженская высказывала не лишенные меткости замечания о «Детстве и отрочестве» Л. Н. Толстого, о повестях Д. В. Григоровича и Ольги Н. Особенно большое место в письмах Ладыженской занимают суждения о произведениях Тургенева, ее любимого писателя. Она ценила достоверность и жизненность его героев, понимала своеобразие его психологической манеры; ей было ясно, что всем своим творчеством он подготовлен к переходу от рассказа и повести к роману. Однако письма Ладыженской недолго сохраняли сугубо литературный характер. Незаметно для себя самой она увлеклась Тургеневым. Последовало объяснение, достаточно откровенное и с той и с другой стороны. «Признаюсь откровенно, на меня наехало минутное заблуждение, я вздумала пофилософствовать <...> Вы меня, так сказать, окатили холодною водою, но я не

чувствую себя оскорбленною, напротив, я Вас благодарю за урок, хотя Вы, должно быть, поступили так без намерения, из лени, по-онегински иль по-печорински ‹...› Я ‹...› уверена, что Вы оцените мою настоящую искренность, которая, кажется, дает мне полное право на Ваше уважение», — писала Ладыженская в письме к Тургеневу, относящемся, по-видимому, к апрелю 1855 г. (*ИРЛИ*, 5807.XXXб.97, лл. 39 об., 40, 41). В этом же письме она говорила о своем намерении продолжать переписку, основываясь на том, что сам Тургенев не хотел ее прекращения, желая, по его собственному выражению, «сохранить этот отголосок». Осенью 1855 г. Ладыженская дважды обращалась к Тургеневу: надеясь напечатать рассказ «Из записок лекаря» в «Отечественных записках» или «Русском вестнике», она просила его рекомендации и посредничества. Последние два из известных нам писем Ладыженской к Тургеневу написаны, вероятно, в мае и июле 1856 г. Она писала в них о разнообразных заботах, свалившихся на ее плечи после смерти мужа, о тягостном чувстве, испытанном ею в первые месяцы после утраты. «Пожалуйста, не пишите слишком кратких писем: Вы да еще Боткин, вы единственное звено, которое будет связывать меня с *образованным миром*...»; «...я бы не желала совершенно прерывать с Вами всякое сношение; в моем одиноком положении Ваша холодная приязнь даже приносит мне утешение...»,— настойчиво повторяла она, подчеркивая, что сейчас более чем когда-либо дорожит этой перепиской (там же, лл. 45 об. и 46). Однако Тургенева явно начинало тяготить знакомство с Ладыженской.

В письме к Боткину от 11 (23) июня 1856 г. он говорит: «А ты думаешь, я Ладыженской написал? Не написал и не напишу. Бог с ними, с этими женщинами, которые всё гоняются за собственным хвостом. Это прилично только котятам» (*Письма*, т. II, стр. 368). С отъездом Тургенева за границу в июле 1856 г. переписка, по всей вероятности, прекратилась. Правда, в 1877 г. Ладыженская напомнила Тургеневу о себе: она попросила помочь опубликовать одно из ее произведений. Письмом от 28 января (9 февраля) 1877 г. Тургенев сообщил М. М. Стасюлевичу, что он, возможно, скоро получит «продукт ‹...› музы» «одной г-жи *Палтовой*» (курсив Тургенева, — *Ред.*), которую писатель «некогда знавал под именем Ладыженской» (*Письма*, т. XII, кн. 1, № 4195). Судя по каталогу сочинений, поступивших в редакцию «Вестника Европы» в 1877—1881 гг., рукопись Палтовой (Вахновской) под названием «Л. Н. Кропотский», принятая 9 марта ст. ст. 1877 г., была возвращена автору 10 апреля ст. ст. того же года с отказом (*ИРЛИ*, ф. 293, оп. № 3, ед. хр. № 4, лл. 7 об.—8).

Письма Ладыженской к Тургеневу представляют некоторый интерес: написанные женщиной, стоящей по своему духовному развитию выше большинства женщин своего круга, обладающей литературным чутьем и самостоятельностью суждений, они позволяют судить о том, как воспринималось творчество Тургенева русским обществом 50-х годов. Сохранилось двадцать ее писем к Тургеневу, ответные письма Тургенева к ней неизвестны. Ниже по автографам *ИРЛИ* (5807.XXXб.97) публикуются (с небольшими купюрами) десять наиболее интересных писем Ладыженской к Тургеневу. Краткие цитаты из писем 2—4, 7, 9 опубликованы Е. М. Хмелевской в перечне «Утраченные письма И. С. Тургенева (1838—1856)» (*Тургенев, Сб., 1964*, стр. 374—375); отрывки из писем 3, 5, 7, 8, 10 — А. Н. Дубовиковым, Л. Н. Назаровой и Е. И. Кийко в комментариях к повестям «Бретер», «Постоялый двор» и «Затишье» (*Сочинения*, т. V, стр. 555, 610, т. VI, стр. 519, 521).

1

‹Вахново.
Вторая половина сентября—декабрь
(не позднее 19) ст. ст. 1854›.[1]

Милостивый государь
Иван Сергеевич!

Я Вас лично не знаю, но знаю по Вашим сочинениям. Я принадлежу к числу тех, которые, следя за быстрым развитием Вашего таланта, радуются появлению всякого Вашего нового творения, как рождению ребенка в семье родной... Вы спросите, зачем я к Вам пишу, и, может быть, не дочитавши письма, взглянете на подпись, но Вы тут ничего не узнаете... Я Вам своего имени не скажу — Вы его и не знаете — я назовусь именем одной из Ваших героинь — Муму, если хотите. Цель этого письма — предложить Вам переписку ‹...›. Живя бо́льшую часть года в деревне, надобно составить себе и умственное занятие; мне опротивели романы французской школы, я также охладела и к английским юмористам, зато я нахожу патриотическое наслаждение следовать за русской литературой. Любимые мои писатели — Вы и Григорович; но с тех пор как Григорович написал «Проселочные дороги», перевес на Вашей стороне. Даже «Рыбаки» не поколебали его, я решительно не могу чувствовать симпатии к человеку, который мог создать такие пошлые и бесцветные личности, как девицу Сараманаеву и автора «Непризнанной индейки».[2] Итак, мои ожидания сосредоточились на Вас; я говорю ожидания, потому что, несмотря на все прекрасное, написанное Вами, я ожидаю еще лучшего впереди. Поймите меня, этим я не разумею, что Ваш талант еще не достиг полного развития, нет! Признаюсь Вам откровенно (и меня, незнакомку, Вы не можете обвинить в лести), что, по моему мнению, лучше Вас писать нельзя. Но я все надеюсь, что Ваш талант разыграется еще в более широких размерах. До сих пор Вы писали только один очерки; в «Записках охотника»,[3] в «Муму», в «Двух приятелях», в «Затишье» [4] Вы вывели множество типических лиц; одним взмахом пера Вы изобразили их характеры, наружность, положения; Вы сняли дагерротип с их души и представили его читателю. Читатель ‹за›интересован, увлечен, поражен этой блестящей «mise en scène»,[а] он с наслаждением готовится следовать за всеми этими лицами, за разнообразным развитием их страстей, недостатков, качеств в различных обстоятельствах их жизни, но Вы закрываете книгу их судеб и говорите: «довольно!».

Многие (дамы в особенности) говорят про Вас, что у Вас нет чувства и что его именно недостает в Ваших сочинениях. Мне кажется, что они ошибаются — как много прямого, настоящего чувства в «Бирюке», в «Смерти русского человека»,[5] но они, может быть, ищут другого — любви! Правда, у Вас не встретишь любовных сцен; но крайней мере,

---

[а] обстановкой (*франц.*).

взаимной любви у Вас, кажется, нигде не выставлено <...>. И как не понимают они, что для выражения настоящего чувства много слов не нужно, что в этом сдержанном восклицании Марии Павловны, в этом простом упреке к Веретьеву: «Охота вам делать из себя шута» — больше истинного чувства, чем высказал бы другой писатель в двадцати сентиментальных страницах <...>. Но будете ли Вы мне отвечать?.. Может быть, клад Ваших мыслей назначен России, всем русским вообще, и Вы поскупитесь отделить незнакомке несколько крох, которые ей одной бы принадлежали... А между тем Вам так мало бы стоило в свободную минуту скуки написать ко мне несколько строк... Скажите мне, что Вы намерены печатать еще и когда? Имеете ли Вы наконец в виду многоожидаемый мною большой труд? <...>

Если Вы согласитесь утешить меня ответом, то пишите по нижеследующему адресу:

Милостивой государыне
Аделаиде Егоровне Пригвиц.[6]
Тверской губернии.
Город Зубцов, сельцо Вахново, г-на Ладыженского.[7]

После 20-го декабря мы будем в Москве, и тогда я Вам дам другой адрес <...>. Прошу Вас, не оставляйте меня долго в тревожном ожидании и если будете отвечать, то отвечайте скорее на первый раз. Мой ответ немного замедлится, потому что Ваше письмо должно переслаться ко мне в другую губернию.

Муму.

П. С. Приходит мне в голову, что Вы очень любите топить своих героинь; Марью Павловну утопили и Муму утопили, не топите меня, пожалуйста, и отвечайте скорее.

[1] Датируется по упоминанию повести Тургенева «Затишье», опубликованной в сентябрьском номере журнала «Современник» за 1854 г., и по сопоставлению с письмом 3, в котором день отъезда Ладыженских из деревни, 19 декабря, указанный в данном письме предположительно, назван точно.

[2] Роман Д. В. Григоровича «Проселочные дороги» был напечатан в 1852 г. («Отечественные записки», №№ 1—8), а роман «Рыбаки» — в 1853 г. («Современник», №№ 3—6). Девица Розалия Владимировна Сараманаева, компаньонка жены помещика Балахнова, и Аполлон Егорович Дрянков, доморощенный литератор, автор повести «Непризнанная индейка», — персонажи первого из названных романов. С точки зрения Тургенева, оба эти произведения были неудачны (см.: *Письма*, т. II, стр. 64, 145, 150).

[3] Первое отдельное издание «Записок охотника» вышло в Москве в 1852 г.

[4] «Муму», «Два приятеля», «Затишье» опубликованы в третьем, первом и девятом номерах «Современника» за 1854 г.

[5] Ладыженская имеет в виду рассказ «Смерть» из «Записок охотника», напечатанный впервые, так же как и рассказ «Бирюк», в «Современнике» (1848, № 2).

[6] Пригвиц (Пригниц) Аделаида Егоровна — гувернантка в семье Ладыженских.

[7] Ладыженский Александр Федорович (1817—1855) — отставной поручик кавалергардского полка, с 1850 г. муж Е. А. Ладыженской.

2

‹Вахново.
Вторая половина сентября—декабрь
(не позднее 19) ст. ст. 1854›.[1]

Милостивый государь
Иван Сергеевич!

Я получила Ваше письмо... Вы мало воображаете, *какую* радость Вы мне им доставили! От души благодарю Вас, во-первых, за скорый ответ, а во-вторых, за то, что Вы так хорошо поняли, что я не *комплиментов* от Вас желала и в каком именно тоне письмо Ваше могло быть для меня приятным. Благодарю Вас также за любезное предложение прислать мне Ваш отрывок,[2] но я получаю также и «Отеч‹ественные› зап‹иски›» и надеюсь в скором времени его сама прочесть вполне. «Современник» и «От‹ечественные› зап‹иски›», эти два журнала, которые один перед другим стараются овладеть Вашими произведениями, не делают ли Вам эффект двух матерей, ухаживающих за Вами, всякая в надежде выдать за Вас свою дочь?.. Так как у меня нет дочери, то я имею привилегию сказать Вам правду, передать Вам беспристрастное мнение людей умных и свое собственное скромное насчет Вашего нового произведения. С нетерпением буду ожидать его появления. Могу ли я Вас попросить, хотя в кратких словах, передать мне, какой предмет Вы выбрали для своего большого романа и почему именно Вы остались им недовольны?[3]

Вы спрашиваете мое мнение об «Отрочестве» гр. Толстого, вот оно: я нахожу, что и «Отрочество» и «Детство» того же автора прекрасны, выше всяких похвал; читая их, смутно припоминаешь, что сама, в первых порах жизни, так чувствовала и так думала и что тогда предметы представлялись воображению в таком же полуфантастическом виде. И хотя я в темном чулане никогда не сидела, но легко могу себе вообразить, как это *ужасно*... Впрочем, мне кажется, что мысль изучить этот возраст и подробно представить все оттенки его мыслей и чувств не совсем принадлежит г-фу Толстому. Dickens в своем романе «Домби и сын» представил нам уже прекрасный образец в этом роде. Вы скажете, может быть, что это ничего не значит, что это нимало не отнимает оригинальности у автора, что у всякого писателя свое воззрение на те же самые предметы, что на таком основании, как я говорю, ничего нет нового под луной. Все это так, но я именно в *воззрении* и нахожу сходство с Диккенсом, это сходство прикрыто par la couleur locale,[a] впрочем, я, может быть, и ошибаюсь. Написано прекрасно, *слишком* прекрасно, «cela me paraît

[a] местным колоритом (*франц.*).

d'un naturel qui sent le travail, en un mot c'est un tour de force, car le sujet est ingrat».б,[4] Скажу при этом удобном случае, что мне в Ваших сочинениях особенно нравится оригинальность, они постоянно напоминают нам действительность, но уж никак не другую книгу ‹...›. Вы говорите, что у Вас, может быть, не достанет силы оправдать мои ожидания. Неправда, Ваш талант не из тех, которые испаряются после двух, трех удачных опытов, истощая в них весь запас своего творческого жара; он основан на Вашей способности наблюдать; нет характеристической подробности, нет тонкого оттенка, которые бы ускользнули от Вашего пера... нет, Ваш талант должен быть неистощим, как сама природа, как предметы для наблюдения ‹...›.

Вы не хотите называть меня Муму и просите меня выбрать себе другое имя — извольте, я буду для Вас Софья Петровна. Дожидаюсь Вашего ответа еще с большим нетерпением, чем в первый раз. Пишите мне по следующему адресу: Аделаиде Егоровне Пригниц, в Москве, на *Садовой*, в *Кудрине*, в доме г-жи Ладыженской. Теперь, из Москвы, мой ответ уж не замедлится.

С. Б.

П. С. Еще раз убедительно Вас прошу не показывать моих писем никому и не говорить о них ‹...›.

[1] Датируется на тех же основаниях, что и письмо 1.

[2] Возможно, имеется в виду повесть «Переписка».

[3] Речь идет о не дошедшем до нас романе Тургенева «Два поколения». О работе над ним и о причинах недовольства Тургенева своим трудом см. подробно в комментариях Л. Н. Назаровой к плану этого романа (*Сочинения*, т. VI, стр. 601—605; *Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, стр. 52—58).

[4] В письмах Тургенева мы находим в высшей степени одобрительные отзывы о «Детстве» («Современник», 1852, № 9, под заглавием «История моего детства») и «Отрочестве» («Современник», 1854, № 10) Л. Н. Толстого (*Письма*, т. II, стр. 79, 85, 152, 232, 234, 237, 241 и др.). Имя Диккенса в связи с этими повестями упоминалось критиками того времени. Так, например, в «Отечественных записках» (1854, № 11, отдел IV, стр. 34) говорилось об авторе «Давида Копперфильда» и русском писателе как о создателях картин на одну и ту же тему. «Внушенной, очевидно, Диккенсом и в особенности последним его романом „Давид Копперфильд“» считал «Историю моего детства» и критик журнала «Пантеон» (1852, № 10, отдел VI, стр. 12). Впоследствии мысль о традициях Диккенса в трилогии Толстого довольно часто высказывалась в литературе о нем: Б. Эйхенбаум. Молодой Толстой. Пб. — Берлин, 1922, стр. 61, 63, 75; П. Попов. Стиль ранних повестей Толстого («Детство» и «Отрочество»). *Лит. насл.*, т. 35—36, стр. 82, 85—87, 110; Н. Апостолов. Толстой и Диккенс. В кн.: Толстой и о Толстом. Новые материалы. Сб. 1. Под ред. Н. Гусева. М., 1924, стр. 104—123.

б Это мне кажется естественностью, отзывающейся трудом, словом, это очень ловко, потому что тема неблагодарна (*франц.*).

3

Москва.
26-ое декабря ‹1854›.[1]

Прежде всего, Иван Сергеевич, поздравляю Вас с праздниками и желаю Вам всего, всего лучшего: счастья, здоровья и славы. Великий Вы волшебник; Ваше письмо мигом рассеяло скуку и тоску, овладевшие мною с моего приезда в город ‹...›. Не знаю, будете ли Вы моего мнения, но мне кажется, что в деревне встретишь больше личностей, чем в городе: правда, руки не так чисты, и платье сшито не по моде, но у всякого почти есть своя специяльность, свой любимый предмет, из всякого извлечешь какую-нибудь новую оригинальную мысль или бойкий рассказ. В городе же всё те же казенные предметы для разговора, всё и все прикрыты однообразным лоском, под которым исчезают и который равняет и ум, и глупость ‹...›.

С каким нетерпением я буду ожидать Вашу комедию:[2] да подтяните-ка этих издателей за их неаккуратность; мы уехали из деревни 19-го, не получив декабрьских журналов. Если Вы еще не чувствуете себя достаточно приготовленными к большому труду, Вы хорошо делаете, что хотите писать повести; главное, пишите ровнее, мне кажется, что в «Затишье» начало слишком распространено, а конец слишком сжат; Вы вдруг спешите к развязке, как будто бы Вам надоело и хочется скорее кончить. Впрочем, этот недостаток находится только в форме; мысль совершенно полна, прибавить нечего и уменьшить было бы жалко. Хотите выслушать суждение одной провинцияльной барыни, сентиментальной вдовы, о «Затишье», я ему смеялась от души. «Читали Вы „Затишье“?» — спрашиваю я. — «Как же, но не имела терпения докончить, я привыкла читать повести с *возвышенным слогом*; вот Марлинского „Фрегат надежды“, это другое дело. А тут никакого романтизма нет; героиня с красными руками... и какие выражения: „осклабился“ — просто тривиально!».

Скажите, пожалуйста, Иван Сергеевич, какого Вы мнения о «Кто виноват» Искандера, я его теперь в первый раз читаю, и меня занимает. Я Вашего мнения, нам знакомиться еще рано... наша дружба еще не созрела... К тому же теперь неловко, я своим временем не располагаю, мы должны бы были встретиться при многих свидетелях. «Il aurait fallu passer par une présentation en formes et échanger des lieux communs».[a] Это преглупо и прескучно, не о таком свидании с Вами я мечтаю... но об этом в другой раз... (Я уверена, что, если я Вас когда-нибудь об этом попрошу, Вы приедете нарочно). Я боюсь, Вы загоститесь в Москве, а здесь Вы будете дальше от меня, чем в Петербурге, и нельзя будет писать.[3] Прощайте, Иван Сергеевич, теперь буду писать письма короче, но чаще. Времени мало свободного с этой проклятой городской

---

[a] Пришлось бы пройти через представление по всей форме и обмениваться общими фразами (*франц.*).

жизнию; а как мне политические толки (вкривь и вкось) надоели, Вы не поверите. Разберете ли Вы это письмо? Вашу корреспондентку зовут *Пригниц*.

Преданная Вам

С. Б.

‹P. S.› В каком смысле разумеете Вы столкновение двух поколений, в нравственном, умственном, политическом или литературном? [4]

[1] Датируется 1854 г. по сопоставлению с письмами 1 и 2.
[2] «Месяц в деревне» («Современник», 1855, № 1).
[3] Тургенев находился в Москве с 9 (21) января (см.: *Письма*, т. II, стр. 258) по 3 (15) февраля 1855 г. (см. там же, стр. 256). Знакомство писателя с Ладыженской состоялось, по-видимому, в течение первых двух недель его пребывания там, ибо на третью падает его поездка в Абрамцево (см. письма к Е. А. и В. А. Черкасским: там же, стр. 254, 255, и примечания к ним на стр. 550) и болезнь (там же, стр. 257). Содержание трех записок Ладыженской к Тургеневу, датированных воскресеньем, понедельником и средой (лл. 26—31), позволяет уточнить дату встречи: она произошла, вероятно, 10 (22) либо 17 (29) января 1855 г.
[4] Речь идет о романе «Два поколения».

4

Москва.
2-ое генваря 1855.

Начинаю упреком: прочитав Ваше письмо, Иван Сергеевич, я ощутила что-то неловкое, мне стало как-то нелегко на душе... Так как я не могла себе отдать отчет, отчего именно я это чувствую, я его прочла вторично, и тут все поняла. Ваше письмо натянуто и рассеянно ‹...› на многое в моем письме Вы и не отвечаете. Я спрашивала Ваше мнение насчет деревни и города — Вы мне его не говорите. Вы также не сказали мне, заставило ли Вас хотя улыбнуться суждение моей провинциалки о Вашем «Затишье». Наконец, «et c'est mon principal grief»,[а] по Вашему же требованию я сделала геройское усилие над собой: «j'ai tâché de vous trouver en faute, et vous ne m'en savez pas gré!».[б] В другой раз Вы не дождетесь от меня ни малейшей критики... Нет, это ясно, Вы писали ко мне одно, а думали о другом... эту-то скрытность я Вам не прощаю. Я уверена, что у Вас было что-то неприятное на душе в то время, и Вы мне не сказали ‹...›. Я скажу больше, мне кажется, что я угадала причину Вашей досады... Поверьте, что я ее вполне разделяю... будемте говорить «à demi mot».[в] Я нахожу, что «dame C.» [г, 1] — прекапризная и

[а] и это моя главная претензия (*франц.*).
[б] я попыталась найти у вас недостатки, а вы нисколько не признательны мне за это! (*франц.*).
[в] намеками (*франц.*).
[г] госпожа Ц. (*франц.*).

пренеприятная особа; она просто, должно быть, придирается... Бог ей простит... Но все-таки же я не примирюсь с мыслей, что я не *увижу* Вашей небольшой вещи, и надеюсь, что Вы мне ее пришлете.[2] Только для этого я Вам дам другой адрес в будущем моем письме, уже по малой почте.

Я решилась Вас не избегать в Москве, многое есть, что можно говорить, а писать нельзя ‹...›. Ваш «avis au lecteur»[д] я возьму в замечание и когда-нибудь покажу Вам не *начатую*, а *конченную* повесть.[3] Вы ошибаетесь, я не боюсь прослыть за синий чулок, но боюсь только надоесть своим добрым *друзьям*.

Прощайте, Иван Сергеевич, жму Вашу руку и остаюсь навсегда

преданною Вам

С. Б.

[1] Ладыженская имеет в виду цензуру («dame C‹ensure›»).
[2] Возможно, речь идет о «Переписке».
[3] «Три женщины». См. примеч. 4 к письму 9.

5

Москва.
3-ье генваря ‹1855›.[1]

Я к Вам опять пишу, Иван Сергеевич, вчерашнее письмо мое было к спеху, но я рассудила, что если сегодняшнее Вас и не застанет уж в Петербурге,[2] то оно Вас дождется там. Я насчет многого не успела с Вами поговорить вчера, давайте толковать теперь ‹...›. То, что Вы говорите о Georges Sand, совершенно справедливо; если ей следовало бросить перо, то это теперь, а не тогда, когда кричали на нее: «Depuis sa conversion, elle ne vaut pas le diable!».[а] Ее последние народные романы прескучные и неестественны, а о драмах, кажется, и говорить нечего. Одно из ее последних произведений понравилось мне: «Mont-Revêche». Что Вы мне о нем скажете?[3] Я в нем встретила знакомый характер (старшей дочери), от которого я сама много терпела. Кстати, я знаю одного человека, деревенского соседа, смесь *Веретьева* с *Гамлетом* Щигровского уезда, но в нем есть еще своя собственная отличительная черта, которая немного сдается на разочарованность байроновского героя; он аффектирует постоянно всевозможные дурные наклонности, как-то: пренебрежение к религии, цинизм, сухость сердца, неуважение к матери. Он говорит, что в женщине признает *одно тело* и что он не способен на чувство. А между тем это самый впечатлительный и, можно даже сказать,

---

д вниманию читателя (*франц.*).
а Со времени своего обращения она гроша ломаного не стоит! (*франц.*).

добрый человек, но люди и мужики про него говорят: «Что в таком барине, не греет и не студит!» ‹...›

Вы спрашиваете меня, вижу ли я здешних литераторов, — к несчастью или к счастью, нет. Я знаю коротко только одного человека чрезвычайно умного, ученого и несколько странного, выходящего из ряда обыкновенных людей. Это Александр Степанович Кротков,[4] знаете ли Вы его? Он мог бы нас познакомить с Вами. Мы можем еще встретиться у Ховриных, у Бахметьевых[5] и, может быть, у Сушковых.[6] Но придется ли нам поговорить откровенно... бог знает. А надобно бы ‹...›.

Прощайте, мой *любезный* друг, до свидания. Если Вы и угадаете, кто я, то все-таки же не пишите мне прямо, а все по старому адресу ‹...›.

Преданная Вам

С. Б.

[1] Датируется по сопоставлению с письмом 4.

[2] Тургенев выехал из Петербурга 8 (20) января (см.: *Письма*, т. II, стр. 258).

[3] Тургенев, характеризовавший Ж. Санд (в статье 1852 г. — о романе Е. Тур «Племянница») как создательницу особого «сандовского» типа романа и «самый высший женский талант» (см.: *Сочинения*, т. V, стр. 373, 374), признававший в 70-х годах большое влияние, которое на него оказали ее произведения (см.: *Письма*, т. X, № 2973), пережил в середине и к концу 50-х годов период охлаждения к творчеству французской писательницы. Настоящее письмо служит косвенным подтверждением этого факта; прямыми доказательствами его являются сказанные им несколько позже слова о сандовском направлении в литературе как об отражении «неполной Истины» в письме к А. В. Дружинину от 30 октября (11 ноября) 1856 г. (*Письма*, т. III, стр. 29) и о «болтовне зарапортовавшейся Санд» в письме к С. Т. Аксакову от 27 декабря 1856 г. (8 января 1857 г.) (там же, стр. 67).

Неизвестно, однако, разделял ли Тургенев то широко распространенное мнение, что увлечение идеями утопических социалистов Леру и Ламенне отрицательно сказалось на художественной стороне романов Ж. Санд, о котором говорит Ладыженская. Деревенские повести Ж. Санд — «La mare au diable» (1846), «François le champi» (1850), «Petite Fadette» (1849) и «Maîtres sonneurs» (1853); ее драмы, действительно почти не пользовавшиеся успехом, — «Claudie» (1851), «Molière» (1851), «Le pressoir» (1853), «Maupгat» (1853), «Flaminio» (1854) и др. Роман «Mont-Revêche», вышедший во Франции в 1853 г., в этом же году был переведен на русский язык («Современник», №№ 10—12) и в 1854 г. вышел отдельным изданием в Петербурге под заглавием «Замок Мон-Ревеш».

[4] Кротков Александр Степанович (р. 1808) — знакомый Ладыженской. В 1839 г. после службы в кавалергардском полку вышел в отставку в чине полковника. Редкое бескорыстие, глубокая религиозность, мистицизм создали ему репутацию человека чрезвычайно своеобразного. В последние годы жизни заведовал Киевской городской библиотекой. Умер в Киеве. См. о нем: Ольга N. Из воспоминаний («Русский вестник», 1887, № 11, стр. 172—174).

[5] Ховрины — Николай Васильевич, Мария Дмитриевна, рожд. Лужина (1801—1877), и их дети: Александра Николаевна, в замужестве Бахметева (1823—1901), Леонид Николаевич (1825—1865) и Лидия Николаевна (1826—1899). О Н. В., М. Д. и А. Н. Ховриных см.: *Письма*, т. I, указа-

тель имен; *Сочинения*, т. I, стр. 597—599, т. VI, стр. 611. Бахметевы (Бахметьевы) — Петр Владимирович (1818—1896) и Александра Николаевна (см. выше).

[6] Вероятно, речь идет о Николае Васильевиче Сушкове (1796—1871) (см.: *Письма*, т. IV, указатель имен) и его жене Дарье Ивановне, рожд. Тютчевой (1806—1879).

6

Москва.
3-ье февр. ‹1855›.[1]

Как доехали Вы до Петербурга, Иван Сергеевич? В тот день, как Вы отправились, было 23 градуса мороза, и я не раз думала о том, что Вам, должно быть, страшно холодно — надеюсь, что Вы здоровы? [2]

Вы прежде как-то писали мне, что желали бы знать мое мнение о Вашей комедии,[3] я нарочно не распространялась о ней с Вами словесно, чтобы было о чем писать, — а не писать к Вам я не могу, то есть, по крайней мере, *воображаю* теперь, что не могу и что переписка эта сделалась для меня необходимым *умственным* занятием. Итак, о комедии. Скажите мне, пожалуйста, по правде, не писали ли Вы ее в то время под влиянием Georges Sand, или это изъяснение в любви большой барыни бедному учителю студенту имеет случайное сходство с направлением этого автора. Признаюсь Вам, мне было бы досадно видеть в Вас подражателя, даже бессознательного.[4] Скажите также, отчего Вы написали комедию? Вы же сами говорите в предисловии, что она для сцены не годится, а между тем драматическая форма затрудняет чтение и лишает нас тех прекрасных описаний, которые мы привыкли встречать в Ваших очерках и повестях.[5] Мне кажется вообще, что описания и рассказ более, чем диалоги, составляют специальность Вашего таланта. Это сказано не в упрек, я не поклонница драматического искусства — я полагаю, что в нем трудно соблюсти естественность, несмотря на то, что «les trois unités» [а] и другие строгие правила теперь уничтожены. Мастерски обрисован в Вашей комедии характер доктора; особенно хорошо его объяснение с компаньонкой, в котором он под видом грубой откровенности продолжает хитрить. Хорош и Беляев; как умно с Вашей стороны, что Вы его не одарили никакими необыкновенными качествами или способностями; понятно, что он нравится этой женщине именно своею, так сказать, необтесанной природой, «nature primitive»,[б] своей наивностию и застенчивостию; даже его неловкость не вредит ему в ее глазах, а, напротив, придает ему новую прелесть. Вы говорили про Ракитина, что его роль жалка, но он благородный человек, и если тут есть что-нибудь из Вашей жизн‹и› и если Вы так же поступили, как и он, то это Вам делает честь.[6] Позвольте мне кончить одним пустым замечанием, это мелочь, но именно поэтому-то ее и легко избегнуть в другой раз. Заметьте, что Ваши действующие лица беспрестанно закрывают лицо руками, это весьма естественное движение в минуту волнения, «mais il ne faut pas en abu-

[а] три единства (*франц.*).
[б] первобытной натурой (*франц.*).

ser».[в] Если я говорю пустяки, то скажите. В Вашей «Переписке»[7] Вы показали новую «phase»[г] Вашего таланта: «анализ чувств», — и этот опыт Вам, кажется, удался. Жалко, что цензура не пропустила, и жалко, что у Вас теперь другие мысли, которые отвлекают Вас от литературы ‹. . .›.

Пишите мне ответ poste restante[д] на имя Софьи Петровны Барсовой в Москве ‹. . .›.

С. Б.

[1] Датируется по сопоставлению с письмами 4 и 5.

[2] Отъезд Тургенева из Москвы был отложен из-за его болезни до 3 (15) февраля 1855 г. (см.: *Письма*, т. II, стр. 256, 257).

[3] «Месяц в деревне» («Современник», 1855, № 1).

[4] Тема любви аристократки к человеку, стоящему ниже ее по социальному положению, часто встречается в произведениях Ж. Санд («La marquise», «Valentine», «Le Meunier d'Angibault», «Le Compagnon du tour de France»); о каком именно из них говорит Ладыженская — сказать трудно. Пожалуй, наибольшее сходство с «Месяцем в деревне» обнаруживает в этом смысле роман «Le Compagnon du tour de France». Графиня Изольда де Вильпре, полюбив простого плотника Пьера Гюгенена, признается ему в своем чувстве. Она готова соединить с ним жизнь, но встречает отказ, так как согласиться на брак с нею значит для Пьера стать обладателем ее богатств и, следовательно, отречься от своих убеждений, от своего класса.

[5] Комедия «Месяц в деревне» была напечатана в «Современнике» со следующим «замечанием» автора: «Комедия эта написана четыре года тому назад и никогда не назначалась для сцены. Это собственно не комедия — а повесть в драматической форме. Для сцены она не годится, это ясно; благосклонному читателю остается решить, годится ли она в печати» («Современник», 1855, № 1, стр. 29).

[6] По-видимому, Тургенев писал Ладыженской об автобиографичности образа Ракитина. Об этом же он говорил в 1881 г. М. Г. Савиной: «А Ракитин это я. Я всегда в своих романах неудачным любовником изображаю себя» (см. в сб.: Тургенев и Савина. Пгр., 1918, стр. 77).

[7] Повесть была опубликована в первом номере журнала «Отечественные записки» за 1856 г. Ладыженская, очевидно, читала ее в рукописи.

7

Москва.
15-ое февраля ‹1855›.[1]

Представьте, милый Иван Сергеевич, что я только вчера случайно узнала, что Вы не уехали в назначенный срок и были здесь больны ‹. . .›.[2] Сейчас получаю Ваше письмо от 10-го, не *тупое* и не *вялое*, как Вы говорите, но милое и любезное, оттого что многоожиданное. Я 5 раз посылала на почту, видно, мое письмо вместе с Вами попало в метель. Вы не согласны со мной насчет неестественности, свойственной, по моему мнению, драматическому искусству; но отчего же, скажите, говорят всегда

[в] но не следует этим злоупотреблять (*франц.*).

[г] фазу (*франц.*).

[д] до востребования (*франц.*).

про горе неестественное или вообще про всякое поддельное, не от души шедшее выражение чувств — это «театральное горе», «une douleur *à effet*»,[а] ведь это на чем-нибудь да основано. Shakespeare был гений и поэтому составляет исключение, но больше Вы мне никого не назвали. «Le grand Corneille et le tendre Racine n'étaient pas exempts d'affectation».[б]

Я сегодня ознакомилась с одним Вашим сочинением, о котором Вы мне не говорили: а именно Бутовский[3] читал нам сегодня вечером (я к Вам пишу в два часа ночи) Ваш «Постоялый двор»,[4] который я себе добыла и дала переписать, чтобы приобрести его в законное владение. Если Вам это может сделать удовольствие, то я Вам скажу, что Марья Дмитриевна была тронута до слез великодушием Акима в отношении жены. Что касается до Лидии,[5] то она с надлежащей скромностью опустила глаза, когда читали встречу в конопляниках <...>. *Мне же* чрезвычайно понравилось это сочинение, оно мне решительно кажется самым лучшим Вашим произведением; может быть, оттого, что я еще нахожусь под впечатлением минуты (du droit du dernier venu),[в] подожду судить, пока не изгладится живость этого первого впечатления. Как это, однако, досадно, что Вы не хотите ничего писать теперь; скорее выздоравливайте. Вам бы только писать — мне бы только читать. Моей повести[6] я Вам еще не могу прислать, конец не совсем переписан — а посылаю Вам начало романа. Если, как я полагаю, Вы найдете, что я не имею таланта, — скажите прямо, без всяких «ménagements»:[г] я Вам даю честное слово, что не ставлю в этом своего самолюбия, я пишу так, от нечего делать, и с тех пор, как переписываюсь с Вами, совсем бросила. Только, пожалуйста, не дожидайтесь прочтения моей тетради, чтобы написать мне ответ на мое письмо, а то не сообразишься, когда послать на почту. Вашу критику или осуждение Вы мне можете прислать в ответ на мое следующее письмо <...>.

Прощайте, Иван Сергеевич, будьте здоровы — о литературе сегодня нечего говорить, журналов в Москве еще не получили. Извините, что я Вам надоедаю различными рекомендациями; тетради моей не присылайте мне обратно, пока я Вам не напишу. Да напишите мне, как Вы себя теперь чувствуете и что с Вами было, ведь и про болезнь свою можно говорить *с аппетитом*.

От души Вам преданная

С. Б.

[1] Датируется по сопоставлению с письмом 6.

[2] См. примеч. 2 к письму 6.

[3] Бутовский Иван Григорьевич (1785—около 1859) — писатель и переводчик.

[а] *показное* горе (*франц.*).

[б] Великий Корнель и нежный Расин не были свободны от аффектации (*франц.*).

[в] по праву пришедшего последним (*франц.*).

[г] церемоний (*франц.*).

[4] «Постоялый двор» впервые опубликован в «Современнике» (1855, № 11).

[5] Мария Дмитриевна и Лидия Николаевна Ховрины. См. примеч. 5 к письму 5.

[6] «Три женщины». См. примеч. 4 к письму 9.

8

Москва.
27-ое февраля 1855.

Вот уж две недели, Иван Сергеевич, что я к Вам писала; я несколько раз посылала на почту, но ответа Вашего не дождалась. Наконец, не могу вытерпеть и решаюсь к Вам опять написать. Не думайте, однако ж, чтоб я стала Вас упрекать за молчание, — я не могу быть требовательною в этом отношении и не имею на это никакого права; скажу более: я была бы рада узнать, что Вам помешала отвечать какая-нибудь пустая причина или что Вам просто некогда, — а то, зная, что Вы были больны, мне бог знает какие мысли приходят в голову. Вы же всегда так аккуратны, что воображение поневоле работает. Итак, прошу Вас, Иван Сергеевич, напишите только два слова: «я здоров» или «я болен» — и если Вам теперь некогда переписываться со мной, то скажите прямо без церемонии, как старому другу; поверьте, что я не оскорблюсь никогда откровенностью; когда-нибудь возобновим эту переписку, когда Вы будете расположены. Я с своей стороны всегда буду готова, но никак не желала бы Вам быть в тягость. Главное, откиньте в сторону всякую *учтивость* и напишите мне на этот счет самый искренний ответ. Теперь поговоримте о литературе, может быть, в последний раз; читали ли Вы в февральских «От‹ечественных› записках» первую главу поэмы Жемчужникова «История моего знакомого»?[1] Прочитав ее, я вспомнила Ваши слова, что «философия в стихах не годится», и убедилась в их справедливости — это решительно не поэзия. Вдобавок стих как-то негладок и неблагозвучен, и я ощутила какое-то особенное наслаждение, перейдя от этой поэмы к стихотворениям Пушкина (из нового издания), напечатанным в «Современнике».[2] Это отрадное чувство очень похоже было на то, которое мы ощущаем, съезжая с ухабистой проселочной дороги на гладкое ровное шоссе. Очень мне понравилась повесть Писемского «Виновата ли она?».[3] Все характеры хороши, хотя не так типичны, как в прежних его сочинениях. Вообще мне кажется, что эта повесть в одном отношении лучше, в другом хуже его других произведений. *Лучше* оттого, что она написана ровнее и *благороднее*; тут не встречаешь тех простонародных и даже пошлых выходок, которые как-то неприятно колют глаза в «Богатом женихе»[4] и которые в авторе изобличают не совсем порядочного человека. *Хуже* оттого, что в ней меньше оригинальности и меньше жизни. Типов, как я говорила выше, вовсе нет: Иван Кузьмич и Пионова повыпуклее других, но Лидия и Курдюмов, по-моему, слабо очерчены. И зачем пустился Писемский на французские фразы: разве для того, чтобы показать, что он по-французски *не знает*. Кстати о типах, вот кто постоянно метит на

типы, но, кажется, весьма неудачно, это Ольга Н. И какие затейливые заглавия: всё какие-то пословицы, которых никак не применишь к рассказу. Последняя ее повесть «На весь свет не угодишь» вышла уж больно плоха, а претензии много.[5] Вы, может быть, замечаете, Иван Сергеевич, «que je suis aujourd'hui dans mes humeurs noires littéraires».[a] Действительно так: февральские журналы показались мне скучными и пасмурными, как февральская погода ‹. . .›.

Прощайте, Иван Сергеевич, будьте здоровы. Неужели я к Вам больше писать не буду! Мне решительно грустно при этой мысли, но я все-таки не отказываюсь от своих слов — решение в Ваших руках. Скажите мне свое собственное мнение о своем «Постоялом дворе», а я все в том же восторге, я нахожу, что Вы в нем достигли до высшего драматизма, — сцена, в которой Аким прощает жену, поражает своей строгой красотой. Очень хороша и та, в которой Кирилловна объясняется с Акимом и с барыней. Словом, с самой доброй волей ничего не найдешь критиковать в этом произведении. Еще раз прощайте, жму Вам руку и прошу Вас не совсем забывать

преданной Вам

С. Б.

‹P. S.› Если Вы прочли мою тетрадь, отошлите ее на имя *Барсовой* с *оставлением на почте*. Повесть моя переписана и будет Вам переслана по первому Вашему требованию.[6]

[1] Ладыженская имеет в виду первую главу поэмы А. М. Жемчужникова «Мой знакомый» («Отечественные записки», 1855, № 2, отд. I, стр. 197—206).

[2] В первом номере «Современника» за 1855 г. (отд. I, стр. 213—216) были помещены три стихотворения Пушкина из только что вышедшего в свет второго тома сочинений поэта, подготовленного П. В. Анненковым: «Воспоминания в Царском селе» (1829), «Воспоминание» (1828) и «Наперсница волшебной старины. . .» (1822).

[3] См.: «Современник», 1855, № 1, стр. 217—304.

[4] Роман А. Ф. Писемского «Богатый жених» печатался в «Современнике» в 1851 (№№ 9—12) и 1852 гг. (№№ 1—5).

[5] С. В. Энгельгардт, рожд. Новосильцева (1828—1894), писавшая под псевдонимом Ольга Н***, действительно очень часто использовала пословицы в качестве заглавий для своих произведений: «Утро вечера мудренее» («Отечественные записки», 1853, № 11), «Суженого конем не объедешь» («Отечественные записки», 1854, № 2), «Не так живи как хочется, а так как бог велит» («Современник», 1854, № 12) и др. Повесть «На весь свет не угодишь» опубликована в журнале «Отечественные записки» (1855, № 2).

[6] «Три женщины». См. примеч. 4 к письму 9.

---

[a] что я сегодня в черной литературной меланхолии (*франц.*).

9

Москва.
14-ое марта 1855.

Благодарю Вас, Иван Сергеевич, за Ваше суждение о моем романе[1] — мне польстило, что Вы его нашли достойным критики. Но чтоб довершить Ваше благодеяние, недостаточно показать мне раны, надобно указать и на лекарство; словом, я хочу попросить у Вас несколько объяснений и надеюсь, что Вы мне в них не откажете. Прежде всего, позвольте спросить, в чем именно проглядывают *авторские намерения*? Что тут предвидится — будущий ход рассказа или развитие характеров? Графиню я хотела срисовать с природы, это моя мать,[2] но дочери вымышленные лица. Ваша правда — Ольга не интересна — я хотела ей придать характер твердости и положительности, а вышел какой-то бледный слепок с «Jane Eyre».[3]

Вы говорите: «нет жизненности»; что собственно значит жизненность и как можно до нее достигнуть, я не совсем понимаю. Состоит ли она в живости рассказа или в естественности его?

Вы находите, что кисть моя не изобличает женскую руку, — да ведь это очень дурно, значит, я не обладаю единственным достоинством женского таланта, даром уловить и передавать самые тонкие оттенки чувств. Впрочем, признаюсь, я удивляюсь Вашему терпению прочесть эту тетрадь; вот какой ответ я ожидала от Вас: «Ваш роман есть нравоучительная сказка для детей, написанная скверным слогом».

Посылаю Вам свою повесть,[4] она в другом роде, но, кажется, еще хуже и опять-таки нравоучительна ‹...›. Я думаю, что Вы найдете в повести моей слог менее небрежным; я ее почти всю переписывала сама и успела несколько поправить. Но галлицизмы, верно, опять встретятся, это наследственное зло. Также и чувство, кажется, часто переходит в сентиментальность; однако, когда я писала, я *так* чувствовала в самом деле, но у меня *внешнее* выражение мыслей никогда не соответствует *внутреннему* идеалу. И это нагоняет на меня какое-то тоскливое чувство — понимаете ли Вы это? Скажите мне после, пожалуйста, удалось ли мне хотя несколько очертить характер *Марии*, над которым я трудилась более, чем над другими. Любинька и Адель Вам, может быть, покажутся сходными — и та и другая экзальтированна, но у Adèle экзальтация идет от сердца, а у Любиньки от головы, поэтому в Любиньке действительность убивает экзальтацию; как *русская жена*, она привязывается к мужу после свадьбы и открывает в нем неслыханные достоинства — а Adèle и в счастии остается восторженною.

Прощайте, Иван Сергеевич, я очень рада, что Вам теперь лучше, надеюсь, что Вы теперь совсем здоровы.

Я еще не получала мартовских журналов; если Вы их читали, скажите мне что-нибудь о них.

С. Б.

«P. S.» Извините, что я у Вас украла имя из «Записок охотника» — это случилось совершенно бессознательно — «j'ai profané le nom d'Овсяников».[a, 5]

[1] См. письмо 7.
[2] Мария Гавриловна Дюклу, рожд. Бибикова (1801—1863).
[3] Ладыженская имеет в виду героиню известного романа Ш. Бронте «Джен Эйр» (1847), опубликованного на русском языке в 1849 г. («Отечественные записки», №№ 5—10).
[4] «Три женщины». Повесть вошла в сборник: С. Вахновская. Рассказы и очерки. М., 1859.
[5] Фамилию главного действующего лица рассказа Тургенева «Однодворец Овсяников» из «Записок охотника» носит один из второстепенных персонажей повести Ладыженской.

10

Москва.
23-е марта 1855.

Я на днях, Иван Сергеевич, могу сказать, что отрыла в старом журнале 47-го года одну Вашу повесть под заглавием «Бретер» <...>.[1] В этой повести Вам чрезвычайно удались оба типа: тип бретера и тип немца, — в них много оригинальности. Сколько, в самом деле, таких людей, которые слывут за высшие умы оттого только, что не дают себя разгадать. Что касается до Кистера, то я сама встретила в *нашем* гусарском полку (как говорит Маша Перекатова) такого идеального юношу с развитою «интеллигенциею», с образованностью, с поэтическими стремлениями, но с тупым умом, и сожалела, что никто этим типом не воспользовался, — я тогда о Вашей повести не знала. Сама Маша, кажется, обрисована не так удачно и не слишком метко — а может быть, Вы и хотели, чтоб она вышла несколько бесцветна. Зато мать очень хороша, даром что о ней мало говорено. Одно меня удивляет: в этом Вашем раннем произведении мало разницы с последними. Слог так же хорош, рассказ столько же ловок, описания так же живы... Разве только поменьше окончености и округленности в портретах, и то в физическом, а не в нравственном отношении. Я не хочу думать, Иван Сергеевич, что Ваш талант — «un talent stationnaire»,[a] Вы должны идти вперед, Вы теперь достаточно приготовлены для большого труда — но Вы ленивы... Вам надобно дать шпоры...

Какого числа выезжаете Вы из Петербурга? [2] Вы, верно, опять остановитесь на Маросейке. Если бы Вы знали, какая у нас теперь дорога в Москве — Венеция — надобно ездить в лодках. Впрочем, к празднику нам обещают ее исправить по случаю приезда государя.

Прощайте, Иван Сергеевич, будьте здоровы, до свидания.

С. Б.

---

[a] я осквернила имя Овсяникова (*франц.*).
[a] талант, стоящий на месте (*франц.*).

[1] См.: «Отечественные записки», 1847, № 1.

[2] Тургенев выехал из Петербурга в Москву 6 (18) апреля 1855 г. (см.: *Письма*, т. II, стр. 268, 269).

Т. А. Никонова

ТУРГЕНЕВ В ПИСЬМАХ П. ВИАРДО К Г. ФЛОБЕРУ

С 1871 г., когда Тургенев вместе с семейством Виардо окончательно обосновался во Франции, естественно оживились его связи с французскими писателями. Некоторых из них, впрочем, он знал уже давно, но лишь в 70-е годы знакомство их переросло в подлинную дружбу. К названному периоду относится его сближение с Ж. Санд, Э. де Гонкуром и в особенности с Гюставом Флобером. Об этом убедительно свидетельствуют частые встречи писателей — в Париже и Круассе, их совместные поездки в Ноан (имение Ж. Санд) и, наконец, их интенсивнейшая переписка. В 70-е годы состоялось также знакомство Тургенева — при содействии Флобера — с его племянницей Каролиной Комманвиль и появление Флобера благодаря Тургеневу в салоне Полины Виардо.

Ранее Флобер знал П. Виардо преимущественно лишь как театральный зритель. В 1860 г. он присутствовал на оперных спектаклях с ее участием. «Этой зимой, — писал он г-же Леруайе де Шантепи, — я всего два раза был в театре, и оба раза — для того, чтобы послушать г-жу Виардо в „Орфее". Это одно из самых великих творений, какие я только знаю. Уже давно я не испытывал подобного восторга» (*Flaubert, Correspondance*, s. IV, стр. 371). В дальнейшем это «заочное знакомство» упрочилось благодаря Ж. Санд, с которой П. Виардо связывала давняя тесная дружба, и, конечно, Тургеневу, который по мере оживления его отношений с Флобером все чаще вспоминал в письмах к нему «своих друзей Виардо». Настойчивое желание познакомиться с Флобером лично П. Виардо выражала еще в 1863 г. (*Письма*, т. V, стр. 103). Однако их встреча произошла только в конце февраля 1872 г. «Я познакомился с г-жой Виардо, которую нахожу личностью весьма своеобразной. Меня к ней привел Тургенев», — сообщил Флобер Ж. Санд между 20 и 28 февраля н. ст. 1872 г. (*Flaubert, Correspondance*, s. VI, стр. 353); после этого имена Полины и Луи Виардо начинают появляться в его письмах к Тургеневу и другим корреспондентам уже довольно часто. В основном это поклоны и всякого рода пожелания, но иногда и очень любопытные характеристики великой артистки. «Она пела из „Ифигении в Авлиде", — пишет он 1 мая н. ст. 1874 г. Ж. Санд, все еще находясь под впечатлением от музыкального вечера у Виардо, состоявшегося за две недели до этого. — Не могу не сказать вам, как это было прекрасно, потрясающе, возвышенно. Что за артистка эта женщина! Что за артистка!» (там же, s. VII, стр. 135). В письме к К. Комманвиль от 30 августа н. ст. 1874 г. он говорит об «очаровании г-жи Виардо» (там же, стр. 191), в письме к Ж. Санд от 14 марта н. ст. 1876 г. с сочувствием отзывается о ее художественном вкусе (там же, стр. 290), и т. д.

Первоначально Флобер посещал салон П. Виардо вместе с Тургеневым; но уже вскоре он стал бывать там и один (см., например: *Письма*, т. IX, стр. 290). Когда же Тургенев уезжал в Россию и подолгу Флоберу не писал, а последний находился в Круассе, П. Виардо оказывалась единственным связующим их звеном. Как правило, в ответ на письма Флобера, но порой и без всяких просьб с его стороны, она сообщала ему новости о Тургеневе, делилась своими опасениями, извещала о предстоящем приезде их «бедного друга», не забывая обычно, если дело было летом, пригласить Флобера к себе в Буживаль.

Среди многочисленных писем к Флоберу, хранящихся в Библиотеке Спельберка де Лованжуля в Шантийи, находятся, между прочим, и четыре письма к нему П. Виардо 1877—1880 гг. Письма эти, насколько удалось установить, не изданы и, во всяком случае, французским исследователям известны недостаточно; у нас же не известны совершенно. Между тем, они не только дают довольно ясное представление о характере их отношений (об этом см. также: A. Fitzlyon. The Price of genius. A life of Pauline Viardot. London, 1964, стр. 421—426), но и проливают дополнительный свет на отношения Тургенева и Флобера и — в какой-то мере — Тургенева и П. Виардо, что особенно важно, ибо их переписка этих лет в печати никогда не появлялась.

Письма публикуются по фотокопиям: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 189, лл. 288—294.

1

Les Frênes. 8 juillet.[1]

Mon cher monsieur Flaubert,

Notre vieil ami doit arriver demain, si rien ne l'arrête en chemin. Il a passé tout son temps à Pétersbourg, retenu d'abord par son plaisir, puis un peu par ses affaires, et finalement par la goutte, qui fidèle au *rendez-vous* qu'il lui donne tous les ans au mois de juin en Russie, n'a pas manqué de le suivre au moment où il allait se rendre à Moscou. Dieu sait dans quel état et avec combien de béquilles nous allons le voir revenir!

Quand viendrez-vous nous voir aux Frênes? Vous pourriez vous vanter d'avoir une fameuse idée le jour où vous nous feriez ce grand plaisir! Et vous le savez bien!

Veuillez me rappeler au bon souvenir de madame Commanville et croire à mes sentiments les plus amiteux.

Pauline Viardot.

Mon mari vous envoie ses meilleurs compliments.

Ле Френ. 8 июля.[1]

Перевод:

Мой дорогой господин Флобер,

Наш старый друг должен приехать завтра, если ничто не задержит его в пути. Все это время он оставался в Петербурге, сначала удовольствия ради, затем для устройства некоторых своих дел и, наконец, из-за подагры, которая, неизменно являясь на *свидания*, назначаемые им ей в России в июне месяце, и на этот раз не преминула посетить его накануне отъезда в Москву. Бог весть, в каком состоянии и на скольких костылях он к нам вернется.

Когда же вы соберетесь к нам в Ле Френ? В тот день, когда вы пожелали бы доставить нам это большое удовольствие, вы могли бы похвастаться, что вам пришла в голову отличная мысль! И вам это хорошо известно!

Соблаговолите передать от меня привет госпоже Коммануиль и принять уверение в моих самых дружеских чувствах.

Полина Виардо.

Мой муж шлет вам свои наилучшие пожелания.

[1] Письмо относится к 1877 г. Об этом свидетельствует сообщаемая в нем дата возвращения Тургенева в Париж — 9 июля н. ст. (ср. письмо к Анненкову от 11 июля н. ст. 1877 г.: *Письма*, т. XII, кн. 1; печатается), а также указание на то, что все время своего пребывания в России Тургенев провел в Петербурге: на протяжении 70-х годов другого такого случая не было. 12 июля н. ст. 1877 г. Флобер сообщил Тургеневу: «Г-жа Виардо была необычайно любезна и в минувшее воскресенье ‹8 июля н. ст.› известила меня, что ожидает вас на следующий день, то есть в понедельник. Поскольку она добавила при этом, что вы больны, а я от вашего превосходительства ни одного письма не получил, меня охватило беспокойство» (*Flaubert, Correspondance. Suppl. 4*, стр. 3).

2

Les Frênes.
23 août.[1]

Cher monsieur Flaubert,

Notre ami Tourguénef est dans ce moment chez le c‹om›te Léon Tolstoy, à Toula,[2] et jusqu'aux dernières nouvelles, en parfaite santé. Je crois que le dernier remède dont il se sert depuis quelques mois contre son ennemi la *goutte* est décidément bon. Dieu veuille que les petits dîners russes au champagne n'en détruisent pas l'effet. Notre bon Tourguénef est si faible à la tentation! Il n'aurait jamais fait un bon St-Antoine! Il aurait commencé par manger tout de suite son compagnon, d'après une bonne recette encore![3]

Écrivez-lui, cher monsieur Flaubert, vous lui ferez le plus grand plaisir. Voici son adresse:

Mr. Iwan Turgenef.
Ville de *Mtsensk*.
Gouvernement d'Orel.

Veuillez offrir mes meilleurs souvenirs à Madame Commanville, et recevoir, avec les amitiés de mon mari, un affectueux shake hands

de

Pauline Viardot.

Si vous revenez à Paris avant la rentrée définitive, comme vous seriez aimable de venir nous voir aux Frênes!

Перевод:

Ле Френ 23 августа.[1]

Дорогой господин Флобер,

В настоящий момент наш друг Тургенев находится у графа Льва Толстого в Туле,[2] и до последнего времени он был совершенно здоров. Думаю, что лекарство, которое он применяет в течение последних месяцев против своего врага — подагры, действительно очень хорошо. Дай только бог, чтобы русские дружеские обеды с шампанским не уничтожили его влияния. Наш милый Тургенев так легко поддается искушению! Из него никогда бы не получился хороший св. Антоний! Прежде всего он немедленно съел бы своего собеседника, приготовленного притом по хорошему кулинарному рецепту.[3]

Напишите ему, дорогой господин Флобер, вы доставите ему самое большое удовольствие.

Вот его адрес: Г-ну Ивану Тургеневу, город Мценск, Орловской губернии.

Соблаговолите передать мои наилучшие пожелания госпоже Комманвиль и принять, вместе с дружеским приветом моего мужа, сердечный shake hands[a]

от Полины Виардо.

Если вы вернетесь в Париж до окончательного наступления осени, сколь любезны вы были бы, навестив нас в Ле Френ!

[1] Письмо относится к 1878 г., оно является ответом на письмо Флобера к П. Виардо от 22 августа н. ст. 1878 г.: «Дорогая госпожа Виардо, я очень беспокоюсь о Тургеневе. Вот уже скоро два месяца, как я не имею от него известий. Где он? Когда возвращается? Вы были бы очень добры, успокоив меня на этот счет» (*Flaubert, Correspondance. Suppl. 4*, стр. 108).

[2] Тургенев провел в Ясной Поляне два дня: 8—9 (21—22) августа 1878 г. (см. письмо к Е. И. Бларамберг от 11 (23) августа 1878 г.: *Письма*, т. XII, кн. 1; печатается).

[3] Намек на философскую драму Флобера «Искушение святого Антония» (1874). Собеседник св. Антония — его ученик Иларион.

3

Paris. 23 fév.
50, rue de Douai.[1]

Cher monsieur Flaubert,

Je pressentais tellement votre lettre que *j'étais en train d'y répondre*, lorsqu'elle est réellement arrivée.[2] Je recommence mon épître d'autant plus volontiers que depuis ce matin nous avons reçu une lettre de T‹ourguénef›[3] la première depuis l'attentat — il a un peu de goutte, ce dont il se plaint,

[a] рукопожатие (*англ.*).

il ne voit que peu de personnes, pas de *nouvelles* figures, ce dont il ne se plaint pas — on le laisse tranquille — combien de temps cela durera-t-il? [4] J'avoue qu'ici nous ne sommes qu'à demi rassurés. Il semble impossible que noté comme il l'est, sa tranquillité soit de longue durée...[5]

Vous pouvez lui écrire *à la rédaction du «Messager de l'Europe»*. Mais souvenez-vous que toutes les lettres qui lui sont adressées sont lues par le cabinet noir! ainsi en avant la prudence du serpent! [6]

Recevez, cher Monsieur, mes salutations bien affectueuses.

Pauline Viardot.

Перевод:

Париж. 23 февр.
Улица Дуэ, 50.[1]

Дорогой господин Флобер,

Я до такой степени предчувствовала ваше письмо, что *уже собиралась* отвечать на него, когда оно действительно пришло.[2] Теперь я вновь принимаюсь за свое послание и тем более охотно, что сегодня утром мы получили письмо от Т<ургенева>,[3] первое после покушения, — его немного мучит подагра, и на это он жалуется, он мало кого видит, *новых* же лиц не видит вовсе, и на это не жалуется — его покой не нарушают, — но сколько времени это продлится? [4] Признаюсь, что мы здесь успокоились лишь наполовину. Он настолько известен, что, думается, невозможно, чтобы покой этот оказался длительным.[5]

Вы можете писать ему *в редакцию «Вестника Европы»*. Но помните, что все письма, ему адресованные, просматриваются черным кабинетом! Так что проявите мудрость змия! [6]

Примите, сударь, выражение моих самых сердечных чувств.

Полина Виардо.

[1] Письмо относится к 1880 г. Датируется в связи с упоминанием в нем о покушении на Александра II, т. е. о взрыве в Зимнем дворце, произведенном 5 (17) февраля 1880 г. С. Н. Халтуриным.

[2] Это письмо Флобера неизвестно.

[3] Это письмо Тургенева неизвестно.

[4] Ср. в письме к Анненкову от 12 (24) февраля 1880 г.: «Меня оставляют в совершеннейшем идиллическом покое — старые приятели ко мне захаживают, новых лиц не вижу» (*Письма*, т. XII, кн. 2; печатается).

[5] 25 марта (6 апреля) 1880 г. Тургенев писал Анненкову: «...вижу множество лиц — новых и старых — слышу множество самых разнообразных речей» (там же).

[6] Опасения П. Виардо были вызваны событиями, последовавшими за покушением на Александра II, — образованием Верховной распорядительной комиссии во главе с гр. М. Т. Лорис-Меликовым и началом ее деятельности по «охранению государственного порядка и общественного спокойствия».

4

29 février 1880.

Notre pauvre ami est malade, cloué au lit par une sciatique aigüe. Il faut lui écrire, lui donner du courage et de la distraction, si c'est possible.[1] Nous sommes tous forts inquiets de ce qui va se passer le 2.[2] Il paraît

que tout le monde quitte Pétersbourg, et tous ceux qui peuvent quitter la Russie s'empressent de lui tourner le dos, mais il paraît que ce n'est pas chose facile.[3] J'ai bien peur que Tourguénef ne puisse pas revenir et longtemps car, quoiqu'il arrive, il sera retenu soit par le Gouvernement, soit par les *Nihilistes ses amis*![4] En attendant, il faut lui écrire, n'est-ce pas?

Mille bons souvenirs.

P. Viardot.

Перевод:

29 февраля 1880.

Наш бедный друг болен, прикован к постели приступом ишиаса. Надо ему написать, придать ему бодрости, развлечь его, если это возможно.[1] Все мы очень обеспокоены тем, что произойдет 2-го.[2] Кажется, все покидают Петербург и все, кто в состоянии покинуть Россию, торопятся спастись бегством, но, кажется, это не так-то легко.[3] Я сильно опасаюсь, что Тургенев не сможет вернуться — и еще долго, — ибо, что бы ни случилось, его задержат или правительство, или *его друзья нигилисты*.[4] А пока, не правда ли, надо ему написать?

Тысяча добрых пожеланий.

П. Виардо.

[1] Флобер выполнил просьбу П. Виардо. 4 марта н. ст. 1880 г. он написал Тургеневу письмо, в котором, между прочим, говорилось: «С тех пор, как вы находитесь в России и не даете о себе знать, возобновилась переписка между мной и г-жой Виардо. В одном из своих писем она сообщает мне, что у вас ишиас, что вы грустны, что вы томитесь скукой и т. д., и она очень просит меня написать вам, чтобы вас развлечь» (*Flaubert, Correspondance. Suppl.* 4, стр. 319).

[2] 19 февраля (2 марта) 1880 г. должно было отмечаться 25-летие царствования Александра II, и правительство, напуганное событиями предшествующих двух недель, опасалось в этот день всевозможных эксцессов. (ср. «Дневник Д. А. Милютина» (т. 3, М., 1950, стр. 222): «День прошел благополучно, без всяких страшных злодеяний, о которых ровно две недели слышалось столько нелепых толков и предсказаний. Полицейские меры были приняты с избытком; даже кажется пересолили»).

[3] Речь идет о действительно имевших место, хотя и не столь частых, как это изображалось во французской печати, случаях бегства из Петербурга — преимущественно ради спасения капиталов (см.: «С.-Петербургские ведомости», 1880, №№ 47, 50 и др.).

[4] Имеются в виду встречи Тургенева с литераторами демократического лагеря, а также революционерами-семидесятниками (см.: *Революционеры-семидесятники*, стр. 222—232, 266—283, 289—304), которых П. Виардо называет «нигилистами» вслед за французской (и русской) прессой этих лет (ср.: «С.-Петербургские ведомости», 1880, №№ 44, 47, 48, 62 и др.).

П. Р. Заборов

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

Обозначения

[ ] — зачеркнутый в автографе текст заключен в прямые скобки.

‹*2 нраб.*› — в тех случаях, когда в автографе остаются неразобранные слова, в ломаные скобки заключается цифра, указывающая количество этих слов (свыше одного), и сокращенное слово: *нраб.*

‹ › — слова, пропущенные в автографе, части недописанных слов, восстанавливаемых по смыслу, и другие редакторские добавления, вводимые в публикуемые тексты, печатаются в ломаных скобках.

‹?› — после предположительно прочитанного слова или предположительной даты ставится вопросительный знак в ломаных скобках.

‹- - -› — слова, неудобные для печати, независимо от их количества, обозначаются тремя дефисами в ломаных скобках.

‹. . .› — пропуски в тексте, сделанные редактором, обозначаются тремя точками в ломаных скобках.

◊ — этим знаком обозначаются варианты, окончательные для данного рукописного источника, но не совпадающие с основным текстом.

Сокращения

Анненков — П. В. Анненков. Литературные воспоминания. Гослитиздат, М., 1960.

АН СССР — Академия наук СССР.

Белинский — В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, тт. I—XIII, Изд. Академии наук СССР, М., 1953—1959.

Боткин и Тургенев — В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка 1851—1869. По материалам Пушкинского дома и Толстовского музея. Приготовил к печати Н. Л. Бродский. «Academia», М.—Л., 1930.

ГБЛ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (Москва).

Гедемин — Л. П. Гедемин. Проспер Мериме. Глава в кн.: История французской литературы, т. II. Изд. Академии наук СССР, М., 1956.

Герцен — А. И. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах, тт. I—XXX, Изд. Академии наук СССР, М., 1954—1964.

ГИАЛО — Государственный исторический архив Ленинградской области.

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).

ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва).

ГМТ — Государственный музей Л. Н. Толстого (Москва).

Государственные преступления в России — Государственные преступления в России в XIX веке. Сост. под ред. В. Базилевского. Тт. I—III. СПб., 1906.

ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

ГРМ — Государственный Русский музей (Ленинград).

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва).

Добролюбов — Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений в девяти томах, тт. 1—9, Гослитиздат, М.—Л., 1961—1964.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР (Ленинград).

Клеман — М. К. Клеман. И. С. Тургенев и Проспер Мериме. *Лит. насл.*, т. 31—32, стр. 707—752.

Клеман, Летопись — М. К. Клеман. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева. Ред. Н. К. Пиксанова. «Academia», М.—Л., 1934.

Кукль, Долгушинцы — А. А. Кукль. Долгушинцы. С вступ. статьей Б. П. Козьмина. Изд. Всесоюзн. общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, М., 1932.

Лесков — Н. С. Лесков, Собрание сочинений, тт. I—XI, Гослитиздат, М., 1956—1958.

Лит. арх. — «Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения», тт. 1—6, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1938—1961 (Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР).

Лит. насл. — «Литературное наследство», т. 1— , Изд. Академии наук СССР, М., 1931— , (Издание продолжается).

Мазон — А. Мазон. Парижские рукописи И. С. Тургенева. Перевод с франц. Ю. Ган под ред. Б. В. Томашевского. «Academia», М.—Л., 1931.

Музей Тургенева — Государственный музей И. С. Тургенева; там же находится архив И. С. Тургенева (Орел).

Недра — Недра. Литературно-художественные сборники. Книги III—IV. М., 1924.

Некрасов — Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем, тт. I—XII. Гослитиздат, М., 1948—1952.

Никитенко — А. В. Никитенко. Дневник в трех томах, тт. I—III. Гослитиздат, Л., 1955—1956.

ПД, Описание — Описание рукописных и изобразительных материалов Пушкинского дома. Вып. IV. И. С. Тургенев. Изд. Академии наук СССР, Л., 1958.

Писарев — Д. И. Писарев, Сочинения в четырех томах, Гослитиздат, М., 1955—1956.

Писемский — А. Ф. Писемский. Письма. Подготовка текста и коммент. М. К. Клемана и А. П. Могилянского. Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1936.

Письма — И. С. Тургенев, Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Письма в тринадцати томах, т. I— , Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1961— . (Издание продолжается).

Революционеры-семидесятники — И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. Собрал и комментировал М. К. Клеман. «Academia», М., 1930.

Сб. ПД 1923 — «Сборник Пушкинского дома на 1923 год». Пгр., 1922.

Сочинения — И. С. Тургенев, Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Сочинения в пятнадцати томах, т. I —, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1960 —. (Издание продолжается).

Стасюлевич — М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Под ред. М. К. Лемке, тт. I—V. СПб., 1911—1913.

Толстой — Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, под общ. ред. В. Г. Черткова, тт. 1—90, Гослитиздат, М.—Л., 1928—1958.

Толстой и Тургенев — Толстой и Тургенев. Переписка. Ред. и прим. А. Е. Грузинского, М. А. Цявловского. М., 1928.

Тургенев и его время — «Тургенев и его время», первый сборник под ред. Н. Л. Бродского, ГИЗ, М.—Пгр., 1923.

Тургенев и круг Совр. — «Тургенев и круг „Современника"». Неизданные материалы, 1847—1861. «Academia», М.—Л., 1930.

Тургенев, Первое собрание писем — И. С. Тургенев, Первое собрание писем, 1840—1883 гг., изд. Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, СПб., 1884 (на обложке: 1885).

Тургенев, Сб. (Алексеев) — «И. С. Тургенев (1818—1883—1958)», статьи и материалы, под ред. акад. М. П. Алексеева, Орел, 1960.

Тургенев, Сб. (Бродский) — «И. С. Тургенев. Материалы и исследования», сборник под ред. Н. Л. Бродского, Орел, 1940.

Тургенев, Сб. 1964 — «Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева», вып. I, под ред. М. П. Алексеева и Н. В. Измайлова. Изд. «Наука», М.—Л., 1964.

Тургенев, Собр. соч. — И. С. Тургенев, Собрание сочинений в двенадцати томах, тт. 1—12, Гослитиздат, М., 1953—1958.

Тургенев, Соч. — И. С. Тургенев, Сочинения, под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума, тт. I—XII, ГИХЛ, М.—Л., 1928—1934.

Тургеневский сб. (Пиксанов) — «Тургеневский сборник», изд. «Огни», Пгр., 1915 (Тургеневский кружок под руков. Н. К. Пиксанова).

Фигнер — В. Фигнер, Полное собрание сочинений в семи томах, Изд. 2, тт. I—VII, Изд. Общ. политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М., 1932.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции (Москва).

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив (Ленинград).

Центрархив, Документы — Документы по истории литературы и общественности. Вып. 2. И. С. Тургенев. Изд. Центрархивом РСФСР, М.—Пгр., 1923.

Чернышевский — Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений в 15 томах, тт. I—XVI (доп.), Гослитиздат, М., 1939—1953.

Щукинский сб. — «Щукинский сборник», вып. I—X. М., 1902—1912.

Bibl. Nat. — Национальная библиотека (Париж).

Flaubert, Correspondance — G. Flaubert. Oeuvres complètes. Correspondance. Nouvelle édition augmentée. Paris, L. Conard. 1926—1930, Séries I—IX.

Flaubert, Correspondance. Suppl. — G. Flaubert. Oeuvres complètes. Correspondance. Supplément (1830—1880). Paris, 1954, tt. 1—4.

Mazon — Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénew. Notice et extraits par André Mazon. Paris, 1930.

Mérimée — Prosper Mérimée. Correspondance générale. Etablie et annotée par Maurice Parturier. I série, tt. 1—6. Paris, «Le Divan»; II serie, tt. 1—9. Toulouse, Privat.

Mieczysław Karłowicz — Mieczysław Karłowicz w listach i wspomnieniach. Opracował H. Anders. Kraków, 1960.

Parturier — M. Parturier. Une amitié littéraire. Prosper Mérimée et Ivan Tourgueniev. Hachette, 1952.

Séménoff — E. Séménoff. La vie douloureuse d'Ivan Tourguéneff avec des lettres inédites de Tourguéneff á sa fille. Paris, «Mercure de France», 1933.

1858, Scènes, II — Scènes de la vie russe, par M. I. Tourguéneff. Deuxième série, traduite avec la collaboration de l'auteur par Louis Viardot. Paris, 1858.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. С. ТУРГЕНЕВА

«Ася» 71, 127, 288, 343.
«Баллада» («Перед воеводой молча он стоит...») 127.
«Бежин луг» 113, 116.
«Бирюк» 112, 357, 358.
«Бретёр» 356, 371.
«Бурмистр» 112.
«Былое счастье». Из Мёрике («Счастья дни, как скоро вы...») 175—179.
«В дороге» («Утро туманное, утро седое...») 127.
«Вешние воды» 127.
«Вместо вступления» 288.
«Гамлет и Дон-Кихот» 71—82.
«Гамлет Щигровского уезда» 5, 112, 115, 126.
«Гоголь» 241.
«Два поколения» 355, 360, 362.
«Два помещика» 113.
«Два приятеля» 12, 124, 247, 357, 358.
«Две женщины» см. «Студент».
«Дворянское гнездо» 127, 133—146, 149, 164, 195, 222, 224, 288, 347.
«Дневник лишнего человека» 118—126.
«Довольно» 162, 168.
«Дым» 137, 164, 165, 173, 193, 195, 276, 288.
«Ермолай и мельничиха» 112.
«Живые мощи» 285.
«Завтрак у предводителя» 237.
«Записки охотника» 111—117, 119, 134, 137, 163, 164, 188, 224, 230, 237, 248, 255, 288, 296—298, 323, 341, 350, 351, 357, 358, 371; см. также: «Бирюк», «Гамлет Щигровского уезда», «Льгов», «Однодворец Овсяников», «Певцы», «Смерть».
«Затишье» 356—358, 360, 362.
«Как хороши, как свежи были розы...» 127.
«Касьян с Красивой Мечи» 113.
«Клара Милич» см. «После смерти».
«Контора» 112.
«Лебедянь» 112.
«Лес и степь» 113.
«Литературные и житейские воспоминания» 162 («Литературные воспоминания»), 241, 288; см. также: «Вместо вступления», «Гоголь», «Литературный вечер у П. А. Плетнева», «О соловьях», «По поводу „Отцов и детей“».
«Литературный вечер у П. А. Плетнева» 288.
«Льгов» 113, 285.
«Малиновая вода» 113.
«Месяц в деревне» («комедия») 360, 361, 365, 366.
«Мой сосед Радилов» 112.
«Муму» 61, 242, 243, 357, 358.
«Накануне» 5, 83—86, 124, 127, 137, 146—158, 171, 271, 348.
«Нахлебник» («Чужой хлеб») 5, 7—11, 237.
«Несчастная» 137.
«Новь» 6, 148, 149, 182—209, 285.
«Однодворец Овсяников» 112, 371.
«О соловьях» 350.
«Отцы и дети» 134, 137, 142, 149, 159—167, 195, 224, 267, 281, 288, 323.
«Певцы» 113, 127.
«Первая любовь» 5, 83—86, 348.
«Переписка» 5, 61—70, 119, 355, 360, 363, 366.
«Песнь торжествующей любви» 127, 209—214.
«Петр Петрович Каратаев» 112, 115.

«Повести и рассказы», ч. I, СПб., 1856. 256.
«Поездка в Полесье» 71, 350.
«По поводу „Отцов и детей“» 162, 163.
«После смерти» («Клара Милич») 127.
«Постоялый двор» 5, 12—60, 230, 247, 356, 367, 369.
«Предисловие к роману Б. Ауэрбаха «Дача на Рейне»» 161.
«Призраки» 127, 167—172.
«Провинциалка» 109—111.
«Пунин и Бабурин» 188, 189.
«Рудин» 118, 137, 149, 252, 253, 288.
«Садовник». Из Мёрике («Верхом на лошадке...») 175—181.
«Свидание» 113.
«Смерть» («Смерть русского человека») 112, 357, 358.
«Собака» 168.
«Стихотворения в прозе» («Как хороши, как свежи были розы...») 127.
«Стоит погода злая...» см. «Что за погода злая...».
«Студент» («Две женщины») 237.
«Татьяна Борисовна и ее племянник» 112.
«Три встречи» 127—133.
«Уездный лекарь» 113.
«Утро туманное» см. «В дороге».
«Фауст» 250, 254—256.
«Хорь и Калиныч» 113.
«Часы» 285.
«Чертопханов и Недопюскин» 113.
«Что за погода злая...». Из Гейне 177.
«Чужой хлеб» см. «Нахлебник».
«Яков Пасынков» 12, 124.
«Erzählungen von Iwan Turgéniew. Deutsch von Friedrich Bodenstedt». Bd. 1—2. München, 1864—1865. 159, 164.
«Iwan Turgeniew's Ausgewählte Werke. Autorisirte Ausgabe». Bd. 1—12. Mitau—Hamburg, E. Behre, 1869—1884 («Избранные сочинения») 159.
«Väter und Söhne», von Iwan Turgeniew. Autorisirte Ausgabe. Mit einem Vorwort des Verfassers. Behres Verlag, Mitau, 1869. 161—167.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Авдеев М. В. 224.
Авсеенко В. Г. 196, 259.
Адлерберг А. В. 238.
Айзекс (Isaacs) Б. 134, 138.
Айзенштох И. Я. 216—225.
Аксаков И. С. 211, 229, 231, 242, 274.
Аксаков К. С. 231, 242, 243.
Аксаков С. Т. 14, 231, 364.
Аксаковы, семья 344, 352.
Александр II, имп. («Александр Николаевич», «великий князь», «наследник») 165, 230, 234—241, 244, 247, 376, 377.
Алексеев М. П. 5, 112—114, 133, 144, 163, 177, 181, 217, 322, 324.
Алексеев П. А. 208.
Альбала А. 220.
Анаксагор 96.
Андроникова М. 320.
Анненков П. В. 14, 180, 190, 197, 209, 226, 227, 230, 247, 250, 252, 282, 284, 285, 307, 317, 327, 331, 341, 343, 345, 350—352, 369, 374, 376.
Антокольский М. М. 309, 334.
Антонович М. А. 172.
Апостолов Н. Н. 360.
Апраксин В. В. 339, 344, 352.
Апухтин А. Н. 273.
Апухтины, семья 273.
Ардов Е. (псевдоним Е. И. Апреле-вой, рожд. Бларамберг) 299, 375.
Арецкий А. С. 127, 186.
Аристотель (Aristoteles) 96, 99—102.
Аристофан (Aristophanes) 91, 105, 107.
Арменжон Ж.-В. 334.
Арнгольт Л. 331, 332, 338.
Арсеньев А. Н. 339, 344, 352.
Ауэрбах Б. 161.
Афонин Л. Н. 209—214.

Б. У. Ф. см. Икскуль-Фиккель Б.
Байрон Дж.-Г. 221.
Бакунин М. А. 183, 268.
Бакунина Е. М. 150.
Бакунины, семья 149, 150.
Балашов З. Ф. («Захар») 298, 313—315.
Балмашев В. 148.
Балмашев С. В. 148.
Бальи Ш. 220.
Баралис 269.
Баратынский Е. А. 76.
Бардина С. И. 201, 208.
Баринов 202.
Бартенев П. И. 259, 309.
Барцевич Ст. 127, 128.
Барятинская (рожд. Бутенева) М. А. 284.
Барятинский В. И. 284.
Басан Э. см. Пардо Басан Э.
Басси У. 152.
Батюто А. И. 182, 195—209.
Бахметев П. В. 365.
Бахметева (рожд. Ховрина) А. Н. 365.
Бахметевы, семья 364.
Бейтс Л.-Э.-Б. 136.
Бекетов В. Н. 13.
Белецкий А. И. 6, 217—225.
Белинская М. В. 346, 352.
Белинский В. Г. 91, 92, 110, 119, 122, 237, 290.
Бельджойосо (Trivulzio de Belgiojoso) Хр. 152.
Бем (Bem) А. 279.
Бенуа А. Н. 186.
Берви (псевдоним — Флеровский) В. В. 183.
Берг Ф. Н. 259.
Бере Б. Э. 159, 164.
Беркович (Berkowitz) Х. 322.
Бёрнс Р. 235.
Бертен 146.
Бестужев А. А. (псевдоним — Марлинский) 361.
Бестужев-Рюмин К. Н. 146, 147.
Бизюкин Ф. И. 352.

Битюгова И. А. 146, 147, 254, 271.
Благой Д. Д. 225.
Бларамберг Е. И. см. Ардов Е.
Богданов Б. В. 293.
Боголюбов А. П. 304—309, 316, 320.
Боголюбов Н. П. 306.
Боденштедт (Bodenstedt) Ф. 159, 160, 164. 175.
Бёк Ф.-А. 89.
Болотов А. Т. 147.
Больтц (Boltz) А. 113, 163.
Бонна Л. 320.
Боннье де ля Шапель (Bonnier de la Chapelle) К. 279, 320.
Борелли Дж. 269.
Борисов И. П. 272, 273, 351, 352.
Боровиковский А. Л. 202.
Боткин В. П. 72, 231, 232, 326, 340—343, 346—348, 352, 354, 356.
Боткин С. П. 251, 252, 281.
Брайнер (Bryner) С. 138, 139.
Братиано, младший 154.
Братиано, старший 154.
Бродский Н. Л. 223, 225.
Бронте Ш. 371.
Бронь Т. И. 75, 324—338.
Брофферио А. 269.
Брукнер А. 127.
Брунетти А. см. Чичеруаккьо.
Брюллов А. П. 320.
Брюллов П. А. 186.
Брюэр (Bruère) Г.-Э.-В. («Гастон», «Gaston») 299, 327, 329—333, 335—338.
Брюэр Ж. («Жанна», «Jeanne») 330, 333—335, 337.
Брюэр Ж.-А. («Жорж-Альбер», «Жорж», «Georges») 327, 330, 334—336.
Брюэр Полина (рожд. Тургенева) («дочь», «Полинетта») 280, 299, 324—338, 340, 344—347.
Брюэр Поль 335 («beau-frère»), 336.
Буданова Н. Ф. 182—185.
Буква см. Василевский И. Ф.
Булгарин Ф. В. 241, 242.
Бургос Сеги (Burgos Seguí) К. 324.
Буренин В. П. (псевдоним — Тор) 192.
Бутенев А. П. 284.
Бутовский И. Г. 367.
Бушмин А. С. 6.
Быков П. В. 301, 302.
Бюлоз (Buloz) Л. 277, 278.
Бюлоз Ф. 278.
Бюлоз Ш. 278.
Бялый Г. А. 118, 189.
В. Л. см. Ладыженская В. В.
В. М. см. Марков В. В.
Вагнер Р. 127.
Ваксель С. К. 339, 349, 352.
Валерио (Valerio) Л. 267—271.
Варзар В. Е. 185, 199.
Василевский И. Ф. 192—195.
Васпльев А. 184.
Вахновская С. см. Ладыженская Е. А.
Вейнберг П. И. 186.
Венгеров С. А. 146, 190, 191, 194, 218, 219.
Веневитинов А. В. 241.
Веневитинова (рожд. Виельгорская) А. М. 241.
Вергилий (Virgilius) 90, 102—104, 220.
Верде Х. 322.
Вердер К. 89.
Верещагин В. В. 317.
Виардо (Viardot) Луи («mari», «муж») 238, 245, 247, 335, 336, 345, 347, 352, 372, 373.
Виардо (Viardot) Полина 175—182, 226, 227, 238—240, 245, 247, 258, 309, 312, 326, 327, 329, 332, 337, 338, 340, 346—348, 352, 372—377.
Виардо, семейство 372.
Видерт (Viedert) А. Ф. 112, 113, 163.
Виельгорский Мат. Ю. 229.
Виельгорский Мих. Ю. 229.
Викторова В. М. 289.
Винкельман И.-И. 90.
Владимирский М. 301, 302.
Владиславлев М. 97.
Волков Я. 295.
Вольфзон (Wolfsohn) В. 117.
Воронов А. П. 87.
Воронович Т. М. 274, 275.
Воронцов-Дашков И. И. 308.
Вревская Ю. П. 190, 198, 281, 284.
Вяземский П. А. 229, 230.

Габель М. О. 118—126.
Гаевский В. П. 133, 311.
Галаган Г. Я. 143—146.
Галахов А. Д. 181.
Галахов А. П. 232—234, 236, 244.
Галахов И. П. 233.
Галахова (в замужестве Фролова) Е. П. 233.
Галахова О. А. 181.
Галкин-Врасский М. П. 305, 306.
Гальдос Перес (Perez Galdós) Б. 321—324.
Гальдос И. 322, 323.
Гальдос М. («г-жа Мария») 321, 324.
Гальперин-Каминский (Halpérine-Kaminsky) Е. 299, 323, 324.

Гарибальди (Garibaldi) Дж. 150—158, 268—270.
Гарнет (Garnet) К. 134, 135, 138.
Гартевельд В. Н. 127.
Гартман М. 164.
Гаршин В. М. 197, 198, 202, 310, 311.
Гаршина Е. С. 197.
Гаттер А. Ф. 282.
Гегель Г.-В.-Ф. 82, 95, 96, 98.
Гедеонов Л. П. 274.
Гейбель Э. 114.
Гейзе (Heyse) П. 111—117, 163, 164.
Гейне Г. 175.
Гейнце Р. 220.
Геннекен (Hennequin) Э. 223.
Гераклит (Heraclitus) 99, 101.
Гердер И.-Г. 90.
Герсдорф А. Ф. 238, 240, 241.
Герцен А. И. 72, 119, 136, 149, 153, 223, 237, 244, 268, 269, 342, 343, 349—352, 361.
Герцен Н. А. 149, 268, 349, 350, 352.
Герцен О. А. 351.
Гершензон М. О. 181.
Герье В. И. 146.
Гете И.-В. 90, 190, 221, 224, 285.
Гетман (Gettmann) Р. 141.
Гиссинг Дж. 134.
Гитлиц Е. А. 304—309.
Глинка М. И. 250, 285.
Гоголь Н. В. 114, 120, 221, 231, 234, 237, 240, 242, 243, 286, 287, 289, 297.
Голованова Т. П. 267—271.
Головин К. Ф. 285.
Головнин А. В. 197, 198, 342.
Голсуорси Д. 142.
Гольденвейзер А. Б. 127.
Гомер (Homerus) 91, 103—108.
Гомес Пинилья (Gómez Pinilla) А. 324.
Гонкур Э. де 372.
Гончаров И. А. 136, 181, 222, 347.
Гончаров И. Н. 227.
Гончарова (рожд. Мещерская) М. И. 227.
Гораций 90.
Горохова Р. М. 274—279.
Гребницкая Е. И. 201.
Гревс И. М. 5, 7.
Грефе Ф. Б. 88, 90, 91, 107, 108.
Грибовская Н. А. см. Островская Н. А.
Грибовский П. М. 269, 281.
Грибоедов А. С. 286.
Григорович Д. В. 252, 258, 355, 357, 358.
Григорьев А. А. 339, 343, 352.
Григорьев В. В. 89.
Громов В. А. 61, 118, 289—299.
Гроссман Л. П. 209, 212.
Грот Я. К. 144.
Грузинский А. Е. 223.
Гурьева 177, 178.
Гусев Н. Н. 257.
Гутьяр Н. М. 221, 324.

Давидович М. Г. 217, 225.
Дакен Ж. 275, 277, 278.
Даль В. И. 224.
Дворжак А. 127.
Делаво А.-И. 339, 346, 347, 352.
Делессер (Delessert) В. 277, 327, 329, 337, 338.
Дельвиг А. А. 252.
Демидов А. Н. 173, 174.
Демидов П. П. 173, 174.
Ден Т. П. 175.
Денисенко Е. С. 258.
Державин К. Н. 323.
Джеймс (James) Г., отец 284.
Джеймс (James) Г., сын 134.
Дидро Д. 115.
Диккенс (Dickens) Ч. 134, 136, 359, 360.
Добровольский Л. М. 226, 304.
Добролюбов Н. А. 71, 126, 189, 355.
Долгушин А. В. 182—185.
Долинин А. С. 109.
Домарина П. В. 291—293.
Дональд (Donald) Д. 143.
Достоевский Ф. М. 109—111, 126, 134, 135, 182, 192, 324.
Дризен Н. В. 231.
Дружинин А. В. 340, 346, 348, 364.
Дубельт Л. В. 236, 240, 247.
Дубовиков А. Н. 118, 120, 356.
Дунаева Е. Н. 258—267.
Дунин А. 231.
Дурасов Е. А. 173.
Дюклу (рожд. Бибикова) М. Г. 370 («мать»), 371.
Дюма (Dumas) А. 150, 154, 155, 270.

Егунов А. Н. 87—108, 175. 178, 179.
Екатерина II, имп. 308.
Ергольская Т. А. 248, 256.
Еремеев А. 300.
Ермак Е. А. 309.
Ефимова Е. М. 216.
Ефремов П. А. 304.

Жантиева Д. Г. 143.
Жемчужников А. М. 355, 368, 369.
Жирмунский В. М. 219.
Жуйкин Ю. Н. 117.
Жуковский В. А. 286.

Заборов П. Р. 274, 372—377.
Заборова Р. Б. 175—182.
Завадская Е. 201.
Зайцев Б. К. 327.
Зайцевский Г. Ф. 217.
Закревский А. А. 232.
Залетный Эр. 291, 293.
Замятин А. И. 293—296.
Замятина А. А. 293—295.
Затлоукал Ф. Ф. 282.
Захарьин И. Н. (псевдоним — Якунин) 174.
Звигильский А. 321—324.
Зееген Г. 284, 285.
Зееген И. 284, 285.
Зильберштейн И. С. 317.
Золя Э. 284, 322.

Иванов А. А. 320.
Иванов Вяч. И. 219.
Иванов Н. 207.
Иванова Е. И. 326.
Иванова-Быховская Е. 279.
Измайлов Н. В. 6, 83—86, 226—248.
Икскуль-Фиккель Б. 231.
Иогансен А. Ф. 180.
Ионас Г. 111—117, 164.
Ипполитов-Иванов М. И. 127.
Искандер см. Герцен А. И.

К. Н. (корреспондент «Орловского вестника») 291.
Кавелин К. Д. 186, 197, 200.
Кавур К.-Б. 269.
Калонн (Calonne) А. де 138.
Камынская Б. 201.
Кант И. 98.
Карамзин А. Н. 232.
Карамзин Н. М. («историограф») 227, 230, 351.
Карамзина (рожд. Шернваль, в первом браке Демидова) А. К. 229, 245.
Карамзина Е. А. 230 («Екатерина Андреевна»).
Карамзина С. Н. 229, 230, 239, 245.
Карамзины, семья 228, 229, 233.
Карж Э. 326.
Карл X, имп. 229.
Карлейль Т. 136, 346, 353.
Карлович (Karlowicz) М. 127—133.
Карлович Я. 127.
Карнеад (Karneades) 100, 101.
Карпов А. Д. 273.
Карпов Н. Д. 272—274.
Кастальский А. Д. 127.
Катков М. Н. 167, 188.
Катон (Cato) 100, 101.
Каншеров В. Н. 267—270.
Кетчер Н. Х. 346.
Кийко Е. И. 61—63, 167—170, 356.
Кишинский Н. А. («управляющий») 280, 296, 299.
Кларин 322.
Клейнборт Л. М. 309, 310 («Лев Максимович»).
Клейнборт М. М. 309.
Клеман М. К. 83, 84, 256, 274, 275, 278.
Клен В.-Г. де 258.
Клокачев П. 281.
Ковалевский М. М. 171, 172.
Коган П. С. 219.
Колбасин Д. Я. 232, 339, 343—346, 349, 353.
Колбасин Е. Я. 232, 281, 343—346, 349, 350, 352, 353.
Коломба (Colomba) А. 152.
Кольцов А. В. 114, 135, 143.
Комманвиль К. 372.
Конп А. Ф. 7, 186, 199.
Конусевич Е. Н. 290.
Корнель (Corneille) П. 367.
Корчуэло (Corchuello) 322.
Косица Н. см. Страхов Н. Н.
Костюшко Т. 153.
Кочубей (рожд. Волконская) Е. С. 327.
Кошеверов А. И. 297, 298.
Краевский А. А. 193, 194.
Кремлев Ю. А. 194.
Крестовский В. В. 192.
Кротков А. С. 364.
Крылов И. А. 135, 136, 138, 143, 144.
Крюков А. Н. 176.
Кугушев Г. В. 355.
Кудрявцев П. Н. 217.
Кудряшов П. Т. 314.
Кузьмина Л. И. 316—321.
Кузьминская Т. А. 256.
Кукель А. А. 183—185.
Курляндская Г. Б. 118.
Курская Е. А. 289.
Кушелев Г. А. 339, 347, 353.

Лаврентьева С. И. 311.
Лавров П. Л. 185, 199, 204, 207, 280.
Ладыженская (в замуж. Сомова, псевдоним — В. Л.) В. В. 309—316.
Ладыженская (рожд. Дюклу, во втором браке Палтова, псевдоним — С. Вахновская) Е. А. 354—372.
Ладыженская (рожд. Воронина) О. А. 312.
Ладыженская (рожд. Чулкова, в иночестве — Олимпиада) О. А. 312.

Ладыженский А. Ф. 354, 355 («муж»), 358.
Ладыженский В. В. 312.
Ладыженский М. В. 312, 313—315 («брат»).
Лазаревский И. И. 317.
Ламберт Е. Е. 157, 327—329, 349.
Ламенне Ф.-Р. де 364.
Ларош Г. А. 193, 194.
Лаубе Г. 284.
Левин Ю. Д. 71—75, 112, 143.
Лезин В. А. 222.
Лемке М. К. 231.
Лемонье (Lemonier) Л. 275, 278.
Леонтьев К. Н. 6, 258—267.
Леонтьева М. В. 258.
Лермонтов М. Ю. 120, 136, 139, 221, 229, 286.
Леру П. 364.
Леруайе де Шантепи М.-С. 372.
Лесков Н. С. 192, 209—216.
Лисовский Н. М. 87, 94, 105.
Лобанов Ф. И. 326.
Лонгинов М. Н. 181.
Лопатин Г. А. 208.
Лорис-Меликов М. Т. 376.
Лощинин П. П. 272, 317.
Луканина А. Н. 311.
Луначарский А. В. 208.
Львова Е. В. 280.
Любатович В. С. 148, 198.
Любке В. 112, 113, 282.
Людовик XVIII, кор. 229.
Лютц (Lutz) 337, 338.

Мадзини (Mazzini) Дж. 152.
Мадинг (в замужестве Матэ) И. Р. 317, 318 («Добричка»), 320, 321 («невеста»).
Мазон (Mazon) А. 12, 71, 83.
Макаров Н. Я. 348, 353.
Малеин А. И. 90, 91.
Мальцев И. С. 228.
Мальцов С. И. 235, 240.
Мальцова (рожд. Урусова) А. Н. 229, 233, 235—238, 240, 243, 246.
Мальцовы, семья 235, 238, 240, 244.
Марио (Mario, рожд. Уайт) Дж. 152.
Мария Николаевна, вел. княгиня 229, 233, 236—238, 243, 246, 247.
Марк Аврелий (Marcus Aurelius) 100, 102.
Маркевич Б. М. 188, 194.
Марков (псевдоним — В. М.) В. В. 191, 202.
Марков Е. Л. 188.
Маркович М. А. 348, 349, 353.
Маркс К. 284.
Маркс Э. 284.
Марлинский см. Бестужев А. А.
Марс (Mars) В. де 278.
Масанов И. Ф. 192.
Маслов В. И. 133.
Матильда Бонапарт, принцесса 173
Матэ В. В. 304, 316—321.
Мащенко Д. Ф. 217.
Мейсоннье Э. 320.
Менендес-и-Пелайо М. 322.
Мёрике Э. 175—189.
Мериме (Mérimée) П. 117, 274—279, 323, 327, 339, 351—353.
Мещерская (в замуж. Убри) Е. Н. 227.
Мещерская (рожд. Карамзина) Е. Н. 228, 239, 241.
Мещерская С. И. 226—248.
Мещерский А. А. 173.
Мещерский А. В. 227—229.
Мещерский В. И. 227, 236 («брат»).
Мещерский Н. И. 227.
Мещерский П. И. 227.
Миклухо-Маклай Н. Н. 173.
Микльджон (Meiklejohn) Дж.-Д. 134.
Миллер С. А. см. Толстая С. А.
Милютин Д. А. 377.
Михайловский Н. К. (псевдоним — Темкин Г.) 188—191, 196, 201, 211.
Михневич М. О. 186.
Мицкевич А. 275.
Мишле (Michelet) Ж. 153, 154.
Модзалевский Б. Л. 227.
Мозер Г. 284.
Монго (Mongault) А. 274, 275.
Мопассан Ги де 117.
Мостовская Н. Н. 185—191.
Мотька Л. 282.
Муратов А. Б. 289—303.
Мусин-Пушкин М. Н. 240, 242.
Мухортов З. Н. 297.
Мюллер-Фрейенфельс Р. 220.
Мюссе А. де 117, 224.

Н. Н. (критик «С.-Петербургских ведомостей») 355.
Нагорнова (рожд. Толстая) В. В. 248.
Надайак С. де 329.
Назарова Л. Н. 6, 12—14, 112, 279—285, 356, 360.
Назимов В. И. 233—236, 238, 239, 244.
Найдль К. 279.
Наполеон III, имп. 156.
Нарская Е. (псевдоним Н. П. Шаликовой) 355.
Нарыков М. 290.
Нарышкина Е. А. 174.
Некрасов Н. А. 119, 249, 253, 257, 258, 339—342, 353.

Нечаев С. Г. 207.
Никитенко А. В. 232, 242.
Никитин И. С. 135.
Никитина Н. С. 171, 172.
Никифораки А. 323.
Николаев В. Н. см. Серебряков В. Н.
Николаева Л. А. 182.
Николай I, имп. 232, 233, 235, 237, 238, 240, 241, 244.
Никонова Т. А. 354—372.
Новицкий А. 306, 307, 309.
Норден Э. 220.
Носковский З. 127.
Нуэс Кабальеро (Nuez Caballero) С. де ла 322, 323.

Оболенская Е. В. 250.
Оболенский Д. А. 239.
Овсянико-Куликовский Д. Н. 222, 223.
Огарев Н. П. 119, 149, 233, 268, 269.
Огарева (рожд. Тучкова) Н. А. 149.
Одоевский В. Ф. 229.
Ожешко Э. 127.
Ольга Н*** см. Энгельгардт С. В.
Онегин А. Ф. 135, 136, 138, 280, 282.
Орел (Orel) Г. 142.
Орлов А. Ф. 231, 232, 247.
Орлов Н. А. 320.
Орловский С. (псевдоним С. Н. Шиль) 111.
Орнатская Т. И. 173, 174.
Ортега де Варела С. 321, 322.
Основский Н. А. 350—353, 355.
Осоргина Т. А. 308.
Островская (рожд. Татаринова, в первом браке Грибовская) Н. А. 270, 281.
Островский А. Н. 143, 349, 353.
Отто А. Ф. см. Онегин А. Ф.

П. Л. см. Полонский Л. А.
Павлов И. В. 274.
Павловский (псевдоним — Яковлев И.) И. Я. 321—323.
Панаев И. И. 72, 92, 341, 343, 353.
Панаева А. Я. 339, 353.
Пардо Басан Э. 322.
Партюрье (Parturier) М. 274, 275, 278.
Переда Х.-М. де 322.
Перес де Айала Р. 321, 322.
Перетц В. Н. 220, 223.
Перминов Г. Ф. 159—163, 167.
Перовский Л. А. 244.
Петрашкевич С. Н. 221.
Петров О. А. 281.
Петров С. М. 119.
Пиксанов Н. К. 221.
Пирогов Н. И. 150, 151.
Писарев Д. И. 273, 354.
Писемский А. Ф. 136, 320, 346, 348, 353, 355, 368, 369.
Пифагор (Pythagoras) 96, 99, 101.
Пич (Pietsch) Л. 112, 113, 159—167, 182, 284.
Платон (Plato) 88, 95, 96, 99, 101.
Плетнев П. А. 288.
Плотин 97.
Победоносцев К. П. 304, 305.
Погодин М. П. 242.
Половцов А. В. 185—191.
Полонская Ж. А. 331.
Полонские, семья 7.
Полонский Л. А. 160.
Полонский Я. П. 182, 271, 311, 314.
Поль Р. 175, 177.
Понятовский А. И. 309—311, 326.
Попов Г. С. 241.
Попов К. 96.
Попов П. 360.
Портнов (Portnoff) Г. 323.
Португалов М. В. 289.
Порци да Имола 152.
Постников Г. В. 258.
Потебня А. А. 220.
Пригвиц (Пригниц) А. Е. 355, 358—360, 362.
Протагор 95.
Пугачев Е. И. 205.
Пузин Н. П. 248—258.
Пупп (Pupp) Г. 281, 285.
Пустовойт П. Г. 119.
Пушкин А. С. 114, 120, 136, 147, 168, 176, 181, 221, 229. 241, 250, 255, 286, 289, 297, 351, 368, 369.
Пушкина Н. Н. 228.
Пшездзецкая Л. 275.
Пыпин А. Н. 187, 307.

Рагозин Е. И. 282.
Радищев А. Н. 135, 304—309.
Райнов Т. И. 222.
Раппих Х. 160.
Расин (Racine) Ж. 367.
Ребиков В. И. 127.
Репин И. Е. 320.
Рибейра А. («Анита») 150—153, 155.
Ровнякова Л. И. 5, 7, 8.
Роденберг Ю. 159.
Розетти К. 153.
Розетти (Rosetti, жена К. Розетти) 153, 154.
Розетти, семья 158.
Рольстон (Ralston) В. 133—146.
Ростовцев Н. Я. 339, 344, 353.
Ростопчина Е. П. 229.
Рубинштейн А. Г. 127, 285.

Ружицкий Л. 128.
Руммель В. В. 186.
Рында И. Ф. 315.

С. Б. (корреспондент «Орловского вестника») 290.
Савина М. Г. 366.
Саккар 333.
Салаев Ф. И. 287, 288.
Салаевы, братья 8.
Салиас де Турнемир Е. В. («Евгения Тур») 349, 355, 364.
Салтыков-Щедрин М. Е. 195, 244, 286.
Самарин М. П. 217.
Санд (Sand) Ж. 221, 363—366, 372.
Седлак М. 280.
Секст Эмпирик 94.
Семевский М. И. 91, 92, 146.
Семенов (Séménoff) Е. 325, 326, 334.
Семков Е. 133.
Сенека (Seneca) 100, 102.
Сервантес М. 72, 75, 79.
Серебряков А. В. 291.
Серебряков В. Н. («отец») 291—293.
Серебряков П. В. 291.
Серебряков С. В. 291.
Серебрякова Н. Т. 291.
Серман И. З. 109—111.
Симмонс Д. 144.
Симон А. Ю. 127.
Синявина 229.
Сипягин Д. С. 148.
Скайлер (Schuyler) Ю. 134.
Скворцова Д. 202.
Скобелев М. Д. 290.
Сметана Б. 127.
Смирнов А. В. 186.
Смолянов И. Д. 304.
Соколова М. А. 7.
Сократ 96.
Соллогуб В. А. 138, 229, 284.
Сонцев-Засекин Б. 274.
Соловьев Н. Я. 259.
Соляников П. Л. 347.
Сомов В. Ф. 312.
Спельберк де Лованжуль Ш. 373.
Спиноза Б. 93, 97.
Стасов В. В. 317, 319—321.
Стасюлевич М. М. 187, 192, 195, 197, 198, 210, 259, 286—289, 301, 303, 307, 316, 356.
Стахович М. А. 252—255.
Степанова Г. В. 6, 192—195.
Степняк-Кравчинский С. М. 134, 185.
Стечькина Л. Я. 311.
Страхов Н. Н. (псевдоним — Косица) 163.
Струнин Д. 223.
Ступель А. М. 127—133.
Суворин А. С. 309.
Сушков Н. В. 365.
Сушкова (рожд. Тютчева) Д. И. 365.
Сытина Е. И. 254.

Таксис А. 206.
Татаринова Н. А. см. Островская Н. А.
Теллер, супруги 282.
Темкин Г. см. Михайловский Н. К.
Тенешевы, семья 316.
Теннисон А. 136.
Тертуллиан 96.
Тибулл 88.
Тимофеева О. В. 274.
Тихомиров Л. А. 185.
Ткачев П. Н. 183, 204, 207.
Тове А. Л. 133—143.
Толстая А. А. 340.
Толстая М. Н. 248—258, 339, 341, 344, 353.
Толстая (рожд. Бахметева, в первом браке — Миллер) С. А. 233, 284, 285.
Толстая (рожд. Берс) С. А. 257, 258.
Толстой А. К. 228, 230, 232, 233, 235. 237, 238, 247, 284, 285.
Толстой В. П. 248, 250, 251, 254, 255.
Толстой И. Л. 255.
Толстой И. М. 240, 244.
Толстой Л. Н. 71, 72, 78, 135, 142, 188, 227, 248, 250, 253—256, 272, 289, 310, 314, 322—324, 339—341, 344, 353, 355, 359, 360, 374, 375.
Толстой Н. М. 233, 240, 244.
Толстой Н. Н. 248, 254—256.
Толстой С. Л. 255.
Толстой С. Н. 256.
Томашевский Б. В. 83.
Топоров А. В. 127, 181, 190, 193, 194, 198, 281.
Тор см. Буренин В. П.
Трубецкая А. А. 339, 344, 353.
Трубецкие, семья 327, 344.
Трубецкой Н. И. 344, 347, 353.
Тур Евгения см. Салиас де Турнемир Е. В.
Тургенев А. И. 229.
Тургенев М. А. 350.
Тургенев Н. И. 143, 327, 335, 336, 353.
Тургенев Н. Н. 290, 343—346, 350, 352, 353.
Тургенев Н. С. 279, 282, 285, 344.
Тургенев С. Н. 298, 313.
Тургенева В. П. 292, 294, 326.
Тургенева (в замужестве Сомова) О. А. 252, 327.
Тургенева Ф. Н. 327, 343.

Тургеневы, семья Н. И. Тургенева 335 («les Tourguéneff»), 336.
Тютчев Н. Н. 350, 353.
Тютчев Ф. И. 228, 238, 246.
Тютчева (в замужестве Аксакова) А. Ф. 229.
Тютчева Д. Ф. 229 («дочь поэта»), 235, 238, 245.
Тютчева Е. Ф. 229 («дочь поэта»), 235, 238, 245.
Тютчевы, семья 229, 233, 240, 245, 259.

Уайт (White) Дж. см. Марио Дж.
Уваров С. С. 88.
Усов П. С. 186, 187 («Павел Степанович»)

Фалес 95, 96.
Федоров З. см. Балашов З. Ф.
Федоров С. Н. 355.
Фейербах Л. 99.
Фелпс (Phelps) Г. 135, 142, 143.
Феоктистов Е. М. 122, 231, 232, 349—351, 353.
Фет А. А. 157, 181, 182, 224, 226, 255, 272, 273, 343, 344, 348, 353.
Фигнер В. Н. 148, 198—201, 206, 207.
Фигнер Л. Н. 148, 198, 200.
Философова А. П. 206, 283.
Фительберг Г. 128, 130, 131.
Фихте И.-Г. 93, 98.
Фишер А. А. 88, 89, 91, 99.
Флеровский см. Берви В. В.
Флобер (Flaubert) Г. 209, 212, 215, 372—377.
Флоровский А. В. 279.
Фонтане (Fontane) Т. 112.
Франсуа 334.
Фрейтаг (Freitag) Ф. К. 88, 90, 102.
Фукидид 88.
Фукс (Fuchs) П. 138, 164.
Фурье Ш. 74.

Халтурин С. Н. 376.
Хибинский А. 129, 130.
Хирьяков А. 250, 251.
Хмелевская Е. М. 339—353, 356.
Ховрин Л. Н. 364.
Ховрин Н. В. 364.
Ховрина А. Н. см. Бахметева А. Н.
Ховрина Л. Н. 364, 367 («Лидия»), 368.
Ховрина (рожд. Лужина) М. Д. 364, 367 («Марья Дмитриевна»), 368.
Ховрины, семья 355, 364.
Холл С.-К. 144.
Хомяков А. С. 231, 242, 243.
Хоржевская А. С. 201.

Цветков И. Е. 293.
Цвилинев Н. Ф. 204—206, 208.
Цебрикова М. К. 150.
Цер 326.
Цицерон (Cicero) 100—102.
Цумит К.-Г. 89.

Чаадаев П. Я. 228.
Чайковский П. И. 127—129, 131.
Чапмен Дж. 144.
Черкасская Е. А. 344, 362.
Черкасский В. А. 362.
Чернов Н. М. 272—274.
Чернышевский Н. Г. 88, 307.
Черняев М. Г. 271.
Чехов А. П. 224.
Чижов Ф. В. 287.
Чистова И. С. 286—289.
Чичеруаккьо (прозвище А. Брунетти) 152 («Чичероваккио»).
Чорли Г.-Ф. 136.
Чумиков А. А. 268.

Шаликова Н. П. см. Нарская Е.
Шамро К. 332, 338.
Шарьер Э. 134, 323.
Шаховские, семья 255.
Шаховской И. Л. 254.
Шацева Р. А. 273.
Шварц И. И. 127.
Швейц 308.
Шевченко Т. Г. 146.
Шекспир В. 72, 73, 75, 76, 79, 221, 259, 367.
Шеллинг Ф.-В. 93, 98.
Шенк П. П. 127.
Шеншин Н. Н. 272, 273.
Шеншина Е. Д. 272, 273.
Шиллер Фр. 224.
Шиллер Ф. П. 117.
Шимановский К. 128.
Шиндлер (Schindler) Г. 112—114, 163.
Шмидт Ю. 160, 164, 165.
Шнейдер А. П. 293.
Шопен Фр. 127.
Штапфер А. 277.
Шторм Т. 112, 113.
Штраус Р. 127.
Шульгин Д. И. 236, 238, 241.
Шумахер П. В. 280, 281.
Шумовский Ст. 128, 129.

Щепкин М. А. 299, 313.
Щепкин М. С. 146.
Щепкин Н. А. 291, 299—303, 312.
Щепкин Н. П. 146.
Щепкина Е. Н. 146—158.
Щепкина С. Г. («жена») 291, 310.

Щербань Н. В. 167—170, 327.
Щиглев Н. Р. 155.

Эббот (Abbott) Е. П. 134.
Эггерс Ф. 112, 113.
Эгле К. К. 159.
Эдельсон Е. Н. 172.
Эдмон Шарль (псевдоним К.-Э. Хоецкого) 275.
Эйхенбаум Б. М. 219, 360.
Эйхендорф Й. фон 116.
Энгельгардт (рожд. Новосильцева, псевдоним — Ольга Н***) С. В. 355, 369.
Эннекен Э. см. Геннекен Э.
Эрнест, привратник 339, 342, 353.
Эритт (рожд. Виардо) Л. 177.
Эткинд Е. Г. 177.
Этцель (Hetzel) Ж. 209, 276, 277, 319, 320.
Эчегерай-и-Эйсагирре (Echegeray y Eizaguirre) Х. 324.

Якобсон Р. О. 219.
Яковлев И. см. Павловский И. Я.
Якубович П. Ф. 207.
Якунин см. Захарьин И. Н.

Anders H. 127.

Barbiera R. 152.

Davis F.-M. 134.
Dornacher K. 114.
Dwight Th. 155.

Fitzlyon A. 373.

Gereda E.-G. 324.

Hapgood I. 134.
Hare R. 134.
Hock E. Th. 112.

Lankenau H. von 164.

Martini F. 117.
Merker P. 91.
Młochowski de Belina A. 308.

Parménie A. 279.
Petzet E. 111.

Schultze Chr. 112.
Sévigné M. de 229.
Sobell St.-C. 139.
Stam D.-H. 134.
Stammler W. 91.

Trivulzio di Belgiojoso B. 152.

Vachin R. 134.

Wainmann 139.
Witkowski G. 91.

Ziegengeist G. 112.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

«Постоялый двор». Страница чернового автографа, 1852 г. Национальная библиотека (Париж) 29
«Переписка». Страница чернового автографа, 1844—1854 гг. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (Ленинград) 69
«Гамлет и Дон-Кихот». Страница чернового автографа, 1857 г. Национальная библиотека (Париж) 81
Нотные примеры из партитуры симфонической поэмы М. Карловича «Эпизод на маскараде» на сюжет рассказа Тургенева «Три встречи» 132
М. Н. Толстая. Фотография 1850-х годов 249
Дом, в котором помещалась гостиница «König von England». Карлсбад. Здесь останавливался Тургенев в 1873—1875 гг. Фотография 1964 г. . . . . 280—281
Мемориальная доска на доме, в котором останавливался Тургенев в Карлсбаде в 1873—1875 гг. . . . . 280—281
План Карловых Вар (б. Карлсбад) и окрестностей. Вверху справа — тропа Тургенева и тропа Гоголя. 1964 г. 283
Полина Тургенева-Брюэр. Фотография Э. Каржа. 1870-е гг. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (Ленинград) . 325

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 5

ТЕКСТЫ

«Нахлебник». Вновь найденный лист первой беловой редакции (1848) (*Л. И. Ровнякова*) 7
«Постоялый двор». Черновой автограф (*Л. Н. Назарова*) 12
«Переписка». Черновой автограф (*Е. И. Кийко*) 61
«Гамлет и Дон-Кихот». План-конспект и наброски текста (*Ю. Д. Левин*) 71
«Накануне» и «Первая любовь». Перечни действующих лиц (*Н. В. Измайлов*) 83
Письменные ответы Тургенева на магистерском экзамене (*А. Н. Егунов*) 87

МАТЕРИАЛЫ И КОММЕНТАРИИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ И. С. ТУРГЕНЕВА

«Провинциалка» Тургенева и «Вечный муж» Достоевского (*И. З. Серман*) 111
«Записки охотника» в оценке Пауля Гейзе (*Г. Ионас, Берлин*) . . . 109
«Дневник лишнего человека». Об авторской оценке героя (*М. О. Габель*) 118
«Три встречи». Симфоническая поэма М. Карловича «Эпизод на маскараде» на сюжет рассказа Тургенева (*А. М. Ступель*) 127
«Дворянское гнездо». Первый английский перевод (*А. Л. Тове*) . . 133
«Дворянское гнездо». «Spectator» о переводе В. Рольстона (*Г. Я. Галаган*) 143
«Накануне». Героиня романа в кругу своих современниц (статья Е. Н. Щепкиной) (*И. А. Битюгова*) 146
«Отцы и дети». Статья Л. Пича о романе Тургенева (1869) (*Г. Ф. Перминов*) 159
«Призраки». Пометы Н. В. Щербаня на беловом автографе (*Е. И. Кийко*) 167
«Призраки». Неоконченная статья М. М. Ковалевского (*Н. С. Никитина*) 171
«Дым». О прототипе одного из персонажей (*Т. И. Орнатская*) . . . 173
О переводах Тургенева из Мёрике и Гейне (1871) (*Р. Б. Заборова*) 175
Из материалов и комментариев к роману «Новь»
Роман «Новь» и процесс долгушинцев (*Н. Ф. Буданова*) . . 182
Из журнальной полемики вокруг «Новн» до публикации ро-

мана. (Забытые воспоминания А. В. Половцова) (*Н. Н. Мостовская*) 185
Первые отклики печати на роман «Новь» (*Г. В. Степанова*) 192
Роман «Новь» и «процесс пятидесяти» (*А. И. Батюто*) 195
«Песнь торжествующей любви» в творчестве Н. С. Лескова (*Л. П. Афонин*) 209
Из истории изучения Тургенева. (Тургеневский кружок при Харьковском университете. 1918 г.) (*И. Я. Айзеншток*) . 216

КОММЕНТАРИИ К ПИСЬМАМ И. С. ТУРГЕНЕВА И БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Тургенев и С. И. Мещерская (*Н. В. Измайлов*) 226
Тургенев и М. Н. Толстая (*Н. П. Пузин*) 248
Тексты писем Тургенева к К. Н. Леонтьеву. (Вновь найденные автографы) (*Е. Н. Дунаева*) 258
Тургенев и Лоренцо Валерио. (К изучению итальянских связей писателя) (*Т. П. Голованова*) 267
«Поймёть», а не «поймёт». Тургенев и Лев Толстой в 1865 г. (*Н. П. Лощинин*) 272
Уездный прогрессист — Н. Д. Карпов (*Н. М. Чернов*) 272
Тургенев и новелла Проспера Мериме «Локис» (*Р. М. Горохова*) 274
Тургенев в Карлсбаде (*Л. Н. Назарова*) 279
Тургенев и «Русская библиотека» М. М. Стасюлевича (*И. С. Чистова*) 286
Из воспоминаний крестьян о Тургеневе (*В. А. Громов*) . . 289
Тургенев и жиздринские крестьяне (1877 г.) (*А. Б. Муратов*) . . . 299
Тургенев и А. П. Боголюбов. (К организации «Радищевского музея» в Саратове) (*Е. А. Гитлиц*) 304
Воспоминания В. В. Ладыженской о Тургеневе (*А. И. Понятовский*) 309
Тургенев и В. В. Матэ (1880—1883. По неопубликованным материалам) (*Л. И. Кузьмина*) 316
Тургенев и Гальдос (*А. Звигильский, Париж*) 321
Тургенев и его дочь Полина Тургенева-Брюэр (*Т. И. Бронь*) 324
Утраченные письма И. С. Тургенева (1857—1860) (*Е. М. Хмелевская*) 339

ПИСЬМА К И. С. ТУРГЕНЕВУ И ПИСЬМА О НЕМ

Е. А. Ладыженская (*Т. А. Никонова*) 354
Тургенев в письмах П. Виардо к Г. Флоберу (*П. Р. Заборов*) 372

Условные обозначения и сокращения 378

Указатель произведений И. С. Тургенева 382

Указатель имен 384

Список иллюстраций 393

ТУРГЕНЕВСКИЙ СБОРНИК

МАТЕРИАЛЫ К ПОЛНОМУ СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ И. С. ТУРГЕНЕВА. II

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский дом)

Редактор издательства *А. Л. Лобанова*
Художник *М. И. Разулевич*
Технический редактор *Р. А. Кондратьева*
Корректоры *Г. М. Гельфер* и *В. А. Пузиков*

Сдано в набор 9/II 1966 г. Подписано к печати 16/V 1966 г. РИСО АН СССР № 52—145В. Формат бумаги 60 × 90¹/₁₆. Бум. л. 12⁷/₁₆. Печ. л. 24³/₄+1 вкл. (¹/₈ печ. л.) = 24⁷/₈ усл. печ. л. Уч.-изд. л. 31.11. Изд. № 2885. Тип. зак. № 775. М-06809. Тираж 2000. Бумага типографская № 1

Цена 1 р. 96 к., переплет 20 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12